ISSN 2072-2087

ВЕСТНИК
Брянского государственного университета

№ 4 (34)

2017

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ / ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ / ЯЗЫКОЗНАНИЕ/ ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ISSN 2072-2087

The Bryansk State University Herald

№ 4 (34)

2017

**HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY/
SCIENCE OF LITERATURE / LINGUISTICS/
PEDAGOGICAL SCIENCE**

ISSN 2072-2087

№4(34) 2017
Научный рецензируемый журнал

Декабрь

ВЕСТНИК
БРЯНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Учредитель: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»

ББК 74.58
В 38

Вестник Брянского государственного университета. №4 (34) 2017: исторические науки и археология/ литературоведение/ языкознание/ педагогические науки. Брянск: РИО БГУ, 2017. 346с.

Председатель редакционной коллегии:
Антюхов Андрей Викторович **-** ректор, доктор филологических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского.

Главный редактор журнала:
Степченко Татьяна Александровна **-** доктор педагогических наук, профессор, проректор по научно-исследовательской работе и международным связям, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского.

Ответственный секретарь:
Мельников Игорь Владимирович **-** кандидат биологических наук, доцент, начальник редакционно-издательского отдела, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского.

Редакционная коллегия:

Антонова Мария Владимировна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой истории русской литературы XI-XIX веков, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева;

Артамошин Сергей Викторович - доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории и международных отношений, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского;

Асташова Надежда Александровна - доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой педагогики, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского;

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Акманов И.Г., Касимов С.Ф., Гайсин У.Б., Обыденнов М.Ф., Даутов А.А.
ВОЛНЕНИЯ И ВОССТАНИЯ БАШКИР В КОНЦЕ XVI – 60-х гг. XVII В. 9
Алферова И.В.
«НЕИЗРЕЧЕННАЯ КРАСОТА ПОДВИГА…»
(О НАГРАДНОЙ СИСТЕМЕ В ПЕРВУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ)..... 17
Антюхова Е.А.
РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ СТРАТЕГИЧЕСКОГО КУРСА НАТО
В РАЗРЕШЕНИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ,
ВЫЗВАННЫХ СОБЫТИЯМИ «АРАБСКОЙ ВЕСНЫ»..... 27
Артамошин С.В.
КОНЦЕПЦИЯ «РЕЙХА» В ТЕОРИИ «ВЕЛИКОГО ПРОСТРАНСТВА» КАРЛА ШМИТТА..... 32
Барынкин В.П., Барынкина И.В., Новожеев Р.В.
ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ В ЛАГЕРЯХ ДЛЯ ВОЕННОПЛЕННЫХ НА ТЕРРИТОРИИ БРЯНЩИНЫ В 1944-1948 гг. 36
Блохин В.Ф.
УЕЗДНЫЕ ДВОРЯНСКИЕ СОБРАНИЯ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ
ПОДГОТОВКИ ОТМЕНЫ КРЕПОСТНОГО ПРАВА В РОССИИ
(НА МАТЕРИАЛАХ ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ)..... 42
Воробьев Д.Н.
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНИЗАЦИИ «НИАГАРА» И ПОЯВЛЕНИЕ
НЕГРИТЯНСКОГО ПРОТЕСТНОГО ДВИЖЕНИЯ В США (1905 – 1909)..... 50
Воронцова И.В.
СОЦИАЛЬНЫЙ ВОПРОС В ДВИЖЕНИИ ЦЕРКОВНЫХ РЕФОРМАТОРОВ
В ТРУДАХ С.Н. БУЛГАКОВА (1904–1907) 58
Горлова Н.И.
ФОРМИРОВАНИЕ ИНСТИТУТА ДОБРОВОЛЬЧЕСТВА В ОБЛАСТИ
ПРИРОДООХРАННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В 1920-1960-е гг. 67
Кеня И.А., Лупоядова Л.Ю.
УСЛОВИЯ И ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ
В КРЫМУ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – Н. XX ВВ. 73
Маскевич Е.Д.
ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СКАУТСКОГО ДВИЖЕНИЯ В ПЕТЕРБУРГЕ
В НАЧАЛЕ XX В. 84
Михальченко С.И., Ткаченко Е.В.
РУССКИЙ НАУЧНЫЙ ИНСТИТУТ В БЕРЛИНЕ В МЕМУАРАХ
И ПЕРЕПИСКЕ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ..... 94
Новикова А.В.
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МИРОВЫХ ПОСРЕДНИКОВ БРЯНСКОГО УЕЗДА
ПРИ СОСТАВЛЕНИИ УСТАВНЫХ ГРАМОТ..... 104
Романова М.Д.
НАУЧНАЯ ПОЛИТИКА В КОНТЕКСТЕ БИЛИНГВАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ:
ОПЫТ КАНАДЫ..... 111
Свиридов И.С.
СТОЛЫПИНСКАЯ АГРАРНАЯ РЕФОРМА И РАЗРУШЕНИЕ ОБЩИННОГО
МИРОВОЗЗРЕНИЯ 121

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по следующим отраслям и группам научных специальностей: 07.00.00 – исторические науки и археология; 10.01.00 – литературоведение; 10.02.00 – языкознание; 13.00.00 – педагогический науки.

Блох Марк Яковлевич - доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой грамматики английского языка, Московский педагогический государственный университет;

Блуменау Семен Федорович - доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой всеобщей истории, международных отношений и международного права, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского;

Богуславский Михаил Викторович - доктор педагогических наук, профессор, зав. центром истории и педагогики образования, Институт стратегии развития образования РАО;

Вербицкий Андрей Александрович – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры психологии труда и психологического консультирования, Московский педагогический государственный университет;

Демидова Тамара Евгеньевна - доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой теории и методики начального общего и музыкального образования, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского;

Джамбов Иван - доктор исторических наук, Пловдивский университет имени Паисия Хилендарского (Болгария);

Дубровский Александр Михайлович - доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского;

Евтеев Сергей Валентинович - кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры немецкого языка, начальник управления языковой подготовки и Болонского процесса, Московский государственный институт международных отношений Министерства иностранных дел РФ;

Курпниеце Розанна Оскаровна - доктор филологических наук, доцент, доцент отделения русистики и славистики, Латвийский университет (Латвия);

Ланин Борис Александрович - доктор филологических наук, профессор, зав. лабораторией литературы, Институт содержания и методов обучения РАО;

Микрут Лешек - доктор филологических наук, университет Марии Складовской-Кюри (Польша);

Сидорчук Е.А.
РОЛЬ И МЕСТО ТОПОГРАФИЧЕСКОГО ФАКТОРА В ОРГАНИЗАЦИИ ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ В 1941- 1942 гг.... 127
Степанова В.В.
КОНСЕРВАТИВНАЯ ПАРТИЯ ВЕЛИКОБРИТАНИИ И ЗЕМЕЛЬНЫЙ ВОПРОС В КОНЦЕ XIX – НАЧ. XX вв. 135
Талагаева Д. А.
РАЗГРАНИЧЕНИЕ МОРСКИХ ПРОСТРАНСТВ МЕЖДУ РОССИЕЙ И НОРВЕГИЕЙ – К ВОПРОСУ ИСТОРИИ 143
Ходынская-Голенищева М.С.
ФОРМИРОВАНИЕ ЖЕНЕВСКОГО ПЕРЕГОВОРНОГО ПРОЦЕССА ПО УРЕГУЛИРОВАНИЮ КОНФЛИКТА В СИРИИ («ЖЕНЕВА-1») 149
Черниловский А.А.
БУДУЩАЯ ВОЙНА НА ТИХОМ ОКЕАНЕ И АЗИИ В ВОЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1930-х ГОДОВ 155
Юрченко И.В., Донцова М.В., Юрченко Н.Н.
ПОЛИТИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ЮГА РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ВЛИЯНИЯ КОНФЛИКТОГЕННЫХ И ИНТЕГРАЦИОННЫХ ФАКТОРОВ 161

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Биккулова И.А.
СЦЕНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ТРАГЕДИИ А.К. ТОЛСТОГО «ЦАРЬ ФЕДОР ИОАННОВИЧ» В XIX-XXI ВВ. В РОССИИ 168
Владимирова Т.С.
ЛИТЕРАТУРНАЯ ИГРА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПЕРЕВОДА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА А. БИТОВА «ПРЕПОДАВАТЕЛЬ СИММЕТРИИ»)..... 176
Головченко И.Ф.
ПУТЬ К ИСТИНЕ (В ДРАМАТИЧЕСКОЙ СКАЗКЕ Н.С. ГУМИЛЁВА «ДИТЯ АЛЛАХА») 183
Жернова Н.С.
ПЛАМЕННАЯ СЕРАФИМА: ПРАВДА И ВЫМЫСЕЛ О С.П. РЕМИЗОВОЙ-ДОВГЕЛЛО 190
Никитина И.Н.
СИСТЕМА ФОЛЬКЛОРНЫХ МОТИВОВ В ЛИРИКЕ А.К. ТОЛСТОГО 199
Печёнкина О.Ю.
ПРИНЦИПЫ СТРУКТУРИРОВАНИЯ ПРОСТРАНСТВА В РОМАНЕ А.К. ТОЛСТОГО «КНЯЗЬ СЕРЕБРЯНЫЙ» И ИХ РОЛЬ В ОТРАЖЕНИИ СЛАВЯНСКОЙ КАРТИНЫ МИРА 203

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Бузинова Л.М.
ОСОБЕННОСТИ НЕМЕЦКОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ 212
Григорьева Е.М.
СЛОВАРИ АВСТРАЛИЙСКОГО СЛЕНГА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ.... 217
Дмитриева М.Н., Сафонова Н.В.
ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОГО НАУЧНОГО ДИСКУРСА В ОБЛАСТИ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ 224
Ключерова А.О.
ТЕКСТОВОЕ МЕТАФОРИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ФЕЕРИИ А.С. ГРИНА «АЛЫЕ ПАРУСА» 230
Митина О.А.
НАПОЛНЕНИЕ МИКРОПОЛЯ ПРОШЕДШЕГО СОВЕРШЕННОГО В ПЕРФЕКТНОМ ЗНАЧЕНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ ВЕРСИЙ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В.В.НАБОКОВА) 236
Ретинская Т.И.
АРДЕННСКИЙ РЕГИОНАЛИЗМ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ (НА МАТЕРИАЛЕ СБОРНИКА РАССКАЗОВ ЯННИ ЮРО «LA ROUE À CHIEN»)..... 241
Россихина Г.Н., Икатова И.И.
ЛИНГВО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОЦЕНКИ В ЭТИКЕТНЫХ ДИКТЕМАХ 247

Михальченко Сергей Иванович - доктор исторических наук, профессор, директор научно-исследовательского института фундаментальных и прикладных исследований, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского;

Шаравин Андрей Владимирович - доктор филологических наук, профессор, заместитель директора института филологии, истории и мировой политики по научной деятельности, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского.

В данном выпуске журнала «Вестник Брянского государственного университета» представлены материалы ученых по основным направлениям исследований.
Предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов.

Ответственность за точность фактологического материала, используемого в статьях, несут авторы.

Подписной индекс «Пресса России»: 40705 годовая

Шайхутдинова А.М.
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ НЕНАДЕЖНОСТИ НАРРАТОРА (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОЙ БРИТАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ) 252
Шейко Д.В.
О КОГНИТИВНЫХ АСПЕКТАХ ФЕНОМЕНА СПЛЕТНЯ 258
Шлык Е.В.
КОМПОНЕНТЫ КАТЕГОРИИ МОДАЛЬНОСТИ И СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ РЕАЛЬНОСТИ И ДОСТОВЕРНОСТИ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ 265

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Асташова Н.А., Степченко Т.А.
ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ КАК СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРИОРИТЕТ 272
Еловикова Д.А.
РАБОТА С КУЛЬТУРНЫМИ АССИМИЛЯТОРАМИ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ КОМПЕТЕНТНОСТИ В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ 283
Залипаева Ж.П.
ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ТЕМПОРАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А. НОТОМБ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ «СТРАХ И ТРЕПЕТ» И «ТОКИЙСКАЯ НЕВЕСТА») 290
Изотова Н.В., Николаенко Е.М.
ЦЕННОСТНЫЙ АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА КАК ПРИЕМ ОСВОЕНИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ 298
Клименко М.В., Филимонова Т.М.
ФОРМИРОВАНИЕ НАВЫКОВ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ НА ОСНОВЕ ПРОБЛЕМНЫХ СИТУАЦИЙ 305
Мельников С.Л., Карнеев Р.К.
ДИНАМИКА МОТИВАЦИОННО-СМЫСЛОВОЙ СФЕРЫ ВОСПИТАТЕЛЕЙ ДОУ 314
Образ Н.Н.
РАЗВИТИЕ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ МОТИВАЦИИ БУДУЩИХ ПЕРЕВОДЧИКОВ КАК ФАКТОР ИХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ 321
Полякова Д.Р., Ермошин Ю.А.
КОРПОРАТИВНОЕ ОБУЧЕНИЕ ВЗРОСЛЫХ НЕМЕЦКОМУ ЯЗЫКУ НА ОСНОВЕ МЕТОДА КЕЙС-СТАДИ 327
Сосновская Е.М.
КОНКУРСЫ ДОСТИЖЕНИЙ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ КАЧЕСТВ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОЙ ЛИЧНОСТИ 331
Хохлова Н.И., Рустамова Л.Р.
ПРОБЛЕМА ПОДГОТОВКИ НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ 335

Vol.4 – No.34
Scientific peer-reviewed journal
December

The Bryansk State University Herald

The founder – Federal State Budget Educational Institutional of Higher Educational «Bryansk State Academician I.G. Petrovsky University»

The Bryansk State University Herald. № 4 (34) 2017: historical sciences and archaeology/ science of literature / linguistics/ pedagogical science. Bryansk: RIO BSU, 2017. 346 p.

Chairman of editorial board:
Antyukhov Andrey Viktorovich -
Rector, Doctor of Philological Sciences, Professor, Bryansk State Academician I.G. Petrovsky University.

Chief editor:
Stepchenko Tatyana Alexandrovna -
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Vice rector for research activity and international relations, Bryansk State Academician I.G. Petrovsky University.

Executive secretary:
Melnikov Igor Vladimirovich -
Candidate of Biological Sciences, Associate Professor, chief of publishing department, Bryansk State Academician I.G. Petrovsky University.

Editorial board:

Antonova M.V. - Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the history of the Russian literature of the 11-19th centuries department , Orel State University named after I.S. Turgenev;

Artamoshin S.V. - Doctor of Historical Sciences, Professor, Dean of the History and International Relations faculty, Bryansk State Academician I.G. Petrovsky University;

Astashova N.A. - Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Pedagogy department, Bryansk State Academician I.G. Petrovsky University;

Bloch M. Ya. - Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of English Grammar department, Moscow State University of Education;

Blumenau S.F. - Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the department of General History, International Relations and International Law, Bryansk State Academician

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

Akmanov I.G., Kasimov S.F., Gaisin U.B., Obydennov M.F., Dautov A.A.
DISORDERS AND REVOLTS OF BASHKIRS
AT THE END OF XVI – THE 60TH OF THE 17TH CENTURY 9
Alferova I.V.
"UNUTTERED BEAUTY OF THE FEAT …"
(ABOUT THE AWARD SYSTEM IN WORLD WAR I) 17
Antyukhova E.A.
EFFECTIVENESS OF THE NATO STRATEGIC COURSE IN RESOLUTION
OF THE REGIONAL CONFLICTS CAUSED BY THE EVENTS
OF "THE ARAB SPRING" 27
Artamoshin S.V.
THE CONCEPT OF "REICH" IN THE THEORY
OF "GREAT SPACE" BY KARL SCHMITT 32
Barynkin V.P., Barynkina I.V., Novozheev R.V.
PRINCIPAL DIRECTIONS OF POLITICAL WORK IN THE PRISONER WAR
CAMPS IN THE BRYANSK REGION IN 1944-1948 36
Blochin V.F.
DISTRICT NOBILITY ASSEMBLIES AT THE INITIAL STAGE
OF THE PREPARATION OF THE ABOLITION OF SERFHOOD IN RUSSIA
(A CASE STUDY OF THE ORYOL PROVINCE) 42
Vorobyev D.N.
THE NIAGARA MOVEMENT ACTIVITY AND THE APPEARANCE OF THE
AFRICAN-AMERICAN PROTEST MOVEMENT IN THE USA (1905 – 1909) 50
Vorontsova I.V.
SOCIAL QUESTION IN THE MOVEMENT OF CHURCH REFORMERS
IN THE WRITINGS BY S.N. BULGAKOV (1904–1907) 58
Gorlova N.I.
FORMATION OF THE VOLUNTARY INSTITUTE IN THE FIELD
OF ENVIRONMENTAL ACTIVITY IN THE 1920-1960 S 67
Kenya I.A., Lupoyadova L.Yu.
CONDITIONS AND PECULIARITIES OF DEVELOPMENT OF CHARITY
IN THE CRIMEA IN THE SECOND HALF OF XIX – EARLY XX CENTURIES 73
Maskevich E.D.
THE ORIGIN AND DEVELOPMENT OF THE SCOUT MOVEMENT
IN ST. PETERSBURG IN THE BEGINNING OF THE XX CENTURY 84
Mikhalchenko S.I., Tkachenko E.V.
RUSSIAN SCIENTIFIC INSTITUTE IN BERLIN IN THE MEMOIRS
AND THE CORRESPONDENCE OF RUSSIAN EMIGRATION 94
Novikova A.V.
ACTIVITY OF THE PEACE ARBITRATORS IN FORMATION
OF THE CHARTERS OF BRYANSK COUNTY 104
Romanova M.D.
SCIENTIFIC POLICY IN THE CONTEXT
OF BILINGVAL CULTURE: CANADA CASE 111
Sviridov I.S.
THE STOLYPIN AGRARIAN REFORM AND THE DESTRUCTION
OF COMMUNITY WORLDVIEW 121
Sidorchuk E.A.
ROLE AND PLACE OF THE TOPOGRAPHIC FACTOR IN THE
ORGANIZATION OF THE DEFENSE OF SEVASTOPOL IN 1941-1942 127
Stepanova V.V.
THE CONSERVATIVE PARTY OF GREAT BRITAIN AND THE LAND
QUESTION AT THE IN THE LATE 19TH AND EARLY 20TH CENTURIES 135

The journal is included into the List of the leading reviewed scientific journals in which the main scientific results of theses on a competition of academic degrees of the doctor and candidate of science on the following branches and groups of scientific specialties have to be published: 07.00.00 – historical sciences and archeology; 10.01.00 – science of literature; 10.02.00 – linguistics; 13.00.00 – pedagogical sciences.

I.G. Petrovsky University;

Boguslavsky M.V. - Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the laboratory, Institute of the theory and history of pedagogics of RAE;

Verbitsky A.A. - Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of department of psychology of work and psychological consultation, Moscow State University of Education;

Demidova T.E. - Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the department of theoretical studies in methodology of primary and musical education, Bryansk State Academician I.G. Petrovsky University;

Dzhambov I. - Doctor of Historical Sciences, Plovdiv university of Paisiya Hilendarsky (Bulgaria);

Dubrovsky A.M. - Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of Department of General History, International Relations and International Law, Bryansk State Academician I.G. Petrovsky University;

Evteev S.V. - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Professor of Department of German Language, Head of Department of language training and Bologna Process, MGIMO;

Kurpniyetsa R.O. - Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of Rusistiki and Slavic philology, Latvian University (Latvia);

Lanin B.A. - Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the laboratory of literature, Institute of contents and methods of training of RAE;

Mikrut L. - Doctor of Philological Sciences, University of Maria Skladovsky-Curie (Poland);

Mikhalchenko S.I. - Doctor of Historical Sciences, Professor, director of research institute of basic and applied researches, Bryansk State Academician I.G. Petrovsky University;

Sharavin A.V. - Doctor of Philological Sciences, Professor, deputy director of an institute of philology, history and world politics for scientific activity, Bryansk State Academician I.G. Petrovsky University.

Talagaeva D.A.
MARITIME DELIMITATION BETWEEN RUSSIA AND NORWAY – A HISTORIC PERSPECTIVE 143
Khodynskaya-Golenishcheva M.S.
FORMATION OF THE GENEVA NEGOTIATING PROCESS FOR CONFLICT – RESOLUTION IN SYRIA ("GENEVA-1") 149
Chernilovsky A.A.
THE FUTURE WAR IN THE PACIFIC OCEAN AND ASIA IN THE MILITARY LITERATURE OF THE 1930'S. 155
Yurchenko I.V., Dontsov M.V., Yurchenko N.N.
POLITICAL-SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF HUMAN POTENTIAL OF THE SOUTH OF RUSSIA IN THE CONTEXT OF THE IMPACT OF CONFLICT AND INTEGRATION FACTORS 161

SCIENCE OF LITERATURE

Bikkulova I.A.
THEATRICAL HISTORY OF A.K. TOLSTOY'S TRAGEDY "TSAR FYODOR IOANNOVICH" IN XIX-XXI CENTURIES IN RUSSIA 168
Vladimirova T.S.
LITERARY GAME IN THE LIGHT OF TRANSLATION (BASED ON A. BITOV`S NOVEL «THE TEACHER OF SYMMETRY») 176
Golovchenko I.F.
THE ROAD TO TRUTH (IN THE DRAMATIC FAIRY TALE BY N.S. GUMILYOV "ALLAH'S BABY") 183
Zhernova N.S.
FIERY SERAFIMA: TRUE AND FICTION ABOUT S.P. REMIZOVA-DOVGELLO 190
Nikitina I.N.
FOLK MOTIFS IN A.K.TOLSTOY'S LYRICS 199
Pechenkina O.Yu.
THE PRINCIPLES OF SPACE STRUCTURING IN THE A.K.TOLSTOY'S NOVEL "KNYAZ SEREBRYANNY" AND THEIR ROLE IN THE REFLECTION OF THE SLAVIC WORLD VIEW 203

LINGUISTICS

Businova L.M.
SPECIFICS OF GERMAN ACADEMIC COMMUNICATION 212
Grigoryeva E.M.
AUSTRALIAN SLANG DICTIONARIES: HISTORY AND PRESENT SITUATION 217
Dmitrieva M.N., Safonova N.V.
FROM THE HISTORY OF THE GERMAN-SPEAKING SCIENTIFIC DISCOURSE IN THE FIELD OF THE HUMANITIES 224
Klyucherova A.O.
METAPHORICAL TEXT FIELD OF THE TALE "SCARLET SAILS" BY ALEXANDER GREEN 230
Mitina O.A.
THE CONSTITUENTS OF THE PAST PERFECT TENSE MICRO FIELD (ON THE BASIS OF RUSSIAN AND ENGLISH VERSIONS OF V.NABOKOV'S WORKS) 236
Retinskaya T.I.
ARDENNES REGIONALISM YESTERDAY AND TODAY (ON THE MATERIAL OF THE COLLECTION OF STORIES BY YANNY HUREAUX "LA ROUE À CHIEN") 241
Rossikhina G.N., Ikatova I.I.
LINGUOPRAGMATIC ASPECTS OF APPRAISAL IN CONVENTIONAL DICHTEMAS 247
Shaykhutdinova A.M.
LINGUISTIC CHARACTERISTICS OF THE NARRATOR'S UNRELIABILITY (BASED ON THE MATERIAL OF CONTEMPORARY BRITISH LITERATURE) 252
Sheiko D.V.
COGNITIVE ASPECT OF THE PHENOMENON OF GOSSIP 258

Shlyk E.V.
COMPONENTS OF CATEGORY OF MODALITY AND EXPRESSION'S MEANS OF REALITY AND AUTHENTICITY IN RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES 265

In this issue of the journal "The Bryansk State University Herald" materials of scientists in the main directions of researches are presented, it is intended for scientists, teachers, graduate students and students.

Materials of articles are printed in author's edition.

Index 40705 of general catalog «Press of Russia»

PEDAGOGICAL SCIENCES

Astashova N.A., Stepchenko T.A.
RAISING KIDS AS A STRATEGIC NATIONAL PRIORITY 272
Elovikova D.A.
WORKING WITH CULTURAL ASSIMILATORS AS A MEANS OF FORMING COMPETENCE IN INTERCULTURAL INTERACTION 283
Zalipaeva Zh.P.
ETHNOCULTURAL PARTICULARITY OF THE TEMPORAL BEHAVIOR IN THE WORKS BY AMELIE NOTHOMB (ON THE MATERIAL OF THE NOVELS 'STUPEUR ET TREMBLEMENTS' AND 'NI D'EVE NI D'ADAM') 290
Izotova N.V., Nikolaenko E.M.
INTRINSIC VALUE ANALYSIS OF LITERARY TEXT AS LINGUO-CULTURAL LEARNING ACTIVITY 298
Klimenko M.V., Filimonova T.M.
THE PROCESS OF STUDENTS' CRITICAL THINKING SKILLS FORMATION THROUGH STUDYING FOREIGN LANGUAGE BASED ON PROBLEM SITUATIONS 305
Melnikov S.L., Karneev R.K.
THE DYNAMICS OF THE MOTIVATIONAL-SEMANTIC SPHERE OF PRESCHOOL TEACHERS 314
Obraz N.N.
EVOLUTION OF COGNITIVE MOTIVATION OF FUTURE TRANSLATORS AS A FACTOR OF THEIR PROFESSIONAL DEVELOPMENT 321
Polyakova D.R., Ermoshin Yu.A.
CASE-STUDY METHOD IN GERMAN LANGUAGE EDUCATION BY ADULTS WITHIN THE CORPORATE STUDY 327
Sosnowskaya E.M.
COMPETITIONS ADVANCES AS THE TOOL OF FORMATION OF COMPETITIVE QUALITIES OF HIGH SCHOOL STUDENTS 331
Khokhlova N.I., Rustamova L.R.
THE PROBLEM OF TRAINING OF SCIENTIFIC AND PEDAGOGICAL STAFF IN HIGHER EDUCATION 335

УДК 94 (470.57)

Акманов И.Г., доктор исторических наук, профессор, Башкирский государственный университет (Россия)
Касимов С.Ф., доктор исторических наук, профессор, Башкирский государственный университет (Россия)
Гайсин У.Б., доктор исторических наук, профессор, Уфимский государственный авиационный технический университет (Россия)
Обыденнов М.Ф., доктор исторических наук, профессор, Башкирский государственный университет (Россия)
Даутов А.А., аспирант, Башкирский государственный университет (Россия)

ВОЛНЕНИЯ И ВОССТАНИЯ БАШКИР В КОНЦЕ XVI – 60-Х ГГ. XVII В.

В XV – первой половине XVI в. башкиры не имели своего государства и жили под властью Казанского, Сибирского, Астраханского ханств и Ногайской орды. Они не сумели воспользоваться завоеванием Русского государства этих ханств и политическим ослаблением Ногайской орды и создать самостоятельное государство. Чтобы сохранить свое дальнейшее историческое существование, башкиры добровольно вошли в состав Русского государства – самого крупного соседа того времени. Объективно этот шаг башкир в тех условиях был единственным выходом для сохранения их как народа. Во вхождении башкир было заинтересовано и Русское государство, ибо обширная территория Башкирии – Южный и Средний Урал – имела стратегическое значение для Русского государства – она открывала возможности для дальнейшего расширения страны далее на юго-восток – на Казахстан и Среднюю Азию, на восток – в просторы Сибири до Тихого океана. Совершенно не случайно русский царь Иван IV после завоевания Казанского ханства обратился к башкирам с предложением войти в состав своего государства, обещая за это различные льготы. В ходе переговоров в Казани и Москве в 50-х гг. XVI в. царское правительство и башкиры договорились об условиях вхождения последних в Русское государство. Правительство земли башкир закрепило за ними в условиях вотчинного права. Были урегулированы и другие аспекты между сторонами. Но с конца XVI – начала XVII вв. царские власти начали нарушать земельные и другие права башкир, что вызывало массовое недовольство последних. Челобитные помогали мало. Поэтому башкиры взяли в руки оружие и начали восставать. Движение 1662-1664 гг. является первым общебашкирским восстанием, охватившем территорию всех 4-х «дорог».
Ключевые слова: ханство, орда, башкиры, слобода, дворцовое село, стрельцы, тархан

Важное значение в изучении башкирских восстаний XVII-XVIII вв. представляет статья Н.В. Устюгова «Башкирское восстание 1662-1664 гг.». В ней автор впервые воссоздал конкретную историю одного из крупных восстаний в Башкирии. Он показал взаимоотношения башкир с их тогдашними соседями – с сибирскими татарами во главе с кучумовичами и калмыками. Автор подробно показывает причины восстания, его движущие силы, борьбу в 1662 г., мероприятия правительства по борьбе с восстанием, возобновление борьбы в 1663 г. и ее ход, определяет общий характер восстания 1662-1664 г. Но в работе допущено множество недостатков. Прежде всего в статье не уделено должного внимания недовольству башкир захватам их земель феодальным государством и русскими дворянами, другими служилыми людьми и крестьянами-переселенцами центральных уездов страны, церковниками, нерусскими переселенцами Среднего Поволжья, городами, крепостями, возникшими без согласия башкир-вотчинников на территории Башкирии. Одна из ошибок – обращено мало внимания на ход восстания, не показаны конкретно сражения восставших с карательными командами, крестьянами-переселенцами, а также деятельность предводителей восстания – братьев Давлетбаевых, Гаура Акбулатова, Улекая Кривого, Дильмухамета Юлаева, Сары Мергена. Обращает на себя внимание то, что автор преувеличивает роль сибирских царевичей и калмыков в событиях в Башкирии в годы восстания. Мало в статье материалов о событиях на территории Ногайской и Казанской дорог, о сражениях повстанцев с карательными командами. Автор рассуждает в статье о том, что в ходе восстания основная добыча попадала в руки башкирских феодалов, очень мало – в руки рядовых общинников. Эти выводы являются

предположительными, не доказаны реальными историческими материалами. Почему-то автор почти не пишет о том, как каратели грабили башкир. На самом деле обе стороны отнимали имущество друг у друга, но это не было основной целью восставших. Башкиры поднялись на восстание, недовольные политикой феодального государства, захватом башкирских земель, тяжелыми налогами. Автору следовало побольше показать, как в течение 30-50-х гг. XVII в. царское правительство вело политику изъятия башкирских земель, расширяло правительственную и стихийную колонизацию края, чем вызывало недовольство не только башкирских феодалов, но и основной массы башкирского населения. Но в целом появление этой статьи Н.В. Устюгова является положительным событием в исторической науке. Автор внес определенный вклад в изучение дореволюционной истории Башкирии. Необходимо продолжить изучение истории края XVI-XIX вв., рекомендовать другим авторам, особенно молодым историкам, поднимать подобные сложные, но очень актуальные темы родного края.

В XV – первой половине XVI в. башкиры были политически раздробленными, жили в составе нескольких государств. Центральные, южные и юго-восточные башкиры находились под властью Ногайской орды, западные и северо-западные – Казанского, северо-восточные – Сибирского, юго-западные – Астраханского ханств. Завоевание во второй половине XVI в. Русским государством этих ханств и политический кризис Ногайской орды еще более осложнили положение башкир. Дополнительным ударом по башкирам в середине XVI в. стали невиданные доселе на Южном Урале природные катаклизмы. Эти стихийные катастрофы так оценивает участник завоевания Казани князь Андрей Курбский: «… зимы были зело лютые и студеные, весь скот их помер яко стада конская, так и других скотов, а на лето и сами исчезоша» [11, с. 89-90]. Побывавший в Ногайской орде в это время английский путешественник Дженкинсон о положение в Ногайской орде пишет следующее: «… население страдало от сильного голода и мора, в результате чего вся страна их была опусташена … многие были истреблены… гражданскими усобицами, сопровождаемыми голодом и чумою и всякими поветриями, так что в сказанном в 1558 году, от той или другой причины погибло свыше 100 000 из этого народа» [4, с. 169-172].

В этой ситуации башкиры вынуждены были мирно войти в состав самого крупного и сильного нового соседа – Русского государства. В этом акте присоединения объективно были заинтересованы не только башкиры, но и Русское государство. Не случайно после завоевания Казанского ханства русский царь обратился к башкирам с предложением мирно войти в состав своего государства, обещая им за это различные льготы.

Добровольное вхождение Башкирии в состав Русского государства было крупным историческим событием того времени. Оно положительно сказывалось в развитии и Башкирии, и Русского государства. Во взаимоотношениях сторон основным явился земельный вопрос. По предложению башкир царское правительство все их земли закрепило за ними на условиях вотчинного права. В ходе переговоров были урегулированы и другие аспекты взаимоотношений между сторонами.

Но с конца XVI в. Русское государство повело в крае другую политику, стало нарушать земельные права башкир. В Башкирии начинается основание крепостей, слобод, дворцовых и государственных сел, в которых поселяли дворян, мелких служилых людей, казаков и крестьян. В крае появляются также христианские церкви и монастыри.

Русская колонизация Башкирии началась в конце XVI в. С 90-х гг. она охватила территорию Осинской, с 40-50-х гг. XVII в. – Казанской и Сибирской дорог. Часть коренных жителей Осинской и западных волостей Казанской дорог, потеряв значительные земельные владения, постепенно лишалась возможностей вести полукочевое хозяйство. Потери своих земель вызывали массовое их недовольство. Некоторые башкиры, недовольные потерями земель и будучи не в состоянии нести налоги и повинности, покидали пределы родного края, уходили на восток, в Сибирь, к сибирским царевичам, на юго-восток – к казахам и калмыкам [12, с. 58-60; 7, с. 159-160].

В борьбе против гнета башкиры использовали самые различные формы. Прежде всего, они подавали челобитные. Правда, последние

помогали не всегда. Поэтому население переходило к более активным формам борьбы.

Башкиры Осинской дороги, которые раньше жителей других дорог испытывали на себе наступление правительства, начали поддерживать восстания соседних народов. В 1572, 1581 и 1616 гг. они вместе с татарами, мари, удмуртами и манси участвовали в борьбе против захвата земель царскими властями, дворянами и крестьянами-переселенцами [8, с. 98]. В 1645 г. башкиры Казанской дороги восстали, недовольные основанием Мензелинского острога на их земле. Повстанцы пытались уничтожить его, но потерпели поражение [3, с. 12].

В первой половине 50-х гг. XVII в. царское правительство на западной части Казанской дороги без согласия башкир-вотчинников построило укрепления Белый Яр, Ерыклинск, Тиинск, Билярск, Новошемлинское, Кичуевск и Заинск, которые получили название Закамский линии крепостей. Кроме того, еще в середине 40-х гг. XVI в. был основан Мензелинский острог [1, с. 96]. Как видно, в результате подобной политики властей, башкиры Казанской дороги потеряли свои значительные земельные владения.

Нельзя также не обратить внимание еще на одно мероприятие властей, направленное против башкирского землевладения. Правительство в начале 60-х гг. санкционировало переход части башкирских земель Ногайской дороги в руки калмыков, потерпевших поражение в междоусобных столкновениях в родной Монголии и вынужденных двигаться на Запад в поисках новых земель для проживания и оказавшихся в середине XVII в. на южной Башкирии [2, с. 67].

Таким образом, с 40-50-х гг. XVII в. царское правительство в Башкирии повело политику постепенного изъятия вотчинных земель коренных жителей, что вызвало массовое недовольство последних. Башкиры были также недовольны тяжелыми налогами, повинностями и произволом чиновников русских властей в крае. Они неоднократно жаловались на произвол уфимских сборщиков ясака, подъячих, толмачей и служилых людей Н.Аничкова, И.Павлова, И.Кулакова, А.Приклонского, В.Киржацкого и других. Таким образом, в изучаемое время оснований для недовольств коренных жителей было более чем достаточно, и они взяли в руки оружие [7, с. 170-173; 12, с. 58-61].

Восстание 1662-1664 гг. развернулось на территориях всех 4-х дорог края: на западе от реки Волги в районе Саратова и Самары до реки Тобол на востоке, на юге от Илека до среднего течения Сылвы и Чусовой на севере. Борьба началась в июле на Сибирской дороге отрядом, состоящим из 600 башкир во главе с Сары Мергеном, который во второй половине этого месяца напал на Катайский острог и Долматовский монастырь. Восставшие окружили их и сделали несколько приступов, но взять не сумели. Разорив окрестные деревни, повстанцы вернулись к озеру Иртяш, где находилась ставка повстанцев. Сары Мерген, который стоял во главе этого отряда, скорее всего, был из «лучших башкир», и одним из инициаторов движения.

В августе-сентябре формировались крупные отряды восставших, состоявших из 1,5-2 тысяч повстанцев, которые действовали в пределах всего Зауралья. В первых числах августа они вновь напали на Долматов и Невьянские монастыри, Катайский острог, Новую Ощепковую слободу, захватили Мурзинскую слободу, «…церковь божию и государевы анбары совсем сожгли, а крестьян на полях всех побили, а иных в полон взяли, деревни выжгли и скот отогнали». В середине сентября восставшие напали на Белослудскую и Усть-Ирбитскую слободы и заняли их. Как видно, восставшие действовали успешно.

В конце месяца они подошли к Ирбитской слободе. Но в это время против них выступил отряд, состоящий из 150 солдат и «охочих людей». Воевода Туринска послал еще 150 человек. Под напором всех этих сил восставшие отступили. В конце сентября здесь наступило затишье [9, с. 685-687, 691-699].

Другим регионом борьбы стали южные районы и центр Кунгурского уезда. Во второй половине июля 1662 г. значительные отряды восставших стали нападать на остроги, монастыри и села. В конце месяца они приступом овладели г. Кунгуром. Восставшие заняли также Степановский острог, Воздвиженскую и Рождественскую пустыни, монастырские села и деревни на р. Сылва. Из крупных пунктов этого региона уцелел только Спасский монастырь, где и укрылось окрестное население.

Как видно, восставшие добились боль-

ших успехов. В описанных событиях в Кунгурском уезде, наряду с башкирами Сибирской и Осинской дорог и кунгурскими татарами, участвовало «литовских людей человек 50». Источники говорят об использовании повстанцами пушек, которые обслуживались, скорее всего, «литовскими людьми» [9, с. 688, 692-693, 679-683].

В помощь осажденным острогам, слободам и монастырям продолжали направляться отряды из различных городов Сибири. Из Тюмени в район восстания подошли стрельцы и рейтары во главе со стрелецким головой Блудовым и майором Сниттером. Осенью 1662 г. из Тобольска в поход была отправлена команда полковника Полуэктова, состоящая из I пехотного и I драгунского полков. Последний около озера Иртяш напал на повстанцев. В ходе боя двух повстанцев взяли в плен, «…а иных изменников многих побили». Кроме того, каратели разорили окрестные башкирские аулы. После этого Полуэктов со своей командой вернулся в сибирские слободы [7, с. 152-163].

Правительство поручило подавление восстания в северной Башкирии казанским властям. Один из казанских воевод стольник А.М. Языков во главе ратных сил направился в район восстания. Воевод ближних городов обязали срочно выделить военных людей в команду Языкова. Так, пермский воевода должен был направить туда 1104 даточных людей [5].

О восстании в 1662 г. в пределах Казанской и Ногайской дорог сохранилось мало материалов. В грамоте нового уфимского воеводы стольника А.М. Волконского, обращенной к жителям Икских властей Казанской дороги от 24 ноября 1663 г., так характеризуется восстание башкир Казанской дороги в 1662 г.: « … в прошлом во 170-м году от вас ото всех дорог башкирцов учинилась измена и всякое воровство, Уфимской и Казанской уезды повоевали, церковь божии обругали и пожгли села и деревни, и хлеб, и сено пожгли и людей побили и в полон поймали». Известно также, что башкирские повстанцы заняли и разорили дворцовое село Архангельское на реке Бирь. В другой своей грамоте воевода, обвиняя башкир Ногайской дороги пишет, что они «… к городу к Уфе приходили, многих людей в уездах и под городом побили и в полон поймали их».

В распоряжении уфимских властей не было достаточных военных сил. Воевода Ф.И. Сомов в основном занимался уговорами повстанцев. Но его призывы не дали положительных результатов. Тогда правительство общее руководство борьбой с восстанием возложило на князя Ф.Ф. Волконского, одного из казанских воевод [7, с. 175-177, 182-186; 10].

Одновременно власти сменили уфимского воеводу. Им стал стольник А.М. Волконский, помощник главного командира Ф.Ф. Волконского.

Командиры с войском прибыли в Мензелинск, а затем направились в Уфу. Здесь Волконские казнили предводителей восстания Гаура и Улекея. Правда, не совсем ясно, как последние оказались в руках карателей.

Гибель этих предводителей стала серьезным ударом по восстанию. В этой тяжелой обстановке часть повстанцев Ногайской дороги принесла повинную и отошла от борьбы. Но другая часть жителей этой «дороги», а также башкиры ряда западных волостей Сибирской дороги не принесли повинную. В ответ поздней осенью 1662 г. царские команды разорили аулы кыр- кудейских, айских и балыкчинских башкир. Башкиры вынуждены были дать властям заложниками 40 человек «добрых людей» [7, с. 164-166, 183-186, 188-193].

К борьбе с восстанием на Ногайской дороге власти вовлекли и воеводу Астрахани князя Г.С. Черкасского. Он в сентябре 1662 г. направил в Башкирию войско во главе с думным дворянином З.Ф.Левонтьевым. Одновременно от него повстанцам были отправлены 2 астраханских ногайца для уговоров башкир. В ноябре посланцы добрались до Уфы и сумели созвать 300 представителей повстанцев для переговоров. В итоге собравшиеся решили прекратить борьбу. В этой обстановке Черкасский отменил поход Левонтьева в Башкирию [12, с. 58-60].

В итоге обстановка в европейской части Башкирии несколько разрядилась. Повстанцы начали переговоры с властями о прекращении восстания и обратились к правительству с челобитной. Но в целом край был далек от успокоения. Многие башкиры хотели продолжать восстание. Но для этого они нуждались в союзниках. Повстанцы Зауралья установили контакт с царевичем Кучуком, правнуком знаменитого Кучума, и другими

потомками последнего, которые в это время обитали восточнее Башкирии. Жители Казанской и Ногайской дорог обратились за помощью также к калмыкским тайшам Дайчину и Аюке [12, с. 58-60].

Восстание возобновилось весной 1663 г. Первыми выступили вновь жители Сибирской и Осинской дорог. Они нападали на крепости, села и деревни Уфимского и Соликамского уездов. К ним присоединились манси, жившие по р. Чусовая, и группа русских людей из Верхотурья. Верхотурский стрелец Иван Громыхалов привозил повстанцам «зелье и свинец» из города, «покупая из рядов». Другие русские люди, например, Иван Аникиев «с товарыщи», по словам кунгурского воеводы, также помогали башкирам в подготовке восстания [7, с. 163-164, 183-186.].

Представляет большой интерес положительное отношение к башкирским повстанцам некоторых жителей города Верхотурья. Это объясняется тем, что последние, по-видимому, были недовольны политикой правительства также к ним. Позиция манси, северных соседей башкир, вполне понятна. Они стали союзниками башкир, ибо царские власти у них проводили такую же политику, что и к башкирам.

Из предводителей повстанцев Зауралья прослеживается активность Азнагула Урускулова, Бекзяна Туктамышева Урусланбека Баккина. С башкирами совместно действовал, по-видимому, царевич Кучук со своим небольшим отрядом, хотя конкретные материалы об этом не обнаружены.

Летом 1663 г. борьба развернулась на широких просторах Зауралья. Во второй половине июня восставшие заняли ряд сел и деревень по р. Режь, затем напали на Арамашевскую слободу. Здесь повстанцев, по свидетельству очевидцев, было «с тысчю и болши». Против них выступили команда рейтар и солдат во главе с майором Сниттером, капитаном Галасейкиным, а также пашенные крестьяне, возглавляемые строителем Невьянского монастыря. Но в 3-х верстах от слободы они были окружены восставшими. 3 июля повстанцы напали на Невьянский острог. Правда, еще раз приходится сожалеть этом, что пока источники не дают возможности выяснить, чем закончилось наступление башкир на Невьянский монастырь и одноименный острог.

Осенью основной ареной восстания стали окрестности озера Ирбит и бассейн реки Ирбит. Восставшие в начале октября напали на Киргинскую, Ирбитскую и Усть – Ирбитскую слободы, на окрестные села и деревни. На выручку этих слобод выступила команда Полуэктова. Но башкиры нанесли ей серьезное поражение. В состоявшемся бою полковник Полуэктов, многие рейтары и солдаты были ранены, а «… человек с 30 и больши рейтар и солдат …» убиты [6]. Но через некоторое время власти Зауралья сумели формировать значительные карательные силы и перешли в наступление. С марта по май 1664 г. команда Полуэктова громила башкирские деревни расправлялась с повстанцами. Около озеро Чарги каратели разгромили аул Урусланбека Баккина, одного из предводителей восстания Зауралья, убили его самого и членов семьи [12, с. 104-105].

Но этот рейд Полуэктова не достиг своих целей. Летом 1664 г. движение возобновилось. В июне начались нападение небольших отрядов повстанцев на села и деревни сибирских слобод. В июне восставшие башкиры, манси и сибирские татары действовали в бассейне р. Нейвы. Они разоряли деревни Невьянской волости, взяли Невьянский монастырь. Есть также сведения об их нападении на Краснопольскую и Мурзинскую слободы. В середине сентября повстанческие отряды появились в среднем течении р. Исеть. Они напали на Беляковскую слободу, заняли окрестные села и деревни. Затем они окружили Мехонский острог, сделали несколько приступов. В помощь осажденным подошла вновь команда Полуэктова. Восставшие отступили за р. Исеть.

Этим завершаются активные действия восставших в Зауралье. В октябре 1664 г. здесь наступило спокойствие.

В европейской части Башкирии восстание также возобновилось весной 1663 г. К борьбе примкнули и те башкиры Ногайской дороги во главе с тарханом Ишмухаметом Давлетбаевым, которые в 1662 г. колебались. Кроме того, восставших башкир сейчас поддержали калмыки [7, с. 196-198].

Одним из районов борьбы являлись окрестности Мензелинска и закамских крепостей. Движение развернулось и в центре края, вблизи Уфы, где выступали башкиры

Ногайской дороги. Очевидец событий рассказывал об этом следующее: «… а нагайские де люди и башкирцы с Ишметом Давлетбаевым с товарыщи, собрався с калмыцкими людьми Мунчака тайши пошли под Уфу».

Источники свидетельствуют о том, что временами повстанцы различных «дорог» пытались действовать совместно. Так, осенью 1663 г. часть повстанцев Казанской дороги находилась на Ногайской дороге [7, с. 167-169].

На осень 1663 г. было задумано совместное выступление всех 4-х «дорог». Повстанцы Зауралья во главе с Кучуком в первой половине ноября должны были приехать в район среднего течения р. Белая, вблизи болота Кочевань, соединиться с башкирами Ногайской и Казанской дорог. Отсюда восставшие намеревались идти к г. Уфе и предъявить воеводе ультиматум. В случае непринятия их требований они намеривались начать действия по захвату города. Однако по неизвестным причинам зауральские башкиры в условленное место не приехали и тем самым сорвали задуманное. Прождав их несколько дней, повстанцы Ногайской дороги решили начать переговоры с воеводой. Тем более что в это время к ним приехали представители последнего. Уфимский воевода обещал прощение за участие в восстании и различные уступки.

Переговоры ногайских башкир с воеводой завершились успешно. В итоге ногайские башкиры прекратили борьбу и обратились в Москву с челобитной о прощении. Челобитную туда повезли в сопровождении людей воеводы выборные башкиры Динмухамет Юлаев и Актай Досмухаметов. В Москве они были приняты царем Алексеем Михайловичем. Правительство пошло на прощение башкир Ногайской дороги за восстание и подтвердило их вотчинное право на землю. В конце февраля 1664 г. эти послы с царской жалованной грамотой вернулись домой, и восстание на Ногайской дороге прекратилось [7, с. 164-169].

На Казанской дороге борьба продолжалась. В конце октября – начале ноября 1663 г. крупные силы повстанцев находились около Мензелинска. Восставших башкир здесь поддерживали калмыки. Во второй половине ноября восставшие вели активные операции в этом районе. Уфимский воевода в своей грамоте к повстанцам Казанской дороги пишет: «…ваша братья молодые люди воруют, под Мензелинеск и Казанской же уезд и в ыные места изгоном приходят, и людей побивают, и в полон емлют, и всякое воровство делают». Предводителями восстания здесь были Атыгеш Токалов, Килей Таникеев, Менен и Сарт из различных волостей Казанской дороги [9, с. 770; 7, с. 175-177].

Царские власти опасались, как бы восстание не охватило западную сторону р. Камы. 22 ноября казанский воевода князь Куракин направил дворянина Аристова с отрядом на Каму с задачей «… стоять против изменников башкирцов и калмыцких и ногайских воинских людей… и воинских людей через Каму реку в Казанский уезд не перепустить» [7, с. 175-177]. Уфимские власти неоднократно обращались к повстанцам Казанской дороги с призывами прекратить восстание и начать переговоры. Когда жители этого района прекратили борьбу, нет сведений. Во всяком случае, весной 1664 г. они еще не прислали своих представителей в Уфу. Возможно, это произошло во второй половине 1664 г.

Восстание 1662-1664 гг. было первым массовым общебашкирским движением. Оно началось в июле 1662 г. на территории Сибирской дороги, затем охватило обширную Башкирию. Башкиры восстали во главе со своими феодалами и батырами. Народной борьбой в Зауралье руководили Сары Мерген, Азнагул Уруксулов и Бикзян Туктамышев, на Казанской дороге Атыгеш Токалов, Килей Таникеев, Менен и Сарт, Ногайской дороге Гаур Акбулатов и Улекей Кривой. Скорее всего, они являлись «лучшими башкирами», т.е. феодалами. Были определенные связи между повстанцами различных «дорог», но они не сумели организовать крупные совместные операции против властей. Это движение башкир поддержали нерусское жители края и соседние народы – манси, кунгурские и сибирские татары, частично – калмыки.

Соотношение сил было в пользу восставших. Правительство не сумело осуществить военный разгром движения. Борьба прекратилась в результате переговоров, в ходе которых правительство удовлетворило основные требования башкир. По предложению последних оно сняло А.М. Волконского с поста уфимского воеводы. Воеводой вновь стал Ф.И. Сомов. Более важной была уступка по зе-

мельному вопросу. Правительство официально подтвердило вотчинное право башкир на их землю и обещало покончить с злоупотреблениями при сборе ясака [12, с. 105-107].

Башкиры восстали против захватов их земель, тяжелых налогов и повинностей, произвола местной царской администрации, протестовали против нарушения условий их вхождения в состав Русского государства. Они добились удовлетворение своих основных требований. Движение 1662-1664 гг. было одним из крупных и результативных восстаний башкир в XVII-XVIII вв.

Список литературы

1. Акманов И.Г. Башкирские восстания XVII-XVIII веков. Феномен в истории народов Евразии. Уфа: Китап, 2016. 376 с.
2. Акманов И.Г. Башкирия в составе Российского государства в 17- первой половине 18 века. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1991. 151 с.
3. Алекторов А. История Оренбургской губернии. Оренбург: Тип. Б. Бреслина, 1883. 128 с.
4. Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. М.: Соцэкгиз, 1938. 315 с.
5. Архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (СПб ИИ РАН). Колл. 122. Соликамские акты. Т. 3. № 38.
6. Архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (СПб ИИ РАН). Ф. 21. ОП.4. Д.6. №433. Л.204.
7. Материалы по истории Башкортостана АССР. Ч.1. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1936. 632 с.
8. Пермская летопись. Вып. 1. Пермь: Тип. Губ. зем. управы, 1881. 238 с.
9. Пермская летопись. Вып. 3. Пермь: Тип. Губ. зем. управы, 1884. 1168 с.
10. Архив Уфимского научного центра Российской академии наук (УНЦ РАН). Ф.3. Оп. 12. Д. 112. Л. 96
11. Усманов А.Н. Присоединение Башкирии к Русскому государству. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1960. 198 с.
12. Устюгов Н.В. Башкирское восстание 1662-1664 гг. // Исторические записки. Т.24. М: Издательство Академии наук СССР, 1947. С. 30-110.

DISORDERS AND REVOLTS OF BASHKIRS AT THE END OF XVI – THE 60TH OF THE 17TH CENTURY

In XV – the first half of the 16th century Bashkirs had no state and lived under the power of the Kazan, Siberian, Astrakhan khanates and the Nogai horde. They haven't managed to use gaining the Russian state of these khanates and political weakening of the Nogai horde and to create the independent state. To keep the further historical existence, Bashkirs have been forced to be voluntarily a part of the Russian state – the largest and strong new neighbor of that time. Objectively this step of Bashkirs in those conditions was the only exit for their preservation as people. At the same time the last because the extensive territory of Bashkiria – South and Central Ural Mountains – had a strategic importance for the Russian state also has been interested in entry of Bashkirs into the Russian state – she opened opportunities for further expansion of the territory of the country further on the southeast – to Kazakhstan and Central Asia, to the east – in open spaces of Siberia to the Pacific Ocean. Absolutely not accidentally Russian tsar Ivan IV after gaining the Kazan khanate has addressed Bashkirs with the offer to be a part of the state, promising for it various privileges. During negotiations in Kazan and Moscow in the 50th of the 16th century the imperial government and Bashkirs have settled terms of entry of the last into the Russian state. The government of the earth of Bashkirs has assigned to them in the conditions of the patrimonial right. Also other aspects between the parties have been settled. But since the end of XVI – the beginning of the 17th centuries the imperial authorities have begun to violate land and other rights of Bashkirs that caused mass discontent of the last. Petitions helped dissatisfied a little. Therefore Bashkirs have taken weapon in hand and have begun to rise. The movement of 1662-1664 is the first all-Bashkir revolt, captured the territory of all 4 "roads".
Keywords: khanate, horde, Bashkirs, settlement, palace village, Sagittariuses, tarkhan

References

1. Akmanov, I.G. (2016). Bashkirskie vosstaniya XVII-XVIII vekov. Fenomen v istorii narodov Evrazii [Bashkir revolts of the 17-18th centuries. A phenomenon in the history of the people of Eurasia]. Ufa: Kitap. 376 s.

2. Akmanov, I.G. (1991) Bashkiriya v sostave Rossijskogo gosudarstva v 17- pervoj polovine 18 veka [Bashkiria as a part of the Russian state in the 17-first half of the 18th century]. Sverdlovsk : Izd-vo Ural. un-ta. 151 s.

3. Alektorov, A. (1883). Istoriya Orenburgskoj gubernii [History of the Orenburg province]. Orenburg: Tip. B. Breslina. 128 s.

4. (1938) Anglijskie puteshestvenniki v Moskovskom gosudarstve v XVI v [The English travelers in the Moscow state in the 16th century]. M.: Socehkgiz, 1938. 315 s.

5. Arhiv Sankt-Peterburgskogo instituta istorii Rossijskoj akademii nauk (Spb II RAN). Koll. 122. Solikamskie akty. T. 3. № 38.

6. Arhiv Sankt-Peterburgskogo instituta istorii Rossijskoj akademii nauk (Spb II RAN). F. 21. OP. 4. D. 6. № 433. L. 204.

7. (1936) Materialy po istorii Bashkortostana ASSR. Ch. 1 [Materials on history of Bashkortostan of the ASSR. Part 1]. M.- L.: Izd-vo AN SSSR, 1936. 632 s.

8. Permskaya letopis'. Vyp. 1. Perm': Tip. Gub. zem. upravy, 1881. 238 s.

9. Permskaya letopis'. Vyp. 3. Perm': Tip. Gub. zem. upravy, 1884. 1168 s.

10. Arhiv Ufimskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk (UNC RAN). F.Z. Op. 12. D. 112. L. 96

11. Usmanov, A.N. (1960). Prisoedinenie Bashkirii k Russkomu gosudarstvu [Accession of Bashkiria to the Russian state]. Ufa: Bashkirskoe knizhnoe izdatel'stvo. 198 s.

12. Ustyugov, N.V. (1947). Bashkirskoe vosstanie 1662-1664 gg. [Bashkir revolt of 1662-1664] // *Istoricheskie zapiski [Historical notes]*. T.24. M: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 30-110.

Об авторах

Акманов Ирек Гайсеевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, историографии и источниковедения, Башкирский государственный университет (Россия), E-mail: akmanov_ig@mail.ru

Касимов Салават Фитратович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, историографии и источниковедения, Башкирский государственный университет (Россия), E-mail: salavat.kasimov@rambler.ru

Гайсин Усман Бариевич – доктор исторических наук, профессор кафедры философии и истории, Уфимский государственный авиационный технический университет (Россия), E-mail: usman.ga@rambler.ru

Обыденнов Михаил Федорович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, историографии и источниковедения, Башкирский государственный университет (Россия), E-mail: 2373811@gmail.com

Даутов Азат Алтынбаевич – аспирант, Башкирский государственный университет (Россия), E-mail: Sattar88@yandex.ru

Akmanov Irek Gaiseevich – Doctor of Historical Sciences, Professor at the Chair of the Russian History, Historiography and Source Studies, Bashkir State University (Russia), E-mail: akmanov_ig@mail.ru

Kasimov Salavat Fitratovich – Doctor of Historical Sciences, Professor at the Chair of the Russian History, Historiography and Source Studies, Bashkir State University (Russia), E-mail: salavat.kasimov@rambler.ru

Gaisin Usman Barievich – Doctor of Historical Sciences, Professor at the Chair of Philosophy and History, Ufa State Aviation Technical University, E-mail: usman.ga@rambler.ru

Obydennov Mikhail Fedorovich – Doctor of Historical Sciences, Professor at the Chair of the Russian History, Historiography and Source Studies, Bashkir State University (Russia), E-mail: 2373811@gmail.com

Dautov Azat Altynbaevich – Postgraduate student, Bashkir State University (Russia), E-mail: Sattar88@yandex.ru

УДК 93

Алферова И.В., доктор исторических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

«НЕИЗРЕЧЕННАЯ КРАСОТА ПОДВИГА…» (о наградной системе в первую мировую войну) *

В статье рассматривается содержание статута военного ордена Святого Георгия и Георгиевского креста, прослеживается динамика его изменения на протяжении российской истории, предлагается анализ нововведений накануне Первой мировой войны. На основании широкого круга источников, а именно: воспоминаний участников войны, писем с фронта, обзоров писем, подготовленных военными цензорами, выявляются отдельные причины, породившие критические высказывания участников боевых действий по поводу объективности критериев «справедливого» получения наград. Вместе с тем в статье раскрываются имевшие место злоупотребления в деле представления к наградам, которые были связаны как с причинами «общечеловеческого» характера, так и с особенностями российского общества начала XX века, прежде всего сословностью, социальным неравенством, снобизмом высшего и гвардейского офицерства, равнодушием по отношению к рядовому составу и унтер-офицерству. Ряд положений в статье позволяет приблизиться к проблемам определения «героического» участниками Первой мировой войны, к которому они приходили или непосредственно в военной обстановке, или, рефлексируя по поводу пережитого спустя годы, зачастую в эмиграции. Отчасти выводы статьи раскрывают причины эмоциональной трансформации комбатантов, предопределившей, в том числе, распространение пораженческих настроений.
Ключевые слова: Первая мировая война, статут, орден Святого Георгия, Георгиевский крест, Георгиевская медаль, воинские подвиги, наградная система.

«Неизреченная красота подвига» – так называлась статья, размещенная в одном из номеров «Военного сборника общества ревнителей военных знаний и кружков высшего военного образования», вышедшего в 1930 г. в Белграде. В ней Е.Ф. Новицкий – генерал-лейтенант Генерального штаба в годы Первой мировой войны, попытался обрисовать круг проблем, относящихся к пониманию «подвига» и предложил свои рассуждения по поводу необходимости пересмотра определения «героического» в свершениях прошедших военных лет [1, с. 133]. Рассуждения генерала не были чисто умозрительными: будучи участником Русско-японской и Первой мировой войн, выступая «оценщиком бесчисленных геройских деяний чинов <…> полка, дивизии и корпуса», он, спустя два десятка лет, испытывал «глубокую неудовлетворенность <…> строго основанной на законе, былой оценки» [1, с. 133]. Речь шла о несовершенстве наградной системы Российской империи, точнее – основы классификации подвигов, содержавшейся в Георгиевском статуте. С точки зрения Е.Ф. Новицкого, недостатки этой системы прежде всего исходили из ее «несообразности с современным боем» [1, с. 133].

Быть награжденными знаком ордена Святого Георгия мечтали тысячи офицеров – участников Первой мировой войны. Не менее заветной мечтой для солдат и унтер-офицеров российской армии было получение Георгиевского креста. Помимо почестей и славы, награды предполагали также получение денежных компенсаций и ряда льгот.

Вопрос влияния нового статута ордена Святого Георгия на функционирование наградной системы в русской армии периода Первой мировой войны уже рассматривался в отечественной историографии в отельных публикациях [2]. В данной статье хотелось бы еще раз обратиться к содержанию статута, проследить динамику его изменения на протяжении войны и выяснить причины, породившие критические высказывания участников боевых действий по поводу объективности критериев «справедливого» получения наград. Отчасти выводы статьи позволят приблизиться к проблемам определения «героического» участниками Первой мировой войны, к которому они приходили или непосредственно в военной обстановке, или, рефлексируя по поводу пережитого спустя годы, зачастую в эмиграции.

Основным для написания статьи был принцип историзма, который предполагает

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 15-01-00399.

интерпретацию содержания статута военного ордена Святого Георгия и Георгиевского креста, а также в целом наградной системы за военные подвиги с учетом конкретно-исторических условий (до и во время Первой мировой войны, при императорской власти и Временном правительстве), в связи с другими объектами и субъектами исторического процесса. Кроме этого в статье использованы элементы «истории снизу», в рамках которой происходит изучение определенных феноменов, в данном случае несовершенств наградной системы с точки зрения «простых людей». Использование писем рядового состава и унтер-офицерства, которые являлись главными действующими лицами на полях сражения Первой мировой войны, а также выдержки из обзоров фронтовых писем военных цензоров, помогли воссоздать картину недовольства наградной системой снизу и выявить имевшие место злоупотребления, которые оставались невидимыми для публичного дискурса.

За свою историю орден Святого Георгия имел три статута. Третья статья этого документа, принятого при Екатерине II, утвердившей орден, специально оговаривала: «Ни высокая порода, ни полученные пред неприятелем раны не дают права быть пожалованным сим орденом, но дается оный тем, кои не только должность свою исправляли во всей присяги, чести и долгу своему, но сверх того отличили себя особливым каким мужественным поступком или подали мудрые и для Нашей воинской службы полезные советы». Последующие статуты подтверждали основное условие получение ордена: «…знак сего ордена да будет пред светом на все времена доказательством милостивого императорского благоволения за особенное мужество и храбрость и отличные воинские подвиги» [3, с. 53].

В статуте, принятом при Николае I, уже появилось подробное описание подвигов, за которые полагался орден, а император Александр II своим именным указом отменил награждение орденом Святого Георгия 4-й степени за выслугу лет, что было возможно при определенных условиях по предыдущим правилам. Таким образом, орден Святого Георгия стал первым российским орденом, поощрявшим личную храбрость и подвиги, совершенные исключительно в боевой обстановке.

Награжденным Святым Георгием предоставлялись немалые права и привилегии. Все кавалеры ордена после увольнения со службы могли носить военный мундир, старшим из кавалеров по каждой ступени предоставлялось право получения ежегодных пенсий, которые предоставлялись сверх получаемого жалованья и других выплат пожизненно. После смерти женатого кавалера его пенсией в течение года пользовалась вдова. С 1845 г. офицеры, награжденные любой степенью ордена Святого Георгия, получали право на потомственное дворянство.

Благодаря Александру I, появилась знаменитая солдатская награда – знак отличия Военного ордена, которая позже, в 1913 г. получила название – Георгиевский крест. Этот знак отличия также приобретался «…только в поле сражения, при обороне крепостей и на водах». Он давался только тем из нижних чинов, «кои в сухопутных и морских войсках Наших, действительно служа, отличаться противу неприятеля отменною храбростию» [4, с. 110].

Нижние чины могли были быть представлены к награждению двух видов. Первый – персональное награждение «за оказанную особенную личную храбрость». По второму виду на отличившуюся в бою воинскую часть или подразделение главнокомандующий армиями или командующий армией, главнокомандующий флотом мог выделить определенное число знаков для награждения некоторых чинов, избранных самой частью. В этом случае знаки отличия выделялись по норме: «…от двух до пяти на роту или эскадрон; в артиллерии на каждую пешую и конную батарею как на две роты пехоты; на саперные роты, в генеральных сражениях участвовавшие, как армейским ротам» [5, с. 51]. Оба вида награждений, персональное и выделенное, сохранялись и во время Первой мировой войны.

Георгиевские кавалеры из нижних чинов также имели особые права и преимущества. Так, удостоенные знака отличия Военного ордена 4-й степени имели право на прибавочное жалованье на одну треть годового оклада, 3-й степени – на две трети, при пожаловании 2-й степени – на полное годовое прибавочное жалованье; 1-й степени –полтора прибавочного жалованья к годовому окладу [5, с. 55].

Нижние чины, имевшие знак отличия Военного ордена, признавались старше других нижних чинов одного с ними звания. Их

в первую очередь представляли для замещения унтер-офицерских вакансий. Все награжденные знаком отличия Военного ордена освобождались от телесных наказаний, а нижние чины унтер-офицерского звания не могли быть разжалованы в рядовые без суда. Кроме того, все часовые обязаны были становиться по стойке смирно и отдавать честь имеющим знак отличия Военного ордена.

За год до Первой мировой войны в статут ордена Святого Георгия были внесены существенные изменения. Он по-прежнему оставался главной боевой наградой за подвиги, совершенные в ходе военных действий. Однако Особая комиссия под председательством члена Государственного совета, кавалера ордена Святого Георгия 3-й степени, генерала от инфантерии Х.Х. Роопа, созданная в начале XX века для разработки нового статута, предложила исключить из него примеры появления героизма, которые не соответствовали современным способам ведения войны, и заменить их новыми. При составлении таких примеров члены комиссии руководствовались следующими критериями: «опасность, успех подвига, польза от него» [5, с. 93].

Николая II в своем указе от 10 августа 1913 г. подтвердил необходимые изменения: «Последовавшее за истекшее восьмидесятилетие полное изменение свойств боя на суше и на море и, в особенности, чрезвычайное развитие техники военного и морского дела, с очевидностью указали на явную необходимость изменения положений, касающихся награждения Военным орденом св. Георгия и причисленным к оному знаком» [6].

Прежде всего, в статуте было увеличено описание подвигов, за которые полагалась награда: для офицеров их было выделено 115 (плюс четыре дополнительных), для нижних чинов – 58. Они были распределены по видам войск и родам оружия. Так, в статуте имелись разделы подвигов «по сухопутным войскам», «по всем родам оружия вообще», «по пехоте», «по кавалерии», «по артиллерии», «по части инженерной», «по Генеральному штабу», «по флоту». Существовал отдельный раздел, определявший правила награждения Георгиевским оружием.

Из принципиальных новшеств можно отметить тот факт, что статут предполагал и награждение гражданских лиц, которые, тем не менее, совершали подвиги в военной обстановке (например, ухаживая за ранеными), или же военных нижних чинов, которые сумели проявить храбрость и мужество в мирное время. Для их отличия вводилась Георгиевская медаль [4, с. 6].

По Георгиевскому кресту и Георгиевской медали были введены постоянные оклады прибавочного жалованья и пенсий, вместо прибавочного жалованья и пенсий, исчисляемых в зависимости от получаемого в момент подвига содержания. Сам размер окладов был приближен к окладам орденских пенсий по ордену Святого Георгия (оклад пенсии по ордену Святого Георгия 3-й степени составлял 200 руб., 4-й степени – 180 руб.), а именно: по Георгиевскому кресту 1-й степени – 120 руб., 2-й степени – 96 руб., 3-й степени – 60 руб. и 4-й степени – 36 руб.; по Георгиевской медали 1-й степени – 36 руб., 2-й степени – 24 руб., 3-й степени – 18 руб. и 4-й степени 12 руб. в год [4, с. 103].

Таким образом, Особая комиссия, казалось бы, выработала точные перечни подвигов, подлежавших награждению орденами Святого Георгия 3-й и 4-й степеней и Георгиевским крестом (для нижних чинов), вполне сообразованные с современным состоянием военного искусства и техникой военного и военно-морского дела. Кавалерские Думы и боевые начальники, которые по статуту представляли к награждению и удостаивали им, должны были строго следовать перечню, «тем самым ставя получение этих столь чтимых боевых отличий еще в более строгие условия» [4, с. 104].

Не допускалось представление, изложенное в общих выражениях, что специально оговаривалось, например, в ст. 17 части I статута: «Всякий ближайший начальник, прежде такового представления, обязан строжайше исследовать, действительно ли представляемый совершил подвиг, заслуживающий награждения орденом, по силе Статута, и, собрав нужные к сему доказательства, описать подвиг ясно и обстоятельно, упомянув: с какою частью войск, какого состава и силы, под чьим именно начальством, где, в каком случае и когда оный совершен, какие потери были при этом понесены, а также, буде взяты им трофеи и пленные, то в каком количестве и числе и в чье распоряжение сданы; в заключение же своего

представления должен изложить как все собранные о сем подвиге доказательства и показания очевидцев, за подлежащими подписями, так и личное свое, относительно к оному, засвидетельствование» [4, с. 32].

Само представление должно было быть сделано в кратчайший срок, не позднее двух месяцев по совершении подвига. Отменялось массовое награждение Георгиевским крестом путем пожалования его войсковым частям. В специальной статье подчеркивалось: «Каждый генерал, адмирал, штаб и обер-офицер, совершивший какой-либо отличный подвиг из числа вышеописанных, может удостоиться награждения ордена Св. Георгия, но никто себе этого ордена требовать не может» [4, с. 31].

Тем не менее, недовольных действовавшей системой награждения в годы Первой мировой войны было немало. Пожалуй, самую безапелляционную характеристику статута предложил уже позже, после войны военный историк и публицист А.А. Керсновский в «Истории русской армии в 4-х томах», издававшейся в Белграде в 1933 – 1938 гг. Он считал, что «Георгиевский статут 1913 г. развратил армию (в первую очередь и больше всего – штабы дивизий), <…> создал невиданный карьеризм и узаконил лживые донесения, ставшие язвой Действовавшей армии», связав с орденом Святого Георгия «несоразмерные служебные преимущества и материальные выгоды» [7, с. 304].

Генерал-лейтенант Генерального штаба Е.Ф. Новицкий, чьи воспоминания цитировались выше, не просто подвергал существовавший статут критике, а предлагал, как уже отмечалось, пересмотреть сами составляющие подвига, понимаемые традиционно. «Один простой факт жертвенности, выражающейся в решимости идти навстречу опасности, – указывал Е.Ф. Новицкий, – не может еще сам по себе составить содержания подвига» [1, с. 134]. Так, по его мнению, не стоило награждать Георгиевским крестом «первого вскочившего на бруствер», награждать начальника части, «венчавшей воронку», награждать несколькими крестами роты «по приговору н. чинов» и т. п. «Уклонение невозможно, все идут…, – рассуждал генерал. – «Для того ж, чтобы поступок превратился в подвиг нужно еще и внутреннее духовное его освещение, которое состоит в добровольности подвига и его сознательности» [1, с. 134]. Е.Ф. Новицкий, прежде всего, обращал внимание на подвиги «малых сил», т. е. нижних чинов, которые не думали ни о наградах, ни о славе, а совершали их по каким-то «внутренним побуждениям». Напротив, в офицерских подвигах он не усматривал «блестку истинной бескорыстности подвига: подвиг офицера всегда на виду» [1, с. 135].

Свои претензии по поводу наградной системы высказывали не только военные теоретики и историки, анализируя минувшие времена. Не довольны были непосредственные участники происходивших военных действий, которые его выражали доступными им способами, прежде всего, в письмах.

Так, например, в сводке отчетов цензоров Юго-Западного фронта за декабрь 1916 – январь 1917 гг. приводилась выдержка из письма, которое «особенно выделялось» на общем фоне. Автор нелицеприятно отзывался о гвардейских офицерах, в среде которых «считается дельным человеком тот, кто придерживается их диких обычаев и разделяет безобразные традиции» [8, л. 151]. Затрагивал он и тему награждений, утверждая, что «нас решительно ни к каким наградам не представляют», а в отношении автора письма «даже представление к производству в прапорщики до сих пор не состоялось» [8, л. 151]. Причем автор письма предлагал и свое объяснение вышеперечисленным фактам. Гвардейцы, по его мнению, не принимали в офицерскую среду назначенных «приказом генерала Каледина, а потому нас и зовут "Калединскими прапорщиками"»[8, л. 151].

Можно предположить, что данный аноним, по неким субъективным причинам не смог стать «своим» для гвардейским офицеров, в том числе и потому, как следует из письма, что не уступал «назойливым просьбам выписать спирт: за что многие возмущены мною до глубины души, тем более, что ветеринарный врач, как на зло, выписывает чуть ли ни каждый месяц по два ведра» [8, л. 151].

Однако проблема, как видится, не сводилась только к пьянству в военной среде. На офицеров, произведенных в военное время зачастую после краткосрочных курсов или без обучения за боевые заслуги непосредственно на фронте, смотрели в кадровой

среде как на людей случайных. Так, один из кадровых офицеров сообщал в письме: «Вообще здесь резко подчеркивается разница между нами и школой прапорщиков. Командир полка последних держит в черном теле и, наоборот, с нами в высшей степени прост и любезен» [8, л. 212]

О подобном отношении к «калединцам» вспоминал и генерал А.И. Деникин: «Помню, когда в сентябре 1916 года, после жестоких боев на фронте Особой и 8-й армий, генерал Каледин настоял на укомплектовании гвардейских полков несколькими выпусками юнкерских училищ, – офицеры эти, неся наравне с гвардейцами тяжелую боевую службу, явились в полках совершенно чужеродным элементом и не были допущены по-настоящему в полковую среду» [9, с. 14]. Очевидно, что это «недопущение» отражалось и в сфере награждения боевыми наградами, проявляясь в несправедливых оценках начальства боевых свершений указанных групп офицеров.

Подтверждением этому может быть и выдержка из другого письма офицера, также содержащаяся в отчете военных цензоров: «Боевая обстановка не дает так чувствовать всю мелочность и пошлость, которые и сейчас царят в среде нашего офицерства. Идет какая-то вакханалия в погоне за крестами и орденами, выдумываются несуществующие подвиги и добываются ценой просьб и взаимных одолжений необходимые свидетельские показания. Причем и здесь отделяют кадровых офицеров от прапорщиков, о первых заботятся все, а вторым предоставляется делать самостоятельно» [10, л.8 об.].

Действительно, количество офицерского состава российской армии за время мировой войны увеличилось более чем в шесть и его состав существенно изменился. Так, по подсчетам историка С.В. Волкова к маю 1917 г. было подготовлено 172 358 прапорщиков [11].

При этом большая часть, пополнивших в военное время ряды офицерства, исполняла свой долг, проявляя храбрость и мужество не в меньшей степени, чем кадровые офицеры. Они же составили в 1915 – 1917 гг. основной процент погибших среди офицерского состава. На этот факт указывал, например, полковник Генерального штаба А.А. Свечин, с августа 1915 по январь 1917 г. командовавший 6-м Финляндским полком: «Главную массу боевых начальников – командиров рот и взводов – представляли прапорщики. Они же давали главную цифру убитых и раненых офицеров» [12, с. 80]. Таким образом, уничижительная их оценка, проявлявшаяся в том числе и в вопросе награждений, не могла не подпитывать чувство некой социальной несправедливости, которое определило их отношение к новой власти уже в феврале 1917 г.

Вообще злоупотреблений в деле представления к наградам было немало и далеко не все из них были связаны с кастовым снобизмом кадрового офицерства. Скорее, в наградной системе отражалось свойственные российскому обществу начала XX века сословное деление и социальное неравенство, некое снисходительное, а порой и равнодушное отношение верховного командования к рядовому составу. Так, А.И. Деникин в своих воспоминаниях отмечал формальное отношение великих князей, приезжавших награждать от имени императора Георгиевскими крестами непосредственно в войска, к признанию заслуг отличившихся. «Эти приезды, – вспоминал он, – всегда вызывали подъем настроения и кончались полным разочарованием. После славного и тяжкого боя так много у всех накопилось переживаний, так хотелось поделиться своими горестями и радостями, хотелось, по крайней мере, чтобы тот, кто приехал награждать, немножко поинтересовался жизнью, бытом, подвигами их... В ответ – полное обидное безразличие: приехал, роздал и уехал, как будто исполняя скучную формальность...» [9, с. 15].

Вызывали общее недовольство распространенные бюрократические проволочки, которые затягивали процесс представления к наградам дольше положенного срока. Так, в одном из писем с передовой, отмеченном военной цензурой в декабре 1915 г., как представлявшее интерес «в том отношении, что автор затрагивает многие стороны жизни и быта наших армий», офицер сетовал, что «награды очень долго задерживаются, пока их утверждают, потом сами знаки еще позднее высылают» [13, л. 173-174]. В этом же письме сообщалось о распространившемся недовольстве среди воюющих Георгиевской думой, «где присуждают эти награды по мере знакомства и товарищеских отношений», что

он считал «большой ошибкой», т. к. «русский человек без похвалы, без подачки никуда не годится. Водка и похвала могут заставить этого человека творить чудеса» [13, л. 174]. «При общей усталости, – резюмировал свои рассуждения автор, – единственный способ наград не жалеть, если хоть малейшая к тому причина» [13, л. 174 об.].

Подобное суждение присутствовало и в письме пехотного офицера Юго-Западного фронта, содержание которого приводил в своих воспоминаниях военный цензор при штабе Верховного главнокомандующего, штабс-капитан М.К. Лемке. Автор письма затрагивал чрезвычайно болезненную тему морального состояния армии в затяжной период военных неудач российской армии, утверждая, что «ободрения и поощрения» необходимо войскам в этот период не в меньшей степени. «У нас не жалеют наград в случае удачи, – писал он, – и чрезмерно скупы на них при неудачах, как будто удача или неудача зависят только от доблести войск, а не также, например, от тщательно продуманного и выполненного объединения, главным образом, пехоты и артиллерии или от тщательного знакомства лиц, управляющих боем, с обстановкой в широком смысле слова и умения их ориентироваться в ней» [14, с. 245].

Выявляя несправедливости в деле награждений, комбатанты нередко ссылались в своих письмах на распространенные и в армии недостатки «общечеловеческого» характера: разгильдяйство, прислужничество и пр.

Офицер Заамурского пограничного полка сообщал в письме, отправленном в Петроград: «…бой окончился блестящей победой, победа была полная. Я взял действующий пулемет и представлен к Георгию, но быть представленным, это не значит, что непременно получу» [15, с. 232]. Другой автор сокрушался: «Три раза писал рапорт на два креста и две медали и все пропадают, – а далее приходил к выводу, – кто чай фельдфебелю греет, тот и получает – одни холуи, а кто подвиги делает, тому – нет» [8, л. 262].

Жалобы на несправедливое награждение вне боевых заслуг содержались и в письмах в армейскую газету «Наш вестник». Так, аноним сообщал в редакцию издания: «…фельдфебель 7 роты держит ефрейтора и представил к Георгиевскому кресту 4-й степени за хорошую подноску обеда и варку чаю» [16, л. 7, 7 об.]. Из этого же письма следовало, что указанный фельдфебель, сам непосредственно не участвовавший в атаках и в разведке, отсиживаясь в окопах и, посылая ложные донесения ротному командиру, был представлен к награде [16, л. 7].

Из писем награжденных становиться очевидным, что часть из них, получив высшую боевую награду, рассчитывала и на высшую привилегию – остаться в живых, таким образом освободившись от нахождения на передовой. «Стало быть, Георгиевский крест не представляет собою нижнему чину никаких прав, а служит как бы украшением», – делал вывод автор, получив на страницах газеты неутешительные для себя разъяснения, и продолжал, – «…вообще много есть драгоценностей, которые много интересней серебра и золота, из которых делают георгиевские кресты. Драгоценности можно приобрести, не рискуя жизнью, а Георгиевский крест Вы, наверное, сами знаете, за что достается» [16, л. 4, 4 об.].

Общая усталость населения, непонимание геополитических задач войны, а также в немалой степени военные неудачи в конечном итоге порождали равнодушие и в отношении высших военных наград. «По мне хоть бы на чьей стороне ни была победа, но скорее бы мир; нам в этом никакого интереса…, – сообщал Д.Я. Жулькин из сельца Азясь, Мокшанского уезда, Пензенской губернии (не позднее 26.09.1915 г.) в письме с фронта. – За лихую схватку я представлен к Георгиевскому кресту 3-й степени, а раньше был представлен к медали 3-й степени. Но когда бы дал Господь остаться живым, эта награда самая лучшая от Бога, а эта награда мне ничего не стоит» [15, с. 131].

Тем не менее, Временное правительство, осуществляя военно-судебные реформы по преобразованию армии, озаботилось и вопросом изменения Георгиевского статута и в целом наградной системы в армии. Так, предполагалось установить взаимно-доверительные отношения между командным составом и солдатской массой, офицерством и рядовым составом и по возможности преодолеть все увеличивающуюся пропасть между ними.

Постановлением Временного правительства от 24 июня 1917 г. были установлены особые правила о награждении офицеров солдатским Георгиевскими крестами и о награждении солдат офицерским орденом Святого Георгия 4-й степени, а 3 июля 1917 г. военный министр А.Ф. Керенский приказал армии и флоту принять к исполнению это постановление [17].

Особое значение для командования приобретали действенные способы мотивирования комбатантов ввиду неудачно развивавшегося наступления российской армии на Юго-Западном фронте и предстоящего выступления войск Северного, Западного и Румынского фронтов в июне 1917 г. Военный министр Временного правительства А.Ф. Керенский, приложивший немалые усилия для их организации, с начавшимися военными действиями начал щедро раздавать награды отличившимся. По этому поводу В.П. Кравков, военный врач VII Сибирского корпуса, принявшего участие в операции на Юго-Западном фронте, вспоминал: «Керенский <…> произвел одного солдата в офицеры, приказал выдать на каждую роту по 10 Георгиевских крестов и по 10 Георгиевских медалей» [18, с. 338].

По новым правилам вводились награждения офицеров за подвиги личной храбрости и доблести всей ротой (эскадроном, сотней и т. п.), по удостоверению общего собрания роты. Это постановление затем поступало на рассмотрение выборной полковой (бригадной и т. п.) думы, а окончательно утверждалось начальником дивизии. Награждение солдат орденом Святого Георгия совершалось в установленном статутом порядке, после этого они получали звание поручика.

По оценкам современников «это смелое нововведение, стирая странную, казалось бы, непроходимую грань между нашим скромным по облику солдатом и офицером, украшенным блестящими погонами», действительно, позволяло избавиться от сословных предрассудков и давало возможность беспристрастно и справедливо оценить «благородные порывы души воинов, одинаково любящих Родину, независимо от их звания и чина» [19]. Высказывались пожелания, что новые правила, «окрылив дух русского солдата» будут прекрасной мотивацией для проявления «его природной самоотверженности, чудодейственной доблести, базировавшейся <…> и на фактах реального равноправия боевых заслуг» [19].

Более того, на страницах газет происходило дальнейшее обсуждение способов устранения несправедливостей, которые содержались в царской наградной системе. Так, например, один из авторов обозначил вполне злободневную проблему, оформившуюся в годы позиционной войны, когда комбатанты в течение долгого времени провели в окопах, находились под артиллерийским и ружейным огнем, однако не получили ни одной боевой награды. «В то же время, – справедливо указывал он, – штабные и прочие тыловые представляют из себя ходячие иконостасы» [20]. Автор предлагал награждать всех солдат и офицеров, пробывших в сфере артиллерийского огня полгода: солдат – Георгиевской медалью 4-й степени, офицеров же – орденом Святого Святослава 3-й степени с мечами и бантом. Пробывших один год под непосредственным обстрелом противника, солдат – Георгиевскими медалями 3-й степени, офицеров – орденом Анны 3-й степени с мечами и бантом. Пробывших 2 года, солдат – Георгиевской медалью 1-й степени, офицеров – Анна 2-й степени с мечами и бантом [20]. Он же призывал не забывать о раненных солдатах и офицерах, инвалидах, ставших таковыми после ранения на фронте и засчитывать в ценз награды время, проведенное на излечении.

Большинство из предлагаемых нововведений так и не было реализовано Временным правительством. В условиях почти полного отсутствия дисциплины в солдатской массе, в большинстве своем поддерживавшей антивоенные лозунги и мечтавшей скорее вернуться домой для передела земли, итог летнего наступления был предрешен. Сложно сказать, насколько более адекватная система награждений смогла бы повлиять на ход боевых действий. Однако, очевидно, что череда злоупотреблений и несправедливостей, с которыми сталкивались комбатанты в годы Первой боевой войны, в том числе и в существовавшей наградной системе, а также ее несовершенства, были одними из ряда причин, предопределивших трансформацию их эмоционального настроя. Отсутствие мотивирующих установок для продолжения войны, в том числе для свершения подвигов на фронте,

предопределило ее трагическое завершение.

Правительство большевиков, позиционируя себя «народной властью», решительно дистанцировалось от царской наградной системы. Совет народных комиссаров, уже в декабре 1917 г., «осуществляя волю революционного народа о скорейшем и решительном уничтожении всех остатков прежнего неравенства и армии», вслед за царскими чинами и званиями и наружными отличиями отменил все ордена царской России, в том числе заслужившие вековую воинскую славу орден и крест Святого Георгия [21].

Список литературы

1. Неизреченная красота подвига // Военный Сборник общества ревнителей военных знаний и кружков высшего военного образования. 1930. Кн. XI. С. 133-147.

2. Алферова И.В., Гончаров Е.В. «Героическое» как атрибут войны (к вопросу о функционировании наградной системы в Первой мировой войне) // Вестник Брянского государственного университета. 2016. № 1 (27). С. 13-17.

3. Дуров В. Ордена Российской империи. М., 2002. 224 с.

4. Россия. Законы и постановления**.** Статут императорского военного ордена святого великомученика и победоносца Георгия, принадлежащего к сему ордену Георгиевского Креста и причисляемых к тому же ордену Георгиевского оружия и Георгиевской медали: [издание дополненное по 15 июля 1915 г.]. 4-е изд., доп. Пг., 1915. 110 с.

5. Герои Великой войны. 1914 – 1918. Материалы Трофейной комиссии в собрании Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. М., 2014. 504 с.

6. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. Т. 33 (1913). № 40135.

7. Керсновский А. История русской армии в 4-х томах. Том четвёртый. 1915–1917 гг. М., 1992. 304 с.

8. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1486.

9. Деникин А.И. Очерки русской смуты: Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917. Минск, 2002. 464 с.

10. РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 69.

11. Волков С.В. Русский офицерский корпус / Сайт историка С.В. Волкова / http://swolkov.org/rok/026.htm (дата обращения 09.09.2017)

12. Свечин А.А. Искусство вождения полка по опыту войны 1914 – 1918 гг. М., 2005. 448 с.

13. РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 906.

14. Лемке М.К. 250 дней в царской ставке 1916. Минск, 2003. 672 с.

15. Письма с войны 1914 – 1917 / составление, комментарии и вступительная статья А.Б. Асташова и П.А. Симмонса. М., 2015. 795 с.

16. РГВИА. Ф. 2048. Оп.1. Д. 1093.

17. Военный министр А. Керенский. Приказ Армии и Флоту // Армия и флот Свободной России. 1917. № 161. 13 (26) июля.

18. Кравков В.П. Великая война без ретуши. Записки корпусного врача. М., 2014. 416 с.

19. Иванов Викт. Георгиевские награды // Армия и флот Свободной России. 1917. № 168. 21 (3) августа.

20. А.Б. «О наградах» // Армия и флот Свободной России. 1917. № 172. 26 июля.

21. Об уравнении в правах всех военнослужащих. Декрет Совета Народных Комиссаров // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. М., 1917. № 9. 24 декабря. Отдел первый. Ст. 139.

"UNUTTERED BEAUTY OF THE FEAT …"
(about the award system in World War I)

In the article the contents of the statute of the military Order of Saint George and St George's Cross are considered, the dynamics of its change throughout the Russian history is traced, the analysis of innovations on the eve of World War I is offered. On the basis of a wide range of sources, namely: memoirs of the participants of the war, letters from the front, reviews of the letters prepared by military censors some reasons which generated the critical statements of the combatants

concerning objectivity of the criteria of "fair" receiving awards are established. At the same time the article depicts abusive practice taking place in award recommendation which was connected both with the reasons of "universal" character, and with the features of the Russian society of the beginning of the 20th century, first of all division of society into classes, social inequality, snobbery of high brass and Guards officers, indifference in relation to the junior enlisted and noncommissioned officers. A number of provisions in the article allows to approach the problems of defining "heroic" by the participants of World War I, to which they came either directly in a military situation, or reflexing on their experience years later, often in emigration. Partly the conclusions of the article reveal the reasons of the emotional transformation of the combatants which as well predetermined the distribution of defeatist moods.
Keywords: World War I, statute, Order of Saint George, St George's Cross, Medal of St. George, military feats, award system.

References

1. Neizrechennaja krasota podviga (1930) [Unuttered Beauty of the Feat]. Voennyj Sbornik obshhestva revnitelej voennyh znanij i kruzhkov vysshego voennogo obrazovanija [Military Collection of society of adherents of military knowledge and circles of the higher military education], XI, 133-147.

2. *Alferova I.V., Goncharov E.V.* (2016). «Geroicheskoe» kak atribut vojny (k voprosu o funkcionirovanii nagradnoj sistemy v Pervoj mirovoj vojne) ["Heroic" as attribute of war (revisiting functioning of the award system in World War I)]. *Vestnik Brjanskogo gosudarstvennogo universiteta [Herald of Bryansk State University]*.,1 (27), 13-17.

3. Durov V. (2002). Ordena Rossijskoj imperii [Awards of the Russian Empire]. Moskva, 224 s.

4. Rossija. Zakony i postanovlenija. Statut imperatorskogo voennogo ordena svjatogo velikomuchenika i pobedonosca Georgija, prinadlezhashhego k semu ordenu Georgievskogo Kresta i prichisljaemyh k tomu zhe ordenu Georgievskogo oruzhija i Georgievskoj medali: [izdanie dopolnennoe po 15 ijulja 1915 g.] (1915) [Russia. Laws and resolutions. The statute of the imperial military award of the Saint great martyr and pobedonosets Georgy belonging to this order of St George's Cross and also ranked among the order of St. George's Weapon and the medal of St. George: [the edition added till July 15, 1915]]. 4-e izd., dop. Pg., 110 s.

5. Geroi Velikoj vojny. 1914 – 1918. Materialy Trofejnoj komissii v sobranii Voenno-istoricheskogo muzeja artillerii, inzhenernyh vojsk i vojsk svjazi (2014) [Heroes of Great War. 1914 – 1918. Materials of the Trophy commission in the collection of the Military and Historical Museum of artillery, engineering troops and troops of communication], Moskva, 504 s.

6. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobr. 3-e (1913) [Complete collection of laws of the Russian Empire. 3rd ed.], 33, № 40135.

7. Kersnovskij A. (1992). Istorija russkoj armii v 4-h tomah. Tom chetvjortyj. 1915–1917 gg. [History of the Russian army in 4 volumes. Volume fourth. 1915-1917], Moskva, 304 s.

8. RGVIA [Russian state military and historical archive]. F. 2003. Op. 2. D. 1486.

9. *Denikin A.I.* (2002). Ocherki russkoj smuty: Krushenie vlasti i armii. Fevral' – sentjabr' 1917 [Sketches of the Russian distemper: Crash of the power and army. February – September, 1917], Minsk, 464 s.

10. RGVIA [Russian state military and historical archive]. F. 13835. Op. 1. D. 69.

11. Volkov S.V. Russkij oficerskij korpus / Sajt istorika S.V. Volkova / [Russian Officer Corps. Website of the historian S.V. Volkov]. Retrieved 09 September, 2017 from http://swolkov.org/rok/026.htm.

12. *Svechin A.A.* (2005). Iskusstvo vozhdenija polka po opytu vojny 1914 – 1918 gg. [Art of driving of a regiment by experience of the war of 1914 - 1918], Moskva, 448 s.

13. RGVIA [Russian state military and historical archive]. F. 2048. Op. 1. D. 906.

14. *Lemke M.K.* (2003). 250 dnej v carskoj stavke 1916 [250 days in the Imperial General Headquarters 1916], Minsk, 672 s.

15. Pis'ma s vojny 1914 – 1917 / sostavlenie, kommentarii i vstupitel'naja stat'ja A.B. Astashova i P.A. Simmonsa (2015) [Letters from the war 1914 - 1917/compiling, comments and the introductory article by A.B. Astashov and P.A. Simmons], Moskva, 795 s.

16. RGVIA [Russian state military and historical archive]. F. 2048. Op.1. D. 1093.

17. Voennyj ministr A. Kerenskij. Prikaz Armii i Flotu (1917). [Minister of War A. Kerensky. Orders to the Army and Fleet]. Armija i flot Svobodnoj Rossii [Army and fleet of Free Russia], 161, 13 (26) ijulja.

18. *Kravkov V.P*. (2014). Velikaja vojna bez retushi. Zapiski korpusnogo vracha [Great war without retouch. Notes of a corps doctor], Moskva, 416 s.

19. *Ivanov Vikt*.(1917). Georgievskie nagrady [Awards of St. George]. Armija i flot Svobodnoj Rossii [Army and fleet of Free Russia], 168, 21 (3) avgusta.

20. *A.B*. (1917). «O nagradah» [About awards]. Armija i flot Svobodnoj Rossii [Army and fleet of Free Russia],172, 26 ijulja.

21. Ob uravnenii v pravah vseh voennosluzhashhih. Dekret Soveta Narodnyh Komissarov (1917). [About the equalization of the rights of all military personnel. Decree of Council of People's Commissars]. Sobranie uzakonenij i rasporjazhenij rabochego i krest'janskogo pravitel'stva [Collection of legalizations and orders of the working and country government], Moskva, 9, 24 dekabrja, Otdel pervyj, St. 139.

Об авторе

Алферова Ирина Викторовна – доктор исторических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: alferovairi@yandex.ru

Alferova Irina Viktorovna – Doctor of Historical Sciences, Professor, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky (Russia), E-mail: alferovairi@yandex.ru

УДК 327.51

Антюхова Е.А., кандидат политических наук, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ (Россия)

РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ СТРАТЕГИЧЕСКОГО КУРСА НАТО В РАЗРЕШЕНИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ, ВЫЗВАННЫХ СОБЫТИЯМИ «АРАБСКОЙ ВЕСНЫ»

Статья посвящена трансформации политической и военной стратегии НАТО в XXI веке, обусловленной изменившимися доктринальными установками военно-политического блока. Особый акцент делается на участие Североатлантического альянса в разрешении конфликтов, вызванных событиями «арабской весны». Затрагиваются цели, преследуемые странами, входящими в военно-политический блок НАТО. Делаются выводы о результативности стратегического курса Североатлантического союза в разрешении конфликтов в арабском регионе мира.
Ключевые слова: стратегия НАТО, «арабская весна», геополитические интересы, доктринальные установки, вооруженный конфликт, гуманитарная катастрофа, военное присутствие.

Начало второго десятилетия XXI века ознаменовалось чередой политических конфликтов и военного противостояния в ряде регионов мира. Сложившаяся ситуация во многом объясняется тем, что «мир переживает некий системный кризис, который вызван не только и не столько крушением биполярной системы международных отношений, а более глубинными процессами, обусловленными кризисом политической системы мира, как таковой» [3, с. 110]. Прежнее единство международных отношений размывается возникновением и участием новых акторов, которые бросают вызов современному мироустройству.

Одним из таких акторов, занимающих особое место в системе мировой политики, выступает НАТО. НАТО – военно-политический альянс, объединяющий ряд ведущих европейских государств–политических «тяжеловесов» (Германия, Франция, Великобритания и др.), а также США и Канаду. Созданный в период холодной войны в целях противостояния Советскому Союзу, обеспечения безопасности в Европе и упрочения партнерских отношений между США и капиталистическими государствами Старого Света военно-политический блок НАТО со времени распада социалистического блока определил новые стратегические направления своей деятельности. Значительные изменения доктринальные установки Североатлантического союза претерпели в XXI веке, что во многом объясняется изменением социально-политической ситуации в мире.

Основными причинами трансформации политической и военной стратегии НАТО в XXI веке стали изменения, произошедшие в мировой политической системе: в ряде регионов мира обострились внутренние конфликты, приведшие к вооруженному противостоянию; угроза терроризма приобрела реальные черты, значительно усугубив глобальный характер рисков безопасности. С учетом этих обстоятельств, исходя из новых доктринальных установок, НАТО перешла к новой стратегии, направленной на противодействие мировым угрозам и вызовам. При этом одним из приоритетных векторов направленности действий Североатлантического союза стало тесное взаимодействие с государствами, не являющимися членами блока, но находящимися в сфере геополитических интересов НАТО.

Отличительной особенностью новой стратегии блока стало системное воздействие, включающее не только военные, но и политические, экономические, социальные и культурные факторы. Новая стратегическая концепция НАТО призвана решать ряд задач, среди которых наиболее важными являются: коллективная оборона, кризисное регулирование и обеспечение безопасности на основе сотрудничества путем превращения союза в глобальную военную силу сдерживания и противодействия региональным конфликтам. В соответствии с концептуальными подходами, изложенными натовскими стратегами, «альянс остается важнейшим источником стабильности в непредсказуемом мире»» [7, с. 3-8].

Стратегической целью Альянса является не только обеспечение военной безопасности ее членов, но и вовлечение в сферу влияния НАТО все новых государств для реализации глобальных и региональных интересов военно-политического блока. Новым

элементом, определяющим подход НАТО к реализации стратегии Альянса, стала концепция гуманитарного вмешательства, необходимости защиты прав человека, невзирая на суверенные прерогативы государства, в том числе и путем вооруженного вмешательства.

Особый интерес у государств, входящих в структуру НАТО, традиционно вызывает арабский регион. Этот интерес не случаен. Ведущие государства-члены НАТО (США, Франция, Великобритания, Италия) преследуют широкий спектр экономических и геополитических интересов в арабском регионе мира, что в значительной степени связано с установлением контроля над государствами региона и обеспечением энергетической безопасности европейских государств-участников блока.

Социальные взрывы и потрясения, затронувшие государства Ближнего Востока и Северной Африки в начале второго десятилетия XXI века, сопровождались протестными выступлениями против правящих авторитарных режимов. Однако очень скоро конфликтная ситуация из сугубо политической плоскости перешла в силовую. Эти события, получившие условное название «*арабской весны*»* , всколыхнули не только арабский мир, но и оказали значительное влияние на трансформацию политической организации мира в целом.

События в арабском регионе мира вписываются в концепцию «идеального шторма», предложенную М.М. Лебедевой [4, с. 125-133]. По мысли исследователя, в системе политической организации мира в результате процессов трансформации появляются так называемые «слабые звенья». Таким «слабым звеном» в начале XXI века стал регион Ближнего Востока и Северной Африки. НАТО активно откликнулась на, казалось бы, сугубо внутренние конфликты, охватившие страны «арабской весны». Несмотря на то, что вмешательство Североатлантического союза внешне проходило под лозунгами демократизации, защиты народных интересов было вполне очевидно, что со стороны натовских стратегов ожидалось, что «арабская весна» создаст новые, более широкие возможности для реализации интересов государств Североатлантического альянса. Именно этим во многом объяснялось то обстоятельство, что действия НАТО по разрешению кризисов «арабской весны» преследовали цель установления в государствах, охваченных кризисом, политически зависимых от западных стран режимов.

Вполне очевидно, что активное участие НАТО в конфликтах на Ближнем Востоке и в Северной Африке придавало «арабской весне» новое внешнеполитическое измерение, а характер и степень вмешательства позволяют рассматривать данные события в качестве реализации новой стратегии Североатлантического альянса по созданию мироустройства по западному образцу.

Среди стран Арабского Востока два государства, Ливия и Сирия, в наибольшей степени ощутили на себе вмешательство со стороны НАТО. Силы Альянса «активно включились в события, стремясь использовать ситуацию в своих интересах» [5, с. 383]. Причем,

* Термин «арабская весна» вошел в оборот после того, как в 2011 г. на фоне начинающихся протестов в Тунисе, в журнале «Foreign Policy» была опубликована статья М. Линча «"Арабская весна" Б.Обамы» (См.: Lynch M. Obama's 'ArabSpring'?// Foreign Policy. 2011. January 6 http://mideast.foreignpolicy.com/posts/2011/01/06/obamas_arab_spring). Несмотря на условность, данный термин, явно восходящий к европейским революционным событиям весны 1848 г., вошел в оборот и широко используется для обозначения политических событий, произошедших в регионе Северной Африки и Ближнего Востока. В последнее время данный термин используется и в официальных документах МИД России, выступлениях представителей российского внешнеполитического ведомства (См. например: Ответное письмо Посла России в Швеции В.И. Татаринцева бывшему шведскому Министру финансов и Министру по вопросам координации П.Нуделеру, опубликовано в газете «Дагенс Индстри» 9 апреля 2015 года http://www.mid.ru/web/guest/maps/se//asset_publisher/Nr26tJIotl7z/content/id/1528295; Выступление Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на заседании Совета Безопасности ООН по теме: «Поддержание международного мира и безопасности: урегулирование конфликтов на Ближнем Востоке и в Северной Африке и борьба с террористической угрозой в регионе», Нью-Йорк, 30 сентября 2015 года http://www.mid.ru/web/guest/general_assembly//asset_publisher/lrzZMhfoyRUj/content/id/1819214; Интервью Постоянного представителя России при ООН В.И. Чуркина "Российской газете", 26 октября 2015 года http://www.mid.ru/web/guest/notabene//asset_publisher/dx7DsH1WAM6w/content/id/1899490). Данный термин обозначает социально-политические изменения в государствах Ближнего Востока и Северной Африки, связанные с массовыми протестными выступлениями, начавшимися в конце 2010 г.

если события в Ливии пришли к пусть трагическому, но все же финалу, то ситуация в Сирии до сих пор продолжает оставаться достаточно напряженной и нестабильной. США, как ведущее государство НАТО, не хочет смириться с мыслью, что сам сирийский народ должен самостоятельно решать свои внутриполитические проблемы. Сирия по - прежнему остается в фокусе геополитических интересов Америки, которая, исподволь поддерживая антиправительственные группировки в Сирии, пытается предстать в глазах общественного мнения в качестве миротворца.

Анализ событий «арабской весны» показывает, что стратегия НАТО в вооруженном конфликте в Ливии имела политическую и военную составляющие. Политический подход предполагал получение Альянсом юридических гарантий деятельности в виде мандата ООН. Военная составляющая должна была способствовать достижению политической цели и сыграла определяющую роль. Действия ливийской оппозиции были неудачными, что приводило к формированию ситуации, когда военный успех правительственных войск мог привести к устранению вооруженной оппозиции как таковой. Сегодня однозначно можно констатировать, что существенную роль в свержении режима сыграли войска НАТО, которые провели войсковую операцию с использованием воздушных, военно-морских и наземных сил по подавлению ливийской армии М. Каддафи.

Сирия также находится в сфере геополитических интересов Альянса. В стратегических подходах блока по участию во внутриполитическом конфликте в Сирии ключевую роль сыграли не гуманитарные, а геополитические и геоэкономические соображения. Прежде всего: независимый внешнеполитический курс этой страны, ее стратегическое партнерство с Ираном и поддержка движений «Хезболла» и ХАМАС. Ведущие государства-члены НАТО неоднократно стремились к принятию резолюции ООН, осуждающей режим Б. Асада.

В сирийских событиях, в отличие от ливийского кризиса, НАТО явно избегала открытого вооруженного вмешательства, опасаясь значительных военных потерь. Не последнюю роль сыграло и военное присутствие России в регионе, ее последовательная внешнеполитическая позиция по мирному урегулированию конфликта путем внутрисирийского диалога с международным участием. Тем не менее, стратегия НАТО направлена на то, чтобы способствовать установлению в стране прежде всего благоприятного для интересов безопасности Североатлантического союза политического режима. Основным способом достижения поставленной цели служит поддержка сирийской оппозиции, обеспечение ее консолидации. Еще одной составляющей действий Альянса в указанном конфликте стала подготовка и развертывание военной инфраструктуры союза в непосредственной близости от границ Сирии.

События «арабской весны» и реализация новой стратегии НАТО в ходе конфликтов в Ливии и Сирии стали серьезным вызовом для России, связанным с необходимостью защиты своих национальных интересов. Дестабилизация в регионе привела к повышению рисков, вызванных ростом террористической угрозы, исходящей от ИГИЛ, что обусловило необходимость проведения Россией антитеррористической операции против этой экстремистской организации. Последовательная позиция России в урегулировании сирийского кризиса способствовала в поиске путей выхода из создавшейся ситуации.

Принятая Советом Безопасности ООН Резолюция № 2254 от 18 декабря 2015 года среди прочих содержала важный постулат о том, что «устойчивое урегулирование нынешнего кризиса в Сирии может быть обеспечено только на основе осуществляемого самими сирийцами всеохватного политического процесса, отвечающего законным чаяниям сирийского народа» [6].

Очевидно, что решение Совета Безопасности ООН должно открыть путь к формированию широкого антитеррористического фронта на базе устава ООН. По заявлению Министра иностранных дел России С.В. Лаврова, Сирия должна остаться единым, светским, многоконфессиональным и полиэтническим государством, обеспечивающим гарантии и свободы для всех граждан, проживающих на ее территории [1].

Анализируя события «арабской весны», следует отметить, что основные подходы к реализации стратегии НАТО, ее результаты и последствия действий Альянса по разрешению кризисов имели противоречивый характер. С

одной стороны, была реализована стратегическая задача блока предстать в глазах мирового сообщества в качестве единственной миротворческой силы, способной к сдерживанию и разрешению региональных конфликтов. При этом Альянс продемонстрировал эффективность своих партнерских программ. Была подтверждена высокая результативность военных сил НАТО. С другой стороны, Североатлантический альянс добился укрепления собственных позиций в регионе под эгидой содействия в демократизации этих стран путем поддержки протестных выступлений.

Вполне очевидно, что члены Альянса весьма специфически понимали задачу урегулирования конфликтов. В событиях «арабской весны» целью НАТО стал не столько поиск путей по их разрешению, сколько использование конфликтной ситуации для достижения собственной политической выгоды. В большинстве стран арабского мира конфликты не только не были урегулированы, а в целом ряде случаев интенсифицировались. Гуманитарная катастрофа в странах «арабской весны» спровоцировала неконтролируемую волну миграции из этого региона в Европу [2, с. 16-20].

Список литературы

1. Выступление Министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова на заседании Совета Безопасности ООН 18.12.2015 г.

2. Кузнецов А.Ю. Ливия год спустя: печальные итоги.// Российский академический журнал. 2012. № 2. С. 16–20.

3. Лебедева М.М. Международные конфликты в современном мире: их исследование и урегулирование / М.М. Лебедева // Международные отношения: теории, конфликты, движения, организации. Изд. 3-е перераб. и дополн. / Под ред. проф. П.А. Цыганкова. М.: Альфа-М, Инфра-М, 2011. С.110.

4. Лебедева М.М. Система политической организации мира: «идеальный шторм» // Вестник МГИМО-Университет. 2016. № 2 (47). С.125-133.

5. Примаков Е.М. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами. М., 2016. С.383.

6. Резолюция Совета Безопасности ООН № 2254 от 18 декабря 2015 года.

7. Симонов А.А. Новая стратегическая концепция НАТО // Зарубежное военное обозрение. № 1. 2011. С.3-8

EFFECTIVENESS OF THE NATO STRATEGIC COURSE IN RESOLUTION OF THE REGIONAL CONFLICTS CAUSED BY THE EVENTS OF "THE ARAB SPRING"

The article is devoted to the transformation of the NATO political and military strategy in the XXIst century caused by the changed doctrinal orientations of the military-political block. A particular emphasis is put on participation of the North Atlantic Alliance in resolution of conflicts, caused by the events of "the Arab Spring". The purposes pursued by the countries of the military-political NATO alliance are mentioned. Conclusions about the effectiveness of the strategic course of the North Atlantic Treaty Alliance in resolution of the conflicts in the Arab region of the world are drawn.
Keywords: NATO strategy, "the Arab Spring", geopolitical interests, doctrinal orientations, armed conflict, humanitarian disaster, military presence.

References

1. Vystuplenie Ministra inostrannyh del RF S.V. Lavrova na zasedanii Soveta Bezopasnosti OON 18.12.2015g. [Speech of the Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation S.V. Lavrov at the meeting of the UN Security Council of 18.12.2015].

2. Kuznecov A.Ju. (2012). Livija god spustja: pechal'nye itogi [Libya a year later: sad results]. Rossijskij akademicheskij zhurnal [Russian academic journal], 2.P. 16–20.

3. Lebedeva M.M. (2011). Mezhdunarodnye konflikty v sovremennom mire: ih issledovanie i uregulirovanie [International conflicts in the modern world: their research and settlement]/ M.M. Lebedeva // Mezhdunarodnye otnoshenija: teorii, konflikty, dvizhenija, organizacii [International relations: theories, conflicts, movements, organizations]. Izd. 3-e pererab. i dopoln. / Pod red. prof. P.A. Cygankova. Moskva: Al'fa-M, Infra-M. P. 110.

4. Lebedeva M.M. (2016). Sistema politicheskoj organizacii mira: «ideal'nyj shtorm» [System

of the political organization of the world: "An ideal storm"]. Vestnik MGIMO-Universitet [Herald of MGIMO-University], № 2 (47). P. 125-133.

5. Primakov E.M. (2016). Konfidencial'no: Blizhnij Vostok na scene i za kulisami [Confidentially: The Middle East on the stage and behind the scenes]. Moskva. P. 383.

6. Rezoljucija Soveta Bezopasnosti OON № 2254 ot 18 dekabrja 2015 goda [Resolution of the UN Security Council No. 2254 of December 18, 2015].

7. Simonov A.A. (2011). Novaja strategicheskaja koncepcija NATO [NATO new strategic concept]. Zarubezhnoe voennoe obozrenie [Foreign military review], 1. P. 3-8.

Об авторе

Антюхова Екатерина Андреевна – кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры сравнительной политологии, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ (Россия), E-mail: 15e_ant77@mail.ru

Antyukhova Ekaterina Andreevna – PhD (political sciences), Senior Lecturer in Comparative Politics, Moscow State Institute of International Relations (University) MFA RF (Russia). E-mail: 15e_ant77@mail.ru

УДК 94(430)

Артамошин С.В., доктор исторических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

КОНЦЕПЦИЯ «РЕЙХА» В ТЕОРИИ «ВЕЛИКОГО ПРОСТРАНСТВА» КАРЛА ШМИТТА

В статье рассматривается теория «рейха» как компонент геополитической концепции «великого пространства» Карла Шмитта. Теория «великого пространства» была направлена на осмысление изменения роли и формы государства в области внешней политики в конце 1930-х гг. Анализируется степень влияния политических идей К. Шмитта на геополитическую концепцию «великого пространства» и ее отражение во внешнеполитической концепции национал-социализма.

Ключевые слова: теория «великого пространства», «рейх», К. Шмитт, геополитика, национал-социализм.

Становление и развитие геополитической науки в Германии напрямую соприкасалось с политическим развитием германского государства и изменениями его внешнеполитического положения. Версальский мирный договор образовал новый миропорядок, а вместе с ним и новый порядок пространств, в котором Веймарская республика была существенно ограничена, а некоторый период находилась вообще вне мировой политики. Как отмечал Ф. Ебелинг, «идея нового порядка пространств обдумывалась не только в Германии..., но и в других странах, фактически практиковалась Советским Союзом, США, Англией и Францией»[3, s. 32].

В конце 1930-х гг. германский консервативный мыслитель и правовед Карл Шмитт сместил фокус исследовательского интереса с проблем внутриполитических на внешнеполитические. В 1939 г. он опубликовал статью, посвященную международно-правовой борьбе за доктрину Монро, в которой обозначил контуры геополитической доктрины великого пространства [5]. Обстоятельная аргументация выдвинутых положений была рассмотрена им в книге, посвященной порядку больших пространств [2].

Шмитт утверждал, что кризис Версальской политической системы требует формирования нового осмысления пространственного порядка. В поисках новых принципов организации пространства он противопоставлял версальский принцип мирового порядка американской «доктрине Монро», которая заключала в себе политическую и пространственную идею[2, с. 494]. Автор утверждал, что «провозглашенная в 1823 году американская «Monroe Doctrine» является в новейшей истории международного права первым и до сих пор самым успешным примером международно-правового принципа большого пространства. Поэтому она является для нас единственным в своем роде важным «precedent». Когда нужно разобрать правовую идею международно-правового принципа большого пространства, нужно исходить из этой доктрины, а не из учения о «естественных границах», или «права на землю», или из уже названных региональных пактов»[2, с. 494-495]. К. Шмитт утверждал, что первоначальный смысл доктрины состоял в том, чтобы «посредством исключения интервенций чуждых пространству сил защитить новую политическую идею против тогдашних сил легитимности status quo»[2, с. 509-510].

К. Шмитт утверждал, что с начала XX века «доктрина Монро» от оборонительной доктрины превратилась в агрессивно-империалистическую в период администрации Т. Рузвельта, а в годы Великой войны администрации Вудро Вильсона. «Первоначально оборонительную, отвергающую интервенции чуждых пространству сил идею пространства могли сделать основанием «Dollar Diplomacy»». К.Шмитт отмечал, что результате этого произошло изменение доктрины Монро «из конкретной, географически и исторически оправданной идеи большого пространства во всеобщий, универсалистски мыслимый мировой принцип, который должен действовать для всей Земли и претендует на «повсеместное распространение». Это перетолкование, конечно, тесно примыкает к фальсификации в универсалистски-империалистический принцип экспансии»[2, с. 507].

К. Шмитт утверждал о взаимосвязи политической идеи и идеи пространства. «Для нас не существует ни лишенных пространства политических идей, ни, наоборот, безыдейных пространств или принципов пространства. Определенной политической идее опять же свойственно то, что ее носителем является определенный народ, и что она имеет в виду определенного политического противника, благодаря чему она и получает политическое качество»[2, с. 504]. Обладающий осознанной политической идеей народ реорганизует пространство в соответствии с собственными потребностями. Применительно к «доктрине Монро» германский консерватор находил параллель между ее принципами и действиями германского правительства по изменению европейского пространства. Он утверждал, что подлинный принцип «доктрины Монро» выражался в следовании принципу большого пространства, в «соединении политически пробудившегося народа, политической идеи и политически овладевшего этой идеей, исключающего чуждые интервенции большого пространства. Повторяясь, скажем, что не доктрину Монро, но эту сердцевину, идею порядка больших пространств в праве народов можно перенести на другие пространства, другие исторические ситуации и другие разделения на группы друзей и врагов»[2, с. 505].

К. Шмитт вводил понятие «конкретного большого пространства и сопряженное с ним понятие международно-правового принципа большого пространства». Отличие пространства от большого пространства состоит в том, что последнее является «конкретным современным историко-политическим понятием»[2, с. 483]. К. Шмитт видел в большом пространстве результат государственных достижений, направленных на организацию стратегии действий по усилению политического влияния и защите государственных интересов. Оно должно восприниматься как результат конкретного успеха государства на международной арене. «Большое пространство – это возникающая из обширной современной тенденции развития область человеческого планирования, организации и активности. Большое пространство есть для нас прежде всего связное пространство достижения»[2, с. 486].

Современное понятие государства не в полной мере соответствует динамике геополитического развития, поэтому К. Шмитт предлагал включать международно-правовое понятие большого пространства в понятие рейха, которое аккумулирует внешнюю и внутреннюю политику и политическую идею. Он отмечал, что «рейхами в этом смысле являются ведущие и несущие силы, политическая идея коих распространяется в определенном большом пространстве и которые относительно этого большого пространства принципиально исключают интервенцию сил, принадлежащих чужому пространству». К. Шмитт выделил в качестве основополагающих признаков «связь рейха, большого пространства и принципа запрета на интервенцию»[2, с. 527]. Он полагал, что отличительной особенностью рейха является его конкретность и отношение к действительности современного международного права. К. Шмитт противопоставлял рейх понятию империя. Они разнятся по своему отношению к универсализму. Если империи представляют собой универсалистские явления, охватывающие весь мир и человечество, и потому носящие наднациональный характер, то рейхи национальны по своей природе и являются порядком определенного народа. «Германский рейх определяется существенно народно и является существенно неуниверсалистским, правовым порядком на основе уважения каждой народности»[2, с. 529]. Таким образом, германский профессор подчеркивал основополагающие черты рейха, определяя его как «порядок большого пространства, подчиненного определенным мировоззренческим идеям и принципам, порядка, который исключает интервенции чуждых пространству сил и чьим гарантом и хранителем является народ, который обнаруживает свою способность справиться с этой задачей»[2, с. 544].

Теория большого пространства К. Шмитта представляла собой попытку моделирования системы международных отношений в рамках развития геополитической науки. Стремление германского профессора опереться на американскую «доктрину Монро» с целью выработки основного принципа невмешательства пространственно чуждых сил было направленно на обоснование разграничение сфер влияния и защиты их от

иностранного вмешательства. Конечно же, сложно говорить о стремлении автора создать немецкую «доктрину Монро», учитывая, что сам он несколько раз специально оговаривался об отсутствии подобных устремлений. Скорее можно говорить о стремлении К.Шмитта определить политическое в сфере международно-правовых отношений, прикладывая собственную теорию политики с разделением на друзей и врагов к области международных отношений.

Важным компонентом теории большого пространства К. Шмитта было соединение пространства и политической идеи, которая наполняла пространственное представление реальной политической целью. Германский консерватор ссылался на выступление А. Гитлера от 28 апреля 1939 г., в котором тот отметил, что «точно такую же доктрину («доктрину Монро» – С.А.) теперь выдвигаем для Европы мы, немцы, но на всякий случай и для областей и сфер интересов великогерманского рейха»[5, s. 302]. К. Шмитт подчеркивал, что германское пространство лежит в восточно-европейском регионе, которые является большим пространством для германского рейха. В этом можно увидеть совпадение вектора развития мировой политике, которую озвучивал, и на момент написания книги уже начал осуществлять А. Гитлер. Нам представляется, что вывод германского исследователя Л. Грухманна о том, что «постоянное обращение нацистского руководства к доктрине Монро и её использование главным образом против американцев преследовало практическую политическую цель: удержание США от вмешательства в национал-социалистическую захватническую войну в Европе»[4, s. 15] следует дополнить важным замечанием в отношении анализа К Шмитта. Его указания на осмысленность большого пространства народом было направленно на то, чтобы связать большое пространство с национальной идеей. Таким образом, требование невмешательства пространственно чуждых сил было направлено не на США, а на Великобританию, которая воплощая наднациональный универсалистский принцип, а также СССР с универсалистской идеей мировой революции.

Однако, если рассматривать реакцию нацистской интеллектуальной элиты, то тезисы К. Шмитта вызвали волну критики со стороны различных ведомств [подробнее см.: 1. с. 218-230]. Его упрекали в непонимании сущности нацистского подхода к проблеме пространства и государства, так как в представлениях национал-социалистов народ доминирует над государством и пространством и определяет его. К. Шмитту недоставало биополитического понимания пространства. Он стремился академически рассмотреть теорию большого пространства вместо того, чтобы анализировать создание континентального пространства. Из теории К. Шмитта не вытекал практический нацистский «новый порядок» в Европе. Следует отметить, что данная работа была последней крупной работой немецкого консерватора в годы нацистской диктатуры.

Теория большого пространства К. Шмитта стремилась сконструировать новое понимание развития международных отношений в рамках начавшейся Второй мировой войны. Германский консерватор считал, что большое пространство следует понимать национально, оно воплощает в себе политическую идею народа и служит формой самоопределения, требующей невмешательства пространственно чуждых сил. Противопоставляя универсализм большому пространству К. Шмитт обосновывал геополитические интересы народа и политически определял врага в лице Великобритании, США. Его позиция в отношении СССР оставалась двойственной, так как Советский Союз с идеей мировой революции представлял собой универсалистскую систему, однако окончание Польской кампании 1939 г. позволило определить границу большого пространства Германского рейха и СССР по территории Польши.

Список литературы

1. Буханов В.А. Гитлеровский «новый порядок» в Европе и его крах.(1933-1945). 2-е изд., доп. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2013.

2. Шмитт К. Порядок больших пространств в праве народов, с запретом на интервенцию для чуждых пространству сил// Шмитт К. Номос Земли. СПб.: Владимир Даль, 2008.

3. Ebeling F. Geopolitik: Karl Haushofer und seine Raumwissenschaft. 1919-1945. Berlin, Akademie, 1994

4. Gruchmann L. Nationalsozialistische Grossraumordnung. Die Konst-ruktion einer "deutschen Monroe-Doktrin". Stuttgart: Deutsche Verlag – Anstalt, 1962.

5. Schmitt C. Grossraum gegen Universalismus. Der völkerrechtliche Kampf um die Monroedoktrin // Schmitt C. Positionen und Begriffe im Kampf mit Weimar - Genf - Versailles 1923-1939. Hamburg: Duncker und Humblot, 1940.

THE CONCEPT OF "REICH" IN THE THEORY OF "GREAT SPACE" BY KARL SCHMITT

The article considers the theory of the "Reich" as a component of the geopolitical concept of "great space" by Karl Schmitt. The theory of the "great space" was aimed at understanding the changing role and form of the state in foreign policy in the late 1930s. The degree of influence of K. Schmitt's political ideas on the geopolitical concept of the "great space" and its reflection in the foreign policy concept of National Socialism is analyzed.
Keywords: "great space" theory, "Reich", K. Schmitt, geopolitics, national socialism.

References

1. Buhanov, V.A. (2013). Gitlerovskij «novij porjdok» v Evrope I ego krah.(1933-1945). 2-e isd., dop. Ekaterinburg: isd-vo Ural. Un-ta.

2. Shmitt, C. (2008**).** Porjdok bolshih prostranst v prave narodov,s zapretom na intervenziy dlj chuhdih prostranstvu sil// Shmitt C. Nomos Senli. SPb.: Vladimir Dal`.

3. Ebeling, F. (1994). Geopolitik: Karl Haushofer und seine Raumwissenschaft. 1919-1945. Berlin, Akademie.

4. Gruchmann, L. (1962). Nationalsozialistische Grossraumordnung. Die Konst-ruktion einer "deutschen Monroe-Doktrin". Stuttgart: Deutsche Verlag – Anstalt.

5. Schmitt, C. (1940). Grossraum gegen Universalismus. Der völkerrechtliche Kampf um die Monroedoktrin // Schmitt C. Positionen und Begriffe im Kampf mit Weimar - Genf - Versailles 1923-1939. Hamburg: Duncker und Humblot.

Об авторе

Артамошин Сергей Викторович – доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории и международных отношений, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: artamoshinsv@mail.ru

Artamoshin Sergey Viktorovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Dean of the Faculty of History and International Relations, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky (Russia), E-mail: artamoshinsv@mail.ru

УДК 94(470.333)

Барынкин В.П., кандидат исторических наук, доцент, Брянский государственный аграрный университет (Россия)
Барынкина И.В., кандидат педагогических наук, доцент, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)
Новожеев Р.В., кандидат исторических наук, доцент, Брянский государственный аграрный университет (Россия)

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ В ЛАГЕРЯХ ДЛЯ ВОЕННОПЛЕННЫХ НА ТЕРРИТОРИИ БРЯНЩИНЫ В 1944-1948гг

В статье рассматривается основные направления и значение антифашистской и политической работы в лагерях для немецких военнопленных и интернированных на территории Брянщины в 40-х годах 20 века. Анализируется ее роль в успешном функционировании лагерей в восстановлении послевоенного хозяйства страны.
Ключевые слова: антифашистская и политическая работа, лагеря для военнопленных, восстановление послевоенного хозяйства страны.

Лагеря для военнопленных и интернированных находились в ведении Народного комиссариата внутренних дел СССР, в составе которого было создано Главное управление по делам военнопленных и интернированных.

На территории Брянской области с 1944 по 1948 гг. функционировали три лагеря: №№ 252, 326, 327. Поэтому, было необходимым провести рациональное распределение поступавшей с фронтов и уже имеющейся рабочей силы по различным хозяйственным отраслям СССР. Усилиями военнопленных осуществлялось восстановление и строительство предприятий (паровозостроительный завод «Красный Профинтерн», цементный завод в п. Фокино, торфоразработки, лесозаготовки), объектов социально-культурного назначения, жилых районов. На примере лагеря № 252 мы видим, что это была производственная единица, озабоченная физическим состоянием военнопленных, их жилищными условиями, снабжением, питанием, медицинской помощью, использованием по специальности, охраной труда, длительностью рабочего времени.

Документы делопроизводства лагеря № 252, которым руководил с 1944 по 1947 гг. полковник Петр Георгиевич Малахов, говорят о следующих проблемах, которые настойчиво решала администрация лагеря: 1) истощение военнопленных и как следствие дистрофия; 2) смертность; 3) побеги; 4) саботаж; 5) поведение персонала управления лагеря; 6) оперативно-розыскная работа с целью выявления военных преступников среди военнопленных.

Желание вернуться на родину, боязнь тяжелого физического труда и зимних холодов, нежелание участвовать в восстановлении разрушенного народного хозяйства побуждали военнопленных к побегу[1]. Ежемесячно начальник отделения охраны и режима лагеря подавал сведения о побегах начальнику ОПВИ УНКВД Брянской области, в которых указывал данные беглеца, дату и время побега, причину побега, виновное лицо, меры к задержанию бежавшего военнопленного и его наказание [2] . Особенно опасными были групповые побеги. На их выявление в первую очередь, была направлена агентурная деятельность.

Осложнялась деятельность лагерей сложившимися межнациональными отношениями среди самих военнопленных. В лагерях, находящихся на территории Брянской области, в основном содержались немцы, но были и другие европейцы, вторгнувшиеся в числе армии фашистской Германии и ее сателлитов на территорию Советского Союза: австрийцы, венгры, румыны, итальянцы, поляки, чехи, эстонцы, латыши, литовцы, финны, французы, люксембуржцы. Отношения между военнопленными разных национальностей были весьма непростыми. Так, на совещании руководящего состава при начальнике лагеря №252 от 18 февраля 1945 года начальник одного из лагерных отделений майор Болдырев докладывал: «У нас работают два немецких врача, которые обслуживают военнопленных немцев и румын. Когда поступили румыны, нам надо было поместить их отдельно, и мы не имели бы такого положения, какое имеем на сегодняшний день. Немецкие врачи, имея

ненависть к румынам, относятся к ним не так как к немцам. Из 278 человек, находящихся в лазарете, 22 немца, остальные румыны»[3].

Начальник другого лаготделения майор Семериков докладывал на том же совещании: «За полмесяца мы сменили три повара немца, так они немцам отпускают больше пищи. Сейчас поставили повара из венгров, который работает более добросовестно» [4]. Подводя итоги очередного совещания, начальник лагеря полковник Малахов отметил, что среди некоторых немцев наблюдаются откровенно нацистские настроения, они не снимают фашистской символики и пренебрежительно относятся к военнопленным других национальностей, и администрации лагеря нужно иметь это в виду и принять соответствующие меры[5]. Руководство лагеря было вынуждено устраивать отдельные казармы для немцев, румын и венгров. И снизить до минимума общение между ними .

Поэтому, одной из важнейших задач деятельности лагерей была антифашистская и оперативно-агентурная работа в лагерях, направленная на денацификацию и демилитаризацию сознания военнопленных, приучение их к мирному труду, формирование новых взглядов на послевоенное устройство мира. Также важным было выявление военных преступников и неблагонадежных лиц, склонных к побегам, саботажу, а также военнопленных, негативно влиявших на контингент. Именно в Брянске были изобличены и казнены 30 декабря 1945г. как военные преступники генерал-лейтенант Фридрих Густав Бернгард, бывший командующий тылового округа 2-й танковой армии, а затем 9-й пехотной армии и генерал-майор Адольф Гаман, бывший комендант Орла, Брянска и Бобруйска, одновременно являвшийся командующим Орловским административным округом. Выполнение этих функций было возложено на политические и оперативные отделения лагерей. Деятельность этих структурных подразделений регулировалась специальными нормативными актами центральных органов госбезопасности, в том числе:

1. Приказ НКВД СССР №00805 об организации антифашистских политических курсов военнопленных. Москва. 28 апреля - 7 мая 1943г.

2. Приказ НКВД СССР №001731 о подготовке антифашистских кадров военнопленных. Москва. 10/11 ноября 1943г.

3. Приказ МВД СССР № 00933 о создании политического отдела при Главном управлении МВД СССР по делам о военнопленных и интернированных и политотделов лагерей для военнопленных. Москва. 19 октября 1946г.

4. Инструкция о работе политических отделов лагерей МВД для военнопленных. Москва. 18 апреля 1947г.

5. Директива НКВД СССР по оперативно-чекистскому обслуживанию военнопленных в лагерях НКВД СССР. Москва. 8 октября 1939г.

6. Директива НКВД СССР №489 об агентурной работе среди военнопленных. Москва. 10 октября 1943г.

7. Директива МВД СССР № 163 об усилении агентурно-оперативной работы по выявлению и ликвидации фашистских организаций и групп среди военнопленных и интернированных. Москва. 20 июня 1946г.

8. Директива МВД СССР №285 о выявлении военных преступников среди военнопленных и интернированных немцев. Москва. 3 декабря 1946 г[6].

Как отмечалось на совещании административного состава лагеря № 252, антифашистская работа среди военнопленных проводилась с целью «привития в каждом военнопленном чувства ответственности за совершенные злодеяния немецкими фашистами на территории Советского Союза в период временной оккупации и честного искупления своей вины честным трудом на фронте восстановления разрушенного хозяйства»[7]. В ежемесячных планах мероприятий лаготделений одним из разделов непременно была именно эта работа. Её проводили как советские инструкторы, так и инструкторы, подготовленные из числа военнопленных.

План мероприятий 5-го лаготделения лагеря №252 на апрель 1947 года дает нам представление об антифашистской работе среди военнопленных:

1. 10.04. – совещание антифашистского актива по вопросу «Стенная печать и ее роль в повышении производительности труда».

2. 15.04. – совещание с антифашистским

активом по вопросу «Усиление лагерного режима и борьба с побегами военнопленных».

3. В течение месяца продемонстрировать контингенту военнопленных 4 кинокартины.

4. Каждый выходной день – показ художественной самодеятельности военнопленных.

Антифашистская работа начиналась уже с момента организации лагерей. Судя по отчету от 6 ноября 1944 года по лагерю №252, созданного 1.06.1944 г. Там уже насчитывалось уже 3300 военнопленных, присоединившихся к национальному комитету «Свободная Германия», 3000 человек изъявили желание вести борьбу против гитлеровских войск и это при том, что на 1 июня антифашистов среди военнопленных насчитывалось лишь 50 человек . Вызывает интерес в отчете изменение настроений военнопленных в связи с событиями на советско-германском фронте. Если раньше большинство военнопленных желали, чтобы германскую территорию оккупировали американские войска, то теперь считают, что будет лучше, если Германию оккупирует Красная Армия[8]. Настроения немцев и даже антифашистов не всегда были лояльными. В целом, положительно восприняв решения Ялтинской конференции, военнопленные негативно приняли вопрос о репарациях, которые должна будет выплачивать побежденная Германия .

Антифашистский актив лагерей был главным организатором всех культурно-массовых мероприятий и производственных соревнований. Производительность труда бригад, укомплектованных из антифашистов, была стабильно высокой[9]. В рамках антифашистской работы проводились митинги, собрания, на которых обсуждались вопросы международной обстановки. Читались и обсуждались газетные материалы. Причем в лагеря поступали газеты и на немецком языке, например «Nachrichten» [10].

Агентурно-оперативная работа была в ведении оперативного отделения лагеря. Отделение подчинялось начальнику Особой части Отдела по делам военнопленных и интернированных УНКВД Брянской области и в меньшей степени начальнику Управления лагеря. В лагере создавалась агентурная сеть из числа военнопленных, задачей которых был сбор и передача в отделение необходимой информации, а именно – информация о готовящихся побегах, антисоветские разговоры среди военнопленных, выявление военных преступников и скрывающихся под видом солдат, офицеров, сотрудников гестапо, СС и других преступных элементов. Вербовкой агентуры в лагере занимался оперуполномоченный. Он же руководил расстановкой агентуры по подразделениям, составлял ежемесячные графики явок, проводил явочные встречи, фиксировал и анализировал информацию, составлял квартальные отчеты и докладные записки вышестоящим и контролирующим инстанциям.

За третий квартал 1947 года через агентуру в 456 отдельном рабочем батальоне были выявлены: 2 военнослужащих частей СС, 2 военнослужащих полевой полиции (один из них майор, командир батальона полевой полиции), 1 участник зверств, 3 члена НСДАП. Все они скрывали свое звание. Указанные военнопленные отправлены для дальнейшей разработки в лагерь №252 [11] . Для выявления эсесовцев проводились медосмотры. Так при медосмотре 126 военнопленных в указанном батальоне были обнаружены татуировки литерой «А» у троих военнопленных. Оказалось, что все они служили в частях СС, в дивизии «Мертвая голова» и были членами НСДАП с 1937 года [12]. Агенты проходили по документам под псевдонимами, например в 456 ОРБ в 1947 году состояло 12 агентов: Юзеф, Карл, Мюллер, Донер, Люмс, Гельмут, Бинокль, Гойль, Винт, Зин, Микроскоп, Пропеллер. По информации агентов предотвращалось значительное количество побегов, в том числе и групповых, а чекистские органы оперативно информировались о неблагонадежных настроениях среди военнопленных. Агентурно-оперативная работа был необходима для выявления военных преступников, маскировавшихся под рядовых солдат вермахта.

Для более эффективного функционирования лагерей большое значение придавалось работе с личным составом. Поэтому проводилась необходимая политическая работа в свете решения поставленных перед страной и лагерями задач.

Политическая работа реализовывалась путем целого комплекса мероприятий. Это были партийные и комсомольские собрания, совещания офицерского состава, курсы лекций на исторические темы и темы текущей политической и международной обстановки,

ежедневная политинформация и чтение газет.

Политическая работа лагеря и лаготделений велась по месячным и квартальным планам. Так выглядел, например, план партийно-политической работы на июнь 1947 года в 4-м лаготделении лагеря №252:

1. 14.06. – партийное собрание, совещание офицерского состава.
2. 16.06. – комсомольское собрание.
3. В течение месяца – изучение личным составом III главы «Краткого курса ВКП(б).
4. В течение месяца – вахтерский состав изучает тему «Как рабочие и крестьяне России под руководством большевистской партии установили и отстояли Советскую власть».
5. В течение месяца – беседы на тему «О международном положении».
6. 18.06. – Доклад на тему «О годовщине со дня смерти М.И. Калинина».
7. 22.06. – доклад на тему «Разгром гитлеровской Германии», к 6-й годовщине вероломного нападения гитлеровской Германии на СССР.
8. 23.06. – Беседа с личным составом на тему «Сбережение лагерного имущества – важнейшая обязанность каждого работника лагеря» [13] .

Занятия с личным составом по марксистко-ленинской подготовке проводились по группам. Во время занятий по главам изучался «Краткий курс истории ВКП(б). По результатам учебы ставились оценки. Вели занятия в основном начальники лаготделений и политинструкторы. На политзанятиях читались лекции по диалектическому и историческому материализму, а также лекции, посвященные историческим датам и памятным дням. Весьма широкой была тематика лекций о международной политической обстановке:

- О международном положении.
- Дипломатия Ватикана.
- Традиции английской дипломатии и германская проблема.
- О положении в Италии и событиях во Франции.
- О парижском совещании 16-ти стран Европы.
- Двухлетний план Чехословакии.
- О положении в Индонезии и Китае.
- Предстоящий экономический кризис в США и «план Маршалла».
- О международной конференции министров иностранных дел.
- Обострение экономического положения в Англии.
- Речь А.Я. Вышинского на пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН.
- Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии «Об убийстве немцами советских военнопленных в городе Островецкий в Польше» [14].

Офицерский, сержантский и рядовой состав лагерей проходил обязательную боевую и служебную подготовку, необходимую для укрепления воинской дисциплины, служебной ответственности и повышения квалификации. Занятия проводились, как правило, в трех группах: 1) офицерский состав, 2) сержантский и вахтерский состав, 3) сотрудники, занимающие офицерские должности. Занятия велись по 8 часов в неделю по утвержденным программам.

Программа занятий включала следующие дисциплины: политподготовка – 48 часов, служебная подготовка – 22 часа, тактическая подготовка – 36 часов, огневая подготовка – 28 часов, строевая подготовка – 14 часов, военная топография – 16 часов, физическая подготовка – 10 часов, Устав Красной Армии – 12 часов, методическая подготовка – 16 часов. Итого – 208 часов. Средняя оценка усвоения дисциплин составила 3,6 балла. Посещаемость занятий составляла 85-95% личного состава[15].

Политическая, боевая и служебная подготовка была обязательной для всех сотрудников лагеря. В условиях послевоенного времени ей обоснованно выделялось значительное внимание. Личный состав лагеря должен был быть эффективно подготовлен к работе с военнопленными, бывшими врагами на фронте, людьми другого мировоззрения, воспитания, политических взглядов. Не стоит забывать, что многие военнопленные, попав в плен, сохранили свою ненависть к советскому государству и советскому народу. Маскировали свои взгляды за ширмой показной лояльности и даже антифашизма, оставаясь при этом врагами. Без соответствующей подготовки сотрудники лагеря работать не могли, поэтому органами госбезопасности разрабатывались мероприятия по политическому образованию, повышению боевой и служебной квалификации сотрудников лагерей.

Список литературы

1. Государственный архив Брянской области (ГАБО). Ф. 1774. Оп. 2. Д. 27. Л. 84 об.
2. Государственный архив Брянской области (ГАБО). Ф. 1775. Оп. 1. Д. 13. Л. 57.
3. Государственный архив Брянской области (ГАБО). Ф. 1774. Оп. 2. Д. 15. Л. 2об.
4. Государственный архив Брянской области (ГАБО). Ф. 1774. Оп. 2. Д. 15. Л. 5.
5. Государственный архив Брянской области (ГАБО). Ф. 1774. Оп. 2. Д. 15. Л. 10-10 об.
6. Военнопленные в СССР. 1939-1956 гг. Документы и материалы / под ред. проф. М.М. Загорулько. М., 2000.
7. Государственный архив Брянской области (ГАБО). Ф. 1829. Оп. 2. Д. 11. Л. 138
8. Государственный архив Брянской области (ГАБО). Ф. 1774. Оп. 2. Д. 7. Л. 40об.
9. Государственный архив Брянской области (ГАБО). Ф. 1829. Оп. 2. Д. 11. Л. 138
10. Государственный архив Брянской области (ГАБО). Ф. 1775. Оп. 1. Д. 24. Л. 39.
11. Государственный архив Брянской области (ГАБО). Ф. 1775. Оп. 1. Д. 24. Л. 38-38об.
12. Государственный архив Брянской области (ГАБО). Ф. 1775. Оп. 1. Д. 24. Л. 2.
13. Государственный архив Брянской области (ГАБО). Ф. 1774. Оп. 2. Д. 37. Л. 24.
14. Государственный архив Брянской области (ГАБО). Ф. 1829. Оп. 2. Д. 11. Л. 12.
15. Государственный архив Брянской области (ГАБО). Ф. 1774. Оп. 2. Д. 27. Л. 44об.

PRINCIPAL DIRECTIONS OF POLITICAL WORK IN THE PRISONER WAR CAMPS IN THE BRYANSK REGION IN 1944-1948

The article deals with the principal directions and significance of anti-fascist and political work in the prisoner war camps on the territory of Bryansk region in the 40s of the 20th century. The authors analyze its role in the successful functioning of the camps in the post-war reconstruction of the country.
Keywords: anti-fascist and political work, prisoner war camps, post-war reconstruction of the country.

References

1. Gosudarstvennyj arhiv Bryanskoj oblasti (GABO).[The State Bryansk Region Archive (SBRA)] F. 1774. Op. 2. D. 27. L. 84 ob.
2. Gosudarstvennyj arhiv Bryanskoj oblasti (GABO).[The State Bryansk Region Archive (SBRA)]F. 1775. Op. 1. D. 13. L. 57.
3. Gosudarstvennyj arhiv Bryanskoj oblasti (GABO).[The State Bryansk Region Archive (SBRA)]F. 1774. Op. 2. D. 15. L. 2ob.
4. Gosudarstvennyj arhiv Bryanskoj oblasti (GABO).[The State Bryansk Region Archive (SBRA)]F. 1774. Op. 2. D. 15. L. 5.
5. Gosudarstvennyj arhiv Bryanskoj oblasti (GABO).[The State Bryansk Region Archive (SBRA)]F. 1774. Op. 2. D. 15. L. 10-10 ob.
6. Voennoplennye v SSSR. 1939-1956gg. Dokumenty i materialy [Prisoner of war in the USSR. 1939-1956. Documents and materials. Ed. prof. M.M. Zagorulko]. M., 2000.
7. Gosudarstvennyj arhiv Bryanskoj oblasti (GABO).[The State Bryansk Region Archive (SBRA)]F. 1829. Op. 2. D. 11. L. 138
8. Gosudarstvennyj arhiv Bryanskoj oblasti (GABO).[The State Bryansk Region Archive (SBRA)]F. 1774. Op. 2. D. 7. L. 40ob.
9. Gosudarstvennyj arhiv Bryanskoj oblasti (GABO).[The State Bryansk Region Archive (SBRA)]F. 1829. Op. 2. D. 11. L. 138
10. Gosudarstvennyj arhiv Bryanskoj oblasti (GABO).[The State Bryansk Region Archive (SBRA)]F. 1775. Op. 1. D. 24. L. 39.
11. Gosudarstvennyj arhiv Bryanskoj oblasti (GABO).[The State Bryansk Region Archive (SBRA)]F. 1775. Op. 1. D. 24. L. 38-38ob.
12. Gosudarstvennyj arhiv Bryanskoj oblasti (GABO).[The State Bryansk Region Archive (SBRA)]F. 1775. Op. 1. D. 24. L. 2.
13. Gosudarstvennyj arhiv Bryanskoj oblasti (GABO).[The State Bryansk Region Archive (SBRA)]F. 1774. Op. 2. D. 37. L. 24.

14. Gosudarstvennyj arhiv Bryanskoj oblasti (GABO).[The State Bryansk Region Archive (SBRA)]F. 1829. Op. 2. D. 11. L. 12.

15. Gosudarstvennyj arhiv Bryanskoj oblasti (GABO).[The State Bryansk Region Archive (SBRA)] F. 1774. Op. 2. D. 27. L. 44ob.

Об авторах

Барынкин Владимир Павлович – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, истории и педагогики, Брянский государственный аграрный университет (Россия), E-mail: barinvova@yandex.ru

Барынкина Ирина Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент, зав. кафедрой теории английского языка и переводоведения, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: bariv1@yandex.ru

Новожеев Роман Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, истории и педагогики, Брянский государственный аграрный университет (Россия), E-mail: novrom@bk.ru

Barynkin Vladimir Pavlovich – Candidate of History, Associate Professor of the department of Philosophy, History and Pedagogics, Bryansk State Agrarian University (Russia), E-mail: barinvova@yandex.ru

Barynkina Irina Vladimirovna – Candidate of Pedagogics, Associate Professor, Head of the Linguistic Theory and Translation Studies Department, Bryansk State Academician I.G.Petrovsky University (Russia), E-mail: bariv1@yandex.ru

Novozheev Roman Vladimirovich – Candidate of History, Associate Professor of the department of Philosophy, History and Pedagogics, Bryansk State Agrarian University (Russia), E-mail: novrom@bk.ru

УДК 94(47)"1857-1861"

Блохин В.Ф., доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой отечественной истории, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

УЕЗДНЫЕ ДВОРЯНСКИЕ СОБРАНИЯ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ПОДГОТОВКИ ОТМЕНЫ КРЕПОСТНОГО ПРАВА В РОССИИ (на материалах Орловской губернии)

Для реконструкции процесса подготовки реформы отмены крепостного права в России требуется изучение проблем, связанных с отношением провинциального дворянства к деятельности местной администрации и к правительственной политике в целом. До сих пор остается лишь частично исследованной история подготовки реформы на уровне российской провинции. Между тем, немаловажным является изучение фактов проявления политических инициатив со стороны поместного дворянства, поскольку от их масштабов и частоты зависит рассмотрение подобных явлений не в качестве случайного происшествия, а как закономерного явления, реакцией на правительственные инициативы. Объяснением тому служат те проблемы, с которыми неминуемо должно было столкнуться дворянство в провинции после освобождения крестьян: от вынужденного отказа от услуг личного крепостного труда, до юридического ограничения прав. В статье, основанной на ряде ранее практически неизвестных архивных документов, хранящихся в Российском государственном историческом архиве (РГИА) и в отделе рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ) в Санкт-Петербурге, а также в Орловском и Брянском государственных архивах (ГАОО, ГАБО), рассматривается отношение уездного дворянства Орловской губернии к правительственной идее улучшения быта помещичьих крестьян. Оппозиционные настроения, проявившиеся в среде брянского дворянства, привели в дальнейшем некоторых его представителей (В.А. Краинского, С.И. Мальцова) в ряды тех, кто попытался создать собственную дворянскую политическую партию в России.

Ключевые слова: уездное дворянское собрание, губернский дворянский комитет, отмена крепостного права в России, Министерство внутренних дел, уездный и губернский предводитель дворянства.

В условиях подготовки реформы отмены крепостного права в России вопрос о судьбе помещичьего дворянства выходил далеко за рамки обсуждения проблем его прежних привилегий. При этом рассмотрение «предположений об улучшении быта помещичьих крестьян» в губернских комитетах (именно так первоначально были обозначены готовившиеся преобразования), явилось не просто первым опытом более или менее гласного обсуждения в выборных собраниях столь важного общественного и государственного вопроса, но и попыткой отстоять позиции дворянства в изменяющихся условиях.

Накануне реформ собрания дворянства, являвшиеся основной его корпоративной организацией в провинции и главной ареной легальных возможностей коллективно высказать свое мнение и претензии правительству, становились предметом особого внимания со стороны Министерства внутренних дел. Некоторые дальновидные политики предполагали, что в сложившейся ситуации будет сложно остановить «разгул вспыхнувших на дворянских собраниях страстей», поскольку после десятилетий общественного бездействия у высшего сословия обязательно обнаружится неумение приняться за предложенное дело, а существовавших сдерживающих начал могло в этих условиях и не хватить [1, с. 245-246].

В полной мере это проявилось в среде орловского дворянства. Правительственная идея улучшения быта помещичьих крестьян не вызвала с его стороны серьезной поддержки. Более того, орловские помещики попытались на своих собраниях сформулировать собственное видение вопросов, связанных с предстоящей реформой, продемонстрировать свое отношение к сословной проблеме в целом.

Изучение имеющихся материалов позволит выяснить позицию дворянства региона в условиях надвигавшихся преобразований, определить степень сплоченности высшего сословия в решении ключевых проблем грядущего переустройства отношений между крестьянами и помещиками. Однако на сегодняшний день за малым исключением практически не осуществлялись специальные исследования, посвященные этой проблеме [2].

Говоря о юридическом статусе корпоративной организации дворянства в провинции, следует отметить, что «Положение о порядке Дворянских Собраний, выборов и службы по оным», принятое в декабре 1831

г., заметно расширило права высшего сословия, предоставленные Жалованной грамотой 1785 г. Впрочем, основной круг вопросов, затрагиваемых на его собраниях, по-прежнему сводился к подготовке предстоящих губернских выборов и назначению своего представителя для изучения расходования «дворянских сумм» в предшествующий трехлетний период [4]. В июне 1839 г. за собранием было закреплено право разделить территорию уезда на участки, за которыми закрепить посредника «для полюбовного размежевания земель» [5]. Мера эта была очень актуальной, поскольку должна была способствовать улаживанию многочисленных претензий помещиков друг к другу из-за спорных владений.

Существенным было то, что помимо выборов чиновников на собраниях допускалось «делать совещания о своих нуждах и пользах и представлять об оных чрез Губернского Предводителя Начальнику Губернии, Министерству Внутренних Дел; а в случаях важных и приносить всеподданнейшие прошения Императорскому Величеству» [4]. Более того, были расширены пределы просьб и жалоб. С этого времени не только непосредственные интересы дворянства могли защищаться на дворянских собраниях, но и нужды всего уезда и губернии в просьбах об устранении злоупотреблений, исходивших от представителей местного управления [4]. Впрочем, следует сразу же отметить, что дворянские собрания крайне редко пользовались предоставленным им правом делать заявления о своих проблемах вышестоящему начальству.

Губернские и уездные собрания дворянства могли иметь статус обыкновенных, которые проходили раз в три года, или чрезвычайных, собираемых в экстренных случаях на основе разрешения начальника губернии. Предметы таких собраний законом не определялись и зависели от обстоятельств, вызвавших необходимость их созыва. В этих случаях губернский предводитель дворянства получал ходатайство об открытии собрания от уездного предводителя и вслед за этим обращался к начальнику губернии за разрешением [6, л. 1].

В системе сословного управления достаточно остро проявлялась проблема различий знатного и обычного мелкопоместного дворянства. Первое чаще всего проживало в столицах или за границей и не желало на общественных началах участвовать в выборной местной службе. Характеризуя ситуацию с отношением к дворянским собраниям, предводитель дворянства Елецкого уезда титулярный советник М.А. Стахович с горечью заявлял: «Равнодушие дворянства русского к общественным интересам лишило во многом службу по выборам той общественной неисчислимой пользы, какой можно было от нея ожидать» [6, л. 9].

Для усиления значения дворянских выборов и привлечения к ним знатного дворянства в 1831 г. был повышен имущественный ценз. Однако, ссылаясь на сведения, предоставленные нижегородским генерал-губернатором, автор книги по истории дворянства, доктор государственного права А.В. Романович-Славатинский отмечал, что едва лишь пятеро из богатых дворян постоянно пребывали в своих поместьях. Обычно проходившие в конце сентября раз в три года уездные, а в декабре губернские выборы совпадали с периодом «столичных сезонов увеселений». Оставленные знатными и богатыми дворянские общества пополнялись главным образом за счет «пришлецов» – офицеров и чиновников, вышедших в отставку, женившихся на помещичьих дочерях и «взявшие за ними в приданое ценз», или же купившие деревни. Они и становились главными деятелями дворянского самоуправления [7, с. 493].

Так, сведения о предводителях дворянства, которые избирались в то время в Брянском уезде, с очевидностью подтверждают это. Владимир Ростиславович Демидов, согласно послужному списку, по окончании курса в школе гвардейских подпрапорщиков поступил в 1824 г. унтер-офицером в Лейб-гвардии Финляндский полк. В 1827 г. ему было присвоено звание прапорщика, в 1828 г. – подпоручика, а в 1830 г. он был уволен в отставку в звании поручика. У его жены в Брянском уезде было родовое имение всего лишь с 23 душами крестьян мужского пола и 80 десятинами земли. Правда к началу 1850-х гг. было приобретено еще 379 душ и 6000 десятин. В феврале 1833 г. Владимир Ростиславович был избран дворянским депутатом Брянского уезда, а с 26 мая 1848 г. до конца 1859 г. бессменно являлся предводителем дворянства в уезде [8, л. 1-4 об.].

Во многом схожа судьба следующего (с 1859 по 1862 гг.) брянского предводителя дворянства Василия Андреевича Краинского.

Происходил он «из обер-офицерских детей»*, находился на военной службе в чине прапорщика в Арзамасском конно-егерском полку, а в 1830 г. был уволен со службы в чине поручика. Во время службы В.А. Краинского состоялся его брак с дочерью капитана Егора Гангардта. Из окладного списка помещичьим крестьянам, доставленного Орловской казенной палатой губернскому предводителю дворянства, следует, что «Александре Егоровне Краинской по восьмой переписи принадлежало 90 душ крепостных». Только в 1850 г. В.А. Краинский и его жена стали потомственными дворянами и были внесены во вторую часть дворянской родословной книги Орловской губернии [9, л. 87].

Проблема представительства мелкопоместного дворянства продолжала сохраняться и в период подготовки реформы 1861 г. и в определенных ситуациях превращалась в предмет особых забот губернской администрации и правительства. Так, например, при выборах членов губернского комитета по улучшению быта помещичьих крестьян, губернский предводитель орловского дворянства высказывал озабоченность по поводу того, что если каждый из мелкопоместных дворян губернии будет обладать самостоятельным голосом, а таких дворян здесь было явное большинство, то члены комитета будут избраны только из их числа, а тогда «занятия комитета не достигнут удовлетворительного результата» [10, л. 78-78 об.]. Под предлогом высоких расходов на приезд в губернский город и необходимости не отвлекаться от прямых занятий по сельскому хозяйству, губернский предводитель предлагал прислать мелкопоместным дворянам только своих уполномоченных.

Положение, связанное с активностью дворянских собраний, резко изменилось в 1857 г., когда 20 ноября Александр II подписал рескрипт генерал-губернатору Виленской, Гродненской и Ковенской губерний В.И. Назимову, в которым повелел открыть в каждой из них Комитет под председательством губернского предводителя дворянства для составления проектов «об устройстве и улучшении быта помещичьих крестьян» [11, с. 2]. Смутные слухи, доходившие в провинцию из столицы, чаще вызывавшие у местного дворянства чувство тревоги и беспокойства, чем упование на лучшее будущее в связи с грядущими переменами, теперь обретали реальные очертания.

Уже 24 ноября 1857 г. копии царского рескрипта в сопровождении специального циркуляра были направлены министром внутренних дел С.С. Ланским начальникам российских губерний. Дело изображалось так, что помещики Ковенской, Виленской и Гродненской губерний через созданные там «для рассмотрения инвентарных правил комитеты» посчитали нужным освободить крестьян из крепостной зависимости с целью «улучшения и упрочения» их быта, а император, «узнав с особым удовольствием о таком благородном намерении представителей дворянства означенных 3-х губерний, рескриптом, данным 20 сего ноября <…> изволил разрешить дворянству оных приступить к составлению надлежащих по этому предмету проектов» [11, с. 120]. Министр сообщал также, что с позволения Александра II передал виленскому военному, гродненскому и ковенскому генерал-губернатору В.И. Назимову некоторые соображения в помощь и руководство губернским комитетам. Копии этих документов направлялись теперь в остальные губернии для сведения и соображения губернаторов «на случай, если бы дворянство вверенной Вам губернии изъявило подобное желание» [11, с. 120].

Последний пункт циркуляра раскрывал смысл рассылки этого послания: Министерство внутренних дел надеялось подтолкнуть дворян других российских губерний к проявлению инициативы в направлении решения крестьянского вопроса. Однако этого добиться не удалось. Напротив, документ вызвал в среде дворянства полную растерянность, а предводители дворянства Тульской, Орловской, Воронежской, Тамбовской, Калужской и Курской губерний в этой непростой ситуации даже решили согласовать друг с другом свои действия в отношении правительственных инициатив. Кстати, это не осталось незамеченным в Министерстве

* Сословие обер-офицерских детей состояло из детей гражданских чиновников недворянского происхождения, имевших не потомственное, а только личное дворянство и детей офицеров недворянского происхождения, которые родились до получения их отцами первого офицерского чина, приносившего потомственное дворянство.

внутренних дел. В архиве этого ведомства отложились документы, связанные с перепиской предводителей. Сохранился этот эпизод и в памяти начальника Земского отдела министерства, сенатора Я.А. Соловьева, который отразил его в своих воспоминаниях, написанных спустя почти 20 лет после произошедших событий: «Замечателен отзыв Орловского предводителя В.В. Апраксина, который отозвался, что он вошел в сношения с предводителями соседних губерний. Он, между прочим, писал к нам, что предпринятая правительством мера возлагает на губернских предводителей дворянства "священную обязанность склонять всякого дворянина к содействию видам правительства, если не по убеждению, то по чувству личного самохранения"» [12, с. 748].

В полной мере орловский предводитель отразил общие проблемы и в своем письме к коллегам. Он заявил, что в настоящее время мнение дворян по вопросам, связанным с освобождением крестьян еще не сформировалось, но «медлить с извещением о впечатлении, произведенном присланными нам бумагами» нельзя, т. к. правительство может решить, что «мысль об изменении формы управления подчиненными крестьянами, с целью устройства и улучшения быта их*, навела на нас панический страх, или, что еще хуже, не составляет для нас предмета живого интереса». Далее В.В. Апраксин высказал общую для всех озабоченность возникшей ситуацией: «В противном случае правительство поставлено будет в необходимость само заняться решением предложенного нам вопроса» [10, л. 4].

Значительная часть провинциального дворянства в тот период испытывала недоверие к правительству, и такой поворот событий большинством рассматривался, как нежелательный. Зачастую это недоверие основывалось на убеждении в том, что государственные служащие, хотя и были дворянами, и многие из них имели поместья, но, инициируя реформу, рисковали гораздо меньше, чем обычные помещики, поскольку сохраняли за собой казенное содержание. Становилось популярным мнение, что потеря крестьян для поместного провинциального дворянства почти неминуемо повлечет за собой лишение источников дохода, создаст проблемы возделывания помещичьих земель, а как следствие – приведет к разорению [13, с. 576]. Еще одна опасность, по мнению многих, заключалась в слабом знании правительством особенностей конкретных российских территорий и в непонимании того, что в результате освобождения крестьян неминуемо должны были возникнуть беспорядки, может даже с требованиями политической свободы и конституции.

Между тем 5 декабря 1857 года Александр II вслед за рескриптом генерал-губернатору Виленской, Гродненской и Ковенской губерний подписал похожий документ на имя Санкт-Петербургского военного генерал-губернатора П.И. Игнатьева [11, с. 4].

Одновременно с высочайшим рескриптом появилось отношение министра внутренних дел с аналогичной программой, изложенной в свое время генерал-губернатору В.И. Назимову. Оба документа 8 декабря 1857 г. были разосланы по России. В циркуляре министра прозвучала озабоченность распространением «неблагонамеренных толкований» на местах относительно предстоящих реформ и предложение губернаторам «бдительно следить за распространителями ложных известий, которые могут нарушить общественное спокойствие, и в нужных случаях принимать самые решительные меры для пресечения зла в начале» [11, с. 121].

Предводитель орловского губернского дворянства В.В. Апраксин 28 декабря 1857 г. встретился в Орле с уездными предводителями с целью ознакомления их с текстом присланных из Петербурга бумаг и рекомендовал довести их смысл до уездного дворянства. На 1 февраля 1858 г. была назначена новая встреча [10, л. 1 об.-2], а 19 января 1858 г. губернский предводитель поспешил заверить Министерство внутренних дел в готовности дворян губернии приступить к «преобразованию быта помещичьих крестьян». Вместе с тем он высказал озабоченность местного дворянства тем обстоятельством, что преобразования могут повлечь за собой нарушения прав собственности [10, л. 5].

Говоря о позиции орловского дворянства, он отмечал его настойчивое желание,

* Слова «освобождение», «эмансипация» еще открыто не звучали. Речь шла «об улучшении быта помещичьих крестьян».

чтобы правительство «приняло во внимание обстоятельства, требующие замены тех оснований (*т. е. по сути правительственной программы освобождения крестьян*. – **Авт.**) другими, более соответствующими их интересам как в общих видах, так и в частности по применении к местностям, которые в Орловской губернии весьма разнообразны» [10, л. 5 об.]. Говоря о настроениях крестьян, предводитель дворянства отмечал, что во многих местах те полагали, что уже в ближайшее время «выбывают из помещичьего владения», поэтому помещикам, столкнувшимся с попытками неповиновения, пришлось выступить с объяснениями относительно «предположений правительства», в которых они сами, зачастую, не очень-то смогли разобраться. Главным доводом выступала необходимость «предварительных и подробных суждений для соглашения общих выгод как помещиков, так и крестьян» [10, л. 6]. Результатом явилось умиротворение крестьян даже в тех имениях, где владельцы или управляющие регулярно с ними конфликтовали.

Однако дворянство по-прежнему не могло избавиться от мрачного настроения, навеянного рескриптом Александра II на имя петербургского военного генерал-губернатора. Свою позицию владельцы крестьян Брянского уезда разъяснили в специальном письме, подписанном 29 дворянами. Датировано оно 31 января 1858 г. и было адресовано брянскому уездному предводителю Владимиру Ростиславовичу Демидову для последующей передачи в Орел.

«Возможно ли привесть в исполнение по Орловской внутренней земледельческой губернии проект устройства крестьян по губернии Санкт-Петербургской – фабричной, заводской, торговой и приморской?» [10, л. 6], – задавались вопросом представители брянского дворянства. Ради отрицательного ответа на этот вопрос письмо и было написано. Владельцы брянских имений ставили под сомнение необходимость крестьянского освобождения в запланированном правительством виде, предсказывали грядущий упадок земледелия и даже проблемы со снабжением городского населения продовольствием, поскольку только помещичьи хозяйства могли обеспечить как внутренний рынок, так и внешнюю торговлю хлебом [10, л. 6].

Фактически обвиняя власти в попытках проведения неразумной политики, направленной на неминуемое ухудшение положения дворянства, помещики Брянского уезда пытались доказать, что и крестьяне не смогут извлечь пользу из этого «государственного, политического и общественного переворота», что они разоряться ещё раньше помещиков, и «по степени еще свойственного им невежества они всех скатившихся на них выкупов платить не смогут» [10, л. 6].

Любопытная точка зрения была высказана по поводу мнения, высказанного Александром II представителям московского дворянства (его слова, произнесенные на собрании, стали известными на всю страну, хотя и нигде не публиковались в то время). Император говорил о возможных крестьянских волнениях: «…чувство враждебное между крестьянами и их помещиками, к несчастью, существует. <…> Я думаю, что и вы одного мнения со мной; следовательно, гораздо лучше, чтобы это произошло свыше, нежели снизу» [14, с. 393].

Брянские дворяне в своем послании буквально полемизировали с самим императором, утверждая, что «никакая законодательная мера не может быть принята под влиянием народного своеволия», что возникавшие волнения вызваны «злонамеренными внушениями о безграничной свободе, сообразной с младенческими понятиями простого народа, а именно – ничего не делать, ничего не платить и никому не повиноваться» [15, л. 14 об.]. Такого рода настроения, по убеждению брянских дворян, никакие «пожертвования прав собственности» погасить не смогут, «потому если гг. предводителям дворянства угодно будет ходатайствовать о дозволении установить правильные взаимные отношения между нами и крестьянами нашими, то смеем уверить, что благородному ходатайству их по этому предмету мы вполне сочувствуем, как разумной потребности времени, которой со всею доброю волей удовлетворяем ныне сами и готовы определить её в неизменных формах закона, с утверждения Правительства» [15, л. 14 об.].

Предводитель брянского дворянства В.Р. Демидов оказался в сложном положении. Несомненно, он придерживался твердого правила, обязательного и для других уездных

предводителей: во что бы то ни стало защищать интересы выбравшего его дворянства от нападений губернской администрации. Подозрения в отказе от такого заступничества были страшнее гнева губернатора или губернского предводителя. Однако в данном случае брянские дворяне пытались возражать воле императора и рассуждали о государственной политике.

В своих воспоминаниях тогдашний орловский губернатор В.И. Сафонович, характеризуя провинциальное дворянство, отмечал: «С одной стороны оно не имело самостоятельности и всегда более или менее опасалось администрации, с другой пользовалось всеми случаями, чтобы выразить ей своё недоброжелательство. Губернатор для сохранения своего влияния должен был по временам напоминать ему, что не всё может ему сходить с рук и в то же время смотреть на многое сквозь пальцы» [16, с. 114].

В.Р. Демидов в этой сложной ситуации принял замысловатое решение. Во-первых, он доложил в Орёл, что это письмо было показано «многим помещикам Брянского уезда», но никто более под ним не подписался, т. е. содержание этого документа не отражало мнения большинства дворянства. Во-вторых, уездный предводитель поспешил заявить о своей непричастности к этому документу, сообщив в сопроводительной записке, что «как брянский помещик не изъявляю на изложенные мнения согласия, потому что они могут быть стеснительны для общего положения» [15, л. 15 об.]. Наконец, последняя страница письма, содержавшая конкретные требования брянских дворян, была заменена другим текстом, который сводился к предложению продления срока для оповещения уездного дворянства о предстоящем собрании, намеченном на 20 мая, а также к просьбе о последующем созыве губернского совещания.

Новый вариант письма, как и предыдущий, также был подписан 29 брянскими помещиками. Более того, 20 человек подписали и тот, и другой документ. Дата на письме, 22 февраля 1858 г., свидетельствует о том, что понадобился почти целый месяц для того, чтобы направить взгляды большинства уездных помещиков в нужное русло. Отказавшие в своей подписи на письме брянские дворяне составили будущую оппозицию правительственным преобразованиям.

Дальнейшие события развивались уже под непосредственным руководством Министерства внутренних дел, которое получило еще одно подтверждение в том, что «на самотек» дело пускать нельзя. Уже 2 марта 1858 г. в министерство поступила просьба об открытии губернского Комитета с приложенным именным к адресу списком дворян-помещиков (968 человек), лично заявивших о готовности «упрочить быт своих крестьян» [10, л. 13]. В конфиденциальном рапорте на имя министра орловский губернатор сообщал 7 марта 1858 г.: «Мысль об уничтожении крепостной зависимости помещичьих крестьян на указанных в циркуляре основаниях застала орловских помещиков большею частью мало к тому приготовленными и потребовала некоторого времени, чтобы освоиться с требованиями правительства. Отказываясь охотно от прав своих на личность крестьянина, они встречали затруднения в соглашении этих требований со своими интересами собственно в отношении распоряжения землёю» [10, л. 7-7 об.].

Далее губернатор заверял министра в том, что теперь помещики успокоились. Однако на самом деле до настоящего успокоения было еще далеко. Основная масса дворянства продолжала надеяться, что начатые преобразования ограничатся прибалтийскими и петербургской губерниями. В то же время «несочувствующие освобождению крестьян», хотя и были в большинстве, но не представляли собой единую политическую силу, решившуюся на сознательное упорное противодействие власти.

Таким образом, подготовка отмены крепостного права оживила жизнь провинции, активизировала деятельность тех общественных сил, которые, не являясь в целом противниками преобразований, выступили в качестве оппозиции правительственным реформаторам. В новых исторических условиях на одно из первых мест вышли проблемы участия провинциального дворянства в проведении преобразований, в определении их конечной цели. В многочисленных проектах будущих реформ, в развернувшейся полемике проявилось стремление выработки собственной программы действий, направленной на реализацию представлений о

будущем отдельных регионов и страны в целом. Первое выступление брянского дворянства открыло целую чреду будущих противостояний и дискуссий в ходе подготовки и проведении реформы отмены крепостного права в Орловской губернии.

Список литературы

1. Записки сенатора Я.А. Соловьева о крестьянском деле // Русская старина. 1882. № 1. С. 245-246.

2. Память о прошлом. Страница истории губернского города Орла / Автор-составитель Н.К. Ткачева. М.: Архив РАН, 2011. 284 с.

3. Блохин В.Ф. К истории создания Орловского дворянского губернского комитета для составления положений об улучшении быта помещичьих крестьян (1858–1859 гг.) // Вестник Орловского государственного университета. 2012. № 8 (28). С. 38-41.

4. Манифест. О порядке Дворянских Собраний, выборов и службы по оным // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собр. 2. Том 6 (1831). Часть 2. № 4989.

5. Высочайше утвержденная инструкция для руководства при исполнении предварительных мер полюбовного специального размежевания // ПСЗ. Собр. 2. Том 14 (1839). Часть 1. № 12459.

6. Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф. 580. Оп. 1. Д. 1390.

7. Романович-Славатинский А. Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. СПб., 1870. 594 с.

8. Государственный архив Брянской области (ГАБО). Ф. 448. Оп. 1. Д. 51.

9. ГАОО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 26.

10. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1291. Оп. 1. 1857. Д. 6.

11. Сборник правительственных распоряжений по устройству быта крестьян, вышедших из крепостной зависимости. (За 1857, 1858, 1859 и 1860 годы). Издание третье. СПб., 1869. Том 1. 385 с.

12. Записки сенатора Я.А. Соловьева о крестьянском деле // Русская старина. 1881. № 4. С. 1-32.

13. Павлов А.С. Владимир Иванович Назимов. Очерк из новейшей истории Северо-Западной России // Русская старина. 1885. № 3. С. 555-580.

14. Попельницкий А.З. Речь Александра II, сказанная 30 марта 1856 г. московским предводителям дворянства // Голос минувшего. 1916. № 5-6. С. 392-397.

15. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 777. Д. 326. Л. 14 об.

16. Воспоминания Валериана Ивановича Сафоновича // Русский архив. 1903. Кн. 2. Часть 5. С. 112-141.

DISTRICT NOBILITY ASSEMBLIES AT THE INITIAL STAGE OF THE PREPARATION OF THE ABOLITION OF SERFHOOD IN RUSSIA
(a case study of the Oryol Province)

The reconstruction of the process of the preparation of the reform of the abolition of serfhood in Russia requires a study of the problems connected with the attitude of the provincial nobility to the activities of the local administration and to the government policy in general. The history of the preparation of the reform at the level of the Russian province is only partially probed so far. Meanwhile, the study of the facts of the manifestation of political initiatives from the landed gentry is important as their scale and frequency determine the consideration of the similar phenomena not as an accidental incident but as a natural phenomenon, response to the government initiatives. It can be explained by the problems which the nobility in the province after the release of peasants was inevitably to face: from a forced refusal of the services of personal serf labor to the legal restriction of the rights. In the article based on some almost previously unknown archive documents which are stored in the Russian State Historical Archive (RSHA) and in the department of manuscripts of The National Library of Russia (DM NLR) in St. Petersburg and also in the Oryol and Bryansk state archives (OSA, BSA) the attitude of the district nobility of the Oryol Province towards the idea of the government of improving the life of landowner peasants is considered. The oppositional moods shown in the community of the Bryansk nobility later led some of its representatives (V.A. Krainsky, S.I. Maltsov) into the rows of those who tried to create their own noble political party in Russia.

Keywords: district nobility assembly, provincial noble committee, abolition of serfhood in Russia, the Ministry of Home Affairs, district and provincial leader of the nobility.

References

1. Zapiski senatora Ja.A. Solov'eva o krest'janskom dele (1882) [Senator Ya.A. Solovyov's notes of the peasants' case]. *Russkaja starina [Russian olden time]*, 1, 245-246.

2. Pamjat' o proshlom. Stranica istorii gubernskogo goroda Orla (2011) [Memory of the past. Chapter of history of the provincial city of Oryol]. Avtor-sostavitel' N.K. Tkacheva. Moskva: Arhiv RAN, 284 s.

3. *Blohin V.F.* (2012). K istorii sozdanija Orlovskogo dvorjanskogo gubernskogo komiteta dlja sostavlenija polozhenij ob uluchshenii byta pomeshhich'ih krest'jan (1858–1859 gg.) [Background information about the creation of the Oryol noble provincial committee for drawing up regulations on improvement of the life of landowner peasants (1858-1859)]. *Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta [Herald of Oryol State University],* 8 (28), 38-41.

4. Manifest. O porjadke Dvorjanskih Sobranij, vyborov i sluzhby po onym (1831) [Manifesto. About the procedure for Nobility Assemlies, elections and service on them]. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii (PSZ) [Complete collection of laws of the Russian Empire (CCL)*], 2, 6, 2, 4989.

5. Vysochajshe utverzhdennaja instrukcija dlja rukovodstva pri ispolnenii predvaritel'nyh mer poljubovnogo special'nogo razmezhevanija (1839) [The imperial approved instruction for the management at execution of preliminary measures of amicable special delimitation]. *PSZ [CCL],* 2, 14, 1, 12459.

6. Gosudarstvennyj arhiv Orlovskoj oblasti (GAOO) [Oryol state archives (OSA)]. F. 580. Op. 1. D. 1390.

7. Romanovich-Slavatinskij A. (1870). Dvorjanstvo v Rossii ot nachala XVIII veka do otmeny krepostnogo prava [The nobility in Russia from the beginning of the 18th century to the abolition of serfhood]. SPb., 594 s.

8. Gosudarstvennyj arhiv Brjanskoj oblasti (GABO) [Bryansk state archives (BSA)]. F. 448. Op. 1. D. 51.

9. GAOO [SAOR]. F. 68. Op. 1. D. 26.

10. Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv (RGIA) [Russian State Historical Archive (RSHA)]. F. 1291. Op. 1. 1857. D. 6.

11. Sbornik pravitel'stvennyh rasporjazhenij po ustrojstvu byta krest'jan, vyshedshih iz krepostnoj zavisimosti. (Za 1857, 1858, 1859 i 1860 gody) (1869) [The collection of government directives on the arrangement of life of the peasants who have left serfdom]. Izdanie tret'e. SPb., 1, 385 s.

12. Zapiski senatora Ja.A. Solov'eva o krest'janskom dele (1881) [Senator Ya.A. Solovyov's notes of the peasants' case]. *Russkaja starina [Russian olden time]*, 4, 1-32.

13. Pavlov A.S. (1885). Vladimir Ivanovich Nazimov. Ocherk iz novejshej istorii Severo-Zapadnoj Rossii [Vladimir Ivanovich Nazimov. A sketch from the contemporary history of Northwest Russia]. *Russkaja starina [Russian olden time]*, 3, 555-580.

14. Popel'nickij A.Z. (1916). Rech' Aleksandra II, skazannaja 30 marta 1856 g. moskovskim predvoditeljam dvorjanstva [Alexander II's speech pronounced on March 30, 1856 to the Moscow leaders of the nobility]. Golos minuvshego [The voice of the past], 5-6, 392-397.

15. Otdel rukopisej Rossijskoj nacional'noj biblioteki (OR RNB) [Department of manuscripts of The National Library of Russia (DM NLR)]. F. 777. D. 326. L. 14 ob.

16. Vospominanija Valeriana Ivanovicha Safonovicha (1903). [Valerian Ivanovich Safonovich's memoirs]. *Russkij arhiv [Russian archives],* 2, 5, 112-141.

Об авторе

Блохин Валерий Федорович – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой отечественной истории, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: blohin.val@yandex.ru

Blochin Valery Fedorovich – Doctor of History, Professor, Head of the department of national history, Bryansk State Academician I.G. Petrovsky University (Russia), E-mail: blohin.val@yandex.ru

УДК 94 (73)

Воробьев Д.Н., аспирант, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНИЗАЦИИ «НИАГАРА» И ПОЯВЛЕНИЕ НЕГРИТЯНСКОГО ПРОТЕСТНОГО ДВИЖЕНИЯ В США (1905 – 1909)

Статья посвящается анализу деятельности афроамериканской организации «Ниагара», основанной в 1905 г. и ставшей пионером негритянского протестного движения. Членами организации являлись представители «цветной» интеллигенции, преимущественно проживавшие на Севере страны, где афроамериканцы не притеснялись в своих правах. Лидером «Ниагары» стал профессор университета Атланты Уильям Дюбуа, бросивший вызов доминировавшим в негритянской общественности идеям приспособления Букера Вашингтона, согласно которым «цветное» население должно было примириться со сложившимися на Юге политическими и социальными порядками в обмен на возможности улучшения своего материального положения. Деятели «Ниагары» считали, что первостепенной задачей негритянской общественности является борьба за гражданское и политическое равноправие, как единственной гарантии защиты чернокожего населения. С этой целью афроамериканцы должны были активно применять все формы протеста против расистских порядков в стране. Несмотря на то, что финансовые трудности, враждебное общественное мнение и антагонизм между лидерами организации привели к ее скорой кончине, «Ниагара» сумела внести существенный вклад в афроамериканское сообщество. Такие идеи членов «Ниагары» как широкая агитация в прессе, протестное голосование, ведение судебных тяжб против расистских законов широко применялись последующими организациями негритянского протестного движения.

Ключевые слова: история США, афроамериканцы, негритянское протестное движение, идеология приспособления, межрасовые отношения, «Ниагара», Уильям Дюбуа, Букер Вашингтон.

Негритянское протестное движение, активная борьба которого привела к достижению афроамериканцами в 1960-е гг. гражданского и политического равноправия в США, зародилось в начале XX в., когда была создана организация «Ниагара». Ее члены призывали чернокожее население к активной борьбе за свои гражданские и политические права на Юге при помощи всех легальных средств. Деятельность «Ниагары» долгое время оставалась без должного внимания исследователей, не только в отечественной, но и зарубежной американистике. Лишь в последнее время американские ученые занялись подробным рассмотрением протестной борьбы данной организации. Отмечая факт того, что члены «Ниагары» являлись пионерами негритянского протестного движения, исследователи заявляют о том, что программа организации по борьбе с расизмом была в дальнейшем широко применена будущими афроамериканскими протестными организациями [1, 15]. В этой связи стоит задача не только проследить основные результаты деятельности «Ниагары», но также показать причины создания и упадка данной организации.

Исследование выполнено на основе междисциплинарного подхода опыта смежных отраслей общественных наук (истории, политологии, культурологии и права) с применением методов инвент-анализа и контент-анализа.

Несмотря на то, что попытки организовать широкий протест негритянской общественности против расистских порядков Юга имели место и в конце XIX в., рубеж веков являлся временем полного доминирования среди афроамериканской общественности идей Букера Вашингтона – директора популярного педагогического училища Таскиги для «цветных», являвшегося самым известным чернокожим деятелем страны. Основу его взглядов составляли идеи необходимости приспособления чернокожего населения к существовавшим на Юге политическим и социальным реалиям. Призывая афроамериканцев временно смириться с частичным лишением избирательных прав, а также введением расовой сегрегации, Вашингтон рассчитывал, что взамен негры получат возможности для трудоустройства и получения образования. Таким образом, негритянский лидер надеялся, что афроамериканцы смогут в дальнейшем добиться расового равноправия посредством улучшения своего материального благополучия. Однако предложенная им идея межрасового компромисса была воспринята большинством южной элиты как фактическое признание второсортности негров, вследствие чего участились случаи линчеваний и расовых погромов, ускорилось введение сегрегации мест

общественного пользования, а также приняты «дедушкины статьи», лишавшие избирательных прав практически все негритянское население Юга. В условиях нежелания Вашингтона менять свою стратегию, направленную на отказ от критики действий федерального правительства и властей южных штатов, среди афроамериканской общественности нарастало недовольство его деятельностью. При поддержке подконтрольной «цветной» прессы и организаций, прозванных «машиной Таскиги», Вашингтон стремился всячески подавлять очаги нарастающего протеста среди чернокожего населения.

Основу противников идеологии приспособления составила молодая негритянская интеллигенция, проживавшая на Севере, где чернокожее население не испытывало притеснения в своих правах. Лидером оппозиции курсу Вашингтона стал профессор университета Атланты Уильям Дюбуа. Первоначально находясь под влиянием идей приспособления, он в дальнейшем убедился в их несостоятельности. По мнению Дюбуа, именно достижение гражданского и политического равноправия являлось главной задачей для чернокожей общественности. Таким образом, противники Вашингтона призывали к открытому протесту и агитации против сложившихся на Юге расистских порядков.

Для борьбы на равных с Вашингтоном сторонникам протестного движения было необходимо объединить усилия и создать собственную организацию, способную эффективно противостоять распространению в стране расизма. В июне 1905 г. Дюбуа обратился к афроамериканской общественности, «призвав всех, кто верит в свободу и прогресс негров, к организованным и решительным наступательным действиям» [4, p. 307]. Он предложил созвать конференцию, целью которой было учреждение негритянских печатных органов, отражавших правдивую информацию о положении дел на Юге.

Такая конференция состоялась 9 июля в городе Буффало (штат Нью-Йорк) при участии 29 делегатов, объявивших о создании движения «Ниагара». Новоиспеченная организация ставила в качестве главной цели активное проведение в жизнь ряд принципов: «свободу мнений и критики; создание независимой и неподкупной прессы; введение фактического избирательного права для негров-мужчин; ликвидацию всех социальных различий, основанных на расовой принадлежности и цвете кожи; а также признание братства людей». В программе особо подчеркивалось, что «высшее образование и приобретение любой профессии не могло быть монополией только одного класса или исключительно белой расы» [2, p. 53]. Таким образом, движение «Ниагара» выступило с широкой программой демократических прав для афроамериканцев, как эффективного средства в борьбе с расовыми притеснениями и гражданской пассивностью чернокожего населения. Одной из центральных задач организации провозглашалась критика Вашингтона, «заигрывание которого перед властями Юга, вело к расовой дисгармонии, утверждению ущербной морали и формированию негативного имиджа негров в глазах белой Америки» [2, p. 57]. В конечном счете, делегаты объявили о создании 10 комитетов, наиболее важным из которых являлся «комитет прессы и общественного мнения», куда вошел Дюбуа. Для решения насущных финансовых вопросов был установлен ежегодный членский взнос в 5 долл., а в плане организации - заявлено о необходимости создать в каждом штате отделение «Ниагары». Дюбуа был избран генеральным секретарем организации, а адвокат из Цинциннати Дж. Джексон – ее казначеем.

В результате отказа подконтрольной Вашингтону прессы освещать события, связанные с деятельностью «Ниагары», о создании протестной организации заявили лишь несколько оппозиционных негритянских газет. Например, газета «Chicago Broad Ax» писала: «Ниагара» появилась в подходящее время. Политика Вашингтона «залечь на дно и оставаться в темноте» вызывает тошноту у мужественного негра» [3]. Популярная в столице «цветная» газета «Washington Bee», в свою очередь, также не осталась в стороне от события: «Дюбуа занялся этим делом не по причине того, что ему это нравится, а потому что это его долг и сама правда требует этого» [26].

В 1906 г. произошла вторая конференция «Ниагары» в Харперс-Ферри (штат Виргиния). На встрече была принята декларация принципов движения, в которой говорилось о растущей расовой ненависти, наступлении

белого Юга шаг за шагом на права чернокожих граждан, дискриминации афроамериканцев в транспорте и местах общественного пользования. Участники движения заявляли о решительном протесте против всех проявлений расовой дискриминации, а конкретными требованиями прокламации являлись:

1. Получение реального доступа к избирательным урнам, так как с гражданскими правами приходит подлинная свобода. Ни один штат не правомочен признавать право голоса только за гражданами одного цвета кожи;

2. Прекращение дискриминации негров в местах общественного пользования, так как их разделение по цвету кожи является антидемократической выдумкой правящей элиты;

3. Право всех свободных людей поддерживать отношения с другими людьми (отмена запретов на межрасовые браки);

4. Федеральное правительство должно принять меры для борьбы с безграмотностью на Юге, при этом черных детей должны обучать так, как обучают всех интеллигентных белых людей. «Черная» молодежь имеет право знать, мыслить и стремиться вперед [2, p. 59-62].

Для продвижения своих программных установок «Ниагара» нуждалась в собственных периодических изданиях. Одним из них стал журнал «Voice of the Negro», издаваемый Дж. Барбером, выпускником университета «Юнион». Как и многие другие, он долгое время поддерживал политику Вашингтона, но затем, разочаровавшись в ее результатах, отказался от финансовой помощи своему журналу со стороны директора института Таскиги. При финансовом содействии членов «Ниагары» Дюбуа также приступил к изданию еженедельной газеты «Moon» с 2 декабря 1905 г., подписка на которую стоила 5 центов. Газета освещала как внутренние происшествия, касавшиеся разного рода проявлений расизма, так и внешние факторы, связанные с событиями в негритянском мире [18]. Правда, в результате финансовых проблем газета имела ограниченный тираж: ее читатели, составлявшие несколько сот человек, проживали преимущественно в Атланте и Мемфисе, где она печаталась [16, p. 327]. В конце концов, в августе 1906 г. денежные проблемы привели к прекращению издания «Moon». Однако при поддержке издательского дома братьев Мюррей, Дюбуа начал с января 1907 г. издавать ежемесячный журнал «Horizon». Как и предшествовавший ему «Moon», он отображал наиболее насущные проблемы чернокожего населения и, прежде всего, факты линчеваний, пеонажа и расизма. Газета также стояла на принципах гражданского равноправия, всеобщего избирательного права, в том числе и для женщин, прогрессивного налогообложения монополий [8]. Таким образом, повестка «Horizon» соответствовала идеалам «прогрессивной эры». И хотя банкир Дж. Шифф предоставлял часть средств на финансирование «Moon», «Ниагара» в дальнейшем выступила против субсидирования собственной периодики белыми издателями: обе ее газеты «Voice of the Negro» и «Horizon» выпускались за счет издательства «цветных» братьев Мюррей [15, p. 81]. Дж. Барбер активно призывал негритянскую общественность поддерживать периодические издания организации, мечтая превратить «Voice of the Negro» в «большую расовую корпорацию, где сотни молодых мужчин и женщин могли бы найти работу» [23].

Причиной отказа от сотрудничества с белыми структурами была убежденность многих членов «Ниагары» в их активном содействии политике приспособления Вашингтона [6]. Деятели организации критично отзывались о белой прессе, которую они часто обвиняли в пропаганде негативного образа негров на основе непроверенных источников в ущерб положительным новостям об афроамериканцах. В результате «Ниагара» не стремилась укрепить контакты с белыми газетами, часто критикуя их деятельность: «Нет ничего легче, чем упустить важные события, о том, что происходит с нами (афроамериканцами), если читать белые газеты, которые об этом не пишут» [7], - отмечалось в «Horizon». И действительно белые периодические издания практически полностью игнорировали деятельность протестного движения. Лишь активно освещавший деятельность Вашингтона журнал «Outlook» критически отозвался о «возмутителях спокойствия», обвинив их в пропаганде социального равенства рас [9].

Определенную настороженность по отношению к белой Америке ощущал и сам Дюбуа. Профессор, выступая в целом противником разделения мест общественного

пользования по расовому признаку, поддерживал культурную и экономическую обособленность негров. Добровольная «духовная сегрегация» чернокожего населения рассматривалась им как залог сохранения своей особой культуры после интеграции в американское сообщество, в то время как «экономическая сегрегация», по его мнению, подразумевала под собой материальную независимость афроамериканцев, прежде всего, путем создания собственных негритянских предприятиях [22, p. 102]. Тем не менее, он верил в возможность найти поддержку протестного движения среди белых американцев. Он вел постоянную тайную переписку с редактором популярной либеральной газеты «Evening Post» О. Виллардом, обсуждая деятельность Вашингтона [22, p. 87].

Критика деятельности негритянского лидера стала основной темой в выпускаемых «Ниагарой» периодических изданиях. В эссе напечатанном в ответ на расовый погром в Атланте в 1906 г. Дюбуа назвал причиной происшествия ненависть, которую при попустительстве Вашингтона раздувала южная пресса [27]. Резкой критике подвергалась и подконтрольная «машине Таскиги» пресса, в первую очередь самая популярная из них «New York Age»: «Сегодня, когда негритянское население начинает во весь голос кричать «Относитесь к нам как к людям!», «Age» заявляет, что «кричать во весь голос» не является тем, что нужно делать» [19], - писалось на страницах «Moon».

В то время как Вашингтон находился под протекцией федеральных властей, будучи личным помощником президента Т. Рузвельта, деятели «Ниагары» призвали негритянскую общественность отказаться от поддержки республиканской партии. Дюбуа заявлял о том, что президент не оправдал чаяний афроамериканцев, несмотря на свои громогласные обещания [24]. В ходе президентской гонки 1908 г., он, как и другие члены «Ниагары» резко выступал против кандидатуры республиканцев в лице У. Тафта, бывшего военным министром администрации Рузвельта, призывая негров к протестному голосованию, чтобы показать себя важной политической силой: «Мы обращаемся с призывом к 500 тысячам свободных чернокожих избирателей на Севере. Используйте свои голоса, чтобы нанести поражение Теодору Рузвельту, Уильяму Тафту… Лучше голосовать за общепризнанного врага, чем за фальшивых друзей» [10]. По его мнению, выбор чернокожих избирателей в пользу демократов мог заставить «партию Линкольна» изменить подход в отношении к афроамериканцам [11]. На призыв «Ниагары», в первую очередь, ответила чернокожая диаспора Бостона, где были традиционно сильны протестные силы. В 1910 г. от ⅓ до ½ негров голосовали за демократа на выборах губернатора штата [21]. Показательно, что на выборах 1908 г. Тафт получил наименьшее количество голосов негров из всех республиканских кандидатов в президенты за всю историю [12].

Отсутствие поддержки со стороны демократов и республиканцев в отношении афроамериканцев, вело многих членов «Ниагары» в ряды сторонников социалистических движений и организаций. Среди прогрессивной общественности «Ниагара» пользовалась активной поддержкой журналистки М.У. Овингтон, входившей в ряды Социалистической партии Америки. Со временем она стала близким другом Дюбуа, что не могло не сказаться на его еще большей заинтересованности в социализме. Постепенно профессор стал предполагать, что истинными союзниками чернокожего населения могли стать «классово угнетаемые» рабочие, к которым в основной массе относились и сами афроамериканцы, считая также возможным передать под управление государства железные дороги, угольные шахты и ряд заводов. В 1907 г. в февральском номере «Horizon» Дюбуа назвал себя «социалистом на половину» [6], тем самым отмечая произошедшие в его мировоззрении трансформации.

Однако сами деятели движения не считали «Ниагару» социалистической организацией, так как заявляли только о единогласной поддержке определенных положений, таких как отказ от дискриминации по расовому признаку. Тем не менее, налаживание контактов с членами Социалистической партии Америки часто использовалось враждебной по отношению к «Ниагаре» прессой. Например, газета «New York Age» постоянно обвиняла в поддержке социализма увлекшихся «академиков» (так газета называла членов

«Ниагары»), называя эти действия безответственным по отношению к нуждам афроамериканцев [20]. Следует отметить, что даже читатели «Horizon» не одобряли социалистический крен газеты, заявляя в рубрике «Обратная связь», об опасности подобного рода идей для репутации негров [8]. «Ниагара» не обладала достаточным влиянием, чтобы противостоять информационному давлению, созданному подконтрольной Вашингтону прессой, поэтому, за движением закрепился образ опасных черных «радикалов».

Отсутствие массовой поддержки обусловило усугубление проблем «Ниагары». В августе 1907 г. Дюбуа удалось собрать всего 80 делегатов на третьей конференции в Бостоне. К этому времени у организации имелось только 34 филиала, из которых лишь один располагался в штатах «глубокого» Юга – в Атланте. Находившиеся под сильным давлением «машины Таскиги» члены организации практически не платили взносов, в результате чего в казне находилось лишь 400 долл. [10]. Отсутствие денег постоянно мешало активной деятельности движения. Более того, организация судебного дела против сегрегации на железных дорогах в Виргинии и вовсе превратила ее в должника. Плохо налаженная работа на местах, в сумме с неудовлетворительным финансовым состоянием, создало большие трудности для продолжения судебных тяжб.

Окончательным ударом по организации стал раскол «Ниагары», в результате выхода из ее рядов сторонников влиятельного чернокожего протестного активиста У. Троттера. Причиной тому, стал его конфликт с К. Морганом, с близким соратником Дюбуа. Троттер считал целесообразным допускать в «Ниагару» лишь тех лиц, кто открыто заявлял о своем неприятии идей Вашингтона, что не находило отклика у Дюбуа и Моргана, желавших привлечь к движению как можно большего числа афроамериканцев. Кроме того, Троттер выступил против переизбрания губернатора К. Гилда в Массачусетсе, из-за выделения им средств на организацию сегрегированной выставки к трехсотлетию Джеймстауна – первого города основанного в Виргинии. Между тем, Морган поддерживал деятельность губернатора, надеясь получить место в легислатуре штата. В этой связи Троттер обвинил Моргана в незаконном избрании членов филиала в Массачусетсе, что было ложью ввиду отсутствия выборов в течение нескольких месяцев [5, p. 104]. В сложившемся конфликте Дюбуа занял сторону Моргана: «К сожалению, я вынужден заявить, что мистер Троттер является бременем для движения «Ниагара», он не может работать с людьми, не руководствуясь своей узкой программой. Пришло время, когда надо поставить вопрос следующим образом: может ли движение «Ниагара» и дальше тащить за собой мистера Троттера и отвечать за его слова и действия? За себя скажу, что не может» [22, p. 96]. В результате Троттер заявил о выходе из «Ниагары», создав в 1908 г. собственную организацию [5, p. 140]. Дюбуа, негативно относившийся к излишней резкости Троттера в отношении к белой общественности, наносившей существенный урон имиджу «Ниагары», надеялся, что уход его оппонента из организации поспособствует улучшению ситуации.

Однако в августе 1908 г. было зафиксировано последнее собрание «Ниагары» в Оберлине (штат Огайо), на которое почти никто не явился [25]. Многие деятели честно заявляли о желании сосредоточиться на своей карьере [16, p. 375]. Под давлением Вашингтона Дж. Барбер был исключен из редакции «Voice of the Negro», а финансовые трудности также привели к закрытию «Horizon». В 1909 г. Дюбуа вместе с Барбером пытались организовать новый протестный журнал «New Horizon», ставящий целью «пропаганду равенства всех рас и людей, введение всеобщего избирательного права, в том числе для женщин» [13]. Но журнал вновь оказался неприбыльным, поэтому через год его пришлось закрыть [14]. Вину за неудачу в деятельности «Ниагары» Дюбуа взял на себя: «Я не был прирожденным лидером: не умел относиться к каждому, как к брату, и быстро сходиться с незнакомыми людьми, наконец, я не мог легко избавиться от прирожденной замкнутости и от резкой критической манеры выражаться» [4, p. 314]. Несмотря на то, что в 1909 г. «Ниагара» продолжала формально существовать, фактически организация исчезла из общественного поля зрения.

В действительности, главными проблемами, приведшими к неудаче «Ниагары»

стали дезорганизация, финансовые проблемы и антагонизм между ее лидерами. Все это в итоге, не позволило движению расширить социальную базу и выйти за пределы немногочисленной негритянской интеллигенции, общее число которой к 1910 г. составляло лишь 2,5% от числа работающих афроамериканцев на Юге и 3% – на Севере [17, p. 185]. «Ниагара» представляла преимущественно идеологизированных чернокожих выпускников колледжей и университетов, многим из которых не были чужды националистические идеи. В отсутствие прямых контактов с негритянскими массами, «Ниагара» также не имела спонсоров в северных штатах, которые могли предоставить необходимые финансовые средства. Белая общественность Америки, в основной своей массе разделявшая философию компромисса, выработанную Вашингтоном, с крайним опасением относилась к «радикальной» оппозиции.

Однако в начале XX в. ситуация стала меняться с появлением либерально настроенных белых американцев, считавших, что с началом «прогрессивной эры» реформы должны непременно коснуться всех граждан страны вне зависимости от цвета кожи. Подобные идеи предоставляли возможность объединения белых прогрессистов с негритянским протестным движением, что привело к созданию организации «Национальная ассоциация содействия прогрессу цветного населения» (НАСПЦН), в состав которой вошло большинство членов «Ниагары» во главе с Дюбуа. Данная организация сумела успешно применить, разработанную своей предшественницей программу действий, направленной на противодействие расизму. Основным вкладом «Ниагары» стали идея протестного голосования на выборах, широкое использование прессы в целях агитации, а также концентрация на достижении гражданского и политического равноправия как первоочередной задачи афроамериканской общественности.

Список литературы

1. Alexander, S.L. (2011). An Army of Lions: The Civil Rights Struggle Before the NAACP. Philadelphia: University of Pennsylvania Press. 408 p.
2. Aptheker, H. (1985). Pamphlets and Leaflets by W.E.B. Du Bois. Millwood: Kraus-Thompson Organization. 372 p.
3. Chicago Broad Ax, 1905, August 12.
4. Du Bois W.E.B. The Autobiography of W.E.B. DuBois: A Soliloquy on Viewing My Life from the Last Decade of its First Century. N.Y.: International Publishers, 1968. 448 p.
5. Fox, R.S. (1970). The Guardian of Boston: William Monroe Trotter. N.Y.: Atheneum. 307 p.
6. Horizon, 1907, February.
7. Horizon, 1907, January.
8. Horizon, 1907, March.
9. Horizon, 1907, October.
10. Horizon, 1907, September.
11. Horizon, 1908, April.
12. Horizon, 1908, November/December.
13. Horizon, 1909, November.
14. Horizon, 1910, January.
15. Jones, A. (2011). African American Civil Rights: Early Activism and Niagara Movement. Santa Barbara: ABC-CLIO. 281 p.
16. Lewis D.L. W.E.B. Du Bois: Biography of the Race 1868-1919. N.Y.: Henry and Holt Company, 1993. 752 p.
17. Meier, A., Rudwick, E. (1963). Negro Thought in America, 1880-1915: Racial Ideologies in the Age of Booker T. Washington. Ann Arbor: The University of Michigan Press. 336 p.
18. Moon, 1906, March 2.
19. Moon, 1906, March 29.
20. New York Age, 1907, April 4.
21. New York Age, 1908, November 12.

22. The Correspondence of W.E.B. Du Bois: Selections, 1877-1934. Amherst: University of Massachusetts press, 1997. 507 p.
23. Voice of the Negro, 1906, August.
24. Voice of the Negro, 1907, December.
25. Voice of the Negro, 1907, June.
26. Washington Bee, 1907, March 2.
27. World Today, 1906, November.

THE NIAGARA MOVEMENT ACTIVITY AND THE APPEARANCE OF THE AFRICAN-AMERICAN PROTEST MOVEMENT IN THE USA (1905 – 1909)

The article is devoted to the analysis of the activities of the Niagara Movement, founded in 1905, which became the pioneer of the African-American protest movement. The members of the organization were representatives of the black intelligentsia, mainly residing in the North of the country, where African-Americans were not oppressed in their rights. The leader of the Niagara Movement was a professor of Atlanta University W.E.B. Du Bois, who challenged the domination of the ideas of Booker Washington in the black community, according to which the "colored" population had to reconcile with the political and social order that had developed in the South in exchange for opportunities to improve its financial situation. «Niagarites» believed that the primary task of the African-American society was to fight for civil and political equality as the only guarantee for the protection of the black population. To this end, African Americans had to actively apply all forms of protest against racist practices in the country. Despite the fact that financial difficulties, hostile public opinion and antagonism between the leaders of the organization led to its rapid demise, the Niagara Movement managed to make a significant contribution to the African-American community. Such ideas of Niagara's members as broad agitation in the press, protest voting, litigation against racist laws were widely used by subsequent organizations of the African-American protest movement.
Keywords: the US history, African-Americans, the ideology of accommodation, the African-American protest movement, interracial relations, Niagara Movement, W.E.B. Du Bois, Booker Washington.

References

1. Alexander, S.L. (2011). An Army of Lions: The Civil Rights Struggle Before the NAACP. Philadelphia: University of Pennsylvania Press. 408 p.
2. Aptheker, H. (1985). Pamphlets and Leaflets by W.E.B. Du Bois. Millwood: Kraus-Thompson Organization. 372 p.
3. Chicago Broad Ax, 1905, August 12.
4. Du Bois W.E.B. The Autobiography of W.E.B. DuBois: A Soliloquy on Viewing My Life from the Last Decade of its First Century. N.Y.: International Publishers, 1968. 448 p.
5. Fox, R.S. (1970). The Guardian of Boston: William Monroe Trotter. N.Y.: Atheneum. 307 p.
6. Horizon, 1907, February.
7. Horizon, 1907, January.
8. Horizon, 1907, March.
9. Horizon, 1907, October.
10. Horizon, 1907, September.
11. Horizon, 1908, April.
12. Horizon, 1908, November/December.
13. Horizon, 1909, November.
14. Horizon, 1910, January.
15. Jones, A. (2011). African American Civil Rights: Early Activism and Niagara Movement. Santa Barbara: ABC-CLIO. 281 p.
16. Lewis D.L. W.E.B. Du Bois: Biography of the Race 1868-1919. N.Y.: Henry and Holt Company, 1993. 752 p.
17. Meier, A., Rudwick, E. (1963). Negro Thought in America, 1880-1915: Racial Ideologies in the Age of Booker T. Washington. Ann Arbor: The University of Michigan Press. 336 p.
18. Moon, 1906, March 2.
19. Moon, 1906, March 29.
20. New York Age, 1907, April 4.
21. New York Age, 1908, November 12.
22. The Correspondence of W.E.B. Du Bois: Selections, 1877-1934. Amherst: University of

Massachusetts press, 1997. 507 p.
23. Voice of the Negro, 1906, August.
24. Voice of the Negro, 1907, December.
25. Voice of the Negro, 1907, June.
26. Washington Bee, 1907, March 2.
27. World Today, 1906, November.

Об авторе

Воробьев Дмитрий Николаевич – аспирант кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, E-mail: worobjowdima@mail.ru

Vorobyev Dmitry Nikolayevich – Graduate student of the Department of history of Modern and Contemporary History of European and American Countries History, Lomonosov Moscow State University, E-mail: worobjowdima@mail.ru

УДК 93/94

Воронцова И.В., кандидат теологии, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Православный Свято-Тихоновский Гуманитарный университет (Россия)

СОЦИАЛЬНЫЙ ВОПРОС В ДВИЖЕНИИ ЦЕРКОВНЫХ РЕФОРМАТОРОВ В ТРУДАХ С.Н. БУЛГАКОВА (1904–1907)

Социальный вопрос был лейтмотивом церковного реформаторства в России в 1905–1908 гг. Наиболее близки реформаторам были «социальные христиане», одним из лидеров которых был С.Н. Булгаков. Философ связал свободу «социально-политическую» с «метафизической», показав социально-политические задачи эпохи как религиозные. Соединяя исторический метод и аналитическое сопоставление содержания работ философа 1904-1908 гг., автор статьи исследует вопрос: в какой мере, и в каких аспектах «христианским социализм» С.Н. Булгакова, оказывал влияние на социальную деятельность церковных реформаторов и либеральных клириков в 1905–1908 гг. С церковными реформаторами и либералами философа сближала вера в обновленную Русскую Церковь, исследуя этот тезис в историко-религиоведческих парадигме «социально-этические ориентиры, привнесены христианским социалистом С.Н. Булгаковым в проекты церковных реформ», статья конкретизирует значение личности философа для движения за церковную реформу в России начала XX в. Исследование опирается на публикации церковных реформаторов и С.Н. Булгакова соответствующей тематики в периодических изданиях 1905–1908 гг. и приходит к выводу, что социальный вопрос в том виде, как он был поставлен реформаторами, имел отсылы к работам С.Н. Булгакова 1904–1908 гг.
Ключевые слова: движение церковных реформаторов, христианизация труда, Булгаков, история Русской Церкви.

История социального вопроса в России уходит корнями в религиозную мысль архимандрита Русской Церкви Феодора (А.М. Бухарева, 1824–1871), ученики которого донесли элементы его богословия до начала XX в. Подыскивая религиозные основания для христианизации общественно-трудовой жизни христиан, Феодор (Бухарев) остановился на духовной основе, – *личном* волевом выборе христианина. [10] Это не выходило за рамки ортодоксальной веры, но и не решало проблему. Социальная жизнь никогда не занимала в православии весомого места. Традиционное отношение православия к труду религиозно индифферентно: труд это общественно-полезная деятельность, не имеющая религиозного основания, и определяется личными качествами христианина. С.Н. Булгаков и поддерживавший его Н.А. Бердяев, примкнув к религиозному движению в 1904–1905 гг., высказались о *религиозной* природе человеческой деятельности. Учение христианства о богосыновстве открыло им путь к признанию абсолютного достоинства человеческой личности, для С.Н. Булгакова это утверждало «непоколебимые основы всякого освободительного движения» [2, с. 12]. Церковные реформаторы, сблизившиеся в 1905 г. с С.Н. Булгаковым и Христианским братством борьбы (ХББ[1]), составившими в религиозном движении за церковную реформу в России ядро «социального христианства», многое для своих проектов могли почерпнуть в статьях С.Н. Булгакова, ставшего в 1905 г. «христианским социалистом». В каких аспектах это было возможно?

Ответ на вопрос является задачей нашего исследования, она предусматривает совмещение исторического и религиоведческого подхода: обзор деятельности и тематических публикаций персоналий соответствующего исторического периода, и их религиоведческий анализ по отношению к церковной традиции. Отслеживая становление социального темы в статьях С.Н. Булгакова, автор статьи переходит к фактическому редуцированию её в церковном реформаторстве, и приходит к выводу: С.Н. Булгаков проводил мысль о непременном и должном пересечении при определённых исторических обстоятельствах двух, наметившихся в 1905 г., «линий»: церковной реформы и христианской политики [2, с. 16, 25]; со всей очевидностью его работы 1904–1908 гг. имели отношение к формированию религиозного мышления социального типа в церковной среде.

В данном контексте ни историками, ни философами вопрос не исследовался, но общественно-политическая деятельность и социальная философия С.Н. Булгакова после 1991 г. привлекли внимание социологов, философов и историков. Первых интересовала общественно-политическая занятость философа [15, 31], вторые изучали эволюцию его взглядов от марксизма к идеализму [16, 17, 8, 23], третьи описывали его социальную активность

в 1905–1909 гг. [9, 11, 22]. В.И. Кейдан поместил С.Н. Булгакова среди культурных деятелей, стоявших у истоков нового религиозного сознания [9, с. 7]. Работы, обращавшиеся к «христианскому социализму» С.Н. Булгакова [8, 30] отдельно не анализировали их связь с движением реформаторов в 1905–1908 гг.

Церковно-реформаторское движение было неоднородно, мы обращаемся к его радикальной части, идентифицировавшей себя как «церковно-освободительное движение». Его лидеры в 1903/1904 гг. они были настроены на реформу церковной педагогики, принимали участие в Петербургских религиозно-философских собраниях (1901–1903), давших старт «неохристианству». С начала 1905 г. представление о необходимой реформе расширилось. С одной стороны сказалась критичная позиция общества по отношению к русской Церкви после 9 января (епископат и священнослужителей обвинили в непредотвращении демонстрации), с другой – набирала силу идея созыва Поместного собора Русской Церкви (он планировался как архиерейский и создалась конфронтация мирян, белого и черного духовенства). С третьей – сказался революционный дух «освободительства», активизировавший приходское духовенство, с конца XIX в. лишенное избирательных прав и широкого участия в общественной жизни [11]. По мере становления движения формировалась некоторая идейная «программа»: с проектом освобождения Церкви от государства, признавалось недопустимой существовавшая норма «православный царь – глава православной Церкви», планировались пересмотр устаревших канонов и упрощение богослужения, возник проект христианизации труда [12].

В движение за церковную реформу С.Н. Булгаков пришел как «идеалист». С 1903 г. он считал, что родившееся в русском марксизме «идеалистическое направление» стоит под «знаком социального вопроса». Он написал о переменах в своем мировоззрении [3, с. XVI]: бездуховность марксистской теории заставила его заняться построением миросозерцания, которое по-иному обосновывало бы социальную и политическую активность, общественный прогресс. Вопрос «социального идеала» встал перед ним как «религиозно-метафизическая проблема» [3, с. XVI].

Свободы совести (поднята в 1902 г. на ПРФС) рассматривалась «идеалистами» (С.Н. Булгаковым, Н.А. Бердяевым, П.Б. Струве) как одна из ведущих социальных проблем. Их нежелание рассматривать в 1905 г. официальную Церковь как союзницу в христианизации политики, экономики и общественно-правовой жизни, и критичное отношение монашеству и «рассыпающемуся официальному православию» [2, с. 7–8, 14–15, 17, 24] сблизили «идеалистов» с «неохристианами». Как один из редакторов журнала «Новый путь» (затем «Вопросы жизни»), С.Н. Булгаков общался с Д.С. Мережковским [29, л. 5], и принял «религиозно-философскую программу»-«формулу перехода от позитивистской общественности к религиозной» [22, с. 98–99], стал требовать от коллег и союзников «конфессиональной определенности» [22, с. 102]. Тогда же он пришел к идее «нового языка» как «формы мысли», которая сделала бы христианское учение о богочеловечестве (историческом процессе) *понятным* рациональному мышлению [22, с. 100]. В 1905 г. к движению религиозной интеллигенции присоединилось либеральное духовенство. Сочинения С.Н. Булгакова этих лет о «социальности» христианства свидетельствуют, что общей точкой всех трех направлений был «вопрос о земле», устроении на ней «Царства Божьего» как социальной жизни, имеющей *духовные* корни.

В 1905–1906 гг. С.Н. Булгаков был всецело ориентирован на союз с духовенством [29, л. 2 об.]: церковное представительство рассматривалось им как необходимая для успеха движения «религиозная общественность». На почве издания журнала «Век» (1907) произошло фактическое объединение реформаторского «Союза ревнителей церковного возрождения» и «социальных христиан» в «Братство церковного обновления». В 1905–1907 гг. С.Н. Булгаков – теоретик принципов «христианской политики» и «христианский социалист»: он рассматривал социальное «освободительное» движение сквозь призму христианства, настаивал на необходимости для христиан включиться в это движение, так как христианство не связано ни с каким политическим идеалом и формой государства [13, с. 76, 94; 2, с. 13]. Подчеркнув разницу в природах Церкви и

государства, он показал нравственное и «юридическое» право духовенства участвовать во внутренней политике государства [16]. Посвященная этой проблеме статья вызвала восхищение даже у критично настроенного епископа Псковского Арсения (Стадницкого) [14, л. 131 об.]. Близость философа религии располагала к нему рядовое священство; он усваивал «Царство Божие» социалистическому движению, а одну из работ пафосно завершил строками из «Отче наш» [5, с. 104]. По С.Н. Булгакову, отрицая политику («средство внешнего устроения человечества» [2, с. 13]) и общественность, христианин погрешает, ибо отрицает историю как богочеловеческий процесс. В 1906 г. философ разделил «социализм» научный и практический, и подвел к мысли, что «конкретные формы» социализма могут сильно различаться по своему «духовному содержанию и этической ценности» [5, с. 87, 91, 102,103], воодушевляться религиозным энтузиазмом. Социализм «ищет… справедливости и любви в общественных отношениях» [5, с. 102], такая позиция во многом адаптировала социализм для религиозного мышления.

С.Н. Булгаков также продвигал как насущную, необходимость синтеза христианства с политической экономией, юриспруденцией, политикой, «Церковь не осуществляла» этого и они остались «вне религиозной жизни» [6, с. 351], ей необходимо «признать свой грех» и «создать общественную науку, проникнутую началами христианской веры» [6, с. 352]. С.Н. Булгаков изложил идею «Союза христианской политики» [20], затем на её основе выпустил книгу [3]. По сути, это была социально-политическая программа, содержавшая этическую часть. Здесь и в статье «Церковь и государство» философ перенес ряд традиционных для православного человека рубежа XIX/XX вв. *религиозных* понятий – в область социальной этики [13, с. 71–72, 73–75]. Проблема «антисоциальности» исторического христианства, должна была, по С.Н. Булгакову, стать вопросом христианской совести. Свой религиозный акцент получил труд: в текущей истории «представители труда» эксплуатируются, «Христова заповедь», «решительно повелевает встать на сторону труда» [2, с. 8], социализм христианского типа (в основе которого любовь созидания богочеловечества) даст «апофеоз труда как нравственного начала», спасительного в условиях классовой ненависти [2, с. 15].

Философ перевел в этическую плоскость понятия, с его точки зрения, «мучительных» для современного ему православного человека: «христианское государство», «христианский царь». Обыденное народное сознание на Руси всегда считало абсолютной связь православия и самодержавия, И неотъемлемым признаком этого рассматривало возглавление императором Русской Церкви. То, что канонически Церковь свободна от государства, а православие от самодержавия, с одной стороны, защищало Русскую Церковь от политических обвинений начала XX в., с другой – рушило вековые представления о православном самодержце-оплоте Церкви и православия. В статьях «Церковь и культура» и «Церковь и государство» С.Н. Булгаков, по сути, поддержал проведенное «неохристианами» разделение Церкви на «реакционную» и цезарепапистскую, и на истинную, подлежавшую реформе. Но если «неохристианин» Д.С. Мережковский, борьбу с «цезарепапизмом» декларировал как метафизический акт «развенчания» царя с Русской Церковью, то С.Н. Булгаков считал достаточным проведение на Поместном соборе признания не каноничным главенства православного царя Российской империи над православной Русской Церковью.

В 1907 г. С.Н. Булгаков обсуждал борьбу Церкви и государства за власть, и место аскетизма в системе их взаимоотношений [18, с. 150]. Гуманизм эпохи Возрождения был представлен философом как протест против аскетического мировоззрения Средневековья; но полной истины для С.Н. Булгакова не было ни в Средневековье, ни в эпохе гуманизма; в синтезе Средневековья и Нового времени он видел возрождение Церкви.

Газета С.Н. Булгакова «Народ» (1906) г. выходила как «всероссийское» издание, она успешно соединяла вопросы политические и религиозные. В намерения редакции входили: освещение «церковно-освободительного движения», предстоящего Поместного Собора, соборность. Целью газеты было христианское возрождение через реформу

Церкви и «прояснение» религиозно-философского сознания общества. В списке авторов значилось свыше 50-ти имен из Москвы, С.-Петербурга и Киева (ряд священнослужителей, посещавших ПРФС и публиковавшихся в «Новом пути», «неохристиане», проповедники из московского Общества любителей духовного просвещения, философы, профессора духовных академий, «неокатолик» М.Э. Здзеховский и ряд действительных членов ПРФО на 1907 г.) Здесь С.Н. Булгаков повторил мысль, изложенную в книге «Неотложная задача»: Церковь должна провести самоочищение – пересмотреть свой «духовный багаж» и «перерешить» ряд вопросов [24, с. 2]. После закрытия газеты С.Н. Булгаков пришел к «дуалистической позиции», – признанию «того большого и подлинного, что может проявиться только в ограде церковной» и необходимости «церковной партии», хотя бы и в виде такого «относительного средства», как «Союз христианской политики» [9, с. 103]. Девизом «Союза христианской политики» была демократическая формула «Бог и народ», «союз» принимал представителей всех христианских конфессий, сочувствовавших его задачам, в том числе сектантов [2, с. 37, 23]. Программа «союза» имела религиозную, политическую и экономическую часть. Начало работе должен был положить учредительный съезд, утверждавший структуру «союза» по уездам и губерниям (из кружков и союзов, коопераций товарищеских, смешанных или профессиональных). Культурный уровень его членов должен был поддерживаться просветительскими занятиями, предполагались финансовые отчисления в стачечный фонд, учитывалась и допускалась связь с социал-демократическими организациями.

Журнал «Век» (1906–1907) стал следующей публичной площадкой для дискуссий церковных реформаторов, «христианских социалистов» и «неохристиан». В числе его учредителей были священники Г.С. Петров, К.М. Аггеев и И.Ф. Егоров (активный участник ПРФС и ПРФО, «обновленец»), протоиереи В.Я. Колачев и редактор «Церковного вестника» А.П. Рождественский, редакторами – архимандрит Михаил (Семенов) и А.В. Карташев. «Век» планировал содействовать «освобождению Русской Церкви от подчинения государству, осуществлению соборного начала», устроению Церкви на началах вселенского христианства. Из числа духовенства постоянными авторами были К.М. Аггеев, И.В. Егоров и С.Г. Петров, почти все подписчики были священнослужители. Здесь опубликовали статью «Реформа или реформация?», ее автор соглашался с «безысходным» положением тех, кто остается в исторической «Церкви, основанной на святоотеческом учении» [1, с. 1]. В № 18 «Века» прошли ряд полемических статей на тему: оставаться или нет в «старой» Церкви? После закрытия «Века» социальные христиане продолжили публиковаться в журнале «Живая жизнь», выпускали сборники «Вопросы религии», книги.

Церковно-реформаторское движение 2-й пол 1905 г. проявлялось стихийно, в виде групп, не стабильных по числу единомышленников и объединенных требованиями созыва всецерковного Поместного собора, независимости Церкви, расширения самостоятельности прихода, сокращения числа монашествующих на административных должностях, выборности епископата и демократизации Церкви, упрощения богослужений и переводе их на русский язык. С 1906 г. дебатировались вопросы социального плана: второбрачие священства, отношение к социализму [28, с. 1501], аскетизму, общественно-политической деятельности. «Понимание… правды социализма, писал «Церковный вестник» в 1906 г., – приобретает в настоящее время для христианской религии значение н е о т л о ж н о й з а д а ч и»[2], особенно в виду упреков в равнодушии Церкви к бедным; Церковь может опровергнуть их, выступив против эксплуатации бедных классов [28, с. 1502]. «Церковный вестник», часто комплектовавшийся в 1906–1907 гг. лидером реформаторов К.М. Аггеевым, предложил поставить задачу *христианской этики, претворить христианское учение о нравственности в правила социальной справедливости* [32, с. 1280, 1285], развил идею христианизации всех сторон жизнедеятельности человека.

В 1907–1908 гг. обсуждения «оживления» веры через христианизацию повседневности прошли в Петербурге, а в 1908–1909 гг.

в Киевском религиозно-философском обществе, подавляющее большинство членов которого были преподавателями КДА, духовных училищ. Тогда же часть духовенства заинтересовалась способом *согласовать* неотмирность христианства с социальными запросами своего времени, появилась «новая формула условий спасения» [21; 12].

25 октября 1907 г. протопресвитером И.Л. Янышевым членам «Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе православной Церкви» было предложено «поставить вопрос о внутренней реформе… жизни, – и частной, и общественной, – об охристианении ее путем религиозного отношения к обычному житейскому труду» [29], священник И.Г. Никитин, подготовивший доклад, пришел к выводу, что «мирской труд у нас находится вне религии, в стороне от вопроса о спасении души» [27, с. 123]. В «Отчете» Общества за 1908 г. подчеркивалось: «вопрос о христианизации мирского труда представляется наболевшим, жгучим», «необходимо христианизировать наш мирской труд», но «готовых формул и руководств… почти нет» [27, с. 137–138]. 19 февраля 1908 г. священниками П.А. Миртовым и Е.М. Кондратьевым были предложены первые образцы поучений на эту тему. Иеромонах Вениамин (Федченков) тогда же отметил, что доклад И.Г. Никитина это «поворот христианства в сторону», где мирской труд занимает *духовное* место; «труд – только напряжение психофизической энергии в человеке, и религиозно он бескачественен»; христианизацию мирского труда иеромонах назвал уступкой духу времени, умалением аскетизма, несомненным «штрихами лютеранства» [27, с. 139]. Кроме выпускника МДА А. Грисюка, его никто не поддержал, собрание выразило желание, чтобы суммировавшие тему тезисы И.Л. Янышева были официально заявлены [27, с. 141] как исповедание православного церковного веросознания через Святейший Синод или на всецерковном Соборе [27, с. 122–124]. В течение 1908 гг. В.Я. Колачев пропагандировал в печати эту идею, но дальнейшего развития проект не получил.

Как было замечено, политическая деятельность христианина рассматривалась С.Н. Булгаковым как «необходимое жизненное осуществление заветов Христа» [2, с. 10, 12]. В 1906 г. прошли выборы священства в I Думу. Среди делегатов встречались те, кто называл себя последователями С.Н. Булгакова и программой – его книгу «Неотложная задача» [20, с. 52; 22]. В I–III Думах (1906–1912) в левых и умеренно-правых коалициях работали священники К.И. Афанасьев, Н.П. Васильев, Н.В. Огнев, Ф.В. Тихвинский, Г.С. Петров[3], А.(?) Попов, И.В. Титов, П.(?) Исполатов, А.В. Архипов, А.В. Концевич, А.В. Поярков, В.И. Гума, К.А. Колоколов.

Таким образом, С.Н. Булгаков в 1905–1908 гг. представил вариант религиозного мышления, ориентированный на историко-социальные запросы. Религиозное осмысление этических начал в социально-*экономической* сфере [5, с. 199, 201, 203] по С.Н. Булгакову, должна была быть приурочена «не только к определенной догматике, но еще более – к практическим выводам религии [5, с. 199]. Философ высказывался о непременном и должном пересечении, в определённых исторических обстоятельствах, двух (наметившихся в 1905 г.) церковной реформы и христианской политики [2, с. 16, 25]. Со всей очевидностью его социальная мысль 1904–1908 гг. имела отношение к идеям реформаторов.

Безусловно, С.Н. Булгаков не был единственным «работником» на поле идеологии церковной реформы начала XX в., но – наиболее уважаемым в церковной [22, с. 232–238] среде светским мыслителем-современником, его социальная философия предлагалась для кандидатских работ выпускников МДА [23, л. 1 об.], его прочли будущие «обновленцы». Имя С.Н. Булгакова эксплуатировали попытавшиеся возродить реформаторское движение в 1917–1918 гг. члены «Союза демократического духовенства и мирян» священника, а в 1922 г. «обновленческого» митрополита, А.И. Введенского. «Обновленчески» профессор Б.В. Титлинов назвал «социально-общественную сторону христианских идеалов» определяющей сущность христианства и первейшей «идеологической стороной» «обновленчества» 1920-х гг. [35]

Ни один исторический деятель не может предвидеть того, какие аспекты его мысли будут профанированы или транслированы в общественные формы. В процессе стремительной личной духовной эволюции[4] С.Н. Булгаковым были написаны работы,

масштаб которых для движения за церковную реформу в России начала XX в. трудно переоценить. «Учение» С.Н. Булгакова о христианском социализме допускало отношение к нему как к расширявшему границы «естественного откровения»[15, с. 51]. Его социальная философия преодолевала традиционную для православного мышления дихотомию материального и идеального миров, чем способствовала социализации христианства.

Примечания

[*] Христианское братство борьбы (Эрн, Свенцицкий, Ельчанинов, Брихничев, Егоров).

[2] Разрядка оригинала. – ИВ.

[3] Осуждены к снятию сана.

[4] После 1917 г. С.Н. Булгаков выступал в защиту теократической природы самодержавия, в 1918 г. был делегатом Всероссийского Поместного Собора, и принял священный сан.

Список литературы

1. Аггеев К., свящ. Реформа или реформация // Век. 1907. №1. С. 1.
2. Булгаков С. От марксизма к идеализму. (1896-1903). СПб., 1903. 347 с.
3. Булгаков С.Н. Неотложная задача: О Союзе христианской политики. М., 1906. 47 с.
4. Булгаков С. Св. Синод и Государственная Дума // Речь. 1907. №144. С. 2.
5. Булгаков С. Два Града. Исследование о природе общественных идеалов. М., 1911. 304 с.
6. Булгаков С. Политическое освобождение и церковная реформа // Вопросы жизни. 1905. Апрель-май. С. 491-522.
7. Булгаков С. Социальные обязанности Церкви // Народ. 1906. №5. С. 2.
8. Вениамин (Новик), игумен. Христианский социализм прот. С. Булгакова [Электронный ресурс]. URL http://www.vehi.net/bulgakov/novik.html#_ftnref1__/ (дата обращения 20.02.2016)
9. Взыскующие града: Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках / Сост., вст. ст. и комм. И. Кейдана. М.: Языки русской культуры, 1997. 548 с.
10. Воронцова И.В. Синтез науки и религии, опыта и веры в богословии архим. Феодора (Бухарева) // Вопросы философии. 2013. №12. С. 68-77.
11. Воронцова И.В. Обсуждение в Предсоборном присутствии (1906) права духовенства заниматься общественной деятельностью // XXVI Ежегодная богословская конференция Православного Св.-Тихоновского гуманитарного университета. М.: ПСТГУ, 2016. С. 72-76.
12. Воронцова И.В. Дискуссия о христианизации повседневной жизни в среде петербургского духовенства 1907-1908 гг. // Вестник ПСТГУ (II). 2014. №3. С. 9-23.
13. Вопросы религии. Вып. I. М.: Об-во распространения полезных книг, 1906. 335 с.
14. ГА РФ. Ф. 550. Д. 515.
15. Засядь-Волк. Е.А. Общественно-политические взгляды и деятельность С.Н. Булгакова в 1895-1822 гг.: дисс. … канд. ист. наук. Челябинск, Ю-УГУ. 2009. 282 с.
16. Евлампиев И.И. Религиозный идеализм С.Н. Булгакова: «за» и «против» // С.Н. Булгаков: Pro et contra: Личность и творчество Булгакова в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология: [В 2. т.] СПб.: РХГИ, 2003. С. 27-59.
17. Иванова Т.Е. Общественный идеал в русской социальной мысли начала XX века: Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, П.И. Новгородцев, С.Л. Франк: дисс. ... канд. социол. наук. СПб., СПбГУ. 1998. 160 с.
18. Известия и заметки // Церковный вестник. 1908. №4. С. 123.
19. Историческое обоснование обновленческого движения // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1925. №2. С. 9-14.
20. Карташев А.В. Мои ранние встречи с о. Сергием // Православная мысль. Париж. 1951. Вып. VIII. С. 47-55.
21. Колачев В. О новой формуле условий спасения // Церковный вестник. 1908. №7. С. 195
22. Колеров М.А. Не мир, но меч. Русская религиозно-философская печать от «Проблем идеализма» до «Вех». 1902-1909. СПб., 1996. 375 с.

23. Матвеева Н.Ю. Социологическая концепция С.Н. Булгакова: дисс. … канд. социол. наук. М., МГУ. 2002. 148 с.

24. НИ ОР РГБ. Ф. 172. Д. 450. Ед. хр. 1.

25. Новое или церковное христианство // Церковный вестник. 1906. №19. С. 603-607.

26. Н.С., священник. Открытое письмо Н.С. Булгакову // Вопросы жизни. 1905. №8. С. 232-238.

27. Отчет о деятельности высочайше утвержденного 4 апреля 1881 года Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе православной церкви за 1908 г. СПб., 1907. 240 с.

28. Пастырское собрание о социальной проблеме // Церковный вестник. 1906. №46. С. 1500-1502.

29. Протопресвитер И.Л. Янышев в собрании проповедников // Церковный вестник. 1908. №4. С. 122.

30. РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 253.

31. Шерер Ю. В поисках «христианского социализма» в России // Вопросы философии. 2000. №12. С. 88-133.

32. Церковь и рабочий вопрос // Церковный вестник. 1906. №40. С. 1285-1289.

SOCIAL QUESTION IN THE MOVEMENT OF CHURCH REFORMERS IN THE WRITINGS BY S.N. BULGAKOV (1904–1907)

The social question was the leitmotif of the Church reformer's movement in Russia at the beginning of the 20th century, The most folks to the reformers were 'social Christians', one of whose leaders was S.N. Bulgakov. The philosopher linked 'sociopolitical' freedom with 'metaphysical', showing the socio-political tasks of the era as religious. Combining the historical method and the analytical comparison of the contents of the works of the philosopher of 1904–1908, the author of this article examines the question: to what extent, and in what aspects 'Christian socialism' of S.N. Bulgakov influenced on social activities of Church reformers and liberal clerics in 1905–1908. Church reformers and liberal philosophers drew together the faith in revitalized Russian Church. Exploring thesis in the historical and religious paradigm of 'socio-ethical guidelines', brought by the Christian socialist S.N. Bulgakov in the projects of Church reforms, the article concretizes the significance of the philosopher's personality for the movement for Church reform in Russia at the beginning of the 20th century. The research is based on the publications of Church reformers and S.N. Bulgakov corresponding in 1905–1908 and comes to the conclusion that the social question in forms, in which it was put by movement, had references to social Christianity from the Bulgakov's works.

Keywords: movement of Church reformers, Christianization of labor, Bulgakov, history of the Russian Church.

References

1. Aggeev K., priest. (1907). Reforma ili reformaciya [Reform or reformation]. *Vek [Age]*,1,1.

2. Bulgakov S. (1903). Ot marksizma k idealizmu. (1896-1903) [From Marxism to Idealism (1896-1903)]. Sankt-peterburg.

3. Bulgakov S.N. (1906). Neotlozhnaja zadacha: O Sojuze hristianskoj politiki [The Immediate task: About the Union of Christian Politics]. Moskva.

4. Bulgakov S. (1907) Св. Синод и Государственая Дума [Sv. Sinod i Gosudarstvennaya Duma]. *Rech' [Speech],*144,2.

5. Bulgakov S. (1911). Dva Grada. Issledovanie o prirode obshchestvennykh idealov [Two hailstones. A study on the nature of social ideals]. Moskva.

6. Bulgakov S. (1905) Politicheskoe osvobozhdenie i cerkovnaya reforma [Political emancipation and Church reform]. *Voprosy zhizni [Issues of life]*, Aprel'-maj,491-522.

7. Bulgakov S. (1906). Sotsial'nye obyazannosti tserkvi [Social responsibilities of the Church]. *Narod [Nation],*5,2.

8. Veniamin (Novik), igumen. Hristianskij socializm prot. S. Bulgakova. [Christian socialism of Protopriest S. Bulgakov] URL: http://www.vehi.net/bulgakov/novik.html#_ftnref1 (20.02.2016)

9. (1997) Vzyskujushhie grada: Hronika chastnoj zhizni russkih religioznyh filosofov v pis'mah i dnevnikah. Sost., vst. st. i komm. I. Kejdana [Seeking hail: Chronicle of the private life of Russian religious philosophers in letters and diaries. Compl., introd. article and comm. by V. Kaden]. Moskva: Yazyki russkoy kultury.

10. Voroncova I.V. (2013). Sintez nauki i religii, opyta i very v bogoslovii arhim. Feodora (Buhareva) [The synthesis of science and religion, experience, and faith in the theology of Archimandrite Theodor (Bukharev)]. *Voprosy filosofii [The issues of philosophy]*,12,68-77.

11. Voroncova I.V. (2016). Obsuzhdeniye v Predsobornom prisutstvii (1906) prava dukhovenstva zanimatsya obshchestvennoy deyatelnostyu [Discussion in the Pre-Conciliar Presence (1906) of the clergy's right to engage in public activities]. *XXVI Ezhegodnaya bogoslovskaya konferenciya Pravoslavnogo Sv.-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta [Annual Theological Conference of the Orthodox St. Tikhon Humanitarian University]*. Moskva: PSTGU,72-76.

12. Voroncova I.V. (2014). Diskussiya o khristianizatsii povsednevnoy zhizni v srede peterburgskogo dukhovenstva 1907-1908 gg [Discussion on the Christianization of everyday life among the St. Petersburg clergy in 1907-1908]. *Vestnik PSTGU (II) [Bulletin of PSTGU(II)],*3,9-23.

13. (1906). Voprosy religii [Issues of religion],I. Moskva: O-vo rasprostranenija poleznyh knig.

14. GA RF. F. 550. D. 515.

15. Zasyad'-Volk. E.A. (2009). Obshchestvenno-politicheskie vzglyady i deyatel'nost' S.N. Bulgakova v 1895-1822 gg. [Social and political views and activities of S.N. Bulgakov in 1895-1822]. Diss. … kand. ist. nauk. Chelyabinsk, 282 s.

16. Evlampiev I.I. (2003). Religioznyj idealizm S.N. Bulgakova: «za» i «protiv» [Christian socialism of Protopriest S. Bulgakov] S.N. Bulgakov: Pro et contra : Lichnost' i tvorchestvo Bulgakova v ocenke russkih myslitelej i issledovatelej [S.N. Bulgakov: Pro et contra: Bulgakov's personality and creativity in the evaluation of Russian thinkers and researchers]: Antologija. In 2 vols. Compl. by I.I. Evlampiev]. St.-Peterburg: RHGI,27-59.

17. Ivanova T.E. (1998). Obshchestvennyj ideal v russkoj social'noj mysli nachala XX veka: N.A. Berdyaev, S.N. Bulgakov, P.I. Novgorodcev, S.L. Frank [The social ideal in Russian social thought at the beginning of the 20th century: N.A. Berdyaev, SN Bulgakov, P.I. Novgorodtsev, S.L. Franc]. Diss. ... kand. sociol. nauk. St.-Peterburg, 160 s.

18. (1908). Izvestiya i zametki [News and notes]. *Cerkovnyj vestnik [Church herald]*,4,123.

19. (1925). Istoricheskoye obosnovaniye obnovlencheskogo dvizheniya [Historical background of the renewal movement].*Vestnik Svyashchennogo Sinoda Pravoslavnoy Rossiyskoy Tserkvi [Herald of the Holy Synod of the Orthodox Russian Church]*,2,9-14.

20. Kartashev A.V. (1951). Moi rannie vstrechi s o. sergiem [My early meetings with Fr. Sergius]. *Pravoslavnaja mysl' [Orthodox thought],*VIII,47-55.

21. Kolachev V. (1907). O novoj formule uslovij spaseniya [About a new formula for saving conditions]. *Cerkovnyj vestnik [Church herald]*,7,195-199.

22. Kolerov M.A. (1996). Ne mir, no mech. Russkaya religiozno-filosofskaya pechat' ot «Problem idealizma» do «Vekh». 1902-1909 [Not the world, but the sword. Russian religious and philosophical press from the “Problems of Idealism” to “Vekhi”]. St.-Peterburg. 375 s.

23. Matveeva N.U. (2002). Sociologicheskaya koncepciya S.N. Bulgakova [Sociological concept of SN. Bulgakova]. Diss. … kand. sociol. nauk. Moskva: MGU. 148 s.

24. NI OR RGB. F. 172. D. 450.

25. (1907). Novoe ili tserkovnoe khristianstvo [New or Church Christianity]. *Cerkovnyj vestnik [Church herald]*,19,603-607.

26. N.S., svyashhennik (1905). Otkrytoe pis'mo N.S. Bulgakovu [N.S, the priest. Open letter of N.S. Bulgakov]. *Voprosy zhizni [Issues of life],*8,232-238.

27. (1907). Otchet o dejatel'nosti vysochajshe utverzhdennogo 4 aprelja 1881 goda Obshhestva rasprostra-nenija religiozno-nravstvennogo prosveshhenija v duhe pravoslavnoj cerkvi za 1908 g. [Report on the activities of the highest approved on April 4, 1881 Society for the dissemination of religious and moral education in the spirit of the Orthodox Church for 1908]. St.-Peterburg. 240 s.

28. (1906). Pastyrskoe sobranie o sotsial'noj probleme [The Pastoral Meeting on the Social Issue]. *Cerkovnyj vestnik [Church herald]*, 46,1500-1502.

29. (1908). Protopresviter I.L. Yanyshev v sobranii propovednikov [Protopresbyter I.L. Yanishev in the meeting of preachers]. *Cerkovnyj vestnik [Church herald],*4,122.

30. RGALI. F. 142. D. 253.

31. Sherer Yu. (2000). V poiskakh «khristianskogo sotsializma» v Rossii [In search of “Christian socialism” in Russia]. *Voprosy filosofii [The issues of philosophy]*,12,88-133.

32. (1906). TSerkov' i rabochij vopros [The Church and the Worker's Question]. *Cerkovnyj vestnik [Church herald]*,40,1285-1289.

Об авторе

Воронцова Ирина Владимировна – кандидат теологии, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Православный Свято-Тихоновский Гуманитарный университет (Россия), E-mail: irinavoronc@yandex.ru

Vorontsova Irina Vladimirovna – candidate in Theology, candidate in History, senior research fellow, Saint Tikhon's Orthodox University of Humanities (Russia), E-mail: irinavoronc@yandex.ru

УДК 796.032; 93/94

Горлова Н.И., кандидат исторических наук, доцент, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова (Россия)

ФОРМИРОВАНИЕ ИНСТИТУТА ВОЛОНТЕРСТВА В ОБЛАСТИ ПРИРОДООХРАННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В 1920-1960-е гг.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью понимания природы экологического волонтерского движения современной России и потребностью в совершенствовании управления и организацией сообществом волонтеров, активно в него включенного. Статья посвящена историческим аспектам формирования института добровольческой деятельности в деле сохранения окружающей среды в 1920-1980-е гг. Изучение исторического опыта общественной активности в области природоохранной деятельности и формирования экологической культуры, заложившего традиции современного экологического волонтерства, базировалось на привлечении значительных архивных материалов Центрального государственного архива города Москвы. В статье рассматривается деятельность ряда экологических общественных организаций – Всероссийского общества охраны природы, Добровольного общества содействия озеленению гор. Москвы, Московского городского общества озеленения и охраны природы. Добровольческая практика по оздоровлению и поддержанию благоприятной экологической среды в рассматриваемый период оформляется в отдельную институциональную систему, включающую различные виды деятельности, формы и уровни организации экологического добровольческого движения. По мнению автора, специфика организации добровольческих практик определялась ее социально-массовым и инструментальным характером, содержанием и ключевыми направлениями деятельности добровольческих общественных объединений. Особое внимание уделяется содержательной стороне работы общественных помощников (инструкторов, инспекторов), внештатных добровольных сотрудников, активистов организаций.

Ключевые слова: Всероссийское общество охраны природы, Добровольное общество содействия озеленению города Москвы, Московское городское общество озеленения и охраны природы, добровольчество, добровольцы, добровольческая деятельность, природоохранная деятельность, экологическое волонтерство.

Большую работу по организации добровольного массового движения общественности по оздоровлению и поддержанию благоприятной экологической среды в 1920-1930-е гг. планомерно проводило несколько организаций (Всероссийское общество охраны природы (ВООП), Добровольное общество содействия озеленению гор. Москвы (ДОСОМ) и др. Выполняя взятые на себя соцобязатества, организации, планомерно реализовали курс по привлечению широких масс населения на добровольных началах к озеленению территорий и охране имеющихся зеленых насаждений.

Добровольными участниками экологических объединений выступали общественные помощники (инструктора, инспектора), внештатные добровольные сотрудники, активисты и др. Добровольная деятельность предполагала активное участие граждан в разнообразных природоохранных акциях по привлечению внимания общественности к актуальным вопросам состояния экологии; в распространении информационных и агитационных материалов экологической направленности и деятельности организации; экологические инспекции и общественный контроль.

Всероссийское ордена Трудового Красного Знамени общество охраны природы – одна из старейших экологических общественных организаций, созданная в 1924 году. В создании Общества приняли активное участие общественные деятели и видные ученые: Петров Ф.Н., Кожевников Г.А., Калугин Н.М., Смидович П.Г. и многие другие. Первый устав Общества был зарегистрирован Наркоматом внутренних дел РСФСР 29 ноября 1924 г. Новый устав был утвержден 23 ноября 1933 г. сектором науки Наркомата просвещения РСФСР, в соответствии с которым Общество стало именоваться Всероссийским обществом охраны природы и содействия природных богатств. В 1934 г. общество было переименовано во Всероссийское общество охраны природы (далее – ВООП).

Первоначально деятельность ВООП отличалась преимущественно научным характером. Вокруг него концентрировались в основном ученые, занимавшихся изучением природных богатств, работники заповедников и

педагоги.

Однако состоявшиеся в Москве форумы общественных деятелей охраны природы – Всероссийский (1929 г.) и Всесоюзный (1933 г.) сосредоточили особое внимание на необходимости объединения не только государственных сил, но и общественных ресурсов в деле охраны природы и формирования экологической культуры, тем самым определив ключевые направления в работе организации. Она занималась вопросами пропаганды охраны природы, стало издавать и тиражировать массовую литературу по вопросам охраны природы, привлекать общественность к практическим формам работы, популяризировать свою деятельность.

К 1937 году в рядах Общества насчитывалось 16 тысяч членов, 24 отделения, объединявших 117 ячеек. Отечественная война 1941-1945 гг. изменила курс проводимой политики в направлении оборонной тематики. Широких размах получила подготовка кадров для сельского хозяйства, открыты курсы животноводства, овощеводства, пчеловодства и изучению лекарственных растений. В военный период в различных городах курсы, организованные Обществом, окончили 2200 человек.

В послевоенное время общественность задействована под эгидой организации в деле восстановления городов, их благоустройства и озеленения.

В июле создается специальное общество содействия зеленому строительству и охране зеленых насаждений.

Постановлением Совета Министров РСФСР от 5 сентября 1953 годы произошло объединение Всероссийского общества содействия строительству и охране городских зеленых насаждений и Всероссийского общества охраны природы в одно общество «Всероссийское общество содействия охране природы и озеленению населённых пунктов».

Принятый в октябре 1960 года «Закон об охране природы в РСФСР» оказал решающее влияние на перестройку всей деятельности ВООП. Его работа стала более содержательной и целенаправленной, приобрела выраженный практический характер. Закон инициировал активное участие общества в разработке проектов, документов по охране природных ресурсов, законодательных актов. Так, по инициативе Свердловского отделения ВООП на промышленных предприятиях начинают создаваться общественные технические комитеты по охране природы, основной задачей которых является оказание практической помощи администрации предприятий в выявлении и устранении конкретных причин и источников загрязнения окружающей среды промышленными отходами, в рациональном использовании природных ресурсов, вторичном использовании сырья.

В целях содействия советским и хозяйственным органам в деле рационального использования и охраны природных богатств, по инициативе Центрального совета, в 1965 и 1969 гг. проведены при непосредственном участии добровольных помощников Всероссийские рейды по проверке выполнения «Закона об охране природы в РСФСР». В 1974 г. проведен третий Всероссийский контрольный рейд, посвященный 50-летию Общества. В этот же период в организациях Общества проводятся Всероссийские походы под девизами: «Малым рекам – полноводность и чистоту», «За рациональное использование земли», проводятся операции: «Муравей», «Живое серебро» и др.

Добровольные активисты Общества принимают деятельное участие в озеленении и благоустройстве Волго-Балтийского водного пути.

При организации Общества работали лекторские группы, открыты Дома природы, функционировали выставочные залы. Много внимания уделялось развитию клубного любительского движения.

Добровольным обществом содействия озеленению гор. Москвы (далее - ДОСОМ) за годы деятельности была поставлена массовая работа добровольцев, выполняя взятые на себя социалистические обязательства по благоустройству и озеленению территории гор. Москвы. Статистические данные отображают уровень развития включенности населения в работу организации. Только в 1957 году члены ДОСОМ проявили себя в уходе и охране за зелеными насаждениями в 631 дворах, 490 школах и детских садах, в 395 лечебных учреждениях. [2, д. 83, с. 5] На этих участках было высажено плодово-ягодных и декоративных дере-

вьев свыше 62 000 шт., ягодных и декоративных кустарников свыше 596 996. Силами членов ДОСОМ была проведена огромная работа по уничтожению яйцекладки шелкопряда в районах Москвы и лесопарковой зоне. Всего участвовало в этом мероприятии 200 тысяч человек, в 1959 году эта цифра увеличилась в 2 раза и составила 400 тысяч добровольных озеленителей. [2, д. 43, с. 7] Ежегодно активистами высаживалось свыше 5 млн. цветов. В 1959 году было организовано 1369 местных отделений ДОСОМ. 12 районных отделений Общества перевыполнили свои планы по посадкам и членству (Ленинский, Ленинградский, Фрунзенский, Советский, Сталинский, Свердловский, Бауманский, Рижский, Ждановский, Октябрьский, Куйбышевский и Москворецкий. [1, д. 61, с. 16]

В повышении активности членов Общества использовались различные формы массового привлечения общественности на добровольных началах к практической работе по озеленению столицы. Это, прежде всего, были конкурсы на лучшее озеленение ЖЭКов, школ, больниц, заводов, фабрик, учреждений и предприятий, ежегодно участвующих в социалистических соревнованиях. Так, в 1960 году среди ЖЭКов двадцати районов Москвы первое место занял ЖЭК № 14 Бауманского района по адресу Б. Почтовая улица дом № 18/20, среди медицинских учреждений лучшие результаты показала больница им. Кащенко. [2, д. 84, с. 12] Вошло в традицию проведения «Дня леса и птиц», месячников по благоустройству и озеленению столицы. [2, д. 52, с. 6]

Закон РСФСР «Об охране природы в РСФСР» инициировал формирование институт общественных инспекторов по охране природы[1].

В 1960 г. насчитывалось 892 общественных инспекторов по г. Москве (Бауманский район – 64, Дзержинский – 51, Ждановский – 13, Куйбышевский – 24, Калининский – 16, Киевский – 54, Кировский – 30, Свердловский – 12, Краснопресненский – 20, Ленинградский – 68, Пролетарский 31, Москворецкий – 25, Октябрьский – 15, Советский – 44, Сокольнический – 40, Сталинский – 30, Тимирязевский – 26, Фрунзенский – 56, Рижский – 193). [2, д. 84, с. 32]

Руководство работой инспекторов осуществлялось Правлением Общества Городского и Районного ДОСОМ. Совет общественных инспекторов по охране зеленых насаждений образовался при Московском Городском Обществе ДОСОМ и его районных отделений. Для руководства инспекторами был сформирован Совет из 20 представителей районов по одному человеку от района, в районах соответственно возглавляют районные советы.

Общественные инспектора по охране зеленых насаждений выделялись из числа лучших членов Общества на собрания местных и районных отделений ДОСОМ и утверждались Правлением Городского ДОСОМ. Инспектора осуществляли надзор и контроль за сохранностью зеленых насаждений, за выполнением агротехнических мероприятий при посадке деревьев, кустарников, цветников, устройства газонов и уход за зелеными насаждениями. В своей работе инспектора использовали разъяснительную работу с населением, а также выявляли лиц, нарушающих закон по охране зеленых насаждений. Кроме того, инспектора обязывались оказывать всяческое содействие государственным, общественным и хозяйственным организациям в проведении мероприятий по охране зеленых насаждений.

Общественному инспектору предоставлялось право:

«приостанавливать работы на озелененных территориях и не допускать вырубки деревьев без разрешения Управления благоустройства города Москвы и, в случае необходимости, составлять акты …

а) устанавливать личность нарушителей правил по охране зеленых насаждений путем проверки документов, опроса свидетелей и т.д.;

б) составлять протоколы о нарушениях законов об охране зеленых насаждений и направлять их через районные и городское Правление Общества для принятия мер;

в) обращаться за оказанием помощи в работе по охране зеленых насаждений в Исполкомы районных и городской Совет депутатов трудящихся, органы милиции и во всех организации, на которые возложена охрана

зеленых насаждений;

г) общественные инспектора обязаны хорошо знать действующее решение Общества по охране зеленых насаждений и служить примером сознательного отношения;

д) периодически отчитываться перед отделением Общества о проведенной работе». [2, д. 78, с. 2-4]

Общественному инспектору выдавался нагрудный знак ДОСОМ, который должен был носить на левой стороне костюма и иметь при себе удостоверение, наделявшее их широкими полномочиями, вплоть до приостановления работ, если это наносит ущерб зеленым насаждениям и если работы в местах зеленых насаждений не были санкционированы административным Управлением Мосгорисполкома.

Осуществляли инструктора общественный контроль за соблюдением и соблюдением в жизнь решений Моссовета об охране зеленых насаждений в Москве: на улицах, скверах, парках, во дворах, пришкольных участках и дворах ведомств и учреждений.

Инспектора, не выполняющие своих обязанностей, подлежали исключению из состава инспекторов, а в случае личного нарушения законов по охране зеленых насаждений или злоупотребления своим положением – привлекались к ответственности в установленном законом порядке. В 1962 году в Обществе насчитывается уже 1500 инспекторов.

Общественным инспекторам предписывалось пройти специальную подготовку на курсах ДОСОМ, включающие в себя как теоретический, так и практический блок обучения. Масштабы обучения на курсах были весьма значительны. Так, например, только на протяжении 5 лет курсы окончило большее 3,5 тысяч человек. Открываются филиалы курсов в некоторых районных отделениях ДОСОМ на предприятиях и в учреждениях столицы. Кроме того, в целях повышения квалификации в области агротехнический знаний инспекторов проводились систематические лекции и ежегодный семинар в 15 часов. [2, д. 78, с. 9] Программа семинара охватывала следующие вопросы:

1) Значение зеленых насаждений. Инспекторов знакомили с постановлениями Правительства и решениями Мосгорисполкома о зеленых насаждениях и об озеленении Москвы;

2) Уход за деревьями и кустарниками;

3) Вредители древесных и кустарниковых растений и меры борьбы с ними;

4) Однолетние, двулетнике и многолетние цветочные растения;

5) Устройство и содержание цветников;

6) Вертикальные озеленение.

В отчетах ДОСОМ отмечается роль инспекторов в оказании большой помощи районным организациям в сохранении зеленых насаждений в районах города Москвы. Так, Районные Советы общественных инспекторов по охране озеленению создавали группы инспекторов по ЖЭКам, закрепляя за ними микроучастки территорий озеленения.

Отличившихся инспекторов ДОСОМ награждала почетными грамотами и значком «Отличника озеленения Москвы». В справках о работе общественных инспекторах ДОСОМ содержатся яркие примеры деятельности этих активистов. Так, «в Дзержинском районе, по Институтскому переулку, где помещается больница, общественным инспектором Егоровой Е.И. было обнаружено, что посадки захламлены старым кровельным железом и другим мусором, завхоз этой больницы отказался убирать этот мусор, а когда Егорова пригрозила его штрафом, указав на постановление Моссовета, тогда он обещал убрать и когда она проверила через два дня, то все было убрано. По улице Образцова у пивной палатки на зеленые насаждения ставили бочки с пивом, а когда Егорова провела с работниками прилавка беседу, то они стали бережно относиться к насаждениям».[2, д. 36, с. 24]

Отдельного внимания заслуживает проводимая работа совместно с Московским обществом испытателей природы по подготовке кадров юных добровольцев - общественных инструкторов – натуралистов среди школьников г. Москвы. Работа велась с 1959-1961 года на базе МОИП, а также в Зоологическом музее. Школьники, будущие инструктора, посещали занятия по четвергам, с субботы на воскресенье проводились выезды на природу с ночлегом на базе. В каникулярное

время школьники проживали на базе и проводили экскурсии с приезжающими или вновь поступающими в кружок. В 1960 г. в январе был проведен по области «День следопыта» со школьниками Солнечногорского района г. Москвы. В работе приняли участие 50 школьников, 4 педагога, пионервожатые и 5 человек инструкторов. [2, д. 36, с. 22] В периоды весенних каникул приезжали большие группы школьников Калининского района г. Москвы. В мае этого же года Общество получило приглашение от областной станции юных натуралистов принять участие и помочь провести областной слет юных следопытов в количестве 600 человек. Нередко, инструктора также привлекались для помощи в организации мероприятий юных натуралистов. Кроме того, учащиеся школ принимали активное участие в озеленении города Москвы. Так, в школе № 368 Сокольнического района из учащихся организованы патрули, которые вели большую работу в районе по охране зеленых насаждений. В школе № 581 было отрыто местное отделение ДОСОМ, численностью 1200 человек. При школе создан биологический участок 0,13 га с полевым и овощным севооборотом, в соответствии с учебной программой. Заложен фруктовый сад 1 га, высажено 106 деревьев редких пород и свыше 600 многолетних цветов. Силами учащихся проведен водопровод, построена школьная теплица. [2, д. 58, с. 61]

В связи с большими размахами жилищно-бытового строительства в Москве, Общество приняло на себя обязательство «еще больше проявить активность не только в деле озеленения жилых домов, кварталов, но также озеленение улиц и скверов». [2, д. 58, с. 42]

В 1961 году происходит объединение Добровольного общества содействию озеленению города Москвы и Московского городского отделения Всероссийского общества охраны природы в одну общественную организацию – Московское городское общество озеленения и охраны природы. Организация продолжило активно привлекало население к благоустройству города, проведению «Месячника леса», «Недели сада», «Праздника цветов», «Дня птиц» и др.

В целом, за всю свою историю существования добровольных объединений был накоплен значительный практический опыт в деле общественной организации природоохранной работы. Располагая большим интеллектуальным потенциалом, опытными кадрами общественников и штатных работников, определенными материалами и финансовыми возможностями, организациям удалось создать необходимую благоприятную среду для формирования и развития института экологического волонтерства.

Список литературы

1. Закон РСФСР от 27 октября 1960 г. «Об охране природы в РСФСР» // Ведомости Верховного Совета. 1960. № 40. ст. 586.
2. Центральный государственный архив города Москвы (ГБУ «ЦГА Москвы»). Ф. 699 Оп. 1.

FORMATION OF THE VOLUNTARY INSTITUTE IN THE FIELD OF ENVIRONMENTAL ACTIVITY IN THE 1920-1960 s

The relevance of the study is due to the need to understand the nature of the ecological volunteer movement of modern Russia and the need to improve the management and organization of the community of volunteers actively involved in it. The article is devoted to the historical aspects of the formation of the institute of volunteer activity in the preservation of the environment in the 1920-1980s. The study of the historical experience of public activity in the field of environmental protection and the formation of an ecological culture that laid the traditions of modern environmental volunteering was based on the attraction of significant archival materials of the Central State Archive of Moscow. The article deals with the activities of a number of environmental public organizations - the All-Russian Society for Nature Conservation, the Voluntary Society for the Greening of Mountains. Moscow, Moscow city society of gardening and nature protection. Voluntary practice for the improvement and maintenance of a favorable ecological environment during the period under review is formalized into a separate institutional system, including the various activities, forms and levels of organization of the environmental volunteer movement in the country. In the author's opinion, the specific nature of the organization of volunteer practices in the preservation of the environment was determined by its social-mass and instrumental nature, content

and key activities of voluntary public associations. Particular attention is paid to the content side of the work of public assistants (instructors, inspectors), freelance volunteers, activists of organizations.
Keywords: All-Russian Society for the Conservation of Nature, Voluntary Society for the Greening of the City of Moscow, Moscow City Society for Gardening and Conservation, Volunteering, Volunteers, Voluntary Activities, Environmental Activities, Environmental Volunteering.

References

1. The law of the RSFSR of October 27, 1960 "On the protection of nature in the RSFSR" // Vedomosti of the Supreme Soviet. 1960. № 40. Art. 586.
2. Central State Archives of the City of Moscow (State Central Administration of the Central Archive of Moscow). F. 699. Op. 1.

Об авторе

Горлова Наталья Ивановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры менеджмента и маркетинга спортивной индустрии, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, г. Москва, E-mail: Gorlovanat@yandex.ru

Gorlova Natalya Ivanovna – candidate of historical sciences, associate professor of the Department of Management and Marketing sports industry, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, E-mail: Gorlovanat@yandex.ru

УДК 94(470) "1894-1917": 364.05

Кеня И.А., кандидат юридических наук, доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы (Брянский филиал) (Россия)
Лупоядова Л.Ю., кандидат исторических наук, доцент Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

УСЛОВИЯ И ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ В КРЫМУ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – н. XX вв.*

Одним из приоритетных направлений в реалиях отечественного федерализма является социальная политика государства и благотворительная деятельность как ее составляющая. Географическое положение Крыма, его природные ресурсы и этнополитическая ситуация определили специфику его социокультурного развития и развития благотворительности в этом регионе. В данной статье рассматриваются условия развития благотворительности в Крыму в сопоставлении с общероссийскими тенденциями, выявляются факторы, способствующие развитию благотворительности. В результате исследования будут освещены малоизученные страницы истории участия российских предпринимателей П.Губонина, С.Мальцова, Н.Стахеева и П.Соболева в развитии Южного берега Крыма, в становлении крымских курортов: Гурзуфа, Симеиза, Алушты и Ялты.
Ключевые слова: благотворительность, этнические группы, общественная филантропия, благотворительные общества, П.Губонин, С.Мальцов, Н.Стахеев, П.Соболев, Гурзуф, Симеиз, Ялта, Алушта.

Тема исследования благотворительности в Крымском регионе является актуальной и значимой, так как благотворительность в дореволюционной России способствовала решению экономических проблем, смягчению социальных конфликтов, обеспечению гражданского согласия. На сегодняшний день она остается малоизученной, почти отсутствуют специальные работы, посвященные развитию благотворительности в Крымском регионе, вкладу предпринимателей и благотворителей Центральной России в экономическое и социокультурное развитие Крыма. Из немногих, посвященных данной проблематике хотелось бы отметить работы А.Н. Савочки «Благотворительность в Таврической губернии 1802-1920 гг.», посвященную деятельности благотворительных обществ в Крыму, местных краеведов, в основном связанных с исследованием истории курортов Крыма (Н. Макарухина «Гурзуф – первая жемчужина Южного берега Крыма», А. Галиченко «Старинные усадьбы Крыма», М. Петрова «Симеиз. Путешествия по старым дачам»), Д.А. Прохорова, занимающегося изучением благотворительности в караимских общинах Крыма. Отсутствуют публикации, посвященные благотворительной деятельности в Крыму П.Губонина, Мальцовых, Н. Стахеева, П. Соболева. Должного отражения не получили социальные, экономические и правовые аспекты благотворительной деятельности, социологический и культурно-исторический ракурсы этого социокультурного феномена. В этой историографической ситуации исследование условий и особенностей благотворительной деятельности в Крымском регионе имеет особое значение. В результате комплексного исследования благотворительности в Крымском регионе, можно выделить ее особенности и факторы, повлиявшие на ее развитие.

Для развития общественной и частной благотворительности как в целом в России, так и в Крымском регионе существенное значение имели реформы 60 – 70-х гг. XIX в. Реформы привели к росту предпринимательства, накоплению капиталов, что создавало материальную основу для развития общественной и частной благотворительности, дали мощный толчок развитию местного самоуправления. Фабрики и заводы получили приток рабочей силы, что дало мощный импульс развитию промышленного производства. Начинаются процессы расслоения деревни и образование нового социально-экономического пространства. Развитие индустриального общества, рост городского насе-

* Статья написана при поддержке гранта РГНФ, проект «*Вклад предпринимателей Центральной России в развитие Южного берега Крыма: социокультурные и благотворительные аспекты (XIX - н. XX вв.)*» № 17-11-32002 а(р).

ления привели к потребности в развитии социальной сферы.

Проведение прогрессивных реформ во второй половине XIX в. сказалось и на развитие Крымского региона. Большое влияние на развитие края оказали следующие факторы:

– во-первых, крымская деревня почти не знала крепостного права;

– во-вторых, в крымской деревне еще задолго до реформы получили широкое развитие товарно-денежные отношения;

– в третьих, промышленный переворот здесь происходил довольно успешно, в Крыму преобладали перерабатывающие отрасли – пищевая и легкая промышленность, табачные фабрики и мукомольные предприятия. Число предприятий, в своем большинстве мелких, росло довольно быстро: в 1868 году было 63 предприятия со 184 рабочими, в 1886 году – 99 с 743 рабочими, в 1900 году – 264 предприятия и 14,8 тыс. рабочих, из них 77 предприятий в соледобывающей промышленности. Экономический бум и технический прогресс в Симферополе в конце прошлого века описывает А. И. Маркевич «...в 80-х годах открылся в Симферополе кишечно-струнный завод купца Лериха, на котором в 1889 году было изготовлено 45 000 штук струн на сумму 11 500 рублей при 5 рабочих. Четыре мыловаренных и свечных завода производили в этом году изделий на 130 800 р. при 66 рабочих, два пивоваренных завода на 19 500 р. при 6 рабочих, чугунолитейный при 20-23 рабочих на 17 400 р., три парово-мукомольные мельницы вырабатывали на 23 000 р. при 16 рабочих... В 1882 году – конфетная фабрика братьев Абрикосовых; в 1885 году – фабрика Гейсса под именем Эйнем. В 1891 году производство дошло до 368 500 р.». Промышленный переворот привел к значительному росту населения в городах Крыма: В 1897 г. население Симферополя достигло 49 тысяч, Севастополя – 7 тыс. жителей. В Феодосии проживало 30 тыс. жителей, в Ялте – 22 тыс. жителей;

– в-четвертых, в Крым устремилось большое количество переселенцев, с 60-х годов начинается бурный рост населения полуострова за их счет. Это еще более резко обозначает многонациональный состав Крыма. В 1897 году доля русского населения (33,1%) края была почти равной общему количеству татар, украинцы составляли 11,8%, немцы – 5,8%, евреи – 4,7%, греки – 3,1%, армяне – 1,5%. За 32 года, с 1865 по 1897 год, население увеличилось почти в три раза: с 194 000 до 547 000 человек;

– в-пятых, в развитии экономики Крыма огромную роль сыграла Лозово-Севастопольская ветвь российской железной дороги, строительство которой было закончено в 1875 году. Эта дорога связала полуостров с губерниями России, что способствовала развитию торговли. В 1892 году была закончена работа по сооружению железнодорожной ветки от Джанкоя до Феодосии, а в 1900 г. введена была в эксплуатацию железнодорожная ветка Владиславовка – Керчь. Таким образом, основные города Крыма к началу XX столетия были связаны железнодорожным сообщением. С прокладкой железных дорог в Крым появилась возможность вывозить виноград в свежем виде на внутренние рынки страны, что, естественно, также способствовало развитию отрасли. Ежегодный вывоз винограда из Крыма по железной дороге в 80-х годах составлял 24 тысячи пудов в год. На базе виноградарства развивалось промышленное виноделие. Возникают крупные винодельческие промышленные предприятия и торговые фирмы: Губонина – в Гурзуфе, Токмакова – Молоткова – в Алуште, Таюрского – в Кастеле, Христофорова – около Аю-Дага, крупные промышленные предприятия удельного ведомства. В 90-х годах общая выработка виноградного вина исчислялась в 2 000 000 ведер. Открытие железнодорожных узлов привело к бурному развитию городов.

В процессе адаптации Крыма к реалиям российской империи важнейшую роль играли представители российской императорской династии Романовых, в том числе и в развитии благотворительности, поскольку именно члены Дома Романовых постоянно поддерживали пожертвованиями, как благотворительные организации Южного берега Крыма, так и непосредственно местное население этого региона.

Присутствие императорской семьи на крымской земле нередко сопровождалось новыми веяниями в микроэкономической политике полуострова. Особенно это касается Южного берега Крыма. Романовы приобретают вблизи Ялты имение Ливадия, а вслед за

царской семьей сюда устремляется большая «свита». Отдыхать в непосредственной близости от царской семьи было престижно. Город к концу века превращается в известный курорт, в «русскую Ниццу», «русскую Ривьеру». В XIX в. строятся первые императорские резиденции: «начались постройки зданий на всех почти участках земли, приобретенных в прошлых годах и оставленных без внимания впредь до убеждения, будет ли этот край и в будущем посещаться царскою фамилией. Число этих построек дошло до того, что Ялта уже почти соединилась с двумя греческими селениями Фарфора и Аутка, до которых прежде считалось от города около двух верст пустого пространства. Такое … приращение, бесспорно, свидетельствовало, что происходило оно только потому, что на край этот обращены были взоры Высочайших особ. Царские приезды настолько оживили предприимчивость и деятельность в окрестностях Ялты, Кореиза и Мисхора, что не верилось глазам.» [16, с.74]

Именно императорской четой были заложены традиции меценатства в Крыму. Благотворительное дело в Крыму по сути было призвано компенсировать отсутствие программ помощи малоимущим слоям населения. [13, с. 76] В течение периода второй половины X1X - начала XX столетия в Крыму была сформирована сеть благотворительных Ведомств, под покровительством семьи Романовых.

Благотворительная помощь носила разноплановый характер и в отрасли образования осуществлялась членами императорской семьи по таким направлениям как материальная помощь учебным заведениям, ученикам, учителям, преподавателям и студентам вузов; поддержка внешкольного обучения. Под покровительством учреждений императрицы Марии состояли Сиротский Дом Фабра в Симферополе [9, л. 1], детский приют имени графини Адлер Берг в Крыму. [20, с.32]

Благодаря реформам Александра II начинает формироваться законодательная база благотворительных организаций на территории всей Российской империи под надзором государства. [10] Специальным законодательным актом, общим для всех благотворительных организаций в России, был «Устав об общественном призрении» 1862 года, где указывалось: «во изменение изъясненного порядка, учреждение обществ для взаимного вспомоществования или с другой благотворительной целью, Высочайше предоставляю, по соглашению с подлежащими ведомствами, министру внутренних дел». [18, с. 61] Этот документ регулировал деятельность благотворительных учреждений, создаваемых частными лицами. В Уставе предусматривалось, что создание благотворительных обществ и частных благотворительных заведений должно производиться в разрешительном порядке (ст. 175 Устава). Право утверждения уставов благотворительных обществ и частных благотворительных заведений предоставлялось Министерству внутренних дел с тем, однако, чтобы уставы были представлены в Кабинет Министров в случаях включения в них каких-либо правил, льгот и преимуществ, не предусмотренных названным законодательством и требующих Высочайшего разрешения (ст. 443 Устава). Частные благотворительные организации, в отличие от государственных, «не дозволялись к открытию, пока они не будут иметь своих средств, необходимых для их содержания» (ст. 442 Устава).

С этого времени отмечается значительный рост числа благотворительных учреждений, и к 1890 году было создано еще около 2000 новых. [2, с. 9]. С 1861 по 1899 года осуществился стремительный прорыв в развитии частной благотворительности в Российской империи, возникает 95% благотворительных обществ и 82% всех филантропических заведений российского государства. Средства созданной структуры оценивались в 3 миллиона 276 тысяч 96 рублей. [21] Помощь нуждающимся большей частью оказывалась специальными благотворительными организациями. В некоторых же случаях этой деятельностью занимались организации, для которых оказание благотворительной помощи составляло лишь одну из второстепенных задач. [3]

Особенно остро вопрос о формировании сети благотворительных обществ и постройки частных филантропических заведений стоял в Таврической губернии, разоренной войной.

Первой общественной филантропиче-

ской организацией основанной во второй половине Х1Х в., как в Ялте, так и во всей Таврической губернии, стало Ялтинское благотворительное общество, устав которого был утвержден МВД 16 июня 1869 года. В первый же год существования в его состав вошло пятьдесят три человека. На пожертвования членов императорской семьи был открыт в уезде детский приют. [19, с.159] Благодаря пожертвованиям членов императорской фамилии, проведению благотворительных мероприятий, кружечному и членским взносам, объединению удалось начать выплату первых денежных пособий, а также приступить к сбору средств для открытия первого в уезде детского приюта. [12, с.7] Всего на территории Ялтинского уезда действовало более 15 благотворительных обществ различных видов.

В 1871 г. Ялтинское благотворительное общество было принято под покровительство императрицы Марии Александровны, что позитивно сказалось на финансовых возможностях организации, поскольку члены императорской фамилии оказывали щедрую финансовую поддержку различным филантропическим акциям и мероприятиям, проводимым членами объединения. [8, л.5]

Еще одной особенностью развития благотворительности в Крымском регионе становятся города-курорты. Ярким примером является Ялта – один из уездных центров Таврической губернии, где благотворительность достигла выдающихся успехов в деле поддержки обездоленного и нуждающегося населения. Высокий уровень филантропической активности граждан города связан с комплексом социально-экономических, культурных, этнодемографических факторов, позволивших занять Ялте ведущие место в общегубернской системе призрения, а также получить признание на всероссийском уровне в конце XIX – начале XX вв. История города неразрывно связана с царской семьей, которая активно содействовала развитию Ялты как благоустроенного курортного населенного пункта с развитой инфраструктурой.[19, с. 156] Подъем Ялты начался после перехода Ливадии во владение Министерства Императорского двора, что проявилось прежде всего в стремительном росте населения Ялты. В 1884 г. здесь проживало 5 тыс. жителей, а в 1897 г. - 13269 человек. [26, с. 645]

Активное социально-экономическое развитие города привело не только к повышению уровня благосостояния местного населения, но и увеличению количества лиц, нуждавшихся в материальной помощи. Такое положение дел было обусловлено тем, что с одной стороны в уездный центр в поисках работы отправлялись крестьяне, потерявшие землю в результате реформы 1861 г., с другой стороны сюда приезжало значительное число больных, пытавшихся поправить свое здоровье на Южном берегу Крыма. Кроме того, в результате эпидемий, Крымской войны в городе возросло количество вдов, инвалидов, сирот и беспомощных стариков. К концу 60-х гг. XIX в. на территории Ялты проживало несколько сотен человек, которым требовалась поддержка и опека. Перед общественностью города встал вопрос о необходимости помочь его беднейшим жителям, дабы препятствовать распространению нищенства, обездоленности и преступности.

Весомый вклад в развитие общественной благотворительности Крыма сыграла благотворительная деятельность графини С. Паниной и княгини О. Долгоруковой, которые были меценатами при строительстве Ялтинского санатория для лечения больных туберкулезом.

Местное благотворительное общество играло ключевую роль в поддержке местного и приезжего населения Ялты. Благодаря его деятельности в пределах уезда функционировала сеть филантропических заведений, в рамках которой оказывалась помощь социальным группам: бедные больные, вдовы, пострадавшие от войн и эпидемий, несовершеннолетние из несостоятельных семей, чернорабочие. Именно благодаря активности этого объединения Ялте удалось подняться на одно из первых в России мест по относительному количественному развитию благотворительности. [17, с. 1]

Особенностью развития благотворительности в Крыму является географическое положение, экономическая, геополитическая и этнополитическая ситуация в регионе. Многонациональный состав Крыма не мог не отразиться на развитии здесь благотворительности. Отмечая как одну из главных отличительных черт полуострова его полиэтничность, следует сделать акцент на том, что

как сам император, так и представители царской семьи стремились использовать свое присутствие в Крыму для благоприятного развития здесь межнациональных отношений. [25, с.28]

Особая роль в деле развития общественной филантропии в Крыму принадлежала представителям различных этнических групп края: армянам, грекам, евреям, караимам, крымским татарам, которые к началу XX в. сформировали целый ряд благотворительных объединений, с помощью которых их несостоятельные соплеменники получали необходимую помощь и призрение. Так, в 1853 году в Бахчисарае крымские татары основали первое в губернии мусульманское благотворительное заведение для опеки 30 мужчин и 40 женщин. В 1898 году было создано Крымское благотворительное общество в Симферополе для помощи нуждающимся крымским татарам. Подобные благотворительные общества были популярными среди всего мусульманского населения Российской империи. Во второй половине 19 в. в Евпатории каждая этноконфессиональная община стала образовывать благотворительные организации, в задачи которых входило решение проблем детей из бедных семей, сирот и беспризорных. Так в городе возникли следующие филантропические объединения: Караимское (1871), Еврейское (1898), Греческое (1908), Русское (1909), Мусульманское благотворительное общество (1906), Армяно-григорианское братство (1907). [6,л.1]

Этнические и религиозные группы, проживавшие на территории Ялтинского уезда, отличались высоким уровнем филантропической активности. Так, к началу Первой мировой войны на Южном берегу Крыма функционировал ряд благотворительных организаций, предоставлявших материальную поддержку по этноконфессиональной принадлежности: Алуштинское еврейское благотворительное общество; Алуштинское мусульманское благотворительное общество; Армянское благотворительное общество (г. Ялта); Аутское церковно-приходское попечительство; Греческое благотворительное братство (г. Ялта); Караимское благотворительное общество (г. Ялта); Общество для пособия бедным татарам деревни Корбеклы Ялтинского уезда, Общество пособия бедным евреям г. Ялты, Общество пособия бедным татарам Южного берега Крыма (г. Ялта); Римско-католическое благотворительное общество (г. Ялта). [8, л. 5]

Греческое благотворительное общество занималось ремонтом православных храмов просветительской деятельностью, строительством школы и училища. Общество пособия бедным татарам Южного берега Крыма, созданное в Ялте в 1900 г. поставило своей основной задачей борьбу с бедностью и неграмотностью среди крымских татар, открывали школы русско-татарской грамотности, оплачивало обучение бедных крымских татарских мальчиков в населенных пунктах Ялтинского уезда.

Крупнейшим в Крыму филантропического объединением со временем становится и Симферопольское благотворительное общество. Катастрофическую ситуацию, сложившуюся в условиях увеличения нищеты, детской беспризорности после окончания Крымской войны пытались исправить инициативой частных лиц. На тот момент в Крыму существовали благотворительные заведения такие как странноприимный дом А. С. Таранова-Белозерова, приют графини А. М. Адлерберг, открытый в 1864 году Сиротский дом тайного советника А. Я. Фабра, земские богоугодные заведения, но они не могли справиться с большим количеством нуждающихся в помощи.

Общественность города Симферополя решает задачу создания благотворительного общества, которое бы смогло организовать предоставление помощи всем нуждающимся без религиозных и национальных различий. Эта миссионерская организация, возникшая в 1868 году при Владимиро-Александро-Невском братстве, занималась борьбой с сектантством, народным просвещением и благотворительностью, о чем было прописано в первом номере Таврического губернского вестника от 1872 года. «Симферопольское благотворительное общество» 2 декабря 1870 года утверждает свой устав. Первоначально общество состояло 99 членов-учредителей во главе с председательницей Елизаветой Павловной Рейтерн. Целью общества являлось доставление средств к улучшению нравственного и материального состояния бед-

ных обоего пола без различий возрастов, вероисповедания и сословия.

Основными задачами общества были: предоставление одежды, пищи, крова нуждающимся; содействия в поисках работы и материалов для неё, а также к выгодному сбыту изделий бедных трудящихся; призрение и воспитание сирот и детей неимущих родителей; продажа книг для народных чтений; помещение престарелых и неизлечимо больных в богадельни и больницы; устройство приютов, школ, богаделен, работных домов для бедных; принятие мер к искоренению нищенства; предоставление средств неимущим для возвращения на родину; оказание помощи бедным в виде денежных пособий.

Таврическая губерния по уровню образованности занимала одно из первых мест в Российской империи. По мнению И.В. Шевчук культурно-образовательные потребности населения были достаточно высокими, что способствовало появлению в Крыму в это время большого количества благотворительных и педагогических обществ. [24 с. 99]

Такие особенности Крыма второй половины Х1Х - начале ХХ века как высокий уровень образованности и грамотности различных слоев его многонационального населения и высокая социальная активность его жителей в проявлению частной и общественной инициативы в создании благотворительных обществ также способствовали развитию благотворительности.

Совокупность общественных филантропических организаций Ялтинского уезда Таврической губернии в конце XIX – начале XX вв. выступала в качестве одного из главных регуляторов социальных отношений в регионе, эффективно предупреждала и боролась с наиболее острыми проблемами Южного берега Крыма: бедностью, профессиональным нищенством, преступностью.

Развитие предпринимательства в России во II половине XIX века способствовало формированию заинтересованности у предпринимателей в расширении сферы своего влияния, увеличению их возможности участвовать в развитии территорий. Это развитие также создало материальную основу для развития частной и общественной благотворительности. Государство, будучи не в состоянии решить ряд социальных проблем, призывало к их решению благотворителей, в основном это были представители предпринимательского сообщества.

Полуостров постоянно посещали ведущие государственные и общественные деятели. Не случайно, что именно в Крыму благотворительность русских предпринимателей приобрела такие широкие масштабы. С начала шестидесятых годов в Крыму стала отдыхать царская семья. Постепенно следом за коронованными особами сюда потянулись и другие представители высших кругов государства. Приобретение императором Александром II в 1860г. Ливадии для больной императрицы Марии Александровны вдохнуло новую жизнь в развитие экономики Южного берега Крыма – он стал развиваться как курорт. Но курортное дело в Крыму еще только ждало своих деятелей.

Уроженец коломенского уезда, известный российский предприниматель второй половины XIX века, известный своей благотворительной деятельностью в С-Петербурге, Брянске и других российских городах, П.И. Губонин очень полюбил Крым и в восьмидесятые годы XIX в. деятельно взялся за его благоустройство. Он стал первооснователем крымского курортостроения. Именно с Губонина, с его Гурзуфа, стало возводиться то, что мы теперь именуем обобщенно – Южный берег Крыма. В 1874 году Губонин построил железную дорогу в Крыму – от станции Лозовая до Севастополя. Заработанные на этом строительстве деньги он решил вложить в покупку большого участка крымской земли. В 1881 году покупка состоялась, Петр Ионович купил в Гурзуфе землю у наследников сенатора Фундуклея и князя Барятинского.

Стараниями Губонина захудалая татарская деревенька, затерянная у подножия Медведь-горы, превратилась в роскошный курорт. В кратчайшие сроки были построены церковь Успения Пресвятой Богородицы, курзал и семь удобных гостиниц, отличающихся великолепной архитектурой и внутренним благоустройством. Губонину по душе пришёлся Гурзуф, ведь для человека, проложившего пять тысяч верст железных дорог и построившего несколько металлургических заводов, обеспечить поселок электриче-

ством, водопроводом и канализацией не составляло особого труда.

Вот так писали о нем в те времена: «Не ждет он благодарности, так как люди редко благодарны, но хочет он прославить русский южный берег Крыма, приучить русских людей отдыхать на собственном берегу моря и не искать такого берега за тридевять земель от Родины…». [6, л. 1]

Инфраструктуру поселка составили: рыбный завод, пекарни, сад, огород и виноградники. Губонин благоустроил не только свое имение, но и весь поселок, открыл общедоступную аптеку фельдшерский пункт, почту, телеграф, сберегательную кассу, библиотеку, магазины. Стараниями Губонина в Гурзуфе были построены мечеть и православный храм. Он оплачивает организацию конкурса на проект церкви и ее строительство над могилой известного инженера, строителя железных дорого и мостов В.И. Березина в имении Соук-Су в близи Гурзуфа. [11] ГИА СПб Существенно меняются формы и структура внутренней торговли. Быстро стала развиваться стационарная торговля – магазинная и лавочная. Важное звено во внутренней торговле представляли базары и торги. Губонин открывает несколько винных магазинов в Москве и С-Петербурге. [12] За 2 года Губонин преобразил Гурзуф, сделав его курортом мирового уровня.

Курорт пользовался популярностью у людей с большим и средним достатком. Здесь отдыхали, помимо писателей, поэтов, государственные чиновники, военные высокого ранга, коммерсанты. [15, с. 161] Гурзуф становится летней резиденцией богатой Москвы – очень удобным, комфортабельным и модным южным курортом. Так же, как и в московской своей жизни, и здесь продолжает Петр Ионович щедро помогать всем, кому может. За свою деятельность в 1875 г. он получает диплом почетного гражданина Симферополя. [19, с. 254]

Другой пример огромного вклада предпринимателей Центральной России в развитие Южного берега Крыма деятельность известного предпринимателя С.И.Мальцова и его сыновей в Симеизе, сыгравших огромную роль в его развитии. В 1828 году его отец Иван Акимович Мальцов, приобретает в поселке Симеиз 30 десятин земли у Ф.Д. Ревелиоти командира греческого Балаклавского батальона в урочище Ай-Панда и Кокос. Самый большой вклад в развитие Симеиза внес наследник его основателя Сергей Иванович Мальцов. Его самым ярким и неординарным поступком, по отзывам современников, было строительство в 1849 году так называемого «Хрустального дворца», который считали в то время «причудой» нового владельца Симеиза, призванной удивлять его гостей. В его калужских лесах из отборной древесины был срублен дом, который на лошадях привезли в Крым и установили в Симеизе.

«Модный» хрустальный дворец сдавался в наем, став одним из первых частным пансионатом Симеиза, принимающим на отдых туристов. История Симеиза как доступного курорта для всех начинается с того, что Мальцев применил один эффективный и нестандартный подход. Вместо того что бы строить новые дачи и пансионаты для отдыха в Симеизе, он решил использовать непригодные для использования совершенно новые железнодорожные вагоны.

Около десяти таких импровизированных дач было расставлено в парке восточной части на мысе Ай-Панда. Немного приукрасив их и придав вид отдельных построек получился импровизированный целый курортный комплекс в Симеизе для простого непритязательного туриста который не может себе позволить фешенебельный отдых.

Последние годы жизни Сергей Иванович Мальцов жил в Крыму, в Симеизе, где развивал производство русского шампанского. [5, с. 51] Умер он в Симеизе в 1893 году. Из шести наследников только двое получили право на владение курортным поселком «Новый Симеиз». Это были его сыновья генерал-майор Иван Сергеевич и шталмейстер Николай Сергеевич.

Иван Сергеевич был погружен в заботы о развитии Симеиза как курорта, а Николай Сергеевич занимался виноделием, а позже настолько увлекся астрономией, что создал и оборудовал свою личную Симеизскую обсерваторию. [15, с.11] Симеиз превратился в новый шикарный и модный курорт, превосходящий в разы более именитые курорты Южного берега Крыма.

Благотворительная деятельность братьев Мальцовых проявилась во вкладе в благоустройство Симеиза: на свои средства они строят в курортном поселке водопровод, образцовые купальни, приморский сад с площадками для игры в теннис, учреждают почтово-телеграфное учреждение.

История развития Алушты и ее становление как курорта в конце XIX – начала XX века неотъемлемо связаны с именем Н.Д. Стахеева – представителя богатейшей купеческой династии Стахеевых, известной в XIX веке всей России наряду с меценатами Мамонтовыми, Морозовыми, Щукиными. Из свидетельств современников и из многочисленных архивных документов известно, что Н.Д.Стахеев заботился не только о своем благополучии, но и о благосостоянии тех мест, с которыми связала его судьба. [24, с. 17] Одним из таких мест на Южном берегу Крыма стала Алушта, в которой он приобрел земли в 90-х годах XIX века.

Н.Д. Стахеев построил на свои деньги в Алуште Земское училище. Примечательно, что на своих землях он строит несколько домов для сдачи их в аренду, с тем, чтобы большая часть доходов от аренды шла на содержание школы и жалование учителям. В 1901 году Николай Дмитриевич построил первый в Алуште театр на своих землях, в 1904 году – городские купальни с холодными и теплыми ваннами, с морской и пресной водой, украсившие набережную и вызвавшие дополнительный интерес курортников к Алуште. Н.Д. Стахеев, продолжая традиции своей семьи, оказывал большую благотворительную помощь Алуште, которая в мае 1902 года получила статус безуездного города: принимал самое активное участие в строительстве пристани, выделил 1000 рублей на строительство земского приемного покоя, первого в Крыму ночлежного дома на 200 мест для сезонных рабочих, городского театра. Им были пожертвованы крупные суммы для восстановления и укрепления древних башен Алустона, на украшение храма Феодора Стратилата. На средства Н.Д. Стахеева в 1894 году построена церковно-приходская школа со службами и уездом в 600 кв. саженей. Н.Д. Стахеев пожертвовал крупную сумму для строительства по ул. Кутузовой 2-х этажного здания аптеки с усадьбой в 450 кв. саженей, арендуемой Ялтинским земством для содержания священнослужителей.

Алушта в лице Николая Дмитриевича Стахеева имела попечителя образования, культуры, здравоохранения, что способствовало развитию курорта. Богатый московский купец Петр Соболев стал одним из наиболее известных благотворителей Ялты. Свои щедрые дары он направлял в адрес образования и здравоохранения. Первый дар Ялте составил два каменных двухэтажных дома с условием открытия начального училища своего имени. В 1908 г. училище было открыто, а П.Ф. Соболев стал его почетным попечителем. За свое пожертвование был награжден орденом св. Анны II степени. Через год он жертвует 10 тыс. рублей на устройство при начальном училище женской профессиональной школы. П.Ф. Соболев состоял пожизненным почетным попечителем этого учебного заведения. В 1909 году благотворитель пожертвовал средства на устройство электрического освещения Александро-Невского собора. И в этом же году на его средства было сооружено здание церковно-приходской школы. В сентябре 1909 г. местная газета «Русская Ривьера» писала о Соболеве «Только что закончивший за свой счет постройку прекрасного здания церковно-приходской школы известный своими благотворительными делами в Ялте потомственный почетный гражданин П.Ф. Соболев спешит уже в другом месте проявить свою благотворительность».[14,с. 2]

П.Ф. Соболев жертвует на благолепие Аутской Успенской церкви, которую исправно посещал. По случаю окончания живописных работ в храме состоялась божественная литургия. [15, с. 4] Ялтинский благотворитель в течении ряда лет пожертвовал свыше 100 тыс.рублей на обустройство в городе трех школ. В 1911 году Ялта получила в дар от п.Ф. Соболева новый большой дар на постройку городской больницы и родильного приюта, который получил его имя. Великодушные дары Соболева были важны тем, что отвечали назревшим нуждам города в области народного образования и врачебной помощи населению. В апреле 1912 г. Указом Николая II П.Ф. Соболеву присвоено звание Почетного гражданина Ялты в знак искренней признательности городского общества за сделанные им щедрые пожертвования.

Тенденция проникновения традиций

благотворительности из Центральной России в Крым способствовало формированию экономического и культурного ландшафта полуострова. Они не просто покупали себе здесь имения, но и обустраивали населенные пункты, вкладывая средства в инфраструктуру, образование, здравоохранение и культуру. Главная задача, которую они ставили перед собой – прославлять русский берег Крыма, приучить русских людей отдыхать не за границей, а на родном берегу моря очень актуальна и сегодня. Забота о жизни окружающих их людей является наглядным примером социально ответственного бизнеса.

Таким образом, к основным общероссийским факторам развития благотворительности в Крымском регионе добавились факторы, связанные с экономическими, геополитическими и этнополитическими особенностями развития Крымского региона.

Список литературы

1. Арсентьев Н.М., Макушев А.А. Российские предприниматели Мальцовы. Саранск, 2006.
2. Благотворительные учреждения Российской Империи. СПб.,1900.Т.1. С. 9.
3. Благотворительность в России. СПб.,1907. Т. 1. XXV1.
4. Газета «Новости дня», 1893 № 37.
5. ГАРК Ф.2. Оп. 1. Д. 564.
6. ГАРК Ф.26. Оп. 1. Д. 26889.
7. ГАРК Ф.120 Оп. 1. Д. 30.
8. Газета «Русская Ривьера». Сентябрь, 1909.
9. Газета «Русская Ривьера». Март, 1910.
10. ГИА СПб Ф. 528. Оп. 1. Д. 201.
11. ГИА СПб Ф 569, Оп. 11. Д. 818.
12. Годовой отчет о деятельности Ялтинского благотворительного общества за 1869/1870 год //Таврические губернские ведомости. 1871. 4 февраля.
13. Головань Т.М. Общественное дошкольное воспитание в Крыму (вторая половина 19 – начало 20 в.). Керчь, 2009.
14. Кеня И.А. Традиции купеческой и предпринимательской благотворительности в 19 – н. 20 в на примере Брянского региона//Журнал Исторические исследования. 2014. № 3 С. 1-15.
15. Макарухина Н.М. Гурзуф – первая жемчужина Южного берега Крыма. Симферополь, 2012.
16. Мелега В. Императорская фамилия в Крыму// Русская старина. 1916. Сентябрь. Т. 167.
17. О благотворительности в Ялте. Ялта, 1894.
18. Общественное и частное призрение в России. СПб., 1907. С. 61.
19. РГИА Ф. 1287. Оп. 38. Д. 319.
20. Савочка А.Н. Становление и развитие общественных благотворительных организаций в Ялтинском уезде (вторая половина 19 – начало 20 в.) //Ученые записки Таврического национального университета им. В.И.Вернадского. Серия Исторические науки. Т. 23. № 1.
21. Сборник сведений о благотворительности в России. СПб., 1899. С.8.
22. Симакова Э.С. История детского приюта имени графини Адлерберг в Крыму. Педагогический журнал Башкортостана. 2014. № 5 (54). С. 127-138.
23. Симакова Э.С. Роль этноконфессиональных благотворительных обществ в развитии социальных заведений для детей в Крыму в к. 19 – н. 20 вв. //Журнал Январские педагогические чтения. Симферополь, 2016. С. 34-38.
24. Стахеева И.О. Благотворительность династии Стахеевых.//Сборник материалов круглого стола «От меценатов прошлого к меценатам настоящего». Брянск, 2017.
25. Шевчук И.В. Становление и развитие благотворительности в Крыму //Статья в сборнике: Перекоп ворота в Крым. Материалы III Международной научно-практической конференции. Армянск, 2016.
26. Шендрикова С., Шаутин П. Император Александр 2 и его семья в Крыму// Эхо веков, 2016. № ¾ С. 28.
27. Ялта//Энциклопедический словарь// Ф.А.Брокгауз, И.А.Ефрон. Спб., 1904. Т. 41.

CONDITIONS AND PECULIARITIES OF DEVELOPMENT OF CHARITY IN THE CRIMEA IN THE SECOND HALF OF XIX – EARLY XX CENTURIES

One of the priorities in this field is social policy and charitable activity as its component. The geographical location of Crimea, its natural resources and ethno-political situation determined the specifics of its socio-cultural development and the development of philanthropy in the region. The research problem the study of the peculiarities of the charitable activities in Crimea, including entrepreneurs in Central Russia taking into account the specifics of economic, social and cultural development of the Crimean region, as a small model of the entire Russian Empire. The purpose of the study to consider the terms of the development of charity in the Crimea in comparison with national trends, to identify the factors contributing to the development of charity. The study will be illuminated little-known pages of history of the participation of Russian entrepreneurs P. gubonina, S. Maltsov, N. Staheev and P. Soboleva in the development of southern coast of Crimea in the development of health resorts in the Crimea: Gurzuf, Simeiz, Alushta and Yalta.
Keywords: charity, ethnic groups, community philanthropy, charities, P.Gubonin, S.Maltsev, N.Stakheev, G.Sobolev, Gurzuf, Simeiz, Yalta, Alushta.

References

1. Arsent'ev N. M. Makushev A. A. Russian entrepreneurs Maltsovy. Saransk, 2006.
2. Charitable institution of Russia Imperial SPb., 1900. T. 1. C.9.
3. Charitabl in Russia. SPb., 1907. T. 1. XXV1.
4. Newspaper "News of the day", 1893, No. 37.
5. GARC F. 2. Op. 1. D. 564.
6. GARC F. 26. Op. 1. D. 26889.
7. GARK F.120. Op. 1. D. 30.
8 The Newspaper "Russian Riviera". September, 1909.
9. The Newspaper "Russian Riviera". March, 1910.
10. GIA SPb F. 528. Op. 1. D. 201.
11. GIA SPb F. 569. Op. 11. D. 818.
12. Annual report on the activities of the Yalta charitable society for the year 1869/1870 //Tauride provincial Bulletin. 1871. 4 Feb.
13. Golovan T. M. Public pre-school education in Crimea (second half of 19th - early 20th century). Kerch, 2009.
14. Kenya I. A. the Tradition of the merchant business and charity at 19 - 20 in the case of the Bryansk region//Journal of Historical research. 2014. No. 3, Pp. 1-15.
15. Makarkina N. M. Gurzuf – the first pearl of the southern coast of the Crimea. Simferopol, 2012.
16. Melega V. Imperial family in the Crimea// Russian olden time. 1916. The September. 167.
17. About charity in Yalta. Yalta, 1894.
18. Pablik andprivate assistance in Russia. Sbб., 1907. C.61.
19. RGIA F. 1287. Op. 38. D. 319.
20. Sawa-Chan A. N. The establishment and development of public charities in the Yalta district (second half of 19th - early 20th C) // Scientific notes of Taurida national University. V. I. Vernadsky. Series Istoricheskie Sciences. Vol. 23 No. 1.
21. Collection information about charity SPb., 1899. C.8.
22. Simakova E. S. History of the orphanage name of the Countess, Adlerberg in the Crimea. Pedagogical journal of Bashkortostan. 2014. No. 5 (54). P. 127-138.
23. Simakova E. S. the Role of ethno-religious charitable societies in the development of social institutions for children in the Crimea in K. 19. 20 centuries // Journal of January teaching reading. Simferopol, 2016. S. 34-38.
24. Staheev acting Charity dynasty Staheevy.//The collection of materials of the round table "From patrons patrons of the past to the present." Bryansk, 2017.
25. Shevchuk, I. V. Formation and development of charity in the Crimea //Article in the book: the gates of Perekop in the Crimea Proceedings of the III International scientific-practical conference. Armyansk, 2016.
26. Shendrikova S., P. Shoutin Emperor Alexander 2 with his family in the Crimea// Echo centuries, 2016. N ¾/ P. 28/
27. Yalta//encyclopedia// F. A. Brokgauz, I. A. Efron. SPb., 1904. Vol. 41.

Об авторах

Кеня Ирина Алексеевна – кандидат юридических наук, доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы (Брянский филиал), E-mail: avanta5@rambler.ru
Лупоядова Лариса Юрьевна – кандидат исторических наук, доцент, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: chaikalu@mail.ru

Kenya Irina Alekseevna – associate Professor Constitutional and municipal right Bryansk branch Ranhigs (Russia), E-mail: avanta5@rambler.ru
Lupoyadova Larisa Ur'evna – candidate of history, associate Professor, Bryansk Academician I.G. Petrovsky State University (Russia), E-mail: chaikalu@mail.ru

УДК 94(47).329.78(470.23-25)

Маскевич Е. Д., аспирант, Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС (Россия)

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СКАУТСКОГО ДВИЖЕНИЯ В ПЕТЕРБУРГЕ В НАЧАЛЕ XX в.

Статья посвящена изучению истории скаутского молодежного движения в нач. XX в. Автор рассмотрел влияние политических и экономических факторов, повлиявших на становление и распространение молодежных движений и организаций в России на примере движения скаутов. В результате внутриполитического и военного кризиса, революционной смены, смены государственного строя, шаткого экономического положения страны, резко сократилось количество образовательных учреждений, вопрос о воспитании молодежи приобрел особую остроту. На базе изученных источников и литературы, автор наглядно показывает в статье как, после прихода большевиков к власти в стране, меняется идеологическая платформа устройства детского движения, меняя сознание и образ мышления молодежи.

Ключевые слова: скауты, скаутизм, детское движение, патриотическое воспитание, скаутизм, молодежь, Санкт-Петербург.

В последние годы стала особенно актуальна тема патриотического воспитания молодежи в России. Президент РФ В. В. Путин не раз отмечал особую важность патриотизма в стране и говорил о необходимости учесть различные практики в этой области: «Патриотическое воспитание должно быть не только стройной государственной системой, но, прежде всего, органичной частью жизни самого общества. И только объединив усилия, консолидировав лучшие практики и инициативы, мы сможем вырастить поколения, которые знают свою страну, чувствуют сопричастность ее судьбе, к ответственности за ее будущее и главное — верят в нее» [20]. В октябре 2016 г. в соответствии с указом президента РФ в России была создана общественно-государственная детско-юношеская организация Российского движения школьников (РДШ). РДШ определил для себя ряд направлений, как личностного развития, гражданской активности и военно-патриотическое.

В нач. XX в. общество также волновала идея патриотического воспитания молодежи. Тогда по инициативе Николая II возникло движение скаутов. В скаутизме патриотизм понимается как любовь и верность своей Родине, знание истории и природы своей страны. Для скаутинга также важно развивать личность и подготовить достойных граждан России [13].

Скаутинг определяется как добровольное, неполитическое, воспитательное движение для молодых людей, открытое для всех без ограничения по происхождению, вероисповеданию или расовой принадлежности. Российский скаутинг имеет свои отличительные черты и традиции, сложившиеся с момента его зарождения в Петербурге. Например, с момента зарождения системы воспитания по методу Р. Баден-Пауэлла (скаутинг) в России и по сей день можно встретить другое наименование – разведчество. «Справочник по скаутизму» за 1916 г. объясняет, почему бойскаутов называют разведчиками: «Потому что они [скауты], как странствующие рыцари разведывают на всех дорогах жизни, где бы им помочь тем, кто нуждается в их помощи» [28, с.10]. Наиболее важным отличием русского разведчества от английского скаутинга является православная идеология, которая лежит в его основе. На сегодняшний день в России существует несколько скаутских организаций, которые объединяют скаутские отряды и дружины по всей стране. Эти организации имеют отличия между собой в разной степени по методике и форме работы в скаутских группах. Самой крупной и старейшей скаутской организацией, действующей на территории России, является Организация Российских Юных Разведчиков (ОРЮР). ОРЮР видит основной своей целью воспитание патриотов России и хороших граждан своей страны [35].

30 апреля 1909 г. в Павловском парке капитаном лейб-гвардии Стрелкового полка О. И. Пантюховым был организован первый в России патруль мальчиков скаутов под названием «Бобёр». С тех пор 30 апреля (23 апреля по церковному календарю) – в день Св. Георгия Победоносца, ставшего небесным покровителем всех российских скаутов – отмечается службой молебна и торжественным парадом, как день основания скаутского

движения в России. Выбор Св. Георгия Победоносца своим небесным покровителем скауты обосновывают тем, что в России Св. Георгий был очень почитаем и считается покровителем воинов, защитником ближних. В 1910 г. у преподавателя латинского языка В. Г. Янчевецкого при 1-й мужской классической гимназии Санкт–Петербурга (ул. Ивановская, 7) возникла идея создать отряд для занятий по системе скаутинг. 19 января 1911 г., получив разрешение от Попечителя Санкт–Петербургского учебного округа Министерства народного просвещения, В. Г. Янчевецкий создает свой легион юных разведчиков [11]. Поскольку система воспитания скаутинг построена на игровых формах, В. Г Янчевецкий, будучи талантливым педагогом, старался привлечь учащуюся молодежь за счет игры в рыцарство, издавал журнал «Ученик», где публиковались приглашения стать скаутом, рассказы о том, кто такие скауты и объявления о предстоящих походах и экскурсиях. Приблизительно до 1914 г. в российском скаутинге четкого деления скаутской организации на отряды, патрули и дружины не существовало. Деление было на роты и в редком случае на отряды. В. Г. Янчевецкий старался убрать из скаутинга излишнюю милитаризацию и постепенно деление юных разведчиков на роты было заменено на легионы, отряды и патрули. Стоит отметить, что В. Г. Янчевецкий изложил свои идеи и предложения в области воспитания молодежи еще в 1908 г. в книге «Воспитание сверхчеловека» и в брошюре 1911 г. «Что нужно сделать для петербургских детей». Он пришел к выводу, что с детьми необходимо начать усиленное воспитание не только в школе, но и дома. Родители и педагоги должны заниматься с детьми облагораживающим чтением, спортом, играми и прогулками, во время которых нужно заинтересовывать всеми встречающимися явлениями и событиями. В. Г. Янчевецкий был уверен, что, практикуя такой метод воспитания, возможно избежать детского беспризорства и детской преступности [36, с.10].

Занятия скаутов при 1-й мужской классической гимназии Санкт–Петербурга проводились один-два раза в неделю в будние дни и по праздникам. В еженедельном журнале «Ученик» можно встретить отчеты о походах и занятиях петербургских мальчиков-разведчиков. В одном из номеров журнала «Ученик» за 1911 г. есть сведения об одном из походов под руководством начальника юных разведчиков Санкт-Петербурга В. Г. Янчевецкого. 25 марта того же года юные скауты отправились в поход в Лахту по Приморской железной дороге. На месте скауты были разделены на дозоры, каждому из дозоров были поручены отличные друг от друга задания [32, с.608]. Основными целями и задачами скаутских походов как в нач. XX в., так и сегодня, являются: развить наблюдательность, воспитать уважение к природе и обучить экономно использовать природные ресурсы, научить детей дисциплине, взаимопомощи и сплоченной работе в команде.

Постепенно метод воспитания скаутинг становился все более популярен и востребован среди педагогов, поскольку игровая форма воспитания являлась привлекательной для подростков за счет получения практических навыков ремесла и техники, военного строя и спорта. Небольшие скаутские отряды возникали во многих городах России, но не знали о существовании друг друга. Поскольку единой организации скаутов, которая бы объединила всех скаутов России, до 1915 г. не существовало, перед исследователями скаутинга возникает проблема с определением общей численности скаутов и количества действующих отрядов по всей стране. По оценкам различных источников, число скаутов по всей России к 1917–1918 гг. составляло от 50 тыс. [22, с.7] до 88 тыс. человек, к 1917 г. работа велась в 143 городах по всей стране, к 1918 г. – в 88 [19]. Однако в статье скаут мастера А. Сокольского в журнале «Опыт» за 1955г. пишет, что во время Первой мировой количество петроградских скаутов достигало 600 человек, к началу 1917 г. численность разведчиков, возглавляемых скаут мастером К. А. Перцовым, возросла до 1000 [26].

8 сентября 1914 г. было утверждено Петроградское общество содействия организации мальчиков-разведчиков «Русский скаут», которое с сентября 1914 г. по 1915 г. располагалось по адресу Галерная ул., 63 кв. 7 [34]. Здесь стоит отметить, что, несмотря на создание общества и попытку объединить всех скаутов России в подчинении единой

скаутской организации, все же уровня главного единого органа всероссийского масштаба общество не достигло. Председателем общества был избран вице-адмирал в отставке И. Ф. Бострем [4]. С 1915 г. общество «Русский скаут» издает одноименный журнал, в котором публиковались отчеты собраний общества, различные сведения о скаутских группах по всей стране. Общество вело постепенную подготовку к организации первого съезда по скаутингу для инструкторов и лиц, интересующихся скаутингом. Вскоре с 8 по 12 января 1916 г. в Петрограде в помещении Канцелярии главнонаблюдающего за физическим развитием народонаселения Российской империи, Свиты Его Величества генерал-майора Воейкова, на Екатерингофском пр., 11 прошел первый съезд скаутов со всей России [15]. На съезде были приняты единые для всех российских скаутов тексты законов, обычаев, традиций. В конце 1916 г. состоялся второй съезд общества содействия организации мальчиков-разведчиков «Русский скаут», который состоялся в зале Петроградского реального училища императора Александра II на 12-й линии, 5 Васильевского острова. На съезде было отмечено, что работа среди молодежи по методу скаутинг идет в 143 городах России, также указывается приблизительное число мальчиков-разведчиков – 50 000 [22, с.7]. Активный рост задействованной молодежи в движении скаутинг был вызван всплеском патриотических чувств и жертвенности, связанных с Первой мировой войной. После второго съезда была создана специальная комиссия по подготовке документов к третьему съезду, который планировалось провести в конце 1917 г. Цели третьего съезда были уже определены: разобрать Устав общества; определить единую терминологию; изучить вопросы о национальных чертах русского скаутизма, о праздниках, о форме [33]. В связи с революционными событиями в Петрограде, к сожалению, третий съезд не состоялся. После Февральской революции и прихода к власти большевиков в связи с напряженной экономической и внутриполитической обстановкой, начавшейся Гражданской войной, которая охватила всю страну, некоторое время скаутские организации продолжали вести свою работу. 23 апреля 1918 г. прошел легально в Петрограде последний традиционный скаутский парад в день Св. Георгия Победоносца [10, с.139].

В период 1918–1920 –х гг. события в Петрограде и в России в целом развивались стремительно и драматично. Новому правительству требовалось детско-юношеское движение, наполненное коммунистической идеологией, которое объединило бы молодежь по всей стране. 29 октября 1918 г. был создан Российский коммунистический союз молодежи (РКСМ), который с момента своего основания старался объединить под своим началом все существующие молодежные организации, в том числе и скаутские [6, с.24]. К этому моменту так и не сложилось единой организации, объединяющей скаутов по всей России, что значительно осложняло задачу большевистской власти вовлечь скаутские организации в РКСМ. По той же причине невозможно было упразднить существующие разрозненно скаутские организации и контролировать появление новых.

В период Гражданской войны большая часть скаутских лидеров была вовлечена в борьбу с красными, участвуя в боевых действиях, или покинула Россию во время первой и второй волн эмиграции. Ряд скаутских отрядов и дружин остались без руководства. Зимой 1918 г. было принято решение создать детское движение, которое имело внешне скаутскую форму, но наполненное коммунистической идеологией. Новое движение было создано при Всеобщем военном обучении (Всевобуч) и носило название Юных коммунистов или ЮК-скаутов. Поскольку помещений для занятий не хватало и РКСМ еще не успело воспитать педагогические кадры, то ЮК-скауты базировались в прежних помещениях скаутов и руководителями Юных коммунистов были бывшие скаут инструкторы. В 1919 г. на Втором съезде Комсомола был заслушан доклад о скаутизме и его работе с детьми, было принято решение о роспуске всех действующих организаций ЮК-скаутов [9, с.2]. Движение ЮК-скаутов было названо механической склейкой буржуазной скаутской системы и коммунистических форм, поэтому многие высказались за необходимость ликвидации этих организаций [2, с.160].

Пока большевистская власть не могла решить скаутский вопрос: как использовать

опыт скаутских руководителей в работе с молодежью и поставить под контроль скаутские организации, последние продолжали существовать и вести работу. Из материалов следственных дел Архива Управления Федеральной службы безопасности по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (АУ ФСБ СПб и ЛО) известно, что к 1921–1922 гг. в Петрограде существовало несколько скаутских организаций:

1. «Патруль Лось» под руководством скаут мастера Владимира Собинина. К 1922 г. он объединил наиболее активных скаутов в отряд «Племя Белый клык» из 60 человек.

2. «Союз Ганьямады», бывший таинственным союзом скаутов под вымышленными именами, ставили своей целью объединение всех скаутов. Союз издавал журнал «У костра вождей», где публиковались различные статьи и очерки скаутов.

3. Патруль герл-скаутов «Сокол» под руководством Анастасии Наумовец. Выпускали рукописный журнал «Соколиное гнездо». В каждом номере содержится хроника событий, информация о новых созданных скаутских организациях по всей республике и сведения о петроградских дружинах и отрядах [24].

4. «Российская организация юных разведчиков» (РОЮР) или Конфедерация под руководством В. Цауне. В сентябре 1921 г. В. Цауне Всеобщее военное обучение (Всевобуч) предоставил помещение для занятий по адресу: пр. К. Либкнехта, 75 [21].

2 апреля 1922 г. было создано «Бюро по объединению и проведению организаций, пользующихся методом системы «Скаутинг» (Бюро ОПОПМСС) [16]. Вышел приказ, согласно которому можно было приступать к работе и организации детских групп при спортивных организациях Всевобуча. Несмотря на достаточно активную работу скаутских организаций в этот период, во взглядах на сохранение использования метода воспитания по системе скаутинг, российский скаутинг раскололся на два лагеря. Первые поддерживали сотрудничество с Комсомолом и были готовы пойти на уступки с целью продолжить работу в детском движении, вторые – отстаивали позиции старого скаутинга и расценивали уступки Комсомолу, как шаг к самоубийству русского скаутинга. В нач. 1920-х гг. на страницах журнала физической культуры и спорта «Всевобуч и спорт» в его постоянной рубрике «Страничка скаута» все чаще можно было встретить сообщения о том, что работа скаутской организации Петрограда сильно тормозиться, в том числе оттого, что отбирают помещения для занятий с детьми. Некоторое время спустя в 1922 г. в том же издании были опубликованы две декларации – скаут работников Москвы и Петрограда [30, с.19]. Декларация скаутов Петрограда затрагивала вопрос о введении метода скаутинг в детских группах в Северо-Западной области в воспитательных мерах, в том числе в работе с беспризорными и безнадзорными детьми. Московские скауты заявили о возможности заменить термин «скаут», которое ассоциируется с буржуазным прошлым на «юные пионеры». У первых и вторых было единство в желании сохранить систему скаутинг, как метод воспитания. К сожалению, отсутствие сплоченности между скаутами только лишь усугубило натянутые отношения с новой властью и еще больше разъединило скаутов между собой.

19 мая 1922 г. на второй конференции РКСМ была официально создана пионерская организация. Скаутские организации саморазпускались, бывшие скауты уходили в пионерские организации или переходили на нелегальное положение. 8 ноября 1922 г. состоялось заседание главного штаба РОЮР, где на повестке дня стоял вопрос о дальнейшем положении организации. 3 декабря 1922 г. В. Цауне торжественно было срезано скаутское знамя РОЮРа и заменено на красное полотно с аббревиатурой РСФСР [5, с.82]. В отчете Хамовнического районного комитета РКП (б) за октябрь 1922–апрель 1923 гг. указывается, что во время военно-спортивной работы в Москве все частные общества и отряды скаутов удалось распустить [12, с.67]. Годом позже в «Истории РКСМ» указано, что по всей стране скаутские организации терпят крах, а «РКСМ в России является единственной массовой организацией рабоче-крестьянской молодежи (Программа РКСМ)» [7, с.13]. В 1923 г. в состоянии подполья в СССР находилось около 15 тыс. скаутов [14]. В том же году Государственным политическим управлением (ГПУ) были произведены первые аре-

сты и допросы руководителей скаутских организаций в Москве, затем после обращения комсомольцев за помощью в борьбе со скаутизмом в Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) – в Архангельске. К 1924 г. первая волна арестов докатилась до Ленинграда, но большинство скаутов были лишь допрошены и отпущены под подписку о невыезде. Летом того же года был арестован один из видных участников скаутского движения Ленинграда – Д. В. Шипчинский – по обвинению в создании скаутских организаций, организаций, ставивших своей целью помощь международной буржуазии, то есть преступлении, предусмотренном ст. 61 УК РСФСР (в редакции 1923 г.) [25]. Д. В. Шипчинский находился под следствием и в Доме предварительного задержания в течение двух лет до 1926 г. В это время осенью 1925 г. лидер скаутской организации Нижнего Новгорода Б. Зеленов отправился в Ленинград с целью организовать скаутскую производственную артель совместно с группой ленинградских скаутов. Группа скаутов во главе с Б. Зеленовым проводила регулярные встречи, обсуждения о возрождении скаутинга и возможности вести нелегальную работу среди молодежи, вовлекая в скаутизм. В 1926 г. ОГПУ нанесло самый мощный удар по скаутским организациям и их лидерам. С этого года начались массовые аресты скаутов по всей стране. Теперь ОГПУ не ограничивалось допросами и расписками о невыезде. В августе 1926 г. Д. В. Шипчинскому был вынесен приговор с осуждением на пять лет в Соловецком лагере особого назначения (СЛОН). Позже в 1931 г., по окончанию срока наказания, приговор о последующей высылке в Северный край на три года был аннулирован постановлением выездной сессии Коллегии ОГПУ и заменен на расстрел. Всем остальным скаутам, проходящим по следственному делу А. А. Шапошникова и др., были предъявлены обвинения по ст. 62 Особенной части Главы I. Государственные преступления Уголовного Кодекса РСФСР (в редакции 1922 г.). Ст. 62 УК РСФСР (в редакции 1922 г.): «Участие в организации, действующей в целях, означенных в ст. 57 Уголовным кодексом, путем возбуждения населения к массовым волнениям, неплатежу налогов и невыполнению повинностей или всяким иным путем в явный ущерб диктатуре рабочего класса и пролетарской революции, хотя бы вооруженное восстание или вооруженное вторжение и не являлось ближайшей задачей деятельности этой организации, карается наказаниями, предусмотренными 1 и 2 ч. ч. 58-й статьи». Ст. 57 УК РСФСР: «Контрреволюционным признается всякое действие, направленное на свержение завоеванной пролетарской революцией власти рабоче-крестьянских Советов и существующего на основании Конституции РСФСР Рабоче-Крестьянского Правительства, а также действия в направлении помощи той части международной буржуазии, которая не признает равноправия приходящей на смену капитализма коммунистической системы собственности и стремится к ее свержению путем интервенции или блокады, шпионажа, финансирования прессы и т.п. средствами». Ст. 58 предусматривает наказание в виде высшей меры наказания и конфискацией всего имущества, с допущением при смягчающих обстоятельствах понижения наказания до лишения свободы на срок не ниже пяти лет со строгой изоляцией и конфискацией всего имущества. При установлении судом неосведомленности участника о конечных целях означенного в сей статье преступления, участие в нем карается - лишением свободы на срок не ниже трех лет [31].

Особое Совещание при Коллегии ОГПУ предприняло жесткие меры наказания – лагерь и ссылка, по отбытии которой следовало лишение права проживания в определенных местностях. На основании следственных дел АУ ФСБ по СПб и ЛО, известно, что в местах отбывания наказания за каждым из бывших скаутов было установлено наблюдение со стороны ОГПУ. Особый интерес для ОГПУ представляли факты, с кем поддерживают связь через переписку заключенные бывшие скауты, окружение в ссылке. Г. И. Бострем, который был вызван дважды на допросы ГПУ/ОГПУ еще в марте 1920 г. [23] в Петрограде по подозрению в шпионаже и в 1924 г. по обвинению в контрреволюционных действиях в Архангельске, тогда был отпущен за неимением достаточного количества доказательств. Но в 1926 г. ОГПУ снова вызвало на допрос

Г. И. Бострема. Теперь, ему инкриминировали активное участие в развитие скаутинга. Особое совещание при Коллегии ОГПУ приговорило Г И. Бострема к трем годам заключения в СЛОНе. На этот момент в СЛОНе отбывало срок наказания уже более чем 20 скаутов [1, с.48]. В 1932–1933 гг. началась третья волна арестов. Г. И. Бострема выслали в Сибирь, в конце 1937 г. был расстрелян [8, с.377–382]. Один из видных бывших скаутов В. Собинин был сослан в Томск, где работал в городском совете физической культуры, затем сослан в Орел, работал в отделе технической пропаганды железной дороги. Один из активных организаторов скаутского движения в Крыму Б. Л. Солоневич сперва отбывал срок наказания в СЛОНе, затем его перевели в Свирьлаг, где он предпринял две попытки побега за границу, но оба неудачные. 28 июля 1934 г. Б. Л. Солоневичу с братом все же удалось пересечь границу СССР и попасть в Финляндию. В последующие годы Б. Л. Солоневич написал книгу воспоминаний «Молодежь и ГПУ», посвященную памяти расстрелянного скаута Дмитрия Шипчинского, и сыграл значимую роль в развитии организаций русских скаутов за границей [27].

За пределы российских границ эмигрировало большая часть русских скаутов, которые создали свои отряды русских скаутов, например, в Финляндии, Эстонии, Латвии, Польше, Румынии, Чехословакии. В 1920–1923 гг. особенно много скаутов оказалось в Турции. В конце 1919 г. скаутская работа среди детей беженцев получила организационное оформление на острове Проти, затем в Константинополе и на Принцевых островах. Определенную работу среди русских детей эмигрантов проводил Генеральный секретарь Международного союза скаутов в Константинополе Альфред де Берри. Он планировал создать в Константинополе русский скаутский отряд. От русских скаутов в Совет были приглашены О. И. Пантюхов и Я. Н. Репнинский. Главная квартира русских скаутов находилась в Константинополе, как в центре связи между Россией и заграницей, по адресу Константинополь, Пера, улица Брусса, 40. О. И. Пантюхов назначил своим заместителем старшего скаут-мастера Б. Л. Солоневича. К июню 1920 г. Константинопольская организация представлялась в следующем виде:

1. Константинопольская дружина. Первое время начальника назначено не было. Всего в дружине было 25—28 человек.

2. Халкинская дружина. Начальником дружины был старший скаут-мастер А. П. Дехтерев. Всего в дружине – 35 человек [18, с.104].

В 1920 г. О. И. Пантюхов от имени Главной Квартиры заявил о создании единой «Организации русских скаутов за границей» с центром в Константинополе. Начальником Константинопольской организации был определен Я. Н. Репнинский, а начальником Главной Квартиры – А П. Дехтерев. Велись активная переписка и пересылка скаутских газет и журналов, что подтверждается многочисленными документами Государственного архива Российской Федерации в Москве (ГАРФ) [17].

20 июня 1920 г. в Константинополе на площади Таксим состоялся парад всех константинопольских скаутских отрядов: 2 отряда англичан (около 80 человек), один отряд французов (40 человек), около 800 армян, до 2000 греков, 250 русских [10, с.247]. Таким образом, продолжили свое существование и сохранили свои традиции часть русских скаутов в период репрессий и запрета на скаутизм в советской России.

Вопрос о создании и управлении единой организацией молодежного движения, подконтрольного государству в России не случайно стоял остро как в нач. XX в., так и сегодня. К теме воспитания молодого поколения российские власти возвращаются часто, так как идеология является неотъемлемой частью развития полноценной интеллектуально активной личности. В ситуации нач. XX в. в противостоянии скаутинга и Комсомола (РКСМ) шла настоящая борьба двух противоположных друг другу идеологий. Интерпретация идеологии скаутинга, на взгляд комсомола состояла в том, что девиз скаутов «Будь готов!» есть призыв скаутов к готовности нападать на другие страны, вера в бога и обещание скаута делать добро людям – делать добро буржуазии. РКСМ был убежден, что скаут может служить только своему хозяину, то есть царю [3, с.49]. В свою очередь на третьем съезде РКСМ был поставлен вопрос о коммунистическом воспитании детей. Свои задачи РКСМ изложил в следующем виде: создание

новой идеологии, которая заключалась в воспитании новых практических строителей коммунистического общества и устройства жизни молодежи на новых началах. Основой революционного воспитания являлась самодеятельность, но подчиненная партии.

Обе организации имели общую цель – патриотическое воспитание и объединение молодежи, но понимание патриотизма было различным. Скаутизм понимает патриотизм, как неотъемлемо составляющее любви и верности к своей Родине, к России; комсомол, в свою очередь, понимает патриотизм, как верность своему классу. Две совершенно разные по внешним признакам и кардинально отличающиеся по содержанию организации, ставили перед собой противоположные друг другу цели, задачи и самое важное – средства для их достижения. Скаутинг и комсомол не могли существовать ни как параллельные друг другу детские движения, ни как взаимодополняющие организации. В условиях революции, новой политики и экономической ситуации, сложившиеся к 1920-м гг., исход для скаутинга в России, как для массового молодежного движения, был один – исчезнуть и стать нелегальным на территории РСФСР/СССР.

Список литературы

1. Баллод А.И. Московские скауты — что я помню // Кучин В. Л. Скауты России. XX век. М., 2003. С.48.

2. Второй Всероссийский съезд РКСМ. М., Л., 1926. 134 с.

3. Гессен В. Комсомол и юные пионеры. Очерк истории комсомольского и пионерского движения в СССР. М., Л., 1926. 166 с.

4. Дело по Канцелярии Санкт-Петербургского градоначальника. Съезд инструкторов и лиц, интересующихся скаутизмом // Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 569. Оп. 13. Д. 1379. Л. 13–13 об.

5. Дитрих Г. Конец и начало из истории детского движения в Ленинграде. М., Л., 1929. 158 с.

6. Зеленова-Чешихина Н.В. Крутые тропы скаутов // Библиография. 1993. № 1. С. 24.

7. История РКСМ. Конспект для руководителей кружков и юношеских секций совпартшкол. Курган. 1924. 30 с.

8. Ковалева Е.Д. (Маскевич). Влияние экономического и политического положения в России на молодежное движение скаутинг в начале XXв. // Материальный фактор и предпринимательство в повседневной жизни населения России: история и современность: Сб. науч. тр. – СПб: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2016. С. 377–382.

9. Крупская Н.К. РКСМ И бой-скаутизм. М., 1922. 54 с.

10. Кудряшов Ю.В. Российское скаутское движение. Архангельск, 1997. 393 с.

11. Личное дело Янчевецкого Василия Григорьевича, учителя латинского языка 1-й Петербургской гимназии // ЦГИА СПб. Ф. 114. Оп. 1. Д. 11586. Л. 55.

12. Отчет о работе Хамовнического комитета РКП (б-в) за октябрь 1922–апрель 1923 гг. М., 1923. С. 67.

13. Пантюхов О.И. Памятка юного разведчика. СПб., 1911.

14. Партийный архив. Институт истории партии Ленинградского ОК КПСС Смольнинского р-на г. Ленинграда. Воспоминания Дитриха Г.С. о зарождении и развитии Ленинградской пионерской организации в 1921–1924 гг. // Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Ф. 4000. Оп. 18. Д. 385. Л. 1–15.

15. Первый съезд по скаутизму 26–30 декабря 1915 г. в Петрограде. Второй съезд по скаутизму декабрь (28–31) 1916–январь (1–4) 1917 гг. // ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 13. Д. 1379.

16. Петроградское Бюро по объединению и проведению организаций, пользующимся методами системы «скаутинг» ОПОПМСС // ЦГАИПД СПб. Ф. Р 595. Оп. 1. Д. 4. Л. 9—10.

17. Письма представителя эмигрантской фашистской организации скаутов в Чехословакии А. П. Дехтереву // Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р5976. Оп. 1. Д. 33.

18. Полчанинов Р.В. Молодежные организации Российского Зарубежья // Записки русской академической группы в США. Т. XXVI. Ч. 1. Нью-Йорк, 1994. С. 104.

19. Полчанинов Р.В. Справочник по истории ОРЮР. Организации российских юных разведчиков. Нью-Йорк, 2014. 90 с.

20. Путин: Патриотическое воспитание должно быть органичной частью жизни общества [Электронный ресурс] // Официальный сайт партии Единая Россия. 2016. 5 апреля. URL: http://er.ru/news/140980/ (дата обращения: 11.12.2016)

21. Российская организация Юных разведчиков (РОЮР) // ЦГАИПД СПб. Ф. Р 596. Оп. 1. Д. 5. Л. 2.

22. Русский скаут. 1915. № 3. С. 7.

23. Следственное дело Бострема Г.И.// Архив управления Федеральной службы безопасности по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Дело № П-22620 от 10 марта 1920 г.

24. Следственное дело Шапошникова А.А. и др. // АУ ФСБ по СПб. и ЛО. Д. П-87465. 1926 г.

25. Следственное дело Шипчинского Д.В. // АУ ФСБ по СПб. и ЛО. Дело № П-87465 от 5.11.1924г.

26. *Сокольский А*. История русского скаутизма (1909–1918 гг.) // Опыт. № 19. 1955.

27. Солоневич Б. Молодежь и ГПУ. София, 1937. 464 с.

28. Справочник по скаутизму. Пг., М., 1916. 68 с.

29. С праздником святого покровителя скаутов! Св. Георгий, моли Бога о нас! [Электронный ресурс] // Братство православных следопытов. 2015. 7 апреля. URL: http://skaut.cerkov.ru/2015/05/07/c-prazdnikom-svyatogo-pokrovitelya-skautov-sv-georgij-moli-boga-o-nas/ (дата обращения: 29.03.2016)

30. Страничка скаута // Всеобуч и спорт. 1922. № 10. С. 19.

31. Уголовный кодекс РСФСР редакции 1922 года [Электронный ресурс] // Юридическая Россия: федеральный правовой портал. 2007. 1 июня. URL: http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1241523/ (дата обращения: 29.03.2016)

32. Ученик. 1911. № 20. С. 608.

33. Устав и переписка о регистрации Общества содействия мальчикам-разведчикам «Русский скаут» // ЦГИА СПб. Ф. 287. Оп. 1. Д. 288.

34. Устав и переписка о регистрации Общества содействия мальчиков-разведчиков «Русский скаут» // ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 13. Д. 1643.

35. Что такое ОРЮР, цели ОРЮР [Электронный ресурс] // Официальный сайт Организациии российских юных разведчиков (ОРЮР).URL: http://www.orur.ru/purpose.html/ (дата обращения: 05.2012)

36. Янчевецкий В.Г. Воспитание сверхчеловека. СПб., 1908. 133 с.

THE ORIGIN AND DEVELOPMENT OF THE SCOUT MOVEMENT IN ST. PETERSBURG IN THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

The article is devoted to the study of the history of the scout youth movement in the beginning of the XX century. The author considered the influence of political and economic factors affected the history of the development of youth movements and organizations in Russia on the example of scouting. As a result of the political and military crisis, revolutionary change, the change of the state system, due to the precarious economic situation of the country which entailed the substantial reduction of a network of educational institutions, the question of the education of young people has become exceptional acuteness. On the basis of the sources and literature studied, the author clearly shows in the article how, after the Bolsheviks came to power in the country, the ideological platform of the structure of the children's movement is changing, changing the consciousness and way of thinking of the youth.

Keywords: scouts, scouting, youth movements, patriotic education, scouting, youth, St. Petersburg.

References

1. Ballod, A.I. (2003). Moskovskie skauty — chto ya pomnyu [Moscow scouts – what I remember]. In: *Kuchin, V. L. Skauty Rossii. XX vek.[The scouts of Russia. XX century.]*, 48.

2. Vtoroy Vserossiyskiy s"ezd RKSM [The second All-Russian congress of the Russian Communist Youth League]. (1926).

3. Gessen, V. (1926). Komsomol i yunye pionery. Ocherk istorii komsomol'skogo i pionerskogo dvizheniya v SSSR [Komsomol and young pioneers. Essay on the history of the Komsomol and Pioneer movement in the USSR]. Moscow, Leningrad.

4. *Tsentral'nyy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv Sankt-Peterburga (TsGIA SPb)*(Central State Historical Archive of Saint-Petersburg*)*. F. 569. Op. 13. D. 1379. L. 13–13 ob.

5. Ditrikh, G. (1929). Konets i nachalo iz istorii detskogo dvizheniya v Leningrade [The end and beginning of the history of the children's movement in Leningrad.]. Moscow, Leningrad.

6. Zelenova-Cheshikhina, N.V. (1993) Krutye tropy skautov [Steep scout trails]. *Bibliografiya [Bibliography]*, 1, 24.

7. Istoriya RKSM. Konspekt dlya rukovoditeley kruzhkov i yunosheskikh sektsiy sovpartshkol [History of the RKSM. Abstract for the leaders of the circles and youth sections of the co-host]. (1924). Kurgan.

8. Kovaleva (Maskevich), E.D. (2016). Vliyanie ekonomicheskogo i politicheskogo polozheniya v Rossii na molodezhnoe dvizhenie skauting v nachale XXv. [The impact of the economic and political situation in Russia on the youth scouting movement in the early XX century]. *Material'nyy faktor i predprinimatel'stvo v povsednevnoy zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost' [Material factor and entrepreneurship in everyday life in Russia: History and Modernity]*. St. Petersburg: LGU im. A. S. Pushkina.

9. Krupskaya, N.K. (1922). RKSM I boy-skautizm [RKSM and boy scouting]. Moscow.

10. Kudryashov, Yu.V. (1997). Rossiyskoe skautskoe dvizhenie [The Russian scout movement]. Arkhangel'sk.

11. *Tsentral'nyy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv Sankt-Peterburga (TsGIA SPb)*(Central State Historical Archive of Saint-Petersburg*)*. F. 114. Op. 1. D. 11586. L. 55.

12. Otchet o rabote Khamovnicheskogo komiteta RKP (b-v) za oktyabr' 1922–aprel' 1923 gg. [Report on the work of the Khamovnicheskogo Committee of the RCP (b-v) for October 1922-April 1923]. (1923). Moscow.

13. Pantyukhov, O.I. (1911). Pamyatka yunogo razvedchika [Memo of a young scout]. St. Petersburg.

14. *Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv istoriko-politicheskikh dokumentov Sankt-Peterburga (TsGAIPD SPb)* (Central State Archive of of historical-political documents of Saint-Petersburg). F. 4000. Op. 18. D. 385. L. 1–15.

15. *Tsentral'nyy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv Sankt-Peterburga (TsGIA SPb)*(Central State Historical Archive of Saint-Petersburg*)*. F. 569. Op. 13. D. 1379.

16. *Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv istoriko-politicheskikh dokumentov Sankt-Peterburga (TsGAIPD SPb)* (Central State Archive of of historical-political documents of Saint-Petersburg). F. R 595. Op. 1. D. 4. L. 9—10.

17. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF)* (State Archive of the Russian Federation). F. R5976. Op. 1. D. 33.

18. Polchaninov, R.V. (1994). Molodezhnye organizatsii Rossiyskogo Zarubezh'ya [Youth organization of the Russian abroad]. Zapiski russkoy akademicheskoy gruppy v SShA [Notes of Russian academic group in the USA.]. New-York.

19. Polchaninov, R.V. (2014). Spravochnik po istorii ORYuR. Organizatsii rossiyskikh yunykh razvedchikov [A handbook on the history of ORYUR. Organizations of Russian young scouts]. New-York.

20. Putin: Patrioticheskoe vospitanie dolzhno byt' organichnoy chast'yu zhizni obshchestva [Patriotic education should be an organic part of society]. Retrieved 5 April, 2016 from http://er.ru/news/140980/.

21. *Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv istoriko-politicheskikh dokumentov Sankt-Peterburga (TsGAIPD SPb)* (Central State Archive of of historical-political documents of Saint-Petersburg). F. R 596. Op. 1. D. 5. L. 2.

22. Russkiy skaut [The Russian scout]. (1915). 3, 7.

23. *Arkhiv upravleniya Federal'noy sluzhby bezopasnosti po Sankt-Peterburgu i Leningradskoy oblasti (AU FSB po SPb i LO)* (Archive Department of the Federal security service of Saint-Petersburg and Leningrad region). Delo № P-22620 ot 10 marta 1920 g.

24. *Arkhiv upravleniya Federal'noy sluzhby bezopasnosti po Sankt-Peterburgu i Leningradskoy oblasti (AU FSB po SPb i LO)* (Archive Department of the Federal security service of Saint-

Petersburg and Leningrad region). D. P-87465. 1926 g.

25. *Arkhiv upravleniya Federal'noy sluzhby bezopasnosti po Sankt-Peterburgu i Leningradskoy oblasti (AU FSB po SPb i LO)* (Archive Department of the Federal security service of Saint-Petersburg and Leningrad region). Delo № P-87465 ot 5.11.1924g.

26. Sokol'skiy, A. (1955). Istoriya russkogo skautizma (1909–1918 gg.) [The history of Russian scouting]. *Opyt [The experience]*, 19.

27. Solonevich, B. (1937). Molodezh' i GPU [The youth and GPU]. Sofia.

28. Spravochnik po skautizmu [A guide to scouting]. (1916). Petrograd, Moscow.

29. S prazdnikom svyatogo pokrovitelya skautov! Sv. Georgiy, moli Boga o nas! [Happy holiday of the patron saint of Scouts! St. George, pray to God for us!]. Retrieved 7 April, 2015 from http://skaut.cerkov.ru/2015/05/07/c-prazdnikom-svyatogo-pokrovitelya-skautov-sv-georgij-moli-boga-o-nas/.

30. Stranichka skauta [Scout page]. (1920). *Vseobuch i sport [Vseobuch and sport],* 10, 19.

31. Ugolovnyy kodeks RSFSR redaktsii 1922 goda [The Criminal Code of the RSFSR in 1922]. Retrieved 29 March, 2016 from http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1241523/.

32. Uchenik [The Pupil]. (1911). 20, 608.

33. *Tsentral'nyy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv Sankt-Peterburga (TsGIA SPb)*(Central State Historical Archive of Saint-Petersburg*)*. F. 287. Op. 1. D. 288.

34. *Tsentral'nyy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv Sankt-Peterburga (TsGIA SPb)*(Central State Historical Archive of Saint-Petersburg*)*. F. 569. Op. 13. D. 1643.

35. Chto takoe ORYuR, tseli ORYuR [What is ORYUR, the purposes of ORYUR]. Retrieved in December, 2012 from http://www.orur.ru/purpose.html/.

36. Yanchevetskiy, V.G. (1908). Vospitanie sverkhcheloveka [Education of the superman]. St. Petersburg.

Об авторе

Маскевич Екатерина Дмитриевна – аспирант кафедры государственного и муниципального управления, Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы (Россия), E-mail: spb-collects@yandex.ru

Maskevich Ekaterina Dmitrievna – Graduate student of the department of the state and municipal management, North-West Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia), E-mail: spb-collects@yandex.ru

УДК 94 (47).930.1

Михальченко С.И., доктор исторических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И.Г.Петровского (Россия)
Ткаченко Е.В., кандидат исторических наук, доцент, Брянский государственный университет имени академика И.Г.Петровского (Россия)

РУССКИЙ НАУЧНЫЙ ИНСТИТУТ В БЕРЛИНЕ В МЕМУАРАХ И ПЕРЕПИСКЕ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ*

В статье анализируются отдельные стороны деятельности одного из важнейших научных, образовательных и просветительских центров русской эмиграции в Европе – Русского Научного Института в Берлине (1923 – 1943 гг.) в восприятии русских эмигрантов (преимущественно профессоров). Источниками статьи являются как опубликованные, так и хранящиеся в архивах воспоминания и письма. Авторами этих источников личного происхождения выступали известные ученые – С.Л.Франк, И.А.Ильин, Н.Н.Алексеев, М.М.Новиков, А.А.Кизеветтер, публицисты И.В.Гессен и Р.Б.Гуль. Среди адресатов писем – Н.А.Бердяев, П.Б.Струве, П.И.Новгородцев и другие. Показывается, как воспринимали русские эмигранты (и работавшие в институте, и сторонние) его цели и задачи, деятельность. Характеризуется работа ректора института В.А.Ясинского. Освещаются финансовое положение института, причины и детали его преобразований в 1926 г. и в 1933-34 гг.
Ключевые слова: Русский Научный Институт в Берлине, мемуары, переписка ученых, русская эмиграция в Германии

История русской эмиграции первой волны немыслима без изучения деятельности русских профессоров и преподавателей в Европе. Выброшенные из привычной академической среды, пережившие многочисленные беды и лишения, они, тем не менее, не прекратили активной работы – в начале 1920-х годов в различных странах ими были созданы академические группы, открыты научные и образовательные учреждения. Первоначально ставилась цель подготовки молодого поколения из числа эмигрантов к последующей работе в России после возвращения туда (во что верило большинство представителей русской эмиграции). Затем, по мере того, как надежды на возвращение таяли, менялись и задачи этих научных и учебных заведений: какие-то из них закрывались, какие-то превращались в культурно-просветительские организации, в которых читались лекции, проводились занятия кружков и т.п.

Одной из ярких страниц образовательной, научной и культурно-просветительской деятельности русской эмиграции в межвоенный период был Русский Научный Институт (РНИ) в Берлине. В начале 1920-х годов Берлин был фактической столицей русской эмиграции [20]. Привлеченные дешевизной жизни, сюда съехалось к 1922 г. более 400 тысяч русских, причем, только в Берлине проживало до 360 тысяч человек. [14, с.110]. Как писал свидетель событий В.Шкловский, «русские ходят в Берлине вокруг Старой кирки, как мухи летают вокруг люстры<…> По улицам ходят спекулянты в шершавых пальто и русские профессора попарно, заложив руки с зонтиком за спину» [18]. В Берлине открылось множество русских издательств, выходило несколько периодических изданий, создавались научные и учебные заведения, среди которых и РНИ. История института уже становилась предметом исследования как в отечественной, так и в зарубежной историографии [2, с.157-159; 18; 23; 24; 27; 28; 29; 31; 32]. Основным недостатком этих исследований является их обезличенность. В них, в основном, даются выдержки из Устава Института, приводится количество слушателей, характеризуется учебная программа и предмет научных занятий сотрудников, анализируются причины упадка и преобразования института. Предметом настоящей статьи является показ того, как деятельность института отражалась в мемуарах и переписке его сотрудников, как им виделась жизнь этого заведения изнутри. (Авторами статьи уже предпринималась подобная попытка в отношении высших учебных заведений Праги) [11].

Русский Научный Институт был открыт 17 февраля 1923 г. в составе трех секций (от-

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ (РГНФ) 15-01-00209.

делений) – духовной культуры, экономической и правовой. Причину создания института афористично выразил известный юрист Н.Н.Алексеев: «Во время НЭПа немцы были уверены, что большевикам пришел конец и, приобретая друзей среди русской интеллигенции, они думали, что завоевывают себе твердые позиции в будущей России» [21, f.13].

Первым директором Института в 1923-1931 гг. был инженер В.А.Ясинский, затем учреждение недолго возглавляли С.Л.Франк и И.А.Ильин. Существуют определенные противоречия в определении статуса РНИ: иногда историки высшего образования считают его вузом, хотя и не дававшим выпускникам всех прав обычных абсольвентов германских высших учебных заведений; сами же сотрудники института вполне понимали его научно-просветительский характер. «Берлинский Институт не был учебным заведением, вроде Русского Юридического Факультета в Праге, - отмечал Алексеев. - В нем читались эпизодические лекции по русской истории, литературе, праву и другим областям русской культуры. Не существовало никаких постоянных кадров слушателей и никаких твердо установленных программ» [21, f.13].

История Института началась за несколько месяцев до его открытия. Определенным стимулом к этому послужило успешное начало работы Русского Юридического факультета в Праге. И первоначально речь зашла даже о создании в Берлине Русского университета. Однако вскоре концепция видоизменилась - толчком к этому послужила высылка представителей русской интеллигенции в 1922 г. Юрист Б.Шацкий писал 28 октября 1922 г. в Прагу декану факультета П.И.Новгородцеву: «в вопросе о Русском университете в Берлине, как Вам, конечно, известно, произошли большие перемены. Высылка из России целого ряда авторитетных представителей различных дисциплин дает возможность думать о создании в Берлине более широкого и авторитетного учреждения, чем мы первоначально предполагали. Этим обстоятельством и объясняется наше молчание по сему предмету. Узнав о предполагавшемся приезде в Берлин крупных ученых, мы не хотели и не могли предрешать организационных вопросов, в значительной степени предрешающих судьбу всего дела. Теперь же “viribus unitis“*, дело создания Университета в Берлине, надеемся, будет благополучно завершено» [10, с.156].

Неделей позже, 3 ноября, высланный из Советской России И.А.Ильин писал П.Б.Струве, также в Прагу, говоря уже не об университете, а об институте: «Я полагаю, что мне и нам (Франку, Бердяеву, Кизеветтеру) вернее, правильнее осесть в Берлине, где русского духовно-культурного очага еще нет, но где его надо создать, где для этого уже открыты и разработаны все пути и возможности и где мы уже каптированы целым рядом переговоров и соглашений. Здесь уже открывается нами философско-религиозная академия на средства американско-христианского союза и русский институт на средства голландско-христианского союза; последний институт научный и популяризаторский» [8, с.115].

Практически одновременно, 4 ноября, в письме тому же адресату упоминал о начале работ по созданию института и Франк, отказавшийся переезжать в Прагу, куда его звал Струве (причем, в письме впервые употребляется словосочетание «Русский институт»): «В идейном отношении и в Берлине есть, что делать. Из 300 тысяч живущих русских выбрать материал, годный для обучения и нуждающийся в нем, все-таки можно – что бы ни говорили о здешней колонии. У нас уже в принципе организована – при поддержке американского христианского союза – Религиозно-философская академия и находится в подготовительной стадии «Русский институт», т.е. институт изучения России и русской культуры» [13, с.126-127].

Наиболее подробные сведения о первых шагах учреждения оставил один из инициаторов его создания, известный политик, журналист, издатель крупнейшей русскоязычной берлинской газеты «Руль» И.В.Гессен.

Как явствует из его мемуаров, первое организационное заседание состоялось на квартире издателя. В нем принимали участие как русские эмигранты, так и большая группа немецких ученых во главе с руководителем Общества по изучению Восточной Европы

* *лат.* объединенными усилиями

проф. О.Гётчем (Хётчем) [1, с 238; 30, s.179]. Как подчеркивал Гессен, «немцы — все, как один — отнеслись к предложенному плану с исключительным сочувствием и обещали всяческую поддержку, которую и оказывали весьма щедро». Как подчеркивал Гессен «ввиду случайного состава высланных и проживавших в Берлине профессоров, программа Института не могла удовлетворить требованиям правильного систематического преподавания, а, напротив, сама была приспособлена к личному составу. Но и помимо этого, программа совершенно не считалась с резко изменившейся обстановкой и восстановила, хотя и в обрывках, все, как было в университетах, точно ничего не произошло. Даже дипломы окончившим постановлено было выдавать по правилам университетского устава 1885 года» [3, с.79-80].

Список членов оргкомитета приводит другой мемуарист – известный публицист и писатель Р.Б.Гуль: «Председателем Русского научного института был профессор В.И. Ясинский (высланный). Организационный комитет — профессора Ю. Айхенвальд, Н.Бердяев, Б.Бруцкус, Е.Зубашев, А.Кизеветтер, И.Ильин, А. Каминка, Л. Карсавин, Б.Одинцов, С.Прокопович, В.Стратонов, А.Угрюмов, А.Чупров, С.Франк (большинство профессоров — высланные)» [5].

На открытии Института 17 февраля 1923 года «первую речь произнес последний ректор Московского Императорского университета М.М.Новиков на тему “О работе русских биологов”, потом говорил профессор И.Ильин — “Проблема современного правосознания” [5].

Сам Новиков, с чьей речи началась фактически история института, в Берлине не задержался и в мемуарах уделил РНИ лишь несколько строк, подчеркивая роль О.Хётча в его создании: «По прибытии в Берлин профессорская часть нашей группы энергично принялась за организацию русского научного института, - писал Новиков. - Это ей удалось без большого труда благодаря содействию Общества для изучения Востока (Deutsche Gesellschaft zum Studium Osteuropas) и, главным образом, его основателя, известного знатока России проф. О. Хётча. Институту было предоставлено прекрасное помещение в Академии Шинкеля, где и состоялось торжественное открытие его[12,с.251; 15, с.131-133].

Вначале настроение создателей института и русских профессоров было восторженное. Гессен отмечал «Торжественное открытие с речами и приветствиями привлекло в стены нового учебного заведения несколько сот молодых людей, и так приятно было видеть в аудиториях и, особенно, в коридорах бодрое оживление, вызывавшее чувство умиления перед русским оазисом на чужбине». Однако, сравнивая берлинский институт с пражскими учебными заведениями русской эмиграции, он справедливо отмечал, что в Праге «молодежь была крепко прикована к университету ”иждивением” (денежной поддержкой, получаемой от чехословацкого правительства)», а «в Берлине молодежь такой поддержки не получала, а потому, когда после дефляции беженская масса схлынула во Францию, Институт быстро опустел» [3,с.82].

Историки, изучавшие РНИ, подробно охарактеризовали систему финансирования этого заведения. Оно существовало преимущественно на деньги немецкого правительства – первоначально средства поступали через Министерство иностранных дел, в конце 1920-х гг. кураторство института перешло к Министерству культуры и науки Пруссии, а в 1933-34 гг. институт был передан в Рейхсминистерство просвещения и пропаганды. Подтверждают это и мемуаристы, их свидетельства позволяют уточнить детали. Так, И.Гессен, соглашаясь, что «Институт существовал на средства — прямо и косвенно — германского казначейства», полагал, что первоначальный капитал на его осуществление был получен от еврейской организации ”Джойнт” [3, с.79], Ильин писал о средствах «голландско-христианского союза» (т.е. YMCA) [8, с.115]. И лишь Гуль, в общем, далекий от деятельности института, думал, что тот «был создан на русские же эмигрантские деньги» [5].

«Объединяющей и организующей силой в этой очень разнородной группе высланных был Всеволод Ив<анович> Ясинский, профессор Высшей технической школы в Москве, - вспоминал Алексеев.- Он нашел помещение для институтской канцелярии и аудитории для чтения лекций, помещения эти были временными и постоянно менялись, Ясинский постоянно подыскивал новые; для

института нужны были средства, Ясинский сумел связаться с влиятельными немецкими кругами и с успехом «выжимал» у них деньги, что было делом не легким, но для нас существенным» [21, f.13].

При этом Ясинский, на которого падала вся тяжесть переговоров с немцами, «мучительно», - как отмечал Гессен, - справлялся с немецким языком, что» еще сильнее подчеркивало настойчивость его, поистине беспримерную» [3, с. 80].

Сравнительно стабильное положение, как организационное, так и финансовое было у института только первое время (хотя уже в августе 1923 г., когда в Германии стали быстро расти цены, С.Франк в письме жене сомневался в перспективах института): «Я все больше думаю, что надо бы переселиться в маленький университетский городок в Германии, где есть русские. Институт все равно, вероятно, провалится, YMCA может платить за деятельность и в другом месте, а там жить и дешевле, и спокойнее. Думаю о Йене» [6, ф.4, оп.1, д.1. л.6 об.]). Наряду с ухудшением экономического положения, становились все более призрачными надежды на скорую реставрацию дореволюционных порядков в России. В институте стало уменьшаться число слушателей, в другие города Германии или за ее границы уехала часть профессоров. Переписка оставшихся сотрудников второй половины 1920-х гг. полна сетований на тяжесть ситуации.

29 августа 1924 г. Франк охарактеризовал в письме Бердяеву положение института как «сложное и трудное». С одной стороны, «появились или обещаны деньги – из некоего таинственного источника, который называется «частным немецким источником» и который дает деньги под условием, что он останется известным одному Ясинскому. Путь к этому источнику идет через нем<ецкое> мин<истерство> иностр<анных> дел и через Шлезингера. «Источник» дал пока 20 тыс. (которые еще не поступили реально), но одобрил смету в 100.000 и обещает поддерживать и дальше. Кто бы ни был этот источник, это есть (между нами, не для распространения) форма, в которой нас поддерживают немецк<ие> власти. Жалование профессору назначено в 250 марок. Надо считать, что мы обеспечены на 2 – 3 месяца <…> С долгами профессорам Институт надеется расплатиться в сентябре. Тогда и Вы получите 120 марок (и с долгом за лето 1923 г. еще больше). Вашу просьбу о немедленной высылке Вам этих денег, к сожалению, удовлетворить не удалось, т<ак> к<ак> в настоящий момент реально касса пуста, мы живем только надеждами» [7, с.132-133]. К декабрю положение не улучшилось, институт не смог выполнить данное, было, им обещание пригласить Бердяева для чтения лекций в Берлин. «Наши средства вообще иссякают в декабре, и мы стоим перед полной неизвестностью относительно дальнейшего, - писал Франк коллеге во Францию. - Но и независимо от этого, если мы даже и достанем денег, у нас там теперь господствуют очень сложные и трудные отношения; отношения эти сводятся, в конце концов, к грызне из-за куска хлеба, прикрываемой и усугубляемой и партийной борьбой. Положение и объективно трудное: нештатные доценты голодают, уравнительное распределение денег между всеми заставило бы голодать всех и привело бы к бегству из Берлина. В силу такого положения, мы отказались от приглашения приезжих – в этом году никто не приезжал» [7, с.134]. К февралю следующего, 1925 года, положение не улучшилось, и Франк жаловался Струве «Институт наш материально переживает жестокий кризис, второй месяц мы сидим без жалованья» [13, с.135]. В апреле, приглашая для чтения лекций из Праги историка профессора В.А.Мякотина, В.Ясинский отмечал, что «денег <…> пока нет, но <…>, по-моему, поступят в первых числах мая» [4, ф.5917, оп.1, д.17, л.3].

Историк А.А.Кизеветтер, живший в Праге, но работавший наездами в РНИ, 11 января 1925 г. в письме С.П.Мельгунову замечает: «В Берлине, видимо, все ползет по швам. Институт быстро чахнет. Интриги и взаимные подсиживания не прекращаются. А денег ниоткуда не видно. Ездить отсюда в Берлин на лекции стало уже невозможно, ибо Институт не в состоянии оплачивать поездки» [26, f.53].

6 апреля 1925 г. Франк жалуется Бердяеву: «Мы живем “с грехом пополам”. Материально кое-как существуем, когда Институт платит» [7, с.137].

Уникальный факт привел в воспоминаниях Алексеев: «Немцы стали постепенно сужать бюджет основанного нами Русского Научного Института в Берлине и дело дошло до того, что однажды они предложили отказаться от принадлежащего некогда нам движимого имущества, имений, домов, фабрик и т.п. в пользу германского правительства в обеспечение долга по нашему содержанию и содержанию "РНИ". Я лично с легкостью это сделал, т.к. никакой движимостью в России не обладал, думаю, что некоторые из нас "жались", но, в конце концов, согласились, о чем был составлен коллективный письменный акт» [21, f.13]. К сожалению, мемуарист не указал дату этих событий, а между тем, это свидетельство встречается только у него.

С 1923 по 1931 г. институтом руководил Ясинский, для которого, по меткому замечания Франка, ректорство стало смыслом жизни. В 1924 г. Ясинский подал, было, в отставку, поскольку «возбудил против себя фактически весь Совет своим бессмысленным прожектерством, советскими реформами, тупостью и упрямством». Как отмечал Франк, «Совет делится теперь только на группу, желающую немедленно выгнать Ясинского, и группу, склонную терпеть его из страха потерять вместе с ним деньги». В итоге, «месяц Ясинский нас морил заседаниями с проектом реформ, затем вышел в отставку, и еще месяц ушел на заседания и переговоры с ним, и когда уже все твердо решили расстаться с ним, он вдруг обнаружил такую жалкую жажду власти, что почти напросился, чтобы его оставили. Весь мой краткий летний отдых был испорчен этой историей. Теперь каждую минуту угрожает кризис власти, то есть Ясинский чувствует себя совершенно изолированным, и хотя для него ректорство есть смысл всей жизни, он все-таки, вероятно, вынужден будет потерять этот смысл; и тогда *мне* грозит жестокая судьба стать ректором – никого другого нет» [7, с.132-133], - заключал Франк, предвидя свою судьбу, правда, с оттяжкой в несколько лет (он будет избран ректором в декабре 1931 г.). Были и другие попытки найти альтернативу Ясинскому – на ректорство, в частности, звали Струве. В письме тогда находящегося в Берлине писателя и журналиста Лоллия Львова к Струве 3 августа 1924 г. утверждалось: «Отставка Ясинского – уже свершившийся факт. В начале сентября - выборы нового ректора. Если бы Вы согласились, то это было бы принято с признательностью, но я, понимаю, что для этого необходима материальная устойчивость Института. Это выяснится до начала сентября. Мне представляется, что Ваше ректорство обеспечило нашу материальную крепость еще в большей степени, деньги идут, а не списываются» [4, ф.5912, оп.1, д.7, л.42].

В 1926 г. институт окончательно перестал быть даже подобием вуза. 5 января 1926 Франк сообщал Бердяеву: «Наш Институт кончает свое существование в качестве учебного заведения и преобразовывается в ученое учреждение – нечто вроде русской академии науки. Я стою во главе «философско-исторического отделения». Наша главная задача – выпускать на немецком языке работы о России и русской духовной культуре» [7, с.139]. Ильин в письме Струве неделей позже, 13.01, отмечал, что «Научный Институт кое-как плетется» [8, с.163], а между тем «жизнь в Берлине тихая и трудная. Жить дорого, деньги добываются всеми трудно (дефляция); отсюда малолюдие, озабоченность и во всех отношениях непредприимчивость» ([8, с.162].

По свидетельству Гессена, институт «пришлось преобразовать» в учреждение «чисто научное по изучению новой российской действительности». При этом, «отличным подспорьем для изучения ее служила библиотека Института с большим количеством получаемых из России газет и журналов. А еще к своей компетенции Институт отнес и присвоение звания доктора и магистра, и на защитах диссертаций, с неподражаемой тщательностью воспроизводивших мельчайшие подробности прежнего университетского церемониала, снова пришлось испытать чувство гнетущей безнадежности от впечатления эрзаца, вступившего на место реальности» [3, с.83].

Деятельность Института после 1926 г. мало отражена в доступных источниках личного происхождения. После сокращения учебной работы, его сотрудники сосредоточились на просветительской и научной активности. Сохранившиеся афиши с расписанием публичных лекций показывают, что

лекции читались как на русском, так и на немецком языках профессорами С.Франком, И.Ильиным, Ю.Айхенвальдом, В.Ясинским, В.Д.Бруцкусом, В.П.Полетикой и другими [4, ф.5783, оп.1, д.496, л.2-2 об].

Плохие материальные условия побуждали профессоров искать другие места работы. Так, в 1928 г. Франк подумывал уехать из Берлина, почти согласившись с приглашением профессора Н.С.Арсеньева перебраться в Варшаву.Во время лекционного турне Франка по Прибалтике он встретился с Арсеньевым, о чем писал 24.02 жене в Берлин из Кенигсберга: «У нас был очень серьезный разговор о Варшаве<…> Он сказал, что ему удастся провести меня ординарным профессором духовной академии<…> Предлагает он мне наезжать фактически из Берлина, но так, чтобы официально делать вид, что я живу в Варшаве. (Но не переезжать совсем, мало ли что, да и жалованья т<олько> 450 марок) ([6, ф.4, оп.1, д.6, л.3]. Однако в итоге философ остался в Берлине еще на десять лет.

Последний год существования РНИ в привычной для его сотрудников форме совпал с руководством институтом С.Франком. В написанных в 1935 г. кратких мемуарах он замечал: «Участвовал в основанном группой высланных «Русском Научном Институте в Берлине» (где читал лекции и по-русски, и по-немецки), последний год его существования (1932) был его директором» [17, с.117].

Как следует из его писем, ликвидация Института началась еще до перехода власти в Германии к гитлеровцам - 1 февраля 1932 г. Франк писал философу Д.И.Чижевскому, получившему приглашение в университет Галле: «Так как наш Русский Институт кончает свое существование и нас свыше 10 русских ученых остаются без хлеба, то я очень просил бы Вас сообщить мне, окончательно ли фиксировано для Вас Ваше назначение в Halle или Вы «рефлектируете» на Бонн»[16, с.327].

Приход к власти нацистов привел к преобразованию института. Н.Н.Алексеев, к тому времени покинувший Берлин, о дальнейшей судьбе Института свидетельствовал по рассказам своих бывших коллег. «Они рассказывали, что после прихода нацистов к власти во главе его стал И.А.Ильин, к которому был приставлен немецкий комиссар из остзейских немцев. Ильин, который никогда не был нацистом, <…> скоро рассорился с этим комиссаром. Однако успел за время своего «правления» удалить из Института часть из своих бывших коллег, в т.ч. и В.И.Ясинского, очутившегося в крайней нищете и скоро умершего. Самому Ильину нацисты вскоре предложили Германию на все четыре стороны»[21, f.14]. Гессен, остававшийся в то время в Берлине, уточняет сообщенное Алексеевым: в институте «чуть не каждую неделю менялись ”комиссары” и, конечно, профессорский состав: прежде всего, был удален неарийский элемент, затем последовала чистка и среди арийцев, далее неарийцам был запрещен вход в библиотеку, следующим ограничением было требование и от арийцев удостоверений, что их интерес к русским газетам диктуется желанием и умением бороться с коммунизмом. Несколько раз библиотека переезжала из одного помещения в другое, пока, наконец, не была инкорпорирована в одно из национал-социалистических учреждений…. Бедняга Ясинский ненадолго пережил кончину Института, и грустное зрелище представляли похороны его в серенький, с нависшими тучами осенний день: в тяжелом неловком молчании опущен был в могилу гроб, никто из коллег не нашел доброго слова на последнее прощание с ним» [3, с.84]. Гессен, однако, ошибался, полагая, что «Институт был окончательно ликвидирован» в начале правления нацистов. Хотя, кажется, его деятельность к 1933 г. стала совсем малоизвестной среди русских эмигрантов. Так, в письме В.Мякотину от В.Кудрявцева из Берлина 13 июня 1933 г. отмечается, что «Русский научный институт тоже закрылся уже с год. Члены его частью уехали в Париж, частью живут здесь – весьма скудно. За последние месяцы немало знакомых также покинули Берлин, и русская колония здесь очень сократилась. А общее положение продолжает быть тяжелым» [4, ф.5917, оп.1, д.38, л.66 об.]. Начало процесса передачи института из Министерства культуры и науки Пруссии в Рейхсминистерство просвещения и пропаганды относится к июлю 1933 г. и закончено к весне 1934 г. [25, bl.393, 396]. Еще 13.02. 1934 г. Франк в письме Чижевскому замечал: «Жалею, что Вы не попадете в этом семестре в Берлин. Мы на этих днях заканчиваем цикл наших лекций на этот семестр» [16, с.329].

Сохранившиеся в архиве афиши с перечнем лекций на январь-февраль 1934 г. показывают, что количество этих лекций сильно сократилось в сравнении с предыдущими годами, в перечне всего 3 наименования (в том числе, лекция И.Ильина о творчестве И.А.Бунина) [25, bl.389]. История Русского Научного Института во второй половине 1930-х – начале 40-х гг. (а по некоторым сведениям, институт просуществовал до 1943 г. [2, с.159]) в доступных источниках личного происхождения не прослеживается.

Подводя итог, стоит отметить, что мемуары и переписка русской профессуры являются ценнейшим источником по истории становления и деятельности Русского Научного Института в Берлине. Они позволяют показать многие стороны жизни этого учреждения, не раскрывающиеся в делопроизводственной документации или статистических источниках, в том числе, внутренние мотивы тех или иных поступков главных акторов истории РНИ – высланных их России в 1922 г. интеллектуалов. Несомненно, что введение в научный оборот иных, не известных пока, источников расширит наше представление об истории одного из главных научных и образовательных центров русской эмиграции первой волны в Европе.

Список литературы

1. Бонвеч Б. Исследователь России Отто Гетч: гибкость и упорство // Люди между народами: действующие лица российско-германской истории XX в.: материалы конференции российских и немецких историков, 25-29 апреля 2009 г., Тутцинг, ФРГ. М.: РОССПЭН, 2010. С. 227-240.

2. Будницкий О., Полян А. Русско-еврейский Берлин. 1920-1941. М.: НЛО,2013. 496 с.

3. Гессен И.В. Годы изгнания. Paris: YMCA-Press, [1979]. 269 с.

4. Государственный архив Российской Федерации.

5. Гуль Р. Я унес Россию. Т.1. Россия в Германии [Электронный ресурс]. http://www.dk1868.ru/history/gul1_2.htm

6. Дом Русского зарубежья. Архив.

7. Из переписки С.Л.Франка и Н.А.Бердяева/ Публ. А.А.Гапоненкова // Вопросы философии.2014. №2. С.131-140.

8. Ильин И.А. Собр.соч. Дневник. Письма. Документы (1903-1938). М.: Русская книга, 1999. 608 с.

9. Ильина Н.Л. Русская эмиграция в Веймарской Германии: социально-психологический потрет // Ученые записки Орловского государственного университета. 2015 № 6. С.48-51

10. Михальченко С.И. Высшее образование русского зарубежья: новые документы // Проблемы славяноведения. Брянск: РИО БГУ,2015. Вып.17. С.152-157.

11. Михальченко С.И., Ткаченко Е.В. Русские высшие учебные заведения Праги 1920–1930-х годов глазами эмигрантов // Вестник СПбГУ. Серия 2. История. 2016. Выпуск 3. С.96-106.

12. Новиков М.М. От Москвы до Нью-Йорка: Моя жизнь в науке и политике. М.:МГУ,2009. 320 с.

13. Переписка П.Б. Струве и С.Л. Франка (1922–1925) // Вопросы философии. 1993. № 2. С. 115–139

14. Синдеев А.А. Берлин 20-х годов. Русская эмиграция и немецкое окружение: к вопросу о взаимодействии культур в миграционной ситуации // Славянский мир: проблемы изучения. Тверь: ТГУ,1998. С.109-121.

15. Ульянкина Т.И. Михаил Михайлович Новиков. 1876-1964. М.: Наука, 2015. 549 с.

16. Франк С.Л. Письма к Д.И.Чижевскому (1932-1937). Публ. В.Янцена // Русский Берлин: 1920-1945: Международная научная конференция / Науч. ред. Л.С. Флейшмана; Сост. М.А. Васильевой, Л.С. Флейшмана. М.: Русский путь, 2006. С.327-335

17. Франк С.Л. Предсмертное // Вестник РХД. 1986. №1(146). С.103-126

18. Хандурина Е.В. Документы российских экономистов первой трети XX в. в архивах Германии // Отечественные архивы.1996.№ 3. С.36-40

19. Шкловский В.Б. Zoo, Или письма не о любви. [Электронный ресурс]. http://marie-olshansky.ru/ct/zoo.shtml

20. Шлегель К. Берлин. Восточный вокзал: Русская эмиграция в Германии между двумя

войнами (1919-1945). М.: НЛО,2004. 632 с.

21. Bibliothéque de Genéve. CH BGM. Ms. l.e.282b. Alekseev N.N. Memoires. Partie 2a. L'Institut scientifique de Berlin. Ff.12-14

22. Chamberlain L. The Philosophy Steamer. Lenin and the Exile of intelligentsia. London: Atlantic Books, 2006. 414 p.

23. Dodenhoeft B. "Laßt mich nach Rußland heim". Russische Emigranten in Deutschland von 1918 bis 1945. Frankfurt am Main etc.: P.Lang, 1993. 338 S.

24. Fortounatto-Behr A. Les réfugiés Russes en Allemagne : 1918-1925 Histoire d'un accueil forcé. Thèse pour obtenir le grade de docteur de l'Université de Paris X. Paris, 2003. Tome 1. 350 p.

25. Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz. Rep.76 [Kulturministerium]Vc. Sect.2. Tit.23. Lit.A. Nr.134.

26. London School of Economics. British Library of Political and Economic Sciences. S.P.Melgunov papers. A.A.Kizevetter letters

27. Peter H.R. Das Russische Wissenschaftliche Institut in Berlin // Санкт-Петербургский университет в XVIII-XX вв.: европейские традиции и российский контекст. Труды Международной научной конференции, 23-25 июня 2009 г. Санкт-Петербург: Исторический факультет Санкт-Петербургского государственного университета , 2009. С.364-385.

28. Peter H. R. Das Russische Wissenschaftliche Institut in Berlin im Spiegel seiner lehr- und forschungsaktivtäten // Германия на перекрестках истории: проблемы внутренней и внешней политики в контексте трансформаций международных отношений. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2016. Вып.7. С.49-69.

29. Voigt G. Zerstörte Hoffnungen. Das Ende des Russischen Wissenschaftlichen Institut // Berliner Jahrbuch für osteuropäische Geschichte, Bd. 1, Berlin 1995. S. 77-97.

30. Voigt G. Otto Hoetzsch, 1876-1946; Wissenschaft und Politik im Leben eines deutschen Historikers. Berlin: Akad.-Verlag, 1978. 404 S.

31. Volkmann H.-E. Die russische Emigration in Deutschland 1919-1929. Würzburg, 1966.158 S.

32. Williams R.C. Culture in exile : Russian Emigrés in Germany. 1881-1941. Ithaca and London : Cornell Univ.Press,1972. 406 p.

RUSSIAN SCIENTIFIC INSTITUTE IN BERLIN IN THE MEMOIRS
AND THE CORRESPONDENCE OF RUSSIAN EMIGRATION

The article analyzes some aspects of the activity of one of the most important scientific, educational and educational centers of Russian emigration in Europe - the Russian Scientific Institute in Berlin (1923 - 1943) in the perception of Russian emigrants (mostly professors). Sources of the article are both published and archived memories and letters. The authors of these sources of personal origin were well-known scientists – S.L. Frank, I.A. Ilyin, N.N. Alekseev, M.M.Novikov, A.A. Kizevetter, publicists I.V. Gessen and R. Gul. Among the addressees of letters were N.A. Berdyayev, P.B. Struve, P.I. Novgorodtsov and others. It shows how Russian emigrants (those who working in the institute, and others) perceived its goals and tasks, its activities. The work of the rector of the Institute V.A. Yasinsky is characterized. The financial situation of the institute, the reasons and details of its reforms in 1926 and in 1933-34 are discussed.
Keywords: Russian Scientific Institute in Berlin, memoirs, correspondence of scientists, Russian emigration in Germany

References

1. Bibliothéque de Genéve. CH BGM. Ms. l.e.282b. Alekseev N.N. Memoires. Partie 2a. L'Institut scientifique de Berlin. Ff.12-14

2. Bonvech B. (2010). Issledovatel' Rossii Otto Getch: gibkost' i uporstvo [Researcher of Russia Otto Hoetzsch: Flexibility and Perseverance] // *Lyudi mezhdu narodami: deystvuyushchiye litsa rossiysko-germanskoy istorii XX v.: materialy konferentsii rossiyskikh i nemetskikh istorikov, 25-29 aprelya 2009 g., Tutzing, FRG. [People Between Peoples: Actors of Russian-German History of the 20th Century: Proceedings of the Conference of Russian and German Historians, April 25-29, 2009, Tutzing, Germany*] Moskva: ROSSPEN

3. Budnitskiy O., Polyan A. (2013) Russko-yevreyskiy Berlin. 1920-1941. [Russian-Jewish Berlin. 1920-1941]. Moskva: NLO

4. Chamberlain L. The Philosophy Steamer. Lenin and the Exile of intelligentsia. London: Atlantic Books, 2006.

5. Dodenhoeft B. "Laßt mich nach Rußland heim". Russische Emigranten in Deutschland von 1918 bis 1945. Frankfurt am Main etc.: P.Lang, 1993.

6. Fortounatto-Behr A. Les réfugiés Russes en Allemagne : 1918-1925 Histoire d'un accueil forcé. Thèse pour obtenir le grade de docteur de l'Université de Paris X. Paris, 2003. Tome 1..

7. Frank S.L. (1986). Predsmertnoye [Before the mortal] // *Vestnik RKhD [The Messenger of RCM]*. Paris, 1(146), 103-126,

8. Frank S.L. (2006). Pisma k D.I.Chizhevskomu (1932-1937). [Letters to D.I. Chizhevsky (1932-1937)]. Publ. V.Yanzen // *Russkiy Berlin: 1920-1945: Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya [Russian Berlin: 1920-1945: International Scientific Conference]* / Red. L.S. Fleyshman; Coll. M.A. Vasilyeva, L.S. Fleyshman. Moskva: Russkiy put, 327-335

9. Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz. Rep.76 [Kulturministerium]Vc. Sect.2. Tit.23. Lit.A. Nr.134.

10. Gessen I.V. (1979) Gody izgnaniya. [Years of exile] Paris: YMCA-Press.

11. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii [State Archives of the Russian Federation]

12. Gul R. Ya unes Rossiyu. T.1. Rossiya v Germanii . [I took away Russia. T.1. Russia in Germany] retrieved from: http://www.dk1868.ru/history/gul1_2.htm

13. House of Russian Abroad. Archives.

14. Ilyin I.A. (1999) Sobraniye sochineniy. Dnevnik. Pis'ma. Dokumenty (1903-1938). [Collection of works. A diary. Letters. The documents] Moskva: Russkaya kniga

15. Ilyina N.L. (2015) Russkaya emigratsiya v Veymarskoy Germanii: sotsial'no-psikhologicheskiy portret [Russian emigration in Weimar Germany: socio-psychological portrait] // *Uchenyye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. [Scholarly notes of Orel State University]*. 6, 48-51

16. Iz perepiski S.L.Franka i N.A.Berdyayeva [From the correspondence of S.L. Frank and N.A. Berdyayev] (2014)/ Publ. A.A.Gaponenkov // *Voprosy filosofii [Questions of Philosophy]* 2, 131-140.

17. Khandurina Ye.V. (1996). Dokumenty rossiyskikh ekonomistov pervoy treti XX v. v arkhivakh Germanii [Documents of Russian economists of the first third of the twentieth century. in the archives of Germany] // *Otechestvennyye arkhivy. [Domestic archives]* 3, 36-40

18. London School of Economics. British Library of Political and Economic Sciences. S.P.Melgunov papers. A.A.Kizevetter letters

19. Mikhalchenko S.I. [2015] Vyssheye obrazovaniye russkogo zarubezh'ya: novyye dokumenty [Higher Education of the Russian Abroad: New Documents] // *Problemy slavyanovedeniya. [Problems of Slavic Studies]* Bryansk: RIO BGU,2015, 17,152-157.

20. Mikhalchenko S.I., Tkachenko E.V. (2016) Russkiye vysshiye uchebnyye zavedeniya Pragi 1920-1930-kh godov glazami emigrantov [Russian higher educational institutions of Prague in the 1920-1930s through the eyes of emigrants] // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 2. Istoriya [St.Petersburg University Herald. Series 2. History]*,3, 96-106

21. Novikov M.M. 2009 Ot Moskvy do N'yu-Yorka: Moya zhizn' v nauke i politike [From Moscow to New York: My life in science and politics]. Moskva:MGU

22. P.B. Struve's Correspondence with S.L. Frank (1922–1925). (1993) // *Voprosy filosofii. [Questions of philosophy]*. 2, 115–139

23. Peter H.R. Das Russische Wissenschaftliche Institut in Berlin // *Sankt-Peterburgskiy universitet v XVIII-XX vv.: yevropeyskiye traditsii i rossiyskiy kontekst. Trudy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, 23-25 iyunya 2009 g.* [*St. Petersburg University in the XVIII-XX centuries: European traditions and the Russian context. Proceedings of the International Scientific Conference, June 23-25, 2009*] St. Petersburg: Istoricheskiy fakultet Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 2009, 364-385 (in German)

24. Peter H.R. Das Russische Wissenschaftliche Institut in Berlin im Spiegel seiner lehr- und forschungsaktivtäten // *Germaniya na perekrestkakh istorii: problemy vnutrenney i vneshney politiki v kontekste transformatsiy mezhdunarodnykh otnosheniy [Germany at the crossroads of history: the*

problems of domestic and foreign policy in the context of the transformation of international relations] Voronezh: Voronezhskiy gosudarstvennyy universitet Publ., 2016. 7, 49-69 (in German)

25. Shklovskiy V.B. Zoo, Ili pis'ma ne o lyubvi Zoo, or Letters Not About Love, retrieved from http://marie-olshansky.ru/ct/zoo.shtml

26. Shloegel K. (2004) Berlin. Vostochnyy vokzal: Russkaya emigratsiya v Germanii mezhdu dvumya voynami (1919-1945). [Berlin. East Railway Station: Russian emigration in Germany between two wars (1919-1945)].Moskva: NLO,

27. Sindeyev A.A. (1998) Berlin 20-kh godov. Russkaya emigratsiya i nemetskoye okruzheniye: k voprosu o vzaimodeystvii kul'tur v migratsionnoy situatsii [Berlin of the 20-ies. Russian emigration and the German environment: the issue of the interaction of cultures in the migratory situation] // *Slavyanskiy mir: problemy izucheniya. [Slavic world: the problems of study]* .Tver: TGU,109-121

28. Ulyankina T.I. (2015) Mikhail Mikhaylovich Novikov. 1876-1964. Moskva: Nauka

29. Voigt G. Zerstörte Hoffnungen. Das Ende des Russischen Wissenschaftlichen Institut // *Berliner Jahrbuch für osteuropäische Geschichte,* Berlin 1995, 1, 77-97.

30. Voigt G. Otto Hoetzsch, 1876-1946; Wissenschaft und Politik im Leben eines deutschen Historikers. Berlin: Akad.-Verlag, 1978..

31. Volkmann H.-E. Die russische Emigration in Deutschland 1919-1929. Würzburg, 1966.

32. Williams R.C. Culture in exile : Russian Emigrés in Germany. 1881-1941. Ithaca and London : Cornell Univ.Press,1972.

Об авторах

Михальченко Сергей Иванович – доктор исторических наук, профессор, директор НИИ фундаментальных и прикладных исследований Брянского государственного университета имени академика И.Г.Петровского (Россия), E-mail: smikh10@mail.ru

Ткаченко Елена Викторовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры земельного, трудового и экологического права Брянского государственного университета имени академика И.Г.Петровского (Россия)

Mikhalchenko Sergey Ivanovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Research Institute for Fundamental and Applied Research of the Bryansk State University named after Academician IG Petrovsky (Russia), E-mail:smikh10@mail.ru

Tkachenko Elena Viktorovna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Land, Labor and Environmental Law of the Bryansk State University named after Academician IG Petrovsky (Russia)

УДК 433.908

Новикова А.В., аспирант, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МИРОВЫХ ПОСРЕДНИКОВ БРЯНСКОГО УЕЗДА ПРИ СОСТАВЛЕНИИ УСТАВНЫХ ГРАМОТ

Статья представляет собой анализ уставных грамот, составленных по Брянскому уезду Орловской губернии в период с 1861 по 1874 гг. На основе обработанной информации удалось выяснить основные причины сословных конфронтаций при составлении и утверждении уставных грамот, характерных для Брянского уезда. Помимо прочего, на основе источников регионального характера анализируется эффективность функционирования института мировых посредников в Брянском уезде.

Ключевые слова: крестьянская реформа, уставные грамоты, мировые посредники, мировые съезды, орловское губернское по крестьянским делам присутствие, поместное дворянство, крестьянство.

Обращаясь к вопросу проводимой в России с 1861 г. крестьянской реформы, совершенно невозможно игнорировать такой ключевой ее элемент, как уставные грамоты. Во многих уездах совершенно разных губерний, этот документ был предметом многочисленных споров и конфликтов [1, 7, 8, 11, 12], главным образом, между поместным дворянством и крестьянством. Дело в том, что после получения на местах «Положений 19 февраля», уездным предводителям предписывалось сообщить поместному дворянству о необходимости составления на свои имения уставных грамот [10], представлявших собой новый вид документа, фиксирующего последующие отношения между бывшими владельцами и крестьянами. В каждую уставную грамоту вносилась информация о крестьянских повинностях в пользу помещика, пореформенных наделах, разверстании угодий, а также переносе усадеб. Грамоты должны были быть составлены помещиками самостоятельно в течение одного года [Там же], а утверждался документ мировым посредником одного из участков уезда. Должность мирового посредника, подобно и самим уставным грамотам, возникла в 1861 г. в результате необходимости реализовать основные замыслы и цели крестьянской реформы в каждой из губерний. Окончательное введение в действие уставных грамот по стране должно было произойти за два года [Там же] - до марта 1863 г. При этом следует сказать, что если помещики не предоставляли на свои имения составленные грамоты, то документ составлялся мировым посредником или же его заместителем – кандидатом мирового посредника [Там же] и вводился в действие, вне зависимости от возможных возражений владельца имения.

Несмотря на утвержденное правительством требование ввести уставные грамоты в действие в двухлетний период с момента издания «Положений 19 февраля», в общегосударственном масштабе этого не произошло [4, с. 246-247]. Однако здесь необходимо учесть и то, что уставная грамота представляла собой новый для всех участников процесса ее составления документ, в том числе и для самих помещиков, ранее не сталкивавшихся с составлением подобных актов [2, д. 8, л. 5]. Безусловно, это влекло за собой многочисленные исправления грамот или же составление новых документов. Помимо прочего, не последнее значение имела и тенденция сохранить свое прежнее и привычное положение настолько долго, насколько это будет возможно, пытаясь абстрагироваться и «не замечать» нового порядка: «медлили, потому, что хотели как можно дальше протянуть в имениях издельную или смешанную повинности» [8, с. 3].

В этом контексте кажется значимым изучение обстоятельств составления уставных грамот в губерниях разных регионов, изучение проблем и конфликтов, связанных с поверкой и утверждением актов, изучение профессиональной активности новых чиновников – мировых посредников, а также общей эффективности возникшего с 1861 г. института, изучение мнений, позиций и оценок реформы и поместным дворянством, и крестьянством. Обработка этого обширного пласта материала, как правило, находящегося в региональных архивах, необходима для более глубокой и детальной проработки и изучения общих итогов крестьянской реформы.

Обращаясь к Брянскому уезду Орловской губернии, следует отметить, что острой межсословной конфронтации интересов при составлении уставных грамот не возникало. Безусловно, присутствовали локальные и эпизодические конфликты, чего в условиях нового положения просто не могло не быть, но повсеместной практикой в Брянском уезде это не стало.

При составлении уставных грамот свои возражения могли высказывать обе стороны и этим правом, при необходимости, они, конечно, пользовались. Систематизируя всевозможные возражения и недовольства крестьян Брянского уезда при составлении грамот, можно выделить ключевые из них: в первую очередь, это возражения, относящиеся к качеству земли. В подобных ситуациях главным аргументом временнобязанных крестьян чаще всего было то, что до обнародования «Положений» крестьяне владели куда лучшей по качеству землей [3, д. 61, л. 5]. Кроме того, по мнению крестьян, плохое качество земли, впоследствии должно было препятствовать несению ими повинностей. По этой причине крестьяне часто настаивали на том, чтобы размер их повинности в пользу помещика был уменьшен. Примечательно, что в одной из аналогичных ситуаций мировой посредник принял решение отправиться на место, чтобы лично оценить качество крестьянской земли. После осмотра участка чиновником выяснилось, что земля была вовсе не такого плохого качества, как о том сообщали крестьяне [3, д. 21, л. 20] и в уменьшении повинности им в итоге было отказано [3, д. 21, л. 20 об.]. В подобной ситуации, произошедшей в другом имении уезда, при поверке качества крестьянской земли посредником было установлено, что жалобы крестьян действительно имеют под собой основания, и чиновником было подано прошение мировому съезду по поводу уменьшения крестьянской повинности, которое и было впоследствии одобрено [3, д. 41, л. 9]. Крестьянами высказывались и возражения, связанные с отчуждением лишней земли (чаще сверх высшего душевого надела), которой крестьяне часто отказывались пользоваться [3, д. 69, л. 6; д. 31, л. 13; д. 53, л. 5; д. 21, л. 6]. Случались и споры между крестьянами и бывшими владельцами, решение по которым принимал уездный мировой съезд [3, д. 61, л. 5 об.]. Следует отметить, что крестьяне отказывались от подписи грамоты даже при отсутствии на то законных возражений [3, д. 21, л. 12; д. 24, л. 16]. Очевидно, что недоверие со стороны крестьянского сословия присутствовало, особенно это было характерно в период первых трех лет работы мировых посредников во всех губерниях [1, с. 90], в том числе и в Орловской. Крестьяне часто отказывались подписывать уставные грамоты, не имея на то законных возражений и даже те акты, которые были составлены с большим преимуществом для них [1, с. 805-815]. Во многом это было обусловлено таким очевидным, но от того не менее значимым, фактом - безграмотности [3, д. 68, л. 7 об.] крестьянского сословия. В протоколах и актах уставных грамот зафиксировано множество эпизодов, в которых крестьяне часто просили приложить руку к уставной грамоте того крестьянина, или же доверенного (священника, пономаря и т.д.) с их стороны, кто мог прочесть акт и, очевидно, того, к кому крестьяне испытывали доверие [3, д. 61, л. 6; д. 68, л. 7 об.]. Подобное положение дел, бесспорно, обостряло и усложняло процесс составления и введения уставных грамот, а также процесс реализации крестьянской реформы в целом.

Тем не менее, нередкими являются и примеры крестьянской сговорчивости при составлении уставных грамот, известны случаи, когда крестьяне изъявляли согласие на все статьи уставной грамоты и подписывали ее [3, д. 68, л. 6; д. 28, л. 5; д. 58, л. 6], таким образом, акт был составлен «полюбовно». Кроме того, случаи абсолютно миролюбивых отрезков земельных излишек в пользу помещиков [3, д. 26, л. 5] также были довольно частыми. Крестьяне давали согласие и на обмен земли со своими бывшими хозяевами [3, д. 42, л. 7]. Лояльность при составлении грамот не была чужда и помещикам: бывшие владельцы заранее договаривались с крестьянами о их последующей покупке в собственность усадьбы и полевых земель [3, д. 21, л. 5]. В том числе, помещики не игнорировали просьбы крестьян о приобретении в собственность полного надела, по уставной грамоте, путем выкупа, на что часто получали согласие [3, д. 23, л. 7]. Все эти договоренности и условия выкупа фиксировались мировым посредником в

уставную грамоту. Место отрезки земли в пользу помещиков в некоторых случаях осуществлялась по обоюдному согласию бывших владельцев с крестьянами, обсуждались и согласовывались вопросы о выкупе наделов с рассрочкой дополнительного платежа на пять лет, что опять-таки отражалось в уставной грамоте [3, д. 68, л. 6]. Соглашались владельцы и на последующее приобретение в собственность крестьянами усадьбы, полевые земли и угодья [3, д. 64, л. 3 а].

Помещики должны были составлять грамоты на свои имения самостоятельно и предъявлять их посредникам для поверки и утверждения: подобных случаев с соблюдением как требования составления акта самим владельцем, так и требования по срокам его представления, частью помещиков были соблюдены [3, д. 66, л. 12; д. 68, л. 6; д. 23, л. 7]. В подобных обстоятельствах посредники направлялись в имение помещика для поверки уставной грамоты, в случае необходимости акт исправлялся и переписывался. При отсутствии возражений, по поводу территориальных отчуждений и прирезок земли, грамота утверждалась и вводилась в действие посредником сразу же [3, д. 60, л. 6; д. 21, л. 5], а при возникновении коллизий, чаще всего на почве земельных участков, чиновники делегировали утверждение подобных грамот мировому съезду с кратким описанием того, как, по мнению чиновника, правильнее было бы решить подобный конфликт [3, д. 66, л. 12; д. 67, л. 5]. А конфликты, разумеется, были и не только на почве земельных претензий. Имели место случаи, когда помещик отказывался подписывать исправленную посредником грамоту на его имение, настаивая на том, что первоначальный вариант документа, составленный им лично, был куда вернее и правильнее [3, д. 61, л. 6]. В марте 1862 г. помещиком Иваном Федоровичем Климовым была представлена уставная грамота на его имение в селе Альшаница. При рассмотрении этого акта мировым посредником первого участка Клавдием Васильевичем Васильевым были выявлены статьи, противоречащие «Положениям 19 февраля». В частности, помещик без рассмотрения посредника и мирового съезда, а также утверждения губернского по крестьянским делам присутствия, отделил в надел крестьянам четыре десятины высшего душевого надела по местности Трубчевского уезда, вместо четырех с половиной десятин, определенных для Брянского уезда. Вследствие, главным образом, изложенной и нескольких иных, менее существенных, причин, грамота была возвращена И.Ф. Климову для исправления [3, д. 61, л. 7]. В мае 1862 г. помещик вновь представил грамоту по своему имению, содержащую все те же неисправленные статьи и неточности, за исключением одной, в то время как исправить следовало четыре статьи документа. И.Ф. Климову снова было предложено внести корректировки в уставную грамоту, но помещик объявил, что «ни грамоту, ни акт к ней подписывать не намерен, если его грамота не останется в силе» [3, д. 61, л. 7 об.]. После чего мировым посредником К.В. Васильевым было принято решение о составлении новой грамоты на точном основании «Положений 19 февраля», на основании 24 статьи «Правил о порядке приведения в действие Положений о крестьянах» [10], приняв во внимание те статьи уставной грамоты И.Ф. Климова, которые не противоречат «Положениям 19 февраля». Далее вопросом этой уставной грамоты занималось и Орловское губернское по крестьянским делам присутствие [3, д. 61, л. 11], мировой съезд принимал решение по случаю отрезки земли в пользу помещика [3, д. 61, л. 14]. В связи с затянувшимся процессом составления и поверки уставной грамоты, документ был утвержден лишь 31 декабря 1866 года.

Примечателен и следующий случай, связанный с составлением одной из уставных грамот в Брянском уезде. Орловское губернское присутствие сообщило мировому посреднику второго участка Сергею Федоровичу Карышеву об обращении помещицы Веры Михайловны Фоминой с жалобой на неправильные действия с его стороны при составлении уставной грамоты на имение помещицы. Посредник адресует губернскому присутствию сообщение, в котором подчеркивает, что так как помещица В.М. Фомина проживает в г. Бобруйске и ни она сама, ни поверенный с ее стороны не представили уставную грамоту, то на основании 29 статьи «Правил о порядке приведения в действие Положений о крестьянах» [10] посредник

ввел уставную грамоту на имение без участия помещицы и ее поверенного [3, д. 27, л. 10]. В ответном письме губернское присутствие доводило до сведения чиновника, что помещица В.М. Фомина обратилась с жалобой к министру внутренних дел П.А. Валуеву на то, что Орловское губернское по крестьянским делам присутствие не приняло к рассмотрению ее жалобу на действия мирового посредника С.Ф. Карышева по составлению и введению в действие уставной грамоты по ее имению, на том основании, что ею был пропущен установленный трехмесячный срок [10] для подачи жалобы на неправильные по введению и утверждению грамот действия посредника [3, д. 27, л. 13]. В.М. Фомина, в свою очередь, подчеркивала, что, по ее представлениям, установленный трехмесячный срок не пропущен, так как грамота, хотя и была ведена посредником 23 сентября 1862 года, но была получена управляющим ее имением только 9 марта 1863 года, таким образом, трехмесячный срок, по представлениям помещицы, еще не прошел [3, д. 27, л. 13 об.]. Из чего следует, что помещица осталась недовольна и деятельностью мирового посредника С.Ф. Карышева, и Орловского губернского присутствия, о чем сообщала министру внутренних дел в нескольких к нему обращениях. Министерство, первоначально пытаясь поручить рассмотрение этого дела Орловскому губернскому по крестьянским делам присутствию, но после неоднократных жалоб помещицы все-таки решило изучить подробности этого дела [3, д. 27, л. 15]. Собственно, произошло это потому, что В.М. Фомина не намеревалась отступать и направила министру П.А. Валуеву очередное письмо следующего содержания: «По ходу дела видно, что Вашему Высокопревосходительству угодно было прошение мое с приложением двух уставных грамот, одной, составленной мной, другой, самовольно составленной мировым посредником С.Ф. Карышевым, препроводить на рассмотрение Орловского губернского по крестьянским делам присутствия, которое вместо того, чтобы разобрать дело по всей справедливости, сообщило мне о пропущенном трехмесячном сроке» [3, д. 27, л. 15 об.]. Помимо прочего, помещица настаивает на том, что мировой посредник С.Ф. Карышев «конечно, не без умысла держал уставную грамоту» почти полгода. Очевидно, что заниматься подобными делами правительству было не совсем удобно, ибо быстрее и лучше этот вопрос могли решить в самом уезде, при помощи губернского присутствия, но такой ход развития событий уверенную в предвзятости, как мирового посредника, так и присутствия, В.М. Фомину не устраивал, после чего она обратилась к министру внутренних дел с третьим по счету письмом [3, д. 27, л. 18], в котором объяснила положение вещей подробнейшим образом. Помещица сообщает, что составила уставную грамоту на свое имение самостоятельно, после чего посредник С.Ф. Карышев проверил ее и, указав на неточности, просил представить в ее в положенный срок. Вернувшись в г. Бобруйск, место службы мужа помещицы, она составила новую грамоту и в конце сентября вновь прибыла в имение и весь октябрь провела в деревне, «сколько не домогалась видеть мирового посредника С.Ф. Карышева, посылая неоднократно в Брянск, но не только не могла его дождаться, но не получала ответа на мои письменные вызовы» [3, д. 27, л. 18 об.]. После чего помещица вынуждена была отправиться в место своего постоянного проживания - г. Бобруйск, где провела три месяца и не получала никаких сведений о своей уставной грамоте. После неоднократных писем, адресованных управляющему имением, новых сведений о продвижении дела получить не удалось. «Я никак не была равнодушна к составлению уставной грамоты, два раза составляла ее собственноручно, два раза ездила в имение, чтобы, наконец, ввести грамоту при себе» [Там же]. Позднее управляющий довел до сведения В.М. Фоминой, что посредник вызывал его к себе и вручил грамоту, приказав ввести ее в действие, утвердив своей подписью. Грамота значилась как составленная без участия владельца [10]. Именно эта вопиющая несправедливость, по мнению помещицы, и побудила ее искать помощи у министра внутренних дел. «В составленной мировым посредником уставной грамоте все мои условия преданы забвению, словно они и не существовали» [3, д. 27, л. 19], - жаловалась помещица. В.М. Фомина также отметила, что не понимает, что стало

причиной недоброжелательного к ней отношения со стороны мирового посредника С.Ф. Карышева: «Тем более, что он и не дворянин Брянского уезда и никакого законного права не имеет быть мировым посредником в Брянском уезде и утвержден в звании противно всех правил Положения 19 февраля. Брянский предводитель дворянства вынужден будет сообщить, если угодно будет узнать, о происхождении г. Карышева, как верно могу сказать, не потомственного дворянина и не имеющего, того количества владения землей сколько положено по закону, а о степени образования его можно судить и по тому, что он не отвечал мне и на письменные мои вызовы» [3, д. 27, л. 20]. Помещица пишет о том, что находится в полном замешательстве по поводу того, как ей быть: удовольствоваться грамотой мирового посредника или же грамота, которую она составила сама, верна и может быть введена в действие. По этой причине она просит разобраться министерство внутренних дел, а также внести ясность в ее непростое положение [3, д. 27, л. 20 об.]. Министерство, в конечном итоге, вновь обратилось в Орловское губернское присутствие за выяснением подробностей сложившейся ситуации, и, рекомендуя присутствию пересчитать трехмесячный срок для помещицы так, как она о том и просила [3, д. 27, л. 29].

Возвращаясь к вопросу составления уставных грамот на имения без участия владельцев, следует отметить, что это было явлением далеко не редким и подобных эпизодов было достаточно много [3, д. 63, л. 5; д. 65, л. 7; д. 25, л. 5; д. 28, л. 5; д. 29, л. 5; д. 30, л. 7; д. 33, л. 5; д. 39, л. 5; д. 58, л. 6]. Учитывая, что уставные грамоты необходимо было ввести в действие в течение двух лет, стоит обратить внимание на активную деятельность мировых посредников Брянского уезда, а также кандидатов мировых посредников, при их составлении. Пик деятельности посредников по составлению уставных грамот, не представленных от помещиков, приходится на 1862 год, т.е. по истечении времени для составления документа самими помещиками. Таким образом, обязанности, возложенные на мировых посредников уезда, действительно выполнялись и выполнялись эффективно: не представленные дворянством в течение установленного срока [10] грамоты составлялись и вводились самими посредниками, посещавшими имения и собиравшими сельский сход и посторонних свидетелей. При таких обстоятельствах, должность кандидата мирового посредника отнюдь не была формальной или условной, кандидаты наравне с посредниками, составляли уставные грамоты, отправлялись на их поверку или утверждение в имения, утверждали в присутствии крестьян и помещиков, направляли акты на рассмотрение мирового съезда и т.д. [3, д. 63, л. 5; д. 33, л. 5; д. 40, л. 5]. Иными словами, должность кандидата мирового посредника носила практический характер и от усилий, в том числе и этих чиновников, зависело составление грамот в уезде.

Здесь следует отметить и то, что вероятность предвзятых, осознанно противозаконных и противоречащих законодательству действий со стороны мировых посредников, главным образом, первого состава и их кандидатов, кажется минимальной или же эпизодичной и повсеместного характера не носила. Дело в том, что уставные грамоты часто передавались на утверждение мирового съезда, на котором, как известно, присутствовали: председатель – уездный предводитель дворянства, мировые посредники и кандидаты всех участков уезда, член от правительства и секретарь. Поданные на рассмотрение грамоты озвучивались и обсуждались на съезде, соответственно принятое решение не было индивидуальным и носящим субъективный характер или даже предвзятый, а принималось коллективно. Соответственно, представить себе что, нечто противозаконное или противоречащее «Положениям 19 февраля» ускользнуло бы от всех присутствующих на съезде, довольно затруднительно. За деятельностью чиновников и общим ходом дела крестьянской реформы в губернии «присматривало» и Орловское губернское по крестьянским делам присутствие, принимавшее и рассматривающие жалобы и от помещиков, и от крестьян на неправильные действия мировых посредников при составлении уставных грамот, на решения мирового съезда [10], а также, при необходимости и обращении посредника, утверждало уставные грамоты [3, д. 26, л. 5]. Губернское присутствие бдительно следило за реализацией основных положений крестьянской реформы, что мы уже наблюдали в ранее

описанных эпизодах с помещиками И.Ф. Климовым [3, д. 61] и В.М. Фоминой [3, д. 27], являющиеся не единственными примерами [3, д. 65, л. 7; д. 26, л. 5]. Кроме того, подлинные грамоты направлялись для хранение именно в губернское присутствие [3, д. 65, л. 7; д. 70, л. 6; д. 58, л. 6].

Помимо прочего, следует учесть насыщенную деятельность мировых посредников в период первых трех лет деятельности. Целенаправленно провоцировать конфликт или потворствовать межсословному антагонизму не имело никакого смысла, ибо влекло за собой череду исправлений и поправок, возможных лишних разъездов в имения, трату времени и лишнюю работу, которой в первый трехлетний период существования института было много во всех губерниях. Соответственно, это кажется просто неразумным и нерациональным подходом к своей деятельности и к делу реализации реформы вообще. Хотя конфликты, разумеется, имели место, это и дело «о неправильных действиях мирового посредника Карышева касательно введения в действие уставной грамоты» [3, д. 27], это и конфликт поместного дворянства, возглавляемого предводителем В.А. Краинским с посредниками Н.Т. Головиным и С.Ф. Карышевым, нашедший свое место на страницах «Орловских губернских ведомостей» [9] а после - журнала «Мировой посредник» [6].

Возвращаясь к вопросу составления уставных грамот в Брянском уезде Орловской губернии, следует еще раз отметить активную деятельность самих мировых посредников первого состава и их кандидатов. На основе многочисленных сохранившихся источников – уставных грамот, абсолютно четко прослеживается не типичный, в масштабах государства, высокий показатель общего качества работы мировых посредников, а также эффективной реализации ключевых положений реформы 1861 г. Проведенный анализ уставных грамот, протоколов, поверочных актов по Брянскому уезду, позволил составить довольно полную картину особенностей деятельности чиновников в уезде. Помимо прочего, на основе обработанных материалов удалось представить результаты деятельности мировых посредников Брянского уезда в процентном соотношении. Изучив документы уставных грамот уезда, можно прийти к выводу, что 85% уставных грамот по Брянскому уезду было составлено самими помещиками или же мировыми посредниками и их кандидатами, уже в 1862 г. Соответственно, отклонения от сроков составления, установленных правительством, уставных грамот не наблюдается. Кроме того, 95% уставных грамот по Брянскому уезду было утверждено мировыми посредниками и их кандидатами в отведенный для этого двухгодичный период. Эти данные в полной мере отражают общую эффективность деятельности мировых посредников всех участков уезда, а также их кандидатов. Как видим, основная часть уставных грамот была составлена мировыми посредниками первого назначения, то есть в период с 1862 по 1863 гг. Такой высокий показатель является прямой заслугой мировых посредников Брянского уезда и кандидатов мировых посредников, а также добропорядочных помещиков, выполнивших предписанное требование в срок, тем самым приближая конечный результат столь важной для всех реформы.

Список литературы

1. Безвестный П. Из дневника мирового посредника 1861-1862 года // Русский вестник. 1863. Т. 46. Август. С. 794-820.
2. Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф. 36. Оп. 1.
3. Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф. 36. Оп. 3.
4. Корнилов А. А. Деятельность мировых посредников // Великая реформа. М., 1911. Т. 5. С. 237-252.
5. Крылов Н. А. Воспоминания мирового посредника первого призыва // Русская старина. 1892. Т. 74. № 4. С. 81-102.
6. Мировой посредник. 1863. № 5.
7. Н. А. К. Мировые посредники первого призыва // Исторический вестник. 1904. № 97. С. 88-100.
8. Нарпенский В. Отрывки из записок мирового посредника // Эпоха. 1864. Август. С. 1-52.

9. Орловские губернские ведомости. 1863. № 5. 2 февраля.
10. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собр. II. Т. 36. № 36661.
11. Половцов. А. А. Дневник мирового посредника Александра Андреевича Половцова // Русская старина. 1914. Март. Т. 157. № 3. С. 642-649.
12. Филиппов К. Заметки мирового посредника. СПб., 1867. 24 с.

ACTIVITY OF THE PEACE ARBITRATORS IN FORMATION OF THE CHARTERS OF BRYANSK COUNTY

This article is the result of analysis of charters based on record in Bryansk County of Orel Province from 1861 to 1874. The author managed to find out main reasons of class confrontations in formation and approving charters in Bryansk County on the basis of processed information. Among other things the author analyzed performance of institution of peace arbitrators in Bryansk County on the basis of regional sources.
Keywords: peasant reform, charters, peace arbitrators, peace congress, Orel Province`s Commission of the peasant reform, local nobility, peasantry.

References

1. Bezvestnyj P. Iz dnevnika mirovogo posrednika 1861-1862 goda [from Diary of Peace Arbitrator of 1861-1862 years] // Ryskiy Vestnik [Russian`s Herald]. 1863. V. 46. August. P. 794-820.
2. Gosudarstvennyj arkhiv Orlovskoj oblasti (GAOO) [State archive of Orel region (SAOR)]. F. 36. I. 1.
3. Gosudarstvennyj arkhiv Orlovskoj oblasti (GAOO) [State archive of Orel region (SAOR)]. F. 36. I. 3.
4. Kornilov A. A. Deyatel'nost' mirovykh posrednikov [Activity of Peace Arbitrators] // Velikaya reforma [Great reform]. M., 1911. V. 5. P. 246-247.
5. Krylov N. A. Vospominaniya mirovogo posrednika pervogo prizyva [Memory of Peace Arbitrator of the first calling] // Russkaya starina [Russkaya starina]. 1892. T. 74. № 4 S. 81-102.
6. Mirovoj posrednik [Peace Arbitrator]. 1863. № 5.
7. N. A. K. Mirovye posredniki pervogo prizyva [Peace Arbitrators of the first appointment] // Istoricheskij vestnik [Historical reporter]. 1904. № 97. P. 88-100.
8. Narpenskij V. Otryvki iz zapisok mirovogo posrednika [Excerpts from memoir of Peace Arbitrator] // Ehpokha [Epoch]. 1864. August. P. 1-52.
9. Orlovskie gubernskie vedomosti [Orel`s provincial Gazette]. 1863. № 5. February of 2.
10. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii (PSZ) [Complete collection of laws of the Russian empire. (CCL)]. Col. II. Vol. 36. № 36661.
11. Polovtsov. A. A. Dnevnik mirovogo posrednika Aleksandra Andreevicha Polovtsova [The Diary of Peace Arbitrator of Polovcov Alexander Alexandrovich] // Russkaya starina [Russkaya starina]. 1914. March. Vol. 157. № 3. P. 642-649.
12. Filippov K. Zametki mirovogo posrednika [Notes of Peace Arbitrator]. St. Petersburg., 1867. 24 p.

Об авторе

Новикова Алина Владимировна – аспирант, кафедра отечественной истории, факультет истории и международных отношений, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: alinovi@inbox.ru

Novikova Alina Vladimirovna – a postgraduate student, Department of Russian History, Faculty of History and International Relations, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky (Russia), E-mail: alinovi@inbox.ru

УДК 334.021

Романова М.Д., кандидат философских наук, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ (Россия)

НАУЧНАЯ ПОЛИТИКА В КОНТЕКСТЕ БИЛИНГВАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ: ОПЫТ КАНАДЫ

Несмотря на очевидный прогресс научной политики в Канаде, связанный с вступлением в должность нового премьер-министра и решением дать возможность ученым свободно обмениваться информацией с журналистами, в научном поле Канады существуют неразрешенные проблемы, которые коренятся в историческом и культурном самосознании жителей этой страны. В статье подробно рассматривается научная политика Канады с точки зрения влияния билингвального аспекта культуры этой страны. Автор рассматривает научное поле Квебека сквозь призму культурного кризиса, борьбы за признание прав двух национальных сообществ, связанных единством языка и символов. Учитывая данные противоречия, которые характеризуют канадскую культуру и в значительной степени влияют на нее, автор предпринимает попытку ответить на вопрос, отражаются ли и в какой мере, лингвокультурные особенности Канады на научно-исследовательской деятельности и самих ученых. В статье рассматриваются особенности квебекского научного поля, и анализируются причины его «периферийного» положения. Примечательно, что «периферийность» научного поля связана, по мнению автора, не только с заимствованием парадигм, но и с наличием только низших иерархических позиций в международном научном поле.
Ключевые слова: научная политика, научная культура, билингвальная культура, научное сообщество, Канада

В 2015 году произошло значимое политическое событие в Канаде: либеральная партия Канады одержала победу на консерваторами на всеобщих выборах, получив абсолютное большинство мест в парламенте.

Премьер-министром Канады стал Джастин Трюдо, таким образом положив конец правлению Стивена Харпера, которое продолжалось почти 10 лет.

Отставка Стивена Харпера считается одним из важнейших шагов на пути улучшения научной политики в Канаде. Так, по официальным заявлениям в рекламе на радио Профессионального института государственной службы Канады (Оттава), который насчитывает более 57 тысяч правительственных ученых и профессионалов, правительство Харпера на протяжении многих лет урезало финансирование ученым и игнорировало интересы исследователей, если они не соотносились с политикой правительства.

Также согласно данным института, за время правления Консервативной партии количество рабочих мест для ученых было значительно сокращено. В период с 2006 года около 2500 исследователей были уволены.

Кроме того, если в 2006 году Канада занимала 16 место в рейтинге по объему государственного финансирования научных исследований в списке, состоящем из 41 страны, то уже в 2011 упала на 23 место. При этом данные за 2011 год являются последними, размещенными на сайте правительства и доступными для ознакомления.

Наибольшую критику в среде ученых получило решение лидера Консервативной партии ограничить ученым доступ к средствам массовой информации. Несмотря на массовое недовольство исследователей, данное постановление так и не было отменено во время правления Стивена Харпера. Долгое время канадским ученым было запрещено сообщать журналистам о результатах исследований. В свою очередь, и сама пресса, и те темы, которые затрагивали научные журналисты в СМИ, тотально контролировались правительством Канады.

Один из самый известных случаев проявления вмешательства правительства в Канады в процесс освещения научных достижений является инцидент, произошедший с доктором Кристи Миллер, которая является главой отдела молекулярной генетики Департамента рыбного хозяйства и океанов.

Исследование доктора Миллер, в котором автор выясняла, почему популяция лосося в западной части Канады стремительно сокращается, было опубликовано в одном из влиятельнейших научных журналов «Science» в 2011 году. Исследователь пришла к выводу, что, возможно, рыбы заражены вирусом, связанным с онкологическими заболеваниями. Данное предположение вызвало много вопросов, в том числе, мог ли вирус быть внедрен в результате деятельности местных перерабатывающих компаний [13].

Редакторы научного журнала «Science» посчитали, что результаты исследования крайне важны и подготовили пресс-релиз, который был разослан тысячам журналистов по всему миру. Доктор Миллер упоминалась в пресс-релизе как главное контактное лицо. Несмотря на это правительство Канады ответило отказом на все запросы журналистов Кристи Миллер дать интервью, обосновав свое решение тем, что исследователь отказалась давать интервью без разрешения руководства Департамента.

Тем не менее значительно позднее Миллер призналась, что руководство запретило давать комментарии, так как факт сокращения популяции лосося не входит в категорию позитивных новостей.

Также в 2013 году было проведено масштабное исследование, в котором 25% опрошенных ученых, состоящих на государственной службе, признались в том, что правительство напрямую давало указания исключать или изменять неугодную информацию по причинам, не связанным с наукой. 71% опрошенных заявили, что правительственное вмешательство ставит под угрозу дальнейшее развитие научной политики, поскольку чиновники не руководствуются научными данными, а действуют в рамках своих интересов. Почти половина ученых, которые приняли участие в опросе, оказались осведомлены о случаях, когда их отдел или агентство намеренно умалчивали информацию.

Исследование было проведено по заказу профессионального института государственной службы Канады. Участие в онлайн-опросе приняли свыше 4000 ученых, состоящих на государственной службе в Канаде.

Возможно, именно благодаря проводимой научной политике, которая подвергалась постоянным нападкам и вызывала всеобщее недовольство ученых, Джастину Трюдо и удалось одержать победу на прошедших осенью выборах. Приход к власти молодого либерального политика ознаменовал важный этап для ученых Канады. Первым шагом на пути формирования новой научной политики в Канаде, которое было воспринято крайне положительно со стороны исследователей, стало официальное разрешение нового премьер-министра вступать ученым в диалог со средствами массовой информации и открыто рассказывать о последних результатах и достижениях канадских ученых.

Однако попытки ученых изменить сложившуюся в сфере научной политики ситуацию были предприняты еще до вступления на пост нового премьер-министра. Так, в Канаде была создана национальная инициатива «Проект целостности науки» как ответ на растущую озабоченность в обществе, что многие государственные политические решения, принимаемые в Канаде - в его городах, провинциях и территориях - не последовательны и не базируются на достоверной информации, полученной в результате соответствующих научных исследований [14].

Цель данного Проекта – привлечь внимание к роли научно-доказанных фактов при принятии решений в сфере научной политики. Участниками инициативы стали 75 ученых и политических деятелей со всей страны. Основным документом Проекта стало Заявление о принципах принятия обоснованных решений в Канаде. В документе указывалось, что процесс принятия решений должен быть основан на фактических данных, которые, в свою очередь, должны являться наивысшим приоритетом для правительства на всех уровнях.

Было время, когда факты и наука играли важную роль для акторов научной политики в Канаде, но многое изменилось за последние двадцать лет, сообщил Поль Дюфор, приглашенный профессор Института науки, общества и политики в Университете Оттавы, а также по совместительству сопредседатель исполнительного комитета Проекта.

За последние два года создатели инициативы провели тридцать глубинных интервью с опытными руководителями в сфере научной политики. Также под эгидой Проекта был проведен национальный форум в феврале 2015 года, участие в программе которого приняли прошлые и нынешние представители правительственных и неправительственных организаций, профессионалы, представляющие различные сферы науки и многие другие ведущие умы со всей страны [15].

В результате долгой работы на форуме были представлены четыре принципа. Чиновники и иные деятели науки могут руководствоваться этими принципами в целях улучшения и повышения эффективности

проводимой Канаде научной политики в самых разных сферах.

Принцип №1. Процесс принятия решений в сфере научной политики должен опираться на доказанные факты, которые были получены прозрачными, строгими и целостными методами.

Принцип №2. Должен происходить открытый обмен информацией между исследователями, носителями знаний, людьми, принимающими решения, и общественностью.

Принцип №3. Результаты исследований должны быть защищены, сохранены, интерпретированы и поданы широкой общественности в доступной и понятной форме.

Принцип №4. Сам процесс принятия решений должен быть прозрачным и регулярно оцениваться экспертами. Как отметил Поль Дюфор, те же принципы были успешно применены в странах по всему миру.

В дополнение к Заявлению о принципах, «Проект целостности науки» разработал несколько иллюстративных примеров применения этих принципов на практике, провел закрытую конференцию, посвященную отношениям между наукой и политикой в Канаде, и представил анализ глубинных экспертных интервью. Эти другие материалы представлены на французском и на английском языках в полном объеме и открытом доступе на сайте Проекта.

Несмотря на очевидный прогресс научной политики в Канаде, связанный с вступлением в должность нового премьер-министра и решением дать возможность ученым свободно обмениваться информацией с журналистами, существуют и иные неразрешенные проблемы, которые коренятся не в сложившейся системе управления, а в историческом и культурном самосознании жителей этой страны.

Так, еще в XX веке королевская комиссия 1965 года, исследуя взаимоотношения между англо- и франко-говорящими канадцами предупредила, что страна претерпевает сильнейший в истории культурный кризис. Сегодня, несмотря на многочисленные институциональные и политические изменения, отношения франкоязычных и англоязычных канадцев друг к другу по-прежнему провоцируют множество конфликтов.

Основной неразрешенной проблемой считается желание Квебека выйти из состава страны и обрести независимость. Образованное в 1960 году Квебекское сепаратистское движение неоднократно подходило вплотную к достижению своей цели. Наиболее критичная и опасная для суверенитета страны внутриполитическая обстановка сложилась в 80-90-е годы XX века.

Речь идет о провале «соглашения Мич Лэйк», названного так в честь небольшого озера возле Оттавы, где и проходили переговоры. Необходимость в принятии Мичского соглашения возникла после отказа Квебека от подписания Конституции 1982 года. Квебекская провинция стала единственной, не ратифицировавшей новую Конституцию. В результате переговоров были обговорены пять поправок к акту, которые должны были быть единогласно одобрены всеми федеральным парламентом и провинциальными.

Суть поправок заключалась в признании особых прав Квебека как отдельного общества. Один из пунктов также предполагал, что провинции отныне будут играть более важную роль в Верховном суде Канады и Сенате. Однако оппоненты соглашения так и не позволили ему реализоваться. Именно игнорирование интересов франкоязычных жителей Квебека и привело к росту недовольства и увеличению числа желающих выйти из состава страны.

Примечательно, что такие настроения жителей Квебека не связаны с фактической статусом провинции на внутриполитической арене. Каждая провинция, включая Квебек, имеет свое собственное правительство и губернатора. Уровень жизни в Квебеке высокий. Политика же федерального правительства в отношении провинции не считается несправедливой или ущемляющей. Национальные учреждения страны обязаны по закону предоставлять услуги на французском и английском языках. Также был проведен беспрецедентный педагогический эксперимент: почти четверть миллиона англоязычных школьников участвуют в программах обучения, в которых все дисциплины (кроме английского языка) преподаются на французском. Однако именно участие в управлении на федеральном уровне вызывает большинство споров.

Следовательно кризис Квебека связан с

причинами более глубокими. Речь идет о культурном кризисе, борьбе за признание прав двух национальных сообществ, связанных единством языка и символов. Учитывая данные противоречия, которые характеризуют канадскую культуру и в значительной степени влияют на нее, интересно проследить, отражаются ли и в какой мере, лингвокультурные особенности Канады на научно-исследовательской деятельности и самих ученых.

Признавая важную роль, которую наука играет в повседневной жизни канадцев, Общество научных музеев и технологий Канады и Министерство промышленности и природных ресурсов отправили запрос в Совет академий Канады (CAC) провести независимое углубленное исследование с целью выяснить, каково актуальное состояние научной культуры в Канаде [9]. Следует добавить, что научная культура в данном контексте понимается как степень участия общества и правительства в научном поле, а именно признании и поддержке результатов научной деятельности. Научная культура подразумевает поощрение образования, подготовку высококвалифицированных кадров и применение научных знаний при принятии решений на высшем уровне и проведении государственной политики [3, с. 123].

В докладе, подготовленном Советом, представлены результаты опроса общественного мнения. Авторы исследования пришли к следующим выводам: канадцы характеризуются высоким уровнем вовлеченности в национальную науку по сравнению с гражданами других стран, уровень научной грамотности равен или превосходит уровень грамотности граждан других стран, канадцы положительно относятся к научной деятельности в стране.

Основное отличие научной культуры Канады заключается в том, что исследования в основном публикуются на английском языке и, как следствие, проводятся в англоязычных учреждениях. Именно они в значительной степени интересуют социологов, которым удалось выявить их конкретные структурные характеристики, в отличие от, так называемых, «периферических» научных сообществ, которым уделяется гораздо меньше внимания. Речь идет о проводимых научных исследованиях в Онтарио и Квебеке - англоязычной и франкоязычной провинциях Канады.

Это, так называемое, игнорирование связано с тем, что считается, что эти побочные сообщества не производят выдающихся результатов. Однако основополагающей причиной является язык публикаций. Поскольку 85% населения Квебека – франкоязычные жители, то и научная деятельность в провинции частично осуществляется и освещается на французском языке. Использование французского языка вместо английского закономерно встречает ряд противоречий, ведь вся международная научная деятельность осуществляется именно на английском, что непосредственно влияет на признание и распространение результатов научной деятельности, в том числе на уровень цитируемости и импакт-фактор научных журналов в целом.

Однако в Канаде находится много сторонников, которые выступают за продвижение публикаций на французском языке. К примеру, физик Пьер Демерс, который всю жизнь выступал за «науку на французском языке» осуждает отсутствие интереса в этой борьбе у университетов в Квебеке. Особенно это касается исследователей, связанных с естественной наукой, которые неуклонно следуют стандартам научных публикаций на английском языке, принятым в их сфере.

Так, в 2014 году только 0,5% научных публикаций квебекских исследователей, опубликованных в международных журналах в области естественных и медицинских наук, были сделаны на французском, и 9,4% в области социальных наук, сообщил Винсент Ларивьер, исследователь кафедры Исследования трансформации научной коммуникации [10]. Эти показатели говорят об уменьшении количества публикаций по сравнению с 1980 годом: снижение на 14,3% естественно-научных статей и на 25,6% гуманитарных исследований [10].

Таким образом, изучение побочных научных сообществ может быть привилегированным объектом анализа социологии науки, предполагающим также изучение представлений о научном сообществе и путях его развития.

Общепризнанно считается, что научное сообщество, с момента своего создания в XVII веке, является международным, то есть, оно состоит из множества направлений научных исследований, в рамках которых, в свою

очередь, формируются группы ученых, изучающих похожие проблемы. Эти ученые или группы осуществляют обмен информацией через национальные границы, и мы, как правило, применяем в анализе отношений между центрами и периферией, эволюционно-диффузный подход, согласно которому периферийные научные сообщества не только обмениваются и перенимают информацию из центров, но и воспроизводят ее. То есть центральные научные сообщества являются определяющими и доминирующими по отношению к провинциальной науке. Это представление о структуре международного научного сообщества и трансляции научного знания соотносится с концепцией научных революций Т. Куна.

Нет никаких сомнений, что научная информация является одним из «переводных» символических товаров, что научная информация является универсальной. Следовательно, исходя из этой логики, которая подразумевает, что научная информация интернациональна и адаптирована к любой культуре, кажется совершенно очевидным, что есть только одна модель развития науки и все национальные научные сообщества, как правило, похожи с точки зрения своих структур и функций. Чтобы покончить с этой этноцентрической социологией, которая следует за эволюционной философией (измеряется такими показателями, как количество публикаций, траты на исследования и разработки исследователей в % от ВНП и т.д.) необходимо изучить специфическую логику каждого научного поля и проанализировать взаимосвязь с другими полями (религиозными, экономическими, политическими).

Структура и деятельность научного поля не зависят от исторически складывающихся традиций, а подчиняются социальным отношениям, действиям определенных людей и социальных классов, которые так или иначе влияют в рамках своих интересов на научное поле. В частности, анализ социальных функций науки, часто приводит к простым и упрощенным выводам: например, если научные исследования используются в военных целях, соответственно можно осудить исследователей и считать их «лакеями капитализма и империализма». Необходимо рассмотреть в рамках анализа степени автономии в области науки различные механизмы посредничества, посредством которых ученые отвечают на различные (порой противоречивые) внешние запросы.

Негласно считается, что современная наука независима от религии, политики и экономики. Это говорит о том, что научное сообщество становится все более изолированным от не-специалистов и нужд повседневной жизни, ученые изучают те вопросы, которые кажутся им наиболее важными или которые он в состоянии решить [4, с. 105]. Ученые вправе сообщать о своих выводах лишь ограниченной аудитории коллег, основная задача которых оценить качество проделанной работы.

Параллельно с тем, как ученые обретают все больше независимости, повышается и их статус. Ученые в праве не обладать какими-то дополнительными компетенциями, пригодными для повседневной жизни, занимать положение в сфере ненаучных видов деятельности, таких как публикация в ненаучных журналах, и одновременно занимать различные социальные позиции в административных, экономических, политических и религиозных сферах. Параллельно институционализации научной деятельности, ученых, которые все чаще работают в контексте конкретных институтов (университетов, научно-исследовательских центров и т.д.), которые сгруппированы в научные сообщества, начинают отличать от интеллектуалов, чья основная роль как раз и заключается в развитии, презентации, а иногда и создании фундаментальных ценностей общества [1, с. 23]. Некоторые американские исследования действительно показывают, что ученые, которые, безусловно, имеют свое политическое мнение как граждане своей страны, в действительности не интересуется политикой и что очень немногие из них являются частью американской интеллектуальной элиты, т.е. публикуются в крупных интеллектуальных популярных журналах и участвуют в больших интеллектуальных и политических дебатах [11, с. 432].

С XVII века происходило постепенное возрастание роли науки и в настоящее время гораздо строже определение того, что подразумевает под собой эта «роль» в отличие от других «ролей», о чем ясно свидетельствует

исследование Дж. Бен-Давида [6]. Тем не менее, это не означает, что производство и распространение новых знаний в настоящее время являются единственным смыслом научной деятельности. В «Социальной стратификации в науке», Дж. Коул и С. Коул [8] считают, со своей стороны, что одним из недостатков истории науки было упущение из виду важности вклада «администраторов от науки» в продвижение результатов научно-исследовательской деятельности. Исследователи предлагают выделить две основных научных роли: роль исследователя и роль администратора.

Тем не менее, даже этот список «ролей» ученого остается неполным. Р. Мертон принимает обе роли, но делает дополнение, что ученый также является исследователем, преподавателем и хранителем знания [2]. Несмотря на это важное дополнение, перечисление ролей ученого все еще остается неполным, так как не учитывается важность распространения знания и политическая деятельность исследователя. Все это приводит нас к мысли, что нет лишь одной «роль» ученого, или, по крайней мере, все ученые не соответствуют таким же образом доминирующим представлениям о фигуре исследователя. Это также один из выводов С. Барнс и Р. Долби, которые призывают социологов науки к изучению условий (финансовая поддержка, организационные рамки, развитие технологий и т.д.), которые вызывают изменения в нормативных структурах научного сообщества [5, с. 4].

Научное сообщество в Квебеке можно и нужно рассматривать как отдельное научное поле. Так, было проведено исследование, авторы которого попытались выяснить, в какой степени и при каких обстоятельствах происходит дистанцирование ученого от одной роли и его приобщение к другой, а также при каких условиях ученый или группа ученых не боится быть дисквалифицированным и отторгнутым из-за своего отказа занимать определенную роль или другие позиции вне или внутри научного поля [10, с. 122].

Использование термина «научное поле» не является произвольным: это указывает на изменение предмета и метода. Исследование канадских ученых не затрагивает взаимодействие и обмен между учеными, но ставит перед собой целью изучить все социальные позиции в обществе, которые они занимают, и факторы, которым ученые должны соответствовать, чтобы добиться успеха. Задача исследования заключалась в определении степени взаимодействия между основным научным полем и его подвидами, а также между научным полем и экономическим, религиозным и политическим.

Согласно универсалистским представлениям о роли ученого, ученый может занимать различные высокие должности лишь при определенных закономерных условиях. Первое условие – это возраст ученого. Пожилые ученые все «более восприимчивы к тому, чтобы занимать другие роли, к примеру, руководить организацией исследования, быть посредником между наукой и другими институциональными сферами, или случайно покинуть научное поле для того, что занять более высокие посты в университетской администрации или служить на поприще международной дипломатии» [10, с. 126]. При этом, полагается что возраст не только повышает интерес к другим видам деятельности, но и свидетельствует о снижении интереса к самой научной сфере в силу закономерного снижения производительности.

Однако склонность занимать несколько позиций вне научного поля может дискредитировать ученого и говорить о том, что в рамках своего основного призвания он не сумел добиться стоящих результатов и что его личный научный вклад крайне низок. В связи с этим сами ученые прибегают к своего рода самоцензуре: избегают интервью и публикаций в любых средствах массовой информации.

Второе условие – качественная научная продукция. Признание ученого должно основываться не на его возрасте или степени влияние научного поля, а на качестве, новизне и ценности его труда. Тем не менее организация, в которой была получена степень и под эгидой которой были реализованы основные научные исследования, в карьере также важна. Однако, место и научный институт, где было присуждена степень в карьере исследователя также важны. Об этом свидетельствует Эффект Матфея, сформулированный Р. Мертоном [1]. Труды известных ученых, значение результатов их работ, а также

степень цитируемости другими исследователями воспринимаются в отрыве от их подлинной ценности.

Однако существует и иная точка зрения. Для того, чтобы реализация внутренних функций научного поля была возможна, недостаточно того, чтобы ученый выполнял лишь одну роль исследователя и обменивался информацией с другими учеными. Необходимо наличие и четкое разделение многих административных позиций.

Так, периферийное научное поле квебекских франкоязычных ученых не является слабым по универсалистским критериям. Это общество характеризуется сильными научными трудами, интеграцией с другими научными сообществами, а также международным взаимодействием и непрерывной передачей информации. Однако слабость это сообщества заключается в ограниченном количестве научных должностей, которые доступны для этого сообщества и трудностью для квебекских ученых занимать ведущие посты в иерархии канадского научного поля на федеральном уровне.

Этническое разделение научного труда не может быть сведено к простому разделению между этническими группами или областями исследования: это касается географического расположения административных должностей (Национальный совет научных журналов редакции, издательства, Королевское общество Канады и т.д.), наличия денежных средств и их распределения. Поэтому можно охарактеризовать как «периферийное» научное направление, которое не только заимствует «парадигмы» или посылает своих молодых ученых специализироваться за границей, но и занимает сравнительно немного низших иерархических позиций в международном научном поле.

Франкоязычных квебекских ученых от канадских ученых (так же, как и канадских ученых от американских ученых) гораздо больше отличает не низкое качество научных трудов и их оригинальность, а низкое количество научных ассоциаций, журналов, издательств, научных премий, а также их низкое значение в международном плане (тех самых ассоциаций, журналов и др.) [12].

Если мы утверждаем, что функционирование квебекского научного поля хуже организовано и менее зависимо от других научных полей, то интересно, каким образом это влияет на склонность членов этого сообщества занимать какие-либо позиции вне этого поля. Поскольку получение престижных премий и признания со стороны международного научного поля представляется невозможным в связи с низким рейтингом рассматриваемого поля, то появляется необходимость в спонсорстве и вознаграждении со стороны политико-интеллектуальных групп, внешних по отношению к научному полю.

Таким образом, стремление ученых занимать посты в политическом поле представляется обоснованным и оправданным. Также желание включиться во внешнюю систему управления может быть связано еще и с предметом самой дисциплины. Поэтому ученые, исследующие социальные проблемы, к примеру, проблема бедности, не могут быть равнодушны к политическому устройству. В связи с этим гораздо важнее изучать наличие стратификации внутри самой дисциплины и ее отличие от других. Следовательно, нормы, установленные внутри самой дисциплины, позволяют регулировать предпочтения ученого касательно занимаемых им должностей в самом поле и вне его, не учитывая его морфологические характеристики (возраст, наличие степени и др.).

Очевидно, что экономическая ситуация в Квебеке, предлагает только слабые стимулы к развитию научной деятельности, ограниченной промышленным производством и исследованием технологических инноваций экономического характера. Также франкоязычный университет в Квебеке, по сравнению с англоязычным, выпускает гораздо меньше ученых и инженеров. С годами разрыв все больше увеличивается.

Кроме того, англоязычный университет в Квебеке инвестирует гораздо больше средств в такие области науки, как прикладные, точные науки и инженерия. Поэтому неудивительно, что ученые все меньше интересуются исследовательской деятельностью и преждевременно переходят в управляющие органы.

Систематический анализ может показать, что в контексте зависимого общества, развитие научных учреждений и создание

научного поля может служить целям, так называемой модернизации страны. Угнетаемые классы, которые стремятся к консолидации и управлению, часто в контексте националистических политических движений, начинают производить новые идеологии, в результате чего такая политика начинает влиять на развитие научной сферы [7, с. 204-205].

И когда в научной сфере группы ученых прибегают к националистическим мерам, применяя такие инструменты для производства, управления, распространения и денежного вознаграждения и требуют пропорционального регионального распределения бюджетов, к ним прислушиваются лишь постольку, поскольку эти требования соответствуют националистическим политическим стратегиям других групп или социальных классов.

Однако можно надеяться, что новый кабинет министров Канады во главе с Джастином Трюдо позволит избежать подобных манипуляций.

Таким образом, научная политика Канады характеризируется не только особенностями научного поля, обусловленными, в первую очередь, лингвокультурным измерением, но и влиянием внешних факторов – доминирующих социальных групп, интересов представителей религиозной, политической и экономической сфер. Однако открытым остается вопрос о будущем научной политики в условиях установления нового вектора государственной политики Канады в целом.

Список литературы

1. Антюхова Е.А. Основные направления публичной дипломатии НАТО в эпоху глобализации // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 3 (72). С. 21-27.

2. Мертон Р. Эффект Матфея в науке. Совокупное преимущество и символичность интеллектуальной собственности // Введение в социологию науки. СПБ: Изд-во СПБГУЭФ, 1993.

3. Романова М.Д. Влияние культурного контекста на формирование научной политики (опыт Франции) // Полис. Москва. 2015. №5. С. 119-129.

4. Романова М.Д. Ценностные основания французской научно-исследовательской культуры // Вопросы культурологии, Москва. 2015. № 5-6. С. 103-107.

5. Barnes S. B., Dolby R. G. A. The scientific ethos: A deviant viewpoint //European Journal of Sociology, 1970. Vol. 11. №. 01. P. 3-25.

6. Ben-David, Joseph. The Scientist's Role in Society. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall, 1971.

7. Cairns A. C. Political science in Canada and the Americanization issue //Canadian Journal of Political Science, 1975. Vol. 8. №. 02. P. 191-234.

8. Cole J. R. et al. Social stratification in science. University of Chicago Press, 1973.

9. Culture scientifique: qu'en est-il au Canada? URL: http://sciencepourlepublic.ca/fr/assessments/completed/science-culture.aspx/ (accessed 30.10.2016).

10. Fournier M. et al. Le champ scientifique québécois: structure, fonctionnement et fonctions //Sociologie et sociétés, 1975. Vol. 7. №. 1. P. 119-132.

11. Merton R. K. The sociology of science: Theoretical and empirical investigations. University of Chicago press, 1973. 635 p.

12. Pelletier L. Plaidoyer pour la publication scientifique francophone. URL: http://www.ledevoir.com/societe/education/448890/plaidoyer-pour-la-publication-scientifique-francophone (accessed 21.12.2016).

13. Pallab G. Canadian government is 'muzzling its scientists. URL: http://www.bbc.com/news/science-environment-16861468 (accessed 25.10.2015).

14. Price D. J. de Solla, Beaver D. Collaboration in an invisible college //American psychologist, 1966. Vol. 21. №. 11. 1011 p.

15. Science Integrity Project Releases Statement of Principles for Sound Decision-Making in Canada. URL: http://www.marketwired.com/press-release/science-integrity-project-releases-statement-principles-sound-decision-making-canada-2058902.html (accessed 28.09.2016).

SCIENTIFIC POLICY IN THE CONTEXT OF BILINGVAL CULTURE: CANADA CASE

Despite the obvious progress of science policy in Canada associated with the entry into office of the new Prime Minister and the decision to allow scientists to freely share information with journalists, still there are unresolved problems in the scientific field in Canada, that are rooted in the historical and cultural identity of the inhabitants of the country. The article examines the science policy in Canada in terms of the impact of the bilingual aspect of the culture of this country. The author examines the scientific field of Quebec through the cultural crisis, the struggle for recognition of the rights of two national communities, connected by the unity of language and symbols. Given these contradictions, which characterize the Canadian culture and largely affect it, the author attempts to answer the question whether the linguistic and cultural features of Canada influence the scientific research activities and scientists themselves. The author examines the peculiarities of the Quebec scientific field, and analyzes the reasons of its "peripheral" position. It is noteworthy that the "periphery" of the scientific field is connected, according to the author's opinion, not only with the adoption of paradigms, but also with the presence of only lower hierarchical positions in the international scientific field.
Keywords: science policy, science culture, bilingual culture, scientific community, Canada.

References

1. Antjuhova E.A. (2016). Osnovnye napravlenija publichnoj diplomatii NATO v jepohu globalizacii [The main news of NATO public diplomacy in the fight against globalization]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Gumanitarnye i social'nye nauki. [Scientific notes of Orel State University. Series: Humanities and Social Sciences],* 3 (72), 21-27.
2. Merton R. (1993). Jeffekt Matfeja v nauke. Sovokupnoe preimushhestvo i simvolichnost' intellektual'noj sobstvennosti [Matthew Effect in science. Cumulative advantage and symbolism of intellectual property]. SPB: Izd-vo SPBGUJeF.
3. Romanova M.D. (2015). Vlijanie kul'turnogo konteksta na formirovanie nauchnoj politiki (opyt Francii) [The influence of cultural context on the formation of scientific policy (the experience of France)]. *Polis [Polis],* 5, 119-129.
4. Romanova M.D. (2015). Cennostnye osnovanija francuzskoj nauchno-issledovatel'skoj kul'tury [Values of french scientific culture]. *Voprosy kul'turologii [Questions of culturology],* 5-6, 103-107.
5. Barnes S. B., Dolby R.G.A. (1970). The scientific ethos: A deviant viewpoint // *European Journal of Sociology*, 01, 3-25.
6. Ben-David, Joseph. (1971). The Scientist's Role in Society. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall.
7. Cairns A. C. (1975). Political science in Canada and the Americanization issue // *Canadian Journal of Political Science*, 02,191-234.
8. Cole J. R. et al. (1973). Social stratification in science. University of Chicago Press.
9. Culture scientifique: qu'en est-il au Canada? URL: http://sciencepourlepublic.ca/fr/assessments/completed/science-culture.aspx/ (accessed 30.10.2016).
10. Fournier M. et al. (1975). Le champ scientifique québécois: structure, fonctionnement et fonctions // *Sociologie et sociétés*, 1, 119-132.
11. Merton R. K. (1973). The sociology of science: Theoretical and empirical investigations. Chicago: University of Chicago press. 635 p.
12. Pelletier L. Plaidoyer pour la publication scientifique francophone. URL: http://www.ledevoir.com/societe/education/448890/plaidoyer-pour-la-publication-scientifique-francophone (accessed 21.12.2016).
13. Pallab G. Canadian government is 'muzzling its scientists. URL: http://www.bbc.com/news/science-environment-16861468 (accessed 25.10.2015).
14. Price D. J. de Solla, Beaver D. (1966). Collaboration in an invisible college // *American psychologist*, 11, 1011.
15. Science Integrity Project Releases Statement of Principles for Sound Decision-Making in Canada. URL: http://www.marketwired.com/press-release/science-integrity-project-releases-statement-principles-sound-decision-making-canada-2058902.html (accessed 28.09.2016).

Об авторе

Романова Марина Давидовна – кандидат философских наук, преподаватель кафедры Международной журналистики, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ (Россия), E-mail: marine.romanoff@gmail.com

Romanova Marina Davidovna – PhD, lecturer, department of International Journalism, Moscow State Institute of International Relations (University) MFA RF (Russia), E-mail: marine.romanoff@gmail.com

УДК 430

Свиридов И.С., аспирант, Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского (Россия)

СТОЛЫПИНСКАЯ АГРАРНАЯ РЕФОРМА И РАЗРУШЕНИЕ ОБЩИННОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ

Актуальность исследуемой темы объясняется незавершенными результатами реформы и изменением уклада жизни многомиллионного русского крестьянства. В статье рассматривается положение крестьянской поземельной общины к началу XX века, и выявляются причины, побудившие правительство приступить к ее разрушению. Установлено, что с проникновением в великорусскую деревню товарно-денежных отношений и начавшейся «погони за рублем» к концу XIX века в среде крестьянства происходит дифференциация, приведшая к расслоению крестьян-общинников на бедных и богатых (зажиточных и пролетариат). Доказано, что участие общины в крестьянских волнениях 1902 года в Харьковской и Полтавской губерниях, а также разгром помещичьих имений во время первой российской революции 1905–1907 гг. явились важными причинами разрушения общины. Обосновано, что переселение крестьян на новые места сопровождалось их расселением на более отдаленные друг от друга земельные участки, что приводило к условиям, при которых территория сельского прихода увеличивалась, что затрудняло посещение крестьянами сельского храма для совершения Таинств и сельских школ, а приходскому священнику – осуществление крестных ходов и молебнов.

Ключевые слова: общинное мировоззрение, коллективизм, переселенческая политика, индивидуализм, хуторская жизнь

В настоящее время в рамках истории повседневности отечественными и зарубежными специалистами активно исследуются вопросы, связанные с осознанием и самосознанием, правосознанием и мировоззрением конкретно взятой группы населения или определенного сословия в структуре того или иного общества. Одной из проблемных тем в российской историографии является вопрос о столыпинской аграрной реформе, что связано с ее незавершенными результатами и изменением уклада жизни многомиллионного русского крестьянства.

Из дореволюционных исследований необходимо назвать работу одного из активных деятелей по проведению аграрного преобразования – А.А. Кофода – давшего характеристику хуторскому расселению сельского населения [1]. Также упомянем научный труд И.П. Панфилова, считавшего, что лучшей формой хозяйствования для великорусского крестьянства могло бы быть общинно-хуторское землевладение, суть которого состоит в том, что «вся земля по-прежнему принадлежит общине, раз навсегда делится на наследственные семейные участки» [2, с. 13–14].

В советской историографии, начавшейся с В.И. Ленина, утвердилось мнение, что реформа была направлена на поддержку отживающего государственно-помещичьего строя. Так одним из выдающихся советских историков А.Я. Аврехом отмечалось, что во время осуществления реформы «вместо фермера рождался кулак с рутинным экономическим мышлением, азиатскими приемами эксплуатации своих односельчан, с минимумом предпринимательской инициативы, политическим консерватизмом и т.д.» [3, с. 364].

В современной исторической науке внимание исследователей акцентируется на рассмотрении психологического аспекта крестьянства по отношению к аграрной реформе [3]. М.Д. Карпачев, анализируя психолого-правовое отношение крестьян к проводимой реформе, утверждает, что «отступая под натиском рыночных капиталистических отношений, обычное право общинников подверглось сильной деформации и начало разрушаться» [4, с. 23].

В связи с этим представляется необходимым обратиться к выявлению причин разрушения общинного мировоззрения и отношения крестьян к созданию хуторского типа хозяйствования.

Под мировоззрением, как правило, понимают глубинный уровень коллективного сознания, включающий и бессознательное; восприятие мира определенным образом.

Источниковой базой составили воспоминания крестьян – участников преобразования и исследования государственных деятелей.

В отечественной публицистике на рубеже XIX–XX веков разгорелся спор, в котором одна сторона выступала за сохранение

общинных порядков жизни великорусского крестьянства, а другая – против. Сравнивая суждения и тех, и других, О.Г. Тернер, в частности, отмечал, что «расселение великорусской деревни на отдельные хуторные поселки было бы до такой степени противно всем обычаям народа, что оно просто немыслимо» [4, с. 54]. С ним соглашался и Г.П. Сазонов, который в своем исследовании «Быть или не быть общине», проанализировав воззрения современников на причины перехода к подворному землевладению, пришел к совершенно иным выводам. «Община не исчерпывается организацией землевладения, – писал он. – Последнее – только часть, быть может, важнейшая целого. А целое – это весь народ, вся суть его нравственная, умственная, все его идеалы, симпатии, цели и задачи. Вся жизнь его во всех главных проявлениях подчиняется общинному началу. Все, чем народ жив и живет, все его нужды и заботы разрешаются и удовлетворяются одним «великим человеком миром» – общиной. Это мировоззрение охватывает все стороны человеческого существа, все сферы его деятельности; убеждения экономические, общественные, юридические, нравственные и политические, – все это оно обнимает, все заключает в себе, на все дает ответ, всякую потребность по мере сил удовлетворяет» [5, с. 132]. Кроме того, общинное мировоззрение проявлялось и в том, что крестьяне не признавали частного права на землю, в их понимании земля являлась общественной (мирской или Божьей). Так и по мнению одного из представителей Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности от Тамбовской губернии, с которым можно согласиться, «в настоящее время при господствующей системе в великороссийском крестьянстве общинного типа в его голове не умещается, с его духовной природой не срастается, как правовая аксиома, идея собственности на землю» [6, с. 268].

Следует заметить, что то же отмечали и исследователи крестьянской поземельной общины. А.А. Риттих, в частности, писал: «В массе общин несомненно развиты очень высокие нравственные начала взаимопомощи; маломощным, женским семьям дают землю освобождая их от повинностей, которые мир принимает на себя, снимают подати и с погорельцев или пострадавших от падежа скота» и «часто это делается совершенно добровольно, "Христа ради"» [7, с. 49].

Одним из проявлений общинного мировоззрения выступала и круговая порука, заключавшаяся в том, что богатые крестьяне отвечали за бедных, и, как писал Энгельгардт, «то они зрят за бедняками и часто берут работу, чтобы заставить и бедняков взять вместе» [8, с. 133].

О проявлении общинной ментальности упоминал и один из современников-иностранцев, путешествующий в начале XX века по России и живший длительное время с крестьянами: «Мужики общительны и дружелюбны. Они вместе работают, вместе поют, вместе молятся и живут. Общественная жилка у них сильнее, чем у нас, они менее подозрительны, не так замкнуты» [9, с. 245].

Однако, несмотря на это в общинные устои жизни крестьян в конце XIX века проникают совершенно новые явления, несоизмеримые с прежними порядками. «На порчу нравов молодого поколения действует погоня за рублем, из-за которой молодые люди обоих полов, помимо своего собственного стремления добыть, во что бы то ни стало рубль, входят в сообщения с разным сбродом. Эта же самая погоня за рублем заставляет и старших членов семьи опускаться нравственно и забывать старожильские порядки» [10, с. 54], – отмечал новшества в сельской жизни корреспондент журнала «Северный Вестник».

Увлечение «рублем» вело к тому, что в общине появлялись зажиточные крестьяне, называемые в литературе чаще всего "кулаками" или "мироедами". По замечанию одного из грамотных крестьян, «готового примкнуть скорее к противникам общины», чем к защитникам ее» «кулак, если захочет, что угодно слопает, община ему нисколько не помешает» [11, с. 66].

Кроме того, в 1902 году произошли крестьянские волнения в Харьковской и Полтавской губерниях, в результате которых российским правительством был издан 26 февраля 1903 года Манифест «Об усовершенствованиях к начертанию государственного порядка» и отменена 12 марта того же года круговая порука. Наряду с заявлением о решимо-

сти хранить «вековые устои Державы Российской» и угрозами в адрес революционного движения, Манифест 26 февраля содержал обещания реформ. В документе подчеркивалось право «неприкосновенности общинного строя крестьянского землевладения», но вместе с этим впервые в русской истории правительство обещало «изыскать способы к облегчению отдельным крестьянам выхода из общины».

Важной причиной разрушения общины послужило и участие общины в погромных мероприятиях помещичьих усадеб во время первой российской революции 1905–1907 гг. Подавление революции и назначение 26 апреля 1906 года саратовского губернатора П.А. Столыпина на пост министра внутренних дел явились необратимой точкой в деле проведения реформы и разрушения общины.

Стоит упомянуть, что при обсуждении, ставшего основополагающим актом реформы, указа 9 ноября 1906 года в Государственной думе большинство депутатов высказалось за сохранение общины. Так, депутат Савельев от Нижегородской губернии утверждал: «До известной степени, может быть, это и правильно, но община – это тот пластырь, который залечивает всякие раны, возникшие на общественном организме в среде нашего хозяйства» [12, стб. 298]. Было и другое мнение, высказанное товарищем министра внутренних дел А.И. Лыкошиным, с которым следует частично согласиться: «Нельзя же, в самом деле, считать всех 700 000 домохозяев, заявивших уже о желании укрепиться совершенно чуждыми хозяйственным интересам, нельзя считать всех их скупщиками, или пьяницами и слабовольными людями, идущими на обезземеливание» [12, стб. 286]. Дело в том, что аграрное преобразование было направлено на поддержку более сметливых и зажиточных крестьян. «Существует непреодолимое препятствие к обогащению, к улучшению быта крестьянского населения, что парализует личную инициативу, самодеятельность мужика и обрекает его на жалкое прозябание [13, л. 84]», – считал Столыпин.

В самом крестьянстве отношение к проводимой реформе было более негативным, чем позитивным. В большинстве своем крестьяне рассуждали так: «*Если разрушить общину – нам и милостыню попросить не у кого будет*» [14, с. 13].

Но были и совершенно иные мнения, высказывавшиеся грамотными крестьянами. Так, по мнению одного из крестьян-хуторян, «должно быть сохранено право собственности, но установлено право земско-государственной организации взимать прогрессивный налог» [15, с. 65].

В этой связи вспомним и о переписке крестьянина С.Т. Семенова, стоявшего на позициях защиты отрубного типа хозяйствования и с писателем Л.Н. Толстым, выступавшим за сохранение общины. Так, по мнению Семенова, проводившего длительное время на заработках в Москве и Санкт-Петербурге, «у общинных крестьян совсем отсутствует чувство необходимости быть ближе друг к дружке, заботиться о своих выгодах вместе с другими, одним словом нет чувства товарищества. В деревне более живо одно правило: «Своя рубашка ближе к телу» [16, с. 34].

В свою очередь Л.Н. Толстой поддерживал общинный тип хозяйствования, поскольку считал его более высоким в нравственном отношении.

Однако при проведении реформы, по мнению одного из ее организаторов, хуторское расселение влияло не только на хозяйство, но и на весь уклад жизни крестьян. «Представленный самому себе хозяин хутора, – писал А.А. Кофод, – делается как будто сосредоточенным, менее общительным, особенно в первое время. Ему как будто нет дела до того, что творится за пределами его участка». Этот же землеустроитель заочно возражая мнению Л.Н. Толстого, упоминал, что «живя посреди своего участка, хуторянин строго его охраняет, а следя за сохранностью своей собственности, он приучается уважать и чужую» [17, с. 11].

В этой связи, очевидно на наш взгляд, что частично был прав С.Т. Семенов, утверждавший, что «многие из общественников глядят на отрубников с завистью и как слышно, начинают подумывать, не пойти ли и им по их дорожке» [18, с. 11, 367]. Описывая происходящие изменения в великорусской деревне в это время, он, выражая устремления крестьян дер. Андреевская Московской губернии, отмечал, что в этом селе «выделилось 13 домохозяев не одинаковой категории. Были и плохие хозяева, и плохие работники. Два дома выделились потому,

что от земельного труда не зависели, им просто не хотелось «мыкаться» в миру и они пошли на отруба для спокойствия» [18, с. 49].

В общем же, за 1907–1915 гг. право личной собственности получили, 2478,2 тыс. крестьян с укрепленной в количестве 15,9 млн дес [3, с. 88].

Таким образом, общинный коллективизм уступал место хуторскому индивидуализму. Однако при переселении на отруба и при создании хуторов у крестьян возникала масса проблем, связанных как с землей, так и с духовными нуждами. Дело в том, что при расселении крестьянские дворы оказывались изолированными не столько друг от друга, как на значительное расстояние от церкви. Так в письмах крестьян-переселенцев из Данковского и Раненбургского уездов еще в 1881 году сообщалось, что сельский храм располагается на расстоянии 10 верст (15 километров – *И.С.)* от земельного участка [19, № 4].

Аналогично обстояло дело и во время осуществления столыпинской аграрной реформы. Так, по замечанию священнослужителей 3-го Борисовского округа Тамбовской епархии, «отрубных участков насчитывается до 28», однако «проезд к ним весьма затруднителен; особенно зимой, а в храме жители их бывают только на Пасху и то, когда бывает хорошая погода» [20, л. 3 об.].

О таком положении еще в конце XIX века вопрошал Г.П. Сазонов: «Неужели разрушение общины и переход к подворному владению сделает народ религиозным? Неужели перемена формы землевладения укрепит веру? Одна постановка этого вопроса раскрывает всю фальшь неразборчивых в средствах врагов общины» [5, с. 75]. В подтверждение этого мнения приведем отрывок из докладной записки заведующего переселением и землеустройством в Енисейской губернии Григорьева за 1910 год: «Переселенцы, оседающие теперь в глухих отдаленных районах, лишены крайне для них важной возможности своевременно совершать установленных для них церковью обрядов, которых народ придает, можно сказать, безмерное значение, таким, как крещение, говение и причащение, венчание свадьбы, соборование, отпевание усопших. Мне приходилось наблюдать чрезвычайно выраженную неистребимую тоску у переселенцев по церковной службе, особенно у женщин, способную побудить новоселов уйти даже из церковного места, в котором нет церкви и церковной службы» [20, с. 133].

Помимо этого, серьезные проблемы обстояли и со школьным делом, в связи с тем, что при хуторском поселении, по заключению современника, «одна школа не может служить для всех, так как установление общей школы при 4-х верстном районе в Сибири невозможно» [21, л. 37].

О том же писал и один из землеустроителей аграрного преобразования, отмечая, что задержки в церковных и школьных делах крестьян-переселенцев возникают исключительно в первое время: «Крестьянину некогда и нет у него охоты заниматься общественными делами, пока он всецело занят приведением своего хутора в надлежащий вид. По той же причине он *в первое время* при переходе на хутор менее охотно посылает детей в школу, чем прежде. То же и насчет посещения церкви; только в первые годы после расселения крестьяне-хуторяне реже ходят в церковь, чем живущие в деревне. Но все это временно [17, с. 10].

Таким же образом обстояло дело и в Тамбовской губернии, в которой, по мнению современника, 46% обследованных хуторян выселились с расстояния от 1 до 5 верст, и 26,3% переселилось с расстояний более 10 верст [22, с. 7].

Подводя итоги, заметим, что проведение столыпинской аграрной реформы способствовало разрушению общинного мировоззрения и созданию хуторского индивидуализма, что противоречило взглядам крестьян, как духовной, так и в аграрной сфере.

Список литературы

1. Аврех А.Я. П.А. Столыпин и судьбы реформ в России. М.: Политиздат, 1991. 286 с.
2. Тюкавкин В.Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М.: Памятники исторической мысли, 2001. 304 с.
3. Карпачев М.Д. Правосознание крестьян Воронежской губернии накануне столыпинских аграрных реформ // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2012. № 1. С. 14-23.
4. Тернер О.Г. Общинное владение и частная собственность // Вестник Европы. 1895.

Май. № 3. С. 5-68.
5. Сазонов Г.П. Быть или не быть общине. СПб., б/и, 1894. 103 с.
6. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. XLI. Тамбовская губерния. СПб.: Типография И. Гольдберга, 1903. 453 с.
7. Риттих А.А. Зависимость крестьян от общины и мира. М.: ЛЕНАНД, 2016. 222 с.
8. Энгельгардт А.Н. Письма из деревни (1872-1887 гг.). М.: ЛЕНАНД, 2012. 638 с.
9. Грэхем С. Непознанная Россия (Undiscovered Russia) / Пер. с англ. М. Ильюшиной. L., 1914. 185 с.
10. Берендеев. Деревенские письма // Северный вестник. 1888. № 7. С. 47-56.
11. Семенов С.Т. Двадцать пять лет в деревне. - Пг.: Жизнь и знание, 1915. 371 с.
12. Семенов С.Т. Крестьянское переустройство. Три статьи. М.: б/и, 1915. 342 с.
13. Красный архив. Исторический журнал. Т. 17. 1926.
14. Тан. Новое крестьянство. Очерки деревенских настроений. Спб., 1906. 125 с.
15. Глинка Ф.К. Записки хуторянина. Думы и думки, вылитые своевременно в XVI посланиях на гектографе. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1908. Ч. 1.
16. Семенов С.Т. Крестьянское переустройство. Три статьи. М.: б/и, 1915. 342 с.
17. Кофод А.А. Хуторское расселение. СПб.: б/м., 1907. 72 с.
18. Григорьев В.Н. Переселения из Рязанской губернии / Исслед. В.Н. Григорьева; с отзывами проф. А.И. Чупрова и А.И. Кошелева. - М.: журн. «Русская мысль» (тип А.И. Мамонтова и Ко), 1889. 194 с.
19. Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. 181. Оп. 1. Д. 2681.
20. Дворецкая А.П. Православие в социокультурной адаптации переселенцев начала XX века (на примере Енисейской губернии) // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков. Материалы XV Международной конференции. Иваново, 2016. Ч. 1. С. 129-136.
21. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1178. Оп. 1. Д. 9.
22. Юрин Н.Т. Хутора и отруба в Тамбовской губернии (Результаты обследования 1912 г.). Тамбов: Типо-литография «Т.Н. Бердоносов и С-н», 1913. 45 с.

THE STOLYPIN AGRARIAN REFORM AND THE DESTRUCTION OF COMMUNITY WORLDVIEW

The relevance of the research topic is explained by incomplete reforms and a change in lifestyle multimillion of the Russian peasantry. The article discusses the situation of the peasant communities by the beginning of XX century, and the reasons that prompted the government to begin its destruction. It is established that penetration in the great village of the commodity-money relations and the outbreak of the "pursuit of money" by the end of the nineteenth century among the peasantry is the differentiation that led to the stratification of the peasant communes on the poor and the rich (the wealthy and the proletariat). It is proved that community participation in peasant uprisings of 1902 in Poltava and Kharkov provinces, and the defeat of the landed estates during the first Russian revolution of the 1905-1907 was an important cause of the destruction of the community. It is proved that the migration of peasants to new places accompanied by their resettlement to more distant from each other land, which led to the conditions under which the territory of the rural parish grew, it was difficult to visit farmers, rural Church for performing the Sacraments and rural schools, and parish priest – the implementation of processions and prayers.
Keywords: community ideology, collectivism, immigration policy, individualism, farm life

References

1. Avreh, A.Ja. P.A. (1991). Stolypin i sud'by reform v Rossii [Stolypin and the fate of reform in Russia]. Moskva.: Politizdat.
2.Tjukavkin, V.G. (2001). Velikorusskoe krest'janstvo i stolypinskaja agrarnaja reforma [The great Russian peasantry and the Stolypin agrarian reform]. Moscow: Monuments of historical thought. Moskva.: Pamjatniki istoricheskoj mysli.
3.Karpachev, M.D. (2012). Pravosoznanie krest'jan Voronezhskoj gubernii nakanune stolypinskih agrarnyh reform // Vestnik VGU. Serija: Pravo [The consciousness of the peasants of Voronezh province on the eve of the Stolypin agrarian reforms // Bulletin of VSU. Series: Right]. № 1. S. 14-23.
4.Terner, O.G.(1895). Obshhinnoe vladenie i chastnaja sobstvennost' // Vestnik Evropy [Communal ownership and private property // Herald of Europe.]. Maj. № 3. S. 5-68.

5. Sazonov, G.P. (1894). Byt' ili ne byt' obshhine [To be or not to be community]. Sankt-Peterburg, b/i.

6.Trudy mestnyh komitetov o nuzhdah sel'skohozjajstvennoj promyshlennosti. T. XLI. Tambovskaja gubernija. (1903). [Works of the local committees on the needs of agricultural industry. T. XLI. Tambov province] Sankt-Peterburg.: Tipografija I. Gol'dberga.

7. Rittih, A.A. (2016). Zavisimost' krest'jan ot obshhiny i mira [Dependence of peasants from the community and the world]. Moskva.: LENAND. 222 s.

8. Jengel'gardt, A.N. (2012). Pis'ma iz derevni (1872-1887 gg.) [Letters from the village (1872-1887 gg.)]. Moskva.: LENAND. 638 s.

9.Grjehem S. (1914). Nepoznannaja Rossija (Undiscovered Russia) / Per. s angl. M. Il'jushinoj [Unknown (Undiscovered Russia) / Per. from English.]. London. 185 c.

10. Berendeev. Derevenskie pis'ma // Severnyj vestnik [Rustic letters // and the Herald]. 1888. № 7. S. 47-56.

11. Semenov, S.T. (1915). Dvadcat' pjat' let v derevne [Twenty-five years in the village]. Petrograd.: Zhizn' i znanie. 371 s.

12. Semenov, S.T. (1915). Krest'janskoe pereustrojstvo/ Tri stati [Peasant reorganization. Three articles]. Moskva: b/m 1915. 342 p.

13. Krasnyj arhiv. (1926). Istoricheskij zhurnal [Historical journal]. T. 17.

14. Tan. (1906) Novoe krest'janstvo. Ocherki derevenskih nastroenij [The new peasantry. Sketches of village sentiment]. Sankt-Peterburg..

15.Glinka, F.K. (1901). Zapiski hutorjanina. Dumy i dumki, vylitye svoevremenno v XVI poslanijah na gektografe [Notes of a farmer. Dumy and dumki, poured out in a timely manner in the XVI-slania on the hectograph.]. Sankt-Peterburg.: Tipografija A.S. Suvorina. Ch. 1.

16. Semenov, S.T. (1915). Krest'janskoe pereustrojstvo [Peasant reorganization. Three articles.]. Tri stat'i. Moskva.: b/i.

17. Kofod, A.A. (1907). Hutorskoe rasselenie [Farmhouse accommodation]. Sankt-Peterburg.: b/m.

18. Grigor'ev, V.N. (1889). Pereselenija iz Rjazanskoj gubernii / Issled. V.N. Grigor'eva; s otzyvami prof. A.I. Chuprova i A.I. Kosheleva [Migration from the province of Ryazan / Issled. V. N. Grigor'eva; with calls Professor A. I. Chuprov and A. I. Koshelev]. Moskva.: zhurn. «Russkaja mysl'» (tip A.I. Mamontova i Ko).

19. Gosudarstvennyj arhiv Tambovskoj oblasti (GATO) [State archive of the Tambov area (GATO)]. F. 181. Op. 1. D. 2681.

20. Dvoreckaja, A.P. (2016). Pravoslavie v sociokul'turnoj adaptacii pereselencev nachala XX veka (na primere Enisejskoj gubernii) // Gosudarstvo, obshhestvo, cerkov' v istorii Rossii XX–XXI vekov. Materialy XV Mezhdunarodnoj konferencii [Orthodoxy in socio-cultural adaptation of immigrants of the early XX century (on the example of the Yenisei province) // State, society, the Church in the history of Russia XX–XXI centuries. Materials of XV International conference]. Ivanovo. Ch. 1. S. 129-136.

21. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF) [State archive of the Russian Federation (GARF)]. F. 1178. Op. 1. D. 9.

22. Jurin, N.T. (1913). Hutora i otruba v Tambovskoj gubernii (Rezul'taty obsledovanija 1912 g.). [The farm and cut in Tambov province (results of the survey 1912)] Tambov: Tipo-litografija «T.N. Berdonosov i S-n».

Об авторе

Свиридов Илья Сергеевич – аспирант института истории, права и общественных наук, Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского (Россия), E-mail: ilya.sviridov.1992@mail.ru

Sviridov Ilya Sergeyevich – Graduate student of the Institute of history, law and social sciences, Lipetsk state pedagogical university named after P. P. Semenov-Tyan-Shansky (Russia), E-mail: ilya.sviridov.1992@mail.ru

УДК 94(47)+ 94(100) “1939-1945”+ 623.64

Сидорчук Е.А., аспирант, Государственный университет управления (Россия)

РОЛЬ И МЕСТО ТОПОГРАФИЧЕСКОГО ФАКТОРА В ОРГАНИЗАЦИИ ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ В 1941- 1942 гг.

В статье рассматривается роль и место топографического фактора в обороне Севастополя в начальный период Великой Отечественной войны 1941-1942 годов. На основании малоисследованной темы,- построении обороны Севастопольского оборонительного района с использованием навыков военной топографии, изучается оборона главной базы Черноморского флота в указанный период. Изучаются вопросы, в частности, связанные с маскировкой на местности позиций частей и соединений Приморской Армии, проведением разведывательных мероприятий, а в целом построения и применения тактики и стратегии советских войск с использованием военно-топографического фактора. Кроме того, затрагиваются вопросы применения различных вооружений в контексте природно-географических особенностей Севастопольской городской агломерации, использованных в обороне города. Так же, рассматриваются особенности применения авиации в условиях холмисто-лесистой местности с каменистым грунтом в период обороны Севастополя, что оказывало серьезное влияние на проведение аэрофотосъемки вражеских позиций, но позволяло размещать военных и гражданские учреждения и организации в штольнях, каменоломнях и тоннелях. Грамотное применение навыков военной топографии стало одним из факторов, наравне с мужеством и отвагой советских военнослужащих, позволившим Севастопольскому оборонительному району в течение длительного времени сдерживать мощную немецко-румынскую группировку.

Ключевые слова: Крым, Военная топография, оборона Севастополя, Великая Отечественная война, исторический источник.

Героическая оборона главной базы Черноморского флота продолжалась 250 дней и ночей. Она началась в сентябре 1941г. и продолжалась до июля 1942г. Севастопольцы совершили великий ратный подвиг. Они приумножили славу российских солдат и матросов, защищавших Севастополь от вражеского нашествия в 1853-1856гг. 37 советских воинов получили звание Героя Советского Союза. В знак признания бессмертной славы и героизма защитников города Президиум Верховного Совета СССР учредил медаль «За оборону Севастополя», которой награждено более 39 тыс. человек. В историю Великой Отечественной войны Севастополь вошел как город-герой. Оборона города-героя имела важное военно-политическое значение. Сковав надолго крупные силы немецко-румынских войск, защитники Севастополя нарушили планы фашистского командования. Они обескровили 11-ю немецкую армию, для ее восстановления гитлеровцам потребовалось немало времени, чтобы довести ее боеспособность до надлежащего уровня. Кроме того, не стоит забывать и о том, что сковав мощнейшую немецко-румынскую группировку под Севастополем, советское командование, таким образом, исключило возможность переброски этих соединений на опасные участки советско-германского фронта [3, с.161].

Немалую роль в удержании Севастополя, практически в полной осаде, сыграли сложный рельеф местности и конфигурация Севастопольской городской агломерации, которая включала в себя ряд населенных пунктов. Эти факторы способствовали грамотной организации Севастопольского оборонительного района.

Среди всех элементов боевой обстановки, особо выделяется фактор местности, оказывающий влияние на всю боевую и повседневную деятельность войск. Местность как способствует маневрированию и укрытию от поражения огнем, так и наоборот, увеличивает, при умелом ее использовании, степень поражаемости противника [6, с.117]. Неровности рельефа местности своими скатами, складками и оврагами, создают не простреливаемые пространства, находясь в которых войска могут находить естественную защиту от поражения. В свою очередь, рыхлые и слабые грунты, такие как: песок, болотистый грунт снижают полезность огня, так как снаряды в них зарываются [6, с.106].

В контексте скрытности действий и маскировки войск местность так же играет важную роль. Неровности и схожие с ним элементы местности - луга, леса и населенные пункты, служат естественными факторами скрытности от воздушного и наземного наблюдения. Кроме того, местность образует тот общий фон, под который всегда приходиться маскироваться войскам [4, с.9].

Подвижность войск так же зависит от местности, ввиду того, что она сама по себе может вызывать затруднения различной степени. Горные хребты, обширные болотистые и лесные пространства, глубоководные и широкие реки могут создавать преграды для движения, преодоление которых требует более или менее значительного времени и специальных средств.

Даже на равнинных участках возможны отдельные препятствия, преодоление которых, войсками за сравнительно короткое время, затруднительно, например,- небольшие заболоченные участки, речки, проходимые вброд, но без удобных съездов, овраги.

Кроме того, местность может вообще затруднять или замедлять движение. Такое случается, когда войска не имеют возможности устранять причины, нарушающие нормальное движение, например продолжительные подъемы или размокшие от дождя глинистые и черноземные почвы.

Фактор местности в значительной степени влияет на применение тех или иных родов войск и вооружений. Так, наличие гористой местности с крутыми скатами или вязкого, заболоченного грунта затрудняет применение танков и конницы. Хотя при грамотной работе возможно и применение танков в горных условиях.

В контексте исследования топографического фактора обороны Севастополя представляет интерес опыт применения танковых частей в условиях гористой местности. В составе войск Севастопольского оборонительного района было 2 танковых подразделения,- 81 отдельный танковый батальон и 125 отдельный танковый батальон [1, с.13]. Данные подразделения принимали активное участие в сдерживании атак противника и уничтожении его личного состава и техники. В том числе, разрабатывались отдельные операции с применением танков в горных условиях. Начальник штаба Приморской армии генерал-майор Воробьев подписывает боевое распоряжение №0155 к командирам 81 и 125 отдельных танковых батальонов, 25 и 345 стрелковых дивизий: «Танковый резерв армии (81 и 125 отдельные танковые батальоны) расположить в засадах в районе вторых эшелонов 25 и 345 стрелковой дивизии. 81 отдельный танковый батальон расположить в засаде на высоте 110,3 двумя эшелонами: первый на гребне высоты совместно со вторым эшелоном 25 стрелковой дивизии и второй на обратных скатах высоты 110,3. Задача,- не допустить противника в Мартыновский овраг, ведя огонь кинжального действия на дистанцию 400- 200 метров. Командиру 25 стрелковой дивизии разрешить танковым засадам, расположенным в районе второго эшелона дивизии произвести полную расчистку обзора и обстрела на дистанцию до 200 метров. Обеспечить эти засады непосредственным охранением и рабочей силой для отрывки окопов для танков, щелей для экипажей и расчистки обстрела. Придать одну стрелковую роту 287 стрелкового полка командиру 81 отдельного танкового батальона. 125 отдельному танковому батальону,- одну танковую роту, которую расположить в засаде на безымянной высоте в 1 километре восточнее Южного отрога Камышловского отряда. Сектора обстрела,- высоты 115,7 и 100,0. Одну танковую роту расположить в засаде на участке 79 морской стрелковой бригады в районе перекрестка дорог 3 и 4 километров восточнее высоты 90.0. Сектор обстрела,- высоты 90,0 и 59,7. Одну танковую роту оставить в маневренном резерве в районе кордона Мекензи. Задача,- уничтожить противника кинжальным огнем орудий и пулеметов с дистанции 400- 200 метров, не допустить его наступления в направлении Мартыновской балки и кордона Мекензий. Командиру 345 стрелковой дивизии, для прикрытия засад придать командиру 125 отдельного танкового батальона один стрелковый батальон» [9, л.116].

Как видно из данного распоряжения, командование войск Севастопольского оборонительного района, осознавая всю сложность применения танковых частей, старалось максимально грамотно использовать имеющиеся силы танков. Вместо применения на узком участке фронта сконцентрированного удара всей мощью подразделения, как это было бы возможно на равнинной местности, было предпринято распределение танковых батальонов на структурные единицы с последующим их расположением на ключевых высотах или направлениях для действия из засад. Фактически это классиче-

ский пример ассиметричного способа вооружённой борьбы с использованием фактора местности с целью уравнивания потенциалов наступающих и обороняющихся.

Авиация в своих действиях также использует особенности местности. Для правильного выдерживания курса и определения своего местоположения в полете летчику необходимо пользоваться хорошо наблюдаемыми с воздуха ориентирами. Играет свою роль и наличие посадочных площадок для самолетов, а так же их качество. В топографическом обеспечении боевых действий важное значение имеет аэрофотосъемка. Отличием карт от аэрофотоснимков является то, что при соблюдении определенных требований фотографирования и при особом рассмотрении снимков, они обладают серьезным преимуществом - отображением рельефа местности. Благодаря этому свойству изображения неровностей местности получаются выпуклыми и рельефными, то есть наглядно передают все формы местности и их превышение. Обычная карта не может дать такого рельефного впечатления о местности [4, с.183]. Аэрофотосъёмка использовалась органами военного управления Севастопольского оборонительного района в интересах эффективного построения обороны и получения разведданных в специфических условиях горно-равнинной местности примыкающей к водной акватории, включающей в себя городскую агломерацию.

Севастопольская оборонительная операция, продлившаяся восемь месяцев, развернулась на относительно ограниченной территории с радиусом не более 25 километров от Севастополя.

Местность к северо-востоку и юго-востоку от города представляет собой поверхность, пересеченную значительным количеством высот, балок, оврагов, а также долинами рек Черной, Бельбек и Качи.

Северо-восточная часть территории, которые прилегают к долине реки Бельбек, включает две группы высот, изрезанных глубокими оврагами и имеющие удобные спуски к данной реке и морю.

Первая группа высот представлена Мекензиевыми горами, ограниченными с севера и северо-востока долиной реки Бельбек, а с юга Мартыновским оврагом. Вся эта возвышенность имеет повышение над уровнем моря от 150 до 300м и представляет собой волнистую местность, которая изрезанна по разным направлениям крутыми обрывами, и на всем протяжении от Графской балки до населенных пунктов Фронтового, Холмовка и Крепкого покрыта дубовым лесом и густым кустарником.

Вторая группа высот представлена Инкерманскими высотами, которые возвышаются над уровнем моря более чем на 150-200метров. Эта группа высот, покрытых лесом и густым кустарником, ограничена с севера Мартыновским оврагом, с юго-востока населенными пунктами Черноречье, Терновка, а с юго-запада рекой Черной. Юго-восточная часть этой территории также можно разделить на две подгруппы высот: Балаклавские горы и Федюхины высоты.

Первая подгруппа,- Федюхины высоты являются отдельными резко выдающиеся возвышенностями порядка 100 и до 135 метров над уровнем моря, которые покрыты мелким кустарником. Данные высоты ограничены с северо-востока рекой Черной, а с юга Ялтинским шоссе [4, с.4].

Вторая подгруппа,- Балаклавские горы. Они являются началом главной гряды Крымских гор, и их высота их варьируется от 100 до 400 метров над уровнем моря. Территория этих гор с севера ограничивается Ялтинским шоссе, с запада Балаклавской бухтой, а с юга морем. Эта подгруппа гор к северо-востоку от Балаклавы покрыта густым дубняком и служит началом Ялтинского хребта, который тянется на восток вдоль южного берега Крыма. На северных сторонах Балаклавских высот расположены населенные пункты Флотское, Пригородное, Камары, Нижнее Чернореченское, Верхнее Чернореченское, Морозовка, Кучки (расселено в 1960-ые годы), Родное, Терновка. Необходимо отметить, что наличие населенных пунктов в этой местности и помогало наладить более грамотную оборону и в тоже время в ряде случаев мешало или способствовала возможному штурму. Так в журнале боевых действий 138 отдельного инженерного батальона, который выполнял задачи в районе Балаклавы, за 21 декабря 1941г. отмечалось: «По

приказу командира батальона взорвано 2 здания, ввиду того что противнику эти два здания служат пристрелочной точкой местности» [11, л.18].

Местность, которая прилегает непосредственно к Севастополю,- Херсонесский полуостров, представляет собой треугольник. Она постепенно повышается к югу и оканчивается обрывом у моря.

Между Балаклавскими горами и Инкерманом проходит группа высот, в которую включены высоты Карагач, Сапун-Гора, гора Суздальская. Они возвышаются над уровнем моря от 100 и до 200 метров. Херсонесский полуостров в свою очередь изрезан глубокими оврагами и балками, которые проходят с юго-востока и далее на северо-запад.

Наиболее значительными из них являются:

А) Килен-Балка, протяженностью порядка 5км, достаточно глубокая и с крутыми берегами, что исключает на всем протяжении, кроме устья, возможность сообщения между ними;

Б) Лабораторная балка, протяженностью порядка 4км, с почти отвесными берегами, но пологим подъемом от Южной бухты до северо-запада Сапун-горы;

В) Сарандинакина балка длинной порядка 6км, которая составляет продолжение Южной бухты, близ устья она соединяется с Лабораторной балкой [7, с.5].

Пространство между Килен-Балкой, Северной бухтой и Инкерманской долиной состоит из высот, которые окаймлены крытыми и глубокими оврагами. Наиболее значительные из них: Малахов курган,- высота 90 метров над уровнем моря, курган к юго-востоку от Малахова кургана,- 110м над уровнем моря и курган с английским редутом «Виктория» (другое название Микрюкова высота),- около 130 метров над уровнем моря.

В свою очередь, северная часть Херсонесского полуострова сильно изрезана бухтами. Наиболее значительными из них являются:

А) Северная бухта, протяженностью порядка 6км, шириной 500- 900 метров и глубиной 10- 20 метров;

Б) Южная бухта, протяженностью порядка 2км и шириной 200- 400 метров;

В) Камышовая бухта, протяженностью порядка 3 км и шириной 500- 1000 метров [7, с.6].

В Северной бухте и северный и южный берега изрезаны многочисленными оврагами и балками. Наиболее крупными из них являются: балки Голландия, Сухарная, Графская, Мартыновская (по северному берегу бухты), балки Троицкая, Георгиевская, Сушильная по южному берегу.

На северном берегу этой бухты расположена северная сторона Севастополя и селения Учкуевка, Любимовка, Фруктовое, Камышлы.

Между Балаклавскими горами, Федюхиными и Инкерманскими высотами и восточными склонами Сапун- Горы тянется обширная долина реки Черной, протяженностью около 10 км и шириной до 1,5 км.

Река Черная играет серьезную роль в Севастопольской городской агломерации, она берет свое начало из хребта Яилы и протекает по узкому Чоргуньскому ущелью. На участке от Чоргуньского ущелья до впадения в Северную Бухту она имеет от 2 до 8м ширины и от 0,5 до 2м глубины. Русло в основном песчаное, но местами иловато-вязкое, также осенью и весной она иногда выходит из берегов.

Реки Кача и Бельбек также играют серьезную роль в Севастопольской городской агломерации, они текут с востока на запад и впадают в Черное море. Долины этих рек представляют собой сплошную полосу садов и виноградников, между которыми расположены населенные пункты. Реки эти мелководны, а потому переправа через них вброд не представляет затруднений и нет никакой необходимости в применении специальных инженерных соединений для их форсирования. Южные берега этих рек от населенных пунктов Тенистое и Верхнесадовое и вплоть до устья являются командными над всеми северными берегами.

Все указанные выше реки имеют чисто горный характер, маловодны и несудоходны, наполняются водой лишь во время дождей, а многие из них летом в нижнем течении пересыхают.

Железнодорожные пути Севастопольского оборонительного района состояли из одноколейных линий Севастополь-Симферополь и Севастополь-Балаклава. Основной магистралью являлась железная дорога Севастополь-Симферополь, которая соединяла юго-

западную часть Крыма с центральной частью, она проходила по горной местности. От Севастополя железная дорога шла на северо-восток до моста через реку Бельбек и далее через Бахчисарай к Симферополю. На этом участке имелось пять тоннелей, два длинных железных моста через широкую и глубокую балку Графскую и Камышловский овраг. На железной дороге Севастополь-Балаклава в период обороны Севастополя активно действовал бронепоезд Железняков [2, с.63].

В северо-восточной и юго-восточной частях близких к Севастополю районов были хорошо развиты автомобильные дороги, которые были гудрированными. Главные из них: Севастополь - Бахчисарай-Симферополь, Севастополь-Орловка-Бахчисарай, Севастополь-Верхнее, Чернореченское-Бахчисарай и Севастополь-Ялта. Эти дороги пригодны для движения всех родов войск и являлись единственно возможными и удобными путями сообщения и снабжения. По этим дорогам в Севастополь отходили советские войска после прорыва Перекопских позиций, и в последующем происходило снабжение немецких войск осаждавших город [2, с.40].

Присутствовали в Севастополе и грунтовые дороги, которые проходили по пересеченной местности и были пригодны для продвижения в летнее и зимнее время. Поддержание их в хорошем состоянии весной и осенью было весьма затруднительно.

Морской берег от устья реки Кача до Балаклавской бухты большей частью обрывистый, вблизи устья реки Черной он достигает наибольшей высоты. К северу от Севастополя берег Крыма пересечен устьями рек Кача и Бельбек.

В целом, описываемый район в силу гористого и пересеченного характера не благоприятствовал развертыванию операций на сплошном фронте. Долины рек Черной и Бельбека, широкие лощины, участки с более пологими и менее пересеченными скатами высот, как допускающие наиболее широкое применение средств современной боевой техники, использовались как направления для действий основных группировок войск. На остальных участках развертывались боевые действия лишь сковывающего характера [7, с.6].

Местность определяла и характер происходивших боев. Последние развертывались и велись в основном за отдельные высоты или группы высот, имевших тактическое значение. Например, в деятельности артиллерии происходила не просто ее пристрелка к местности, а привязка именно к гористой местности, как в 95 стрелковой дивизии: «Присутствует тщательнейшее изучение местности перед передним краем нашей оборонительной полосы, что способствовало совершенно правильному и точному определению времени открытия огня по наступающему противнику и приводило к полному расстройству его атак. В условиях обороны Севастополя особую важность приобретает значение личной связи командиров групп с общевойсковыми начальниками. В условиях гористой местности необходимо широко применять передовые КП с целью просмотра и разведки всех складок местности. Иметь по несколько позиций для ночной стрельбы, привязывать их к местности и заранее готовить данные для обстрела пунктов сосредоточения и накопления противника» [10, л.40]. Борьба за высоты обычно развертывалась в виде сковывающих наступательных действий непосредственно на высоту с одновременным обтеканием ее по прилежащим лощинам.

Особенно ожесточенные бои происходили у входов и выходов горных дефиле, например бои в районе Оборонное, Нижнее и Верхнее Чернореченское, а также на пересечении горных дорог и коммуникаций. Например, начальник отдела инженерных войск Приморской армии полковник Кедринский отдал командиру 138 отдельного саперного батальона следующую команду: «Установить минное поле в районе стыка трех дорог южнее высоты 101,6 из торпедных мин, подвезенных 3 УВПС. Выбор места минирования по согласованию с командиром 1 сектора обороны. Мины установить, замаскировать и подготовить к взрыву как фугас натяжного действия» [11, л.13]. В данном случае можно увидеть и применение минно-саперных работ в горных условиях и использование ресурсов Черноморского флота в сухопутной обороне Севастополя.

Гористый характер местности определял специфические черты обороны, которая в основном сводилась к созданию опорных пунктов и узлов сопротивления на наиболее важных тактических высотах с организацией

флангового огня вдоль всех лощин, балок и оврагов и минированием скатов высот. Уже упоминавшийся 138 отдельный инженерный батальон, который выполнял задачи в районе Балаклавы, систематически занимался подобным минированием: «У южных скатов высоты 57,7, что 200 метров южнее города Балаклава установлено 70 мин. Работы производились под артиллерийским обстрелом противника и редким освещением ракет» [8, л.18].

Особую роль играли крупные овраги и балки Севастополя, которые являлись хорошими естественными противотанковыми рвами,- это овраги Камышловский и Мартыновский. В целом, оборона горных дефиле строилась на упорном удержании прилежащих высот, огнем с которых запирался вход в дефиле. К сожалению, при грамотном построении обороны в горных условиях в большинстве подразделений Севастопольского оборонительного района, находились и редкие проявления полной неготовности к обороне в указанных горных условиях. Так в 388 стрелковой дивизии, прибывшей в Севастополь в конце декабря 1941г., был выявлен ряд серьезных недостатков: «В ночь с 7 на 8.3.42г. командирами штаба дивизии, политотдела, прокуратуры и трибунала произведена в частях проверка организации и несения караульной службы. Проверкой установлено: окопы отрыты наспех, мелкие, без перекрытий и вообще не обеспечивают от поражения огнем противника. Инженерное оборудование участков до сих пор не закончено. Не все окопы отрыты в полный профиль, не хватает землянок по количеству бойцов, хода сообщения узкие, мелкие и не замаскированные, особенно в 778 стрелковом полку. Нет землянок для пунктов первой медицинской помощи» [12, л.21]. Особо хочется отметить, что данное подразделение находилось на занимаемых рубежах уже несколько месяцев и инженерная подготовка рубежей обороны, была проведена на очень слабом уровне.

Наличие в окрестностях Севастополя ряда штолен, каменоломен и тоннелей благоприятствовало организации там надежных убежищ против артиллерийского огня и авиационных бомбардировок. Эти укрытия использовались для устройства госпиталей, складов и различных предприятий, обслуживающих фронт. Кроме того, в некоторые из штолен заводились самолеты. Во время массовых бомбардировок города в штольни пряталось население [7, с.5]. К сожалению, общее положение местности с востока на запад по мере развития наступления противника увеличивало преимущества последнего, так как в его руки попадали все новые командные высоты [7, с.7].

В целом можно сказать, что оборона Севастополя опиралась на тщательно продуманную и хорошо подготовленную систему полевых сооружений и заграждений, многие из которых оборудовались в условиях гористой местности. Фактор местности, помноженные на массовый героизм советских солдат и офицеров, сыграл важную роль в обороне Севастопольского оборонительного района, особенно в период первого и второго штурмов осенью 1941г. Этот фактор в значительной степени влиял на применение тех или иных родов войск и вооружений, а также способов вооружённой борьбы. Так, при наличии гористой местности с крутыми скатами оптимальным являлось применение минометного вооружения. Неудивительно, что при производстве вооружений в самом Севастополе был отдан приоритет изготовлению минометов.

Таким образом, использование географических особенностей театра военных действий и эффективное топографическое обеспечение обороны Севастопольской городской агломерации позволило прочно удерживать занимаемые рубежи и наносить противнику максимальный урон. Изучение исторического опыта организации эффективной обороны в горно-лесистой местности, включающей городскую агломерацию, в условиях многократного превосходства противника, имеет непреходящее значение не только для историков, но и для органов военного управления современной России.

Список литературы

1. Боевой состав Советской Армии. Часть II. (Январь – декабрь 1942). М.: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1966. 265 с.

2. Ванеев Г.И. Севастополь, 1941- 1942гг.: Хроника героической обороны.- Киев: Украина, 1995г. Т.1:- 30.10.1941- 02.01.1942 гг. 285 с.

3. Великая Отечественная война Советского союза 1941- 1945. Изд. Второе Военное издательство МО СССР. М., 1970. 856 с.
4. Военная топография. М.: Воениздат, 1947. 318 с.
5. Военная топография. М.: Воениздат, 1977. 280 с.
6. Говорухин А.М. Справочник по военной топографии. М.: Воениздат , 1980. 128 с.
7. Оборона Севастополя. Оперативно-тактический очерк. М., Издательство Народного Комиссариата Обороны, 1943г. 46 с.
8. ЦАМО, ф.32632, оп.2814, д.7 138 отдельный инженерный батальон. Подлинник журнала боевых действий.
9. ЦАМО, Ф.1663, оп.1, д.4 345 стрелковая дивизия. Боевые приказы и распоряжения Приморской армии.
10. ЦАМО, ф.1265, оп.1, д.33 Копии документов начальников отделов и служб управления 95 стрелковой дивизии.
11. ЦАМО, ф.32632, оп. 2817сс, д.5 Боевые распоряжения и инструкции инженерным войскам Приморской армии.
12. ЦАМО, Ф.1711, оп.2, д.1 Оперативные сводки 388 стрелковой дивизии.

ROLE AND PLACE OF THE TOPOGRAPHIC FACTOR IN THE ORGANIZATION OF THE DEFENSE OF SEVASTOPOL IN 1941-1942

The article deals with the role and place of the topographic factor in the defense of Sevastopol in the initial period of the Great Patriotic War of 1941-1942. Based on the little-researched topic - the defense of the Sevastopol defensive area with the use of military topography skills, the defense of the main base of the Black Sea Fleet in this period is studied. Some questions are reviewed, in particular, related to camouflaging positions of units and formations of the Seaside Army on the terrain, carrying out reconnaissance measures, and, in general, building and applying tactics and strategy of the Soviet troops using the military topographic factor. In addition, the issues of the use of various weapons in the context of the natural and geographical features of the Sevastopol urban agglomeration used in the defense of the city are touched upon. Also, the peculiarities of the use of aviation in conditions of a hilly and woody terrain with rocky ground during the defense of Sevastopol are considered, which had a serious impact on aerial photography of enemy positions, but allowed the deployment of military and civilian institutions and organizations in galleries, quarries and tunnels. The competent use of military topography skills became one of the factors, along with the courage and fortitude of Soviet servicemen, which allowed the Sevastopol Defense District to contain a long time the powerful German-Romanian grouping.
Keywords: Crimea, Military topography, defense of Sevastopol, Great Patriotic War, historical source.

References

1. Fighting structure of the Soviet Army. Part II: January – December, 1942 (1966) [Fighting structure of the Soviet Army in January- December, 1942]. M.: Military publishing house of the Ministry of Defense of the USSR. 265 p.
2. Vaneev, G.I. (1995). Sevastopol, 1941 - 1942: Chronicle of heroic defense. Part I: 10/30/1941 - 02.01.1942 [Sevastopol in 1941-1942: Chronicle of heroic defense. Tome №1: 10/30/1941 - 02.01.1942]. Kiev: Ukraine. 285 p.
3. Great Patriotic War of the Soviet Union 1941- 1945 (1970) [Great Patriotic War of the Soviet Union in 1941- 1945]. M.: Second Military publishing house of the Ministry of Defense. 856 p.
4. Military topography (1947). [Military topography]. M.: Voyenizdat. 318 p.
5. Military topography (1977). [Military topography]. M.: Voyenizdat. 280 p.
6. Govorukhin, A.M (1980). The reference book on military topography [The reference book on military topography]. M.: Voyenizdat. 128 p.
7. Defense of Sevastopol. Operational and tactical sketch (1943) [Defense of Sevastopol: operational and tactical sketch]. M.: Publishing house of the National Commissariat of Defense. 46 p.
8. TsAMO, f.32632, op.2814, Archiving №7: 138 detached engineering battalion. Original book of the magazine of fighting.
9. TsAMO, F.1663, op.1, Archiving №4: 345 rifle division. Battle- orders and orders of Seaside army.
10. TsAMO, f.1265, op.1, Archiving №33: of the Copy of documents of chiefs of departments and services of management of the 95th rifle division.

11. TsAMO, f.32632, op. 2817ss, Archiving №5: Fighting orders and instructions to engineering troops of Seaside army.
12. TsAMO, F.1711, op.2, Archiving№1: Operational reports of the 388th rifle division.

Об авторе

Сидорчук Евгений Александрович – аспирант кафедры истории и политологии, Государственный университет управления (Россия), E-mail: zerlo739@mail.ru

Sidorchuk Evgeny Aleksandrovich – Graduate student of department of history and political science, State University of Management (Russia), E-mail: zerlo739@mail.ru

УДК 94(415).08

Степанова В.В., аспирант, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева (Россия)

КОНСЕРВАТИВНАЯ ПАРТИЯ ВЕЛИКОБРИТАНИИ И ЗЕМЕЛЬНЫЙ ВОПРОС В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Статья посвящена анализу идеологических установок и практике английских консерваторов по аграрным проблемам в конце XIX – начале XX вв. В статье рассматриваются аграрное законодательство консервативных правительств, их отношение к земельному вопросу в Ирландии и реакция консерваторов на аграрную политику либеральных кабинетов в изучаемый период.

Ключевые слова: Консервативная партия Великобритании, аграрный вопрос Великобритании, ирландская земельная проблема, Дж. Чемберлен.

Опыт изучения сложившейся ситуации в аграрном секторе английской экономики в начале XX в. весьма важен, поскольку принятые тогда решения предопределили развитие сельского хозяйства в стране в последующие десятилетия. Неслучайно английские и российские исследователи периодически обращаются в своих научных изысканиях к земельным вопросам и их отражению в программах политических партий Великобритании. Например, представители английской исторической школы (Л. Джебб, Д. Г. Харбен, Б. Шорт, Я. Пакер[16, 13, 23, 20]) акцентировали внимание на проблемах сельской миграции, развитии мелких сельских хозяйств, земельном налоге и т.д. В отдельных трудах (Дж. Паркер «Земля для народа», Х. Эми «Либералы, радикалы и социальная политика. 1892-1914.» и др.[21, 7]) затрагиваются отношения представителей консервативного движения к реформаторским инициативам либералов, в т.ч. и в аграрном вопросе. Среди английских исследований особое место занимают работы по истории Ирландии, в которых анализируется аграрная политика в регионе[14, 19, 8, 18]. В отечественной исторической науке аграрная тема практически не разработана, хотя отдельные ее аспекты затрагиваются М.Н. Лукьяновым, С.А. Котовым, О.А. Науменковым, В.А. Подольским[3, 2, 4, 5].

В своих программах Консервативная партия Великобритании, главным образом, предлагала решение проблем сельскохозяйственного характера, чему было свое объяснение. Традиционно эту партию считали партией представителей сельских кругов. В ее состав входили отдельные лица и группы, связанные с сельским хозяйством, стремящиеся вернуть свое положение и доходы к уровню 1846 г., когда после отмены хлебных законов наблюдался резкий рост уровня доходов крупных торговых компаний при инерционном сохранении прибыли землевладельцев-аристократов. Последние как раз и лоббировали проведение реформ в сельском хозяйстве.

Экономическая ситуация в стране также заставляла консерваторов обратить свое внимание на ключевые секторы экономики: сельское хозяйство и промышленность. В 1873-1896 гг. страна находилась в состоянии депрессии, а с 1900г. – рецессии. Наконец, представители Консервативной партии поддались модным тенденциям, бытующим в британском обществе - натурализму, движению «Городской сад» Эбенезера Говарда, основанных на убеждении в превосходстве сельской жизни и сельской местности над городской. Вслед за отдельными представителями либералов, социалистов, фабианцев, идеализируя прелести сельской жизни, в среде консерваторов оформляется так называемый «сельский миф», согласно которому решение всех социальных проблем - в «возвращении» в сельскую местность.

Высокий уровень урбанизации, трудности сельской жизни, постепенно увеличивающаяся арендная плата и сложность процесса купли-продажи земли заставляли сельских работников уезжать в город. Консерваторы выдвигали тезис о необходимости изменить сложившуюся ситуацию и остановить отток населения из сельской местности. Тем самым они акцентировали свое внимание не столько на проведении в стране аграрной реформы, сколько на улучшении положения сельских работников. Решение социальных вопросов в сельском хозяйстве оказалось на первом месте их аграрной программы.

В истории земельной политики Великобритании к. XIX – н. XX вв. можно выделить три группы вопросов: основные аграрные решения консервативных правительств 1886-1892, 1895-1902 гг., ирландская земельная политика (1896-1909 гг.), аграрный вопрос и либеральные реформы 1906-1910 гг.

При обсуждении аграрных вопросов в 1895-1910 гг. внутри Консервативной партии возникла острая дискуссия. Большинство консерваторов сходились во мнении, что решение социальных проблем сельского хозяйства должно проходить без использования принудительного выкупа земли государством у лендлордов. Главным аргументом данной точки зрения становился дефицит бюджета. Юнионисты (либералы, отделившиеся от Либеральной партии в 1886 г. и выступающие единой фракцией с консерваторами за сохранение Унии с Ирландией) придерживались противоположенной позиции, выступая за «принудительный принцип» (государство могло выкупить землю независимо от согласия на то помещика, с последующей ее передачи фермерам или арендаторам) и увеличение количества пахотных акров земли на одного сельскохозяйственного рабочего.

Первой попыткой решения проблемы регулирования уровня арендой платы за землю стало принятие «Билля 1887 г.», в котором удалось провести поправку о принципе принуждения при аренде приусадебных участков. Лидер юнионистов Дж. Чемберлен в этой связи подчеркивал, что расширение системы подобных участков, которые обязаны были сдаваться в аренду, было «делом государственной важности»[15, 7].

Дальнейший поиск путей возрождения деревни Дж. Чемберлен связывал с созданием небольших независимых крестьянских хозяйств, о чем он говорил еще в 1885 г., считая, что у каждого сельского работника должно быть «три акра земли и корова»[20, p.10]. В 1892 г. он внес очередной билль о мелких сельскохозяйственных холдингах. Данный документ был поддержан и премьер-министром лордом Солсбери, для которого имело значение не его экономическая, а социальная составляющая: «Я не думаю, что небольшие холдинги являются наиболее экономичным способом возделывать землю. Но есть вещи более важные, чем экономика. Я считаю, что небольшая собственность представляет собой сильнейший оплот против революционных изменений в сельской местности»[11, Col. 1443].

Из окончательного варианта билля убрали положение о принудительном выкупе земли у лендлордов. Отныне советы графств должны были заручиться согласием владельцев на выкуп земли без принуждения и перепродавать или сдавать ее в аренду малыми наделами всем желающим.

К сожалению, предпринятые инициативы консерваторов не дали ожидаемых результатов. Вторая волна сельскохозяйственной депрессии повлияла на сокращение числа посевных площадей зерновых культур и овощей и привела к провалу земельной политики консервативного правительства. К решению аграрного вопроса возвратятся вновь после 1906 г., после прихода к власти либералов.

Нельзя оставить без внимания период с 1896 по 1906 гг., когда консервативные правительства пытались решить земельный вопрос в Ирландии. Консерваторы настаивали на проведении широкомасштабной аграрной реформы в Ирландии и превращении, несмотря на громадные затраты, безземельного ирландского арендатора в мелкого собственника. Таким способом они хотели вернуть землю, отнятую в XVII столетии, ирландским обезземеленным крестьянам, а лендлордов, которые этой землей владели и сдавали ее в аренду безземельным ирландцам, вознаградить в той или иной мере из государственных средств.

Согласно «Земельного закона 1896 г.» безземельным ирландцам было выделено 33000000 стерлингов на покупку земли. Однако закон содержал множество юридических препонов, из-за которых был фактически недействующим. К 1901 г. было выплачено только 13500000 стерлингов, выделенных на покупку земли у лендлордов[14, p. 288]. Вместе с тем, закон 1896 г. имел и положительный момент. Благодаря ему была разрешена продажа сельскохозяйственных угодий, ранее не учувствовавших в земельных аукционах. Местные суды были уполномочены продать земли 1500 обанкротившихся к этому времени имений. Опосредованно влияние закона сказалось и на проведении реформы местного самоуправления в 1898 г., по которой в состав

местных органов власти были включены новые арендаторы и землевладельцы, что исключало контроль лендлордов над системой самоуправления Ирландии. В последующие годы законы 1896 и 1898 гг. легли в основу предвыборной программы ирландской национальной партии «Соединенная ирландская лига», с которой ими были выиграны всеобщие выборы 1900 г. и заложены правовые основы долгосрочного решения земельного вопроса в Ирландии.

В декабре 1902 г. по инициативе «Соединенной ирландской лиги» была организована земельная конференция. В числе делегатов - представители ирландских помещиков во главе с лорд Данрэвеном и арендаторы во главе с Уильямом О'Брайеном, Джоном Редмондом, Т.С Харрингтона и Т.У. Расселом. Последний представлял интересы ольстерских арендаторов-фермеров. Участники заседания разработали новую схему приобретения арендаторами земли. В ее основе лежала идея об участии государства в процессе ее купли-продажи. Правительство должно было взять на себя обязательства по выплате разницы в цене, предложенной помещиками и арендаторами[18, pp. 77-94].

Результаты конференции легли в основу «Ирландского земельного акта Уиндгема», утвержденного парламентом в 1903 г. В нем впервые констатировалась возможность покупки земли под государственные кредиты. На выкуп земли у лендлордов и передачи ее крестьянам-фермерам (на основе облегченных и рассроченных платежей) правительство выделяло 112 миллионов фунтов стерлингов. Уже к 1914 г., таким образом, удалось передать 9 миллионов акров земли [8, pp. 62-63].

Существенные изменения в документ были внесены в 1909 г. «Земельным актом Бирелла». Согласно ему ирландские фермеры-арендаторы, в отличие от остальных представителей Соединенного Королевства, получили более широкие права [18, pp. 74-75]. Акт 1909 г. стал началом внутрипартийного кризиса Консервативной партии. Ирландские юнионисты увидели в действиях консервативного правительства нежелание сотрудничать с ними.

К сожалению, законодательные инициативы по земельным вопросам консервативных правительств лорда Солсбери и А. Бальфура не принесли ожидаемых результатов. В конце 1907 г. в стране было создано всего 244 сельскохозяйственных холдингов, включая ирландские. Консерваторы рассчитывали, что землю сельскохозяйственные рабочие будут приобретать в частную собственность, однако они предпочитали брать ее в аренду для организации подсобных хозяйств. В ежегодном отчете совета по сельскому хозяйству и рыболовству («Board of Agriculture and Fisheries. Annual report of proceedings under the small holdings and all of ments Act 1908») приводятся следующие данные: из 244 сельскохозяйственных холдингов только 59 хозяйств общей площадью 716.75 акров были организованны на земле, выкупленной в частную собственность, остальная часть - примерно ¾ или 164.75 акров - были заняты на правах аренды[6, p. 26].

Среди причин, которые повлияли на создание такой ситуации можно назвать, во-первых, продолжительную сельскохозяйственную депрессию, сделавшую занятие сельским трудом нерентабельным. Большинство сельских работников, как отмечалось выше, предпочитали уезжать в города в поисках больших заработков. Во-вторых - высокие цены на землю и арендную плату. По данным Л. Джебба, средняя цена за землю в начале XX в. колебалась от 32 до 100 фунтов стерлингов; арендная плата - от 2 до 2,5 фунтов стерлинга за акр; аренда крупной фермы – от 15 шиллингов до 1 фунт [16, p. 23]. В-третьих, на большинстве выставленных на продажу земель отсутствовали какие-либо жилые и хозяйственные постройки. В-четвертых, часть потенциальных покупателей не имели собственного сельскохозяйственного инвентаря[13, pp. 57-58].

В 1906 г. к власти приходит Либеральная партия с широкой программой реформ. В числе приоритетных направлений - поддержка сельскохозяйственных рабочих. Либералы были заинтересованы в привлечении их на свою сторону. Ранее сельские избирательные округа традиционно поддерживали консерваторов, однако в ходе избирательных реформ в число избирателей были включены и безземельные сельские рабочие. Именно их интересы стремилась поддержать Либеральная партия.

В 1906 г. либералы принимают «Акт о

сельскохозяйственном землепользовании», согласно которому впервые четко прописываются права арендаторов на запрет увеличения ренты в случае, если цена участка возросла за счет усовершенствований арендатора; на возмещение ущерба от диких зверей и на право самостоятельного отстрела дичи. Более широкие права были предоставлены также арендаторам Шотландии и Ирландии[20, p. 15].

Либералы при создании небольших хозяйств делали ставку на субаренду при государственной поддержке. В «Акте о мелких держаниях и наделах 1907 г.» как раз зафиксировано право местных властей не только покупать, но и брать в аренду землю для дальнейшей субаренды.

Консерваторы поддерживали действия либералов. Наиболее острые дискуссию вызывала лишь поправка, которая касалась предоставления арендаторам более широких прав в Ирландии. На официальную позицию консерваторов оказывало сильное влияние ирландское юнионистское крыло, для которого рост прав ирландца-арендатора равносилен был угрозе роста национализма[24, p. 16]. Действия либералов вынуждали консерваторов вырабатывать встречные предложения, являющиеся продолжением их политической линии 1880-х гг.

Представители Консервативной партии выступали с программой реорганизации сельского устройства под эгидой крупных землевладельцев. Реформаторские идеи нашли поддержку не только среди основной части членов партии, но и среди тех землевладельцев, которые традиционно поддерживали либералов. Английский историк Я. Пакер по этому поводу писал: «Традиционно либералы были плохо представлены в английской сельской местности (в отличие от Шотландии и Уэльса), так как большинство фермеров отождествляли свои интересы с консерваторами как с «сельскохозяйственной партией». Но новые предложения Дж. Чемберлена нашли отклик и у части либералов. Ситуация 1885 г. повторилась»[20, p. 10].

В основе программы консерваторов лежала идея о создании крупными землевладельцами на своих землях новых крестьянских хозяйств, которые бы приносили им прибыль и давали доход для сельских рабочих. Однако внутри партии существовала крупная группа сторонников традиций «патронажа лендлордами» и невмешательства государства в улучшение положения сельских работников. Их идеи нашли воплощение в организации частных проектов «колоний» - комплексов земельных наделов, с развитой инфраструктурой и необходимыми постройками, для дальнейшей аренды; создание фондов взаимопомощи землевладельцев[17, pp. 230-231].

В 1909 г. консерваторы меняют свое отношение к сельским проблемам. Они начинают рассматривать сельский вопрос в прямой взаимосвязи с другими социальными проблемами. В памфлете «Земля для народа» (1909 г.) они заявляют: «Работники покидают поле. Лучшие из них эмигрируют развивать зарубежные страны, худшие еще больше переполняют наши города. Сельская местность пустеет, города запружены бедными… мы сокращаемся, теряем богатство, людей. <…> Потеряв пропорции между полем и фабрикой, национальное равновесии яростно нарушается, что создает серьезные социальные и экономические проблемы»[21, p. 32]. Иными словами, они считали, что причиной безработицы, перенаселения и бедности в городах Великобритании является отток населения из сельской местности.

Установление зависимости социальных проблем от сельскохозяйственной миграции было не новым явлением. Еще в 1873 г. евгенист Фрэнсис Гальтон утверждал, что сельская депопуляция, и, как следствие, дисбаланс между сельским и городским населением ведут к «ухудшению положения расы»[9]. После публикации его выводов в британском обществе развернулась широкая дискуссия по вопросу социального благосостояния [10, pp. 219-221], в которой подчеркивалась важность устранения этого дисбаланса.

Консерваторы видели разрешение существующих социальных трудностей в поощрении тех людей, которые возвращались к сельской жизни. В качестве стимула к изменению ситуации в «Несанкционированной программе 1908 г.» они называли организацию малых сельских хозяйств на принципах кооперации. Небольшие сельские холдинги должны были поддерживаться государственными субсидиями. Реализация задуманного могло дать положительный социальный эффект.

Появление идеи о создании мелких хозяйств стало следствием принятия протекционизма и тарифной реформы как одной из программ Консервативной партии. Еще в 1904 г. тарифная комиссия сельскохозяйственного комитета отмечала растущий интерес к кооперативам и коллективным договорам среди сельскохозяйственных рабочих и фермеров[10, p. 213]. Практика коллективной покупки удобрений, растений и орудий позволяла мелким фермерам экономить и направлять средства на иные нужды, что было невозможно, если бы они выступали единолично. Консерваторы считали, что кооперация позволяла фермерам конкурировать с крупными сельскохозяйственными предприятиями[10, p. 218].

«Несанкционированная программа 1908 г.» включила в себя ряд пунктов, которые касались кредитования таких малых холдингов или кооперативов, их техническую поддержку[25], а так же создание системы сельскохозяйственного образования на начальном уровне[22].

На наш взгляд, важным является и то, что впервые консерваторы начали рассматривать сельскохозяйственные вопросы в контексте проблем социального реформирования, решения вопросов благосостояния, роста труда, прогрессивного налогообложения и конкурентоспособности промышленности[10, p. 259]. Предложения консерваторов по земельной реформе не противоречили прогрессивным идеям времени и служили для удовлетворения широких политико-экономических требований. Например, пункт о начальном агрокультурном образовании в «Программе 1908 г.» являлся прямым продолжением политики консерваторов в сфере народного образования.

Важным радикальным моментом в либеральной земельной политике в 1906-1910 гг. стало зарождение движения за поземельный налог. Концептуальной основой движения стала теория «общественного характера земли», суть которой состояла в том, что земля принадлежит обществу в целом, а, следовательно, прибыль, которую она приносит, должна не сосредотачиваться в руках землевладельцев, а в равной степени распределяться среди членов общества с помощью налогов. Консерваторы негативно отзывались о идеях, предложенных либералами.

Общественность достаточно неоднозначно относилась к введению налога на землю, о чем свидетельствуют местные газетные публикации в «Lancashire Evening Post», «Yorkshire Post», «Sheffield Independent», широко освещающие развернувшуюся дискуссию. Интерес к налогу на землю легко понять: на тот момент в Великобритании он был единственным местным налогом и источником поступлений в местный бюджет[23, p. 81]. По мере развития социальных программ в графствах вопрос их финансирования вставал все более остро.

Либералы предлагали формировать земельный налог за счет трех основных источников: налога на возросшую стоимость земли в результате ее общественного использования, налогообложения неиспользуемой земли и лицензирования. Следует заметить, что понятие «налог на возросшую стоимость земли в результате ее общественного использования» был введен в законодательный оборот впервые. До бюджета 1909 г. существовал единый налог на землю, не учитывавший характер ее использования в сельскохозяйственных целях, промышленном производстве, личном пользовании. Для этого надо было провести оценку земли. Принцип, который лежал в основе земельной оценки, определил в дальнейшем подходы в земельной реформе и учитывал оценку земли как таковой и ее стоимости в совокупности с теми постройками и предприятиями, которые на ней располагались. В ходе парламентских дебатов оценку земли решено было проводить на основе второго подхода: стоимость земли возрастала за счет построек и предприятий, созданных арендаторами, и облагалась 20%-м налогом[12, Col. 532-536].

Оценку прироста стоимости планировали проводить не ежегодно, а только при продаже земли или ее наследовании. Данные всеобщего замера земли, проведение которого было запланировано реформой, должны были стать отправной точкой для последующих подсчетов. От налога освобождались земли, использовавшиеся как сельскохозяйственные угодья.

На практике проведение замера земли

вызывало сложности. Землевладельцы, на которых возлагалось заполнение необходимых документов и осуществление конкретных замеров, выполняли эту работу несвоевременно. Действовавшие инструкции были неясными. Специалистов-землемеров не хватало. За несвоевременно предоставленную информацию выписывались пятидесятифунтовые штрафы[1]. Представители Консервативной партии увидели в этом слабое звено либеральной земельной политике и в ходе выборов 1910 г. использовали его в качестве противовеса либеральной программе.

Таким образом, позиции Консервативной партии в конце XIX - начале XX вв. по аграрным вопросам были вполне конкретны и отражали интересы наиболее устойчивой части консервативного электората – крупных землевладельцев. Для консерватров приоритетным направлением было не столько проведение в стране аграрной реформы, сколько улучшение социального положения сельских работников.

Список литературы

1. Коноплева С.В. Либеральные реформы 1908-1910 гг. в Великобритании в оценках современников: дис…канд. исторических наук. М., МГУ им. М.В. Ломоносова, 2014. 216 с.

2. Котов С.А. Борьба двух тенденций в правящем классе Великобритании в 1906-1908 гг.//Новая и новейшая история. Проблемы новейшей истории Англии и США. Саратов, 1983. С. 30-44.

3. Лукьянов М.Н.Борьба течений в лагере английских консерваторов на рубеже XIX-XX веков//Вопросы всеобщей истории и историографии. Томск, 1982. С. 60-70.

4. Науменков О.А. Роберт Солсбери и его время: Викторианская Англия в лицах. СПб.: Нева, 2004. 368 с.

5. Подольский В.А. Обоснование социальной политики в английской консервативной мысли XIX века//Вопросы философии №3, 2015. М., 2015. С.23-35.

6. Board of Agriculture and Fisheries. Annual Report of Proceedings under the Small Holdings and All of Ments Act 1908. Part 1. L., 1909.

7. Emy H. Liberals, Radicals and Social Politics.1892-1914.Cambridge,1973. 318 p.

8. Ferriter D. The Transformation of Ireland, 1900–2000. L., 2004. 896 p.

9. Galton F. Deterioration of the British Race//The Times. 18 Jun. 1909.

10. Green E.H.H. The Crisis of Conservatism. The Politics, Economics and Ideology of the British Conservative Party, 1880-1914. L., NY. 1996. 412 p.

11. Hansard's Parliamentary Debates 4th Series. Vol. 5. Col.1443.

12. Hansard's Parliamentary Debates 5th Series. Vol. 4. Col.532-536.

13. Harben D.H. The Rural Problem. L., 1913.

14. Hickey, D. J., Doherty, J. E., A New Dictionary of Irish History from 1800, Land Acts. Dublin. 2003. 520 p.

15. Mr. Chamberlain's Speeches. Vol. 11. L., 1903.

16. Jebb L. The Small Holdings of England. L., 1907.

17. Kebbel T.E. The Agricultural Labourers: a Shot Summary of His Position. L., 1887.

18. Maume P. The Long Gestation, Irish Nationalist Life 1891–1918, Dublin. 1999. 340 p.

19. Miller D. W. Church, State and Nation in Ireland 1898–1921. Land for the People. Dublin. 1973. 579 p.

20. Packer I. Liberalism and the Land. The Land Issue and the Party Politics in England, 1906-1914. // Cercles. 2011. Vol. 21. P. 10-26.

21. Parker G. The Land for the People. L., 1909.

22. Ridley J. The Unionist Social Reform Committee, 1911-1914: Wets before the Deluge.//The Historical Journal. 1987. Vol. 30. No.2 (June). P. 391-413.

23. Short B. Land and Society in Edwardian Britain. Cambridge. 1997. 378 p.

24. Smith J. The Tories and Ireland: Conservative Party Politics and the Home Rule Crisis, 1910-1914. Dublin, 2000. 251 p.

25. The Morning Post. 25 Sept. 1908.

THE CONSERVATIVE PARTY OF GREAT BRITAIN AND THE LAND QUESTION AT THE IN THE LATE 19TH AND EARLY 20TH CENTURIES

The evolution of views on the agrarian problem of the Conservative Party of Great Britain in the late 19th and early 20th centuries is discussed in the article. The main solutions of agricultural problems in this period, the solution of the Irish land problem, the conservatives' attitude to the liberal land policy (1906-1910) were analyzed
Keywords: Conservative Party of Great Britain, Land Question in Britain, Irish Land Problem, J. Chamberlain.

References

1. Konopleva, S.V. (2014). Liberalnye reformy 1908-1910 gg. v Velikobritanii v otsenkah sovremennikov: dis…kand. istor. nayk. Moskva, MSU. 216 s.
2. Kotov, S.A. (1983). Bor'ba dvyh tendentsiy v pravyaschem klasse Velikobritanii v 1906-1908 gg. [The struggle of two tendencies in the ruling class of Britain in 1906-1908.] *Novaya i noveyshaya istoriya. Problemy noveyshey istorii Anglii i SShA.[Modern and Contemporary History. The problems of recent history of England and the United States],* 30-44.
3. Lukyanov, M.N. (1982). Bor'ba techeniy v lagere angliyskih konservatorov na rubezhe XIX-XX vekov. [Struggle of currents in the camp of English conservatives at the turn of the XIX-XX centuries] *Voprosyi vseobschey istorii i istoriografii*.[*Questions of general history and historiography.],* 60-70.
4. Naumenkov, O.A. (2004). Robert Solsberi i ego vremya: Viktorianskaya Angliya v litsah. [Robert Salisbury and his time: Victorian England in faces.] Sankt-Peterburg: Neva
5. Podolskiy, V.A. (2015). Obosnovanie sotsialnoy politiki v angliyskoy konservativnoy myisli XIX veka [Substantiation of social policy in the English conservative thought of the XIX century] *Voprosyi filosofii* [*Questions of philosophy*],3, 23-35.
6. Board of Agriculture and Fisheries. Annual Report of Proceedings under the Small Holdings and All of Ments Act 1908. Part 1. (1909).
7. Emy, H. (1973). Liberals, Radicals and Social Politics.1892-1914.Cambridge, 318 p.
8. Ferriter, D. (2004). The Transformation of Ireland, 1900–2000. L., 896 p.
9. Galton, F. (1909). Deterioration of the British Race//The Times.
10. Green, E. H. (1996). The Crisis of Conservatism. The Politics, Economics and Ideology of the British Conservative Party, 1880-1914. L., NY., 412 p.
11. Hansard's Parliamentary Debates 4th Series. Vol. 5. Col.1443.
12. Hansard's Parliamentary Debates 5th Series. Vol. 4. Col.532-536.
13. Harben D.H. (1913). The Rural Problem. L.
14. Hickey, D. J., Doherty, J. E., (2003). A New Dictionary of Irish History from 1800, Land Acts. Dublin. 520 p.
15. Mr. Chamberlain's Speeches. (1903) Vol. 11.
16. Jebb, L. (1907). The Small Holdings of England.
17. Kebbel, T.E. (1887). The Agricultural Labourers: a Shot Summary of His Position.
18. Maume, P. (1999). The Long Gestation, Irish Nationalist Life 1891–1918. Dublin. 340 p.
19. Miller, D. W. (1973). Church, State and Nation in Ireland 1898–1921. Land for the People. Dublin. 579 p.
20. Packer, I. (2011). Liberalism and the Land. The Land Issue and the Party Politics in England, 1906-1914. // *Cercles*, 21, 10-26.
21. Parker, G. (1909).The Land for the People.
22. Ridley, J. (1987). The Unionist Social Reform Committee, 1911-1914: Wets before the Deluge.//*The Historical Journal*. 30, 2 (June), 391-413.
23. Short, B. (1997). Land and Society in Edwardian Britain. Cambridge. 378 p.
24. Smith, J. (2000). The Tories and Ireland: Conservative Party Politics and the Home Rule Crisis, 1910-1914. Dublin. 251 p.
25. The Morning Post. 25 Sept. 1908.

Об авторе

Степанова Валерия Владимировна – аспирант кафедры всеобщей истории и регионоведения, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева (Россия), E-mail: stepanovaleria@gmail.com

Stepanova Valeriia Vladimirovna – graduate student department of General History and Regional Studies, Orel State University named after I.S. Turgenev (Russia), E-mail: stepanovaleria@gmail.com

УДК 341.225

Талагаева Д.А., кандидат политических наук, старший преподаватель, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ (Россия)

РАЗГРАНИЧЕНИЕ МОРСКИХ ПРОСТРАНСТВ МЕЖДУ РОССИЕЙ И НОРВЕГИЕЙ – К ВОПРОСУ ИСТОРИИ

Статья посвящена территории Баренцева Евро-Арктического региона, а именно – Договору между Россией и Норвегией о разграничении морских пространств и сотрудничестве в Баренцевом море и Северном-Ледовитом океане. Данное соглашение стало важной вехой в двусторонних отношениях, особенно в условиях продолжающегося противостояния за Арктические ресурсы. С точки зрения значения соглашения выходит за рамки отношений между двумя странами, став примером мирного решения территориального спора, продолжающегося не одно десятилетие. В статье приводится краткая история вопроса, ход современных переговоров, а также перспективы сотрудничества стран.

Ключевые слова: Арктика; Норвегия; РФ; разграничение морских пространств; морское право.

Политика развития северных регионов в том виде, в каком она существует сегодня, сформировалась после окончания холодной войны, однако основывается на опыте многих десятилетий. Начиная с 2005 года, ежегодным политическим приоритетом является задача дальнейшего развития политики Норвегии в области знаний, активности и присутствия в северных регионах. Практически все министерства, а также ряд представителей государственного и частного секторов ставят перед собой цели и способствуют формированию и реализации политики развития северных регионов [10, с.71]. В этой связи отношения с Россией являются главным столпом политики Норвегии по развитию северных регионов.

В 1993 году, когда Норвегия выступила с инициативой создания Баренцева сотрудничества, большое внимание было уделено привлечению и вовлечению в это сотрудничество других стран, находящихся за рамками данного региона для того, чтобы было легче решать задачи, стоящие перед регионом – как с политической, так и экономической точек зрения [8, с.126].

Баренцево сотрудничество стало основой организованного регионального сотрудничества на Севере. К тому же тесные связи между людьми, живущими на севере Норвегии и на Северо-Западе России, стали важным дополнением к нему, а также иногда вносили свои коррективы во внешнюю политику, проводимую из столиц. В то же время эти связи создали основу для нового экономического роста и укрепления взаимоотношений между людьми.

Баренцево море представляет собой один из морских районов, в котором предполагают открыть крупные запасы нефти и газа. В 1986 году большие запасы были открыты на российской части Штокманского месторождения. На норвежской стороне в 1980 году было открыто первое морское месторождение Снёвит, освоение которого началось в 2001 г. Открытие месторождений на участках Скрюгард и Норварг в 2011 году способствовало появлению новых ожиданий [6, с.62].

Тем не менее исторически нерешённый вопрос о разграничении морских пространств между Норвегией и Россией исключал возможность проведения поисково-разведочных работ в некоторых частях Баренцева моря. Вступивший в силу 7 июля 2011 года договор о разграничении морских пространств дал возможность проводить поисково-разведочные работы на нефть и газ в южной части Баренцева моря. Президентом РФ 26 февраля 1997 года был подписан Федеральный закон № 30-ФЗ «О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву и Соглашения об осуществлении части XI Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву». Мы добровольно приняли на себя международные правовые обязательства по выполнению Конвенции ООН [2, с.12].

Переговоры по разграничению континентального шельфа и экономических зон в Баренцевом море Россия и Норвегия начали еще в 1970 году. Россия настаивала на секторном принципе разграничения в соответствии с постановлением Президиума ЦИК СССР 1926 года. Норвегия полагала справедливым раздел по срединной линии, проходящей на

равном расстоянии от архипелага Шпицберген на западе и от островов Новая Земля и Земля Франца-Иосифа на востоке. В результате образовалась спорная зона площадью в 175 тыс кв. км или 12 процентов от площади Баренцева моря. В 1977 году переговоры по делимитации были осложнены введением Норвегией 200-мильной охранной зоны вокруг Шпицбергена, которую Россия не признавала, ссылаясь на Парижский договор 1920 года. В 1978 году сторонам удалось договориться о совместном управлении частью оспариваемой территории, так называемой «серой зоной» [3,с.15]. Было подписано временное соглашение о совместных мерах контроля за рыбным промыслом и регулирования рыболовства в смежном участке Баренцева моря, которое ежегодно продлевается. Квоты вылова рыбы в норвежской и российской экономических зонах, а также квоты вылова для обеих сторон в смежной зоне Баренцева моря определяет смешанная российско-норвежская комиссия по рыболовству, созданная в 1975 году [11, с.265].

Вопрос о разграничении акватории между Россией и Норвегией решался поэтапно, медленно, шаг за шагом. В 2007 году в Киркенесе министры иностранных дел двух стран Сергей Лавров и Йонас Гар Стёре подписали соглашение о разграничении морских пространств в районе Варангер-фьорда. Тогда была достигнута договоренность по делимитации крошечного приграничного участка. Варангер- фьорд - Варяжский залив Баренцева моря длиной всего лишь 120 километров, шириной у входа 50 километров, расположен у северных берегов Европы, между полуостровами Рыбачий (Россия) и Варангер (Норвегия). Предыдущее соглашение о разграничении этого залива, датированное 1957 годом, касалось только внутренней части Варангер-фьорда. Новый документ разграничивал и внешнюю часть залива, а также снимал часть других нерешенных вопросов. В соглашении был осуществлен пересчет координат морской границы России и Норвегии в Варяжском заливе Баренцева моря в соответствии с Всемирной геодезической системой координат 1984 года. Государственная Дума России 14 марта 2008 года ратифицировала подписанное в июле 2007 года и внесенное в парламент Владимиром Путиным соглашение с Норвегией о разграничении морских пространств в районе залива Варангер-фьорд. Соглашение вступило в силу в 2008 году[4, с.66]. Это был первый успешный опыт делимитации морских границ между Россией и Норвегией.

Необходимо отметить, что заключение этого договора стало своеобразным индикатором позитивных изменений, происходивших в российско-норвежских отношений в тот период.

Следующим политическим шагом стал государственный визит президента РФ Дмитрия Медведева в Норвегию в апреле 2010 года, когда было подписано Совместное заявление по вопросам разграничения морских пространств и сотрудничества в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане [см.7], в котором зафиксировано намерение подписать соответствующий договор. Так создавались благоприятные предпосылки для заключения российско- норвежского договора по разграничению морских пространств и сотрудничеству в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане.

Необходимо также отметить, что решение Комиссии ООН по границам континентального шельфа (2009), принятое по заявке Норвегии (2006), не касалось определения государственной границы с описанием её прохождения и нанесением на карту в соответствии с заключенным договором (делимитация). Согласно Конвенции ООН по морскому праву, делимитация должна проводиться: а) путем договоренности, б) в соответствии с международным правом, в) с целью достижения справедливого решения. Международная судебная практика показывает, что нет такого метода пли принципа, применение которого могло бы в каждом случае привести к справедливому решению[5, с.66]. Только Россия и Норвегия могли разрешить сложившуюся конфликтную ситуацию путем позитивных принципиальных переговоров, применения стратегии взаимовыгодного сотрудничества с учетом скрытых нужд той и другой стороны. Это должно было быть взвешенное решение, учитывающее интересы и потребности обеих сторон. Фактически Норвегия и Россия прошли путь сложных переговоров за сорок лет, завершив в 2011

году длительный процесс делимитации границы в Баренцевом море позитивным соглашением.

Договор о разграничении морских пространств и сотрудничестве в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане был подписан 15 сентября 2010 года в Мурманске министрами иностранных дел России и Норвегии в ходе переговоров президента России Д.А. Медведева и Премьер-министра Норвегии Йенса Столтенберга [1].

Стортинг Норвегии 8 февраля 2011 года проголосовал за ратификацию договора о разграничении с Россией морских пространств в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане. «Это историческое соглашение закрыло последний большой нерешенный вопрос в отношениях наших стран», – прокомментировал это событие министр иностранных дел Ионас Гар Стере. Он напомнил, что линия, проведенная двумя странами по морю, является результатом компромисса, ради которого обеим сторонам пришлось пойти на уступки [5, с.69]. В начале марта норвежский премьер-министр Йенс Столтенберг заявил, что Норвегия официально начнет исследование оффшорных нефтегазоносных территорий вдоль только что очерченной границы в Баренцевом море вскоре после того, как Россия ратифицирует этот договор. Область, о разделении которой, наконец, через сорок лет споров удалось договориться, занимает площадь, равную примерно половине площади Германии. Исследование морского дна, проведенное бывшим Советским Союзом, вроде бы указывает на значительные залежи нефти и газа. Норвежские компании заявили, что новые месторождения в этом районе помогут оживить национальное производство, переживающее в последнее десятилетие определенный спад [4, с.72].

Норвегия приветствовала итоги голосования в российской Государственной Думе, ратифицировавшего 25 марта 2011 года договор о четком разделении Баренцева моря на норвежскую и российскую зоны, что приблизило Норвегию к новым нефтегазоносным пластам в Арктике. «Действия Думы крайне удовлетворительны и стали большим шагом вперед к осуществлению соглашения на практике», – заявил Элзебутанген, представитель норвежского Министерства иностранных дел, через день после того, как соглашение было ратифицировано нижней палатой парламента России [5, с.72].

По словам Элзебутангена, представителя норвежского Министерства иностранных дел граница, эта сделка «откроет дорогу новым регламентам и новым возможностям по эксплуатации ресурсов» [5, с.72].

Со всей очевидностью можно констатировать, что делимитация спорных объектов между Россией и Норвегией стала знаковым событием, которое несомненно станет позитивным примером для других арктических стран. Россия и Норвегия завершили в 2011 году процесс ратификации Договора между Российской Федерацией и Королевством Норвегия о разграничении морских пространств и сотрудничестве в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане. Данный документ четко выдержан в духе международного законодательства по морскому праву. Выгоды от реализации ратифицированного договора для Норвегии вполне очевидны и связаны в первую очередь с освоением нефтегазоносных территорий в Баренцевом море. Договор предусматривает, в частности, подробную регламентацию российско-норвежского сотрудничества в эксплуатации минеральных ресурсов: основой взаимодействия в этой сфере станет принцип, в соответствии с которым каждое месторождение, пересекаемое линией разграничения, может эксплуатироваться только совместно и как единое целое. Такой подход позволяет заблаговременно и эффективно снимать возможные разногласия по вопросу.

Заключение подобного договора является показателем взвешенности, прагматизма, равноправия и взаимозаинтересованности двух стран. Очевидно, что этот договор стал продуктом нового этапа российско-норвежских отношений, в которых Россия прежде всего стратегический партнер Норвегии.

Реализация российско-норвежского договора создаёт следующие возможности:

расширения гуманитарного, культурного сотрудничества, контактов между людьми на Севере. Деловое сотрудничество в контексте реализации договора о разграничении морских пространств и сотрудничестве в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане должно дать дополнительный импульс

взаимодействию по развитию северных регионов, в т.ч. в таких сферах, как создание береговой инфраструктуры по обеспечению шельфовой нефтегазодобычи, транспортировка и переработка углеводородов, судостроение и строительство морской техники, транспорт, информтехнологии и телекоммуникации, прикладные научные исследования, ориентированные на эти отрасли, подготовка соответствующих специалистов [9];

– возможности для кооперации двух стран по разведке и добыче углеводородов в бывшем спорном районе, благоприятные правовые условия для освоения нефтегазовых ресурсов арктического континентального шельфа;

– для совместного режима эксплуатации углеводородных ресурсов; подробной регламентации российско-норвежского сотрудничества в разработке месторождений; [3, с.17]

– более ясные и понятные правовые условия для осуществления рыболовства, недопущения существенных изменений в соответствующих долях сторон в объёмах общего допустимого улова, а также обеспечения стабильности рыболовной деятельности сторон по каждому соответствующему виду рыбных запасов, что объективно сужает вероятность конфликтных ситуаций в этой сфере[5, с.74];

– после вступления договора в силу, как минимум, ещё в течение пятнадцати лет, с возможным продлением на последующие шестилетние периоды, будут действовать основополагающие российско-норвежские соглашения 1975-1976 годов в сфере рыболовства. Продолжится работа Смешанной российско-норвежской комиссии по рыболовству, в рамках которой согласовываются объёмы общего допустимого улова, квоты вылова рыбы. Ещё большее практическое значение приобретает разработка единых технических мер регулирования промысла совместных запасов в Баренцевом и Норвежском морях, что устранит основания для возможных конфликтных ситуаций в связи с задержанием российских судов норвежской береговой охраной.

Угрозы в процессе реализации анализируемого договора возникают в связи с опасением будущего конфликта интересов, во многом выражающиеся впопытках норвежской стороны ограничить доступ российских хозяйствующих субъектов в рыбной отрасли в районы лова. В этом случае у России остаётся весь необходимый набор инструментов — как юридическая, международно-правовая защита наших интересов в этом районе, так и мероприятия уже практического характера, которые были бы не менее чувствительны для наших партнёров по освоению этого спорного района. Актуализируется вопрос о необходимости проведения модернизации российской рыболовной отрасли, перехода на более современные, более эффективные, экологичные методы ведения хозяйственной деятельности и государственной поддержки обновления данной отрасли[4, с.80].

Для норвежско-российского сотрудничества существует много возможностей. В то же время возросшая активность в нефтегазовой отрасли ставит перед ними новые задачи в области экологии в морских районах с уязвимыми экосистемами. В связи с этим страны продолжают осуществлять совместные учения по спасению людей и сохранению экосистем, а также предпринимают меры по улучшению общей экологической обстановки на море. Успешным примером подобного рода сотрудничества являются проводимые ежегодно учения “Баренц”. Заключение и ратификация договора о сотрудничестве (2011) способствует продвижению России и Норвегии ещё на один шаг в направлении арктической солидарности. Отношения двух стран имеют прагматическую направленность, основное внимание в них уделяется решению вопросов, важных для экономики, окружающей среды, транспорта и сотрудничества между странами и регионами на Севере.

Список литературы

1. Договор о разграничении морских пространств и сотрудничестве в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане. URL: www.kremli.ru/supplement/707

2. Ковалев С. Край ледяного безмолвия – будущий горячий регион России // Рыбное хозяйство. – 2010. – №4. – С.12-15.

3. Конышев В., Сергунин А. Арктическое направление внешней политики России //

Научно-аналитический журнал Обозреватель - Observer. – 2011. – Т.254. – №3. – С. 13-20.

4. Криворотов А. Неравный раздел пополам: к подписанию российско-норвежского договора о разграничении в Арктике // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. – 2011. – №2. –С. 62-91.

5. Лукин Ю. Договор между Россией и Норвегией – шаг к мирному переделу морского пространства Арктики // Арктика и Север. – 2011. – №2.

6. Рубцова Н. Баренц-регион в условиях глобализации и регионализации // Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2009. – №5. – С. 60-64.

7. Совместное заявление по вопросам разграничения морских пространств и сотрудничества в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане. URL: www.kremlin.ru/supplement/533

8. Соседи на Крайнем Севере: Россия и Норвегия: От первых контрактов до Баренцева сотрудничества. – Мурманск: Кн. изд-во, 2001.

9. Талагаева Д.А. Норвегия и Россия: военно-политическое взаимодействие в Северных регионах//Военная наука в России и зарубежом//Сборник докладов. – 2016. – С.145-149.

10. Талагаева Д.А. Позитивные и негативные черты современной норвежской социально-экономической модели// Право и управление .XXI век. – 2013. – №3(28). – С.70-73.

11. Талагаева Д.А., Тращенко А.А. Роль нефтяных ресурсов Северного моря в экномике Норвегии// Вестник МГИМО-Университета. – 2015. – №4(43. – С.263-270.

MARITIME DELIMITATION BETWEEN RUSSIA AND NORWAY – A HISTORIC PERSPECTIVE

The article elaborates on the Treaty between the Kingdom of Norway and the Russian Federation on maritime delimitation and cooperation in the Barents Sea and the Arctic Ocean signed in Murmansk in 2010. Its role extends far beyond the scale of bilateral relations, with the Treaty serving as an example of how long-standing territorial controversies can be peacefully settled through a polical process and negotiations. The Treaty correlates with both countries' interests and is beneficial for the furture cooperation, which becomes even more significant in the light of ongoing battle for resources in the Arctic region. The article covers historical development of the matter, providing detailed analysis of the current state of affairs, and giving some hnts for thought concerning the perspectives of the cooperation.
Keywords: Arctic; Norway; Russia; delimitation; law of the sea.

References

1. Dogovor o razgranichenii morskih prostranstv i sotrudnichestve v Barentzevom more i Severnom Ledovitom Okeane. [Treaty between the Kingdom of Norway and the Russian Federation concerning Maritime Delimitation and Cooperation in the Barents Sea and the Arctic Region] URL: www.kremli.ru/supplement/707

2. Kovalev S. Krai ledyanogo bezmolviya – buduschii goryachii region Rossii//Rybnoe hozyaistvo. [The region of cold silence – the future hot spot of Russia// Fish industry]. – 2010. - #4. – P.12-15.

3. Konyshev V., Sergunin A. Arkticheskoe napravlenie vneshnei politiki Rosii//Nauchno-analiticheskii zhurnal Obozrevatel [Russia's Arctic Policy//Scientific journal Observer]. – 2011. – V.254. - #3. – P.13-20.

4. Krivorotov A. Neravnyi razdel popolam: k podpisaniyu rossisko-norvezhskogo soglasheniya o razgranichenii v Arktike//Vestnik Moskovskogo Universiteta [Unequal delimitation in halves: about the Treaty on Delimitation between Russia and Norway]. 2011. -#2. – P.62-91.

5. Lukin Y. Dogovor mezhdu Rossiei i Norvegiei – shag k mirnomu peredelu morskogo prostranstva Arktiki// Arktika i Sever [The Treaty between Russia and Norway – a step towards peacefyl delimitation of the Arctic sea//Arctic and the North]. – 2011. -#2.

6. Rubtsova N. Barents-region v usloviyah globalizatsii i regionalizatsii//Vestnik Pomorskogo Universiteta [Barents-region in globalization and regionalization//Vestnik of Pomor University]. – 2009. -#5. – P.50-54.

7. Sovmestnoe zayavlenie po voprosam razgranicheniya morskih prostranstv i sotrudnichestva v Barentsevom regione [Joint Declaration between the Kingdom of Norway and the Russian Federation concerning Maritime Delimitation and Cooperation in the Barents Sea and the Arctic Region] URL: www.kremlin.ru/supplement/533

8. Sosedi na Krainem Severe: Rossiya i Norvegiya – ot Pervykh Kontaktov do Barentseva Sotrudnichestva [Neighbours in the North: Russia and Norway – from first contacts to Barens-cooperation]. Murmansk. – 2001.

9. Talagaeva D. Norvegiya i Rossiaya: voenno-politicheskoe vzaimodeistvie v Severnyh Regionah//Voennaya nauka v Rossii i zarubezhom//Sbornik dokladov [Norway and Russia: military and political Cooperation in the Northern Regions//Military Science in Russia and abroad//Compendium of reports]. – 2016. – P. 145-149.

10. Talagaeva D. Pozitivnye i negativnye cherty sovremennoi norvezhskoi sotsialino-ekonomicheskoi modeli//Pravo i upravlenie. XXI vek [Positive and Negative Features of the Norwegian Modern Socio-Economic System//Law and Governance. XXI centure]. – 2013. - #3. – P.70-73.

11. Talagaeva D., Traschenko A. Rol' neftyanyh resursov Severnogo morya v ekonomike Norvegii//Vestnik MGIMO-Universiteta [The Role of the Oil Industry in Norway's Economy//Vestnik MGIMO-University]. -2015. - #4. –P. 263-270.

Об авторе

Талагаева Дарья Александровна – кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры английского языка №6, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ (Россия), E-mail: d.talagaeva@mail.ru

Talagaeva Daria Aleksandrovna – PhD (Political Science), senior lecturer, English language Department #6, Moscow State Institute of International Relations (University) MFA RF (Russia), E-mail: d.talagaeva@mail.ru

УДК 94(5)

Ходынская-Голенищева М.С., кандидат исторических наук, сотрудник Постоянного представительства Российской Федерации при ООН и других международных организациях в Женеве

ФОРМИРОВАНИЕ ЖЕНЕВСКОГО ПЕРЕГОВОРНОГО ПРОЦЕССА ПО УРЕГУЛИРОВАНИЮ КОНФЛИКТА В СИРИИ («ЖЕНЕВА-1»)

В статье раскрываются особенности формирования Женевского переговорного процесса по урегулированию вооруженного конфликта в Сирии. Автор анализирует позиции и подходы ключевых участников этого процесса – России и США. Россия настаивала на включении в переговорный процесс максимально широкого круга участников, на разделении собственно сирийских участников конфликта и дружественных им внешних сил. Соответственно, внешним силам предлагалось содействовать переговорам между сирийским правительством и оппозицией, но не определять содержание и цели этих переговоров. Позиция США заключалась в том, чтобы создать предпосылки для смены режима в Сирии и разрешении конфликта путем создания нового политического режима в стране. Проведенный анализ позволяет полноценно осветить предпосылки для полписания Женевского коммюнике, которое заложило основы для переговорного процесса. Хотя инициатива «Женева-1» не в полной мере была реализована, выработанные в ходе консультаций принципы остаются актуальными и в наши дни.
Ключевые слова: Сирия, «Арабская весна», «Женева-1», переговоры.

После драматических событий «Арабской весны» нестабильность охватила многие страны Ближнего Востока и Северной Африки. Особенно драматично события разворачивались в Сирийской Арабской Республике, где мирные протесты быстро переросли в вооруженный конфликт с участием внешних сил [2]. По сути, светский режим Сирии вступил в борьбу не только с умеренно либеральными и даже левыми оппозиционными силами, но и радикальными консерваторами-салафитами [10]. Международное сообщество почти сразу стало предпринимать попытки примирить враждующие стороны, однако долгое время эти усилия оставались безрезультатными, что привело к непредвиденным последствиям, как например, случилось с ростом миграции в Европу из охваченного конфликтами региона [7].

Некоторые подвижки в деле урегулирования межсирийского конфликта начались после назначения специальным посланником ООН и ЛАГ по Сирии бывшего генсека ООН К. Аннана. К. Аннан сформулировал план из шести пунктов, с которым согласилось руководство Сирии [13]. Проблемы, связанные с его имплементацией, встали острее после того, как оппозиционная Сирийская свободная армия заявила, что не будет выполнять требование о прекращении огня. Получалось, что либо одна сторона конфликта, либо другая – отвергали мирные инициативы [3]. В таких условиях только внешнее давление могло способствовать снижению напряженности и поиску конструктивных решений для имевшихся проблем. Инициативу взяла на себя Россия, предложившая срочно созвать Международную конференцию по Сирии. Эта инициатива была поддержана К. Аннаном, который ранее выдвинул идею создать Контактную группу, которая бы занималась поиском путей решения сирийского конфликта.

Дипломатия России основательно подготовилась к продвижению данной инициативы, постаралась заранее донести свое видение ситуации и того, как должна проходить конференция по межсирийскому урегулированию. Суть позиции РФ заключалась в том, что ключевые внешние игроки должны действовать скоординированно, оказывать воздействие на ту из сирийских сторон, на которую они имеют влияние, с целью соблюдения сирийцами положений плана из шести пунктов, одобренного СБ ООН [4]. Вывод вооруженных людей из сирийских городов также должен был, по задумке Москвы, выполняться на основе взаимности и под приглядом Миссии ООН по наблюдению в Сирии. Что касается политических договоренностей, то в России считали: решать, как двигаться в сторону демократической и плюралистической политической Сирии, должны представители сирийского правительства и всех крупных групп оппозиции, а никак не внешние силы. Когда же такие договоренности будут достигнуты, их уже можно было бы закрепить резолюцией СБ ООН.

Несколько иную позицию занимали

США, которые рассматривали Международную конференцию по Сирии исключительно как механизм отстранения от власти Б. Асада. Именно об этом, по мнению американцев, должно было договориться международное сообщество и затем «объявить» сирийцам. О том, что именно сирийские стороны должны самостоятельно определять в какой стране они хотели бы жить, коллегам из США приходилось постоянно напоминать. В ходе мероприятий по подготовке Женевской конференции американцы постоянно твердили российской стороне, что без утверждения принципа о том, что «Б. Асад должен будет уйти, забрав с собой ближайшее окружение», уговорить оппозицию явиться на переговоры им не удастся.

Именно поэтому в ответ на российский проект документа Вашингтон представил свои контрпредложения, которые, по сути, представляли собой план замены существовавшего режима в Дамаске без каких-либо консультаций с сирийцами. Заранее определялось, кто должен войти в новое сирийское правительство, а кто нет. Говорилось об установлении «гражданского контроля над военными силами». Назначался короткий срок, в течение которого должны были произойти все перемены. Механизм смены власти, предложенный американцами, напоминал схему, проделанную в Ливии с Переходным национальным советом – необходимо создать правительство, навязать его народу и объявить, что в Сирии «воцарилась демократия».

Такая позиция находилась в определенном противоречии с тем, что уже было зафиксировано в ходе совместных консультаций РФ и США. Например, в совместном заявлении лидеров России и США по итогам переговоров в Лос-Кабосе 18 июня 2012 г., в котором говорилось, что сирийский народ должен иметь возможность самостоятельно определять свое будущее, а движение в направлении перехода к демократической, плюралистической политической системе должно осуществляться самими сирийцами в рамках суверенитета, независимости, единства и территориальной целостности САР [11].

В конечном итоге, команда К. Аннана по запросу западных государств подготовила детальный документ о том, как должны быть достигнуты договоренности по будущему Сирии. Россия предприняла шаги, чтобы соотнести свою инициативу с этим документом и, главное, чтобы найти способы направить *самих сирийцев* на достижение соответствующих договоренностей, которые удовлетворили бы обе стороны. Задачей международного сообщества, в соответствии с российскими предложениями, должно было быть создание необходимой атмосферы для переговоров и оказание давления на стороны в пользу прекращения вооруженного противостояния и поиск компромиссов. Призыв к выводу сил и вооружений должен быть адресован и правительству, и оппозиции, а не только властям, как говорилось в изначальном документе.

Чтобы привлечь к переговорам и правительство Сирии, и оппозицию, Россия предлагала отложить решение вопросов о конкретной конфигурации будущих органов власти в Сирии. Вполне очевидно, что слишком настойчивые советы о демократизации могли быть отвергнуты Дамаском как несоответствующие текущим задачам в условиях вооруженного конфликта. Доводить до такой ситуации Москва считала неправильным, так как резкий отказ Сирии от участия в переговорах (при наличии каких-либо намеков на «Асад должен уйти») вызвал бы стремление западных стран силовым путем добиться смены режима в стране. Нельзя было допускать и возможность принятия резолюции СБ ООН по «силовой» Главе VII Устава ООН и введения оружейного эмбарго. Пример Ливии показал, что западные страны могут при желании обходить режим эмбарго и поддерживать дружественные силы «демократической оппозиции».

Логика реакции США и ЕС была очевидна: российские предложения по внесению конструктивных изменений в рабочий документ спецпредставителя К. Аннана расценивались как затягивание процесса урегулирования и попытки оттолкнуть от переговоров часть оппозиции, для которой смещение действующего президента Сирии было вопросом принципа. Представители США угрожали, что не приедут на переговоры. Такая позиция была уязвимой с дипломатической точки зрения, поскольку формирование консенсуса достигается путем переговоров, а не

путем взаимных обвинений. К тому же, рабочий документ К. Аннана представлял собой набор достаточно общих предложений, а не ультиматумов и рецептов решения межсирийского конфликта [4].

Несмотря на угрозы американцев не явиться на мероприятие, в конечном итоге в Женеву они приехали. В конференции приняли участие министры иностранных дел России, Китая, США, Великобритании, Франции, Турции, Ирака, Катара, Кувейта, а также Высокий представитель по иностранным делам и политике безопасности Евросоюза К. Эштон. Москва настаивала на том, чтобы в Женеву пригласили также глав внешнеполитических ведомств Ирана и Саудовской Аравии – ведь Тегеран и Эр-Рияд имели большое влияние на воюющие в Сирии стороны. Однако США и их союзникам очень не хотелось предоставлять возможность для участия в такой политически важной конференции иранцам, и они отказались привлечь к дипломатическим усилиям две ведущие региональные державы. Интересно, что от переговоров уклонился и Израиль, чьи интересы конфликт в Сирии затрагивает в силу территориальных споров [9].

По итогам многочасовых переговоров глав дипломатических ведомств в Женеве был выработан документ, предложивший план международного сопровождения усилий сирийцев по выходу из кризиса. Коммюнике в полной мере учитывало российские приоритеты. Возможности использовать его для оказания одностороннего давления не было.

Основной смысл Женевского коммюнике – именно сами сирийцы, без вмешательства извне должны определить параметры сирийского государства на демократических началах, включая новое конституционное устройство и формирование переходного управляющего органа. Прописывались гарантии соблюдения прав проживавших в Сирии меньшинств, а также шаги по доставке гуманитарного содействия. Определялись меры обеспечения безопасности, включая установление режима прекращения огня.

Документ прописывал, что внешние игроки должны использовать весь свой потенциал влияния на сирийские стороны для того, чтобы привести их за стол переговоров и «удержать» на политическом треке. Прекратить вооруженное насилие, а также предпринять меры гуманитарного характера были обязаны обе стороны конфликта.

Важным достижением российской дипломатии стало то, что западные страны впервые признали, что им необходимо работать с сирийской оппозицией с целью добиться ее участия в переговорах и мирном разрешении конфликта. Также коммюнике не предусматривало никаких предварительных условий для начала процесса политического перехода и национального диалога, условий в виде исключения из него какой-либо группы [6]. В то же время, несмотря на то, что в тексте была зафиксирована недопустимость милитаризации конфликта, США и союзники наотрез отказался от российского предложения включить формулировку о необходимости противодействовать незаконным поставкам оружия в Сирию. Тем самым, оставались определенные лакуны в институциональном оформлении процесса урегулирования.

Женевское коммюнике запустило так называемый процесс «Женева-1» - переговорную площадку по межсирийскому урегулированию. Во-первых, предполагалось запустить работу «Группы действий» по Сирии для совместных консультаций участников переговоров. «Группа действий» должна была фиксировать проблемы в урегулировании и обращаться к сторонам конфликта с предложениями по их решению. А сами сирийцы должны были договориться о том, как им нужно выполнять документ.

Исходя из того, что имплементация Женевского коммюнике предполагала коллективное сопровождение межсирийского диалога со стороны внешних игроков, российская сторона рекомендовала западным государствам заморозить активность «Группы друзей Сирии» и перевести все усилия в формат «Группы действия» (она объединила государства, которые приняли Женевское коммюнике). «Группа друзей» объединяла в основном ближневосточных союзников США, которые поддерживали радикальные и эмигрантские группы сирийской оппозиции: наличие такого формата препятствовало собственно диалогу официального Дамаска с оппозицией. Однако США и их союзники это

сделать отказались. Сохранив «Группу друзей Сирии» в качестве обезличенного «международного сообщества, требующего свержения диктатора» [12], западные страны зарезервировали за собой возможность игнорировать или по своему трактовать Женевское коммюнике. Важно, что многие оппозиционеры, поддерживаемые «Группой друзей», давно остепенились в странах проживания и утратили контакты с Сирией и проходившими там политическими процессами. Помимо «Группы друзей» в активе стран Запада оставалась немногочисленная, но настроенная против Асада сирийская диаспора [8].

То, что именно этой логикой руководствовались наши западные партнеры, видно на примере пресс-конференции госсекретаря США Х. Клинтон, которая состоялась сразу после принятия Женевского коммюнике. Глава Госдепартамента интерпретировала суть договоренностей таким образом, чтобы «подтянуть» их к позиции США. Она сказала, что документ представляет собой набор важных шагов, включая формирование «постасадовского» правительства национального единства. На Б. Асада, по ее словам, нужно наращивать давление. Правительство должно вывести войска. А «мы», дескать, «держим в уме» введение санкций [14]. Разумеется, заявление Х. Клинтон было рассчитано, в том числе и на «внутреннее потребление» в США. Однако оно свидетельствовало о том, что в Вашингтоне от своей задачи сместить Б. Асада не отказались и рассматривают Женевское коммюнике в качестве возможного инструмента достижения этой цели.

Руководствуясь поданным Х. Клинтон примером, американские официальные лица принялись избирательно выхватывать из документа выгодные для Вашингтона положения, подавая их в необходимом ключе. Пресс-секретарь Госдепартамента США В. Нуланд назвала текст «направлением, в котором должна будет двигаться Сирия после Б. Асада». Бывший посол в САР Р. Форд, «ответственный» за работу с сирийской оппозицией, после выработки Женевского коммюнике прибыл в Каир, где в ходе встречи с сирийской оппозицией призывал ее активнее подбирать человека на замену Б. Асаду, а также членов будущего правительства. Такие действия в значительной степени противоречили содержанию «Женевы-1», поскольку вопрос политического устройства был отложен и был поставлен в прямую зависимость от межсирийского диалога [5].

Однако переговоры между сторонами конфликта в Сирии запустить не удалось. Правительство Сирии по рекомендации России приняло рекомендации Женевского коммюнике и согласилось участвовать в переговорах с оппозицией без предварительных условий. Более того, Сирия выдвинула собственные предложения, которые включали создание механизма мониторинга прекращения огня и параметры политического перехода (разработка Национальной хартии, формирование расширенного правительства с участием всех сегментов сирийского общества, проект новой Конституции, проведение выборов). Однако представители сирийской оппозиции уклонились от участия в переговорах и не стали по существу обсуждать предложения Б. Асада.

Именно в период, последовавший после принятия Женевского коммюнике, проявилась одна из основных проблем современного международного взаимодействия – кризис договороспособности и нежелания выполнять коллективно согласованные решения. Только через семь месяцев удалось вернуть стороны за стол переговоров, что в условиях продолжавшегося конфликта привело к большим человеческим жертвам. Безусловно, принятию любых решений предшествуют колебания и неуверенность [1], но в данном случае затягивание переговоров имело политическую подоплеку.

Несмотря на неудачу, «Женева-1» запустила цикл дальнейших консультаций по межсирийскому урегулированию. Более того, России удалось на глобальном уровне закрепить важнейшие принципы урегулирования, такие как размежевание сторон конфликта и внешних игроков, коллективное сопровождение процесса урегулирования, объединений усилий всех заинтересованных сторон, начало переговоров без предварительных условий, отказ от силовой смены режима в Сирии (в том числе, под прикрытием решений ООН). Именно эти принципы позволили искать дальнейшие пути урегулирования на максимально широкой основе.

Список литературы

1. Алексеева Т.А., Минеев А.П., Лошкарёв И.Д. "Квантовая" теория принятия решений в политической науке // Полис. Политические исследования. 2017. № 4. С. 22-32.

2. Антюхова Е.А. «Арабская весна»: политические кризисы и конфликты в государствах Ближнего Востока и Северной Африки // Национальный интерес. 2016. Т. 27. № 3. С. 147-167.

3. Буров А.Н. Сирийский кризис: внутренние и международные аспекты // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2012. № 3. С. 87-95.

4. Выступление и ответы Министра иностранных дел России С. В. Лаврова на вопросы СМИ в ходе пресс-конференции по итогам встречи «Группы действия» по Сирии. Женева, 30 июня 2012 года. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/150786

5. Гатилов Г.М. Формула урегулирования в Сирии: межсирийский диалог, помноженный на эффективную роль внешних игроков // Международная жизнь. 2013. № 11. С. 32-43.

6. Заключительное коммюнике «Группы действий» по Сирии, Женева, 30 июня 2012 года. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/sy/-/asset_publisher/9fcjSOwMERcf/content/id/150810

7. Касаткин П.И., Хрусталев И.М., Аватков В.А. Евробезопасность, интеграция и «мягкая сила» миграции в XXI веке // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 6 (27). С. 79-93.

8. Лошкарёв И.Д. Эволюция понятия «диаспора» в политической науке // Этносоциум и межнациональная культура. 2017. № 4 (106). С. 70-78.

9. Морозов В.М. Израиль и средиземноморская безопасность // Международные процессы. 2012. Т. 10. № 30. С. 91-97.

10. Пареньков Д.А. Сохраняй и властвуй: консерватизм в XXII веке // Мир через 100 лет сборник статей. Москва, 2016. С. 53-58.

11. Совместное заявление Президента Российской Федерации В. В. Путина и Президента Соединенных Штатов Америки Б.Обамы (Лос-Кабос, 18 июня 2012 года) 18 июня 2012 года. URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/1244

12. Interview. Hillary Rodham Clinton. Secretary of State. Geneva, Switzerland. July 1, 2012. Bloomberg. URL: https://still4hill.com/2012/07/01/hillary-clinton-interviews-from-geneva/

13. Letter of UN Secretary-General BAN Ki-Moon to Ms.Susan Rice, President of the Security Council. New York. 18 April 2012. URL: http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/2012/238

14. Remarks. Hillary Rodham Clinton. Secretary of State. Palais de Nations. Geneva, Switzerland. June 30, 2012. US Department of State. URL: https://geneva.usmission.gov/2012/06/30/secretary-clinton-press-availability-following-the-meeting-of-the-action-group-on-syria/

FORMATION OF THE GENEVA NEGOTIATING PROCESS FOR CONFLICT – RESOLUTION IN SYRIA ("GENEVA-1")

The article reveals the peculiarities of the formation of the Geneva negotiation process on the settlement of the armed conflict in Syria. The author analyzes the positions and approaches of key participants in this process - Russia and the United States. Russia insisted on including the widest possible range of participants in the negotiation process, on the division of the Syrian participants in the conflict and the external forces friendly to them. Accordingly, the external forces were encouraged to facilitate negotiations between the Syrian government and the opposition, but not to determine the content and purpose of these negotiations. The US position was to create prerequisites for changing the regime in Syria and resolving the conflict by creating a new political regime in the country. The analysis allows to fully explain the prerequisites for the signing of the Geneva Communique, which laid the foundation for the negotiation process. Although the initiative "Geneva-1" was not fully implemented, the principles developed during the consultations remain relevant in our days.
Keywords: Syria, "Arab spring", "Geneva-1", negotiations.

References

1. Alekseeva, T.A., Mineev, A.P., Loshkarjov, I.D. (2017). "Kvantovaja" teorija prinjatija reshenij v politicheskoj nauke ["Quantum" theory of decision-making in political science]. *Polis. Politicheskie issledovanija* [*Polis. Political research*], 4, 22-32.

2. Antjuhova, E.A. (2016). «Arabskaja vesna»: politicheskie krizisy i konflikty v gosudarstvah Blizhnego Vostoka i Severnoj Afriki [Arab spring: political crises and conflicts in countries of the Middle East and North Africa]. *Nacionalni interes* [*National interest*], Vol. 27, 3, 147-167.

3. Burov, A.N. (2012). Sirijskij krizis: vnutrennie i mezhdunarodnye aspekty [The Syrian crisis: domestic and international aspects]. *Kaspijskij region: politika, jekonomika, kul'tura* [*Caspian region: politics, economy, culture*], 3, 87-95.

4. Vystuplenie i otvety Ministra inostrannyh del Rossii S. V. Lavrova na voprosy SMI v hode press-konferencii po itogam vstrechi «Gruppy dejstvija» po Sirii. Zheneva, 30 ijunja 2012 goda. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/150786

5. Gatilov, G.M. (2013). Formula uregulirovanija v Sirii: mezhsirijskij dialog, pomnozhennyj na jeffektivnuju rol' vneshnih igrokov [The formula for settlement in Syria: the inter-Syrian dialogue coupled with an effective external role players]. *Mezhdunarodnaja zhizn'* [*International life*], 11, 32-43.

6. Zakljuchitel'noe kommjunike «Gruppy dejstvij» po Sirii, Zheneva, 30 ijunja 2012 goda. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/sy/-/asset_publisher/9fcjSOwMERcf/content/id/150810

7. Kasatkin, P.I., Hrustalev, I.M., Avatkov, V.A. (2012). Evrobezopasnost', integracija i «mjagkaja sila» migracii v XXI veke [European security, integration and 'soft power' of migration in the XXI century]. *Vestnik MGIMO-Universiteta* [*Herald of MGIMO-University*], 6 (27), 79-93.

8. Loshkariov, I.D. (2017). Jevoljucija ponjatija «diaspora» v politicheskoj nauke [The evolution of the concept "Diaspora" in political science]. *Jetnosocium i mezhnacional'naja kul'tura* [*Ethnosocial and ethnic culture*], 4 (106), 70-78.

9. Morozov, V.M. (2012). Izrail' i sredizemnomorskaja bezopasnost' [Israel and Mediterranean security]. *Mezhdunarodnye processy* [*International processes*], T. 10, 30, 91-97.

10. Paren'kov, D.A. (2016). Sohranjaj i vlastvuj: konservatizm v XXII veke [Save and conquer: conservatism in the XXII century]. *Mir cherez 100 let* [*The World in 100 years*]. Moskva, 53-58.

11. Sovmestnoe zajavlenie Prezidenta Rossijskoj Federacii V. V. Putina i Prezidenta Soedinennyh Shtatov Ameriki B.Obamy (Los-Kabos, 18 ijunja 2012 goda) 18 ijunja 2012 goda. URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/1244

12. Interview. Hillary Rodham Clinton. Secretary of State. Geneva, Switzerland. July 1, 2012. Bloomberg. URL: https://still4hill.com/2012/07/01/hillary-clinton-interviews-from-geneva/

13. Letter of UN Secretary-General BAN Ki-Moon to Ms.Susan Rice, President of the Security Council. New York. 18 April 2012. URL: http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/2012/238

14. Remarks. Hillary Rodham Clinton. Secretary of State. Palais de Nations. Geneva, Switzerland. June 30, 2012. US Department of State. URL: https://geneva.usmission.gov/2012/06/30/secretary-clinton-press-availability-following-the-meeting-of-the-action-group-on-syria/

Об авторе

Ходынская-Голенищева Мария Сергеевна – кандидат исторических наук, сотрудник Постоянного представительства Российской Федерации при ООН и других международных организациях в Женеве, E-mail: khodynskaya_m@mail.ru

Khodynskaya-Golenishcheva Maria Sergeevna – PhD in History, employee of the Permanent Mission of the Russian Federation to the United Nations and other international organizations in Geneva, E-mail: khodynskaya_m@mail.ru

УДК 94(47).084.6

Черниловский А.А., кандидат исторических наук, доцент, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева (Карачевский филиал) (Россия)

БУДУЩАЯ ВОЙНА НА ТИХОМ ОКЕАНЕ И АЗИИ В ВОЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1930-Х ГОДОВ

В статье анализируются работы советских и зарубежных авторов 1930-х гг. о будущей войне на Тихом океане и в Азии, оценивается достоверность сделанных в этих работах прогнозов. Констатируется, что невозможно было предвидеть молниеносную победу Советского Союза в советско-японской войне, что ход войны между США и Японией в 1930-х гг. также представляли ошибочно. Невозможно было учесть в прогнозах роль принципиально новых технических изобретений, радара и атомного оружия.

Ключевые слова: прогнозы; советско-японская война; японско-американская война; Манчжурия; Тихий океан; наступление; оборона; пехота; артиллерия; танки; авиация; линкоры; авианосцы; подводные лодки; морское сражение; базы флота.

Оккупация Японией Манчжурии в сентябре 1931 г. означала образование дальневосточного очага Второй мировой войны. На протяжении 1930-х гг. и в Японии, и в США, и в СССР существовали определенные представления о будущей войне в Азии, создавались ее прогнозы.

Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы охарактеризовать прогнозирование войны на Дальнем Востоке, которая в 1930-х гг. была будущим, а для нас является прошлым.

Мы намерены охарактеризовать прогнозы, сделанные в некоторых работах отечественных и зарубежных авторов, опубликованных в СССР, оценить соответствие этих прогнозов реальности Тихоокеанского театра Второй мировой войны.

Осенью 1933 г. в советской военной печати была опубликована работа японского публициста Сисаку Хираты, посвященная будущей советско-японской войне. В одной из наших предыдущих публикаций мы подробно проанализировали прогнозы, сделанные этим японским автором [10], поэтому здесь отметим лишь, что он описывал ход боевых действий в виде одновременного наступления Квантунской армии из Манчжурии в трех расходящихся направлениях: на Владивосток, через Амур, и через Монголию на Иркутск. Хирата предрекал японцам победу на всех трех фронтах [9].

В 1934 г. в СССР была издана повесть японского автора Киосукэ Фукунаги, в которой описана японско-американская война 1936 года и победа японского флота в генеральном морском сражении [8]. Художественное произведение, разумеется, не является прогнозом, и для цели настоящей статьи имеет значение не повесть, а советское предисловие и примечания к ней.

Советское предисловие к книге Фукунаги было написано советским государственным деятелем К.Б. Радеком. Он верно предсказывал, что Япония, как и в 1904 г., развяжет войну без ее формального объявления. При этом Радек скептически оценивал возможность легкой победы японцев над Америкой и рассчитывал на пролетарскую революцию в Японии.

В примечаниях советской редакции также говорится, что победа над американским флотом не может оказаться легкой как в повести, у японцев не будет превосходства в силах над ним. Для японского флота было бы крайне рискованно совершать поход к Гавайским островам, столь же рискованным был бы поход американского флота к берегам Японии. Исходя из этого, советская редакция ожидала генерального сражения между японским и американским флотами в северной части Тихого океана, между Аляской и Курилами.

В 1934 г. вышла работа Н. Терентьева «Очаг войны на Дальнем Востоке», в которой констатируется сдержанность, проявляемая Америкой по отношению к японской агрессии в Китае. Главную причину такой сдержанности автор видел в трудности для Америки будущей войны: «…война, которую придется вести на столь отдаленном театре военных действий, через всю громаду Тихого океана и без соответствующих баз (Филиппины и Гуам, которые по Вашингтонскому соглашению запрещено укреплять, могут

быть сразу же захвачены Японией), представляет огромные технические трудности ввиду исключительно благоприятных стратегических позиций, занимаемых Японией» [7, 139 – 140]. Однако советский публицист подчеркивал, что эта сдержанность относительна и Америка, безусловно, может отстаивать с оружием свои интересы в Китае.

В неявной форме Терентьев говорил о возможности советско-американского союза. Главная сфера интересов американского империализма, Центральная и Южная Америка, максимально удалена от СССР, в европейских делах интересы США и СССР не сталкиваются, на Дальнем Востоке интересам американского капитала угрожает не Советский Союз, а японский империализм. В руководящих кругах Америки стремятся «в той или иной форме опереться на Советский Союз, чтобы остановить японское наступление» [7, 144]. Говорил автор и о возможности германско-японского союза: «В этих антисоветских планах германского фашизма крупнейшая роль уделена японскому империализму, нападение которого на СССР на Дальнем Востоке, по фашистским расчетам, должно расчистить путь соответствующему нападению на западные границы СССР» [7, 185 – 186].

В начале 1937 г. в журнале «Военная мысль» была опубликована статья А.А. Свечина, посвященная японскому военному искусству. Все державы ощущают угрозу войны на два фронта. «Угроза борьбы на два фронта висит и над Японией. Но у нее один фронт океанский, а другой – континентальный» [6, 451] – писал Свечин. Есть все основания ожидать, что в войне с Советским Союзом инициатива агрессии будет за Японией [6, 454].

Японское командование очевидно не может рассчитывать на численное превосходство над Красной армией. Еще меньше оно может рассчитывать на превосходство в технике. Стрелковое оружие японской пехоты вполне современное, но ее противотанковые средства недостаточны – лишь две 37-мм пушки на полк. Моторизация пехоты почти не ведется, можно ожидать лишь перевозок на грузовиках отдельных воинских частей до бригады включительно. Япония обладает лишь незначительным количеством танков; японская артиллерия отличается высоким качеством, но в количественном отношении уступает советской. Впрочем, колониальный театр войны не благоприятствуют применению техники – здесь не хватает не только железных и шоссейных, но даже грунтовых дорог, нужно преодолевать лесные дебри и горы.

Японская военная авиация является многочисленной и современной, сеть аэродромов сильно развита. Но Свечин констатировал, что в Японии не получила распространения модная в то время теория Дуэ, согласно которой исход войны будет решен бомбардировками городов [2]. Политические и экономические центры вероятных противников находятся на недосягаемом расстоянии, поэтому стратегической авиации Япония не строит.

Период стратегического развертывания займет не недели, как в Европе, а месяцы: японские войска будут перевозиться по морю в азиатские порты, от которых до советских границ 1600 – 2500 километров по железной дороге. Если перевести это в европейские масштабы, то получится, что «войска собираются по железным дорогам в португальские гавани, перевозятся морем в бельгийские и голландские порты и оттуда вновь следуют по железным дорогам через Центральную Европу к границам Белоруссии» [6, 452], при том, что протяженность железнодорожной сети в Корее и Манчжурии в восемь раз меньше, чем в Бельгии, Германии и Польше. Но поскольку Япония будет обладать инициативой развязывания войны, то первая половина периода развертывания пройдет скрытно, еще в мирное время.

Из-за огромных размеров театра не будет сплошного фронта. Японцам придется действовать в Северной Манчжурии по внутренним операционным линиям, на трех фронтах, причем неразвитые коммуникации не позволяют перебрасывать значительные силы с одного фронта на другой. Японцы везде будут действовать наступательно, но при этом их силы будут распределены по фронту равномерно, каждая дивизия будет атаковать.

Весной 1939 г. в СССР вышла написанная тремя годами раньше работа американских авторов Сазерленда Денлингера и Чарльза Гери, посвященная будущей войне между Японией и США.

Война на Тихом океане покажет, что линкоры безнадежно устарели, главной силой флота становятся авианосцы. Но в 1936 г.

американские авторы полагали, что исход морской войны будут решать линкоры: артиллерийский огонь превосходит бомбометание точностью; снаряд на пути к цели ничто не может остановить, а самолет может погибнуть; снаряду, в отличие от самолета, не надо возвращаться; при каждом залпе линкор выпускает гораздо больше металла, чем может поднять бомбардировщик. Те обстоятельства, что авианосец несет отнюдь не один бомбардировщик и что морская авиация использует торпеды, ускользнули от внимания авторов. Впрочем, ниже они говорят, что «тихоокеанская война может полностью изменить существующее представление об использовании авиации» [1, 22].

Важнейшим географическим фактором будущей войны является то, что Япония не имеет никаких владений в восточной части Тихого океана, а США имеют владения в его западной части, Филиппины и Гуам.

Позиция Британской империи в японско-американской войне будет определяться ее доминионами. Сама Великобритания не заинтересована ввязываться в конфликт так далеко от Европы, но для Канады, Новой Зеландии и особенно для Австралии угроза японского вторжения является вполне реальной. Именно доминионы в 1921 г. заставили Лондон разорвать союз с Японией. Если Америка будет побеждать, то эта угроза исчезнет и у доминионов не будет причин ввязываться в войну, но если счастье изменит Америке, то она может рассчитывать на помощь британского оружия [1, 134]. Могущественный Советский Союз и слабый Китай будут союзниками Америки [1, 135], хотя сомнительно, чтобы Китай решился на войну (японско-китайская война началась на четыре года раньше войны на Тихом океане).

Говоря о роли социальных факторов, авторы отдают преимущество Японии: «Контраст между этой азиатской машиной войны (почти единственным препятствием, которое может сдерживать ее изнутри, являются финансы) и оппортунистическим, недисциплинированным конгломератом, который представляет собою США, – просто поразителен» [1, 138]. Что касается психологических факторов, то лишь война может дать ответ на вопрос «какой народ сможет лучше читать ежедневные списки потерь в течение долгого периода времени, лучше принимать поражения его войск» [1, 140].

Особенно велика будет роль экономических факторов: «Война между США и Японией будет являться конфликтом между двумя наиболее развитыми, наиболее искусно уравновешенными государственными организмами во всем мире; между странами, которые наиболее полно олицетворяют классическую капиталистическую систему» [1, 140]. В этом отношении преимущества у США: «Одна Япония не может оказать рокового давления на нашу экономику. Наша внешняя торговля составляет всего около 10% всего нашего оборота, и из этой цифры Япония может лишить нас максимально 20%, т. е. 2% всего оборота» [1, 141]. Япония, напротив, полностью зависит от внешней торговли. С началом войны она гарантированно лишится 30% этой торговли (США и другие страны Американского континента), еще 20% (Европа и Австралия) окажутся сомнительными, 50% (Азия) могут быть защищены, но они зависят от несимпатизирующих Японии Китая и Британской империи.

Авторы не могли предвидеть, что в начальный период войны Япония оккупирует всю Юго-Восточную Азию с ее огромными природными ресурсами.

Авторы говорили, что японско-американская война будет длительной. Это будет величайшая морская война, сухопутные силы будут играть в ней второстепенную роль, авиация будет лишь оружием флота. При этом Япония очень уязвима перед угрозой воздушных налетов: ее промышленность сконцентрирована в районах, близких к морю. Потери в будущей японско-американской войне будут гораздо меньше, чем в минувшей мировой войне [1, 146]. Все это оказалось справедливым.

Если к США присоединится Англия, то проблема блокады Японии сильно упростится. При этом Англия также будет вести лишь морскую войну, роль британской армии будет второстепенной [1, 147]. В действительности английский флот, потерпев в марте 1942 г. тяжелое поражение от японского флота в Индийском океане, больше не принимал участия в войне против Японии [3, 397].

После начала войны с США Япония оккупирует Шанхай и все китайское побережье к северу от Янцзы (она это сделала за несколько лет до нападения на Перл-Харбор), ликвидирует формальную независимость Маньчжоу-Го и Внутренней Монголии (они просуществовали до советско-японской войны в августе 1945 г.). Ее стратегия будет заключаться в том, чтобы захватить владения Америки в западной части океана, а затем перейти к обороне. Америке же придется переправиться через океан и создать в его западной части базу, поскольку от самой западной американской базы, Перл-Харбора, до Японии 6250 километров, что превышает радиус действия флота.

Такой базой мог бы стать остов Гуам, обладающий прекрасной гаванью, находящийся вблизи от морских коммуникаций Японии и всего в 2500 километрах от Иокогамы. Если бы он стал базой американского флота, то капитуляция Японии была бы вопросом времени. Но он находится в 6200 километрах от Перл-Харбора, американскому флоту пришлось бы сделать этот переход, не заходя ни в один порт, которого там нет, имея на флангах принадлежащие Японии острова, с которых его будут атаковать самолеты и подводные лодки. Понеся тяжелые потери, затем пришлось бы принять генеральное сражение. «Трудности, лежащие на пути к нашему закреплению на Гуаме, так велики, что было бы, пожалуй, одинаково разумно отправиться прямо в Иокогаму и пытаться устроить базу в заливе Токио» [1, 158] – заключают авторы.

Вторым стратегическим вариантом является поэтапный захват принадлежащих Японии Маршальских и Каролинских островов с обустройством на них баз американского флота. Эти острова относительно недалеко от Перл-Харбора, а от самого западного из них, Трэка, до Гуама всего 1050 километров. Но в этом случае американская база оказалась бы в 9600 километрах от западного побережья США. Поток танкеров и транспортов, связывающих Трэк с Калифорнией, был бы легкой добычей для противника.

Поэтому Денлингер и Гери рекомендовали своей стране третий стратегический вариант: обойти Японию с севера по большому кругу Калифорния – Аляска – Алеутские острова – Петропавловск – Курильские острова. Американские авторы полагали, что в будущей войне можно будет создать базу в Петропавловске. Тот факт, что это неизбежно привело бы к войне с Советским Союзом, они оставили без внимания. Большие надежды они возлагали и на то обстоятельство, что в районе Курил почти не рассеивается туман, заканчивающийся только у самых ворот Японии, – он скроет американскую эскадру от японских субмарин. В 1930-х гг. нельзя было предвидеть, что появление радара сделает возможным поиск целей независимо от климатических условий.

Американские авторы нарисовали следующую картину будущей войны.

На первом этапе Япония, сосредоточив главные силы своего флота в метрополии, вышлет экспедиции для захвата Филиппин, Гуама и возможно Самоа. На захват Филиппин уйдет 30 дней, на захват Гуама неделя. На севере Япония вышлет войска для оккупации Петропавловска (авторы прогноза игнорируют абсурдность такой экспедиции, ведущей Японию к войне на два фронта). Главные силы американского флота к началу войны будут находиться в портах Калифорнии и двинутся в Перл-Харбор.

Во второй фазе войны, которая продлится год-полтора, главные флоты сторон будут бездействовать, а подводные лодки и крейсера – вести борьбу на морских коммуникациях. В Аляске американцы развернут строительство баз для флота. Как бы ни хотелось Японии разорвать щупальца, медленно тянущиеся к ней с севера, она не может отправить к Аляске свой флот, – американский флот, выйдя с Гавайев, вклинился бы между ним и главными базами. После завершения строительства американский флот отправится к Алеутским островам и станет на якорь на самом западном из них, Атту, в 2800 километров от Японии.

В апреле, когда растает лед, американский флот выйдет в море, чтобы овладеть Петропавловском, независимо от того, захвачен ли тот японцами (СССР авторы продолжали отводить роль зрителя). Теперь японскому флоту придется принять сражение – ведь из Петропавловска американцы смогут непосредственно угрожать метрополии. Это сражение произойдет у восточного побережья Камчатки, начнется с воздушного боя, а затем перейдет в

артиллерийскую дуэль. На этом моменте [1, 215] авторы, не решившись предсказать исход сражения, расстаются с читателем.

Подводя итог, можно сказать, что прогнозы, сделанные в работах 1930-х гг., в целом не соответствуют той реальности, в которой шла Вторая мировая война на Тихом океане и в Азии. Военные авторы 1930-х гг. полагали, что исход японско-американской войны будет решен генеральным сражением вроде Трафальгара и Цусимы. Это оказалось невозможно, потому что в середине XX века мощная судостроительная промышленность позволяла в короткий срок возмещать даже самые тяжелые потери в кораблях. Американский флот оправился от страшного разгрома в Перл-Харборе буквально за полгода, и в июне 1942 г., одержал крупную победу при Мидуэе [4, 393 – 395]. В свою очередь, Япония также оправилась от этого поражения и в июне 1944 г. в сражении у Марианских островов выставила флот больше потерянного два года назад [5, 303 – 306]. Все крупные морские сражения шли не в северных морях, где их прогнозировали в 1930-х гг., а в южных. Что касается советско-японской войны, то в 1930-х гг. невозможно было предвидеть, что ее инициатива будет принадлежать Советскому Союзу и что Квантунская армия будет разгромлена за считаные дни.

Невозможно предвидеть направление научно-технического прогресса. В частности, в 1930-х гг. нельзя было предвидеть появление радара, который обеспечил американскому флоту огромное преимущество над японским. Тем более невозможно было предвидеть, что последний удар Японии будет нанесен принципиально новым оружием – атомным.

Таким образом, прогнозирование будущей войны на Дальнем Востоке в 1930-х гг. оказалось неадекватно действительности.

Список литературы

1. Гери Ч.Б., Денлингер С. Война на Тихом океане. М.-Л.: Воениздат РКВМФ СССР, 1939. 216 с.

2. Дуэ Д. Господство в воздухе. Сборник трудов по вопросам воздушной войны. М.: Воениздат, 1936. изд. 2-е. 607 с.

3. История второй мировой войны 1939 – 1945. Т. 4. Фашистская агрессия против СССР. Крах стратегии «молниеносной войны». М.: Воениздат, 1975. 535 с.

4. История второй мировой войны 1939 – 1945. Т. 5. Провал агрессивных планов фашистского блока. М.: Воениздат, 1975. 511 с.

5. История второй мировой войны 1939 – 1945. Т. 9. Освобождение территории СССР и европейских стран. Война на Тихом океане и в Азии. М.: Воениздат, 1978. 575 с.

6. Свечин А.А. Основы современной японской стратегии и тактики / Постижение военного искусства: Идейное наследие А. Свечина. 2-е изд. М.: Русский путь, 2000. С. 447 – 471.

7. Терентьев Н. Очаг войны на Дальнем Востоке. М.: Партийное издательство, 1934. 256 с.

8. Фукунага К. Записки о будущей японско-американской войне. М.: Военгиз., 1934. 143 с.

9. Хирата С. Как мы будем воевать // Военный зарубежник, 1933, № 9.

10. Черниловский А.А. Прогнозирование будущей войны в 1930-х гг.: на материале английских, французских и японских военно-теоретических работ, опубликованных в СССР // Вестник Брянского государственного университета. 2017. № 2 . С. 115-120.

THE FUTURE WAR IN THE PACIFIC OCEAN AND ASIA IN THE MILITARY LITERATURE OF THE 1930'S.

The works of Soviet and foreign authors of the 1930s about the future war in the Pacific Ocean and in Asia are analyzed in the article. It is estimated the reliability of the forecasts made in these works. It is stated that it was impossible to foresee the lightning victory of the Soviet Union in the Soviet-Japanese war, that the course of the war between the United States and Japan in the 1930s was also misrepresented. It was impossible to take into account in the forecasts the role of fundamentally new technical inventions such as radar and atom weapon.

Keywords: forecasts; the Soviet-Japanese war; The Japanese-American War; Manchuria; the Pacific Ocean; offensive; defense; infantry; artillery; tanks; aviation; battleships; aircraft carriers; submarines; sea battle; naval bases.

References

1. Geri, CH.B., Denlinger, S. Vojna na Tihom okeane [The War in the Pacific ocean]. M.-L.: Voenizdat RKVMF SSSR.

2. Dueh, D. (1936). Gospodstvo v vozduhe. Sbornik trudov po voprosam vozdushnoj vojny [Air supremacy. A collection of writings on issues of the air war]. Moskva: Voenizdat.

3. Istoriya vtoroj mirovoj vojny 1939 – 1945. T. 4. Fashistskaya agressiya protiv SSSR. Krah strategii «molnienosnoj vojny» [History of the Second World War of 1939 – 1945]. Moskva: Voenizdat.

4. Istoriya vtoroj mirovoj vojny 1939 – 1945. T. 5. Proval agressivnyh planov fashistskogo bloka [History of the Second World War of 1939 – 1945].Moskva: Voenizdat.

5. Istoriya vtoroj mirovoj vojny 1939 – 1945. T. 9. Osvobozhdenie territorii SSSR i evropejskih stran. Vojna na Tihom okeane i v Azii [History of the Second World War of 1939 – 1945]. Moskva: Voenizdat.

6. Svechin, A.A. Osnovy sovremennoj yaponskoj strategii i taktiki[Fundamentals of modern Japanese strategy and tactics] / Postizhenie voennogo iskusstva: Idejnoe nasledie A. Svechina. 2-e izd. Moskva: Russkij put.

7. Terent'ev, N. Ochag vojny na Dal'nem Vostoke [The outbreak of the war in the Far East]. Moskva: Partijnoe izdatel'stvo.

8. Fukunaga, K. Zapiski o budushchej yaponsko-amerikanskoj vojne [The Notes about the future Japanese-American War]. Moskva: Voengiz.

9. Hirata, S. (1933). Kak my budem voevat' [How will we fight]. *Voennyj zarubezhnik* [*Militaru zarubezhnik*], 9.

10. Chernilovskij, A.A. (2017). Prognozirovanie budushchej vojny v 1930-h gg.: na materiale anglijskih, francuzskih i yaponskih voenno-teoreticheskih rabot, opublikovannyh v SSSR [The predicting of the future war in the 1930-ies: on the materials of English, French and Japanese military-theoretical works published in the USSR]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta* [*Herald of Bryansk State University*], 2.

Об авторе

Черниловский Артем Александрович – кандидат исторических наук, доцент, преподаватель кафедры естественнонаучных, экономических и гуманитарных дисциплин, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева (Карачевский филиал) (Россия), E-mail: senior.chernilowsky2013@yandex.ru

Chernilovsky Artem Aleksandrowich – candidate of historical Sciences, department of scientific, economic and humanities disciplines Karachevsky branch of Orel State University (Russia), E-mail: senior.chernilowsky2013@yandex.ru

УДК 316.334.52+316.42

Юрченко И.В., доктор политических наук, профессор, Кубанский государственный университет (Россия)
Донцова М.В., кандидат социологических наук, научный сотрудник, Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра Российской академии наук (Россия)
Юрченко Н.Н., кандидат политических наук, доцент, Кубанский государственный университет (Россия).

ПОЛИТИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ЮГА РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ВЛИЯНИЯ КОНФЛИКТОГЕННЫХ И ИНТЕГРАЦИОННЫХ ФАКТОРОВ*

В статье на основе политико-социологического анализа выявляются особенности формирования человеческого потенциала под влиянием конфликтогенных и интеграционных факторов. Обосновывается содержание структурных компонентов человеческого потенциала через концепт социальной идентичности, этнической, и идеологической ориентаций индивидов и групп и других показателей его измерения в условиях региональной специфики. В статье приводятся некоторые материалы прикладного пилотажного исследования (на примере Краснодарского края).
Ключевые слова: политико-социологический анализ, человеческий потенциал, конфликтогенные и интеграционные факторы, Юг России

Поскольку процесс возникновения конфликтов, также как и интеграционные тренды, сопровождаются динамическими трансформациями в самоопределении личности, характеристики человеческого потенциала обусловлены ситуационными и системными социальными контекстами. В соответствии с политико-социологическими и психологическими традициями самоопределение и самоорганизация индивидов и групп включает многие аспекты жизнедеятельности. «Самоопределение, - как отмечает Н.Л. Иванова, выступает как сознательный акт выявления и утверждения собственной позиции в проблемных ситуациях, как внутренняя активность, которая придает определенность личности и через которую преломляются внешние действия» [3, с.80]. С помощью политико-социологического анализа можно выявить особенности формирования человеческого потенциала под влиянием конфликтных и интеграционных процессов. В связи с тем, что конкурентные преимущества субъектов рынка базируются, прежде всего, на качественных показателях человеческого капитала, включающего не только производственные, образовательные, но и социально-культурные и духовно-нравственные характеристики, стратегия инновационного развития России в качестве одного из основных направлений социальной политики утверждает признание решающей роли человека в осуществлении инноваций и привлечение молодых поколений к инновационному прорыву.

Факторный анализ развития человеческого потенциала Юга России предполагает описание системы значимых факторов и определение спектров состояний (вероятных сценариев) для каждого фактора. В процессе исследования был реализован метод «мозгового штурма», который позволил сформировать систему факторов на региональном, федеральном и глобальном уровне (табл. 1)

* Публикация выполнена по проекту РФФИ №17-03-00802 «Конфликтогенные и интеграционные факторы развития человеческого потенциала Юга России в условиях новых геополитических вызовов», 2017 г.

Таблица 1

Факторы, оказывающие влияние на уровень развития человеческого потенциала

Список факторов	Спектр состояний фактора (сценарии развития)	Направленность влияния сценариев на развитие ЧП (конфликтогенные (К), интеграционная (И) или неопределенная)
I. Факторы развития макрорегиона		
1. Уровень жизни, качество жизни	А. Ухудшение Б. Улучшение	К / И
2. Уровень конкуренции (на рынке труда, в бизнесе)	А. Обострение Б. Снижение	Неопределенная
3. Полномочия региональных властей	А. Увеличение (усиление регионализации) Б. Уменьшение (усиление централизации)	Неопределенная
4. Уровень трудовой миграции	А. Интенсификация Б. Снижение	Неопределенная
5. Миграционное законодательство	А. Ослабление Б. Ужесточение	Неопределенная
6. Уровень безработицы	А. Рост Б. Снижение	К / И
7. Уровень преступности	А. Увеличение Б. Снижение	К / И
8. Террористическая угроза	А. Усиление Б. Ослабление	Неопределенная
9. Национальная политика	А. Поддержка отдельных этнических групп Б. Курс на этническое равенство	Неопределенная
10. Межэтнические отношения	А. Рост доверия Б. Рост напряженности	Неопределенная
11. Влияние региональных СМИ	А. Консолидирующее Б. Разобщающее	И / К
II. Факторы развития страны		
1. Политика в области образования	А. Упор на среднем и среднем специальном образовании, выпуск квалифицированных рабочих, проф. образование мигрантов, жесткий государственный контроль, снижение роли высшей школы, развитие прикладной базы, «утечка мозгов» Б. Упор на подготовку высококвалифицированных специалистов, элитизация высшего образования, развитие проектных форм образования, снижение бюрократии в образовании	Неопределенная
2. Экономическое развитие	А. Ухудшение Б. Улучшение	К / И
3. Степень государственного контроля	А. Ослабление гос. контроля, курс на свободу слова и самовыражения в ущерб безопасности Б. Курс на усиление контроля в целях безопасности	Неопределенная
4. Социальное неравенство	А. Усиление Б. Уменьшение	К / И
5. Государственная молодежная политика	А. Курс на создание крупных молодежных организаций типа «Союз молодежи России» Б. Курс на самоорганизацию локальных молодежных сообществ социальной и политической направленности	Неопределенная
6. Государственная поддержка молодых семей	А. Ослабление Б. Усиление	К / И
7. Бюрократические механизмы	А. Усиление Б. Ослабление	Неопределенная
8. Курс экономического развития	А. Инвестиционный Б. Инерционный В. Инновационный	Неопределенная
9. Экономическое обеспечение социального развития (образование, здравоохранение, поддержка незащищённых слоев, ЖКХ и т.д.)	А. Финансирование социальной сферы, повышение уровня з/п в ущерб безопасности и обороны Б. Финансирование безопасности в ущерб социальной сферы	Неопределенная
10. Состояние рынка	А. Свободный рынок Б. Централизованный контроль В. Государственное частное партнерство	Неопределенная
11. Влияние федеральных СМИ	А. Консолидирующее Б. Разобщающее	И / К
III. Факторы мирового развития		
1. Глобализация и изоляционизм	А. Тенденция к глобализации Б. Изоляционизм	Неопределенная

2. Мировые научные и образовательные сообщества	А. Курс на объединения для достижения технологического прорыва Б. Курс на конкуренцию, борьба за технологическое превосходство	Неопределенная
3. Уровень конкуренции (в сфере образования, инноваций)	А. Обострение Б. Снижение	Неопределенная
4. Использование высоких технологий	А. Тотальное Б. Локальное	Неопределенная
5. Внешнеполитическое влияние на экономии	А. Политика санкций Б. Экономическое партнерство	К / И
6. Уровень конфликтности	А. Усиление противоречий между странами, вооруженные конфликты Б. Снижение противоречий	К / И
7. Региональные международные объединения	А. Курс на региональное объединения и межгосударственное сотрудничество (ШОС, НАТО, БРИКС, ЕВРОСОЮЗ и др.) Б. Тенденции к реформированию глобальных объединений	Неопределенная
8. Международное сотрудничество в сфере борьбы с терроризмом	А. Усиление Б. Ослабление	И / К
9. Влияние мировых СМИ	А. Курс на информационное противоборство (информационное оружие, сетевая война, гибридная война) Б. Информационная состязательность В. Поддержка проекта «русский мир»	Неопределенная

В зависимости от спектров состояния данных факторов развитие человеческого потенциала может проявлять тенденцию к интеграции или усилению социальной напряженности. Эту направленность требуется еще установить с помощью экспертного опроса. Например, можно предположить, что ослабление миграционного законодательства, вероятнее всего, будет способствовать росту социальной напряженности, что негативно отразится на развитии человеческого потенциала. Влияние состояния рынка (свободный рынок/ централизованный контроль) также скажется на процессах человеческого развития. Можно утверждать, что данные факторы носят значимый характер. Экспертная оценка влияния комплекса факторов, которая будет производиться в 2018 году, непосредственно перед президентскими выборами, позволит оценить направленность развития человеческого потенциала Юга России в будущем. Однако, некоторые выводы можно сделать уже на этапе статистического анализа и анализа данных пилотажного анкетного опроса, который был проведен в мае-июне 2017 года в Краснодарском крае (n=110).

Статистически, если анализировать динамику развития человеческого потенциала в России с помощью ИРЧП, то можно увидеть, что за 15 лет (с 1999 по 2014 год) наблюдается неуклонный рост данного показателя (рис. 1), что конечно говорит о позитивных тенденциях [1, с. 382].

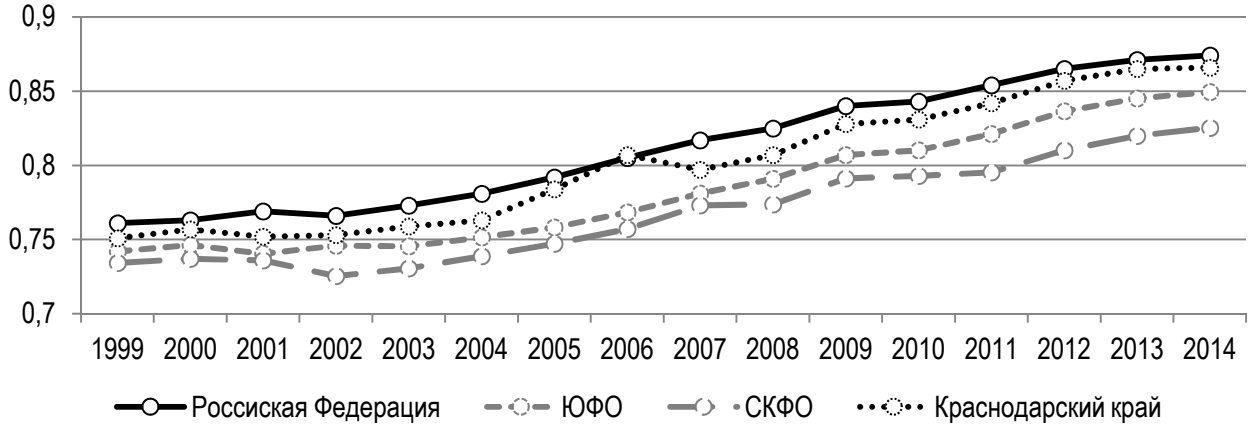

Рис.1. Сравнительные данные по динамике развития ИРЧП с 1999 по 2014 гг. (данные Росстата и доклада о человеческом развитии [2])

Краснодарский край является одним из самых перспективных регионов ЮФО: уровень развития человеческого потенциала неуклонно приближается к общероссийскому уровню, который во многом определяется уровнем центральных районов России – Москвы и Санкт-Петербурга. Отстает по среднему уровню СКФО, но и этот округ также имеет тенденцию к плавному росту ИРЧП. Данные таблицы 2 наглядно демонстрируют в основном восходящую тенденцию развития края по ключевым социально-экономическим параметрам. Однако, по социально-демографическим и инвестиционным показателям наблюдается ухудшение состояния к 2015 году, что свидетельствует о некоторых негативных процессах, связанных макроэкономическими явлениями и отдаленными последствиями демографического спада. Этот социально-экономический контекст, в свою очередь, является конфликтогенным фактором развития человеческого потенциала в исследуемом регионе.

Таблица 2

Основные социально- экономические показатели Южного федерального округа (ЮФО) и Краснодарского края (КК) в период с 2010 по 2015 гг.

Показатель	Регион	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Численность населения (оценка на конец года), тыс. человек	ЮФО	13851,3	13884,0	13910,2	13963,9	14003,8	14044,6
	КК	5230,0	5284,5	5330,2	5404,3	5453,3	5513,8
Из общей численности – население в трудоспособном возрасте, тыс. человек	ЮФО	8354,8	8306,8	8227,7	8158,5	8068,2	7967,5
	КК	3121,9	3134,9	3129,0	3138,9	3120,4	3108,3
Естественный прирост, убыль (-) на 1000 человек населения	ЮФО	-2,3	-1,9	-0,8	-0,6	-0,5	-0,6
	КК	-1,3	-0,2	0,3	0,6	0,5	-1,3
Численность безработных, тыс. человек	ЮФО	529,7	489,8	433,9	452,0	434,2	460,2
	КК	173,1	153,2	146,8	160,0	148,8	162,5
Среднедушевые денежные доходы (в месяц), руб.	ЮФО	15114	16584	18864	21842	24328	27004
	КК	16892	18796	21686	25777	28788	31373
Средний размер назначенных пенсий, руб.	ЮФО	7055	7661	8445	9216	9964	11041
	КК	7049	7659	8451	9232	9984	11081
Оборот розничной торговли (в фактически действовавших ценах), млн. руб.	ЮФО	1482638	1702429	1919622	2134592	2405182	2597810
	КК	646284	731408	816298	916570	1068889	1160566
Объем платных услуг населению (в фактически действовавших ценах), млн. руб.	ЮФО	415199	469854	523100	629607	703540	779307
	КК	186095	214282	241536	315014	360832	408126
Поступление налогов, сборов и иных обязательных платежей в бюджетную систему Российской Федерации, млрд. руб.	ЮФО	351	411	487	513	559	629
	КК	141	164	198	206	218	258
Инвестиции в основной капитал (в фактически действовавших ценах), млн. руб.	ЮФО	907962	1079284	1254958	1506034	1353827	1207473
	КК	589623	711720	798476	955208	750236	579908

В процессе исследования была создана методика измерения инновационного потенциала как интегрального показателя человеческого развития и конкурентноспособности региона.

Если говорить об объективных статистических показателях, инновационное развитие Краснодарского края, как важнейшей стратегической зоны Южного макрорегиона демонстрирует стабильный рост, что сопрягается с динамикой ИРЧП (рис. 2).

Рис.2. Уровень инновационного развития Краснодарского края в период с 2010 до 2015 гг

Методика измерения человеческого потенциала предполагает создание соответствующего индекса. С эмпирической точки зрения инновационный потенциал личности связан со следующими составляющими (рис. 3):

- Интерес к новым знаниям (I_i)
- Потребность заниматься новаторской деятельностью (I_n)
- Опыт новаторской деятельности (наличие достижений в прошлом) (I_p)
- Занятость в области новаторской деятельности в настоящее время (I_r)
- Планирование новаторской деятельности (I_f)

Рис.3. Составляющие инновационного потенциала

С логической точки зрения при расчете инновационного потенциала необходимо учитывать характер связи мотивационной и деятельностной составляющей, которая рассматривается как стимулирующий фактор инновационной деятельности, что в математическом смысле может быть выражено через операцию умножения (действия, помноженные на заинтересованность и/или потребность)

$I = Log((1+I_p+ I_r+ I_f)\cdot(I_i\cdot 1,1+I_n\cdot 1,4))$, где I_p, I_r, I_f, I_i, I_n – компоненты инновационного потенциала. Все компоненты индекса имеет бинарный уровень измерения, где 0 – нет признака, 1 – есть признак.

Полученный индекс можно представить в качественном виде (табл. 3)

Таблица 3

Качественная интерпретация индекса инновационного потенциала

Значения	Категории	Значения индекса
1	Отсутствует	0
2	Низкий	>0,4
3	Средний	0,4-0,6
4	Высокий	0,6-0,8
5	Очень высокий	>0,8

Согласно полученным результатам, в выборочной совокупности Краснодарского края присутствует следующее распределение категорий инновационного потенциала (рис. 4).

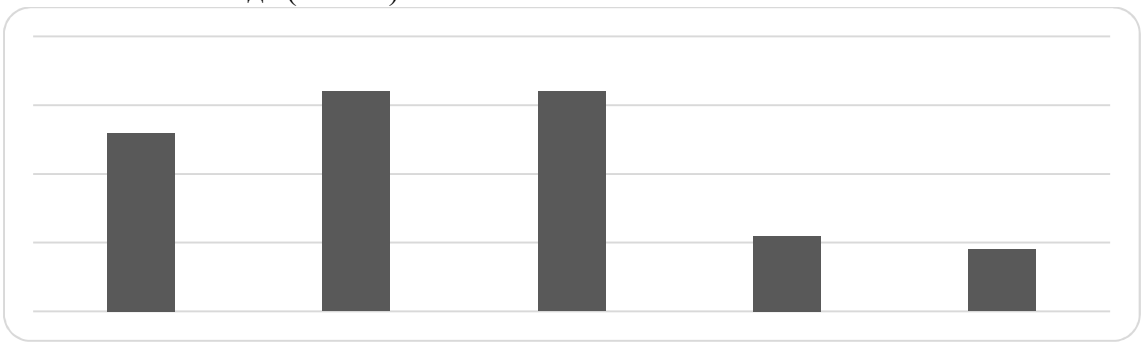

Рис.4. Уровень инновационного потенциала жителей Краснодарского края по категориям (результаты пилотажного исследования)

В процессе анализа было замечено, что инновационный потенциал выше у тех, кто не имеет выраженной установки жить по нормам морали и нравственности, принятым в данном обществе, но при этом такие люди выражают стремление к пониманию и изучению культуры и традиций других народов. Также инно-

вационный потенциал жителей Краснодарского края связан с высокой жизненной определенностью (наличие важной жизненной цели). Также интересно, что различия на уровне статистической тенденции (p<0,1) были зафиксированы при сравнении различных идеологических установок (табл. 4). Так, самое высокое значение индекса было зафиксировано у последователей либеральной идеологии, а самое низкое – у консерваторов.

Таблица 4

Зависимость уровня инновационного потенциала от идеологической установки

Идеологическая установка	Средний уровень инновационного потенциала (M±m)
Консерватизм	0,218±0,05
Либерализм	0,428±0,10
Коммунизм	0,245±0,05
Гуманизм	0,320±0,04
Технократия	0,181±0,06

Таким образом, в полиэтническом, геополитически значимом регионе Юга России ситуация с развитием человеческого потенциала особенно напряженная, а поэтому требует постоянного отслеживания тех тенденций, которые во многом зависят от конфликтогенных и интеграционных факторов социально-политического развития.

Список литературы

1.Донцова М.В. Специфика измерения уровня развития человеческого потенциала полиэтничного социума Юга России // VI Столыпинские чтения. Социально- политическая и экологическая безопасность как политический курс стратегического развития современной России: материалы науч. – практ. Конф. с международным участием / отв. ред. В.М. Юрченко. – Краснодар: Кубанский гос.ун-т, 2017.

2. Доклад о человеческом развитии 2016 [электронный ресурс].URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/HDR2016_RU_Overview_Web.pdf (дата обращения: 2.10.2017)

3. Иванова Н.Л. Социальная идентичность как фактор конфликтного поведения // Конфликт как проблема. Очерки современной теоретической и прикладной конфликтологии / Под ред. А.И. Стребкова и др. С.-Петербург: Фонд развития конфликтологии, 2015. С.77-92.

POLITICAL-SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF HUMAN POTENTIAL OF THE SOUTH OF RUSSIA IN THE CONTEXT OF THE IMPACT OF CONFLICT AND INTEGRATION FACTORS

The article, based on political and sociological analysis reveals the relationship between the features of formation of human potential under the influence of conflict and integration factors. Explains the content of the structural components of human potential through the concept of social identity, ethnic, and ideological orientations of individuals and groups, and other indicators of its dimension in terms of regional specifics. The article presents some material on the application of the pilot study (on the example of Krasnodar region).

Keywords: Political and sociological analysis, human development, conflict and integration, the South of Russia

References

1. Dontsova M. V. Specificity of measuring the level of human development of the multiethnic society of the South of Russia // VI Stolypin readings. Socio - political and environmental security as a political strategic course of development of modern Russia: materials of the research. scient. Conf. with international participation / ed. edited by V. M. Yurchenko. – Krasnodar: Kuban state University, 2017.

2. The human development report 2016 [electronic resource]. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/HDR2016_RU_Overview_Web.pdf (date accessed: 2.10.2017)

3. Ivanova N. L. Social identity as a factor of conflict behaviour conflict as a problem. Essays on modern theoretical and applied conflictology / Under the editorship of I. A. strebkova, etc. St. Petersburg: Foundation for the development of conflictology, 2015. Pp. 77-92.

Об авторах

Юрченко Инна Вадимовна – доктор политических наук, профессор, Кубанский государственный университет (Россия), E-mail: ivyurchenko@mail.ru

Донцова Мария Владимировна – кандидат социологических наук, научный сотрудник, Институт социально- экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра Российской академии наук (Россия), E-mail: dontsova_79@list.ru

Юрченко Наталья Николаевна – кандидат политических наук, доцент, Кубанский государственный университет (Россия), E-mail: nnyurchenko@mail.ru

Yurchenko Inna Vadimovna – doctor of political Sciences, Professor, Kuban state University (Russia), E-mail: ivyurchenko@mail.ru

Dontsov Mariya Vladimirovna – PhD in Sociology, Researcher, Institute for Social and Economic Research and Humanities, South Science Center of the Russian Academy of Sciences (Russia), E-mail: dontsova_79@list.ru

Yurchenko Natalia Nikolaevna – PhD in Political Sciences, associate Professor, Kuban state University (Russia), E-mail: nnyurchenko@mail.ru

УДК 82-21+793

Биккулова И.А., кандидат филологических наук, профессор кафедры русской, зарубежной литературы и массовых коммуникаций, Брянский государственный университет имени И.Г. Петровского (Россия)

СЦЕНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ТРАГЕДИИ А.К. ТОЛСТОГО «ЦАРЬ ФЕДОР ИОАННОВИЧ» В XIX-XXI ВВ. В РОССИИ*

Исследуется вопрос о сценической истории трагедии А.К.Толстого «Царь Федор Иоаннович». Изучены материалы архива музея МХАТа, материалы по постановкам пьесы в театрах Москвы и Петербурга с 1889 по настоящее время. Особое внимание уделено заглавному герою в трагедии Толстого, интерпретациям образа царя Федора на отечественной сцене. Речь идет не только об историческом значении пьесы, но и о необыкновенной современности трагедии А.К. Толстого.

Ключевые слова: драматическое произведение, историческая пьеса, персонаж, трагедия, цензура, театр.

Сценическая история трагедии А.К.Толстого «Царь Федор Иоаннович» впечатляет своим разнообразием режиссерских трактовок. Это обусловлено в том числе и тем, что сам автор стремился к созданию неоднозначно решаемого образа русского царя Федора Иоанновича.

А.К.Толстой активно начал работать над трагедией в пяти действиях «Царь Федор Иоаннович» в 1864 году. Писатель менял сюжетные линии, уничтожал какие-то сцены, если они мешали общему замыслу, раздумывал о количестве вымышленных лиц в исторической пьесе. Тема царской власти серьезно увлекла поэта, «я весь в нее ушел…», - писал Толстой в 1865 году А.О.Смирновой [1, с.371]. Впервые текст пьесы был опубликован в 1868 году в журнале «Вестник Европы» (№ 5).

Но сразу увидеть эту трагедию на сцене театра оказалось делом несбыточным. Случится это уже не при жизни автора-драматурга.

Еще в 1868 году Главное управление по делам печати посвятит целый день 4 апреля разбору пьесы А.К.Толстого. Писателю будет предложено сделать поправки к трагедии, но и после проведенной автором работы, «Царя Федора Иоанновича» не рекомендуют к постановке на сцене.

30 лет «Царь Федор Иоаннович» будет находиться под запретом цензуры, и, чтобы поставить политически «неблагонадежную пьесу» [2], потребуется вмешательство не одного влиятельного лица в русском искусстве. В 1895 году П.П.Гнедич безуспешно пытался получить разрешение на постановку пьесы в Петербурге. Выдающийся отечественный актер и режиссер А.П.Ленский в 1896 году тоже стремился добиться права поставить пьесу в Малом театре. В своем прошении он писал управляющему московской конторой императорских театров П.М.Пчельникову: «Я почел бы себя счастливым, получив возможность поставить в свой бенефис это образцовое произведение одного из лучших отечественных поэтов, благодаря которому наша публика ознакомилась бы с трогательно-кротким обликом некогда царствовавшего на Руси царя» [3, с.142]. Но и для прославленного Малого театра не сделали снисхождения.

Образ Федора страшит цензурный комитет. Еще в 1868 году профессор Санкт-Петербургского университета, историк литературы и цензор А.В.Никитенко писал в своем знаменитом дневнике: «Автор сумел создать из совершенно нравственного и политического ничтожества, каков Федор, замечательную психологическую фигуру» [9, с.54]. Но даже тонкий психологизм писателя и мастерски сделанная в трагедии историческая фабула ситуацию не спасали.

Удивительно то, что вопросы, связанные с театральным разрешением толстовских пьес, будут «проталкивать» в цензурных комитетах члены царской семьи. Великий князь Сергей Александрович и Великая княгиня Елизавета Федоровна вмешаются в историю

* Статья выполнена при поддержке РГНФ в рамках гранта № 16-14-32001

с постановкой «Царя Федора Иоанновича». Трагедию А.К.Толстого «Смерть Иоанна Грозного» пропустит на столичные сцены лично Александр II. Видимо, в отличие от строгих цензоров, царскую семью не будут пугать на сцене ни мягкий царь Федор, ни сам Иван Грозный.

О въедливой цензорской работе над трагедиями «Царь Федор Иоаннович» и «Смерть Иоанна Грозного» мы уже неоднократно писали [4; 5]. В архиве Музея МХАТ хранится ценнейший документ 1898 года – подлинный цензорский экземпляр пьесы [6]. Даже спустя 30 лет после написания трагедии, цензоры позволяли себе не только вычеркнуть слова и даже целые предложения, но и просто переписать некоторые толстовские фразы. Это была значительная работа русских цензоров, которые, не считаясь с идейно-художественным замыслом не последнего писателя в России, пытались не пропустить на сцену царя сомневающегося, царя ошибающегося, царя чего-то боящегося. Все то, что могло показать Федора как слабохарактерного, «нецарственного царя», было вычеркнуто. До сих пор цензурная расправа над трагедией А.К.Толстого – поучительный образец вмешательства в художественное произведение.

Забегая вперед, скажем, что почти до сих пор трагедию А.К.Толстого «Царь Федор Иоаннович» не играют в полном объеме текста. Какие-то сокращения присутствуют всегда (иногда не только сюжетной линии, но и толстовской мысли). Особенно это интересно проследить на примере дореволюционных и советских постановок во МХАТе. Толстовский вариант (11 картин) никогда не видел сцены, в силу различных исторических причин цензуру всегда что-то напрягало. Думается, что вопрос о кризисе высшей власти, образ царя-миротворца, столь успешно созданный А.К.Толстым, всегда будут не только актуальными, но и всегда чем-то не угождать определенной политической ситуации.

Впервые «Царь Федор Иоаннович» был одновременно поставлен в Москве в Художественно-Общедоступном театре (будущий МХАТ) и в Петербурге в Литературно-артистическом кружке (театр А.С.Суворина). Произойдет это только в 1898 году.

Именно с постановки трагедии А.К.Толстого начнется история Московского Художественного театра. Молодые режиссеры К.С.Станиславский и А.А.Санин создавали театральную канву пьесы, художник В.А.Симов продумывал костюмы и декорации XVI века. На премьере 14 октября 1898 года первых зрителей поразит сначала именно картинка: настоящие костюмы, низкие, душные палаты, княжеский сад, покои в царском тереме, берег Яузы с толпящимся людом разных сословий. Так и предполагалось: «ошеломить публику почти музейными костюмами, замечательными вышивками... яркой народной толпой и смелыми мизансценами» [7, с.135].

Критик С.С.Голоушев под псевдонимом «Глаголь» 15 октября 1898 года в «Курьере» писал о том, что «…все время перед зрителями…старая Русь». «Костюмы точно сняты с плеч всех этих Шуйских и Мстиславских, хранились в сундуках и теперь снова перед вами. Об умении носить их я уже не говорю» [8, с.27].

Самый большой успех выпал на долю молодого артиста и будущей звезды отечественной сцены – Ивана Москвина. «Федор поднимался тут на недосягаемую для обыкновенного смертного высоту», - общая реакция рецензентов. [11, с.37].

Его добрый, великодушный царь Федор будет поражать не только русского зрителя. На гастролях в Германии все газеты напишут об особых интонациях, жестах, слезах Москвина в роли Федора Иоанновича. В знаменитом «Проекте постановки на сцену трагедии «Царь Федор Иоаннович» А.К.Толстой писал, раздумывая над образом главного героя: «Из такого чистого источника, какова любящая душа Федора, истекает страшное событие, разразившееся над Россией долгим рядом бедствий и зол» [10, с.480]. Добрый царь повинен в страшных бедах в России – этот нерешаемый конфликт безграничной и одновременно ограниченной власти сумел передать на сцене молодой актер. Сегодня понятен этот конфликт – он вневременной, а в театре Станиславского он лишь «прикрыт» определенным историческим моментом XVI века.

Спектакль «Царь Федор Иоаннович» на сцене Художественно-Общедоступного театра в 1898 году стал культурным событием конца XIX века в России и совершенной легендой русской сцены. Много десятилетий

«Царь Федор Иоаннович» будет открывать сезоны МХАТа. Именно с «Царя Федора Иоанновича» заговорят не только о том, что театр «популяризировал» пьесу А.К.Толстого, но о созданном новаторском театральном коллективе, а потом и о «системе» Станиславского.

В октябре 2017 года в московском доме-музее К.С.Станиславского открылась уникальная выставка, приуроченная к 200-летию со дня рождения А.К.Толстого. Посетители увидели подлинные костюмы, реквизит и фотографии 1898 года из архива музея МХАТа. То, что впечатляло на сцене в конце XIX века, поразит и современного поклонника исторической пьесы.

Как мы уже отмечали, в 1898 году «Царь Федор Иоаннович» был поставлен и в петербургском Литературно-артистическом кружке (театр А.С.Суворина). Трагедию поставил П.Гнедич, а заглавную роль играл знаменитый Павел Орленев. Этот спектакль, всего лишь несколькими днями разделенный с премьерой в Москве, тоже ожидал серьезный успех. Царь Федор Орленева отличался от образа, созданного в Москве Иваном Москвиным. Нервный, но не блаженный, подкупающий своей искренностью царь Орленева был высоко оценен критикой. Спустя несколько лет в Петербурге Федора будут играть Борис Глаголин и даже Михаил Чехов, но прежнего успеха не будет. В провинции же актеры будут просто играть Федора «как Орленев».

Но спустя век, становится ясным, что все же главное событие, связанное с постановкой первой толстовской трагедии, произошло не в Петербурге, а в Москве. И именно москвинский Федор станет в каком-то смысле для последующих постановок основой для подражания. Современный критик и литературовед М.Строева пишет про работу Москвина: «Его „царек-мужичок“ потряс зрительный зал какой-то исступлённой, звенящей, до суетливости деятельной жаждой добра и справедливости, в которой словно слились вековечные чаяния людей. Театр утверждал „высшую правоту“ и стойкость сердечной веры царя Фёдора и тут же останавливался в трагическом недоумении перед бессилием добра — пусть самого деятельного. „Добро не годится, — как бы говорил он, — но да здравствует добро!“ [12, с.30].

История «Царя Федора Иоанновича» в Московском Художественном театре продолжится и в XX веке. Его будут играть до 1949 года. При сохранении общего рисунка первого спектакля, заглавную роль после Ивана Москвина будут играть Василий Качалов, Николай Хмелев, Борис Добронравов. В прославленном фотоальбоме музея МХАТ можно увидеть актеров в толстовской трагедии в спектаклях разных лет.

Во время турне по Европе и Америке «1-й группы МХАТ» во главе со К.С.Станиславским в 1922-1924 годах спектакль играли на английском языке с необыкновенным успехом. Триумф выпадет на долю Василия Качалова.

Борис Добронравов, последний исполнитель роли Федора (с 1940 года), в 1949 году в день 51-й годовщины спектакля «Царь Федор Иоаннович» умрет на сцене, так и не доиграв финальным монолог.

Инна Соловьева, известнейший исследователь истории МХАТа, рассуждает о том, что в истории царя Федора в разные года в спектаклях театра будут «прорастать» мотивы, которые вдруг исторически становятся самыми важными: народное буйное гуляние или гамлетовские мотивы в рисунке Федора, которые усилились в 1930 годах (как пишет Соловьева: «вывихнувший сустав век — и мука того, кто волею судьбы призван этот вывих вправить» [13, с.16].)

Но «Царя Федора Иоанновича» в XX веке ставили не только во МХАТе. Этот спектакль много лет играл Малый театр в Москве. Ряд выдающихся мастеров открыли в сложнейшей роли царя Федора иные содержательные философские и нравственные глубины, заложенные в образ А.К.Толстым.

29 мая 1973 года в Малом театре состоялась премьера спектакля «Царь Фёдор Иоаннович». Режиссер - Борис Иванович Равенских. Музыку к спектаклю напишет Георгий Свиридов. В заглавной роли выступит Иннокентий Смоктуновский. У этого спектакля тоже долгая история: он будет любим зрителями более 30 лет (последний раз спектакль сыграют 5 марта 2004 года). Отметим, что после успеха «Царя Федора Иоанновича», Малый театр, как и МХАТ, осуществит постановку и «Смерти Ивана Грозного» и «Царя Бориса» А.К.Толстого.

Иннокентий Смоктуновский в «Царе Федоре» играл трагедию бессильной доброты на перекрестке русской истории. Он был одинок и несколько «отделен» от общих сцен. «Чужеродность» Федора в некоторых исследованиях даже будет обыгрываться: Смоктуновский «существовал как бы отдельно от эстетики Малого театра» и скоро уйдет во МХАТ в 1976 году [14, с.36].

Интересно, что в своих актерских тетрадях Смоктуновский писал, что он не хотел бы равняться на Ивана Москвина и будет играть другого Федора.

В Федоре Смоктуновского не было ничего блаженного и слабоумного. Это был царь с тонкой душевной организацией, в нем чувствовалась царская кровь (причем, кровь Ивана Грозного!), а временами его лицо казалось ликом с древнерусской иконы. В какой-то момент актер играл царя, которому выгодно притворяться не очень умным. «… его Фёдор, с редкой естественностью сочетавший в себе простодушие и исключительность, больше походил на человека, трагически опередившего свой век, и воспринимался скорее как философская личность» [14, с.36].

В своих знаменитых «Актерских тетрадях» Смоктуновский не раз подчеркивает высокий и сильный дух, который побеждает у его Федора телесную немощь. Тем страшнее для царя будет крушение власти. В финале спектакля царь Федор Смоктуновского терял физическую силу, превращался в разбитого параличом больного старика с вывернутыми руками и ногами, и не только уходил от жизни, а осознавал полный крах государственной власти. «По мысли драматурга, Федор отстранялся от царских дел, по Смоктуновскому — уходил от жизни. В нелепой позе у ног Ирины затихал царь Федор. Хор пел молитву о Страшном суде, написанную Свиридовым по мелодиям старинных крюковых распевов: «Горе тебе, убогая душа…» [16].

Интересно, что при переходе из Малого театра во МХАТ, Смоктуновский обговаривал в качестве своего главного условия новую постановку «Царя Федора Иоанновича». Это совпадало с давним желанием мхатовца Владлена Давыдова восстановить спектакль 1898 года по режиссурским партитурам Станиславского (по сей день хранимых в архиве музея МХАТ). К сожалению, замысел не удался.

На Федора Смоктуновского в Малый театр «ходили» специально, до сих пор пишут даже о паломничестве зрителя на этот спектакль. Но с 1976 года в Малом театре начнут играть другие мастера и появится новый царь Федор. Мягкий и беззащитный царь Эдуарда Марцевича, он искренен со всеми и потому беззащитен перед злом.

Затем роль царя Федора перешла к Юрию Соломину. К 30-тилетию спектакля в Малом театре писали: «Ю.М.Соломин играет удивительно органично. Добродушная веселость, мягкость, нерешительность во всем, что не касается самого важного — человеческой жизни. Эмоции, и слова, и слезы — все истинное — идет из глубины души — он крайне сопереживает своему герою и вызывает у зрителей и печаль, и радость, а главное — глубочайшее уважение к великому мастерству Актера… Но Фёдор Иоаннович, в силу судьбы, в первую очередь, — государь Российский. Ему тяжело от этой мысли, власть не опьяняет его, а напротив — подавляет своим тяжёлым прессом… «Царь Фёдор Иоаннович» очень любим зрителями, в первую очередь, наверное, потому что пронизан каким-то необыкновенным душевным теплом, несмотря на всю трагедию происходящего, которая раскрывается с каждым новым событием. Этот спектакль заставляет задуматься над человеческими судьбами, взаимоотношениями, над историей России — жестокой, но великой» [15].

В 1972 году, как когда-то в конце XIX века, почти одновременно с московским Малым театром, «Царя Федора» поставят в северной столице. Рубен Агамирзян на сцене Ленинградского театра им. В. Ф. Комиссаржевской осуществил постановку трагедии А.К.Толстого с Владимиром Особиком в заглавной роли. За исполнение Царя Федора Иоанновича Всероссийское театральное общество присудило Особику премию за лучшую роль года, на Всесоюзном смотре творческой молодежи в 1973 году ему были присуждены первая премия и звание Лауреата. Это был новый образ царя, который в очередной раз прочитали по-другому.

Спектакль с Особиком – сегодня тоже легенда. Иван Краско, исполнявший роль Шуйского, вспоминал: «И все мы находились под гипнозом его чувств и страстей. И когда

в финале он бился об стену - этот хрупкий человек - он с такой яростью и мощью пытался разбить эту стену непонимания: "Аринушка! Иди ко мне! Я правду от неправды не отличу!". Мы все в этот момент чувствовали, как рвется его аорта. У меня все леденело внутри - как будто я увидел кусок его личной жизни, даже, если хотите, кусок интимной жизни... А его отношение к роли и было отношением к профессии и к театру в целом. Можно сказать об этом одним словом - оно было Всепоглощающим... Володя - человек философского, можно сказать, религиозного склада ума и мышления» [17].

Спектакль в Ленинградском театре им. В. Ф. Комиссаржевской будет идти 18 лет. К сожалению, он не был снят на пленку и только на фотографиях Нины Аловерт можно увидеть лицо хрупкого, незащищенного и трагического Федора Владимира Особика. Как точно сказано про него: «Когда надвигается мощная государственная машина, нравственность, такая хрупкая вещь, - разбивается неизбежно и неумолимо. Противостоять этой машине почти невозможно - разве что подставить себя и принести в жертву собственное тело...» [17].

На переломе XX и XXI веков театры вновь обратились к трагедии А.К.Толстого. 12 мая 1997 года Московский Театр Русской Драмы представил премьеру в постановке Михаила Щепенко Спектакль является лауреатом премии Москвы в области литературы и искусства 1998 года. В 2003 г. за роль царя Фёдора М. Щепенко получил звание лауреата в номинации «Лучшая мужская роль» на международном фестивале «Славянские театральные встречи» в городе Гомеле. 5 июля 2010 года спектакль был показан, в частности, на открытии Храмового комплекса Спаса Нерукотворного в селе Усово на Рублево-Успенском шоссе. «Я вот почему люблю этот спектакль, – писал критик А.Свободин. - Потому что он людям даже не сведущим, даже далеким от политики как бы на пальцах разъясняет, что происходит, где сила, где право, где закон, где религия, где христианский идеал и где бесправие, и варварство, и насилие, где предательство и т.д. …Мука царя Федора Иоанновича в исполнении Михаила Щепенко, мука заключалась не в том только, что совесть и сила несовместимы, что совесть, нравственность и власть несовместимы, а в том, что власть – это одно, а совесть – это другое» [18].

3 апреля 2013 года Московский театр Российской Армии приглашал на премьеру спектакля «Царь Федор Иоаннович». Режиссер спектакля - Борис Морозов, в заглавной роли - заслуженный артист России Николай Лазарев. Этот спектакль в октябре 2017 года был привезен в Брянск в рамках празднования на родине А.К.Толстого 200-летия со дня рождения классика.

Борис Морозов известен своими новаторскими постановками с присутствием явно современного акцента и неожиданно решенными образами (достаточно вспомнить его «золотомасочный» спектакль «На дне»). Как отмечено рецензентами, действие разворачивается на объемной сцене театра (кстати, самой большой сцене в Европе на сегодняшний день), которая подавляет и одновременно притягивает зрителя своим пустым пространством, где существуют персонажи в костюмах, приближенные к историческим и одновременно напоминающие элегантные одежды с модельного подиума.

«В каком-то очень серьезном смысле история, повторявшаяся на протяжении нескольких веков в нашей стране, обернулась к нам, живущим в начале второго десятилетия XX1 века, необходимостью осознания и ответа. Вероятно, именно потому и получился у Морозова спектакль такой яростный, страстный, пронизанный личным чувством не только режиссера, но и буквально каждого из многочисленных персонажей трагедии…» [19]. Царь Федор Иоаннович предстает не юродивым, не «царем-мужичком», не трогательным и беззащитным и даже не святым мучеником. Николай Лазарев играет сына Иоанна Грозного, в его жилах течет отцовская кровь. Это истинный царь. Он не безвольный и стремится к объединению всех в стране. Он – созидатель и стремится к гармонии. Слабоумным Федора назвать в этом спектакле невозможно.

Есть сцены, где Федор гневен и в ярости поистине страшны. Он может резко прервать старика Богдана Курюкова, быть неделикатным даже с Борисом Годуновым. Прекрасна сцена, где Федор вонзает в пол посох и гневно вопрошает: «Я царь или не царь?»

«Он отнюдь не кроток, этот Федор, он, по словам Шуйского, бесхитростен и прост: «Простота твоя от Бога...» Но и в самой что ни на есть простоте скрываются порой бездны, неведомые человеку. И Федор знает эти бездны» [19].

В современном царе Федоре, по мысли режиссера, сокрыто соединились добро и жажда власти, жестокость, борьба за порядок в государстве, ловко прикрытая борьбой за свои интересы. Возможно, толстовская пьеса, спустя века, снова рисует властителя, который не может изменить мир и переменить человеческую природу. Даже осовремененный, конфликт остался трагическим. «Шапка Мономаха» по-прежнему тяжела. «И потому в финале спектакля медленно, искушающе, из самой глубины сцены движется на нас пустой трон - символ власти...» [19].

Трагедия А.К.Толстого – одна из вершин мировой драматургии и одна из самых сложнейших пьес. Она эмоциональна и одновременно ставит серьезные философские и даже этические вопросы. Пьеса А.К.Толстого имеет богатейшую сценическую историю. И почти всегда постановки и созданный царь Федор вызывали споры. Возможно, сегодня эта трагедия звучит как никогда остро. Как в современном мире можно думать о совести, чести, искренности, милосердии? И нужно ли вообще об этом думать? Так ли уж необходимо властителю учитывать эти нравственные категории? Думается, именно эти вопросы побуждают режиссеров обращаться к «Царю Федору Иоанновичу» А.К.Толстого.

В завершение хотелось бы вновь обратиться к истории спектакля. Слишком символичен этот пример. В 1906 году Художественный театр повез «Царя Федора Иоанновича» на гастроли в Германию. Дело не в том, что был сплошной аншлаг на представлении (хотя он и был), а в том, что критика, говорящая о спектакле, писала о царе как о трогательном, но очень мудром властителе. И о том, что это очередная «русская идея», чисто русский подход к управлению государством. Кстати, император Вильгельм смотрел спектакль в русской военной форме. Случай уникальный! И последняя многозначительная цитата из газеты 1906 года: «Шапки долой перед вами, москвичи! Вы выросли на почве современности и на почве исторического прошлого, но есть в вас нечто, что принадлежит завтрашнему и послезавтрашнему дню, что принадлежит грядущему!» [7, с.226].

Список литературы

1. Толстой А.К. Письмо А.О. Смирновой, 5 января 1865 г., Красный Рог // Собр. соч.: в 4 т. М.: Правда, 1980. Т.4. С.371-372.

2. Ростоцкий Б., Чушкин Н. «Царь Федор Иоаннович» на сцене МХАТ / Серия «Монографии о спектаклях»/ Под ред. Ю. Юзовского. Вып. II. М.-Л.: издание ВТО, 1940. 231 с.

3. Ленский А.П. Статьи. Письма. Записки. М., 2002. 408 с.

4. Биккулова И.А. К истории постановки трагедии А.К. Толстого «Царь Федор Иоаннович» в Художественно-Общедоступном театре (1898 год) /Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. 2016. № 3/52. С. 97-107.

5. Биккулова И.А. Трагедия А.К. Толстого «Смерть Иоанна Грозного» на сцене Московского Художественного театра (1899) (по материалам архива МХАТ). / Материалы научно-практических конференций, посвященных 200-летию А.К. Толстого: «О Родине песни и думы его» (17 мая 2017 г.), «А.К. Толстой в мировой культуре» (31 августа – 1 сентября 2017 г.). Брянск: 2017. С.200-210.

6. Толстой А.К. «Царь Федор Иоаннович», «Царь Борис», «Смерть Иоанна Грозного» / Цензорский экземпляр пьесы, 17-19 августа 1898 – 22 мая 1899. СПб.: типография М.М. Стасюлевича, 1898 // Музей МХАТ. ф.1 оп.113, № 59 (страницы не обозначены).

7. Немирович-Данченко В.И. Рождение театра. Воспоминания, статьи, заметки, письма. М.: Правда, 1989. 576 с.

8. Глаголь (Голоушев, С.С.) «Открытие Художественного Общедоступного театра» / «Курьер», М., 1898, 15 октября. – С.25-28. // Московский Художественный театр в русской театральной критике. 1898-1905. М.: Артист. Режиссер. Театр, 2005. 639 с.

9. Никитенко А.В. Записки и дневник. В 3 т. М.: Захаров, 2005. Т.3. 592 с.

10. Толстой А.К. Проект постановки на сцену трагедии «Царь Федор Иоаннович» // Собр. соч.: в 4 т. М.: Правда, 1980. Т.3. С. 479-509.

11. Васильев С. /С.В. Флеров/ Театральная хроника. Художественно-Общедоступный театр. «Царь Федор Иоаннович», трагедия в 5 действиях и 10 картинах, гр .А.К. Толстого / Московские ведомости, 1898, 19 октября. С.38-41 // Московский Художественный театр в русской театральной критике. 1898-1905. М.: Артист. Режиссер. Театр, 2005. 639 с.

12. Строева М. Режиссёрские искания Станиславского: 1898-1917. М.: Наука, 1973. 375 с.

13. Соловьева И. Художественный театр: Жизнь и приключения идеи / Ред. А. М. Смелянский. М.: Московский Художественный театр, 2007. 671 с.

14. Велехова Н. О спектакле «Царь Федор Иоаннович» в Малом театре. / Иннокентий Смоктуновский. Жизнь и роли. М.: АСТ-Пресс книга, 2002. 400 с.

15. Сорокина Н. 30-летию спектакля «Царь Фёдор Иоаннович» посвящается. [Электронный ресурс]. URL: http://www.maly.ru/news/140 (дата обращения: 21.11.2017).

16. Актерские тетради Иннокентия Смоктуновского. [Электронный ресурс]. URL: http://www.k2x2.info/kulturologija/akterskie_tetradi_innokentija_smoktunovskogo/p5 (дата обращения: 21.11.2017).

17. Кравчук З. Владимир Особик. Судьба и сцена. [Электронный ресурс]. URL: http://publications-theatre.ru/osobikbook/1os.htm (дата обращения: 21.11.2017).

18. А. Свободин о спектакле «Царь Федор Иоаннович». [Электронный ресурс]. URL: http://www.rus-drama.ru/publications/106-2001-07-18.html (дата обращения: 21.11.2017).

19. Старосельская Н. Трагедия познания. «Царь Федор Иоаннович». [Электронный ресурс]. URL: ttp://www.strast10.ru/node/2807 (дата обращения: 21.11.2017).

THEATRICAL HISTORY OF A.K. TOLSTOY'S TRAGEDY "TSAR FYODOR IOANNOVICH" IN XIX-XXI CENTURIES IN RUSSIA

The problem of the theatrical history of A.K. Tolstoy's tragedy "Tsar Fyodor Ioannovich" is analyzed in the article. There were studied the files from the museum archive of Mkhat (Moscow Academic Art Theatre), documents about staging the play in the theatres of Moscow and St. Petersburg from 1889 up to present moment. Special attention is paid to the main character in Tolstoy's tragedy, interpretation of tsar Fyodor's image on the home stage. The matter concerns not only the historic and artistic meaning of the play but also phenomenal modernity of A.K. Tolstoy's tragedy.
Keywords: dramatical piece, historical play, personage, tragedy, censorship, theater.

References

1. Tolstoj, A.K. (1980). Pis'mo A.O.Smirnovoj, 5 janvarja 1865 g., Krasnyj Rog [Letter to A. O. Smirnova, January 5, 1865, Red horn]. M.: Pravda.

2. Rostockij, B., Chushkin, N. (1940). «Car' Fedor Ioannovich» na scene MHAT / Serija «Monografii o spektakljah» ["Tsar Fyodor Ivanovich" at the stage of the Moscow art theatre / the Series of "Monographs on performances"]. Vyp. II. M.-L.: izdanie VTO.

3. Lenskij, A.P. (2002). Stat'i. Pis'ma. Zapiski [Article. Letters. Notes]. M.

4. Bikkulova, I.A. (2016). «Concerning the history of the theatre production of A.K. Tolstoy's tragedy "Tsar Fyodor Ioannovich" in Art-Public theatre (1898)» [The history of the production of the tragedy by A.K. Tolstoy "Tsar Fyodor Ioannovich" in the art-Public theatre (1898)]. *Vestnik of Ryazan state University* [*Herald of Ryazan state University*], 3/52, 97-107.

5. Bikkulova, I.A. (2017). A.K. Tolstoy's tragedy "Tsar Fyodor Ioannovich" on the stage of the Moscow Academic Art Theatre (1899) (on the materials of Mkhat's archive) [The tragedy by A. K. Tolstoy "Death of Ivan the terrible" on the stage of Moscow Art theatre (1899) (on materials of archive of the Moscow art theatre)]. Materials of scientific-practical conference devoted to 200-anniversary of A.K. Tolstoy: "About Motherland songs and thoughts of his own" (May, 17, 2017), "A.K. Tolstoy in the world culture" (August, 31 – September, 1 2017). Bryansk: 2017.

6. Tolstoj, A.K. «Car' Fedor Ioannovich», «Car' Boris», «Smert' Ioanna Groznogo» / Cenzorskij jekzempljar p'esy, 17-19 avgusta 1898 – 22 maja 1899 ["Tsar Fyodor Ioannovich", "Tsar Boris," "the Death of Ivan the terrible" / Censorship copy of the play, from 17 to 19 August 1898 – 22 may 1899].

SPb.: tipografija M.M. Stasjulevicha, 1898 // Muzej MHAT. f.1 op.113, № 59 (stranicy ne oboznacheny).

7. Nemirovich-Danchenko, V.I. (1989). Rozhdenie teatra. Vospominanija, stat'i, zametki, pis'ma [The birth of theatre. Memoirs, articles, notes, letters]. M.: Pravda.

8. Glagol (Goloushev, S.S.) (2005). Otkrytie Hudozhestvennogo Obshhedostupnogo teatra / «Kur'er», M., 1898, 15 oktjabrja. S.25-28. [The opening of the Art Public theatre"Courier" M., 1898, October 15. – P. 25-28] // Moskovskij Hudozhestvennyj teatr v russkoj teatral'noj kritike [The Moscow Art theatre in the Russian theatrical criticism]. 1898-1905. M.: Artist. Rezhisser. Teatr.

9. Nikitenko, A.V. (2005). Zapiski i dnevnik [Notes and diary]. V 3 t. T.3. M.: Zaharov.

10. Tolstoj, A.K. (1980). Proekt postanovki na scenu tragedii «Car' Fedor Ioannovich» [The project of setting the scene of the tragedy "Tsar Fyodor Ivanovich"]. M.: Pravda, T.3, 479-509.

11. Vasil'ev, S. (Flerov, S.V.) (2005). Teatral'naja hronika. Hudozhestvenno-Obshhedostupnyj teatr. «Car' Fedor Ioannovich», tragedija v 5 dejstvijah i 10 kartinah, gr. A.K. Tolstogo / Moskovskie vedomosti, 1898, 19 oktjabrja. S.38-41 // Moskovskij Hudozhestvennyj teatr v russkoj teatral'noj kritike. 1898-1905. [Theatrical chronicle. Art-Public theatre. "Tsar Fyodor Ivanovich", a tragedy in 5 acts and 10 scenes, gr ..To. Thick / Moskovskie Vedomosti, 1898, October 19. C. 38-41 // the Moscow Art theatre in the Russian theatrical criticism. 1898-1905.]. M.: Artist. Rezhisser. Teatr.

12. Stroyeva, M. (1973). Stage manager's search of Stanislavsky: 1898-1917 [The Director's quest Stanislavsky: 1898-1917]. M.: Nauka.

13. Solov'eva, I. (2007). The Art Theatre: Life and adventures of the idea [Theatre: the Life and adventures of ideas]. M.: Moscow Academic Art Theatre.

14. Velekhova, N.O. (2002). About the performance "Tsar Fyodor Ioannovich" in the Maly theatre. / Innokenty Smoktonuvsky. Life and roles [About the play "Tsar Fyodor Ivanovich" at the Maly theater. / Innocent Smoktunovskij. Life and role.]. M.: AST-Press kniga.

15. Sorokina, N. 30-letiyu spektaklya «Car' Fyodor Ioannovich» posvyashchaetsya [To the 30th anniversary of the performance "Tsar Fyodor Ioannovich" is devoted]. Retrieved 21 November, 2017 from http://www.maly.ru.

16. Actor's notebook innocent Smoktunovsky [The actor's notebooks by Innokenty Smoktunovsky]. Retrieved 21 November, 2017 from http://www.k2x2.info.

17. Kravchuk, Z. Vladimir Osobik. Sud'ba i scena [Vladimir Osobik. Destiny and stage]. Retrieved 21 November, 2017 from http://publications-theatre.ru.

18. A. Svobodin o spektakle «Car' Fedor Ioannovich» [A. Svobodin about the performance "Tsar Fyodor Ioannovich"]. Retrieved 21 November, 2017 from http://www.rus-drama.ru.

19. Staroselskaya, N. Tragediya poznaniya. «Car' Fedor Ioannovich» [Tragedy of perception. "Tsar Fyodor Ioannovich"]. Retrieved 21 November, 2017 from http://www.strast10.ru.

Об авторе

Биккулова Ирина Анатольевна – кандидат филологических наук, профессор кафедры русской, зарубежной литературы и массовых коммуникаций, Брянский государственный университет имени И.Г. Петровского (Россия), E-mail: super.bikkulova@yandex.ru

Bikkulova Irina Anatolyevna – Candidate of Philology, Professor of department of the Russian, foreign literature and mass communications, Bryansk State Academician I.G. Petrovsky University (Russia), E-mail: super.bikkulova@yandex.ru

УДК 882 (09)

Владимирова Т.С., аспирант, Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского (Россия)

ЛИТЕРАТУРНАЯ ИГРА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПЕРЕВОДА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА А. БИТОВА «ПРЕПОДАВАТЕЛЬ СИММЕТРИИ»)

В статье рассматривается «Преподаватель симметрии» А. Битова как роман-мистификация, показывается, что в основу литературной игры с читателем положен прием, когда герой выступает в роли переводчика чужого произведения, а сам процесс перевода выстраивается в самостоятельный сюжет. При этом писатель подчеркивает, что он является непрофессиональным переводчиком и не владеет английским языком. Доказывается, что все герои-повествователи – вымышленные персонажи, а единственным автором романа является сам Битов, скрывающийся за маской переводчика. В качестве аргументов, доказывающих, что роман является мистификацией, и раскрывающих подлинный замысел Битова, автор статьи приводит: во-первых, скрытые или явные сходства повествователей с личностью Битова (от фактов биографии до особенностей характера); во-вторых, варьирование художественного приёма найденной, обретённой рукописи; в-третьих, цитаты и отсылки к произведениям русской литературы (в романе Битов обращается к произведениям Чехова, Булгакова и Набокова). Автор статьи показывает, что процесс перевода в современной литературе приобретает особый статус, и приходит к выводу о том, что для Битова перевод – это не только переложение текста с одного языка на другой, но и способ понять и другого человека, и самого себя.
Ключевые слова: перевод, переводчик, литературная игра, повествовательные маски, пародия, разоблачение.

Одной из актуальных проблем современной русской литературы является проблема диалога культур. Интерес к ней вызван, прежде всего, тем, что мы живём в принципиально новом информационно-коммуникативном пространстве, когда современные технологии предоставляют нам возможность строить межкультурное общение, не выходя из дома. В диалоге с представителями другой культуры человек не только познаёт чужое, но и осознаёт неповторимость, исключительность своей национальной традиции.

В художественных произведениях проблема межкультурного диалога раскрывается в нескольких аспектах: «и как осознание собственной национальной идентичности, и как изображение человека иной культуры, и как

осмысление эмигрантского опыта, и как поиск общего языка представителями разных традиций и пр.» [1, с. 312]. Поскольку в любой коммуникации главную роль играет речь и язык, то для осуществления полноценного диалога между представителями разных народов важен посредник, владеющий теми языками, на которых он ведется, – то есть переводчик. Не случайно переводчик, толмач становится центральным персонажем целого ряда произведений современных авторов. Такой герой способствует установлению элементарной коммуникации между носителями различных языков (Шишкин «Венерин волос», И. Ефимов «Новгородский толмач», М. Гиголашвили «Толмач»), помогает проникнуть в тайны чужой культуры (Улицкая «Даниэль Штайн, переводчик», Д. Рубина «Последний кабан из лесов Понтеверда»). Часто в произведениях о переводчиках выстраивается особая сюжетная линия, когда предметом изображения является процесс перевода с одного языка на другой как таковой (Е.Чижов «Перевод с подстрочника», И. Ефимов «Новгородский толмач»). Эта линия становится сюжетообразующей и в романе А. Битова «Преподаватель симметрии». Но в нем процесс перевода выступает в новойхудожественной функции – с его помощью автор вступает в литературную игру. В предисловии к роману Битов сознательно отказывается от авторства «Преподавателя симметрии», отводя себе роль «профанного» переводчика, плохо знающего английский язык. Он переводит книгу новелл «The Teacher of Symmetry» английского писателя начала XIX века.

По словам Битова, именно работа над переводом этой книги помогла ему в геологической экспедиции скоротать дождливые осенние вечера: «Кое-как, без словаря, до чего догадываясь, что присочиняя, набрасывал я в школьных тетрадках – по рассказу в день. Как Шахерезада…» [2, с.8].

Битов предлагает читателю своего романа тройную мистификацию, иначе говоря, тройное кодирование. Писатель создаёт три повествовательных маски: первый повествователь – это сам А. Битов, представленный

как переводчик, а не создатель романа; второй повествователь – английский издатель и журналист Э. Тайрд-Боффин («Вид неба Трои» и «Стихи из кофейной чашки»); и наконец, третий повествователь – английский писатель, автор повестей «0 – цифра или буква?» и «Битва при Эйзете» Урбино Ваноски. Именно Урбино Ваноски является главным героем «Преподавателя симметрии»: на протяжении всего романа читатель следит за его судьбой – от юных лет до таинственного исчезновения. События его жизни причудливым образом раскрываются то в воспоминаниях о личных встречах с Ваноски журналиста Э. Тайрд-Боффина, то в рассказах самого Ваноски, то в его творчестве – новеллах, поэмах и стихах. Включаясь в литературную игру, Битов не ограничивается только внутри текстовыми приёмами. В 2008 году при третьей публикации романа он еще отчетливее акцентирует мистификацию авторства: на титульном листе приводит портрет Э. Тайрд-Боффина, указывает даты его жизни (A. Tired-Boffin, 1859-1937), также определяет характерсвоего участия в создании произведения: «Перевёл с иностранного Андрей Битов» и дает жанровое определение перевода как «романа-эха» [3, с. 86]. И действительно, роман состоит из нескольких новелл, связанных между собой системой повторяющихся мотивов и образов, которые звучат подобно эху и распространяются на всё повествование: это и упоминание о событиях, рассказанных в предыдущей новелле, и повторение тем и идей. Так, новеллы «Забывчивое слово», «Последний случай писем», «Последние записки Тристам-клуба» объединены общей идеей о том, что каждое творчество – это и есть перевод. Ее доказательством и могут служить слова Битова о сущности перевода: ««Боюсь, что нас не поймут, или поймут не сразу, или поймут как шутку, если мы заявим, что ничем, кроме перевода, люди не заняты, – ничем, кроме поисков эквивалента. Что все без исключения люди – переводчики. И переводим мы не жизнь на язык небытия, а книгу с языка на язык, чего нельзя было бы делать, если не быть уверенным, что жизнь одна, природа человека едина и взаимопонимание – естественная функция человечества. То есть в основе перевода лежит, исходно, *вера»* [4, с. 331]. Иными словами, творческий процесс для Битова заключается в переводе, перекодировке, переложении ранее имеющегося текста. Основная проблема соотношения текста и смыслов заключается в том, что любое понимание обречено на приблизительность и даже искажение смыслов, «но только в переводе (пересказе, перекодировке) возможна жизнь текста» [3, с.84]. Не случайно повествователь является непрофессиональным переводчиком: он не только недостаточно знает язык, но и называет свой перевод «отклонением от оригинала», размышлениями на тему, рассказами к иллюстрациям. Казалось бы, почему не наделить своего вымышленного героя-переводчика владением иностранными языками, что прибавило бы вес его тексту и веру в аутентичность его перевода… Здесь раскрывается подлинный замысел Битова, его взгляд на проблему понимания смысла чужого текста, а значит и понимания другого человека, в том числе и представителя иной эпохи или культуры. Битов в гиперболизированной форме указывает на экзистенциальную природу понимания иного сознания, мышления, текста, где главную роль играют фантазия, интуиция, импровизация познающего субъекта, а поскольку «приблизиться к смыслу можно лишь приблизившись к экзистенциальному опыту творца текста, но отождествление опыта невозможно, и потому тексты обречены на неточное, неистинное понимание» [3, с.85].

Таким образом, А. Битов, с одной стороны, подчёркивает мысль о том, что жизнь любого текста продолжается только в переводах, переложениях, перекодировках, что и делает переводчик с забытыми новеллами неизвестного писателя, переводя их, словно вдыхая в них новую жизнь; с другой же стороны, в каждом переложении жизнь текста, действительно, будет новой, отличной от той, которую дал ей подлинный автор, поскольку полного совпадения с жизненным и чувственным опытом автора текста не может достичь ни один мастер перевода. Переводы бывают неточными, приблизительными не только из-за разницы в словарном составе того или иного языка, в арсенале средств выразительности, но и из-за различия в культурном, национальном опыте народа и каждого отдельного человека. Здесь Битов солидарен с представителями постмодернизма, которые

считали, что любой постигаемый смысл является проблемой для современного человека. Создавая роман «Преподаватель симметрии» как литературную игру, Битов затрагивает основную проблему постмодернизма – исчезновение реальности в текстовой культуре, когда искусство и действительность связывают исключительно игровые отношения, как замечал И.П. Ильин в своей работе «Постмодернизм»: «Уравнивая в правах действительное и вымышленное, игра приводит к ситуации неограниченного числа значений произведения: ведь его смысл уже никак не связан с предсуществовавшей реальностью...» [5, с. 188]. Провозгласив исчезновение индивидуального текста, замещённого множеством переводов и переложений, постмодернисты вводят понятие интертекстуальность, суть которого заключается в растворении текста в явных и скрытых цитатах.

Ещё в 20-е годы XX века М. М. Бахтин замечал, что, кроме реальности, данной писателю, существует предшествующая и современная литература, с которыми он находится в постоянном диалоге, понимаемом как борьба писателя с существующими литературными формами [6, с. 35-36]. Восприняв идею Бахтина буквально, представители постмодернизма свели её до диалога между текстами, что обусловило появление двойного кодирования, при котором происходит пародическое сопоставление двух (или более) «текстуальных миров» [7, с. 222]. Пародия в постмодернизме получила название «пастиш» (от итальянского pasticcio– опера, составленная из отрывков других опер, смесь, попурри, стилизация). Изначально «пастиш» понимался как воплощение в жизнь поэтики экспериментального романа – «фантазия и одновременно своеобразная пародия» [7, с. 222]. Писатель-постмодернист теряет веру в текстовую реальность и приходит к выводу о бессмысленности и безосновательности окружающего мира. Постепенно понятие «пастиш» понимается как автопародия, в которой писатель «предлагая нам имитацию романа его автором, в свою очередь имитирующим роль автора… пародирует сам себя в акте пародии» [7, с. 223].

Создавая в романе «Преподаватель симметрии» игровые литературные маски повествователей, А. Битов пародирует в них самого себя: например, наделяя Урбино Ваноски чертами своей биографии или поручая авторство Э. Тайрд-Боффину, в имени которого английский инициал «А» при транскрипции соотносится с русским «Э», и имя англоязычного автора «Andrew» служит аллюзией к имени «автора подлинного», а двойная фамилия «Tired-Boffin» переводится как «утомленный исследователь (дознаватель)» и намекает на литературную искушенность «переводчика», зашифровавшего в анаграмме собственное имя «AndreiBitoff» [8, с. 50]. Таким образом, пародийная природа повествователей, отсылающая нас к подлинному автору «Преподавателя симметрии», одновременно является и разоблачением мистификации романа. Для Битова оказывается важным создать образ автора, а не представить читателю художественное произведение. Как признаётся его герой писатель Ваноски: «Все думают, что самое трудное– выдумать, что писать… Нет, самое трудное–выдумать того, кто пишет. Все, кого мы читаем и чтим, сумели выдумать из себя того, кто писал за них. А кто тогда они сами, помимо того, кто пишет? Страшно представить себе это одиночество» [4, с. 80]. Создавая, придумывая самого себя в качестве переводчика, А. Битов словно перелистывает страницы прошлой жизни, пересматривает свою судьбу, ведь оригинал подлинного переводимого текста находится только в его памяти и отсылает его к далёким дням молодости. Иными словами, работа над переводом становится не просто переводом, но и воспоминанием переводчика Битова о себе настоящем – писателе. Именно воспоминания об одном событии из жизни Битова, подобно вспышке, возникшем и тут же погасшем в его сознании, подтолкнули переводчика к творческому процессу – к переводу давно забытой книги: «со мной случилось небывалое происшествие, нечто поразительное по невозможности быть, и ничего мне не подсказали ни опыт, ни память в поддержку, кроме внезапного воспоминания об одном рассказе из той забытой книжки» [4, с. 12].

При создании литературной игры А. Битов использует такое известный приём, как найденная «обретённая» рукопись. Книга и рукопись – это способ воздействия на чужое сознание, попытка донести до адресата свою

историю, свои мысли, передать свой жизненный опыт. Однако книга – это законченное произведение, имеющая своего автора и предполагающая своего читателя. Рукописи же – это чаще незаконченный материал, разрозненные страницы дневников, писем, заметок и т.д., случается, что автор таких набросков нам неизвестен, и читатель может даже немыслится, например, если речь идёт о личных дневниках или интимной переписке. Как правило, чужая рукопись попадает к герою случайно и становится внешним импульсом к творчеству, тем первичным материалом, из которого рождается произведение [9, с. 354]. А. Битов варьирует этот приём: герой находит свою же рукопись, свои черновые переводы книги английского писателя, что также разоблачает его мистификацию: «Я разыскал на антресолях, в обломках лыж и весел, небрежную рукопись моего "перевода" и вспомнил и другие рассказы из этой книжки, и, таким образом "перечтенная", книжка эта завладела моим воображением – ястал ее искать» [2, с. 9]. Вместо того чтобы входить в чужую историю, интересоваться чужой судьбой, герой возвращается в прошлое десятилетней давности, вспоминает себя, словно «перечитывает» свою собственную жизнь. Оказывается, творческий процесс – это не только переложение чужого текста, приближение к пониманию другого человека, но и переработка своего собственного опыта, постижение самого себя.

Примечательно, что в случае нахождения чужой рукописи законченный роман обретает многозвучие, становится коллективным творчеством, ведь он «рождался в диалоге с теми, кто был участником событий» [9, с. 353]. В романе Битова обращение к своей же рукописи ещё раз подчёркивает монологичность повествования, акцентирует наше внимание на том, что никаких других авторов, кроме самого Битова, в романе «Преподаватель симметрии» не существует, а английский писатель XIX века Урбино Ваноски и издатель Э.Тайрд-Боффин – выдуманные персонажи.

Но не только отражение А. Битова в вымышленных героях свидетельствует о мистификации и разоблачает замысел автора, ещё одна важная особенность романа Битова – цитаты и отсылки к произведениям русской литературы. По словам Ю.М. Лотмана, именно «раскрытие цитат и реминисценций не только способствует пониманию отдельных мест текста, оно раскрывает также сознательную или бессознательную ориентацию автора на ту или иную культурную традицию» [10. с. 249], а к литературе постмодернизма, с её интертекстуальностью, это замечание имеет непосредственное отношение. Так, в работе О.Ю. Осьмухиной «Набоков как воля и представление...»: набоковский реминисцентный слой в российской прозе последних лет» подчёркивается связь прозы В. В. Набокова и романа Битова. Исследовательница замечает, что переадресация авторства Э. Тайрд-Боффину отсылает нас к «Лолите» В. В. Набокова, где автор использовал такой же приём – двойную кодировку. В романе Набокова не сам автор, но некий психоаналитик доктор Рэй даёт «разъяснения» читателю об истинной природе «исповеди» Гумберта Гумберта. Также исследовательница обращает внимание на годы жизни Тайрд-Боффина (1859-1937), из которых последняя дата совпадает не только с годом рождения самого А. Битова, но и является годом публикации последнего русского романа «Дар» Набокова, после чего творческим языком автора становится английский. Кроме того, «переводчик» упоминает о некоторых биографических «чертах» Э.Тайрд-Боффина, переданных его герою Урбино Ваноски, из которых «стилистические изыски» и «позднее вхождении в язык своей будущей литературы» вновь отсылает к фигуре Набокова» [8, с. 50].

В новелле Битова «0 – цифра или буква», включённой в роман, звучит отсыл как ещё одному произведению русского писателя, а именно к повести А.П. Чехова «Палата № 6». Герои Битова – доктор Давин и психически больной Гумми – общаются на равных, даже вступают в дружеские отношения, порой создаётся впечатление, что они думают одинаково: «Господи! – взмолился Давин. –Он не может так говорить! Это он сейчас сказал или я подумал? Нет, положительно сумасшествие заразно...» [2, с. 83]. Мысль об относительной природе сумасшествия, о зыбкой границе между логическим мышлением здорового человека и больным сознанием психически ненормального явля-

ется основой сюжета повести Чехова. В «Палате № 6» врач психиатр Андрей Ефимович находит общий язык со своим пациентом, более того, общение с ним становится для Андрея Ефимовича необходимым: «Читая и потом, ложась спать, он всё время думал об Иване Дмитриче, а проснувшись на другой день утром, вспомнил, что вчера познакомился с умным и интересным человеком, и решил сходить к нему еще раз при первой возможности» [11, с. 152]. В результате такая странная дружба вынуждает окружающих принять Андрея Ефимовича за сумасшедшего и приводит его в палату для помешавшихся, где он и умирает.

Взаимоотношения героев Битова настолько перекликаются с взаимоотношениями чеховских персонажей, что даже темы их разговоров, размышления звучат в унисон. Так, например, Андрей Ефимович в беседе с Иваном Дмитриевичем рассуждает о необходимости сосредотачивать внимание на себе, на своём внутреннем мире, потому что «покой и довольство» не в окружающих предметах, не во внешней стороне жизни, а внутри самого человека: «Обыкновенный человек ждет хорошего или дурного извне, то есть от коляски и кабинета, а мыслящий – от самого себя» [11, с. 153]. В романе Битова доктор Давин пытается уловить ход мыслей Гумми: «Значит, люди обладают перевернутым восприятием и наружную сторону воспринимают за внутреннюю и наоборот? Как только родившиеся видят мир перевернутым, так?» [2, с. 91]. Время действия в обоих произведениях – конец XIX века, когда научные открытия и изобретения заставляли обращать внимание на внешнюю сторону жизни и забывать о духовной, внутренней составляющей человека. Несмотря на все достижения науки, в частности медицины, «сущность вещей не изменится, законы природы останутся всё те же. Люди будут болеть, стариться и умирать так же, как и теперь. Какая бы великолепная заря ни освещала вашу жизнь, всё же, в конце концов, вас заколотят в гроб и бросят в яму» [11, с. 150].

В новелле «Вид неба Трои» описанная встреча Урбино Ваноски с лысым толстяком на скамейке в Гарден-парке напоминает нам знакомство Маргариты и Азазелло из романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита». Незнакомец, которого Урбино именует не иначе, как дьявол в человеческом обличии, неожиданно появляется перед писателем и так же неожиданно исчезает, оставляя Ваноски фотографию, мистическим образом завладевшую мыслями героя и определившую дальнейший ход событий. Так же, как и Маргарита в романе Булгакова встречает Азазелло, посланника нечистой силы, повлиявшего на её жизнь. Так или иначе, и в романе Битова, и в романе Булгакова знакомство с неким неизвестным человеком становится судьбоносным, меняет жизнь героев.

Таким образом, отражение автора в придуманных им героях, отсылки к произведениям русской литературы служат для вовлечения читателя в литературную игру, в творческий замысел, в основе которого лежит перевод, понимаемый не только как переложение произведения с одного языка на другой, но и как единственный способ понимания другого человека и самого себя.

Список литературы

1. Юхнова И. С. Образ переводчика и проблема межкультурной коммуникации в современной отечественной литературе // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 2-2. С. 309-313.

2. *Битов А. Г.* Преподаватель симметрии: роман-эхо. Москва: АСТ: 2014.429 с.

3. *Рыбальченко Т. Л.*Онтологические аспекты проблематики новых новелл романа А. Битова «Преподаватель симметрии» // Вестник Томского государственного университета. 2011. Вып. 1. С. 84-101.

4. *Битов А. Г.* Пятое измерение: На границе времени и пространства. М., 2002. С. 330-331.

5. Ильин И. П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. Москва: Интрада. 1998. 255 с.

6. Бахтин М. М. Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.С. 6–71.

7. Ильин И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. Москва: Интрада, 1996. 253 с.

8. Осьмухина О. Ю. «Набоков как воля и представление...»: набоковский реминисцентный слой в российской прозе последних лет // Мир науки, культуры, образования. 2009. № 2 (14). С. 49-52.

9. Юхнова И. С. «Чужая» рукопись в структуре художественного произведения (А.С. Пушкин, А. Погорельский, А.Ф. Вельтман) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2014. № 2-2.С. 352-356.

10. Лотман Ю. М. Из комментариев к «Путешествию из Петербурга в Москву» // Лотман Ю. М. О русской литературе: Статьи и исследования: история русской прозы, теория литературы. СПб.: «Искусство-СПБ», 1997. С. 239-249.

11. Чехов А. П. Палата № 6 // Чехов А.П. Собр. соч.: в 12 т. Т. 7. М.: ГИХЛ, 1962.

LITERARY GAME IN THE LIGHT OF TRANSLATION (BASED ON A. BITOV`S NOVEL «THE TEACHER OF SYMMETRY»)

The article reveals the original creative concept of the contemporary Russian writer A. Bitov – the mystification of the novel "The Teacher of Symmetry" where the literary game is created with the help of the translation process, and the writer plays the role of an unprofessional translator who does not have a command of English. It is proved that all the heroes-narrators are fictitious characters and the only author of the novel is Bitov himself, hiding behind the mask of a translator. Arguments are given proving the mystification of the novel and revealing the original idea of Bitov. Firstly, the hidden or explicit similarities between the narrators and the personality of Bitov are considered (from the facts of the biography to personality traits); secondly, the variation of the artistic method (a discovered, obtained manuscript) is discussed; thirdly, quotations and references to the works of Russian literature are considered (in the novel, Bitov refers to the works of Chekhov, Bulgakov and Nabokov). The author of the article shows that the translation process has got a special status in the modern literature and concludes that for Bitov, the translation is not only the transcribing of the text from one language to another but also a way to understand another person and even himself.
Keywords: translation, translator, literary game, narrative mask, parody, unmasking.

References

1. Yuhnova I.S. (2015). Obraz perevodchika i problema mezhkul'turnoj kommunikacii v sovremennoj otechestvennoj literature [The Image of an Interpreter and the Problem of Intercultural Communication in Contemporary Russian Literature]. Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Nizhniy Novgorod. 2-2. 309-313 s.

2. Bitov A.G. (2014). Prepodavatel' simmetrii: roman-ehkho [Teacher of Symmetry: the Novel-Echo]. Moskva: AST. 429 s.

3. Rybal'chenko T.L. (2011) Ontologicheskie aspekty problematiki novyh novell romana A. Bitova «Prepodavatel' simmetrii» [Ontological Aspects of the Problems of New Short Stories of A.G. Bitov's Novel "The Teacher of Symmetry"]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Vyp. 1. 84-101 s.

4. Bitov A.G. (2002). Pyatoe izmerenie: Na granice vremeni i prostranstva.
[The Fifth Dimension: On the Border of Time and Space]. Moskva. 330-331 s.

5. Il'in I.P. (1998). Postmodernizm ot istokov do konca stoletiya: ehvolyuciya nauchnogo mifa [Postmodernism from the Sources to the End of the Century: the Evolution of a Scientific Myth]. Moskva: Intrada. 255 s.

6. Bahtin M.M. (1975). Problema soderzhaniya, materiala i formy v slovesnom hudozhestvennom tvorchestve. Voprosy literatury i ehstetiki [The Problems of Content, Material and Form in Verbal Art Creativity. Questions of Literature and Aesthetics]. Moskva. 6–71 s.

7. Il'in I.P. (1996). Poststrukturalizm. Dekonstruktivizm. Postmodernizm [Post-Structuralism. Deconstructivism. Postmodernism]. Moskva: Intrada. 253 s.

8. Os'muhina O. YU. (2009). «Nabokov kak volya i predstavlenie...»: nabokovskij reminiscentnyj sloj v rossijskoj proze poslednih let ["Nabokov as Will and Representation ...": Nabokov`s Reminiscence Layer in the Russian Prose of Recent Years]. Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. 2 (14). 49-52 s.

9. Yuhnova I.S. (2014). «Chuzhaya» rukopis' v strukture hudozhestvennogo proizvedeniya (A.S. Pushkin, A. Pogorel'skij, A.F. Vel'tman) ["Someone Else`s" Manuscript in the Structure of the

Work of Art (A.S. Pushkin, A. Pogorelsky, A.F. Veltman)]. Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. 2-2. 352-356 s.

10. Lotman YU.M. (1997). Iz kommentariev k «Puteshestviyu iz Peterburga v Moskvu» [From the Comments to the "Journey from Petersburg to Moscow"]. // Lotman YU.M. O russkoj literature: Stat'i i issledovaniya: istoriya russkoj prozy, teoriya literatury. SPb.: «Iskusstvo-SPB». 239-249 s.

11. Chekhov A.P. (1962). Palata № 6 [Chamber № 6]. Sobr. soch.: v 12 t. T. 7. Moskva: GIHL.

Об авторе

Владимирова Татьяна Сергеевна – аспирант кафедры русской литературы, Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского (Россия), E-mail: vladimirova.t.s@yandex.ru

VladimirovaTatyanaSergeevna – Graduate student of the Department of Russian Literature, Nizhny State University named after N.I. Lobachevsky (Russia), E-mail: vladimirova.t.s@yandex.ru

УДК 82.09

Головченко И.Ф., кандидат юридических наук, доцент, Пятигорский государственный университет (Россия)

ПУТЬ К ИСТИНЕ (В ДРАМАТИЧЕСКОЙ СКАЗКЕ Н.С. ГУМИЛЁВА «ДИТЯ АЛЛАХА»)

Тема дороги, поиска пути, странствия характерна для всего творчества Н.С. Гумилева, в том числе и для драматургических сочинений, связанных с мотивами Востока. Актуальность исследования определяется тем, что в нем анализируется специфика синкретизма приемов различных художественно-эстетических направлений, мотивно-сюжетных и жанровых особенностей раскрытия темы путешествий с учетом исторических, географических, этнокультурных и литературных аспектов.

Ключевые слова: романтизм, символизм, акмеизм, путешествие, странствие, травелог, архетип, образы-символы, истина, экзотический мир Востока.

Для мировидения Николая Гумилёва характерно не столько акмеистическое, сколько романтическое понимание образа пути, дороги, скитания как жизненного пути, цели существования. Его лирический герой в поисках счастья часто уходит из настоящего, забывает прошлое, мечтает достичь иллюзорного будущего. «Лучше слепое Ничто, /Чем золотое Вчера!» – восклицает странник стихотворения «В пути» [5, с. 127], стремясь обрести «неотцветающий сад». Отвергая «древнюю скудость земли», он не отрекается от себя, не обращает свой жизненный корабль вспять, невзирая на страшный «огненный смерч» Смерти. Обозначенные в этом и многих других лирических произведениях мотивы (неприятие настоящего, смелый шаг в неизведанное будущее, поиск счастья в другом мире, преодоление, жизнь/смерть) реализуются и в драматургических текстах Гумилёва, конфликт которых разрешается в скитаниях – физических и духовных – героев. Это и «Актеон», и «Гондла», и «Отравленная туника», и «Дитя Аллаха». На примере последней мы проследим, как выстраивается «дорожная карта» героини, с помощью жестоких, смертельных и смелых экспериментов обретающей достойного своей любви мужчину, т.е. счастье и истину.

Странник в жизни и в поэзии, Н. Гумилёв был устремлён в экзотический мир Востока, Скандинавии, Африки, где он пытался найти «неведомую землю», и поиски её были одним из ведущих мотивов творчества художника. Путешествия поэта в Африку, участие в первой мировой войне – это не надеваемая жизненная маска, за которую хотят заглянуть многие исследователи (С.М. Исаев С.Т. Струве Г.П. Левинсон А. Маковский.), а отражение внутреннего противостояния автора и его героев обыденности. Вероятно, именно бегство от этой обыденности инспирирует поведенческий и художественный «травелог» Н. Гумилёва, его пристрастие к «чужому», но не чуждому миру, в котором можно найти путь к «мистическому преображению». Намерение Гумилёва создать «Геософское общество», активное участие в формировании акмеизма как поэтической школы – это также поиск, поиск новых форм жизни и творчества.

Постоянное движение по дорогам мира и души, переживание вечной пульсации Вселенной заполняют художественное пространство произведений Странника Гумилёва, а отсюда и стремление к экзистенциальной трансформации, к переходу из быта в бытие метафизическое. Сюжет драматической сказки «Дитя Аллаха» (1916) развивается именно в таком метафизическом пространстве: между раем и адом, но не в реальном земном мире, а в отвлечённо-фантастическом, экзотическом, с ярко выраженным восточным колоритом. Действие пьесы, написанной для театра марионеток, развивается в абстрактном пространстве/времени. Сценическое пространство не осложнено подробностями. Место действия первой картины – «Пустыня. Закат солнца» [3], второй картины – «Улица Багдада. На заднем плане терраса дворца» [3]. Третья картина, подводящая к финалу пути к счастью, к райской любви на земле, дополняется указанием символов райского пространства: «Сад Гафиза. Утро. Купы роз и жасминов. Большие птицы» [3].

Условно и время: действие начинается на закате солнца (маргинальное состояние между светом и тьмой, жизнью и смертью, началом и концом), завершается утром (начало новой жизни). Задник сцены театра марионеток устойчив, недвижим, динамика действия обеспечивается движением персонажей. Они едут, скачут, идут, бегут, входят, появляются, их трупы выносят. Калейдоскоп условных фигур проходит по сцене то в сторону Пери, то от неё. Дочь Аллаха - композиционный стержень разноцветного полотна, созданного Гумилёвым. Мир, в который прибыла Пери, – нижний мир по отношению к раю и верхний по отношению к аду. Он существует в настоящем времени, которое, благодаря «эксперименту» Пери, обращено и к прошлому, и к будущему, поэтому путь её пролегает в Вечности. В райском саду (в мире верхнем), под любящим оком Аллаха она томится и просит его: «Я упрямо, / Творец, молю у ног Твоих – / Пусти меня к сынам Адама, / Стать милой лучшего из них» [3].

Пери уходит от отца, из небесного рая не потому, что бунтует против законов райского мира, противопоставляя ему иной – чаемый мир, как это делают рефлексирующие романтические герои. Аллах отпускает своё Дитя с «поводырём» Дервишем, бегущим от «мятущихся людей», в опасную дорогу, чтобы она сама нашла свой Рай в земле Адама. Как отмечает А. Гачева: «Даже тогда, когда обетованный рай ищется не в вышних, заоблачных далях, а на пространстве земли (отзвуки античных и средневековых представлений о стране блаженных и светлом Эдеме), поэт-романтик подчеркивает, что к нему нет дороги…» [2]. Героиня же акмеиста Гумилёва с детской открытостью, а затем с недоверием, страхом, сомнениями, но, не теряя надежды, находит дорогу к достойному её Гафизу, к своей цели.

Собственно, основа сюжета арабской сказки Н. Гумилёва условно-аллегорическая – дорога в жизненном пространстве через испытание смертью, страхом, отчаянием к осуществлённой мечте. Путь Пери проходит не только между пространственными (верх – низ) и временными полюсами, но и между жизнью и смертью (доминантный мотив творческого мировидения модернистов). Соотнесённость жизни и смерти в поисках заветного Грааля лирического героя и в поэзии Гумилёва – один из ведущих мотивов. Так, в стихотворении «Паломник» Ахмет-Оглы умирает на изнурительном пути к своей цели – Мекке, «но дух его бессонный» ангел Азраил, поведёт по новым дорогам «тропою, разрешённой / Для демонов, пророков и светил» [5, с. 173]. Путь к счастью, понимаемому Пери как обретение мужчины, умеющему любить, защищать, властвовать, довольно суров. Вечный путник Дервиш руководит кровавым экспериментом той, которая, «пролетая лётом птицы», вначале «нашла подкову кобылицы» Магомета, а затем добилась своей цели.

Представление о жизненном пути обычно связано с его началом и концом, т.е. смертью. Став невольной, как ей кажется, виновницей гибели Юноши, Бедуина, Калифа, Пери раскаивается, но не останавливается и продолжает своё путешествие через Багдад, через мир Синдбада, чтобы найти истину, узнать всемогущество поэта Гафиза. Он хочет продлить земную жизнь подвергнутых испытанию небесной дочери мужчин, но прерванная ею земная дорога привела их к познанию счастья. Если явление Тени Александра Македонского свидетельствует о его неуспокоенности, неумирающей включённости в земную жизнь, то воскрешение испытуемых Пери – ненужный жест Гафиза, отражающий, вероятно, оккультные представления Гумилёва о жизненном пути.

Каждый мужчина, встретившийся на пути дочери Аллаха, – скиталец. Сладострастный Юноша, идущий с караваном, раздражённо заявляет: «Как я пустыню ненавижу, / Пески, миражи и бурьян» [3]. Но при этом вся его жизнь связана с нескончаемой дорогой к новым женщинам. Судя по реплике матери, он любил «франкских молодых рабынь», и его могли найти в чужом гареме, о чём он с гордостью сообщает Пери:

От Басры до Бени-Алема,
Поверь, ты не найдёшь гарема,
Где не вздыхали бы с тоскою
О ночи сладостной со мною [3].

Юноша – образ-символ страсти; его характеризуют в ориетальном пространстве пьесы Гумилёва такие символы сладострастия, как виноград, финики, бурдюк, лютня,

свирель, лира. Область белого огня, указывают на оккультные смыслы; если следовать утверждению Е.П. Блаватской, то белый огонь «отвечает жизненной силе (за пределами светоносного эфира) и электричеству на высших и низших планах» [1, с. 94]. Юноша, обладающий этой «жизненной силой», и в загробном мире, в светящейся Вечности находит блаженство с крылатой девушкой глубин Эль-Анкой. Он не желает возвращаться в земную жизнь, рисуя себе новые перспективы подземных путешествий: «Не счесть обителей Господних. / И душу радуют мою / Восторги дальних преисподних» [3].

Свирепый бедуин всю жизнь также проводит в походах; в садах эмировых ночует, на вершинах диких гор, проходит на многолюдных площадях. Он в постоянном поиске битвы, жаждет славы и крови. В загробном мире Бедуин осуществляет свою мечту (Прекрасна жизнь моя была / А смерть светла и величава [3]). Воин не намерен продолжать жизненный путь на земле и вовсе не мучим адом, напротив, земной воздух делает его бессильным. Он наслаждается тем, что, блуждая в черной пропасти, реализует свою воинственность, боевую энергию, убивая чудовищ, из которых «кровь зелёная течёт» «пьянее крови красной» [3]. В преисподней, как и на земле, скитаются многие воины, ищущие славы. Бедуин Гумилёва оказался в милой для него обители, где слышится львиный рев, обитают рогатый лев, крылатый змей, орел железный, где он может сражаться с силами зла, демонстрируя свою доблесть, удовлетворяя жажду славы, которую он искал, в постоянном «военном походе» на земле.

Величественный восточный правитель, потомок Магомета, Калиф изображается в окружении царской охоты, соколов, гепардов своры; маркёры его значимости − цвет рубина, печать, конь. Заклятия Гафиза доходят до него, но дух Калифа не возвращается на землю, потому что путь его к безграничной власти окончен. Калиф достиг своего духовного рая: отдыхает на луне (эмблематический образ, прочитываемый однозначно в разных временных и национально-этнических срезах в незначительно разнящихся смыслах); «Неслыханное торжество вкушает в небе дух-скиталец» [3]. Это торжество вызвано концом путешествия, достижением цели, хотя (или благодаря) и в послеземном пространстве.

Скитальцы в земной жизни остаются в пьесе Гумилёва странникам и после смерти. Развитие сюжета − странствия через смерть, долженствующего, казалось бы, актуализировать антиномию жизнь/смерть, напротив, снимает её. Смерть Юноши, Бедуина, Калифа означает трансформацию героя, переход его в иное, метафизическое пространство, но сохраняющий за ним неизменный дух странничества. Необходимо отметить, что и в лирике Гумилёва часто стирается конфликт между жизнью и смертью. Так, лирический герой стихотворения «Товарищ» обращается к своему погибшему боевому другу: «Что же теперь, сквозь ряд столетий, / Выступил ты из смертных чащ…» − и мечтает вновь отправиться с ним в опасный путь: «Скоро пройду с тобой, как прежде, / В полях неведомой страны» [5, с. 124]. В стихотворении «Я не буду тебя проклинать» герой благодарит возлюбленную за смерть и перспективу посмертной дороги к счастью: «Ты подаришь мне смертную дрожь, / А не бледную дрожь сладострастья, / И меня навсегда уведешь / К островам совершенного счастья» [5, с., 148]. В «Персидской миниатюре» лирический герой после смерти, в инобытии, перевоплощается, и тогда, наконец, осуществляется старинная мечта: «Будить повсюду обожанье» [5, с. 329]. И тот же мотив бессмертия представлен в трагической версии в «Заблудившемся трамвае», где уже в абсурдистском ключе лирический герой при срезанной палачом голове, хочет отслужить в Исакии молебен о здравии мёртвой Машеньки и панихиду по себе [5, с. 331-332]. В «Леопарде» мёртвый леопард вступает в диалог с убившим его охотником, увещевая его умереть в его стране: «Чтоб я снова мог родиться / В леопардовой семье» [5, с. 336]; и чтобы произошла эта реинкарнация, охотник готов «У жирафьего колодца» окончить свою жизнь.

Ни в названных лирических произведениях, ни в арабской сказке Гумилёва никто не испытывает страха перед смертью, веря в вероятность бесконечности жизненного пути, в послесмертное путешествие или в верхний мир, или в нижний, где также можно обрести счастье, найти истину, к которой может повести Провидение или Азраил – мусульманский

ангел смерти, брат Пери. «Сестра, облекшаяся в плоть», – называет посланник нижнего мира дочь Аллаха. Она, дитя верхнего мира, поначалу боится греха за погубленные жизни Юноши, Бедуина, Калифа («…я бремя трёх смертей / На слабые взвалила плечи / И три ужасные лица/ Мне усмехаются из гроба» [3]), и даже готова нести наказание за гибель мужчин (Картина вторая), безропотно следуя за Дервишем по дорогам Багдада. Но автор предназначил ей роль не палача или жертвы, а миссию путешественника, дошедшего до алкаемой истины.

Неслучайно проводником юной Пери Гумилёв избирает мусульманского аскета Дервиша, которому ведомы все семь небес и все четыре стихии – кристалл, пустыня, солнце и полнолуние, указывающие на его связи с оккультным учением. Дервиш, в новолуние «доставший» молениями, «смотря в магический кристалл», белого Единорога и Соломоново кольцо, вел Пери к их истинному их обладателю – Гафизу через мистические дали и возрождение. С этим образом Гумилёв связывает образы-символы – солнце, цветок граната, блеск Зарницы, дух Мускуса; он вступает в поэтический диалог с Птицами. Это ему – творцу, наставнику юных и прекрасных, принадлежат архетипические символы – белый Единорог и Соломоново кольцо.

Единорог – образ-символ, представленный и в древней восточной, и в древнеиндийской, и в античной, и в западноевропейской культурах; он связан и с культом Конфуция, и с оккультными, и с христианскими представлениями («… средневековые бестиарии видели в единороге Христа, а в деве – Деву Марию» [7, с. 106]). Дервиш отмечает в нём два знаковых качества – покорность девственнице и ярость (Покорный только чистой деве /И сам небесной чистоты /Единорог ужасен в гневе [3]). На эти свойства указывал антик Плиний: «Самый свирепый и яростный зверь» [8, с. 110]; единорог принадлежал и к «идеалам рыцарской культуры: это фантастическое животное ассоциировалось с куртуазной любовью, и ему уподобляли мужчину, превращающегося в послушного слугу той Прекрасной дамы, которую он полюбил» [7, с. 105–106]. Трудно представить, что всесильный Гафиз воспримет это качество своего «амулета», но страсть Пери он пробудил.

Кольцо Соломона, которым владел Гафиз, наряду с Единорогом подчёркивает избранничество поэта, его духовную и телесную исключительность. Магическая печать на кольце Соломона позволяла Гафизу повелевать Высшими силами: ангелами, демонами, всеми стихиями и силами природы [См.: 13, с. 16]. Во многих культурах кольцо связано с «оккультной охраняющей силой», «с магическими силами или спрятанными сокровищами – поверья, восходящие к преданию о кольце царя Соломона, которое было источником его сверхъестественных возможностей и мудрости» [11, с. 157, 158]. Единорогу были также «подвластны тонкие нити запредельного мира» [12, с. 147]. Два этих знака указывают на закономерность медиумических действий Поэта. Его жизненный путь, проходящий по дорогам земного – среднего – мира, направлен и в верхний мир, и в нижний, неслучайно судьбы всех персонажей эмблематической сказки Гумилёва сходятся в его пространстве, в его райском саду на земле. Он личность творческая, творец, властитель тайн подземного и небесного мира, способный магией слова преображать, возрождать («Закон иного бытия /Волшебное разбило слово» [3],– признаёт Бедуин).

Поэт – Творец – Теург несёт в себе и любвеобильную страсть Юноши, и воинскую доблесть, наслаждение битвой Бедуина, и упоение властью Калифа. К тому же, по замыслу «сказочника» Гумилёва, он, владеющий Соломоновым кольцом, властвует и в небе, и на земле, и под землёй, Единорог активизирует его эротическую силу. Гафиз после «сеанса возрождения» зачаровывающе говорит о своей давней влюблённости и возбуждает своим пением страсть в Пери. Дочь Аллаха, нашедшая, наконец, достойного своей мечты, готова разделить с ним брачное ложе, как девственница, предназначенная Единорогу. Его рог – «символ страсти самца и страданий демона-разрушителя, символ неукротимого стремления к недосягаемому и смиренного возрождения. Единорог – символ того, чем полна человеческая жизнь» [12, с. 147]. Пери ощущает себя земной женщиной, говорит на языке человеческой страсти, обращаясь к Гафизу:

Ты телу, ждущему тебя,
Страшнее льва и леопарда,
Для бледных губ ужасен ты,

Ты весь как меч, разящий с силой,
Ты пламя, жгущее цветы,
И ты возьмёшь меня, о милый! [3]

Гафизу подвластно и человеческое тело, и тени мёрвых. Неслучайно первые исследователи творчества Гумилёва (Н.А. Оцуп, И. Голенищев-Кутузов) и современные учёные (Н.А. Богомолов, Р. Эшельман) находят некоторые оккультные смыслы в его драматургических опытах. И действительно, на первый взгляд, образы-символы, значение которых мы «расшифровывали» выше, могут прочитываться как оккультные знаки, но могут включаться и в традиционную культуру. Так, сопровождающие Бедуина в подземном путешествии львиный рев, рогатый лев, орел железный, крылатый змей дают основание предполагать, что новая обитель воина – мир офитов. Однако Офит «Братства змия», их крылатый змей, был «добрым змеем», воспринятым и египетским, и еврейским (Медный змий Моисея) культами [1, с. 388-389]. В сказочном же пространстве пьесы он, как и орёл, с его однотипным во всех культурах значением могущества, необычаен и ужасен. То есть Гумилёв, обращаясь к эмблематическим образам, создавал некий абстрактный синкретический экзотический мир, располагая в нём фигуры, не прикреплённые к конкретным ритуальным культурам, мир ориентальный в его транскрипции, не обязательно связанный с оккультными семами, но непременно вырисовываемый кистью художника-путешественника.

При этом Н. Гумилёв был знаком с оккультной доктриной, не скрывал этого, а в письме к В. Брюсову (1907) называл себя «адептом оккультизма», признавая, что поэзия мэтра символизма оказывает на него особое влияние, способствуя проникновению «смутных желаний моего астрального тела и, следовательно, в мою истинную личность» [4, с. 14]. Созданная Гумилёвым драматическая сказка разрушает теоретические установки акмеистов, манифестирующих «простоту», «прямоту» и «честность», в отличие от «затуманенных символизмом и необычайно от природы ломких отношений между вещью и словом» [9]. Драма «Дитя Аллаха», как и многие лирические произведения поэта, показывает, что Н. Гумилёв строил литературные «путешествия» на туманной мгле эйдосов. В своем манифесте он настаивал на том, чтобы в произведении было больше «более точного знания отношений между субъектом и объектом», призывал к «верности этой земле» [3]. Но рисовал в драматической миниатюре условно-абстрактный мир, созданный его эстетическим воображением, в мистически трепетном, неопределённом топосе Вечности. «Все здесь, как во сне, между «верхом» и «низом», как в импрессионистических этюдах, выплескивающих цвет за «раму», за сценическое пространство, в наднадреальный мир, прозреваемый сквозь магический кристалл Дервиша и заклинательное пение Гафиза» [10, с., 266].

Гафиз, обладающий тайной слова, не только выводит из царства мертвых Тени отправившихся в мир иной, но и возвращает их назад – в мир их успокоения. Поэт безгранично верит в силу слова, взывая в заклинании: «Живое слово, устремись / Туда, где зарожденье слова. /Ни внутрь, ни вглубь, ни вширь, а ввысь, / Ты, сила старая, за новой!» [3]. Эта убежденность в теургической силе отличает и героя-поэта сказки, и теоретика Гумилёва-акмеиста, близкого в понимании жизнетворческой миссии поэтического слова не только символистской теории, но и оккультной доктрине. Творящая сила Гафиза-поэта, свидетельствующая о мистическом воздействии творчества, соответствует сентенциям статьи Н. Гумилёва «Жизнь стиха». Гафиз превращается в жреца, силой творчества, гармонии, перевоплощая людей и очищая их души, прикасаясь к тайнам природы, воспроизводя некий сакральный ритуал. Пери, небесной девочке, суждено было, по замыслу автора, пройдя многотрудный путь, найти дорогу к истине, кроющейся в магической силе слова.

«Искание образов и форм, по своей силе и яркости соответствующих его мироощущению, влечёт Гумилёва к изображению экзотических стран, где в красочных и пёстрых видениях находит зрительное, объективное воплощение его грёза». Муза Гумилёва – это «муза дальних странствий» [6, с. 422], в которых герои ищут истину/счастье.

Список литературы

1. Блаватская Е.П. Теософский словарь. – Москва: Эксмо, 2003. 640 с.
2. Гачева А.Г. Жизнь-смерть-бессмертие в мире русского романтизма [Электронный ресурс]. URL: http://refdb.ru/look/2796893.html (дата обращения: 23.08.2017).
3. Гумилёв Н.С. Дитя Аллаха. Арабская сказка в трёх картинах [Электронный ресурс]. URL: https://gumilev.ru/plays/5/ (дата обращения: 17.08.2017).
4. Гумилёв Н.С. Неизданные стихи и письма / Ред. Г.П. Струве. Париж, 1980. Paris, «YMCA-Press», 228 с.
5. Гумилёв Николай. Стихотворения и поэмы/ Вступительная статья А.И. Павловского – Ленинград: Советский писатель, 1988. 632с.
6. Жирмунский В.М. Преодолевшие символизм. Н.С. Гумилёв: Pro et contra. Личность и творчество Николая Гумилёва в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. Издание второе. – Санкт-Петербург: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2000. С. 397-427.
7. Карр-Гомм Сара. Словарь символов в искусстве. Иллюстрированный ключ к живописи и скульптуре / Пер. с англ. – Москва: АКТ. Астрель, 2003. 335 с.
8. Словарь символов и знаков / Авт.-сост. Н.Н. Рогалевич. – Минск: Харвест, 2004. 512 с.
9. Статьи и заметки о русской поэзии [Электронный ресурс]. URL: http:www.ru.wikisource.org/wiki/Статьи_и_заметки_о_русской_поэзии_(Гумилёв)/32 (дата обращения: 15.08.2017)
10. Страшкова О.К. «Новая драма» как артефакт Серебряного века. – Ставрополь: Изд. СГУ, 2006. 576 с.
11. Тресидер Джек. Словарь символов. Москва: ФАИР-ПРЕСС, 2001 448 с.
12. Флора и Фавн. Мифы о растениях и животных. Краткий словарь / Сост. Федосеенко В.М. – Москва: Русь, 1998. 256 с.
13. Шейнина Е.Я. Энциклопедия символов. Москва: АСТ; Харьков: Торсинг, 2003. 591 с.

THE ROAD TO TRUTH
(IN THE DRAMATIC FAIRY TALE BY N.S. GUMILYOV “ALLAH’S BABY”)

The theme of the road, search for the course, travel is typical for N.S. Gumilyov’s entire creative work, including his dramatic works connected with the Oriental motives. The topicality of the research is determined by the fact that it analyzes the specificity of the syncretism of the methods of different artistic and aesthetic tendencies, the motive, plot and genre peculiarities of the developing of the travel theme considering certain historical, geographical, ethnocultural and literary aspects.
Keywords: Romanticism, symbolism, acmeism, journey, travel, travelogue, archetype, images-symbols, truth, exotic world of the Orient.

References

1. Blavatskaya, E.P. (2003). Teosofskiy slovar' [Theosophic dictionary]. Moskva: Eksmo. 640 s.
2. Gacheva, A.G. (2010). Zhizn'-smert'-bessmertie v mire russkogo romantizma [Life-death-immortality in the world of the Russian romanticism]. Retrieved 23 August, 2017 from http://refdb.ru/look/2796893.html.
3. Gumilyov, N.S. (1917) Ditya Allakha. Arabskaya skazka v trekh kartinakh [Allah’s child. Arabic fairytale in two scenes]. Retrieved 17 August, 2017 from https://gumilev.ru/plays/5/.
4. Gumilyov, N.S. (1980). Neizdannye stikhi i pis'ma [Unpublished poems and letters] / Ed. by G.P. Struve. Parizh, YMCA-Press. 228 s.
5. Gumilev, N. (1988). Stikhotvoreniya i poemy [Poems] / Vstupitel'naya stat'ya A.I. Pavlovskogo [Introductory article by A,I. Pavlovsky]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'. 632 s.
6. Zhirmunskiy, V.M. (2000). Preodolevshie simvolizm [Having overcome symbolism]. N.S. Gumilyov: Pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo Nikolaya Gumilyova v otsenke russkikh mysliteley i issledovateley. Antologiya. Izdanie vtoroe [Personality and poetic works by Nikolay Gumilyov in the assessment of the Russian thinkers and researchers. Antology. Second edition]. Sankt-Peterburg: Izd-vo Russkogo Khristianskogo gumanitarnogo instituta. S. 397-427.
7. Karr-Gomm, Sara. (2003). Slovar' simvolov v iskusstve. Illyustrirovannyy klyuch k

zhivopisi i skul'pture / Per. s angl. [Dictionary of symbols in the art. An illustrated key to the paintings and sculpture / Translation from the English language]. Moskva: AKT. Astrel'. 335 s.

8. Rogalevich, N.N. (2004). Slovar' simvolov i znakov [Dictionary of symbols and signs]. Minsk: Kharvest. 512 s.

9. Stat'i i zametki o russkoy poezii [Articles and notes about the Russian poetry]. Retrieved 15 August, 2017 from http:www.ru.wikisource.org/wiki/Stat'i_i_zametki_o_russkoy_poezii_(Gumilev)/32.

10. Strashkova, O.K. (2006). «Novaya drama» kak artefakt Serebryanogo veka [«New drama» as an artifact of the Silver age]. Stavropol': Izd. SGU. 576 s.

11. Tresider, Dzhek. (2001). Slovar' simvolov [Dictionary of symbols]. Moskva: FAIR-PRESS. 448 s.

12. Fedoseyenko V.M. (1998). Flora i Favn. Mify o rasteniyakh i zhivotnykh. Kratkiy slovar' [Flora and faun. Myths of Plants and Animals. Short dictionary]. Moskva: Rus'. 256 s.

13. Sheynina, E.Ya. (2003). Entsiklopediya simvolov [Encyclopedia of symbols]. Moskva: AST; Khar'kov: Torsing. 591 s.

Об авторе

Головченко Игорь Федорович – кандидат юридических наук, доцент кафедры креативно-инновационного управления и права, Пятигорский государственный университет (Россия), E-mail: i_golovchenko@yahoo.com

Golovchenko Igor Fyodorovich – Candidate of Law, associate professor of Department the Creative and Innovative Management and Law, Pyatigorsk State University (Russia), E-mail: i_golovchenko@yahoo.com

УДК 82-31

Жернова Н.С., аспирант, Вологодский государственный университет (Россия)

ПЛАМЕННАЯ СЕРАФИМА: ПРАВДА И ВЫМЫСЕЛ О С.П. РЕМИЗОВОЙ-ДОВГЕЛЛО

Статья посвящена Серафиме Павловне Довгелло и ее образу в мемуарных и художественных произведениях. Ссыльная дворянка, происходившая из старинного литовского рода, в Вологде в начале XX века она знакомится со своим будущим мужем, писателем А. М. Ремизовым, и отходит от революционных дел. История отношений супругов весьма необычна и занимательна, помогает точнее понять особенности мировосприятия писателя, а также глубинные процессы, происходившие в обществе и общественном сознании того времени. В этом и состоит научная новизна исследования. Цель данной работы – выявление значимости образа Серафимы Павловны в литературе и жизни Серебряного века и периода рассеяния. Слишком разные, многие годы состоящие в счастливом браке, Ремизовы пережили революцию, эмиграцию, потерю дочери. Серафима всегда и во всем поддерживала мужа, стала прототипом для многих героинь ремизовских произведений («Оля», «В розовом блеске», «Тристан и Исольда» и др.). Более того она была идеалом для писателя.
Ключевые слова: С. П. Ремизова-Довгелло, революция, мемуары, прототип, А. М. Ремизов.

В 1890-е годы писатель, а тогда просто вольнослушатель Московского университета, Алексей Михайлович Ремизов, едва достигнув совершеннолетия, увлекается революционными настроениями. Он был близок к социал-демократам, интересовался работами Н. Г. Чернышевского, Н. К. Михайловского. В 1896 году Ремизов арестован как главный агитатор студенческой демонстрации памяти «полугодовой Ходынки». В воспоминаниях он не раз подчеркивал случайность этого происшествия: «А зимою в Ходынскую демонстрацию (18.XI. 1896 г.) случайно загнан в манеж, откуда переведен в Тверскую часть, а к ночи в Таганку – в Каменщики» [12]. Он был сослан в Пензу, а через несколько лет его, не бросившего революционных дел, направили в Вологодскую губернию (1900–1903).

На Вологодчине Ремизова ждало немало лишений и испытаний, но плохое забылось. От всех потрясений, переживаний его спасало творчество. Писателю навсегда запомнились и причуды товарищей по ссылке, и неповторимая природа Русского Севера, перезвоны колоколов, солнце Вологды. Не зря позже, уже живя за границей, он рисует читателям удивительный облик этого города начала XX века в своей книге «Иверень»: «Нигде во всем мире нет такого неба как в Вологде, и где вы найдете такие краски, как реки красятся – только вологодские!»[19, с. 477].

К пребыванию в Вологде приурочено осознание себя писателем и встреча с будущей женой Серафимой Павловной Довгелло (Она была сослана сюда раньше – в конце июня 1900 года). Они познакомились случайно (1902), Ремизов полюбил ее с первого взгляда, но предложение о замужестве Серафима приняла далеко не сразу. По одной из версий, которую рассказывает в своих мемуарах З. Шаховская: «Алексей Ремизов, юный студент с неблагодарной внешностью и малоприятный для коллег из-за своей оригинальности, оказался в той же группе, что и юная воительница — розовая, дородная Серафима Довгелло, настоящая «русская красавица». Началась жизнь коммуной. Однажды обнаружили, что у одного из студентов украли часы. Конечно, не было и речи о том, чтобы звать полицию; это означало бы допустить, что среди студентов есть вор. Но атмосфера была отравлена, и подозрения большинства пали на того, кто не подходил под общую мерку, на Алексея Ремизова. Прекрасная Серафима, в которую все были влюблены, не побоялась сказать это самому подозреваемому: «Вы вор. Мы будем вас бойкотировать». Ремизов ничего не ответил, заперся в своей комнате, и началось испытание. Через несколько дней нашли настоящего вора; тогда Серафима поднялась в комнату Ремизова и сказала ему: «Я вас оскорбила. Вы пострадали из-за меня! Единственное возмещение, которое я могу вам предложить — стать вашей женой, если вы этого хотите» [23, с. 75]. Согласно другой версии пропали не часы, а книги самой Довгелло, и для того, чтобы восстановить справедливость, она предложила выполнить все, что Ремизов пожелает, а влюбленный писатель попросил

стать его женой. Странность супругов порождала много сплетен и вымыслов.

Серафима была девушкой решительной, мечтала «пострадать за народ». Многие (в том числе и Б. Савинков) желали вовлечь ее в «террорную работу», но внезапно она отошла от революционной деятельности, попав, как говорили, под разлагающее влияние Ремизова. «В Вологду приезжала Бабушка <Е. К. Брешко-Брешковская> уговаривать, и у меня было с ней свидание и разговор. Бабушка была «конспиративно» наряжена: мужские брюки. <…> Расстались мы мирно, хотя злой огонек ее бесстрашных глаз и резанул на прощанье мои улыбающиеся ей глаза. И началось на меня гоненье. Коноводом стал Б. В. Савинков. И. П. Каляеву просто запрещено было со мной видеться. Я остался кругом один. И только С. П.» [17, с. 155–156]

История отношений супругов, таких разных, изначально была покрыта сплетнями и выдумками. Ее называли богиней, царицей, его – юродивым, шутом и карликом. М. Сабашникова вспоминала, что «отношения между ними были несколько странны. Они не говорили друг другу «ты», а называли друг друга полным именем – «Серафима Павловна» и «Алексей Михайлович», что в интеллигентных кругах не было принято. Рядом с этой красивой женщиной из знатного литовского рода, «к дочерям которого сватались польские короли», как она однажды мимоходом заметила, Ремизов выглядел невзрачно. Он говорил с ней с величайшим почтением» [20, с. 37].

Супруги были слишком разными, но это их и сближало. Серафима – истинная женщина символизма, необыкновенная и таинственная, стала для мужа идеалом и идолом. Ю. Анненков отмечал: «У Ремизова было что-то от ежика, принявшего человеческий образ: в походке, во взглядах, в поворотах головы. Серафима же была полной его противоположностью – крупная, белолицая, она плыла сквозь толкотню литературного Петербурга, точно боярыня допетровской Руси. Да и разговаривала с людьми не в пример своему «ежику» – плавно, уверенно, ласково» [1, с. 79].

Современный исследователь А. Варламов писал о Серафиме Павловне: «Дама эта принадлежала к старинному литовскому роду, в молодости была членом партии эсеров, но при этом любила роскошь, была обходительна, умна, отличалась незаурядным и очень сложным характером…. Она стремилась быть при муже совершенно самостоятельной личностью, но не тенью великого писателя» [5, с. 78].

Современники не раз подчеркивали исключительное значение жены в жизни Ремизова. Так, Нина Берберова в книге «Курсив мой» считает, что именно Серафима стала для писателя источником мифотворчества, «она навязывала ему свои сны и фантазии, синдромы и комплексы» [2, с. 307]. М. Пришвин, находясь в близких отношениях с четой Ремизовых, давал им в своем дневнике такой психологический портрет: «Ремизова как человека нет совершенно: человек, должно быть, весь в Серафиме Павловне, она его поглотила и направила» [10, с. 144]. Однако, следует не согласиться с этим, ведь детали жизни жены, ее образ, ее окружение были надуманы, мифологизированы не только Ремизовым, но и самой Серафимой Павловной. Цикл «Оля», например, написан полностью с ее слов. Может поэтому и возникает в книге «В розовом блеске» путаница с годом рождения С. П. Довгелло – то назван 1880, то 1883, а на самом деле – 1876. Несколько мифологизирован и образ отца Серафимы. Но самая знаковая легенда-миф – о предке по материнской линии – гетмане–стороннике Мазепы, тогда как на самом деле скорее они были просто однофамильцами, а в лучшем случае – дальними родственниками этого гетмана.

Серафима Павловна была известным археографом, Алексей Михайлович часто советовался с ней при создании своих произведений. По мнению Н. Блищ, «именно жена писателя пробудила в нем раннее увлечение польскими модернистами (главным образом Ст. Пшибышевским), а позднее постоянно поддерживала его стойкий интерес к польско-литовским древним памятникам, что повлияло на тематический репертуар произведений Ремизова» [3, с. 18].

Н. Резникова отмечает, что, вглядываясь в реальный характер Серафимы Павловны, в которой сошлось, «сгустилось» множество традиций, преданий, особенностей характера двух родов (литовского княжеского рода Задор-Довгелло и рода украинского гетмана Самойловича), можно сказать,

что Ремизов имел прекрасный, неисчерпаемый «материал». Все было сложно в Серафиме Павловне. «Здесь человек сгорел, – и сгорел многократно, на жгучих кострах!» – так, словами А. Фета, можно сказать о многих этапах пути Ремизовой-Довгелло [13, с. 44–45]. Однако сама Серафима не хотела быть просто «материалом», в письме В. Иванову она пишет: «У меня натура активная, и силы есть, а на земле я существую только как жена Алексея Михайловича, прямо говоря…. Быть материалом для произведений даже А. М. я не согласна, потому что я знаю, что я не материал» [6, с. 74].

Серафима всегда говорила правду, без утайки и оправданий. «Она не стеснялась говорить все напрямик, если дело касалось истины. Я очень полюбила ее за честность и открытость. Она знала, что хорошо и что плохо» [20, с. 37].

Отойдя от революционных дел, она становится постоянной участницей мистических собраний у Мережковских (мистицизм будет присущ и главной героине романа Ремизова «В розовом блеске»), входит в круг самых близких Вяч. Иванову людей. С сестрами Натальей и Татьяной Гиппиус Серафиму Павловну связывал общий интеллектуально-духовный интерес к серебряновечным соборным любовным экспериментам [подробнее об этом см. 7]. Серафима дружила с З. Гиппиус, поэтесса даже посвятила ей стихи:

То бурная, властно-мятежная,
То тише вечернего дня:
Заря огневая и нежная
На небе взошла для меня».

Это признание заканчивается строками:

Я нежно люблю тебя, милая,
И все, что ты любишь – мое! [24, с. 167].

Стоит отметить, что практически все книги Ремизова посвящены супруге, во многих женских обликах угадывается Серафима – это и Оля из «В розовом блеске», и главная героиня стилизации «Тристан и Исольда», и многие-многие другие.

При жизни жены Ремизов написал книгу о ее детстве «В поле блакитном» (1922), повесть «Оля» (1927), в которой рассказывал о жизни Довгелло до ссылки. На французском переводе книги «В поле блакитном», вышедшей в 1927 году, такие слова: «Если бы не произошла встреча с тобой, если бы не было мне счастливой доли – этой книги не было бы» [8, с. 179].

К. Мочульский назовет «Олю» повестью о горячих детских сердцах, о жертвенности и служении. Чтобы избежать ложного пафоса, автор выбирает людей самых обыкновенных – совсем не похожих на героев. Чтобы не впасть в чувствительность, он подчеркивает смешные мелочи их жизни. И все же общий тон книги героический [16, с. 599]. Оля – олицетворение идеальной, возвышенной любви. Как отмечает В. А. Туниманов, в Оле нет «инфернальных изгибов», по терминологии Достоевского, тянущих человека в пропасть [22, с. 30]. По словам Д. Святополка-Мирского, в Оле Ремизов сосредоточил всю свою чистоту. Критик говорит, что книга эта принадлежит к «старшей линии» русской литературы – линии Пушкина, Тургенева, Аксакова. «Оля» – свежая идиллия. Для самого же писателя книга эта – огромное усилие самоограничения. Строгим исключением всего грубого, всего демонического, всего сомнительно-свежего и всего сомнительно-чистого Ремизов продолжает традицию «Капитанской дочки», «Багрова-внука» и «Дворянского гнезда». Чистый идиллический мир «Оли» встает во всей своей природной свежести, и высокое, объективное искусство писателя предстает нам в своем конечном достижении, в своей чистой и «первобытной» легкости [21, с. 221]. К. Мочульский подчеркивал в рецензии на «Олю» умение Ремизова в книге о детстве увидеть мир глазами ребенка, а в повести о юности дать лирическую интерпретацию истории революционного движения в России [16].

В Париже в 40-е годы полуслепой, не имеющий средств к существованию Ремизов пишет своему другу Б. Пантелеймонову: «Нет ли у вас подержанной (можно выдрать исписанные листы) счетоводной тетрадки. Я собираю архив Серафимы Павловны: ее заметки, дневники. У меня уже есть несколько тетрадей: в них удобно писать. Я пишу с моими примечаниями» [9].

Связь позднего эмигрантского романа «В розовом блеске» (1952) с предшествующими частями истории об «Оле» создается, по мнению Н. Резниковой, как и в первом романе писателя «Пруд», повествующем о родовом

гнезде Ремизова, всецело по законам его исторического мышления. Для писателя в истории, в сущности, не было движения, «бега времени» (время свертывалось «волчком»), а грех, темная разлучная сила извечно царили в мире. Такова была спорная, конечно, рабочая гипотеза писателя. Все бури, опасности в жизни человека возникают не вне его, а в нем самом, возникают фатально [13, с. 743].

Книга «В розовом блеске» включает раздел о юности («С огненной пастью», «Голова львова») и рассказ о последней болезни и смерти Серафимы Павловны во время немецкой оккупации в Париже («Сквозь огонь скорбей»). Серафима здесь названа Олей, автор дает ее портрет: «И тут я все заметил: и богатую косу, и какие ровные зубы с чуть выступающими клычками и оттого так тонко очертание рта, и золотой крестик лопастком из-за ворота под янтарями, а в серых глазах по-детски промелькнул испуг, а все завеяно – голубое» [14, с. 633]. Н. В. Резникова, друг, собеседник, помощник А. М. Ремизова, обращаясь к памяти Серафимы Павловны, пишет: «Чаще всего она ясная, ласковая. Но бывают дни – что-нибудь ее огорчит или расстроит, и она мрачнеет как туча. Тогда кровь гетманов сказывается в ней…. Она очень требовательна к людям и в дружбе тиранична. Но друзья ее многое прощают ей за ее улыбку и ясный взгляд ее светлых серых глаз, отражение детской части ее души. Она отзывчива к людям, к их беде…» [13, с. 44–45]. Такова и Оля – воспламененная идеей революции, готовая «в народ пойти», готовая ради своих взглядов на все. Девушка решительна и требовательна к себе и людям, но у нее доброе, отзывчивое сердце, умеющее сопереживать. Она революционерка, которая объединила в себе все женские образы писателя.

В главе «Голова льва» автор вспоминает первые чувства, переживания Оли: «Самая давняя память у Оли – первая – ощущение тепла и ласки: любимая бабушка берет ее, сонную, к себе на руки и несет на кроватку» [14, с. 507]. Но добрые светлые воспоминания перемежаются чувством страха: «ощущение первого страха оказалось словом: «страх смерти» и «страшный суд» [14, с. 507]. А после тепла и страха необычный для маленького ребенка вопрос: «Откуда люди?» Со всего этого начинается «мысль», непрерывная, неотвязная. «Оля росла «задумывающейся» – мечтательной. <…> Оля росла непохожая ни на сестер, ни на брата. Рано пробудилась ее мысль – слишком рано стала она замечать и, различая, уж не мыслью, а каким-то сердцем расценивала» [14, с. 510].

Ремизов, вспоминая происхождение супруги, использовал символы ее фамильного герба для названий глав в романе, посвященном судьбе Серафимы Павловны. Львовый символ («Голова львова») — фамильный герб Задоры-Довгелло, под этим знаком вся жизнь Оли с самого детства. Как отмечает О. Раевская-Хьюз, заглавия книги не случайны, они символичны и передают черты характера главной героини. Так повествование о детстве – «В поле блакитном» – о невинности и чистоте (голубой цвет в православной русской символике – цвет Богоматери) [11, с. 11]. Н. Резникова подчеркивает, что в этой части «Ремизов нарисовал богатый дом родителей Оли Ильменевой как нечто внешне пышное, неразрушимое, но обреченное на гибель: «пышно дедовское убранство, почерневшее серебро и тусклое золото, дорогой бархат и бесшумные рытые ковры, поблекшие амуры и цветы на потолке, тяжелые люстры, зеркала, старые портреты в гостиной, в диванных, в портретной – крепки стены и земля под ними крепка» [14, с. 743]. И не зря хозяин дома, Олин отец постоянно повторяет: «В доме мира нет, погибнет дом!» [14, с. 743]. Тема обреченности, гибели дома, его обитателей связывает воедино все части трилогии. Она же проходит и сквозь биографию главной героини.

Характер Оли переменчив, она то жестока, то мягка и податлива: «сквозь зеленый туман – огненной пастью, в поле блакитном» [14, с. 411]. Часто она весьма эгоистична: с Анной Ивановной, подругой Зиной, Черкасовым, но ее прощают все и всегда, хоть и шепчутся за спиной: «Мне не нравится Оля: какая-то ханжа, зажигает лампадку и все улыбается! И кто ее знает: кто ей нравится, кто не нравится!» [14, с. 418]. Девушка делит людей на просто хороших и замечательных: «просто хорошие – это те, кто идет на жертву за других, замечательные – кто идет на жертву до конца и ничего личного не имеет» [14, с. 422]. «Революция – выше всего», для

Оли «революция – выше семьи, революция – долг» [14, с. 449], даже когда в любви ей признается молодой человек Фрид, женатый, с тремя детьми, несчастный, «а из его печальных глаз светилась неизменная любовь» [14, с. 599]. Она отказывает ему не потому, что у него дети, жена, а из-за того, что они не сходятся в политических взглядах: «Я – с.-р., Вы – с.-д. Мы вместе быть не можем» [14, с. 444]. Оле жалко Фрида, но и радостно «вот из-за нее человек жизнь меняет». Человек должен иметь что-то в сердце: «неужто это объяснять надо, что человек, ничем не интересующийся, просто не человек и уж никакой не прекрасный» [14, с. 427].

Одним из переломных моментов для Оли становится тюрьма, где она знакомится и общается со многими такими же как она. Но после тюрьмы девушка никак не могла успокоиться. «Там хорошо думалось, это первое – и она долго не могла себе сказать, какая там еще отрада была? – а вот в чем: не знаешь ведь, как жить, а там ждешь освобождения. А теперь – чего ждать?» [14, с. 629].

Ремизов отмечает, что такая судьба героини неслучайна, а предрешена свыше: «В детстве Олю встретила Норна – одна из трех и открыла ей путь. «Оля, – сказала она, – ты должна посвятить себя Богу <…>Тебе надо левую грудь отрезать и положить под образа» [14, с. 629]. Кроме Норны она встречает Николая Чудотворца – покровителя девиц, который также влияет на ее судьбу, благословляет девушку: получив аттестат, она едет в Петербург на курсы.

Оля ни на кого не похожа: «У Оли была своя жизнь и по-своему» [14, с. 615]. По мнению автора, «Оля – это мечта, без которой ни Бога, ни его Древа Жизни» [14, с. 629]. Образ девушки двояк – эгоизм и даже жестокость уживаются в ней с добротой и самоотверженностью: «Оле было стыдно жить спокойно и хорошо, когда другим плохо» [14, с. 420]. Это отразится в ее судьбе, в которой много молодых людей – все они несчастны – ссыльные, безответно влюбленные, сумасшедшие, смертельно больные. Важны два образа чахоточных бедняков: Максима Федоровича, гимназиста, неудавшегося репетитора, и Ивана Васильевича, студента, бунтаря. Рассказы о них идут в книге друг за другом. Оля умеет сопереживать, она – не как все, не боится болезни, а будто винит себя в ней. Она, однажды испугавшись быть осмеянной, наперекор себе общается с Максимом Федоровичем, хотя не знает, о чем с ним говорить, стесняется: «Оля не знала, о чем с ним разговаривать. Она спрашивала его, что он знает по-латыни и по-гречески» [14, с. 515]. После его смерти девушка укоряет себя: «Оле было жалко Максима Федоровича, и она очень мучилась: ее терзала вина перед ним, что не заступилась – молчала тогда…» [14, с. 517]. То же самое с Ваней: «Оля вдруг взглянула на него, и стало ей совестно и за свое голубое платье, и за свой румянец, и за всю свою весеннюю радость: в комнате было натоплено по-зимнему, а Ваня – в шубе, худой, одни кости, и бледный» [14, с. 523]. Эти несчастные выделяют Олю, считая ее взрослой, хоть ей всего пятнадцать лет, общаются с ней на равных, обращаясь по имени-отчеству.

Героиня обвиняет себя и в смерти сумасшедшего, безответно влюбленного Черкасова, и в смерти Заруцкого: «И для Заруцкого и для Оводова Оля – все. Это были ее два рыцаря. <…> Заруцкий отравился, он не Оводов, не земляной, а воздушный и все чувства его больнее. <…> Смерть Заруцкого потрясла душу: Оля обвиняла себя, как однажды в смерти Черкасова: застрелился» [14, с. 635]. Не выдержав чувства вины, героиня решает покончить жизнь самоубийством и пьет таблетки. Этот момент повествования перекликается с реальным фактом из жизни Ремизовой-Довгелло, пытавшейся в Вологде покончить с собой (упоминание об этом можно найти в личном деле Серафимы Павловны, которое хранится в Государственном архиве Вологодской области). «Так бы, казалось, повесть о Оле кончилась, а на самом деле начинается трагедия» [14, с. 635].

Таким образом, раздел «С огненной пастью» рассказывает о курсистке, воспламененной революционной страстью [11, с. 11]: «Струя единения», «Кружок декабристок» и конспиративные дела – так все время, ни минуты» [15]. «Голова львова» добавляет черты величия, благородства и гордости к духовности и страстности в характере Оли. Так появляются названные О. Раевской-Хьюз основные «узлы» образа: обет безбрачия, перемена

имени, означающая перемену своего существа и связанные с этим ритуальные «умирания» [11, с. 11]. Позже – уже в главе «Сквозь огонь скорбей», повествующей о болезни и смерти самой Серафимы Павловны, появляются следующие составляющие: нарушение обета и расплата за это разлукой с дочерью (Известно, что в России у четы Ремизовых осталась дочь Наташа, из-за вечной бедности супругов девочку воспитывали родственники Серафимы. Ремизовы, уезжая в эмиграцию, думали, что это будет временное расставание, но им так и не суждено было больше увидеться с дочерью (она умерла в 1943 году). Невозможность воспитывать Наташу, видеться с ней стала трагедией Серафимы Павловны и Алексея Михайловича), болезнь и смерть. Мы словно не видим перехода от революционерки Оли к самой Серафиме, эти образы сливаются в нашем сознании, это один человек. Серафима Павловна до замужества неизменно называется именем Оля. Как подчеркивает О. Раевская-Хьюз источник этого – сама Ремизова-Довгелло, мечтавшая в детстве о подруге с таким именем [11, с. 11]. Примечательно, что имя Ольга происходит от имени Хельга, означающего «святая». Значение же имени Серафима – «огненная». Сам Ремизов отмечает: «Произошла перемена: пламенная Серафима в лунную Ольгу. Ольга вышла из мечты Серафимы» [14, с. 626].

В романе «В розовом блеске» автор не раз подмечает гоголевские мистические черты в своей героине: «К этому времени относится одно загадочное явление, описанное Гоголем: окликающий голос, который преследовал Олю <…>

– Оля – Ольга, – и с двойным вздохом протяжно: гха – гха…» [14, с. 513].

Такой же голос слышал сам Гоголь в детстве и перед самой смертью, когда сжигает свои рукописи и отказывается от еды.

Странница Ильина так скажет про героиню: «Все мне в тебе нравится: ты хорошая. Одно только у тебя – и это может помешать – нездоровое начало есть: мистическое» [15]. Позже, после перерождения Ольги в Серафиму, она, проснувшись от кошмара, снова вспомнит Гоголя: «Страшно! – говорила она, – мне приснилось, как у Гоголя – Страшная месть» [14, с. 652]. Неслучайно всю жизнь преследовало Олю-Серафиму что-то необъяснимое, что-то по-гоголевски ужасное, оно лишило ее высшего дара – дара материнства, оно заставило прозябать в бедности. Страшная месть – наказание за нарушение обета, который Оля дает в юности. Неслучайно Ремизов замечает после кошмарного сна Серафимы: «И я, очнувшись, погасил в себе лунную память» [14, с. 652]. «Лунная» Ольга и «пламенная» Серафима имеют одну судьбу, Серафима расплачивается за грехи Ольги: «Оле надо было умереть, чтобы под другим именем начать жизнь – свою страду» [14, с. 639]. Серафима отчасти повторит судьбу Гоголя – этот странный голос, который также преследовал ее в детстве, вновь появится – уже во сне перед смертью, начнется борьба – четыре ночи борьбы.

Параллельно с «В розовом блеске» Ремизов перерабатывает сюжет о Петре и Февронии Муромских, а также пишет свой вариант «Тристана и Исольды». Н. Л. Блищ отмечает, что связано это было с тем, что в духовно-эмоциональной сфере писателя в то время впервые столь отчетливо зазвучал мотив «разлученной неразлучной любви» [4, с. 18]. Ремизов в образе Тристана боится утратить остроту любящей памяти. А в его Исольде повторились многократно мифологизированные ранее черты имиджа Серафимы Павловны: «и солнце ее волос, и свет ее глаз, и взгляда ответный голубой огонек», и тайны магии и врачевания, и символика огня и тернового венка» [4, с. 18]. Голубые глаза – символ все той же чистоты и неистребимой детскости. Терновый венок – символ «крестовой сестры», без страха смотрящей вперед и терпящей боль и обиды. Уже чувствуя скорую смерть, Серафима меняется: «А как стали отходить вещи и мир погасал, кротость и покорность заполнили ее душу» [14, с. 672].Снова те же голубые детские глаза: «И вот обнаружилось ее сокровенное, что светило из глаз и светилось в улыбке: непорочность – ее детское, с чем пришла она в мир, и что влекло к себе простое и не простых и раненных душой. И внешне она изменилась: она стала похожа на детей, за которыми надо ходить и смотреть» [14, с. 673].

Образ революционерки в произведениях А. М. Ремизова меняется. В раннем де-

каденском «Пруде» революционерка Варенька – скорее страдалица, сильная только в начале, но не выдержавшая тяжести быта. Оля из романа «В розовом блеске» – идеальная мятежница, пылкая, живущая жизнью революции. Стоит отметить, что это связано не только с изменением политических взглядов автора, но и с прототипами этих героинь – матерью и женой писателя. Мать для Алексея изначально была жертвой, а жена, которую он любил и уважал всю жизнь – идеалом.

Для Ремизова Серафима Павловна была другом, женой, матерью: «Она меня учила моей любимой русской словесности. <…> Она предостерегала меня и, как мать, выговаривала. <…> Она хотела, хоть десять шкур содрать, а сделать из меня человека.<…> Она показала мне синее море – Океан и белую звезду под звездами – Эльбрус. <…> Она показала мне веру человека. <…> Она показала весь свет и цвет своей души. <…> Она все для меня делала: берегла во мне мое. <…> И всю жизнь я служил ей, как матери» [14, с. 649–650].

И спустя больше года после смерти жены он напишет: «Но разве я могу забыть любовь человека, единственную любовь – мой дар, наверное, редчайший на земле. Шестнадцать месяцев сегодня и накануне своим светом она освещала мою жизнь, только в этом свете и рассказывал свое» [8, с. 25].

Вспоминается точка зрения писателя на отношения людей, которую он высказал в «Крестовых сестрах»: «Человек человеку бревно, стена. Человек человеку подлец. Человек человеку дух-утешитель» [18]. Для самого Ремизова таким духом-утешителем на протяжении всей жизни была жена. Увлекающаяся оккультными практиками, мистическая и таинственная, настоящая женщина символизма, Серафима стала для писателя идеалом и идолом, ей он поклонялся и посвящал свои книги.

Список литературы

1. Анненков Ю. Дневник моих встреч. М.: Вагриус, 2005. 736 с.
2. Берберова Н. Курсив мой. München, 1972.
3. Блищ Н. Л. А. М. Ремизов и русская литература XIX–XX вв.: рецепция, рефлексия, авторефлексия: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Минск, 2014.
4. Блищ Н. Л. «Литвинский след» в творчестве А. М. Ремизова // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 4. Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. 2010. №2. С.15–18.
5. Варламов А. Пришвин. М.: Молодая гвардия, 2008. 546 с.
6. Грачева А. М. А. М. Ремизов и древнерусская культура. Спб. Дмитрий Буланин, 2000. 333 с.
7. Из истории «новой» христианской любви: Эротический эксперимент Мережковских в свете «главного»: из «Дневников» Т. Н. Гиппиус 1906–1908 годов // Эротизм без берегов: Сборник статей и материалов / Сост. М. М. Павлова. М. 2004. С. 391–456.
8. Кодрянская Н. Алексей Ремизов. Париж, 1959.
9. Письмо А. М. Ремизова Б. Г. Пантелеймонову от 29.11.1944 г./ А. М. Ремизов Б. Г. Пантелеймонову «В наше суровое, не сказочное время» // Наше наследие. 2013. № 107 (3). С.57–71.
10. Пришвин М. М. Ранний дневник. СПб: Росток, 2007. 796 с.
11. Раевская-Хьюз О. Образ С. П. Ремизовой-Довгелло в творчестве А. М. Ремизова (к постановке проблемы) // Алексей Ремизов. Исследования и материалы. СПб, 1994.
12. РГБ. Ф. 371. Карт.4. Ед. хр.46. Л. 14–15об.
13. Резникова Н. В. Огненная память. Воспоминания о Алексее Ремизове. СПб: Пушкинский дом, 2012. 272 с.
14. Ремизов А. М. В розовом блеске. М.: Современник, 1990. 750 с.
15. Ремизов А. Доля [Электронный ресурс]. URL:: http://www.emigrantika.ru/bib/281-bookv (дата обращения: 13.06.2017)
16. Ремизов А. М., Зайцев Б. К. Проза. М., 1997. 752 с.
17. Ремизов А. На вечерней заре. Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло. Подг. текста и комм. А. д'Амелия // Europa orientalis. 1985. № 3. С. 155–156.
18. Ремизов А. М. Собр. соч. Т.4. Плачужная канава. М.: Русская книга, 2001. 560 с

19. Ремизов А. М. Собр. соч. Т.8. Подстриженными глазами. Иверень. М.: Русская книга, 2000. 704 с.
20. Сабашникова М. В. Зеленая змея. История одной жизни. М.: Энигма, 1993. С. 147.
21. Святополк-Мирский Д. П. История русской литературы. Лондон, 1986.
22. Туниманов В. А. Тропа Ремизова к Лескову // Русская литература. 1998. № 3. С. 18–32.
23. Шаховская З. Таков мой век. М.: Русский путь, 2006. 672 с.
24. Lampl H. Zinaida Hippius an S. P. Remizova Dovgello // Wiener slawistisher Almanach. 1978. Bd. 1.

FIERY SERAFIMA: TRUE AND FICTION ABOUT S.P. REMIZOVA-DOVGELLO

The article is devoted to Serafima Pavlovna Dovgello and her image in memoirs and books. The noblewoman in exile, originating from an old Lithuanian clan, in Vologda at the beginning of the 20th century, she got acquainted with her future husband writer A. Remizov and departs from revolutionary affairs. The story of the relationship between the spouses is very unusual and interesting, it helps to more accurately understand the writer's worldview and some processes took place in society and the public consciousness of that time. This is the scientific novelty of the research. The purpose of this study is to reveal the significance of Seraphima Pavlovna's image in literature and the life of the Silver Age and the period of emigration. Too different, living in a happy marriage for many years, they survived the revolution, emigration, the loss of their daughter. Serafima always and everywhere supported her husband, became the prototype for many heroines of Remizov's works ("Olya", "In the Pink Glitter", "Tristan and Isolda", etc.). Moreover she was an ideal for the writer.
Keywords: S. P. Remizova-Dovgello, revolution, memoirs, prototype, A. M. Remizov.

References

1. Annenkov, Ju. (2005). Dnevnik moih vstrech [Diary of my meetings]. Moskva: Vagrius.
2. Berberova, N. (1972). Kursiv moj [My italic]. München.
3. Blishh, N. L. (2014). A. M. Remizov i russkaja literatura XIX–XX vv.: recepcija, refleksija, avtorefleksija: dis. kand. filol. nayk. Minsk.
4. Blishh, N. L. (2010). «Litvinskij sled» v tvorchestve A. M. Remizova [«Litvinskij sled» in A.M. Remizov's works]. Vesn. Belarus. dzjarzh. un-ta. Ser. 4. Filalogija. Zhurnalistyka. Pedagogika, 2, 15–18.
5. Varlamov, A. (2008). Prishvin. Moskva: Molodaja gvardija.
6. Gracheva, A. M. (2000). A. M. Remizov i drevnerusskaja kul'tura [A. M. Remizov and old Russian culture]. Spb.: Dmitrij Bulanin.
7. Iz istorii «novoj» hristianskoj ljubvi: Jeroticheskij jeksperiment Merezhkovskih v svete «glavnogo»: iz «Dnevnikov» T. N. Gippius 1906–1908 godov // Jerotizm bez beregov: Sbornik statej i materialov / Sost. M. M. Pavlova. (2004) Moskva.
8. Kodrjanskaja, N. (1959). Aleksej Remizov. Parizh.
9. Pis'mo A. M. Remizova B. G. Pantelejmonovu ot 29.11.1944 g./ A. M. Remizov B. G. Pantelejmonovu «V nashe surovoe, ne skazochnoe vremja» // Nashe nasledie (2013). № 107 (3).
10. Prishvin, M. M. (2007). Rannij dnevnik [The early diary]. SPb: Rostok.
11. Raevskaja-H'juz, O. (1994). Obraz S. P. Remizovoj-Dovgello v tvorchestve A. M. Remizova (k postanovke problemy) [The image of S. P. Remizovoj-Dovgello in A.M. Remizov's works (problem statement)] // Aleksej Remizov. Issledovanija i materialy. SPb.
12. RGB. F. 371. Kart.4. Ed. hr.46. L. 14–15ob.
13. Reznikova, N. V. (2012). Ognennaja pamjat'. Vospominanija o Aleksee Remizove [The fiery memory. Memories about Aleksey Remizov]. SPb: Pushkinskij dom.
14. Remizov, A. M. (1990). V rozovom bleske [In a pink glitter]. Moskva: Sovremennik.
15. Remizov, A. Dolja Retrieved 25 July, 2017 from http://www.emigrantika.ru/bib/281-bookv
16. Remizov, A. M., Zajcev, B. K. (1997). Proza [Prose]. Moskva.
17. Remizov, A. (1985). Na vechernej zare. Perepiska A. Remizova s S. Remizovoj-Dovgello. Podg. teksta i komm. A. d'Amelija // Europa orientalis. № 3. P. 155–156.
18. Remizov, A. M. (2001). Sobr. soch. T.4. Plachuzhnaja kanava. Moskva: Russkaja kniga.
19. Remizov, A. M. (2000). Sobr. soch. T.8. Podstrizhennymi glazami. Iveren'. Moskva: Russkaja kniga.

20. Sabashnikova, M. V. (1993). Zelenaja zmeja. Istorija odnoj zhizni [Green snake. The history of one life]. Moskva: Jenigma.

21. Svjatopolk-Mirskij, D. P. (1986). Istorija russkoj literatury [The history of Russian literature]. London.

22. Tunimanov, V. A. (1998). Tropa Remizova k Leskovu [The Remizov's way to Leskov// Russkaja literature, 3, 18–32.

23. Shahovskaja, Z. (2006). Takov moj vek [This is my century]. Moskva: Russkij put'.

24. Lampl, H. (1978). Zinaida Hippius an S. P. Remizova Dovgello // Wiener slawistisher Almanach. Bd. 1.

Об авторе

Жернова Наталья Сергеевна – аспирант кафедры литературы, Вологодский государственный университет (Россия), E-mail: natu51@yandex.ru

Zhernova Natalia Sergeevna – Graduate student of department of literature, Vologda State University (Russia), E-mail: natu51@yandex.ru

УДК 82

Никитина И.Н., кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой русской, зарубежной литературы и массовых коммуникаций, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

СИСТЕМА ФОЛЬКЛОРНЫХ МОТИВОВ В ЛИРИКЕ А.К. ТОЛСТОГО*

В данной статье рассматривается системное использование фольклорных мотивов в лирике А.К. Толстого. Исследование базируется на достижениях в области литературоведения и фольклористики, прослеживается генезис соотношения авторского и фольклорного в литературном произведении. Основной акцент в исследовании сделан на приоритет идейного принципа в использовании фольклорных мотивов как основного средства формирования проблематики художественного произведения, его идейного назначения. Наряду с этими положениями, лирические сочинения А.К. Толстого становятся объектом исследования с точки зрения отражения определенных эстетических принципов ментального, национального звучания, отражающих не только художественные, но и политические пристрастия автора. Отражение целой системы фольклорных мотивов в лирике А.К. Толстого позволяет говорить о своеобразии художественной манеры автора, ее уникальности. Использование типологических принципов того или иного мотива (структурного, мотива-образа, художественных приемов и средств фольклора) обусловлено выбором жанра произведения. Диапазон фольклорных жанров, нашедших отражение в творчестве А.К. Толстого, широк: песенная лирика, былинные традиции, исторические песни, календарно-обрядовая поэзия, синтез жанров былины и баллады и т.д. Структурно-семантическая ассимиляция фольклорных мотивов в лирике поэта происходит как целенаправленно, так и неосознанно, при этом А.К. Толстой включает в художественное произведение и элементы отдельных мотивов, и целостный мотив фольклора. Генезес литературно-фольклорного взаимодействия в лирике А.К. Толстого усложняется западноевропейскими влияниями предромантической эстетики, что расширяет систему используемых автором мотивов и позволяет говорить об уникальности творческой манеры поэта.

Ключевые слова: лирика, фольклор, жанр, мотив, коллизия**,** мотивы семантический, морфологический, дихотомический, структурно- семантический, ассимиляция.

Взаимосвязь литературы и фольклора на протяжении многих десятилетий становилась объектом исследования литературоведов. Ученые едины во мнении о том, что фольклор является неиссякаемым источником мотивов и образов для авторской литературы. Писатели и поэты всех времен в той или иной степени использовали опыт устного народного творчества – темы, жанры, приемы, образы, мотивы и т.д. В литературе начинают появляться авторские сказки, песни и баллады. Такие видные литературные деятели как М.В. Ломоносов, Н.М. Карамзин, А.П. Сумароков, В.К. Тредиаковский, А.Н. Радищев и многие другие литераторы утверждали мысль о том, что существование литературы невозможно без взаимодействия с фольклором, а также сами активно включали его в свое творчество.

Большой вклад в понимание значения устного народного творчества для литературы внес А.С. Пушкин. Он начал активно использовать жанры фольклора в своем творчестве, сохраняя их истинный идейный смысл, национальный колорит и эмоциональную силу воздействия. Пушкин послужил примером того, как нужно использовать имеющееся национальное достояние, и преумножил его своим индивидуальным авторским материалом. Писатель окончательно утвердил мысль о невозможности существования литературы без взаимодействия с народным творчеством. Деятельность А.С. Пушкина стала новой отправной точкой для изучения взаимовлияния литературы и фольклора. Писатели старались перенять пушкинское понимание народности, а XX век стал самым значимым с точки зрения научного осмысления проблемы взаимодействия и взаимовлияния книжной литературы и устного народного творчества.

Фольклор каждой страны самобытен, но при этом неизбежно имеются точки соприкосновения – общие темы, мотивы, образы, литературные коллизии, сюжеты.

Мотив как литературное явление и литературоведческий термин впервые описал А.Н. Веселовский в работе «Историческая поэтика». В главе «Поэтика сюжетов» мотивом исследователь называл первичный, не-

* Статья выполнена при поддержке РГНФ в рамках гранта № 16-14-32001

разложимый материал для построения сюжета. [1, 98] В.Я. Пропп, который тоже обращался к изучению теории мотива, напротив, разложил его на составляющие элементы. [4, 214] Так, в сказке подобным элементом являются «функции действующих лиц», то есть поступки, определенные с точки зрения их значимости для сюжетной основы.

Те фольклорные модели, которые характерны для устного народного творчества и являются частью нашего народного наследия, так или иначе переходят в художественный мир автора и интерпретируются им согласно идейному замыслу. Этот процесс может осуществляться как сознательно, так и интуитивно. Подобное воплощение фольклорной модели в литературоведении называют заимствованием, основными типами которых являются заимствования структуры, мотива, образа, художественных приемов и средств фольклора.

Значимую работу в области данной проблемы провел И.В.Силантьев. В своем труде «Теория мотива в отечественном литературоведении и фольклористике: очерк историографии» исследователь классифицировал все подходы, с помощью которых на протяжении всех этапов развития фольклористики ученые изучали теорию мотива, и выделил следующие:

- семантический (А.Н. Веселовский, О.М. Фрейденберг);
- морфологический (В.Я. Пропп, Б.И. Ярхо);
- дихотомический (И.А. Белецкий);
- структурно-семанический (Б.Н. Путилов, Е.М. Мелетинский);
- тематический (Б.А.Томашевский, Б.В.Шкловский);
- интертекстуальный (К.А. Жолковский). [4, 216, 217, 218]

В основе семантической теории, по мнению И.В. Силантьева, лежит показ эстетической значимости мотива, связи проблематики мотива с вопросами генезиса эстетического начала в литературе и фольклоре вообще. Морфологический подход дает понятие мотива через составляющие его элементы. Тематический поход демонстрирует важность мотива в тематическом диапазоне, который фиксирует движение смысла в сюжете. Дихотомический подход показывает связь реального и схематического мотивов. Прагматическая концепция мотива ставит во главу угла идею предикативности. В интертекстуальном подходе «мотивы связывают текст в единое смысловое целое». [4, 236]

Современные литературоведы и фольклористы больше склоняются к выводам А.Н. Веселовского о том, что природа мотива семантически неразложима и образна [1,109]. Б.Н. Томашевский утверждал, что фольклорный мотив четко обозначается в произведении и переносится из одного сюжета в другой целиком, сохраняя единство. [5, 112]

Влияние фольклорных мотивов и образов на литературный процесс неоспоримо. При этом поэт или писатель часто заимствует фольклорную модель не целенаправленно, а на уровне подсознания и интуиции. Происходит это потому, что устное народное творчество является незыблемой основой литературы, значимой частью культуры народа, а, соответственно, не может не стать частью художественного мира творца.

На современном этапе развития литературоведческой науки можно выделить несколько типов заимствования из устного народного творчества.

1. Заимствование структурных моделей, в соответствии с которым писатель перенимает устойчивую структурную модель фольклора (это может происходить и целенаправленно и неосознанно). Например, использование структуры народной былички, где происходит встреча с нечистой силой, которая «водит», пугает героя.

2. Заимствование мотивов подразумевает включение в художественное произведение элементов отдельных мотивов или целостного мотива фольклора. Примером может служить мотив нарушения запрета и наказания за это нарушение, данный мотив часто используется в детской литературе.

3. Заимствование образов сложнее и может развиваться в двух направлениях. Первый заключается в том, что писатель в свое произведение переносит цельный фольклорный образ. Второй – в том, что писатель сам создает образ, который ассоциируется с народным и имеет фольклорный подтекст. Например, традиционный для былины образ богатыря, который по сей день часто встречается в книжной литературе.

4. Заимствование фольклорных художественных средств стало традиционным

для отечественной литературы, поэтому зачастую данные средства даже не вычленяются из контекста художественного произведения в качестве фольклорных. Все же стоит отметить, что постоянные эпитеты, инверсии, психологический и синтаксический параллелизм и многие другие тропы элементы именно устного народного творчества.

Вышеназванные варианты заимствования приводят к мысли о том, что у поэтов и писателей сохраняется потребность осмысливать действительность с точки зрения традиционных категорий нравственности и традиционных форм художественного мышления.

Быт человека того времени был наполнен не только реальным, но и ирреальным, фантастическим, мифологическим, что так близко общей эстетике, философии и индивидуальному стилю А.К. Толстого. Именно по этой причине фольклорные мотивы и образы играют очень важную роль в произведениях писателя. Художественный мир А.К. Толстого заполнен образами вурдалаков, упырей, русалок, домовых, конкретных исторических персонажей, колдунов, юродивых, волхвов и т.д. Фольклор в своих сочинениях А.К. Толстой использует еще и как одно из средств формирования смысла художественного произведения, его идейного назначения. Автор при создании образов и ситуаций сюжета опирается не только на собственное видение, но и на традиции фольклора, шкалу духовных народных ценностей.

А.К. Толстой в своем творчестве обращается к самым разнообразным родам и жанрам фольклора: песенная лирика, былинные традиции, исторические песни, календарно-обрядовая поэзия и т.д. Это обращение не однородно, поскольку в одних случаях автор перенимает в свое произведение лишь мотив, а в других мы можем увидеть полное или частичное цитирование. Характер ассимиляции фольклорных элементов зависит не только от художественной задачи автора, но и от самого жанра произведения.

В произведениях песенного жанра мы видим, что в одних случаях стихотворение может полностью восходить к определенной народной песне (например, «Государь ты наш батюшка…» Толстого восходит к песне «Государь ты наш Сидор Карпович…» и повторяет ее конструкцию), а в других случаях писатель берет лишь начальную строку песни, создавая, таким образом, особый ритм своего стихотворения. Поэт тонко чувствовал и понимал поэтику русской народной песни, поэтому очень умело использовал многие ее элементы – это ласкательные формы, параллелизм, постоянные эпитеты, повторы строк или отдельных слов и т.д.

Отличительной особенностью лирики А.К. Толстого является отсутствие классической книжной рифмы. Поэт считал, что «правильная» метрика несвойственна устной народной поэзии. В его произведениях появлялась рифма только в допустимых пределах, то есть в таких вариациях, в которых она была и в народной поэзии. Такие рифмы у него «не с намерением приисканы, а случайно и непринужденно, так сказать, слились с языка» согласно выражению А.Х. Востокова [2,134]. Можно сказать, что Толстой очень умело и сознательно имитировал большую свободу и архаичность народной песни в использовании тех или иных художественных приемов. Включал фольклорные мотивы и образы А.К. Толстой и в один из основных жанров своего поэтического творчества – исторические баллады.

Как мы говорили выше, для Толстого характерно многократное обращение к историческим мотивам, поскольку именно в прошлом он искал подтверждения и обоснования своим идеалам. Особенности использования фольклорных элементов, в частности мотивов и образов, в жанре исторической баллады мы обозначим при анализе нескольких баллад А.К. Толстого, но все же следует отметить черты оригинальности индивидуальной творческой манеры писателя. Во-первых, в некоторых случаях мы видим своеобразный синтез баллады и былины, поскольку эти жанры близки по своим особенностям и сам поэт не проводил между ними грани. Можно сказать, что по этой же причине во многих балладах главным действующим лицом является богатырь – герой народной былины. Второй отличительной чертой можно назвать историческую неточность. А.К. Толстой считал, что писателю простительно поступиться хронологией, если это необходимо для воплощения художественного замысла.

Таким образом, можно сказать, что художественный мир А.К. Толстого – это совокупность фольклорных, литературных и философских позиций автора. Именно по этой

причине мы не можем не рассматривать фольклорные мотивы и образы, как одни из составляющих элементов, помогающих интерпретировать авторский замысел. Включение в произведение фольклорных элементов, как и обращение к фольклору в целом, обусловлено мировоззрением автора, эстетическими взглядами, художественными задачами. Оно проявляет себя на смысловом, композиционном, языковом уровнях произведений. При этом все используемые фольклорные элементы писатель соотносит со своими художественными задачами, а не ограничивается простым воспроизведением фольклорных текстов. Творческую самобытность поэта определяет и та система образов, тем и мотивов, которые он чаще всего использует в своей лирике.

Список литературы

1. Веселовский А.Н.. «Поэтика сюжетов» // Историческая поэтика». М., 1989.
2. Востоков А.Х. Опыт о русском стихосложении. СПб., 1817.
3. Пропп В.Я.. Морфология сказки. Л., 1928.
4. Силантьев И.В. Теория мотива в отечественном литературоведении и фольклористике. Новосибирск, 1999.
5. Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика. М., 1999.

FOLK MOTIFS IN A.K.TOLSTOY'S LYRICS

The article deals with the systemic usage of folk motifs in A.K.Tolstoy's lyrics. The research is based on prominent achievements in literature and folklore studies and the genesis of the interconnection of the author's original elements and folklore elements can be observed. The focus is on the leading role of ideas implied in folklore as a mains means of formulating the problem and ideology of imaginative writing. In addition, A.K.Tolstoy's lyrics is the object of study as it reflects some esthetic principles which in their turn reflect peculiarities of mentality and culture and mirror not only artistic but political views of the author as well. The reflection of the system of folk motifs in A.K.Tolstoy's lyrics proves the peculiarity and uniqueness of his artistic manner. The usage of typological principals of a certain motif determines his choice of genre. The variety of genres used by A.K.Tolstoy is wide: song lyrics, epic, historical songs, ceremonial poetry, a fusion of ballads and epic, etc. The structural and semantic assimilation of folk motifs in his lyrics is both intentional and unintentional. A.K. Tolstoy includes both elements of some motifs and a general folklore motif in his works. The origin of interrelation of literature and folklore in A.K.Tolstoy's lyrics is complicated by the influence of west-European pre-Romantic aesthetics which in its turn widens the system of the motifs used by the author and demonstrates the uniqueness of his artistic manner.
Keywords: lyrics, folklore, genre, motif, collision, semantic, morphological, dichotomous, structural and semantic motifs, assimilation.

References

1. Veselovsky, A.N. (1989). Poehtika syuzhetov // Istoricheskaya poehtika [Poetics of plots // Historical poetics]. M.
2. Vostokov, A.H. (1817). Opyt o russkom stihoslozhenii [Experiemce of Russian prosody]. Spb.
3. Propp, V.Y. (1928). Morfologiya skazki [The morphology of fairytales]. Spb.
4. Silantjev, I.V. (1999). Teoriya motiva v otechestvennom literaturovedenii i fol'kloristike [The theory of motif in Russian literature and folklore Studies]. Novosibirsk.
5. Tomashevsky, B.V. (1999). Teoriya literatury. Poehtika [The theory of literature. Poetics]. M.

Об авторе

Никитина Ирина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой русской, зарубежной литературы и массовых коммуникаций, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, E-mail: kafedra338@mail.ru

Nikitina Irina Nikolaevna – Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Chair of Russian, Foreign Literature and Mass Communications, Bryansk State Academician I.G. Petrovsky University, E-mail: kafedra338@mail.ru

УДК 801.3

Печёнкина О.Ю., кандидат филологических наук, доцент, Брянский государственный университет имени И.Г. Петровского (Россия)

ПРИНЦИПЫ СТРУКТУРИРОВАНИЯ ПРОСТРАНСТВА В РОМАНЕ А.К. ТОЛСТОГО «КНЯЗЬ СЕРЕБРЯНЫЙ» И ИХ РОЛЬ В ОТРАЖЕНИИ СЛАВЯНСКОЙ КАРТИНЫ МИРА*

Статья посвящена исследованию принципов структурирования пространства и лексических средств репрезентации славянской картины мира, которая представлена в романе А.К. Толстого «Князь Серебряный». Концептуальная картина мира, как отмечают ученые, это объективная совокупность знаний человека об окружающей действительности. Она складывается в процессе восприятия людьми всех реалий, с которыми они сталкиваются в своей жизнедеятельности. Базовой частью Концептуальной картины является Языковая картина мира, в которой представлены различные связи основных понятий. Она проявляется в одинаковых взглядах людей, обладающих одним менталитетом; в их однотипных реакциях на идентичные ситуации, в сходных оценках и суждениях. В единицах языка закрепляется наиболее важная часть общих представлений, поэтому он дает важные сведения о специфике национального мировосприятия и характера. Анализируемое явление в художественном мире произведения имеет ряд особенностей, потому что связано с индивидуально-авторским восприятием действительности, это обязательно отражается в средствах репрезентации концептов, которые составляют фундаментальную основу Картины мира. Исследование лексических средств реализации изучаемого понятия в романе «Князь Серебряный» позволяет представить модели мира.

Ключевые слова: концепт, Толстой, языковая картина мира, концептуальная картина мира, лексема, репрезентант, концептуальный анализ, пространство, модель мира.

Современная лингвистическая наука постоянно обращается к мысли о том, что язык является универсальным средством, с помощью которого представляется возможным изучение не только языковой картины мира, но и концептуальной. Так как только с помощью него может быть описана модель мира, закреплённая в особых номинациях; только язык является средством передачи кода любой другой картины и посредством анализа единиц разного уровня можно описать как национальную картину мира, так и другую, что является объективным основанием для отнесения естественного языка к метаязыку. В основе нашей работы лежит гипотетическое предположение, согласно которому можно описать фрагмент национальной картины мира в определенный момент исторического развития, анализируя базовые концепты, представленные в исследуемом тексте. Актуальность определяется тем, что универсальные и национальные черты модели мира, существующие в языке, можно выявить, анализируя конкретный дискурс. В нашей работе это роман А.К. Толстого «Князь Серебряный».

Действительно, в современной лингвистике сложилось представление о том, что, во-первых, механизмы человеческого восприятия мира в основе являются универсальными, результаты находят непосредственное отражение в языке; во-вторых, картина мира, отраженная в языке и формирующаяся с его помощью, зависит от исторического опыта и культурно-национальных черт этноса. Модель мира, таким образом, представляется совокупностью знаний людей об окружающей действительности, которая проявляется в системе моральных и культурных ценностей, этических установок, систематизированных и интегрированных в некое целое. Единицу, в которой отражается этническое восприятие мира, представляет собой концепт, который формируется в сознании людей: 1) на основании их непосредственного чувственного опыта – восприятия действительности посредством органов чувств; 2) на основании непосредственных операций человека с предметами, из его предметной деятельности; 3) на основании мыслительных операций человека с другими, уже существующими в его сознании концептами – такие операции могут способствовать возникновению новых концептов; 4) на основании языкового общения; 5) на основании самостоя-

* Статья выполнена при поддержке РГНФ в рамках гранта № 16-14-32001

тельного познания значений, языковых единиц, которые усваиваются человеком [5]. «Соответственно, - пишет Кубрякова, - можно полагать, что концепт – это динамическое образование в сознании человека, служащее обработке информации о мире и одновременно накапливающее эту информацию в обобщенном виде, - сложнее по своему устройству, нежели система значений известных человеку языковых единиц» [2,с. 142].

Задачей данного исследования является анализ лексических средств репрезентации концепта пространство, с целью описания фрагмента общеславянской картины мира, представленной в романе А.К. Толстого «Князь Серебряный».

Цель работы определила постановку исследовательских задач: определить состав лексических средств репрезентации концепта пространство, показать взаимосвязь данного понятия с другими концептами, описать фрагмент картины мира, отражённой в романе «Князь Серебряный».

В процессе работы были использованы следующие методы научного исследования: описательный метод, методы семантического и компонентного анализа, метод лингвостилистического и статистического анализа

С помощью описательного метода собирается и приводится в систему языковой материал, определяется характер структуры и состав, представляется функциональное, лингвистическое, смысловое своеобразие единиц.

Методы семантический и компонентный дают возможность языкового анализа лексических единиц в качестве средств реализации анализируемого понятия с целью выявления содержательно-смыслового значения в художественном дискурсе.

Согласно методу лингвостилистического анализа предусматривается применение различных приемов разбора текста с традиционной точки зрения и индивидуально-авторской стилистики.

Благодаря методу статистического анализа, устанавливаются количественные показатели и функциональные зависимости между ними. Определяются характеристики, полученные в результате сплошной выборки лексических единиц из романа А.К Толстого «Князь Серебряный», устанавливается частотность лексем в качестве средств репрезентации концепта пространство..

Анализ концепта пространство в художественном произведении не может быть осуществлён без рассмотрения общих концепций исследуемого явления, которое претерпевало изменения в процессе формирования мировоззрения человека и развития научной мысли. Современные исследователи говорят о том, что пространство – это, прежде всего, то, что локализует человек, то, что он осознаёт и творит вокруг себя, то, как он видит простирающиеся перед ним предметы; это окружение, в котором всё происходит, случается, некая сфера заполненная людьми и объектами, «пустота». Такое понимание Е.С. Кубрякова считает исходной концептуальной структурой, соответствующей образу пространства в сознании человека и обозначаемой в лингвистике одноименным термином. Это величина, включающая ряд концептов и подводимая под некое стандартизированное описание. «Пространство, - пишет исследователь, - есть обобщенное представление о целостном образовании между небом и землёй (целостность), которое наблюдаемо, видимо и осязаемо (имеет чувственную основу), частью которого ощущает себя сам человек и внутри которого он относительно свободно перемещается или перемещает подчинённые ему объекты; это расстилающаяся во все стороны протяженность, сквозь которую скользит его взгляд (про-стран-ство) и которая доступна ему при панорамном охвате в виде поля зрения при её обозрении и разглядывании» [3, с. 26].

Анализ статей толковых словарей современного русского литературного языка позволяет говорить о том, что в них значение слова *пространство* связано с определением научного философского понятия. Выделяются следующие семантические признаки: 1) форма созерцания, восприятия, представления вещей, основной фактор высшего, эмпирического опыта; 2) способ существования объективного мира, неразрывно связанный со временем. Современная философия и наука понимают пространство «как то, «где», в котором происходят процессы и движения, познаваемые с неизменной точностью и описываемые математически» [4,с. 370]. То есть, пространство трактуется как всеобщая

форма бытия материи и её важнейший атрибут (нет материи, не обладающей пространственными свойствами, как не существует и пространства самого по себе, вне материи и независимого от неё) [7,с.541-542]. Однако В.В. Васенькин справедливо отмечает, что это не отражает лексико-семантическую структуру данного слова и не соответствует пониманию его рядовыми носителями русского языка, поэтому учёный предлагает следующее определение исследуемого понятия: 1. «Мера протяженности чего-либо: протяжение в длину; двухмерное протяжение (площадь); протяжение времени»; 2. «То, что протяженно: трёхмерная протяжённость, вмещающая в себя предметы и явления действительности; участок земной поверхности; поверхность чего-либо: расстояние». 3. Специальное, но получившее широкое распространение философское значение – «одна из основных всеобщих объективных форм существования материи, характеризующаяся протяженностью и объёмом» [1, с. 110, 112].

Нужно отметить, что в художественном тексте нет общей, единой картины пространства, как и в окружающем мире, однако основная модель восприятия представлена в нём. Произведение отличается своим набором пространственных позиций и образов, характерных для исторического периода, изображенного в нём. Пространство осознаётся героями романа как неоднородное, оно не является непрерывным или простым вместилищем объектов, оно «конструируется», поэтому можно сказать, что оно вторично по отношению к объектам. Так как часто пространство ощущается, воспринимается именно через эманацию вещей, его заполняющих, для описания пространственных отношений существенны такие признаки, как «положение наблюдателя», «мировоззрение», «характер и условия восприятия», «психическое и физическое состояние субъекта» и т.д. Антропологический фактор в представлении исследуемого концепта является основным, так как «точкой отсчёта» выступает именно человек.

В романе «Князь Серебряный» это проявляется на всех уровнях анализируемого понятия. Концепт пространство может быть представлен, как уже было сказано выше, с позиций каждого отдельного героя, субъекта восприятия, или охарактеризован как многомерное глобальное пространство, определённый образ мира, отражённый в произведении.

Концептуальная картина мира в исследуемом тексте представляется троичной: в центре модели находится Бог как абсолютное начало всего сущего в окружающем мире и самого человека, «субъекта и объекта» пространства, Господь – это тоже определённое «пространство» царства небесного, в котором находятся души праведников; во-вторых, - это дьявол, «пространством» существования которого является ад, где пребывают души всех грешников; это земной мир – мир людей, в котором они проходят свой жизненный путь и который, можно сказать, определяет их «вечное пространство» - ад или рай. Реализуется этот компонент исследуемого концепта с помощью лексем: земля, небо, царство небесное, рай, ад, свет, этот свет, тот свет, мир, белый свет. Этот свет – это время и пространство, которое дано человеку Богом; оно всегда антропоморфно, так как «этот свет», «белый свет», «божий свет» - это реальность, которую человек оценивает с точки зрения своего существования. Он имеет определённое представление об «этом свете», которое наполняет значимыми для себя предметами и событиями.

Компонент «земной мир» репрезентируется в романе с помощью лексем: Русь, Святая Русь, Русская земля, Московская Русь, родная Русь, земля русская, Божий мир, Родина, мир: «*Так, глядя на зелень, на небо, на весь божий мир, Максим пел о горемычной своей доле, о золотой волюшке, о матери сырой дуброве»* [6, с.320].*Велика злоба князя мира сего, – продолжал Иоанн, подняв очи к небу, – он, подобно льву рыкающему, ходит вокруг»* [6, с.137].

Противопоставляется Русская земля «басурманской земле», «Ливонской земле», Литве, Англии, Германии.

Пространство в романе репрезентируется с помощью таких лексем, которые можно объединить в лексико-семантические группы: 1.Населённые пункты: *город, пригород, село, деревня, слобода.*

Лексема город в романе репрезентирует значение: «Крупный населённый пункт, административный, торговый, промышленный и культурный центр»: *«Итак, все спали; Москва казалась необитаемым городом»*[6, с.184]; и

«ограждённое стеной, валом поселение; крепость»: «*На большой торговой площади, внутри Китай-города, было поставлено множество виселиц»* [6, с.399]. Город, таким образом, в романе – это «крупный населённый пункт» или его крепостная часть. Частью города, расположенной вне крепостной стены, является посад: «*Несколько раз хан вторгался в наши пределы, и в один из своих набегов он сжег все посады под Москвою и большую часть самого города»* [6, с.163].

В «Князе Серебряном» встречаются следующие топонимы: Калуга, Суздаль, Брянск, Тула, Рязань, Новгород, Жиздра. Основным репрезентантом исследуемого концепта выступает Москва, которая является центром Руси при Иоанне Грозном. Несмотря на то, что столица была практически перенесена в Александрову слободу, которая стала «столицей» опричнины, сам государь по-прежнему считал Москву главным городом. «Пространство» Иоанна Грозного включает два основных топонима – Москву и Александрову Слободу: *«Иван Васильевич, дорожа мнением иностранных держав, положил подождать отъезд бывших тогда в Москве литовских послов и учинить осуждённым в один день общую казнь; а дабы действие её было поразительнее и устрашило бы мятежников на будущее время, казни сей надлежало совершиться в Москве, в виду всего народа»* [6, с.398]. Центром Москвы выступает кремль, который в романе отождествляется с самим городом: «*– Нет, князь, не в Кремле. Прогневили мы господа, бросил нас государь, воротился в Александрову слободу, живет там с своими поплечниками, не было б им ни дна ни покрышки!»* [6, с.195]. Пространство наполняется конкретными «объектами»: площадь, церкви, дома: *«…кружились стаями над площадью и унизывали чёрными рядами церковные кресты, князьки и гребни домов и самые виселицы»* [6, с.399].

Особую роль в романе играет Александрова слобода. Этимология этого слова: «*Слобода* – Вост.-слав. Возникло на базе общеславянского *свобода* в результате диссимиляции губных *в* и *б* (*в* > *л*). Первоначально - «свободные крестьяне» (собирательное, ср. господа), затем — «поселок свободных крестьян» и далее — «поселок, пригород вообще» [8, с. 127]. В качестве наименования населённого пункта это слово употребляется в произведении редко (нарицательное существительное): «*Сам хуже их злодействовал, разорял села и слободы...»* [6, с.231]. Чаще всего оно входит в состав имени собственного – Александрова слобода, Слобода. Это особое «пространство» в структуре романа. В Александрову слободу уезжает царь, когда решает оставить свой народ: «*…оставляю мои государства и еду-де, куда Бог укажет путь мне!... Узнали мы, что остановился царь в Александровой слободе, а будет та слобода отсюда за восемьдесят с лишком вёрст…*» [6, с.197]. Автор показывает отношение героев романа к этому месту. Особую характеристику даёт ему Дружина Морозов, называя Александрову слободу «пещью пламенной». Эта аллюзия позволяет говорить о том, что, несмотря на то, что князь почитает царя как помазанника Божьего, он видит его отступление от веры православной. Этот компонент в исследуемом концепте даёт возможность описать часть модели мира, представленной в романе. «Пещь пламенная» отправляет читателя к книге пророка Даниила, в которой он рассказывает о трёх отроках: Анании, Аза́рии и Мисаи́ле, которые служили языческому царю Навуходоносору, но исповедовали веру православную. Отроки отказались поклониться золотому идолу, и за это царь приказал бросить их в «пещь огненную», но Ангел Господень явился им и спас их от гибели. Таким образом, для героев романа Александрова слобода – это страшное место, где праведный человек часто обречён на гибель: «*Коли поедешь в Слободу, пропал ты, князь, с головою пропал»*[6, с.201]. Елена Дмитриевна также предупреждает князя: «*– Князь, – сказала она шепотом, – я слышала твой разговор с Дружиной Андреичем, ты едешь в Слободу… Боже сохрани тебя, князь, ты едешь на смерть!»*[6, с.202]. *«В Троицкой лавре Серебряный исповедался и причастился. То же сделали его холопи. Архимандрит, прощаясь с Никитой Романовичем, благословил его как идущего на верную смерть»* [6, с.203]. Поэтому в романе контекстуальным синонимом к слову Слобода выступает «неволя», что указывает на события, происходившие там: «*Верстах в трех от Слободы стояла на заставе воинская*

стража и останавливала проезжих, спрашивая каждого: кто он и зачем едет в неволю? Этим прозванием народ, в насмешку, заменил слово «слобода», значившее в прежнее время свободу» [6, с.203].

Пространство имеет свои объекты: дворец Иоанна Грозного – это центр Слободы, «недалеко от него стоял печатный двор», «словолитня», «жилище наборщиков», «помещение для иностранных мастеров», «*дворцовые службы, в которых жили ключники, подключники, сытники, повара, хлебники, конюхи, псари, сокольники и всякие дворовые люди…*» [6, с.205].

В произведении слово село как репрезентант концепта пространство реализует компонент: «большое крестьянское селение, обычно хозяйственный и административный центр для близлежащих деревень»: «*Знаешь ли, атаман, на Волге село Богородицкое?»* [6, с.183]. Небольшая частотность употребления его в романе, на наш взгляд, говорит о том, что таких населённых пунктов во времена Иоанна Грозного было немного. Чаще употребляется лексема деревня*: «*небольшое крестьянское селение»: «*...в жаркий летний день, 23 июня, молодой боярин князь Никита Романович Серебряный подъехал верхом к деревне Медведевке, верст за тридцать от Москвы»* [6, с.165].

2. Водоёмы: *река, болото, озеро, море.* Пространство представлено следующими топонимами: Волга, Иртыш, Жиздра, Дон, река Чусовая, Обь, Яуза, Неглинная, Москва – река.

3. «Наименование жилища»: *жилище, дом, изба (избушка), дворец, монастырь, обитель.*

Компонент «помещение для жилья, жилое помещение» реализуется лексемами: дом, изба, жилище, дворец: «*Любили православные украшать дома божии, но зато мало заботились о наружности своих домов; жилища их почти все были выстроены прочно и просто, из сосновых или дубовых брусьев, не обшитых даже тесом, по старинной русской пословице: не красна изба углами, а красна пирогами»* [6, с.181].

Чаще других встречается в романе слово дом, которое репрезентирует данное значение, но оно тесным образом связано и с «пространством» Дружины Морозова. Автор особое внимание уделяет его описанию, так как это позволяет определить внутренний мир героя, его отношение к исследуемому понятию: «*Один дом боярина Дружины Андреевича Морозова, на берегу Москвы-реки, отличался особенною красотою»* [6, с.181]. Дом Морозова включал «три жилья», «светлицу», «службы», «кладовые», «сушилы», «голубятню», «летнюю опочивальню», «терем», «домовую церковь», «пространный сад». *«Навесная кровля над крутым крыльцом поддерживалась пузатыми, вычурными столбами и щеголяла мелкой резьбой. Ставни были искусно расписаны цветами и птицами, а окна пропускали свет божий»* [6, с.181]. Автор подчёркивает красоту и уют дома героя, метафорически раскрывая «богатство» его внутреннего мира: *«Дом Морозова был чаша полная. Слуги боялись и любили боярина. Всяк, кто входил к нему, был принимаем с радушием…всех дарил он и словами приветными, и одежей богатою, и советами мудрыми»* [6, с.183]. Читатель видит образ «земного рая», который разрушат опричники во главе с Вяземским: *«Цветущие липы осеняли светлый пруд, доставлявший боярину в постные дни обильную пищу. Далее зеленели яблони, вишни и сливы…Над алыми цветами жужжали пчёлы; в траве трещали кузнечики; из-за кустов красной смородины большие подсолнечники подымали широкие головы и, казалось, нежились на полуденном солнце»* [6, с.187].

Синонимом слова дом является лексема изба, однако оно имеет и другое значение в тексте: «постройка или камера большого дома-комплекса в пределах четырех стен, отапливаемая варочной печью, чем она и отличалась от горницы (светлицы)»: «*Стол уже был накрыт в большой избе, слуги стояли по местам, все ожидали хозяина»* [6, с.266].

«Дом» Иоанна Грозного в романе - это «дворец» или «монастырь», «обитель». Обозначая покои царя, эти слова выступают в качестве синонимов, что обусловлено спецификой образа жизни Ивана Грозного, его личным «пространством»: *«Въехав в Слободу, Серебряный увидел, что дворец, или монастырь, государев отделён от прочих глубоким рвом и валом. Трудно описать великолепие и разнообразие этой обители»* [6, с.204].

Александрова слобода в романе «Князь Серебряный» является как бы «моделью»

всего государства Иоанна Грозного: в центре - царский дворец (*«Вскоре показались крашеные главы и причудливые, золочёные крыши царского дворца»* [6, с.203]); *«…он хотел обратить дворец в монастырь, а любимцев своих в иноков…»*, себя царь именовал игуменом. Это «пространство» Иоанна Грозного. Оно представляет картину мира данного героя произведения, отражает его противоречивую натуру. Царь *«пел, читал, молился столь ревностно, что на лбу всегда оставались у него знаки крепких земных поклонов…»*, а потом *«…ехал в темницу пытать какого-нибудь несчастного»* [6, с.204]. Пространство Слободы также является контрастным: «*Трудно описать великолепие и разнообразие этой обители. Ни одно окно не походило на другое, ни один столб не равнялся с другим узорами или краской. Множество глав венчали здание…Золото, серебро, цветные изразцы, как блестящая чешуя, покрывали дворец сверху донизу. Когда солнце его освещало, нельзя было издали догадаться, дворец ли это, или куст цветов исполинских, или то жар-птицы слетелись в густую стаю и распустили…»;* с другой стороны, *«срубы и виселицы, окрашенные чёрной краской, были выстроены крепко и прочно, не на день, не на год, а на многие лета»* [6, с.205]. *«Приезжие вошли на огромный двор, наполненный нищими. Они громко молились, распевали псалмы и обнажали свои отвратительные язвы» - «одежда опричников представляла разительную противоположность с лохмотьями нищих: царские телохранители блистали золотом»* [6, с.206].

Пространство царского дома состоит из покоев государя, хозяйственных построек и парадных, предназначенных для разных нужд. *«Слобода покрылась мраком…страшен казался тёмный дворец, с своими главами, теремками и гребнями. Он издали походил на чудовище, свернувшееся клубком и готовое вспрянуть. Одно незакрытое око светилось, словно око чудовища. То была царская опочивальня. Там усердно молился царь»* [6, с.227]. Опочивальня (изба) – это «место для сна», но в романе это не просто личные покои царя, а особое «сакральное» пространство: *«Изба слабо освещалась образными лампадками…наполнилась мертвецами…всё более наполнялась призраками…»* [6, с.237]. Здесь происходит «соединение» земного и потустороннего мира, соединяются «два» пространства мира видимого и принимаемого на веру. Субъектом этого пространства выступает царь Иоанн Грозный.

4. «Наименование мест, связанных с религией»: храм, церковь, монастырь, обитель.

Особое место в характеристике пространства в романе занимает церковь. Данное слово реализует компонент: «здание для богослужения»: *«Вся Слобода пришла в движение. Церковь Божией Матери ярко осветилась»* [6, с.237]. Синонимом выступает лексема храм, которая репрезентирует тоже значение: *«Потом огни образовали длинную цепь, и шествие потянулось змеёю по наружным переходам, соединявшим дворец со храмом Божиим»* [6, с.238]. Церковь в славянской картине мира периода Иоанна Грозного представляет собой фундаментальный концепт. Отношение к ней складывалось на протяжении долгого времени. Данное слово также репрезентирует компонент: «объединение людей на основании одного вероучения». Церковь – это не просто место для богослужений, это форма духовного развития человека, это соединение двух типов пространства: видимого и невидимого. В нём все имеет символический смысл, так как храм – это единственный путь в земной жизни, который ведёт человека ко спасению. Только в церкви человек может принести покаяние в грехах и получить прощение. Именно поэтому Иоанн Грозный в романе постоянно обращается к этому «пространству», он ищет путь спасения, возможность очищения души: *«Боже, помилуй мя грешного! Помилуй мя, смрадного пса! Помилуй мою скверную голову! Упокой, Господи, души побитых мною безвинно! У преддверия храма Иоанн упал в изнеможении»* [6, с.238]. Церковь – это и образ Царствия Божия, к которому она ведет человека. В славянской картине мира – это дом Божий, где всё время пребывает сам Господь, поэтому у русских людей было особое отношение к храму: *«Не щадили москвитяне ни рублей, ни трудов на благолепие домов Божиих…любили православные украшать дома Божии»* [6, с.181].

Данный компонент реализуется в романе и с помощью слов монастырь, обитель,

которые расширяют его значение. Монастырь – «это обитель, в которой проживают православные христиане, добровольно избравшие монашеский образ жизни для духовного и нравственного совершенствования и спасения». Поэтому царь *«хотел даже обратить дворец в монастырь, а любимцев своих в иноков…»* [6, с.204]. Туда всё время стремится Иоанн Грозный: *«Иоанн по-прежнему то предавался подозрениям и казнил самых лучших, самых знаменитых граждан, то приходил в себя, каялся всенародно и посылал в монастыри богатые вклады и длинные синодики с именами убиенных…»*[6, с.433]; в монастыре оказывается Елена Дмитриевна, которая раскаивается в своих грехах: *«Неси крест свой, Никита Романович…иди же на врагов земли русской; а я не перестану молиться за нас обоих до последнего моего часа!»* [6, с.431]; туда приезжает и Максим Скуратов, который именно в храме находит покой, покаявшись на исповеди: *«Сын мой, - сказал игумен, - твоя исповедь тебя очистила. Святая церковь не поставляет тебе в вину, что ты бросил Слободу…»*[6, с.324].

Никите Романовичу Серебряному принадлежит специфическое «пространство» в романе. Автор ничего не говорит о том, где живёт герой, какой у него дом, он указывает на то, что он православный христианин, почитает веру православную, не нарушает моральных принципов и законов, во всём следует заповедям Божиим и даже перед страхом смерти не отступает от них: *«Без лести и кривды радел Никита Романович к юному Иоанну. Твёрдо держал он своё крестное целование, и ничто не пошатнуло бы его крепкого стоятельства за государя»* [6, с.164]. Этот образ является воплощением русского народа, русской земли. Поэтому пространство героя – это вся русская природа: *«Весело было теперь князю и легко на сердце возвращаться на родину. День был светлый, солнечный, один из тех дней, когда вся природа дышит чем-то праздничным, цветы кажутся ярче, небо голубее, вдали прозрачными струями зыблется воздух, и человеку делается так легко, как будто душа его сама перешла в природу, и трепещет на каждом листе, и качается на каждой былинке»* [6, с.164]. Только такая сильная личность способна противостоять тирании Иоанна Грозного.

Категория пространства в картине мира, отражённой в романе А.К. Толстого, предполагает выделение самостоятельных, но взаимодействующих систем представлений: 1) место как территория, занятая или может быть занятая материальными объектами, причем доступная восприятию органами чувств; территория, обычно не имеющая искусственно созданных границ; 2) вместилище, ограниченная территория, которая представляется замкнутым пространством; границы и само вместилище могут быть или не быть продуктом деятельности человека;3) территория, не имеющая границ, восприятие которой затруднительно, но возможно для человека обычным образом, с помощью зрения, без специальных инструментов; 4) пространство, которое человек не способен определить с помощью объективно существующих предметов и явлений; то, что принимается на веру и соответствует модели мира, выступающей как основной в мировоззрении героев произведения; 5) обобщенное представление о целостном образовании между небом и землей; 6) «индивидуальное пространство» каждого героя.

Таким образом, пространство в романе «Князь Серебряный» не воспринимается как единое целое. На первый план выдвигается некоторый фрагмент, по отношению к которому каждый герой романа ориентирует себя. Он всегда наполнен предметами и «явлениями», актуальными в момент, соответствующий этому периоду. Пространство устанавливается субъектом из вещей, «собирается из мест» и «событий». Таким образом, предмет, место, событие - это виды реальности, которые ощущаются человеком, и на них строится весь фундамент концептуальной пространственной картины мира, представленной в языке и отражённой в романе. Концепция пространства в художественном тексте зависит также от способов отображения бытия писателем, от синтеза мировоззрения автора, которое проявляется в языковых репрезентах концептов, с национальной картиной мира.

Практическая значимость данного исследования состоит в том, что полученные результаты могут быть использованы в процессе преподавания различных дисциплин, прежде всего общего языкознания, литературы, истории современного русского языка, а также этики, философии, культурологии.

Список литературы

1.Васенькин В.В. Структурно-семантическое описание ЛСГ существительных со значением «пространство»: Автореф. канд. дисс. Л. 1987.16 с.

2.Кубрякова Е. С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Человеческий фактор в языке. Язык и картина мира. М.1988. С.141-173.

3.Кубрякова Е. С. Александрова О. В. Виды пространств текста и дискурса// Категоризация мира: пространство и время. Мат. Науч. Конф. М. 1997.С. 15.-26.

4.Новая философская энциклопедия. В 4-х томах. Т.3. М. 2001.

5.Попова З. Д., Стернин И. А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. Воронеж, 1999.

6. Толстой А.К. Собрание сочинений. В 4-х т. Т. 3.М. 1963. 598с.

7.Философский энциклопедический словарь. М. 1983. 840 с.

8. Шанский Н. М., Иванова В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1971. 542 с.

THE PRINCIPLES OF SPACE STRUCTURING IN THE A.K.TOLSTOY'S NOVEL "KNYAZ SEREBRYANNY" AND THEIR ROLE IN THE REFLECTION OF THE SLAVIC WORLD VIEW

This article is dedicated to the research of the space structuring principles and the lexical means of representation of the Slavic view of the world, which is presented in the A.K. Tolstoy's novel "Knyaz Serebryanny". The conceptual worldview, as noted by the scientists, is an objective aggregate of the human knowledge about the surrounding reality. It is developed in the process of apprehension of the realities, which they encounter in their living. The basic element of the Conceptual world view is the Linguistic view of the world, which represents the diverse connections between the basic concepts. It manifests through the similar views of the people, united by the same mentality; their same-type reactions to the identical situations, similar judgement and assessments. The linguistic units solidify the most important part of the basic views, that is why they provide important data about the specifics of the national character and the view of the world. The analyzed phenomenon in the artistic world of the opus has a number of special aspects, because it is connected to the author's individual apprehension of the reality, it is obligatory reflected in the means of the concept representation, which define the fundamental basis of the worldview. The research on the lexical means of realization of the studied concept in the "Knyaz Serebryanny" novel helps in the understanding of world models.

Keywords: concept, Tolstoy, Liguistic view of the world, Conceptual worldview, lexeme, representative, conceptual analysis, space, world model.

References

1. Vasen'kyn V.V. (1987) Structurno-semanticheskoe opisanie LSG suschestvitel'nych so znacheniem "prostranstvo": Avtoref. kand. diss. [Structural-semantic description of the "space" meaning lexical-semantic groups of nouns]. L.16 p.

2. Kubryakova E.S. (1988) Rol' slovoobrazovanyya v formirovanii yazykovoy kartiny mira// Chelovecheskiy factor v yazyke. Yazyk i kartina mira. [The role of the word-building in the formation of the linguistic picture of the world// The human factor of the language. Language and the view of the world]. M.P. 141-173

3. Kubryakova E.S. (1997) Alexandrova O.V.Vidy prostranstv texta I discursa// Kategorizacya mira: prostranstvo I vremya. Mat.Nauch.Konf.[Types of spaces in texts and discources// World categorization: time and space. Sc.Conf.Mat.]. M.P. 15 -26

4. Novaya filosofskaya encyclopedia (2001) V 4-h tomah. T. 3. [The new philosophical encyclopedia. In four tomes. Tome 3].M.

5. Popova Z.D., Sternin I.A. (1999) Ponyatie"concept" v lingvisticheskich issledovaniyach[The concept of "concept" in the linguistic research]. Voronezh

6. Tolstoy A.K. (1963) Sobranie sochinenii v 4-h tomah. Tom 3[Tolstoy A.K. Selected works in four tomes. Tome 3.] 598p.

7. Filosofskii enciclopedicheskiy slovar'(1983)[Philosophical encyclopedical dictionary] M.1983, 840 p.

8. Shanskiy N.M., Ivanova V.V., Shanskaya T.V. (1971)Kratkiy etymologhicheskiy slovar' russkogo yazyka.[A brief etymological dictionary of the Russian language]

Об авторе

Печёнкина Ольга Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: Olya_Bryansk@mail.ru

Pechenkina Olga Yurievna – associate Professor of Russian language Department, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky (Russia), E-mail: Olya_Bryansk@mail.ru

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.112.2

Бузинова Л.М., кандидат филологических наук, доцент, Международный университет в Москве (Россия)

ОСОБЕННОСТИ НЕМЕЦКОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Статья посвящена описанию категории «этикетности» в академической коммуникации на материале немецкой лингвокультуры. Национальная составляющая в образовательном процессе в значительной мере интегрирована, она базируется на национальной картине мира, национальной идеологии, ценностях, этике и т.д. Основной целью статьи является описание особенностей коммуникативного поведения преподавателя с учетом национальной маркированности. Особенности менталитета проецируются на нормы поведения преподавателя, которые необходимо учитывать в процессе академической коммуникации. Под академической коммуникацией понимается официальное профессиональное общение в высших учебных заведениях. Эффективность коммуникации в академической сфере зависит от нормативных, общепризнанных лексических средств, которые отличаются высоким уровнем речевой и тематической табуированности. Особого внимания заслуживают такие особенности академической коммуникации преподавателя как: формулы прощания и приветствия, подчеркнутая статусность и субординация, эмоциональная сдержанность, сдержанность жестикуляции и мимики, манифестация формальной коммуникативной вежливости.
Ключевые слова: академическая коммуникация, коммуникативный имидж, языковая норма, этикетность, языковая личность педагога, коммуникативное поведение.

Речь каждого человека индивидуальна, но вместе с тем подчинена языковым нормам, выработанным в обществе в определенный исторический период, в зависимости от ситуации общения. Это определяет «правильный выбор лексических средств в соответствии с характером ситуации, характерами собеседников (пол, возраст, социальный статус, родство, знакомство) и иерархии социального положения собеседников (ниже, выше), то есть кто, где и с кем говорит, кроме того, в соответствии с функциями высказывания»[1, с. 263].

В процессе эволюции в язык вторгаются диалектизмы, жаргонизмы, коллоквизмы, неологизмы и прочее. Норма регулирует понятия «хорошо-плохо», «допустимо-недопустимо», «культурно-некультурно» [8, с. 90]. Несмотря на динамичность развития языка и изменчивость норм его использования преподаватель должен стремиться к правильности речи и статусному соответствию поведения в рамках любого вида коммуникации.

Знание норм речевого этикета определяет успех академической коммуникации. Речевой этикет является «результатом негласной коллективной договоренности, неписаным (для абсолютного большинства людей) сводом правил, имеющим четкую социальную обусловленность» [5, с. 127]. Сюда относят правила поведения, регулирующие «внешние проявления человеческих взаимоотношений (обхождение с окружающими, формы обращения и приветствий, поведение в общественных местах, манеры и одежда)» [7, с. 377].

Мы понимаем этикет как комплекс вербального и невербального поведения в рамках академической коммуникации. Для преподавателя важно знать границу культуры и «антикультуры» в области общения, уметь пользоваться широким спектром оценок, соотнося их с системой нравственных правил культурного сообщества и с личностью своего речевого партнера. Речь преподавателя должна быть для студентов «риторическим идеалом» не только в плане соблюдения языковых норм, но и с точки зрения выполнения правил речевого этикета.

Ежедневно преподаватель коммуницирует со студентами: обращается, приветствует и прощается; кого-то благодарит или ругает, кому-то делает комплименты или замечания, желает удачи и прочее. Владение речевым этикетом способствует «приобретению авторитета, порождает доверие и уважение, позволяет человеку чувствовать себя уверенно и непринужденно, не испытывать неловкости» [3, с. 277-278].

К общим универсальным этикетным формулам интеракции академической коммуникации принято относить следующее:

- формулы прощания и приветствия;
- подчеркнутая статусность и субординация;

- эмоциональная сдержанность (тональность дискурсивного взаимодействия);

- сдержанность жестикуляции и мимики;

- манифестация формальной коммуникативной вежливости.

Этикетные речевые акты выполняют, в первую очередь, «перлокутивную функцию, воздействуя на партнера по коммуникации с целью регулирования его поведения и влияния на его чувственно-эмоциональную сферу» [2, с. 248-250]. Рассмотрим более детально каждый компонент:

1.Формулы прощания и приветствия.

Речевые формулы определяются ситуацией общения. Например, вы говорите другу, близкому, коллеге (если для него не важна субординация) *«Привет!»*, в то же время приветствуете студентов фразами *«Здравствуйте!», «Добрый день!»*.

В немецкой культуре выбор приветствия зависит от нескольких факторов:

а) статусности: «*Guten Tag, Herr Professor!»* – подчеркивается высшая должность или «*Guten Tag!»* – приветствие между людьми, занимающими равную ступень;

б) времени: «*Guten Morgen!»* (промежуток времени с 7 до 11 часов утра), «*Guten Tag!»* (с 11 до 15 часов), «*Guten Nachmittag!»* (15 – 19 часов), «*Guten Abend!»* (после 19 часов), «*Gute Nacht!»* (перед сном) В период обеда (с 12 до 15 часов) в качестве формулы приветствия может быть использована специальная формула *«Mahlzeit»*, которая изначально имела значение «пожелание приятного аппетита», но постепенно приобрела значение приветствия в обеденный перерыв [9].

г) региональности: «*Servus!*» – формула, встречающаяся на юге Германии и в Австрии; «*Moin!»* – формула, употребляемая на севере Германии, «*Grüß Gott!»* – формула, часто употребляемая в католических землях Германии.

Любой вид языкового общения завершается таким элементом речевого этикета как прощание – это не только обычное проявление этикета, но и акт, завершающий коммуникативный контакт. Наиболее нейтральной формулой, которая оставляет общение во временном плане открытым, является *«Auf Wiedersehen!»* Второй формальной формулой прощания является формула *«Alles Gute!»*, которая также типична для академической коммуникации. Кроме названных в немецком языке распространен целый ряд формул прощания, выбор которых в первую очередь зависит от промежутка времени, на который происходит прощание(*«Bis gleich!»* предполагает кратковременное расставание, например, на перерыв между лекциями; *«Bis Morgen!»* предполагает встречу на следующий день, *«Bis später!»* – расставание на неопределенное время, *«Auf bald!»* оставляет время следующей встречи «открытым») и от отношений между преподавателем и студентами (*«Schönen Tag noch»!, «Bis demnächst!»,« Schönes Wochenende!»,« Machen Sie es gut!*»). Существуют также и некоторые региональные варианты, например *Chiao!, Servus!, которые* употребляются на юге Германии, *Tschüss*! – на севере Германии.

В русском языке акт коммуникации может завершаться нейтральной фразой *«До свидания!».* Ситуативный акт прощания манифестирует окончание занятия, соответственно, разрешение, позволение покинуть аудиторию. Зачастую занятие может завершаться темпоральными формулами: «*На сегодня все!» «Завтра продолжим!»*, что не соответствует этикетному завершению коммуникации.

2. Подчеркнутая статусность и субординация.

Это связанно с началом общения, а именно с обращением в академической сфере. Самой распространенной и нейтральной формой обращения в немецком языке является формула: Господин/ Госпожа в сочетании с фамилией *(Herr / Frau Miller).* В академической коммуникации обращение к преподавателю обязательно должно содержать, при наличии, его звание или титул, например: *Herr Prof., Dr.Klose*. Несоблюдение этого правила в межкультурном общении может спровоцировать конфликтную ситуацию.

В русском языке, для сравнения, обращение в рамках академической коммуникации универсально: используется форма *«на Вы»,* при этом при обращении к преподавателю имеет место лишь имя и отчество *«Людмила Михайловна», «Аркадий Петрович».* Здесь отсутствует титул или звание: абсолютно не имеет значения - профессор это или ассистент; доктор наук или кандидат - в любом случае обращение по имени отчеству.

В российских университетах статусность подчеркивается при сдаче экзаменов, написании и защите выпускных квалификационных работ, на заседаниях кафедры, советах факультета, диссертационных советах и т.п.

3. Эмоциональная сдержанность (тональность дискурсного взаимодействия).

Эмоциональное поведение преподавателя в процессе коммуникации разнообразно по своей природе, содержанию и проявлению. В повседневной жизни изменение эмоционального состояния чувствуется в движениях, в изменениях выражения лица и в поведении.

Эмоции пронизывают всю жизнь человека – от инстинктивных порывов до высших форм социальной деятельности. По мнению В.В. Наумова «в ситуациях с нейтральным психическим фоном языковая личность может довольно успешно контролировать свою речь, сообразуя ее организацию с заданными интенцией параметрами. Но если речевая ситуация сопровождается повышенным эмоциональным фоном, мышление оказывается не в состоянии удерживать индивида в несвойственной ему речевой обстановке. Психика здесь самодостаточна; она подавляет мышление и в абсолютном большинстве случаев языковая личность проявит стереотипные (дистинктивные) признаки своей социальной группы и обнаружит тем самым свою принадлежность к ней. Следовательно, речь аккумулирует в себе не только психологические, но и социальные свойства индивида» [5, с. 48].

Для преподавателя не допустима излишняя эмоциональность, особенно в манифестации негативных эмоций, авторитарный тон. Чтобы избежать монотонность речи, следует использовать интонационные аспекты речи: фразовое ударение, мелодику, темп речи, тембр, паузы. Интонация выполняет в речи целый ряд функций: оформляет различные типы предложений (повествовательное, вопросительное); членит речь на предложения, а предложения на части (синтагмы) передает степень важности значимости слов, выделяя наиболее важные в смысловом отношении эмоции.

4. Сдержанность жестикуляции и мимики.

Рассмотрим вначале выразительные телодвижения, «участвующие в передаче информации в процессе коммуникации» [4, с. 12]. Они выполняют функцию вспомогательного элемента для достижения однозначности коммуникации в связи с обобщенным и полисемантическим характером собственно языковых средств. Объем и качество передаваемой информации зависит от сочетаемости неязыковых средств вместе с лингвистическими. Приведем примеры некоторых универсальных жестов академической коммуникации:

- «*кивание головой вниз*» может выражать *согласие,* утвердительный ответ на вопрос, являться знаком к действию или просто знаком приветствия;

- «*покачивание головой из стороны в сторону»* может говорить о сомнениях педагога в предложенной теории;

- *«поворот головы влево - вправо*» манифестирует отрицательное отношение к высказыванию собеседника;

- *«пожимание плечами»* - знак незнания, сомнения.

Не следует забывать о национальной специфике кинесических средств. Для установления тишины в аудитории или привлечения внимания мы можем стучать по столу, что для немецкой культуры не приемлемо. Это связано с академической традицией в университетах Германии – стучать по столу после прослушанной лекции или доклада.

Важнейшей составляющей процесса невербального общения является мимика, которая определяется как «выразительные движения мышц лица, обнаруживающие психическое состояние человека, главным образом его чувства» [6, с. 113]. Мимические движения выражаются чаще непроизвольно, реже произвольно, что дает человеку возможность пользоваться ими сознательно в тех или иных целях. По выражению лица можно понять эмоциональный настрой к предстоящему акту коммуникации, хотя немецкая мимика, в сравнении с русской, не такая выразительная, не такая яркая, не отличается высокой экспрессивностью.

5. Манифестация формальной коммуникативной вежливости.

Авторитарность педагога в процессе коммуникации подчеркивается грамматической категорией повелительного наклонения: «*Откройте учебники!», «Запишите!», «Прочитайте!»* В приведенных коммуникативных ситуациях облигаторно употребление

формул вежливости *«пожалуйста», «будьте добры», «будьте любезны»* и др., так как процесс обучения предполагает императивность в побуждениях к действиям. Однако их наличие смягчает категоричность просьб, тем самым сокращая дистанцированность между педагогом и студентом.

Лексема *«пожалуйста»* часто используется для привлечения внимания аудитории, внося большую прагматическую нагрузку в высказывание: «*Пожалуйста, обратите внимание!», «Пожалуйста, посмотрите на доску*!»

Если преподаватель не понял говорящего, используется также слово *«пожалуйста»*, манифестируя извинение: «*Повторите, пожалуйста*!» Для усиления могут быть использованы фразы *«будьте добры», «будьте любезны»*.

В немецком языке вежливая просьба повторить выражается фразой «*Wie bitte?»* (Что [как] вы сказали? повторите, пожалуйста!) Вежливость проявляется на всех уровнях дискурса и речевой коммуникации и манифестируется, в частности, в следующем наборе стандартных формулировок, продуцируемых немецкими преподавателями: «*Ich hätte eine Bitte*» — У меня есть просьба. «*Ich möchte Sie/dich bitten, zu ...*» — Я хочу/хотел бы/мне хотелось бы попросить вас/тебя... «*Ich möchte Sie bitten, dass Sie...*» — Я хочу/мне хочется попросить вас, чтобы вы... *«Würden Sie...? / Könnten Sie...?*» — Не могли бы вы? Грамматически эти конструкции отличает претеритум или кондиционалис I, конъюнктив, употребление которых стало устойчивыми формулами немецкого речевого этикета.

В академической коммуникации при обращении к лицу с более высоким социальным статусом употребляются следующие выражения: «*Darf/dürfte ich Sie bitten, zu ...?»* — Могу (ли) я попросить... (сделать что-л.)?

Маркеры вежливой просьбы, требующей от адресата выполнения некоторого действия, активности находят отображение в следующих выражениях: «*Seien Sie so liebenswürdig!*» — Будьте так любезны! «*Seien Sie so freundlich,* geben Sie mir bitte...» — Окажите любезность, (по)дайте мне, пожалуйста... «*Seien Sie so nett*, *geben Sie mir bitte*» — Сделайте одолжение/будьте так любезны, дайте мне, пожалуйста.

Достаточно реализован в русском и немецком языках вежливый речевой акт благодарности. *«Danke»* и *«спасибо»* синонимичны в академической коммуникации. С одной стороны, это выражение благодарности, признательности за что-л.: хорошую презентацию, доклад. С другой стороны, эти лексемы используются для смягчения отрицания. Ср.: «*Soll ich das wiederholen? Nein, danke».* – Мне еще раз повторить? – Нет, спасибо. Универсально употребление «danke»и *«спасибо»* в немецком и русском языках как составного элемента прощания: *«Danke, auf Wiedersehen!»* – Спасибо, до свидания!

Неукоснительное соблюдение языковых норм и речевого этикета в академической коммуникации формирует благоприятное впечатление и создает положительный имидж преподавателя.

Таким образом, рассмотренные в статье универсальные этикетные формулы интеракции академической коммуникации служат ориентиром для осуществления эффективной коммуникации в академической сфере, как со стороны преподавателей, так и со стороны студентов. Соблюдение языковых норм и речевого этикета, во-первых, формирует благоприятное впечатление и создает положительный имидж преподавателя, во-вторых, снимает межкультурные барьеры в коммуникации.

Вышеприведённый языковой материал может способствовать интеграции иноязычных студентов в немецкие университеты. Помимо понимания общей системы немецкого образования (функционирование университетских подразделений; организация учебного процесса), студенту необходимо уметь общаться с преподавателем, правильно понимать, адекватно воспринимать и реагировать на педагогические высказывания. Знание культурологических аспектов академической коммуникации может повысить уровень адаптации студентов к иноязычной образовательной среде и развить их академическую мобильность.

В рамках статьи мы описали не весь комплекс, а лишь доминанты коммуникативного поведения преподавателя в академической сфере, свойственные рассматриваемой немецкой лингвокультуре, что дает перспективы для дальнейшего исследования данного явления.

Список литературы

1. Аршавская Е.А. Речевой этикет современных американцев США на материале приветствий // Национально-культурная специфика речевого поведения. М.: Наука, 1977. С. 268-277.
2. Бузинова Л.М., Гузь М.Н. Специфика немецкого этикета в сфере официально-деловой коммуникации. Пути улучшения качества подготовки кадров сферы гостиничного и туристского бизнеса. СПб.: СПбГИЭУ, 2010. С. 248-253.
3. Введенская Л.А. Культура речи. Ростов на Дону: Феникс, 2003. 448 с.
4. Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. - М.: Наука, 1990. 105 с.
5. Наумов В.В. Лингвистическая идентификация личности. Москва: КомКнига, 2006. 240 с.
6. Педагогическое речеведение. Словарь-справочник / Под ред. Т. А. Ладыженской и А. К. Михальской; сост. А. А. Князьков. М.: Флинта, Наука, 1998. 312 с.
7. Словарь по этике. Изд. 3-е. М., 1975. 392с.
8. Язык и фольклор. М.: ООО ТД "Издательство Мир книги", 2007. 192 с.
9. Otterstedt C. Abschied im Alltag: Grüßformen und Abschiedsgestaltung im interkulturellen Vergleich. München: Ludicium, 1993. 382 s.

SPECIFICS OF GERMAN ACADEMIC COMMUNICATION

The paper describes the concept “etiquette” in academic communication in German culture. The national component is fully integrated into the educational process which is based on the national worldview, national ideology, national values, ethics, etc. The objective of the research is to describe communication practices of a German teacher with the focus on cultural markers. The national worldview influences conventions that teachers follow and it should be taken into account when studying an academic discourse. Academic communication can be defined as formal communication in an institution of higher education. The effective academic communication in an academic professional setting involves the use of conventional standard vocabulary and has a high rate of speech taboos and taboo topics. The way of saying goodbye and hello, consideration of status and subordination, reserved gesticulation and facial expressions, formal display of politeness are also important.

Keywords: academic communication, communicative image, language norm, etiquette, the teacher's personality, communication behavior.

References

1. Arshavskaya, E.A. (1977). Rechevoi ´etiket sovremennykh amerikantsev SShA na materiale privetstvii [Modern Amerikans´Speech Etiquette based on greetings]. *National´naza spetsifika rechevogo povedeniya [National specific f verbal behavior]*, 268-277.
2. Businova, L.M., Guz M.N. (2010). Spetsifika nemetskogo etiket v sfere ofitsial´no-delovoi kommunikatsii [Specificity of the German etiquette in the sphere of official communication]. Puti ulucheniay kachestva podgotovki kadrov sfery gostinichnogo bisnessa, 248-253.
3. Vedenskaya, L.A. (2003). Kul'tura rechi. [Culture of speech]. Rostov na Donu.
4. Kolshanskiy, G.V. (2010). Obèktivnaya kartina mira v posnanii i yazyke. [Objective world picture in cognition and language world picture]. Moskva: Nauka.
5. Naumov, V.V. (2006). Lingvisticheskaya identifikaziya lichnosti [Linguistic identity] . Moskva: KomKniga.
6.Pedagogicheskoye rechevedenie [Pedagogical speech study] (1998). Slovar`-spravochnik. Pod redaktsiei T.A.Ladyshenskoj i A.K.Mihal`skoj; sost. A.A.Knjazkov. M.: Flinta, Nauka.
7. Slovar` po etike [Dictionary of ethics] (1975). Izd. 3-e. Moskva.
8. Jasik i folklor [Language and folklore] (2007). Moskva.: OOO TD "Isdatelstvo Dom Knigi".
9. Otterstedt C. (1993). Abschied im Alltag: Grüßformen und Abschiedsgestaltung im interkulturellen Vergleich. München: Ludicium. 382 s.

Об авторе

Бузинова Людмила Михайловна – кандидат филологических наук, доцент, Международный университет в Москве (Россия), E-mail: rluda@mail.ru

Businova Lyudmila Michaylovna – Candidate of Philology, Associate Professor, International University in Moscow (Russia), E-mail: rluda@mail.ru

УДК 811.111' 374.2

Григорьева Е.М., кандидат филологических наук, Ивановский государственный университет (Россия)

СЛОВАРИ АВСТРАЛИЙСКОГО СЛЕНГА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Статья посвящена исследованию словарей австралийского сленга на материале словарных изданий, изданных в период с 1819 г. по настоящее время. В статье проводится обзор данной категории словарей в хронологической последовательности их выхода в свет, а также выявляются основные особенности регистрации сленговой лексики в этих словарях. Были использованы следующие методы: теоретико-лингвистический анализ литературы, метод лексикографического анализа, метод сравнительно-сопоставительного анализа. Результаты, полученные в ходе исследования, могут быть использованы во время проведения учебных занятий по лексикографии, а также в курсе межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: австралийский вариант английского языка, сленг, глоссарий, мегаструктура, макроструктура, микроструктура словаря, дефиниция.

Английский язык является государственным языком не только Великобритании, но и активно используется в других странах, например, в Австралии. Зарождение современной Австралии и австралийского варианта английского языка начинается в 1788 г. Важным событием данного периода становится прибытие на территорию нынешнего австралийского штата Новый Южный Уэльс Первого британского флота (First Fleet), миссией которого стало основание колонии британских ссыльных [2, с. 80]. В течение последующих лет, а именно до середины XIX столетия, из Великобритании в Австралию высылают каторжников [3, с. 60].

По мнению У. Рэмсона, основной базой для формирования нового языка становятся такие слои лексики, как сленг (“Flash Language”) и диалектно окрашенная лексика промышленных районов центральной Англии, сленг преступников и моряков [12, с. 50].

В этот период появляются самые первые сленговые выражения, которые активно используются для обозначения различных категорий заключенных, например, *ticket-of-leavers* ‘заключенные, имеющие возможность работать и получать плату за труд’, *emancipists* ‘отбывшие срок заключенные, которые имеют возможность получить постоянное местожительство в Австралии за свое примерное поведение’, *expirees* ‘поселенцы, отбывшие срок каторги’ [7, с. 25]. Постепенно в австралийском варианте возникают такие термины, как *currency* ‘уроженцы Австралии либо заключенные’ и *aristocracy* ‘так называемые «аристократы», выходцы из Англии’. Для обозначения жителей Австралии используется следующий ряд лексических единиц: *currency lad*, *currency females*, *currency sprouts*, *currency urchins*, *currency youths* [7, с. 26-28].

В эпоху «золотой лихорадки», которая началась в 1850-е гг., сленг и арго также активно используются на территории Австралийского континента и активно проникают в речь различных классов населения. Поскольку сленг и диалектно окрашенная лексика юго-востока Англии становятся основной базой для формирования нового языка, австралийского варианта английского языка, то самые первые словари и глоссарии, которые появляются на территории Австралийского континента, становятся словарями сленга и арго.

Арго и сленг – это разновидности социолекта. Арго представляет собой условные выражения и слова, применяемые какой-либо социальной или профессиональной группой, ее условный язык (*воровское арго*) [4, с. 28]. Под сленгом О. С. Ахманова понимает элементы разговорного варианта той или иной профессиональной или социальной группы, которые, проникая в литературный язык или вообще в речь людей, не имеющих прямого отношения к данной группе лиц, приобретают в этих разновидностях языка особую эмоционально-экспрессивную окраску (*сленг профессионалов*) [1, с. 409].

Основной целью данного исследования является попытка рассмотреть словари сленга в хронологической последовательности их появления в Австралии и провести их краткий лексикографический анализ, который позволит определить особенности реги-

страции сленга в словарях различных временных периодов.

Самым первым словарем, в котором получает регистрацию сленговая лексика, становится глоссарий “A New and Comprehensive Vocabulary of the Flash Language” [14], составленный в 1812 г. Дж. Во, заключенным одной из австралийских колоний. Этот справочник был опубликован в 1819 г. Лексика, зарегистрированная в нем, использовалась среди каторжников Нового Южного Уэльса [12, с. 10-12]. Макроструктура глоссария включает 731 словарную статью. Организация словника – алфавитная. Микроструктура состоит из входной единицы и дефиниции, например:

JUDGE: a family-man, whose talents and experience have rendered him a complete adept in his profession.

Следует подчеркнуть, что входная единица может быть выражена не только одной лексической единицей, но и словосочетанием, например:

NUTS UPON YOURSELF: a man who is much gratified with any bargain he has made, narrow escape he has had, or other event in which he is interested.

Автор словаря также вводит в микроструктуру отсылочную помету, которая отправляет пользователя к другой словарной статье, например:

LEARY-COVE. See FLY.

Ряд словарных статей также включает иллюстративные примеры:

SPEAK TO: to speak to a person or place is to rob them, and to speak to any article, is to steal it; as, I spoke to the cove for his montra.

Как уже было отмечено ранее, данный глоссарий был составлен обычным заключенным, не обладающим какими-либо знаниями в области лексикографии. По лексикографической форме словарь представляет собой глоссарий, содержащий толкования лексем. Несомненная заслуга автора заключается в систематизации в едином пособии сленговой лексики, используемой в тот временной период в Австралии.

В 1882 г. публикуется словарь “Sydney Slang Dictionary”. В словаре зафиксирован сленг, который активно использовался на территории Сиднея в 1880-х гг. К сожалению, автор справочника не известен. Макроструктура словаря включает 558 словарных статей. Примерами лексических сленговых единиц, зарегистрированных в справочнике, являются *old hand* ‘бывший каторжник’, *shicker* ‘алкогольный напиток’, *on the wallaby track* ‘бездомный’, а также некоторые другие [11, с. 120].

В 1895 г. был опубликован словарь Корнелиуса Кроу “Australian Slang Dictionary”. Источниками справочника являются словарь Дж. Хоттена “The Slang Dictionary; or the Vulgar Words, Street Phrases, and ‘Fast’ Expressions of High and Low Society” (London, 1865) и справочник А. Трамбела “Slang Dictionary of New York, London and Paris” (New York, 1880) [13]. Макроструктура включает лексические единицы таких групп людей, как сапожники, аукционисты, священники, адвокаты, владельцы похоронных бюро. Микроструктура включает входную единицу и дефиницию, например:

Tambaroora, a game of a shilling each in the hat and the winner shouts.

Yarra Bankers, vagrants living on the banks of the Yarra.

Таким образом, проведенный анализ справочников сленга, опубликованных в XIX в. на территории Австралийского континента, позволяет сделать ряд выводов. 1.Авторы данных словарей представляют собой непрофессиональных лексикографов. 2. Словарная статья характеризуется простой структурой организации и состоит из входной единицы и дефиниции. В некоторых случаях добавляется иллюстративный пример. 3. На начальном пути становления австралийской лексикографии ее смело можно называть «лексикографией сленга».

В начале XX в. публикуются первые специализированные словари сленга. В 1919 г. был опубликован справочник У. Даунинга “Digger Dialects” [8]. Справочник становится первым в своем роде глоссарием, в котором зафиксирован сленг представителей армии, лексические единицы, которые употребляют в своей речи австралийские солдаты в период I Мировой войны. Мегаструктура справочника включает благодарственное слово автора, вступление и собственно словник. Макроструктура организована в алфавитном порядке и представляет собой список входных

единиц от A до Z. Словарная статья включает входную единицу, дефиницию, аппарат добавочной семантико-функциональной характеристики (далее ДСФХ) (например, грамматическая помета):

ALLEYMAN (n.), (Fr., Allemand) – German.

В некоторых случаях словарная статья может включать отсылочную помету: BOSHTER – See BONZER.

Иногда микроструктура также включает иллюстративный пример, который указывается в круглых скобках после дефиниции. Введение иллюстративных примеров позволяет пользователю понять функционирование лексемы в речи:

CUSHY(adj.) – Soft, easy or safe (e.g., a cushy job at the base).

Автор словаря также в отдельных случаях вводит в микроструктуру стилистическую помету:

MERRY ANZACS – Casual Australians (used ironically).

Как правило, дефиниции в глоссарии имеют лаконичный краткий характер и часто представлены в виде синонима или ряда синонимов (например, CUSHY – *soft, easy or safe*). Однако также встречаются словарные статьи, в которых дается несколько толкований лексемы развернутого подробного характера:

DUCKBOARD – (1) A wooden frame about five feet long and eighteen inches wide. (2) The Military Medal ribbon.

Автор вводит в микроструктуру своего рода «этимологическую помету», указывающую на происхождение лексемы:

THROW A SEVEN– Die. (Probably arose from dicing. It is impossible to throw a seven-spot: hence it is humorously called “a shooting case” to do so if it were possible).

Заслуга У. Даунинга состоит в том, что им впервые был составлен справочник австралийского сленга, который был в употреблении узкой группы лиц – представителей армии. Таким образом, данный справочник по охвату лексики в словнике можно отнести к специальным справочникам.

В 1921-1924 гг. был опубликован еще один специализированный глоссарий сленга австралийских военных под названием “Glossary of Slang and Peculiar Terms in Use in the A.I.F.” [9]. Его авторами стали библиотекари Австралийского военного мемориала. Объем словника составляет более 900 входных единиц. Микроструктура включает входную единицу, дефиницию, иллюстративный пример с выходными данными источника и ряд помет:

Abdul Turkish Soldier, individually, and collectively. An Arabic proper name. General World War I. Australian. From 1915 (*AND*).

This term was probably largely used by Australian troops stationed in Egypt and fighting in Turkey. It probably had some currency amongst the Allied Forces generally as well as within the Australian Army, as it is noted by *B&P*, *Partridge*, and *Green*.

So though your name be black as ink
For murder and rapine… 1916 CEW Bean ‘Abdul’, *ANZAC Book* p. 59.

Таким образом, словарная статья к лексеме *Abdul* включает входную единицу, дефиницию, этимологическую помету, помету сферы употребления. Интересным компонентом микроструктуры становится введение иллюстративного примера в виде стихотворения, в котором центральным компонентом становится входная единица. После иллюстративного примера следует название источника с указанием года, названия книги и страницы.

Иллюстративные примеры в словарных статьях также могут быть выражены обычными предложениями, например:

Anzac Wafer Name given to the Army Biscuit issued as portion of the Iron Ration, or when bread was not fully available.

When he returned from Sick Parade it was at once evident that something was on his mind. … 1918 *Aussie* No. 5, June p. 10.

В словарной статье могут указываться несколько значений входной единицы, которые указываются под арабскими цифрами в круглых скобках:

Gutzer (1) Removal from office; the removal from a comfortable appointment to one more or less remunerative. (2) A fall physically. (3) The failure of a scheme.

Итак, в начале XX в. в связи с текущими политическими событиями (Первая мировая война) возникает потребность в составлении специализированных справочников, в кото-

рых получает регистрацию лексика представителей военной сферы, австралийских солдат. Публикуются два специализированных справочника сленговой лексики солдат Австралийского континента, глоссарий У. Даунинга и глоссарий, составленный библиотекарями Австралийского военного мемориала. Несмотря на то, что в привычном понимании глоссарий – это словарь, который содержит только толкования трудных слов без введения дополнительных информационных категорий, микроструктура данных справочников включает и ряд помет (грамматическая, этимологическая, отсылочная пометы), а также иллюстративные примеры.

В 1978 г. был опубликован словарь Дж. Уилкса "A Dictionary of Australian Colloquialisms" [15]. Организация заглавных единиц в словнике алфавитная. Микроструктура состоит из ряда компонентов, таких как входная единица, дефиниция, примеры и различные пометы. Следует отметить, что примеры взяты из журналов, книг и показывают словоупотребление лексемы. Каждый пример сопровождается указанием источника, года издания работы и страницы:

arse 1 Effrontery, 'cheek', as in the phrase **more arse than Jessie** q.v. [? f. 'hide']

1963 John Cantwell *No Stranger to the Flame* 76: 'The johns'd never have the arse to frisk every house in a dump like this - people'd feel their word was being doubted'…

2 Equivalent to 'tail' (U.S.): sexual access to women (quot. 1968 also includes sense 3)…

1963 Frank Hardy *Legends from Benson's Valley* 73: 'They've had the luck of Eric Connolly all night', Darky said sheepishly. 'Our turn for a bit of arse'.

Микроструктура, как правило, включает грамматическую помету (указание частеречной характеристики) (**chiack** *v.* to 'chaff', to ridicule). Стилистическая помета бывает двух видов: уничижительная (derogatory) (**crow** 1 A woman who is old and ugly: *derogatory*) либо шутливая (jocular) (**Croweater** A Native of S.A.: *jocular*). В словарной статье отсутствует этимологическая помета, однако в ряда случаев дано указание на неавстралийское происхождение входной единицы, например: **bullish** n, Not an Australianism in origin, although very common in colloquial language. В справочнике также получают регистрацию фразовые глаголы-сленгизмы: **choke down** To subdue an unbroken horse.

Словарь Дж. Уилкса становится важнейшим справочником, построенном на исторических принципах, введение в микроструктуру цитат позволяет судить об особенностях становления и развития разговорного пласта лексики австралийского варианта. Микроструктура словаря логично организована и включает входную единицу, дефиницию, иллюстративные примеры, которые предоставляют информацию относительно функционирования лексической единицы в речи, а также развитый аппарат ДСФХ.

В XXI в. также наблюдается интерес к сленгу и его регистрации в словарях. В 2009 г. выходит в свет словарь "The Lingo Dictionary of Favourite Australian Words and Phrases" (автор Дж. Миллер) [10]. В одном пособии автор собрал австралийский сленг, словосочетания и фразы, которые наиболее полно и точно передают характер и особенности языка австралийцев. Словарь Дж. Миллера носит «развлекательный характер» ("entertaining dictionary"), о чем говорит сам автор в предисловии. Микроструктура включает заглавное слово, дефиницию, в некоторых случаях иллюстративный пример:

bottler A term used to express approval or admiration, e.g. "Your little bottler".

cackle berry Slang for a hen's egg.

Поскольку по лексикографической форме это глоссарий, то аппарат ДСФХ развит слабо. Некоторые словарные статьи могут включать информацию относительно происхождения входной единицы, которая позволяет проследить эволюцию значений лексемы от обозначения австралийского солдата до использования лексической единицы в качестве обращения «старина»:

digger A term originally used to describe a nineteenth-century gold miner and later affectionately used to typify the Australian soldier, a use that came about during World War I. Today it is also used to address someone in a friendly manner.

В настоящее время в сети Интернет представлены глоссарии австралийского сленга, которые пользуются популярностью

у пользователя. Во-первых, они представлены в открытом доступе онлайн, во-вторых, интерфейс сайтов является удобным. Среди них можно выделить глоссарий “A Fair Dinkum Aussie Dictionary (a Collection of Aussie Terms and Sayings)” [5], в котором зарегистрированы австралийские сленговые выражения. Словарная статья включает лексическую единицу или словосочетание, дефиницию, а также графическую иллюстрацию, позволяющую пользователю наглядно представить в своем воображении тот или иной объект, предмет, действие:

pavlova or pav. A popular suburban dessert, named after the Russian ballerina Anna Pavlova. A pav consists of a large, soft-centred meringue filled with cream.

В некоторых случаях словарная статья также включает иллюстративный пример: **ropeable**. Angry or bad-tempered: “Cripes, me old china plate was ropeable when I turned up late this arvo”.

Еще одним Интернет-глоссарием, который представляет интерес для исследования, является “Aussie Slang Dictionary+ other Aussie Words and Phrases” [6]. Его микроструктура проста и включает входную единицу и ее дефиницию:

Duffer– Cattle Rustler or a silly person.

Kark it– Die–pass on.

После списка словарных статей следует тест, включающий 10 вопросов. Выполнение данного теста позволяет пользователю понять, насколько хорошо он знает австралийский сленг.

Таким образом, проведенный обзор словарей австралийского сленга, опубликованных с 1819 г. по настоящее время, показывает несомненную ценность подобных справочников для австралийской лексикографии в целом. С самого начала своего становления лексикография в Австралии формируется как лексикография словарей сленга, о чем свидетельствует публикация самых первых австралийских глоссариев (Vaux J. “A New and Comprehensive Vocabulary of the Flash Language”, 1819; “Sydney Slang Dictionary”, 1882). Микроструктура подобных глоссариев ограничивается входной единицей и дефиницией. Впоследствии, в начале XX в., как следствие сложившейся политической ситуации (Первая мировая война), публикуются специализированные словари сленга австралийских солдат (Downing W.H. “Digger Dialects”, 1919; “Glossary of Slang and Peculiar Terms in Use in the A.I.F.”, 1921-1924). Микроструктура подобных справочников усложняется и включает не только входную единицу и дефиницию, а также аппарат ДСФХ и иллюстративные примеры. В середине XX в. и начале XXI в. также появляются словари австралийского сленга. Возрастает интерес не только к печатным справочникам (Miller J. “The Lingo Dictionary of Favourite Australian Words and Phrases”), но также к Интернет-словарям, что несомненно, определяется перспективой пользователя (“A Fair Dinkum Aussie Dictionary (a Collection of Aussie Terms and Sayings)”). В настоящее время также появляются справочники сленга, включающие задания на проверку усвоения лексического материала, что свидетельствует об учебном характере подобных изданий (“Aussie Slang Dictionary+ other Aussie Words and Phrases”).

Список литературы

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. 608 с.

2. Беляева Т. М., Потапова И. А. Английский язык за пределами Англии. Л.: Учпедгиз, 1961. 152 с.

3. Горяинова Ю. А. Некоторые исторические и социально-экономические источники разговорно-сленговой сферы австралийского варианта английского языка // Вестник Воронежского государственного университета, серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2005. № 1. С. 60-62.

4. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.

5. A Fair Dinkum Aussie Dictionary (a Collection of Aussie Terms and Sayings). [Электронный ресурс]. URL: http://canguroenglish.com/site/wp-content/uploads/2016/09/AussieDictionary.pdf (дата обращения: 25.06.2017).

6. Aussie Slang Dictionary+ other Aussie Words and Phrases. [Электронный ресурс]. URL: www.aussie-slang.com (дата обращения: 23.06.2017).

7. Baker S. J. The Australian Language. Sydney: Currawong Press, 1978. 513 p.

8. Downing W.H. Digger Dialects: a Collection of Slang Phrases Used by Australian Soldiers on Active Service. [Электронный ресурс]. URL: https://www.bl.uk/collection-items/diggers-dialects-collection-of-slang-phrases-australian-soldiers1 (дата обращения: 27.06.2017).

9. Glossary of Slang and Peculiar Terms in Use in the A.I.F. [Электронный ресурс]. URL: http://andc.anu.edu.au/australian-words/aif-slang (дата обращения: 04.07.2017).

10. Miller J. The Lingo Dictionary of Favourite Australian Words and Phrases. Wollombi: Exisle Publishing Limited, 2009. 208 p.

11. Moore B. Speaking our Language. The Story of Australian English. Oxford: Oxford University Press, 2010. 225 p.

12. Ramson W. S. Australian English. A Historical Study of the Vocabulary. Canberra: Australian National University Press, 1996. 194 p.

13. Smyth J. Cornelius Crowe and the Australian Slang Dictionary. [Электронный ресурс]. URL: http://ozwords.org/?p=5348 (дата обращения: 04.07.2017).

14. Vaux J. A New and Comprehensive Vocabulary of the Flash Language. [Электронный ресурс]. URL: http://gutenberg.net.au/ebooks06/0600111.txt. (дата обращения: 02.07.2017).

15. Wilkes G. A. A Dictionary of Australian Colloquialisms. Oxford: Oxford University Press, 1978. 426 p.

AUSTRALIAN SLANG DICTIONARIES: HISTORY AND PRESENT SITUATION

The article is devoted to the research of the Australian slang dictionaries published since 1819 up to the present days. The main peculiarities of Australian slang registration are taken into account. The following methods were used: theoretically-linguistic literature analysis, dictionary analysis, comparison and collation method. The research results can be implemented into practical classes and seminars in lexicography and intercultural communication theory.
Keywords: Australian English, slang, glossary, dictionary megastructure, macrostructure, microstructure, definition.

References

1. Akhmanova, O.S. (1966). Slovar lingvisticheskih terminov. [Dictionary of Linguistic Terms]. M.: Soviet Encyclopedia.

2. Belyeva, T. M., Potapova, I. A. (1961). Anglijskij yazik za predelami Anglii. [English outside England]. L.:Ychpedgiz.

3. Goryainova, Yu. A. (2005). Nekotoriye istoricheskie i socialno-economicheskie istochniki razgovorno-slengovoj sferi avstralijskogo varianta anglijskogo yazika [Some historical and socio-economic sources of Australian English colloquial and slang area]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo yniversiteta, seriya "Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya"* [*Herald of Voronezh State University, part "Linguistic and Intercultural Communication*], 1, 60-62.

4. Ozhegov, S. I., Shvedova, N.U. (1999). Tolkovij slovar russkogo yazika. [Defining Dictionary of the Russian Language]. M.: Azbukovnik.

5. A Fair Dinkum Aussie Dictionary (a Collection of Aussie Terms and Sayings). Retrieved 25 June, 2017 from http://canguroenglish.com/site/wp-content/uploads/2016/09/AussieDictionary.pdf.

6. Aussie Slang Dictionary+ other Aussie Words and Phrases. Retrieved 23 June, 2017 from http://www.aussie-slang.com.

7. Baker, S.J. (1978). The Australian Language. Sydney: Currawong Press.

8. Downing, W.H. Digger Dialects: a Collection of Slang Phrases Used by Australian Soldiers on Active Service. Retrieved 27 June, 2017 from https://www.bl.uk/collection-items/diggers-dialects-collection-of-slang-phrases-australian-soldiers1.

9. Glossary of Slang and Peculiar Terms in Use in the A.I.F. Retrieved 4 July, 2017 from http://andc.anu.edu.au/australian-words/aif-slang.

10. Miller, J. (2009). The Lingo Dictionary of Favourite Australian Words and Phrases. Wollombi: Exisle Publishing Limited.

11. Moore, B. (2010). Speaking our Language. The Story of Australian English. Oxford: Oxford University Press.

12. Ramson, W.S. (1996). Australian English. A Historical Study of the Vocabulary. Canberra: Australian National University Press.

13. Smyth, J. Cornelius Crowe and the Australian Slang Dictionary. Retrieved 4 July, 2017 from http://ozwords.org/?p=5348.

14. Vaux, J. A New and Comprehensive Vocabulary of the Flash Language. Retrieved 2 July, 2017 from http://gutenberg.net.au/ebooks06/0600111.txt.

15. Wilkes, G.A. (1978). A Dictionary of Australian Colloquialisms. Oxford: Oxford University Press.

Об авторе

Григорьева Екатерина Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Ивановский государственный университет (Россия), E-mail: grigoryeva.ekaterina@mail.ru.

Grigoryeva Ekaterina Mikhailovna – Candidate of Philology, Assistant Professor of the English Philology Department, Ivanovo State University (Russia), E-mail: grigoryeva.ekaterina@mail.ru

УДК 811.112.2

Дмитриева М.Н., кандидат филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)
Сафонова Н.В., кандидат филологических наук, доцент, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОГО НАУЧНОГО ДИСКУРСА В ОБЛАСТИ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

В центре внимания статьи – становление научного дискурса в области гуманитарного знания как коммуникативно-функционального объединения текстов на трех синхронных срезах истории немецкого языка (XI век, XVIII век, современное состояние). Среди типичных характеристик текстов данного дискурсивного типа признается следующее: 1) нарративность научного изложения; 2) доминирование эпистемической модальности уверенности над другими типами модальности; 3) адресатно-ориентированность метадискурсивных единиц в их основных функциях; 4) ограниченный потенциал использования временных форм перфекта и претерита. Названные языковые феномены служат для установления и поддержания прямого диалога между продуцентом текста и реципиентом. Кроме того, типичным для всех синхронных срезов является употребление специальной терминологической лексики, которая придает предметность научному изложению. Прагматические характеристики получают различное языковое воплощение в текстах разных исторических эпох, что дает богатые возможности для аналитического описания процесса становления научного немецкоязычного дискурса гуманитарных наук.
Ключевые слова: язык науки, дискурс гуманитарных наук, специальная лексика, метакоммуникация, эпистемическая модальность, синхрония и диахрония, принципы научного общения.

В современной лингвистической науке термин «дискурс» относится к наиболее употребительным и широко интерпретируемым понятиям. Это можно объяснить тем, что дискурсивный подход к описанию языкового материала дает возможность применения разнообразных исследовательских приемов, методик и теоретических подходов. Однако одновременно происходит размывание самого понятия *дискурс*.

Обобщающие аналитические статьи, посвященные принципам и объектам лингвистического анализа, проблемам цельности и определения границ дискурса, фиксируют содержательную вариативность данного термина и его полную подчиненность исходной теоретической базе и задачам, которые ставит перед собой конкретный исследователь. Например, в статье Д. Буссе и В. Тойберта данная проблема сформулирована следующим образом: “Die Einheit eines Diskurses wird vom Untersuchungsziel, Interesse oder Blickwinkel der Wissenschaftler bestimmt” [11, с. 16]. Сложность зафиксировать дискурс в конкретных границах отражает и название главы “Zur Unmöglichkeit der begrifflichen Fixierung von ‘Diskurs’”, где эксплицитно констатируется невозможность терминологической фиксации понятия [14, с. 18 и след.].

Несмотря на содержательную неоднозначность, данное операционное понятие научного поиска стало неотъемлемой частью терминологического аппарата современной лингвистики и активно используется для обозначения самых разных областей человеческой коммуникации (диалогический дискурс, автобиографический дискурс, рекламный дискрс); см. краткий обзор данной проблематики в учебном пособии К.А. Филиппова [9, с. 49-51].

Общей чертой текстов, принадлежащих научному дискурсу, можно считать использование четко отработанных кодов, которыми оперирует соответствующая наука. Для более дифференцированного описания данных кодов научный дискурс принято рассматривать в корреляции с определенной областью знаний и отдельными отраслями наук.

Например, обращение к материалу современных немецких лингвистических текстов письменной научной коммуникации в серии исследовательских работ профессора С.Т. Нефёдова констатирует наличие следующих «кодов»: адресатно-ориентированности метадискурсивных единиц и их функций в научном тексте [4, с. 101]; доминирования ассертивного профиля научного текста [3, с. 142]; эпистемической модальности, формируемой индикаторами уверенности, гипоте-

тичности и дистанции [7, с. 112] и также особенностей внутритекстовой категории темпоральности, связанных с ограничением функционирования временных форм перфекта и претерита [6, с. 122].

Обсуждению немецкоязычного научного дискурса на историческом материале посвящен фундаментальный проект всестороннего изучения европейского научного историко-грамматического наследия XVIII века, исследовательские результаты которого отражают многочисленные публикации участников, например [8, 10]. Как и на современном немецкоязычном материале, для синхронного среза XVIII века акцентируется важность установления и поддержания интерактивного вербального взаимодействия автора с читателем; наглядно анализируются «разнообразные способы сообщения и разъяснения сложного грамматического материала» [8, с. 115], то есть речь идет об «ассертивности научного изложения» в терминологии С.Т. Нефёдова [7, с. 112]. Помимо этого, в качестве новой черты языка науки XVIII века констатируется широкое использование ресурсов немецкого языка для создания терминологического аппарата практической и теоретической грамматики.

Проекция результатов приведенных исследований на языковой материал X-XI веков позволяет обнаружить сходства и различия научных дискурсов на разных этапах становления немецкого языка. На этой самой ранней письменно зафиксированной ступени развития немецкого языка основополагающий материал для исследования черт научного дискурса дают переводы Ноткера Немецкого. Подробная историческая справка о биографии Ноткера и его деятельности как переводчика имеется в учебном пособии по истории немецкого языка [1, с. 16-20]. Результаты дальнейших исследований в данном направлении отражены также и в последующих совместных научных работах авторов, например [2, с. 327-329].

К чертам сходства научных дискурсов разных эпох относится наличие в переводных текстах Ноткера немецкой философско-теологической специальной лексики. Значительная роль Ноткера как создателя абстрактной лексики и философской терминологии на немецкоязычном материале единогласно признается исследователями-германистами [12, с. 293; 13, с. 216-217]. Таким образом, уже на начальной стадии становления научного дискурса использовалась специальная лексика не только на латыни, но и «в переложении» на ресурсы немецкого языка.

Другой важной категорией, присущей научным текстам, является эпистемическая модальность. Данный тип модальности представлен в переводе Ноткера только одним из трех типов – индикаторами уверенности (ze ware, war, gewaro), частотность которых невысока (на 365 страниц текста только 14 случаев употребления). То есть модальность отличается, во-первых, количественно – намного более низкой частотностью употребления модальных маркеров, во-вторых, качественно – представлен только один из трех типов.

Способы применения Ноткером метатекстовых структур обнаруживают отличия от современных научных текстов и текстов XVIII века. Эти отличия касаются, прежде всего, функций метатекста. Они оказываются «двоичными»: во-первых, метатекстовые вставки управляют вниманием читателя, служа целям переключения от одной темы к другой; во-вторых, они используются внутри диалога между беседующими персонажами – автором-рассказчиком и Философией. Такая бифункциональность метатекста обеспечивается особенностями жанровой принадлежности исходного трактата и одновременно размытостью границ научного дискурса в его ранней стадии развития на немецкоязычном материале.

В качестве основного метода исследования применялась комплексная методика интерпретационного анализа, включающая: 1) лингвистическое наблюдение и интенционально-коммуникативную идентификацию; 2) контекстный анализ; 3) коммуникативно-прагматический анализ; 4) элементы сравнительно-сопоставительного метода, а также 5) статистические подсчеты на основе сплошной выборки материала.

Более детально функциональный потенциал метатекста в каждой из пяти глав переводного трактата кратко обобщен ниже.

В первой главе метакоммуникативные структуры используются в двух планах.

Прежде всего, с их помощью читателю объясняется исходная ситуация создания текста. Философия и её собеседник обговаривают то, как они далее будут общаться. Другая функция метакоммуникации в I главе связана с тем, что утверждается установка на продуктивное коммуникативное сотрудничество. Реализацию этой установки мы наблюдаем в последующих четырех главах.

Вторая глава представляет собой собственно диалог, утешительную наставительную беседу. Для целей управления диалогом, в том числе для передачи роли говорящего другому лицу, используются метакоммуникативные вставки, как, например (1):

(1) Íh tûon dír státa zespréchenne. (N., II, 9, 20-21, 64) – Я предоставляю тебе право говорить.

В третьей главе наблюдаются примеры мотивированного добровольного отказа от ответа на вопрос. Автор-рассказчик высказывает нежелание прерывать логические рассуждения своей собеседницы и просит ее продолжать говорить:

(2) Íh fernímo uuóla chád íh . uuáz tu mír gébêst zeirrâtenne . uuîo áber dû iz récchêst **. tés lústet míh zehôrenne**. (N., III, 88, 21-23, 192) – Я вполне понимаю, – сказал я, – что ты мне предлагаешь исследовать, но какое решение ты предложишь этому, **это я желаю услышать**.

(3) **Nû ferním** chád si . íh lêro díh iz skéiden! (N., III, 88, 23-24, 192) – **Слушай же**, – сказала она, – я научу тебя различать это.

Четвертая глава, в которой обсуждается философская категория «Высшего Блага» / *Summum Bonum*, за редкими исключениями практически не содержит элементов метакоммуникации. Во-первых, это объясняется тем, что сформулированные в первой главе речевые стратегии сотрудничества автоматически распространяются и на последующее изложение и не нуждаются в повторении. Во-вторых, участники коммуникации обсуждают в главе IV только одну заданную в начале главы тему, им не нужно маркировать переход от одного тематического блока к другому. В структурном аспекте высказывания метакоммуникативного плана представляют собой лишь краткие комментарии собственных диалоговых реплик, построенных по схеме: «ты спрашиваешь», «я бы хотел услышать» и так далее или сознательные отказы от коммуникативного хода, аналогичные приведенным примерам (2) и (3) из III главы.

Глава V в самом начале содержит смену темы. Смена темы происходит по инициативе автора-рассказчика, то есть слушающего. Он перебивает рассуждения Философии и просит её разъяснить понятие “casus” «случай». Философия соглашается обратиться к данной теме. Реплика Философии в сокращенном виде представляет собой следующий фрагмент:

(4) Sîn óuh tíse questiones núzze . zeuuízenne. […] Nû chád si . trágo íh tînen síto. […] Târmíte fîeng si sús ána. (N., V, 2, 304-305) – Полезно, также знать и это. Сейчас, сказала она, я подчиняюсь твоей воле. Затем она начала вот как.

Наряду с этим примером в Главе V имеются и другие коментарии развития диалога. Они имеют краткую форму и состоят только из структурного минимума (подлежащее и сказуемое):

(5) chîst tu. […] Dés ántuuurto íh. Скажешь ты. Отвечу тебе. (N., V, 45, 3, 9, 361).

В результате обсуждения полученных результатов получила подтверждение рабочая гипотеза о предположительном сходстве и частичном различии языковых средств, задействованных в научном дискурсе на трех обозначенных синхронных срезах истории немецкого языка. Ограничения исследования связаны с «белыми пятнами» отсутствия письменных памятников заданного жанрового типа в последовательной диахронии и труднодоступностью оригинальных текстов. Обобщенные материалы данной статьи используются в рамках элективного курса «Ранненововерхненемецкий», читаемого М.Н.Дмитриевой для студентов 4-го курса бакалавриата направления подготовки «Лингвистика»; при подготовке курсовых и выпускных квалификационных работ, а также магистерских диссертаций. Планируется включение материалов в переиздаваемое в настоящее время учебное пособие «Немецкий язык в диахронии» [1]. Перспективные направления дальнейших исследований могут быть связаны с обсуждением текстового материала других отраслей знания, а также квантитативным расширением эмпирических данных путем привлечения последующих текстов гуманитарного научного

дискурса.

Таким образом, обращаясь к материалу перевода Ноткера и сопоставляя результаты с исследованиями научного дискурса, проведенными в опоре на тексты других временных периодов, можно наблюдать сходства и различия черт научного дискурса в диахронической перспективе. Общей закономерностью следует признать большой потенциал немецкой языковой системы в ее современном состоянии и историческом становлении для вербальной экспликации разнообразных знаний гуманитарных наук. Характерные для всех этапов развития научного – в том числе научно-философского, лингвистического и учебно-грамматического – стиля структуры с метатекстовой функцией, средства эпистемической модальности достоверности высказывания, терминология и др. являются языковыми маркерами научно-познавательной деятельности как особого рода коммуникативной практики. Отличия же носят либо квантитативный характер и связаны с частотностью употребления языковых средств, либо объясняются большей прозрачностью научного дискурса на ранних этапах становления.

Список литературы

1. Дмитриева М.Н., Сафонова Н.В. Немецкий язык в диахронии: Учебное пособие. Брянск, 2013. 136 с.

2. Дмитриева М.Н., Сафонова Н.В. Текстообразующие функции интеррогативов в древненемецких текстах // Вестник Брянского государственного университета. 2014. № 2. С. 327-329.

3. Нефёдов С.Т. Интенциональная структура и модальность научного текста // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 9(63): в 3-х ч. Ч. 3 С. 141-145.

4. Нефёдов С.Т. «Нарративный запрет» в лингвистическом дискурсе // Научное мнение. № 9. 2014. С. 9-20.

5. Нефёдов С.Т. Специфика кодирования метадискурсивной информации в научном тексте // Вестник Омского университета. 2013. № 3 (69). С. 99-101.

6. Нефёдов С.Т. Темпоральная периферия научного текста (ненарративные функции перфекта и претерита) // Вестник СПбГУ. Серия 9. 2015. Вып. 1. С. 114 – 123.

7. Нефёдов С.Т. Эпистемические «сдвиги» в модальности научного текста // Научное обозрение: гуманитарные исследования. № 9б. 2016. С. 111-118.

8. Филиппов К.А. Особенности метаязыка немецкой грамматики Иоганна Кристофа Готшеда // Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете. Вып. V: Язык профессиональной коммуникации - немецкий: сб. ст. / под ред. д-ра филол. наук, проф. С.Т. Нефёдова, канд. филол. наук Е.А.Ковтуновой. СПб., 2015. С. 105-117.

9. Филиппов К.А. Лингвистика текста и современный анализ устной речи: учебное пособие. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2016. 228 с.

10. Филиппов К.А. М.В.Ломоносов и европейский научный дискурс XVIII века: Г.В.Лейбниц, Х.Вольф, И.К.Готшед: научный доклад / Филиппов К.А., Волков С.С. СПб.: СПбГУ. РИО. Филологический факультет, 2014. С. 22-29.

11. Busse D., Teubert W. Ist Diskurs ein sprachwissenschaftliches Objekt? Zur Methodenfrage der historischen Semantik // Begriffsgeschichte und Diskursgeschichte. Methodenfragen und Forschungsergebnisse der historischen Semantik. Westdeutscher Verlag GmbH, Opladen. 1994. S. 10-28.

12. Eilers H. Die Syntax Notkers des Deutschen in seinen Übersetzungen. Boethius, Martianus Capella und Psalmen. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 2003. 303 s.

13. Sonderegger St. Althochdeutsche Sprache und Literatur. Eine Einführung in das älteste Deutsch. Darstellung und Grammatik. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 2003. 390 s.

14. Spitzmüller J. Warnke I.H. Diskurslinguistik. Eine Einführung in Theorien und Methoden der transtextuellen Sprachanalyse. Walter de Gruyter, Berlin/ Boston. 2011. 230 s.

Источник иллюстративного материала:

N. – Die Schriften Notkers und seiner Schule. In 3 Bänden. Bd. I. Schriften philosopischen Inhalts / Hrsg. von P. Piper. Freiburg I. B. und Tübingen, 1882.

FROM THE HISTORY OF THE GERMAN-SPEAKING SCIENTIFIC DISCOURSE IN THE FIELD OF THE HUMANITIES

The focus of the article – the establishment of scientific discourse in the field of humanitarian knowledge as a communicative-functional integration of texts into three simultaneous sections the history of the German language (from the XI century to XVIII century, the modern state). Among the typical characteristics of the discourse type, it is recognized that: 1) narrativity of scientific presentation; 2) the dominance of the epistemic modality of certainty over other types of modality; 3) adresate orientation metadiscursive units in their basic functions; 4) limited potential use of the tense forms of the perfect and the preterit. Named linguistic phenomena serve to establish and maintain a direct dialogue between producer and text recipient. In addition, typical of all synchronous sections is the use of special terminology, which gives the objectivity of scientific statement. Pragmatic characteristics receive different linguistic embodiment in texts from different historical periods, which gives rich opportunities for the analytical description of the process of formation of scientific German-speaking discourse of the Humanities.
Keywords: the language of science, the discourse of the Humanities, special vocabulary, metacommunication, epistemic modality, synchrony and diachrony, principles of scientific communication.

References

1. Dmitrieva, M.N., Safonova, N.V. (2013). Nemezkij jazik v diahronii [The German language in diachrony]. Brjansk.

2. Dmitrieva, M.N., Safonova, N.V. (2014). Textoobrazyjuschije fynkzii interrogativov v drevnenemezkix тextah [Text-formation functions of interrogatives in Old German texts] // *Vestnik Brjanskogo gosudarstvennogo universiteta [The Bryansk State University Herald]*, 2, 327-329.

3. Nefjodov, S. T. (2016). Intenzionalnaja struktura i modalnost naytsnogo texta [Intentional structure and modality of the scientific text] // *Filologitseskije nayki. Voprosi teorii I praktiki.* Tambov: Gramota. № 9(63): v 3 ts. Ts. 3 S. 141-145.

4. Nefjodov, S. T. (2014). "Narrativnij zapret" v lingvistitseskom diskurse ["Narrative prohibition" in linguistic discourse] // *Nautsnoe mnenie,* 9, 9- 20.

5. Nefjodov, S. T. (2013). Spezifika kodirovanija metadiskursivnoj informazii v nautsnom texte [Spezificies coding of metadiscursive information in a scientific text] // *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo universiteta,* 3, 99-101.

6. Nefjodov, S. T. (2015). Temporal periphery of the scientific text (non-narrative functions of perfekt and präteritum) // *Vestnik St. Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta,* 9(1), 99-101.

7. Nefjodov S. T. (2016). Epistemitseskije "sdvigi" v modalnosti naytsnogo texta [Epistemic "shift" in the modality of scientific text] // *Naytsnoe obosrenie: gumanitarnije issledovanija,* 9b, 111-118.

8. Filippov, K.A. (2015). Osobennosti metajazika nemezkoj grammatiki Iohanna Christofa Gottscheda [Features of the metalanguage of German grammar of Johann Christof Gottsched] // Nemezkaja filologia v Sankt-Peterburgskom gosudarstvennom universitete. [German Philology in St. Petersburg State University]. Vyip. V: Jazik professionalnoj kommunikazii – nemezkij [Language for professional communication – German]: Sb. st. / pod red. d-ra philol. nayk, prof. S.T. Nefjodova, kand. philol. nayk E.A.Kovtunovoj. SPb. S. 105-117.

9. Filippov, K.A., Volkov, S.S. (2014). M.V. Lomonosov i evropeyskiy nauchnyiy diskurs XVIII veka: G.V. Leybnits, H. Volf, I.K. Gottsched: nauchnyiy doklad [M.V.Lomonosov and 18th century European scientific discourse: G.V.Leibniz, Chr. Wolff, J. Chr. Gpttsched: a scientific paper]. SPb.: SPbU. RIO. Filologicheskiy fakultet. S. 22-29.

10. Filippov, K.A. (2016). Linguistics texta i sovremennij analiz ystnoj retsi[Text linguistics and modern analysis of spoken language]: Ytsebnoe posobie. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta. 228 s.

11. Busse, D., Teubert, W. (1994). Ist Diskurs ein sprachwissenschaftliches Objekt? Zur Methodenfrage der historischen Semantik // Begriffsgeschichte und Diskursgeschichte. Methodenfragen und Forschungsergebnisse der historischen Semantik. Westdeutscher Verlag GmbH, Opladen. S. 10-28.

12. Eilers, H. (2003). Die Syntax Notkers des Deutschen in seinen Übersetzungen. Boethius, Martianus Capella und Psalmen. Berlin, New York: Walter de Gruyter. 303 s.

13. Sonderegger, St. (2003). Althochdeutsche Sprache und Literatur. Eine Einführung in das älteste Deutsch. Darstellung und Grammatik. Berlin, New York: Walter de Gruyter. 390 s.

14. Spitzmüller, J., Warnke, I.H. (2011). Diskurslinguistik. Eine Einführung in Theorien und Methoden der transtextuellen Sprachanalyse. Walter de Gruyter, Berlin/ Boston. 230 s.

Об авторах

Дмитриева Мария Николаевна - кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия), E-mail: m.n.dmitrieva@spbu.ru
Сафонова Наталия Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка, Брянский государственный университета имени академи И.Г.Петровского (Россия), E-mail: saphonchik@mail.ru

Dmitrieva Maria Nikolaevna - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of German Philology Department, St. Petersburg State University (Russia), E-mail: m.n.dmitrieva@spbu.ru
Safonova Natalia Vassilievna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of German Language Department, Bryansk State University (Russia), E-mail: saphonchik@mail.ru

УДК 81.42

Ключерова А.О., аспирант, Московский педагогический государственный университет (Россия)

ТЕКСТОВОЕ МЕТАФОРИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ФЕЕРИИ А. С. ГРИНА «АЛЫЕ ПАРУСА»

Данное исследование представляет собой попытку рассмотреть известнейшее произведение А.С. Грина сквозь призму распространённой языковой метафоры *жизнь – игра*, получившей новую жизнь в творчестве этого автора и являющейся «сквозной» для множества его текстов, таких как романы «Блистающий мир» и «Бегущая по волнам», рассказы «Игрушка» и «Зелёная лампа», феерия «Алые паруса» и др. В статье производится концептуальный анализ феерии «Алые паруса» А.С. Грина посредством построения текстового метафорического поля. Отмечается доминантная роль метафоры, выполняющей в произведениях этого автора множество функций: текстообразующую, концептуализирующую, стилеобразующую, миропорождающую, смыслообразующую, характеризующую, сюжетообразующую, эстетическую, функцию заглавия и др. Выделяются ключевые для феерии и для всего творчества А.С. Грина метафоры, образующие ядро текстового метафорического поля повести «Алые паруса», а также метафоры, составляющие центр, ближнюю и дальнюю периферию поля. Даётся интерпретация индивидуально-авторских метафор и языковых метафор, употреблённых в текстах А.С. Грина. Кроме того, употребляющиеся в феерии метафоры анализируются с точки зрения структурно-семантической классификации Ю.И. Левина и с позиций когнитивистики: имеется в виду типология метафор, разработанная Дж. Лакоффом и М. Джонсоном.

Ключевые слова: метафора, метафорическая конструкция, текстовое метафорическое поле, А.С. Грин, Алые паруса, доминанта.

Значение ключевых метафор в творчестве А.С. Грина, как и семантика ключевых слов в художественном тексте, «рождается всем смыслом текста, его семантической темой» [7, с. 124]. Именно ключевые метафоры образуют ядро текстового метафорического поля (ТМП), которое может являться инструментом концептуального анализа текстов А.С. Грина, так как в произведениях этого автора метафора играет роль ***доминанты***: «Доминанту можно определить как фокусирующий компонент художественного произведения, она управляет, определяет и трансформирует отдельные компоненты. Доминанта обеспечивает интегрированность структуры. Доминанта специфицирует художественное произведение» [10, с. 59].

Ещё в трудах В.В. Виноградова можно найти мысль об укрупнении, развитии метафорического лексического значения за счёт «обрастания» другими метафорами в художественном тексте, то есть о формировании метафорического поля [2, с. 80]. Согласно определению В.П. Абрамова, метафорическое поле – это «структурированное множество метафорических элементов, совокупность словесных ассоциаций, группируемых вокруг образного стержня, ядерного тропа художественного текста» [1, с. 287–289]. Метафорическое поле текста может строиться как на основе актуализированной в художественном тексте языковой метафоры, так и на базе индивидуально-авторской метафоры.

Ядро ТМП состоит из ключевых текстовых метафор и контекстов, в которых они употребляются, при этом первые выступают в роли номинатов текстовых концептов. ***Центр и ближнюю периферию*** поля образуют метафорические контексты, реализующие какой-нибудь семантический признак ключевой текстовой метафоры и составляющие на этом основании целые группы, которые могут дифференцироваться далее.

И, наконец, лексемы, употреблённые в прямом значении и согласующиеся по смыслу с метафорами, которые входят в ядро ТМП, представляют собой ***дальнюю периферию.*** Следовательно, текстовое метафорическое поле – диффузное образование, ядро, центр и ближнюю периферию которого составляют слова с метафорическим значением, а дальнюю периферию – с неметафорическим.

Кроме того, по мысли В.В. Рожкова, ТМП можно отнести к полям полицентрического типа. Прежде всего это касается полей крупных прозаических произведений: «Отдельные центры общего метафорического поля текста могут взаимодействовать, порождая смысловую динамику произведения в целом…» [8; Электронный ресурс].

Основными методами для данного исследования являются *моделирование*, непосредственное *наблюдение* над стилистическими функциями и свойствами различных типов метафор, *описание* особенностей функционирования метафор в текстах произведений А.С.

Грина, а также *методы контекстуального и семантико-стилистического анализа*.

Анализируя структуру текстового метафорического поля феерии «Алые паруса», мы пришли к следующим выводам:

Ядро ТМП имеет три центра, которые представлены взаимодействующими между собой метафорами ***душа – сердце, мир мечты (рай) – блистательная страна*** и ***жизнь – игра***.

В центре самого поля находятся следующие значения лексемы ***игра:***

1) *иронически:* ***«способ ухода от реальности; жизнь в собственной реальности»****;*

2) *«****самое важное в жизни, суть жизни****»;*

3) «подлинная жизнь»*;*

4) «изменение мира или чьей-то отдельной судьбы».

Последнее из этих значений, в свою очередь, имеет несколько подзначений, относящихся к ближней периферии метафорического поля:

– оживление/воскресение чего-либо/кого-либо;

– творение/пересоздание мира или чьей-то отдельной судьбы.

И, наконец, дальнюю периферию текстового метафорического поля феерии «Алые паруса» составляют лексемы, прямое значение которых соответствует значению «ядерных» метафор, и содержащие их контексты. Это такие слова, как *душа, рай, жизнь, судьба.*

Безусловно, в феерии «Алые паруса» присутствуют ключевые для всего творчества А.С. Грина метафоры. Например: *Он посадит тебя в лодку, привезёт на корабль, и ты уедешь навсегда* ***в блистательную страну*** (метафора мира мечты, отождествляемого с понятием «рай» – *А.К.*), *где всходит солнце и где звёзды спустятся с неба, чтобы поздравить тебя с приездом* [3, с. 138]; *Тогда сверху, сотрясая и зарывая* ***сердце*** (метафора души – *А.К.*) *в свой торжествующий крик, вновь кинулась огромная музыка* [3, с. 191]. Все они, безусловно, связаны друг с другом и являются номинатами основных текстовых концептов. Сами приведённые метафоры и контексты, в которых они вербализуются, формируют ядро текстового метафорического поля феерии. А дальнюю периферию его будут составлять употреблённые в прямом значении лексемы, смысл которых тождествен смыслу ключевых метафор, и содержащие эти слова контексты. Например: *Она кивнула, держась за его пояс,* ***с новой душой*** *и трепетно зажмуренными глазами* [3, с. 190]; *На обручах латинская надпись: «Меня выпьет Грэй, когда будет* ***в раю****»* [3, с. 143].

Напомним, что надпись из второй цитаты была на бочке с вином, которое в конце повести пили пассажиры «Секрета» и, конечно же, его капитан – Артур Грэй. Так сбылось одно из нескольких пророчеств, которые можно встретить на страницах «Алых парусов», ведь счастье и начало новой жизни мыслятся в феерии как рай. Эта же идея содержится и в первой цитате: Ассоль входит в «рай» «с новой душой».

Таким образом, внутри ядра ТМП феерии «Алые паруса» можно выделить два центра, представленных важнейшими для всего творчества А.С. Грина метафорами: ***душа – сердце*** и ***блистательная страна – мир мечты (рай)***. Причём первая из них – языковая (актуализированная в тексте), а вторая – индивидуально-авторская.

Однако в этом произведении актуализируется ещё одна, ключевая именно для него, языковая метафора ***жизнь – игра***. Она имеет несколько значений и относится, с точки зрения классификации Дж. Лакоффа и М. Джонсона, к структурному типу [5, с. 27]. Всё это делает строение метафорического поля «Алых парусов» более сложным.

Сразу отметим, что названная метафора в своём основном (ядерном) значении – *«жизнь, судьба»* вербально в феерии не представлена, но то, что автор отвёл ей организующую, доминирующую роль, становится ясно из контекста всего произведения. Одно из свидетельств тому – частое употребление в «Алых парусах» лексемы «игрушка» в метафорическом значении: *Вырастет, забудет, – подумал он, – а пока… не стоит отнимать у тебя такую* ***игрушку*** [3, с. 139]; *Она* (мать Грэя – *А.К.) внимала без упреков и возражений, но про себя – во всем, что он утверждал, как истину своей жизни, – видела лишь* ***игрушки****, которыми забавляется ее мальчик. Такими* ***игрушками*** *были материки, океаны и корабли* [3, с. 153].

При этом в «полусказочных» (т.к. жанр – феерия) «Алых парусах» метафорические конструкции, содержащие в себе лексему «игрушка», по структуре своей являются

«метафорами-загадками», где «описываемый объект замещён другим объектом» [6, с. 457]:

Но он уже навсегда запомнил тот короткий грудной смех, полный сердечной музыки, каким встретили его дома, и раза два в год посещал замок, оставляя женщине с серебряными волосами нетвердую уверенность в том, что такой большой мальчик, пожалуй, справится с своими ***игрушками*** [3, с. 154].

В приведённых отрывках у лексемы «игрушка» можно выделить сразу два метафорических значения. С одной стороны, игрушками иронически назван **уход от реальности**. Неслучайно в обеих цитатах выражено снисходительное отношение родителей главных героев (отца Ассоль и матери Грэя) к тому, чем живут их дети. Но, опять же, при рассмотрении в контексте всего произведения данные метафоры приобретают прямо противоположное значение: **самое важное в жизни, суть жизни.** Это и мечта Ассоль, определившая её судьбу, и то, что составляет дело всей жизни Грэя и является его воплощённой мечтой.

При этом оба рассмотренных значения лексемы «игрушка» и контексты, в которых эти значения реализуются, относятся к **центру** текстового метафорического поля, а словосочетание *истину своей жизни* и существительные *материки, океаны, корабли*, раскрывающие смысл метафор, – к его **дальней периферии**.

По большому счёту, вся феерия – повествование об ожившей игрушке. Ведь подлинная *феерия* («волшебное зрелище») начинается именно в тот момент, когда в руки Ассоль попадает игрушечная яхта с алыми парусами, сделанная Лонгреном. После чего корабль, по неосторожности пущенный ею по ручью, как будто оживает и плывёт, как настоящий. Таким образом, девочка получает символическое предзнаменование – сначала ещё смутное, не осознанное предчувствие чего-то необычного, но затем, после встречи с Эглем – автором пророчества об алых парусах – обретшее весьма определённые очертания. Да и сам Эгль, по сути, становится лишь «глашатаем» того неизбежного, которое должно свершиться уже независимо от его воли или фантазии, потому что стало вполне прозрачным, когда он вытащил из ручья красивый *игрушечный* корабль и встретил девочку с искренней душой, жаждущей чуда.

В финале феерии история с ожившей игрушкой повторяется, но уже на другом уровне: (масштаб этого события увеличивается подобно тому, как растёт, прежде всего духовно, сама героиня). Как уже было замечено, мечту, которую Ассоль дарит Эгль «меж двумя глотками ароматической водки и размышлениями о песнях каторжников», Лонгрен называет *игрушкой,* а потом эта мечта сбывается благодаря Грэю, приплывшему под алыми парусами. Следовательно, метафора ***жизнь – игра*** в «Алых парусах» выполняет концептуализующую, сюжетообразующую, композиционную и другие функции.

Также именно благодаря ей возникает перекличка между образами исполнившего мечту Ассоль Грэя, который в произведении произносит ставшую крылатой фразу «чудеса надо делать своими руками», и Лонгрена, смастерившего первый, игрушечный, корабль с алыми парусами *своими руками*.

Кроме того, метафора ***жизнь – игра*** в феерии организует текст и на глубинном, смысловом уровне. Ведь судьбы главных героев – Ассоль и Грэя – действительно строятся по законам своеобразной игры: пророчество произнесено, и, каким бы смешным и нереальным оно ни казалось, героиня в него поверила, а следовательно, оно не могло не исполниться. Поэтому А.С. Грин подчёркивает неслучайность происходящего, иронически замечая:

Так, – случайно (выделено автором – *А.К.*), *как говорят люди, умеющие читать и писать, Грэй и Ассоль нашли друг друга утром летнего дня, полного неизбежности* [3, с. 172].

Лексема «игра» в значении ***жизнь/судьба*** – ещё один центр в структуре ядра ТМП «Алых парусов» (наряду с двумя другими «ядерными» метафорами ***душа – сердце*** и ***мир мечты (рай) – блистательная страна***), а словосочетание *полного неизбежности*, указывающее на судьбоносный характер описываемых событий и отсылающее, опять же, к центральной метафоре произведения, относится к дальней периферии метафорического поля. На ней находятся и выделенные слова и содержащие их контексты в других фрагментах из «Алых парусов»:

– Вы видите, как тесно сплетены здесь ***судьба****, воля и свойство характеров; я прихожу к той, которая ждёт и может ждать только меня, я же не хочу никого другого, кроме неё, может быть именно потому, что благодаря ей я понял одну нехитрую истину* [3, с. 187] (слова Грэя).

Тут только он уяснил себе, что в лице

девочки было так пристально отмечено его впечатлением. «Невольное ожидание прекрасного, ***блаженной судьбы****», – решил он* [3, с. 137] (размышления Эгля об Ассоль).

В «Алых парусах» игра «появляется в самые напряжённые моменты развития сюжета», отмечает А. Жуков [4; Электронный ресурс].

О том, что «игра» в феерии – ключевое понятие, пишет и Е.А. Яблоков в книге «А.С. Грин в жизни и творчестве»: «Грин рисует в повести «реальное чудо» – цепь «небывалых» событий, в которых, однако, нет ничего фантастического; причиной того, что они произошли, явилась общая *игра* (выделено автором – *А.К.*)» [9, с. 34].

Далее исследователь описывает этапы этой «игры» – основные звенья истории корабля с алыми парусами.

А как появляются «люди, умеющие читать и писать» – лишённые способности мечтать и не признающие ничего, кроме очевидного, взрослые, причём взрослые с самого рождения, на наш взгляд, объяснено в двух других отрывках из «Алых парусов»:

По всем его (работника магазина игрушек – *А.К.*) *словам выходило, что дети в играх только подражают теперь тому, что делают взрослые.*

– Теперь дети ***не играют****, а учатся. Они все учатся, учатся и никогда не начнут жить. Все это так, а жаль, право, жаль* [3, с. 165].

Отсюда – ещё одно метафорическое значение лексемы «игра» (также относящееся к **центру** ТМП): ***игра – подлинная жизнь.***

Выходит, что, согласно замыслу «Алых парусов», каждый человек стоит перед выбором, по какому пути пойти: *1) игра, воображение – подлинная жизнь; 2) подражание – путь в никуда***.** И только первый путь может привести к настоящему счастью: тот, кто умеет играть, способен мечтать и верить, а в мире Грина каждый получает «по вере своей».

В работе «По вере вашей да будет вам («Алые паруса» А.С. Грина: православный взгляд)» А. Смоленцев так характеризует главную героиню феерии: «Ассоль – это деятельность мечты. Но что такое деятельная мечта? Это вера. Вера – есть высшая мера мечты. Ассоль не мечтает. Она верит. То есть знает – корабль неизбежно придет за ней. И именно вера делает ее непохожей на остальных, именно вера поднимает её над обыденностью. И именно вера Ассоль делает этот образ равнозначным, равновеликим образу Грэя» (Цит. по: [9, с. 34]).

«Люди, умеющие читать и писать» – это те, кто в детстве не научился играть. Им в феерии противопоставлены Ассоль и Грэй, вдоволь игравшие в детстве, причём, в силу различных обстоятельств, в одиночестве, «в своём мире», что не могло не развить воображение.

Эти герои продолжают играть и став взрослыми, каждый миг их жизни наполнен фантазией. Так, чтение книги превращается для Грэя в беседу с её автором:

Под вечер он уселся в каюте, взял книгу и долго возражал автору, делая на полях заметки парадоксального свойства. Некоторое время его забавляла эта ***игра****, эта беседа с властвующим из гроба мертвым* [3, с. 154].

Таким образом, у метафоры ***жизнь – игра*** есть ещё одно значение, также находящееся в **центре** метафорического поля: ***изменение мира или чьей-то отдельной судьбы***. Это значение способно дифференцироваться далее на подзначения, которые образуют **ближнюю периферию**. Одно из них – ***оживление/воскресение чего-либо, кого-либо*** – реализуется в вышеприведённом отрывке.

Оживить игрушки, которые она изготавливает, мечтает и Ассоль:

– Я, – говорит, – так хочу изловчиться, чтобы у меня на доске сама плавала лодка, а гребцы гребли бы по-настоящему; потом они пристают к берегу, отдают причал и честь-честью, точно живые, сядут на берегу закусывать [3, с. 162].

Но в данной цитате на первый план выходит другое подзначение существительного «игра» ***– творение/пересоздание мира или чьей-то отдельной судьбы.*** Наречие *по-настоящему* и сравнительный оборот *точно живые,* соотносящиеся по смыслу с этим подзначением, принадлежат к дальней периферии текстового метафорического поля. При этом последний является маркером ирреальности, указывающим на то, что действие происходит в собственном мире героини.

Но игра у А.С. Грина способна не только создавать воображаемый мир, но и пересоздавать мир реальный. Именно эта мысль, на наш взгляд, и лежит в основе замысла «Алых парусов»: «Грин настаивает на благотворной власти игры (выделено автором – *А.К.).* С его точки зрения, игра – воплощение гармонии

человека и бытия, высшей, божественной полноты существования. Игра не пустая забава, а один из способов пересоздания мира на "светлых" основаниях. Игровое не значит "ненастоящее"» [9, с. 35].

«Жизнь – игра», и, говоря: «чёрную **игрушку** я сделал, Ассоль» [3, с. 130], Лонгрен не столько метафорически объясняет свой поступок на языке, понятном его маленькой дочери, сколько отсылает нас к авторскому замыслу. Отец Ассоль карает Меннерса за то, что тот когда-то не помог его жене Мэри, и в момент мщения, вероятно, чувствует, что исполняет волю провидения. Ведь он не убивает Меннерса, а позволяет случиться тому, что, по его мнению, должно случиться – таковы правила игры, которая зовётся жизнью. Меннерс не получает помощи потому, что некогда не помог сам. Но не спасти гибнущего от верной смерти – преступление. Это чёрное пятно на совести, и Лонгрен, понимая это, признаётся дочери в том, что сделал «чёрную игрушку».

И вновь перекличка: роль провидения с самого детства берёт на себя и Грэй:

...тип рыцаря причудливых впечатлений, искателя и чудотворца, т.е. человека, взявшего из бесчисленного разнообразия ролей жизни самую опасную и трогательную – ***роль провидения*** (дальняя периферия – *А.К.*), *намечался в Грэе еще тогда, когда, приставив к стене стул, чтобы достать картину, изображавшую распятие, он вынул гвозди из окровавленных рук Христа, т.е. попросту замазал их голубой краской, похищенной у маляра* [3, с. 142].

Но его «игрушки» – другого цвета:

Этот совершенно чистый, как алая утренняя струя, полный благородного веселья и царственности цвет являлся именно тем гордым цветом, какой разыскивал Грэй. В нем не было смешанных оттенков огня, лепестков мака, игры фиолетовых или лиловых намеков; не было также ни синевы, ни тени – ничего, что вызывает сомнение. Он рдел, как улыбка, прелестью духовного отражения [3, с. 174–175].

Таким образом, *онтологические*, с точки зрения когнитивистики, метафорические конструкции (их основу, отмечают Дж. Лакофф и М. Джонсон, «составляет опыт восприятия физических объектов и их свойств»), прежде всего те, при помощи которых мечты, поступки, занятия человека и сам человек осмысляются как игрушки, в произведениях А.С. Грина выполняют концептуализующую функцию, а также являются средством экспликации в тексте ещё более значимой *структурной* метафоры ***жизнь – игра*** – ключевой для понимания смысла феерии «Алые паруса».

Следовательно, построение текстового метафорического поля – достаточно перспективный метод анализа концептуальной структуры прозы А.С. Грина, где доминантой является метафорический тип значения. Использование данного метода наиболее оправдано при исследовании текстов, в которых реализуется несколько ключевых метафор (т.е. произведений с полицентричными ТМП), особенно если хотя бы одна из входящих в состав данных метафор лексем имеет несколько переносных значений.

Список литературы

1. Абрамов В.П. Семантические поля русского языка / Академия пед. и соц. наук, Кубанский гос. ун-т. М.; Краснодар, 2003. 337 с.

2. Виноградов В.В. О языке художественной прозы: Избранные труды. М.: Наука, 1980. 360 с.

3. Грин А.С. Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. Екатеринбург: КРОК-Центр, 1993.

4. Жуков А. Игра в произведениях Грина «Алые паруса» и «Бегущая по волнам». [Электронный ресурс]. URL: http://grin.lit-info.ru/grin/kritika/zhukov-igra-v-proizvedeniyah-grina.htm (дата обращения: 21.07.2017).

5. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.

6. Левин Ю.И. Структура русской метафоры // Левин Ю.И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 457–463.

7. Новиков Л.А. Современный русский язык. Теоретический курс: Лексикология. М., 1987.

8. Рожков В.В. Метафорическая художественная картина мира А. и Б. Стругацких (на материале романа «Трудно быть богом): дис. …канд. филол. наук. 2007. Электронный ресурс. Точка доступа: http://www.plam.ru/nauchlit/metaforicheskaja_hudozhestvennaja_kartina_mira_a_i_b_strugackih_na_materiale_romana_trudno_byt_bogom/p3.php#metkadoc19

9. Яблоков Е.А. А.С. Грин в жизни и творчестве. М.: Русское слово – учебник, 2012. 112 с.
10. Якобсон Р. Доминанта // Хрестоматия по теоретическому литературоведению. Т. 1. Тарту, 1976.

METAPHORICAL TEXT FIELD OF THE TALE "SCARLET SAILS" BY ALEXANDER GREEN

This study is an attempt to consider the most famous work of A.S. Green in the light of a common language metaphor «life is a game». This metaphor has received a new life in the work of this author and is a cross-cutting issue for many of his works, such as the novels "The Shining world" and "Running on the waves", the stories "Toy" and "Green light" and the tale "Scarlet sails", etc. The article makes a conceptual analysis of the tale "Scarlet sails" by Alexander Green. This research is made by constructing a metaphorical text field. The dominant role of the metaphor fulfills many functions in the author's works: text-forming, conceptualizing, style-forming, miraculous, semantic, characterizing, plot-forming, aesthetic, function of title, etc. The article includes the key metaphors for the tale and for all the works of A.S. Green's. These metaphors form the core of a metaphorical text fields of the story "Scarlet sails". The research also pays attention to the metaphors that make up the center, near and far periphery of the field. The interpretation of the individual author's metaphors and linguistic metaphors in the texts of A.S. Green is given. In addition, the metaphors that are used in the tale are analyzed from the point of view of structural and semantic classification of J.I. Levin and from the standpoint of cognitive science: we mean the typology of metaphors developed by G. Lakoff and M. Johnson.
Keywords: metaphor, metaphorical construction, metaphorical text field, A.S. Green, Scarlet sails, dominant.

References

1. Abramov, V.P (2003). Semanticheskie polya russkogo yazyka [The semantic field of the Russian language]. Akademiya ped. i soc. nauk, Kubanskij gos. un-t. M.; Krasnodar, 337 s.
2. Vinogradov, V.V. (1980). O yazyke hudozhestvennoj prozy: Izbrannye trudy [About the language of fiction: Selected works]. M.: Nauka, 360 s.
3. Grin, A.S. (1993) Sobr. soch.: V 6 t. Ekaterinburg: KROK-Centr, 1.
4. Zhukov, A. Igra v proizvedeniyah Grina «Alye parusa» i «Begushchaya po volnam» [The game is in the works of green's "Scarlet sails" and "Running on waves"]. Retrieved 17 August, 2017 from http://grin.lit-info.ru/grin/kritika/zhukov-igra-v-proizvedeniyah-grina.htm.
5. Lakoff, Dzh., Dzhonson, M. (2004). Metafory, kotorymi my zhivyom [Metaphors that we live in]. M.: Editorial URSS, 256 s.
6. Levin, Yu.I. (1998). Struktura russkoj metafory [The structure of Russian metaphor] // Levin Yu.I. Izbrannye trudy. Poehtika. Semiotika. M.: Yazyki russkoj kul'tury, 457–463 s.
7. Novikov, L.A. (1987). Sovremennyj russkij yazyk. Teoreticheskij kurs: Leksikologiya [Modern Russian language. Theoretical course: Lexicology]. M.
8. Rozhkov, V.V. (2007). Metaforicheskaya hudozhestvennaya kartina mira A. i B. Strugackih (na materiale romana «Trudno byt' bogom): dis. …kand. filol. nauk. Retrieved 10 August, 2017 from http://www.plam.ru/nauchlit/metaforicheskaja_hudozhestvennaja_kartina_mira_a_i_b_strugackih_na_materiale_romana_trudno_byt_bogom/p3.php#metkadoc19.
9. Yablokov, E.A. (2012). A.S. Grin v zhizni i tvorchestve [A.S. Green in life and work]. M.: Russkoe slovo – uchebnik, 112 s.
10. Yakobson, R. (1976). Dominanta [Dominant] // Hrestomatiya po teoreticheskomu literaturovedeniyu [Readings in theoretical literature]. Tartu, 1.

Об авторе

Ключерова Анастасия Олеговна – аспирант 3 курса института филологии, Московский педагогический государственный университет, E-mail: nastycrow@yandex.ru

Klyucherova Anastasiya Olegovna – postgraduate student of 3rd course of the University of Philology, Moscow State Pedagogical University, E-mail: nastycrow@yandex.ru

УДК 482+420+41

Митина О.А., кандидат филологических наук, Брянский государственный университет имени И.Г. Петровского (Россия)

НАПОЛНЕНИЕ МИКРОПОЛЯ ПРОШЕДШЕГО СОВЕРШЕННОГО В ПЕРФЕКТНОМ ЗНАЧЕНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ ВЕРСИЙ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В.В.НАБОКОВА)

Статья посвящена описанию семантического потенциала и функционирования конституентов микрополя прошедшего совершенного времени в перфектном значении в передаче отношений плана прошедшего в русском языке в сопоставлении с английским. Вопрос об общих и различных чертах в русских и английских средствах репрезентации предшествования представляет особый интерес для нашего исследования. Материалы и выводы статьи могут быть использованы в практике преподавания русского и английского языков как неродных.
Ключевые слова: семантика предшествования, функционально-семантическое поле, функционально-семантическое микрополе прошедшего времени, семантический вариант, прошедшее совершенное в перфектном значении.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью уточнить содержательные и структурные характеристики микрополя прошедшего времени в указанных языках с целью выявления национально-культурных особенностей в выражении семантики предшествования.

Данная статья связана с проблемами описания одного из частных значений (семантических вариантов) прошедшего времени с точки зрения полевого устройства и отражения в них некоторых особенностей менталитета носителей данных языков.

Одним из микрополей 1-ой ступени функционально-семантического поля (ФСП) темпоральности является функционально-семантическое микрополе прошедшего времени (ФСМПВ), в рамках которого в русском языке выделяются два микрополя 2-ой ступени: прошедшего совершенного (ФСМПСВ) и несовершенного (ФСМПНСВ), каждое из которых включает в свой состав микрополя 3-ей ступени, их образуют семантические варианты (частные значения) прошедшего совершенного и несовершенного [3].

Основная цель статьи – выявление содержательных и структурных характеристик одного из микрополей 3-ей ступени в рамках микрополя прошедшего времени, совокупности всех разноуровневых средств выражения предшествования и их системной организации в рамках обозначенного микрополя.

Задачи исследования: выявить отраженную в произведениях В.В. Набокова систему грамматических и лексических средств выражения семантики предшествования в русском и английском языках; рассмотреть семантический потенциал одного из частных значений прошедшего совершенного в русском языке и их реализацию в английском; сделать выводы об универсальных и специфических компонентах в средствах представления временных отношений плана прошедшего в русском и английском языках, как они отразились в анализированных текстах.

Указанные цель и задачи определили выбор методов и приемов исследования, включающих в качестве основных: контекстуальный анализ, поскольку актуализация темпоральных значений происходит именно в широком контексте; структурно-семантический метод; сравнительно-сопоставительный метод; приемы лингвистического (компонентного и дефиниционного) анализа, методика полевого анализа.

Одной из семантических разновидностей прошедшего совершенного является **прошедшее совершенное в перфектном значении,** выражающее прошлое действие, результаты которого актуальны для более позднего временного плана. Это значение имеет двойственную природу, с одной стороны, оно обозначает состояние как результат предшествующего действия, а с другой – само это действие, в контексте каждая из составляющих может актуализироваться [4]. Например:

Вдруг – сквозь полуоткрытую дверь нежный смешок Лолиты: «Не говорите маме, но ***съела*** *весь ваш бекон»* [6, с. 311];

And then comes Lolita's soft sweet chuckle through my half-open door "Don't tell Mother but ***I've eaten*** *all your bacon."* [7, с. 50].

"Ты ***напугала*** *нас", сказала Шарлотта*

[6, с. 358];

*"You **scared** us", said Charlotte* [7, с. 88].

Как видно, глагол не столько называет завершенное действие, сколько характеризует актуальность последствий.

В английском в первом случае действие представлено через Present Perfect, служащий для представления семантики актуальности последствий прошлого действия для настоящего. Во втором английском примере употребляется Past Simple, что подтверждает отмеченную исследователями способность этой формы в современном американском английском выражать перфектное значение. В данном случае возможность использования этой формы обусловлена конкретностью ситуации: действие и его результат объединены речевым актом.

А в следующем случае выражено прошедшее совершенное с оттенком статальной перфектности:

*Канитель с разводом заставила меня отложить отплытие, и мрак еще одной Мировой Войны уже **окутал** земной шар, когда <…> я наконец достиг берегов Америки* [5, с. 289] выражена актуальность последствий предшествующего действия для более позднего прошлого времени. В последнем случае иногда говорят о *плюсквамперфектном* значении. В данном случае важно наличие лексемы *'уже'*, которая задает точку отсчета, способствует актуализации значения результативности.

В английском предложении:

*Divorce proceedings delayed my voyage, and the gloom of yet another World War **had settled** upon the globe when <…> I at last reached the States* [5, с. 32] употребляется форма Past Perfect, обоих языках здесь налицо таксисные отношения (отношения разновременности).

Семантика актуальности последствий предшествующего действия для настоящего, как правило, поддерживается в контексте сочетаемостью анализируемой формы с формами настоящего актуального [2, с. 241], например:

*Хочу знать, если ваша бедняжка-жена, или вы сами, или кто-либо другой в семье,<…> **объяснил** ли ей какой-нибудь член семьи, как собственно происходит размножение у млекопитающих?* [6, с. 487]. Здесь *'хочу знать'* не только представляет настоящее актуальное, но и способствует привнесению в глагол прошедшего времени оттенка признаковости (ср.: *хочу знать…объяснил ли = знает ли она*).

*I want to know if your poor wife, or yourself, or anyone else in the family <…> **has instructed** Dolly in the process of mammalian reproduction* [7, с. 195]. В английском находим форму Present Perfect.

Перфектное значение прошедшего совершенного может иметь качественный, квалифицирующий оттенок:

*Я переспросил: «Простите, между какими зонами?» – «Вот это **заговорил** в вас старомодный европеец!» возгласила Праттша*…[6, с. 485] (ср. функционирование элементов *вот, это*, которые несут значение настоящего времени, актуализируя семантику перфектности глагола *'заговорил'* (см. выше));

"I beg your pardon," I said, "What zones?" – "That's the old-fashioned European in you!" cried Pratt… [7, с. 194]. В английском варианте глагол опущен, что также является средством выражения состояния.

Особого внимания заслуживает наиболее характерный и специфический тип перфектного значения – перфектное значение с основным оттенком состояния:

*« Я **промокла** насквозь», заявила она громким голосом* [6, с. 503];

*"I'**m drenched**," she declared at the top of her voice* [7, с.207].

В данных примерах констатируется физическое состояние субъектов, причем в английских предложениях состояние выражено при помощи страдательного залога (*am drenched*). Кроме того, в русских предложениях в этом случае перфектное значение ПСВ выражено относительно изолированными формами глаголов.

Краткие страдательные причастия могут указывать на актуальность последствий прошлого действия, обозначая отсутствие чего-либо в настоящем: *«Где ключ?» – «**Спрятан**»* [6,с. 363];

*"Is there a key" – "**Hidden**."* [7,с. 92]. В английском употреблено причастие II (Participle II).

Аналитические причастно-страдательные формы, содержащие элемент 'был',

являются средством выражения перфектной семантики:

Мозги у нас ***были настроены*** *в тон умным европейским подросткам того времени и той среды, и я сомневаюсь, чтобы можно было сыскать какую-либо индивидуальную талантливость в нашем интересе ко множественности населенных миров, теннисным состязаниям, бесконечности, солипцизму и тому подобным вещам* [5,с. 264];

Our brains ***were turned*** *the way those of intelligent European preadolescents were in our day and set, and I doubt if much individual genius should be assigned to our interest in the plurality of inhabited worlds, competitive tennis, infinity, solipsism and so on* [5, с. 12].

В английском находим пассивные конструкции прошедшего времени.

В вышеприведенных примерах контекст указывает на актуальность последствий действий, обозначенных причастно-страдательными конструкциями.

Аналитические причастно-страдательные формы типа *рассмотрен* также могут выражать временную отнесенность к плану прошлого, если в зависимости от контекста доминирует элемент «прошедшее действие с результатом, актуальным для настоящего» (акциональная разновидность перфектного значения) [1]:

*«****Принято*** *большое решение. Но сначала угости-ка меня кока-колой, папочка…. Вот что я решила. Хочу переменить школу* [6, с.502] (результат – желание переменить школу);

"A great decision ***has been made****. But first buy me a drink, dad. Look, I've decided something. I want to leave school"* [7, с. 207]. В английском варианте употреблена форма Present Perfect Passive, которая служит для указания на наличие результата прошлого действия в настоящем.

Сравним функционирование **полного страдательного причастия** при выражении значения прошлого действия с результатом, актуальным для настоящего:

«Ах, воскликнула она, – ***раздавленная*** *белочка! Как это жалко…»* [6, с. 421]. Настоящее актуальное (оценка действия) и междометие (реакция героини на действие) указывают на результат.

Также в английском:

"Oh, a ***squashed*** *squirrel," she said. "What a shame."* [7, с. 140]

Деепричастия совершенного вида выражают перфектное значение. Например:

Однако ***поинтересовавшись****, сколько я готов выложить, она* ***соизволила*** *обещать познакомить меня с лицом, которое «могло бы устроить дело»* [6, 278]. В данном случае второстепенное действие, выраженное деепричастием, предшествует основному. Кроме того, дальнейший контекст указывает на актуальность последствий действия, обозначенного деепричастием.

В английском варианте:

…however, ***after asking*** *me what price I was prepared to disburse, she* ***condescended*** *to put me in touch with the person qui pourrait arranger la chose* [7, с. 23] русскому деепричастию совершенного вида соответствует **герундий** с предлогом '*after*', наличие последнего указывает на предшествование действия, выраженного данной *ing*-формой.

Причастие прошедшего времени в русском языке и Participle II в английском может находиться в препозиции по отношению к слову, которое они поясняют:

Разорившиеся *русские княгини не могли заплатить моему отцу, но покупали мне дорогие конфеты* [5, с. 263];

Ruined *Russian princesses, who could not pay my father, bought me expensive bonbons* [5, с. 10]. В данном случае русское и английское причастия указывают на состояние, которое является результатом прошлого действия, т. е. анализируемые формы содержат сему перфектности.

Рассмотренный материал показывает, что семантика **перфектности** может поддерживаться сочетаемостью прошедшего совершенного с формами настоящего несовершенного (настоящего актуального), семантикой самих глаголов в ПСВ и других членов предложения.

Аналитические причастно-страдательные формы, содержащие элемент 'был', являются средством выражения перфектной семантики. Краткие страдательные причастия могут указывать на актуальность последствий прошлого действия, обозначая отсутствие чего-либо в настоящем. Аналитические причастно-страдательные формы типа *рассмотрен*, полное страдательное причастие

также могут выражать временную отнесенность к плану прошлого, если в зависимости от контекста доминирует элемент «прошедшее действие с результатом, актуальным для настоящего». Деепричастия совершенного вида могут нести перфектное значение. Причастие прошедшего времени в русском языке могут указывать на состояние, которое является результатом прошлого действия.

В английском языке для обозначения актуальности последствий предыдущего действия для настоящего временного плана употребляется Present Perfect (ядерный конституент системы), а также Past Indefinite. Плюсквамперфектному значению в русском языке соответствует английский Past Perfect. Для выражения состояния в английских предложениях зачастую используется глагол-связка *to be* в различных конструкциях. Предшествование второстепенного действия основному может быть выражено в английском при помощи перфектной формы причастия первого, герундия с предлогом *'after'*. Participle II может указывать на состояние, которое является результатом прошлого действия.

Семантика предшествования носит межъязыковой характер и ее полевые репрезентации в русском и английском языках могут быть представлены как варианты одной и той же схемы.

Исследование семантического потенциала конституентов микрополя прошедшего времени в указанных языках позволило более четко обрисовать границы рассматриваемого микрополя. Было выявлено, что все компоненты его обладают общей семой «предшествование», которая и выступает семантическим базисом ФСМПВ.

Русский и английский языки располагают весьма многочисленными и разнообразными средствами отнесения действий, процессов, состояний к прошлому, при этом наличие средств разных языковых уровней, способных обозначать прошедшее время, не создает ни в одном из названных языков избыточности.

Список литературы

1. Маслов Ю.С. Результатив, перфект, глагольный вид / Ю.С. Маслов // Типология результативных конструкций: (результатив, статив, пассив, перфект). – Л., 1983. — с. 41–54.

2. Митина О.А. К вопросу о национально-культурных компонентах при выражении семантики темпоральности в русском и английском языках (на материале русской и английской версий романа В.В. Набокова «Лолита») // Русская речь в современном вузе: Сборник материалов Второй международной научно-практической интернет-конференции / Отв. ред. д.п.н., проф. Б.Г. Бобылев. – Орел: Орел ГТУ, 2006. – С. 240-244.

3. Митина О.А. Лингвокультурологический аспект в описании семантики предшествования в русском и английском языках. // Вестник Брянского государственного университета. – Брянск: РИО БГУ, 2013.

4. Митина О.А. Семантика предшествования в рамках микрополя прошедшего времени в русском и английском языках (на материале русских и английских версий произведений В.В. Набокова): Дисс. … канд. филол. наук. – Брянск, 2010. – 202 с.

5. Набоков В. Другие берега: Мемуары (с параллельной публикацией английской версии) / В. Набоков. – М.: Захаров, 2004. – 448 с.

6. Набоков В. В. Лолита. – М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. – 656 с.

7. V. Nabokov. Lolita. – Penguin, 2000. – 331с.

THE CONSTITUENTS OF THE PAST PERFECT TENSE MICRO FIELD (ON THE BASIS OF RUSSIAN AND ENGLISH VERSIONS OF V.NABOKOV'S WORKS)

The article is an attempt to describe the semantic potential and functioning of the constituents of one of the third-stage micro fields within the micro field of past tenses in the process of expression of the semantics of precedence in Russian in comparison with English. The ideas and conclusions of the paper can be used in the experience of teaching Russian and English as foreign languages.

Keywords: the semantics of precedence, functional-semantic field, the past-tense micro field, semantic variant, the past perfect tense.

References

1. Maslov, Yu.S. (1983). Rezul'tativ, perfekt, glagol'nyy vid [Result, perfect, verb form]. L.
2. Mitina O.A. (2006). K voprosu o natsional'no-kul'turnykh komponentakh pri vyrazhenii semantiki temporal'nosti v russkom i angliyskom yazykakh (na materiale russkoy i angliyskoy versiy romana V.V. Nabokova «Lolita») [On the issue of national cultural components in the expression of the semantics of temporality in Russian and English languages (on the material of the Russian and English versions of the novel by V. Nabokov "Lolita")] // *Russkaya rech' v sovremennom vuze: Sbornik materialov Vtoroy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy internet-konferentsii* [*Russian speech in the modern university: Collected materials of the second international scientific- conference*]. Orel: Orel GTU, 240-244
3. Mitina O.A. (2013). Aspekt kul'turnykh issledovaniy v opisanii semantiki prioritetnosti na russkom i angliyskom yazykakh. [The Aspect of Cultural Studies in the description of semantics of precedence in Russian and English]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta* [*Bulletin of Bryansk State University*]. Bryansk: RIO BGU.
4. Mitina O.A. (2010) Semantika predshestvovaniya v ramkakh mikropolya proshedshego vremeni v russkom i angliyskom yazykakh (na materiale russkikh i angliyskikh versiy proizvedeniy V.V. Nabokova): dis… kand. filol. nayk. Bryansk. 202 s.
5. Nabokov V. (2004) Drugiye berega: Memuary (s parallel'noy publikatsiyey angliyskoy versii) [Other Shores: Memoirs (with parallel publication of the English version)]. Moscow: Zakharov.
6. Nabokov V. V. (1999) Lolita [Lolita]. Moscow: EKSMO-Press.
7. V. Nabokov. Lolita. – Penguin, 2000. – 331c.

Об авторе

Митина Ольга Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и методики его преподавания, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: agloanitim@mail.ru

Mitina Olga Alexeevna – Candidate of Philology, Assistant Professor of English and Methodology of Its Teaching Department, Bryansk State University named after acad. I. G. Petrovsky (Russia), E-mail: agloanitim@mail.ru

УДК 811.133.1’28

Ретинская Т.И., доктор филологических наук, доцент, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева (Россия)

АРДЕННСКИЙ РЕГИОНАЛИЗМ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ (НА МАТЕРИАЛЕ СБОРНИКА РАССКАЗОВ ЯННИ ЮРО «LA ROUE À CHIEN»)*

В статье анализируются арденнские регионализмы, извлеченные из сборника рассказов «La Roue à chien» Янни Юро, писателя и журналиста департамента Арденны региона Гранд-Эст (Франция). Неоднократно апробированная модель репрезентации различных синхронических пластов регионального языкового субстрата в ткани художественного и публицистического текстов включает три компонента: 1) описание тематической композиции произведения; 2) определение концентрации и частотности регионализмов; 3) выявление доминирующих и спорадических способов актуализации семантического содержания регионализмов, функционирующих в тексте рассказов. Результаты изучения проникновения единиц региолектного вокабуляра в обозначенный художественный текст позволяют осуществить сопоставительный анализ регионализмов, используемых региональными авторами, и продолжить исследование жизнеспособности территориального варианта национального языка. При проведении полевого эксперимента применялись такие методы работы «в поле», как включенное наблюдение, интервьюирование, письменное анкетирование и метод «свой от своего». Вся информация о специфических лексических единицах отражена в региолектографической картотеке, включая указание на высокую, среднюю или низкую витальность лексического фонда.

Ключевые слова: арденнский региолект, регионализм, художественный текст, писатель-областник, Янни Юро, семантизация региональной лексемы, методы полевого исследования, витальность лексической единицы.

Включение регионализмов в художественный текст является надежным средством, позволяющим сохранить единицы регионального языкового субстрата и увековечить память о специфическом познании жизни носителей регионального варианта национального языка. Сборник рассказов «La Roue à chien» арденнского писателя и журналиста Янни Юро (род. 1939) вносит существенный вклад в документирование элементов «нематериального культурного наследия» («*patrimoine culturel immatériel*» [11]).

Описательно-аналитический и сравнительно-сопоставительный методы – основные методы, применяемые для анализа исследуемого сегмента арденнского региолекта, – позволяют выявить специфику функционирования регионального слова в художественном тексте. Наиболее действенными методами полевого эксперимента, направленного на определение степени витальности лексического фонда, являются такие методы работы «в поле», как включенное наблюдение, интервьюирование, письменное анкетирование и метод «свой от своего». По мере надобности используются также методы сплошной выборки и симптоматической статистики.

Результаты изучения проникновения локально ограниченных лексических единиц в обозначенный художественный текст позволяют осуществить сопоставительный анализ регионализмов, используемых региональными авторами, и продолжить исследование жизнеспособности территориального варианта национального языка. Вся информация о специфических лексических единицах отражена в региолектографической картотеке, включая указание на высокую, среднюю или низкую витальность лексического фонда.

Алгоритм описания синхронического пласта регионального языкового субстрата в ткани художественного текста включает три компонента: 1) описание тематической композиции произведения; 2) определение концентрации и частотности регионализмов; 3) выявление доминирующих и спорадических способов актуализации семантического содержания регионализмов, функционирующих в анализируемом тексте.

Модель полипарадигмального исследования лексико-стилистической подсистемы в системе художественного произведения впервые предложена Э.М. Береговской [1]. Вышеназванные критерии описания локально ограниченных лексем применялись

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 16-04-50078.

при характеристике региолектного словаря писателей-областников Жозефа Крессо [2], Жана Рожиссара [3] и Ива Жибо [4].

В нашей статье мы представляем результаты анализа арденнских регионализмов, извлеченных из сборника рассказов «La Roue à chien» Янни Юро, писателя и журналиста департамента Арденны региона Гранд-Эст.

Прежде всего охарактеризуем тематическую композицию обозначенного произведения. Сборник состоит из семи рассказов, повествующих о детских годах автора, проведенных в деревне Жеспонсар (*Gespunsart*), расположенной на границе с Бельгией. Основные события происходят в первые годы после Второй мировой войны, вместе с тем рассказчик делится воспоминаниями своих родственников о Первой мировой войне. Читатель с первых страниц сборника рассказов погружается в атмосферу жизни жителей удаленной от крупных населенных пунктов арденнской коммуны, окруженной массивными лесами, которые необходимо было преодолевать, чтобы попасть в соседнее государство. Жителей приграничной деревни интересовали кофе, шоколад и сигареты, так как эти товары стоили гораздо дешевле, чем во Франции: все взрослое население довольно часто совершало покупки, чтобы обеспечить свои семьи. В большинстве случаев селяне возвращались в деревню пешком, пытаясь избежать встречи с патрулирующими лесной массив таможенниками, чтобы не платить таможенную пошлину.

Отдельный рассказ посвящен трудовой деятельности кузнецов и гвоздарей, которыми славилась эта арденнская деревня. Немаловажную роль Я. Юро отводит описанию особенностей крестьянского быта, характеристике ландшафта и природных условий, обеспечивающих жизнь сельскому населению. Обращает на себя внимание и репрезентация индивидуальных прозвищ односельчан, их положительных и отрицательных качеств.

Параллельно со знакомством с тонкостями народной жизни читатель осваивает специфику бытования арденнского идиома. Словарь регионализмов, зафиксированных в сборнике рассказов «La Roue à chien», состоит из 189 единиц, которые дают 321 словоупотребление. Следует упомянуть о том, что анализ региональных лексем, включенных в ткань художественного текста, осуществлен на основе детального изучения пяти лексикографических источников [5; 6; 8; 9; 10].

Я. Юро вводит элементы регионального языкового субстрата в высокой концентрации (1 регионализм: 10 до 100 слов). Частотные единицы анализируемого словаря представлены в таблице 1.

Таблица 1

Частотные регионализмы сборника рассказов Я. Юро «La Roue à chien»

№ п/п	*Регионализм*	*Количество словоупотреблений*
1.	*gamin n.m.* ‘сын’, ‘мальчик’	11
2.	*boutique n.f.* ‘завод ’	10
3.	*sart n.m.* ‘пай земли, на который может претендовать житель коммуны’	9
4	*baraque n.f.* ‘постоялый двор на территории бельгийских приграничных сельских населенных пунктов’	8
5.	*usoir n.m.* ‘широкий тротуар’ (часть улицы, расположенной перед частным домом, которую хозяин дома может использовать по своему усмотрению)	8
6.	*beuquette n.f.* ‘овальное окно, находящееся над раковиной, через которое хозяин дома тайком наблюдает за происходящим на улице во время мытья посуды’	6
7.	*sart n.m.* ‘делянка под вырубку леса, на которую может претендовать любой житель коммуны’	9
8.	*gabelou n.m.* ‘таможенник’	5
9.	*chite d’oye n.f.* ‘гусиный помет’	4
10.	*Naigre-Naigre n.m.* ‘чернокожий американец’	4
11.	*pétons n.m.pl* ‘металическая стружка’	4
12.	*rouhaiter v.t.* ‘смотреть’	4
13.	*ran n.m.* ‘помещение для содержания свиней’	4
14.	*salle n.f.* ‘столовая’ (комната)	4
15.	*aragne n.f.* ‘женщина-таможенник’	3

16.	*cabouleye n.f.* ‘корм для свиней’	3
17.	*camperche n.f.* ‘деревянная перекладина’	3
18.	*chépois n.m.* ‘пожухлая трава’	3
19.	*glassi n.m.* ‘раковина’	3
20.	*mouton n.m.* ‘механический молот’	3
21.	*route n.f.* ‘картофельная грядка’	3
22.	*yauque loc. indéf.* ‘что-то’, ‘кое-что’	3

Отдельно остановимся на способах семантизации территориально ограниченных в употреблении единиц, не входящих в общенациональный лексический фонд. Доминирующим приемом актуализации семантического содержания регионализмов является *авторский постраничный комментарий*. Приведем несколько примеров (процитированные в скобках слова оформлены в анализируемом тексте в виде постраничных сносок):

• La conservation de ce que nous appelons *cafuts et vi raladges* (*vieilles nippes et objets fichus*) [7, с. 54] (‘потрепанная одежда и предметы, не представляющие ценности’).

• Je me retrouvais seul dans *le guerni de la maijou* (*le grenier de la maison*) [7, с. 55] (‘чердак моего дома’).

• Dans le tonneau destiné au *faijeu d’goutte* (*distillateur de l’alambic*) [7, с. 55] (‘самогонный аппарат’).

• Madame Blanchet c’était lui offrir une promenade sur les *usoirs* du quartier (*larges trottoirs*) [7, с. 61] (‘широкие тротуары’).

• Attention, je n’étais pas *avant-balosse* pour un sou (*risque-tout*) [7, с. 82] (‘идущий на риск’, ‘не боящийся рисковать’).

• Tu l’introduis dans la *clouyère* (*Enclume spécifique du cloutier. Elle comprenait le pié d’étape, la place, le tranchet, la souche, le ressort plat*) [7, с. 108] (‘гвоздарная кузница’).

• Je me contentais de livrer les *guèrnouilles* au bourreau, sans broncher (*grenouilles*) [7, с. 130] (‘лягушка’).

• J’enveloppais le tout dans la serviette à carreaux de la *marinde* (*repas emporté le matin pour être mangé au sart*) [7, с. 147] (‘сухой паек для обеда на лесосеке’).

• Grâce à eux, je sais choper la truite à main nue dans les herbes et les cailloux *dou ruche* (*du ruisseau*) [7, с. 192] (‘ручеек’).

• Chacun de nous avait son *géra* ou son *agace* (*geai, pie*) [7, с. 235] (‘сойка’, ‘сорока’).

Посредством авторской ссылки рассказчик-повествователь вводит также перевод отдельных фраз переданной речи:

• *Va-t’a t’za cri une sauye* ! me criait le Gérard Pichalit (*Va-t’en me chercher une scie!*) [7, с. 60] (‘Принеси мне пилу!’).

• *Nous n’en ren, monsieur. Ou z’aimerait ben awoi yauque, mais nous n’en ren, nous, monsieur* (*Nous n’avons rien, monsieur. Nous aimerions bien avoir quelque chose, mais nous n’avons rien, nous, monieur*) [7, с. 181] (‘У нас ничего нет, господин. Мы бы предпочли, чтобы у нас было что-то, но у нас ничего нет, господин’).

• *Chais-tu gamin, quoi qu’elle z’est trouveye, la Grande Dame ?* (*Sais-tu gamin, ce qu’elle a trouvé, la Grande Dame ?*) [7, с. 200] (‘Ты знаешь, сынок, что нашла у меня таможенница?’).

К системным способам текстового пояснения следует отнести *перевод с регионолекта на литературный французский*. Регионализмы, декодированные в тексте, выделяются курсивом:

• La nouveauté, véritablement terrifiante, ce sont les *boutiques*, c’est-à-dire les usines [7, с. 29] (*usine* ‘завод’).

В свою очередь, при *переводе с литературного языка на регионолект* указание на территориально ограниченное слово может осуществляться посредством глагола *appeler* ‘называть’:

• Le long de la frontière, au fin fond des bois, des paysans belges avaient transformé leurs fermes en auberges. Nous les *appelions* les *Baraques*. Rien à voir avec des cabanes en planches ! Lourdes bâtisses, murs en schiste, toits d’ardoises, elles s’évertuaient à n’être que des maisons ordinaires. Belge, elle l’était toujours la *Baraque* ! Au millimètre près ! [7, с. 182] (*baraque* ‘постоялый двор на территории бельгийских приграничных сельских населенных пунктов’).

Многие регионализмы Я. Юро эксплицирует с помощью *серии перифраз*:

• Si vous saviez cette bise glaciale appelée *vent des Belges !* Certains jous d’hiver, notamment en février, dans le village belge de Sugny, elle pétrifie la source de la Goutelle avant de

fondre sur Gespunsart avec la férocité du Pyringue. Alors tout se fige, l'eau des étangs et le sang des veines ; tout le monde se fait petit, même le plus fort des chênes du Cauré, même le coq du grand clocher [7, c. 31] (*vent des Belges* 'пронизывающий ветер').

• La *battue*, c'était la fête de toutes les fêtes ! Si, avec ma gamelle et mon bâton, j'avais eu le droit de jouer du tam-tam dans les étoiles, j'aurais été le gamin le plus heureux de la planète [7, c. 121-122] ('ночной патруль для охраны картофельных полей от набегов кабанов, организованный жителями деревни').

Отдельные региональные лексемы инкорпорированы в ткань анализируемого текста *прямым (контекстуальным) методом*:

• À M. le curé, on avoue les choses interdites par le Bon Dieu, par exemple d'avoir maraudé les mirabelles dans l'enclos du presbytère ou exhibé sa gaule à *balosses* devant les copains [7, c. 170] (*balosse* 'слива').

Весь корпус регионализмов, извлеченных из сборника рассказов «La Roue à chien», использован для исследования жизнеспособности компонентов регионального лингвистического континуума. В полевом эксперименте, проведенном в июле-августе 2017 г., приняли участие 12 информантов, проживающих в коммунах Вузье (*Vouziers*), Лалоб (*Lalobbe*), Ла-Невиль-ле-Вазиньи (*La Neuville-lès-Wasigny*), Либреси (*Librecy*), Монмейан (*Montmeillant*), Синьи л'Аббеи (*Signy l'Abbaye*) департамента Арденны региона Гранд-Эст.

Вся информация о специфических лексических единицах отражена в региолектографической картотеке, включая указание на высокую, среднюю или низкую витальность лексического фонда. Так, только 11% регионализмов имеют маркировку «высокая витальность» (*grande vitalité*). 17% лексем были декодированы только при цитировании контекста: в региолектографической картотеке они имеют помету «средняя витальность» (*vitalité moyenne*). Бóльшая часть регилектного вокабуляра (73%) обладает низкой степенью живучести.

Итак, в ходе анализа региолектного словаря Я. Юро выявлено 189 регионализмов, с помощью которых писатель-областник описывает региолекторецептивные реалии определенного временного отрезка. Доминирующими способами инкорпорации территориально ограниченных лексем в текст сборника рассказов «La Roue à chien» являются такие способы семантизации специфического лексического фонда, как авторский постраничный комментарий, перевод с региолекта на литературный французский, перевод с литературного языка на региолект. Результаты изучения проникновения единиц региолектного вокабуляра в обозначенный художественный текст позволяют осуществить сопоставительный анализ регионализмов, используемых региональными авторами, и продолжить исследование жизнеспособности территориального варианта национального языка.

Автор выражает искреннюю благодарность коллективу Медиатеки имени Ива Коппенса коммуны Синьи л'Аббеи (Médiathèque Yves Coppens de Signy l'Abbaye), в частности директору Дидье Гийо и сотруднику Жордану Бийару, за предоставленную возможность работать с библиотечным фондом и помощь в подготовке и проведении полевого эксперимента.

Список литературы

1. Береговская Э.М. Социальные диалекты и язык современной французской прозы. Смоленск: СГПИ, 1975. 120 с.

2. Ретинская Т.И. Функционирование регионализмов в художественном тексте (на материале сборника рассказов Жозефа Крессо «Le Pain au lièvre») // Ученые записки Орловского государственного университета. 2014. № 1 (57). С. 276-279.

3. Ретинская Т.И. Авторский постраничный комментарий как прием текстуальной семантизации региональных лексем // Риторика и Лингвистика. Смоленск: СмолГУ, 2015. Вып. 11. С. 295-299.

4. Ретинская Т.И. Региолектный словарь Ива Жибо (на материале романа «Mourir idiot») // Ученые записки Орловского государственного университета. 2016. № 4 (73). С. 195-199.

5. Depecker L. Petit Dictionnaire insolite des mots régionaux. P. : Larousse, 2017. 304 p.

6. Huart D. Les patois de l'Est-Sedanais en particulier des cantons de Mouzon – Carignan et quelques villages limitrophes de la Meuse et de Belgique. Charleville- Mézières : Imprimerie ARDENN'OFFSET, 1988. 206 p.

7. Hureaux Y. La Roue à chien. Oullins : Chardon Bleu Éds, 1998. 288 p.

8. Tamine M., Cecconello R. Lexique / Tamine M., Cecconello R. // Rogissart J. Les Romans rustiques. T. 1. Charleville-Mézières : Éds Terres Ardennaises, 1994. P. 877-895.

9. Tamine M. Le parler des Ardennes. P. : Christine Bonneton Éditeur, 2006. 192 p.

10. Vauchelet A. Tous les patois des Ardennes. Vieux langages et vieilles choses. Charleville-Mézières : Imprimerie SOPAIC – Savreux, 1979. 270 p.

11. IIIe Table ronde des ministres de la culture « Le patrimoine culturel immatériel, miroir de la diversité culturelle » Istanbul, Turquie, 16-17 septembre 2002. [Электронный ресурс]. URL: http://portal.unesco.org/fr/ev.php-URL_ID=6209&URL_DO=DO_TOPIC&URL_SECTION=201.html (дата обращения: 23.08.2017)

ARDENNES REGIONALISM YESTERDAY AND TODAY (ON THE MATERIAL OF THE COLLECTION OF STORIES BY YANNY HUREAUX "LA ROUE À CHIEN")

The paper analyzes the Ardennes regionalisms, which is extracted from the collection of stories "La Roue à chien" by Yanny Hureaux Yanni Yuro, writer and journalist of the Department of the Ardennes region of Grand Est (France). Repeatedly tested model of representing different synchronic layers of the regional language substratum in the fabric of artistic and journalistic texts includes three components: 1) a description of the thematic composition of the work; 2) the determination of the concentration and frequency of regionalisms; 3) identification of dominant and sporadic ways of actualizing the semantic content of regionalisms functioning in the text of the stories. The results of studying the penetration of the units of the regiolect vocabulary into the designated artistic text make it possible to carry out a comparative analysis of regionalisms, which are used by regional authors, and to continue the study of the viability of the territorial variant of the national language. During the field experiment, such methods of work "in the field" were used, as included observation, interviewing, written questioning and the "from the initiate to the initiate" method. All information about specific lexical units is reflected in the regiolect-graphic card file, including an indication of high, medium or low vitality of the lexical fund.

Keywords: Ardennes regiolect, regionalism, artistic text, regional writer, Yanny Hureaux, semanticization of a regional lexeme, field research methods, vitality of a lexical unit.

References

1. Beregovskaya E.M. Sotsial'nyie dialekty i yazyk sovremennoj frantsuzskoj prozy [Social dialects and the language of modern French prose]. Smolensk: SGPI, 1975. 120 s.

2. Retinskaya T.I. Funktsionirovanie regionalizmov v hudozhestvennom tekste (na materiale sbornika rasskazov Zhozefa Kresso «Le Pain au lièvre») [Functioning of regionalisms in the fiction text (on the material of Joseph Cressot's storybook «Le pain au lièvre»)] // Uchenyie zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. № 1 (57). S. 276-279.

3. RetinskayaT.I. Avtorskiy postranichniy kommentariy kak priyom tekstual'noj semantizatsii regional'nyih leksem [Author's page commentas a method of textual semantization of regional lexemes] // Ritorika i Lingvistika. Smolensk: SmolGU, 2015. Vyp. 11. C. 295-299.

4. Retinskaya T.I. Regiolektnyiy slovar' Iva Zhibo (na materiale romana «Mourir idiot») [Regional vocabulary of Yves Gibeau (based on the novel "Mourir idiot")] // Uchenyie zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2016. № 4 (73). C. 195-199.

5. Depecker L. Petit Dictionnaire insolite des mots régionaux. P. : Larousse, 2017. 304 p.

6. Huart D. Les patois de l'Est-Sedanais en particulier des cantons de Mouzon – Carignan et quelques villages limitrophes de la Meuse et de Belgique. Charleville- Mézières : Imprimerie ARDENN'OFFSET, 1988. 206 p.

7. Hureaux Y. La Roue à chien. Oullins : Chardon Bleu Éds, 1998. 288 p.

8. Tamine M., Cecconello R. Lexique / Tamine M., Cecconello R. // Rogissart J. Les Romans rustiques. T. 1. Charleville-Mézières : Éds Terres Ardennaises, 1994. P. 877-895.

9. Tamine M. Le parler des Ardennes. P. : Christine Bonneton Éditeur, 2006. 192 p.

10. Vauchelet A. Tous les patois des Ardennes. Vieux langages et vieilles choses. Charleville-Mézières : Imprimerie SOPAIC – Savreux, 1979. 270 p.

11. IIIe Table ronde des ministres de la culture « Le patrimoine culturel immatériel, miroir de la diversité culturelle » Istanbul, Turquie, 16-17 septembre 2002. Retrieved 23 August, 2017 from http://portal.unesco.org/fr/ev.php-URL_ID=6209&URL_DO=DO_TOPIC&URL_SECTION=201.html

Об авторе

Ретинская Татьяна Ивановна – доктор филологических наук, доцент, зав. кафедрой романской филологии, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева (Россия), E-mail: tatret@mail.ru

Retinskaya Tatiana Ivanovna – Doctor of Philology, docent, head of the Department of Romance Philology, Orel State University named after I.S. Turgenev (Russia), E-mail: tatret@mail.ru

УДК 811.111`38

Россихина Г.Н., кандидат филологических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)
Икатова И.И., старший преподаватель, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

ЛИНГВО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОЦЕНКИ В ЭТИКЕТНЫХ ДИКТЕМАХ

Как сложное динамичное явление, с помощью которого происходит процесс порождения смыслов и их восприятия, дискурс и его составляющие должны рассматриваться исходя не только из текстовых ресурсов, но и социокультурного контекста с использованием комплексной методологии, опирающейся на данные прагматики, когнитивной лингвистики, культурологи и других смежных наук. В статье анализируются примеры диктем, содержащих оценку, которую в соответствии с правилами этикета в контексте бытового и институционального дискурса между представителями среднего класса английской лингвокультуры, часто принято вербализовать в речи косвенно, прибегая к иронии. Рассмотренные примеры коммуникативного поведения соответствуют аксиологическим детерминантам английской культуры и требуют сложного процесса обработки содержащейся в них лингвистической и экстралингвистической информации, поскольку смысл, предаваемый иронией, напрямую не выводим из значений ее элементов. Анализ герменевтических указателей позволил углубить знания о специфике функционирования иронии в стандартных ситуациях институционального общения и выявил открытость интерпретационных границ, в рамках которых коннотационная составляющая высказывания либо незначительно смещается в сторону преуменьшения, либо оценочный компонент меняется с положительного на отрицательный.
Ключевые слова: речевой этикет, ирония, институциональный дискурс, диктема, английская лингвокультура, прагматические конвенции, герменевтические показатели, импликация, экспликация.

Антропоцентрическая парадигма в языкознании предполагает рассмотрение языка в его речевом воплощении. В настоящее время в связи с неуклонным ростом международных контактов все более возрастают требования к качеству коммуникативного взаимодействия, что, в свою очередь, определяет потребность изучения и описания коммуникативного поведения отдельной культуры путем выявления доминантных черт общения.

Вербальная коммуникация регулируется системой социокультурных прагматических конвенций, которые предполагают знание и способность ценить и принимать в расчет ценности партнера по интеракции, и, таким образом, избежать угрозы коммуникантам.

В отечественной и зарубежной лингвистике интенсивное и многоаспектное изучение норм и правил поведения началось во второй половине XX столетия, когда в центре внимания исследователей (М.В. Соковнин, И. Гоффман, П. Грайс и др.) находились такие вопросы, как определение понятия лица, анализ философских оснований социального общения, описание коммуникативных императивов и табу. Ряд серьезных исследований по проблемам социальных норм позволил внести значительный вклад в теорию речевого этикета (И.А. Стернин, Н.И. Формановская, Т.В. Ларина и др.) и теорию вежливости, основные концепции которых представлены в трудах Р. Лакофф (определение прагматической компетенции), Дж. Лича (принципы коммуникативного сотрудничества), теорию «сохранения лица» П. Браун и С. Левинсона. К стратегиям по смягчению угрозы лицу Дж. Лич, Э. Гриффин и др. относят также иронию. «Ирония позволяет говорящему быть невежливым по сути, оставаясь вежливым по форме» [9, с.142]. В отечественной лингвистической науке также рассматривались различные аспекты иронии – от стилистической интерпретации тропа до рассмотрения иронии как концептуальной категории текста (С.И. Походня, М.Ю. Орлов и др.), как ментального и лингвокультурного образования (Е.А. Брюханова).

Социокультурные прагматические конвенции предусматривают владение речевым этикетом – «системой устойчивых формул общения, предписываемых обществом для установления речевого контакта собеседников поддержания общения в избранной тональности соответственно их социальным ролям и ролевым позициям относительно друг друга, взаимным отношениям в официальной и неофициальной обстановке» [6, с.1554].

В английской культуре среднего класса существует хорошо разработанный арсенал стратегий и тактик, используемых в речевом общении, где «эффективность коммуникации

достигается благодаря созданию коммуникативного комфорта для обоих участников, что в значительной мере обеспечивается социально-ожидаемым поведением в соответствии с ситуацией» [3, с.155]. Аксиологический базис речевой коммуникации английского среднего класса включает в себя следующие ценности, влияющие на формирование и восприятие индивидом того или иного явления: «учтивость, умеренность в оценках и поведении, сокрытие истинного мнения и чувств, чтобы не обидеть собеседника» [7, с. 410].

Объектом рассмотрения в данной работе послужило вербальное взаимодействие между представителями среднего класса английской лингвокультуры в контексте институционального общения. Институциональный дискурс, представляя собой статусно-ролевое общение, т.е. «речевое взаимодействие представителей социальных групп и институтов друг с другом, с целью решения определенных задач и установления контактов» [2, с.51], – это явление и лингвистическое и социальное. Следовательно, он обладает такими присущими любому виду дискурса характеристиками, как интенциональность, результативность и регулятивность.

Предметом исследования выступают две этикетные диктемы *«That`s not bad!»* и *«That`s quite good!»*, в которых фактуальная информация общего типа и фактуальная информация специального типа не совпадают. Диктема в нашем случае – наиболее оптимальная единица для анализа, так как, являясь «интегративной единицей языкового выражения, выполняет функции номинации, предикации, тематизации и стилизации, и через них реализует комплекс информации, передаваемой от говорящего к слушающему» [1, с.65].

Многолетние наблюдения за речевой практикой в среде английского среднего класса позволили выявить, что диктема *«That`s not bad!»* использовалась адресантом (начальником) для оценки очень хорошо (15 записанных примеров*), и даже безупречно (8 примеров) выполненной адресатом (подчиненным) работы. В то же время диктема *«That`s quite good!»* (17 примеров) инициировала диалог, контекст которого свидетельствовал о том, что проделанная работа содержала в себе многочисленные недостатки. Разнообразие локаций (офисы, школы, больницы, театры и т. д), разный профессиональный и возрастной статус интерактантов свидетельствует о прецедентности данного речевого способа регуляции общения как культурологически маркированного. В нашем случае вербальное взаимодействие характеризуется целым рядом сходных ситуационных параметров: интерактанты принадлежат английскому среднему классу, участвуют в контактном виде общения в формальной обстановке, используют английский язык как средство общения и имеют неравный ролевой статус[4, с.345].. При вербальном взаимодействии между начальником и подчиненным первый осуществляет контроль над актом речевого общения, так как «нижестоящие» в ролевом отношении не имеют права на вторжение в «личный мир» «вышестоящих».

Пример 1.

Главный менеджер детского центра останавливает в коридоре одну из сотрудниц. Она улыбается коллеге и, протягивая ей одну из папок, говорит:

– Oh, hi, Lissa! ***That`s not bad.*** *We`re definitely going to use it in liaising with other departments. You know our line managers have come up with different estimates because of varying methodologies, but you`ve run very good tests with definite outcomes.*

– Thanks…

Для адекватной интерпретации высказывания извлечение фактуальной информации начинается с анализа внешней языковой формы, которая является базой для последующих процессов абстракции, обеспечивающих дальнейшее возможное прочтение текста. Диктему 1 можно отнести к прямому речевому акту, поскольку большая часть признаков репрезентируемого истинного денотата представлена в значении речевого наименования прямо и недвусмысленно: *«not bad»* означает *«good that which gives benefit, profit, advantage, etc.»* [10, с.513]. Выводы, полученные Лиссой в результате эксперимента, обладают преимуществом (advantage), по сравнению с наработками других сотруд-

* Примеры взяты из корпуса, включающего 832 диалога, записанного Икатовой И.И. с 2003 по 2014 год в Великобритании. В соответствии с акцентом (стандартное английское произношение) определялся класс коммуникантов.

ников и принесут пользу (benefit) другим отделам как демонстрация успешного опыта. Однако адресант избегает эмоционально более сильного средства оценки, например, *excellent, very good, great, brilliant* и т.д., что более объективно отражало бы признание заслуг адресата. Здесь следует отметить, что факторами, влияющими на вербальное поведение участников коммуникации, являются цели и мотивы; последние по своей природе неразрывно связаны с индивидуальными ценностными ориентациями, определяемыми соответствующей культурой. В данном случае диктема 1 эксплицирует такой важный элемент аксиологического поля английской коммуникации, как умеренность в оценках и поведении, неприятие различного рода крайностей и излишеств. Преуменьшение позволяет избежать категоричности, повышенной эмоциональности и пафоса в соответствии с английской культурной традицией сдержанности. Как видно из контекста, подчеркивается эффективность новой методики, а не восхищение автором проекта.

У. Эдмондсон, Р. Мокалей, К. Фокс относят приуменьшение к иронии, которая традиционно определяется как «иносказание, когда истинным смыслом высказывания оказывается не прямо выраженный, а противоположный ему, подразумеваемый» [6, с.505]. Например, *«Well, what`s the hell, it`s only cancer!»*. Тогда согласно этому определению истинный смысл диктемы 1 – *«That`s bad!»*, что контекстуально неверно. Следовательно, в нашем случае преуменьшение выражает не прямо противоположный, а лишь немногим слабее выраженный смысл, что соотносится с культурно обусловленными конвенциональными формами общения.

Пример 2.

Менеджер кадрового агентства подходит к одному из сотрудников, сидящих за компьютером. У обоих мужчин на лице вежливая улыбка.

–Hello, John. Please could you open your latest report? (Нужный документ появляется на экране компьютера.) ***That`s quite good*** *and I`m sure you`ve properly tested the application within IT.*

–Well, … no, I haven`t. I`ve made changes, installed it and moved on to the next project…

–I understand your need to work quickly, but the application doesn`t work and people keep missing the information…

Диктема 2 представляет собой пример импликативного способа передачи информации. Анализ денотативного значения входящих в диктему двух речевых наименований позволил установить, что понятийным ядром «quite» выступают единицы «completely, without reservation» [10, с.954], а словарная дефиниция «good» обнаруживает следующие характеристики: «of a favorable character or tendency, conforming to standard, profitable, advantageous» [10, с.513], то есть объективное, абстрагированное от прагматических, стилистических, социологических, культурных и других оттенков денотативное значение диктемы однозначно интерпретируется как «adequate, satisfactory» (абсолютно хорошего качества, полностью удовлетворяющий стандартам).

Однако прочтение контекста выявляет прямо противоположную трактовку диктемы 2: «quite» выступает в значении «somewhat, rather», а «good» как «disappointing, bad, falling short of a standard», следовательно, диктема 2 представляет собой классический случай иронии, где истинный смысл противоречит эксплицитной или языковой части сообщения. Данный троп используется здесь не с целью насмешки, и хотя здесь, как это свойственно юмористическим высказываниям, недостатки подчеркиваются доброжелательно, диктему 2 вряд ли можно охарактеризовать как комическую. Нейтральная интонация, ровная скорость речи, отсутствие повышенной эмоциональности не создают впечатления иронии. Начало диалога свидетельствует о том, что менеджер дает положительную оценку стараниям (пусть и недостаточным) своего подчиненного, то есть налицо прямая коммуникация. Однако многочисленные примеры и бытового, и делового дискурса показывают, что англичане «шутят, не шутя и серьезны не в серьез» [7, с.67]. По меткому выражению Б. Пристли, в английском общении, как и в погоде, «зачастую сплошной туман, и очень редко бывает по-настоящему ясно» [11, с.61]. Подобное отсутствие ясности имеет свои прагматические преимущества. Неоднозначность трактовки оставляет место для языкового маневрирования: можно отреагировать как на прямой, так и на имплицитный смысл реплики. Выбор подобной диктемы исключает также возможность конфронтации, по-

скольку эксплицитный смысловой фон высказывания – положительный. Более того, в сочетании с последующей диктемой, которая выражает уверенность менеджера в добросовестности программиста, у адресата складывается впечатление, что его не осуждают, не критикуют, а помогают исправить ошибку, а значит, создается атмосфера психологического комфорта и сотрудничества, что, в конечном счете, способствует повышению рабочей эффективности.

Подобный речевой способ именования актуализирует такие культурные особенности языковой личности «представитель английского среднего класса», как отсутствия прямолинейности, соблюдение норм уважения с целью сохранить достоинство собеседника, поддержать позитивный настрой.

Рассмотренные диктемы представляют собой речевые этикетные акты с открытыми интерпретационными границами, с одновременной актуализацией разнородных или даже прямо противоположных смыслов. Герменевтических указателей, определяющих возможные прочтения таких диктем, множество. Наряду со словарными значениями лексических единиц, анализом синтаксических конструкций и контекста, учета многочисленных ситуативных параметров, а также конвенций, присущим данной лингвокультуре, важное внимание должно уделяться параязыковым средствам, просодическим характеристикам и, не в последнюю очередь, «концептуальным системам» реальных участников коммуникации, поскольку «внешняя среда дискурса неразрывно связана с речетворчеством и постоянно подпитывает систему смыслов дополнительными приращениями, концептуальные системы разных людей не бывают полностью, во всех деталях, совпадающими. Каждый из коммуникантов обладает собственным (разным) жизненным и коммуникативным опытом, уровнем эрудиции, пониманием конкретной ситуации общения, способностью адекватно выражать свои мысли и настроения и т.д.» [5, с.142].

Итак, лингвопрагматический анализ диктем *«That`s not bad!»* и *«That`s quite good!»* позволил установить, что, несмотря на прецедентность и этикетный характер, диктемы, содержащие иронию, могут не сохранять исходные ментальные пространства, и представленные в них смыслы могут претерпевать изменения, что приводит к непоследовательности и противоречивости заложенных в них информационных фрагментов. Прочтение подобных диктем будет зависеть от детального знания ситуационных параметров, владения интерпретаторами тезаурусом коммуникации и их межкультурной чувствительности, так как по известному выражению датского философа С. Кьеркегора, ирония «ничего не утверждает, поскольку то, что должно быть утверждено, лежит за ней» [8, с.125].

Список литературы

1. Блох М.Я. Диктема в уровневой структуре языка. Вопросы языкознания. – 2000. № 4. С. 63-67.

2. Ефименко Т.Н. Социолингвистический аспект делового дискурса английского языка. Магия ИННО: новое в исследовании языка и методике его преподавания: Материалы Международной научно-практической конференции. – Москва, 2015. – С.50-54.

3. Икатова И.И. Инициация вербального взаимодействия между представителями среднего класса английской лингвокультуры. Дисс. на соискание уч. степ. к. ф. н. Смоленск, 2017.

4. Икатова И.И., Россихина Г.Н. Концептуальные основы прагмалингвистического анализа первичного контактоустановления в английской лингвокультуре // Вестник Брянского государственного университета. 2014. № 2. С. 344-348.

5. Пономаренко Е.В. О самоорганизации и синергизме функционального пространства английского дискурса // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». 2013. № 13 (156). Вып. 18. С. 131-140.

6. Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. 2-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1989. 1600 с.

7. Fox K. Watching the English. Hodder, 2005. 421 p.

8. Kierkegaard, S, The concept of irony with continuous reference to Socrates (1841), Harper & Row, 1966, p. 278

9. Leech G. Principles of Pragmatics. London, N.Y.: Longman, 1983. 250 p. Priestly

10. Oxford Dictionary of Current English. UOP. 1999. 1431p.
11. Priestley J.B. English Humour. London, William Heinemann. 1976. 138 p.

LINGUOPRAGMATIC ASPECTS OF APPRAISAL IN CONVENTIONAL DICHTEMAS

Discourse is a complex dynamic type of communication involving coding and decoding semiotic sequences in that they are statements; it`s an abstract construct that allows the semiotic signs to assign meaning that can be understood both through the internal meaning of a given discourse and external, extra linguistic means using multiple fields of enquiry such as pragmatics, cognitive linguistics, cultural studies etc. The article considers dichtemas in which managers give information on the quality of some work accomplished by their employees. Such comments are often made indirectly, using irony in accordance with conventions, common among middle-class English speakers in the context of institutional discourse. The analysis of linguistic and extra linguistic information demonstrates that comments reflect the basic values of the English culture and the meaning of the whole dichtema goes beyond the meaning of words that comprise it. Textual determinates ensure a broader interpretation of implicit communication and allow to expand the definition of irony. The state of affairs is either less important than it appears in the text or opposite to the one implied in the literal meaning of words.
Keywords: speech etiquette, irony, institutional discourse, dichtema, English culture, pragmatic conventions, contextual determinates, implicit and explicit communication.

References

1. Blokh, M.Y. (2000). Dichtema v urovnevoy structure yazyka. [Dichtema in the hierarchy of language structure]. *Voprossy yazykoznaniya*, 4, 63-67.
2. Efimenko T.N. (2015).. Sociolingvistichesky aspect delovogo diskursa. [Sociological aspect of business discourse]. *Magia INNO: novoye v issledovanii yazyka i metodike ego prepodavaniya: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoi konferntsii. Moskva.* 50-54
3. Ikatova, I.I. (2017). Initsiatsiya verbalnogo vzaimodeystviya mezhdu predstavitelyami srednego klassa angliyskoy lingvokultury. [Initiating verbal communication in English middle class culture] *Diss. na soiskaniye uch. st. k.f.n. Smolensk.*
4. Ikatova, I.I., Rosskhina, G.N. (2014). Kontseptualnye osnovy pragmalingvisticheskogo analiza pervichnogo kontaktoustanovleniya v angliyskoy lingvokulture. [General concepts in pragmaliguistic analysis of phatic speech openers in English culture]. *Vestnik Bryanskogo universiteta.* 2. 344-348.
5. Ponomarenko, E.V. (2013). O samoorganizatsii i sinergizme funktsionalnogo prostranstva angliiskogo diskursa. [About self-organisation and synergy in the functional space of the English discourse]. *Nauchnye vedomosty Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Gumanitarnye Nauki*" 13 (156). Vyp.13, 131-140
6. Sovetsky Entsyklopedichesky slovar. (1989). [Soviet Encyclopedia (Dictionary]). Prokhorov A.M. 2 izd. Moskva. 1600 s.
7. Fox, K. (2005). Watching the English. Hodder. 421 p.
8. Kierkegaard, S. (1966). The concept of irony with continuous reference to Socrates (1841), Harper & Row, p. 278
9. Leech, G. (1983). Principles of Pragmatics. London, N.Y.: Longman. 250 p
10. Oxford Dictionary of Current English. (1999), UOP. 1431p.
11. Priestley, J.B. (1976). English Humour. London, William Heinemann. 138 p.

Об авторах

Россихина Галина Николаевна – кандидат филологических наук, профессор кафедры немецкого языка, Брянский государственный университет имени И.Г. Петровского (Россия), E-mail: gala.rossikhina@yandex.ru
Икатова Инна Ивановна – старший преподаватель кафедры теории английского языка и переводоведения, Брянский государственный университет имени И.Г. Петровского (Россия), E-mail: Ikatova_Inna @mail.ru

Rossikhina Galina Nikolayevna – Candidate of Philology, Professor, Bryansk State Academician I. G. Petrovsky University (Russia), E-mail: gala.rossikhina@yandex.ru.
Ikatova Inna Ivanovna – Senior Lecturer, Bryansk State Academician I. G. Petrovsky University (Russia), E-mail: Ikatova_Inna @mail.ru

УДК 811. 111-26

Шайхутдинова А. М., аспирант 3 курса, Набережночелнинский государственный педагогический университет (Россия)

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ НЕНАДЕЖНОСТИ НАРРАТОРА (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОЙ БРИТАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)

Статья посвящена анализу характеристик языковой личности нарратора с точки зрения его надежности / ненадежности. Предпринимается попытка выявить языковые особенности ненадежности нарратора. Языковое проявление ненадежности в случае с нарратором, страдающим психическим расстройством, выражается через монотонность, лексическое однообразие, частые повторы слов и целых фраз, многочисленные скрупулезные перечисления, практически полное отсутствие изобразительных средств, тропов; исследование показало, что логическая стройность речи не всегда может расцениваться как абсолютно надежный нарратив.

Ключевые слова: языковая личность, художественный текст, идиостиль, нарратор, надежный / ненадежный нарратор, читательские стратегии.

В современной лингвистике термин «языковая личность», ввиду его синтезирующего и интегрирующего характера, является призмой, через которую осуществляется изучение различных ее областей. Согласно одному из определений, предложенному Ю. Н. Карауловым, языковая личность есть личность, выраженная в языке (текстах) и через язык, есть личность, реконструированная в основных своих чертах на базе языковых средств [9, с.38].

Языковая личность на сегодняшний день является основой для рассмотрения как чисто лингвистических, так и междисциплинарных аспектов языка и личности. Так, термин «языковая личность» используется, в частности, для изучения языка персонажей художественных текстов (так называемая «условная языковая личность»). Как отмечает А. И. Варяница, через автора художественного текста как языковой личности, через его «творческое сознание» создается субъективный, индивидуальный путь познания мира [4, с. 1].

Это проявление авторской индивидуальности в языке особенно четко прослеживается в еще одном определении языковой личности, предложенным Ю. Н. Карауловым, где за основу берется коммуникативная компетенция и связанные с ней уровни языковой личности: семантический, когнитивный и мотивационный. Через них, как отмечает В. В. Воскобойников, в разной степени происходит индивидуализация коммуникативного поведения человека [6, с. 165].

Большинство исследователей, анализируя индивидуальные проявления языковой личности в тексте, принимают за основу являющееся центральным в современных исследованиях терминологическое понятие «индивидуальный стиль», или «идиостиль», – термин, предложенный В. В. Виноградовым и определенный им как «структурно единая и внутренне связанная система средств и форм словесного выражения» [5, с. 105]. Согласно некоторым другим определениям, как обобщенным, так и достаточно детализированным, идиостиль характеризуется как «совокупность ментальных и языковых структур художественного мира писателя» [2, с. 11], «система знаков авторства художника слова»; система превалирующих, индивидуальных способов и средств формально-содержательной и языковой передачи авторских убеждений и представлений о картине мира, а также его «эмоциональных состояний и субъективных смыслов в эстетически направленном речевом произведении» [11, с. 31].

Одним из центральных понятий при изучении художественного текста выступает «нарратор», то есть тот, от чьего лица ведется повествование, тот, через кого главным образом передается картина мира, заложенная в тексте. М. Я. Блох в этой связи отмечает, что рассказчик (в рамках данного исследования понятия «рассказчик» и «нарратор» трактуются как синонимичные) «выполняет функцию центрального ориентира в художественном тексте, который строится в зависимости от его местоименной формы, взаимодействующей … со всей лексико-семантической системой текста» [3, с. 216]. Нарратор может выступать либо в качестве персонажа-нарратора, либо автора-нарратора.

«Словарь иностранных слов русского

языка» определяет нарратора как «реальное или вымышленное лицо, от имени которого ведется повествование в художественном произведении» [10]. Ряд определений, однако, четко противопоставляют нарратора реальному автору произведения, в независимости от того, является ли нарратор одним из персонажей произведения или является отстраненным от происходящих событий «мнимым автором». Так, согласно одному из таких определений, нарратор рассматривается как введенное автором в художественное произведение лицо рассказчика, отличное от фактического создателя сочинения, а также «принятая, неавторская в смысле субъективном, точка зрения» [14, с. 165]. Здесь следует упомянуть еще одно принципиальное отличие: автора реального и образа автора. Так, З. Д. Асратян отмечает, что, в отличие от автора произведения, реально существующей личности, образ автора – «это субъективное, ментальное образование, созданное по воле и прихоти своего творца, автора». З. Д. Асратян подчеркивает, что именно образ автора, или языковая личность автора (лингвистический эквивалент данного понятия), формирует идейный концепт произведения, носителем которого является языковая личность нарратора произведения [1, с. 78; 79].

Нарратор, являясь ключевой фигурой, ведущей повествование, таким образом, становится для читателя основным источником информации, излагая события так, как считает нужным, исходя из своих представлений о картине мира. В связи с этим одним из аспектов изучения нарратора является критерий надежности / ненадежности.

Термин «ненадежный нарратор» был впервые использован в начале 60-х годов XX века американским литературным критиком Уэйном Бутом в его работе «Риторика художественной литературы», где за отправную точку им берется так называемый «имплицитный автор» произведения с его нормами. Таким образом, согласно определению У. Бута, нарратор является надежным, если его слова и действия соответствуют нормам произведения, то есть нормам имплицитного автора, и ненадежным, если эти нормы нарушаются нарратором [12, с. 158-159]. В случае такого несоответствия между имплицитным автором и нарратором возникает ироническая нарративная дистанция, когда сам говорящий выступает как объект иронии ввиду противоречий между поступками и ценностями нарратора и нормами имплицитного автора [12, с. 304].

В качестве самых распространенных причин ненадежности нарратора выделяются ограниченность в знаниях в силу различных причин, например, незрелого возраста или психических расстройств, а также безнравственная природа нарратора. А. Нюннинг предложил следующие текстовые сигналы, помогающие распознать ненадежного нарратора: противоречия, несоответствия при передаче и оценке событий повествователем. Из таких противоречий А. Нюннинг, в частности, выделяет существенные несовпадения между оценкой нарратора самого себя и оценкой его другими персонажами, а также несоответствия в рассуждениях нарратора о других персонажах или его бессознательное, бесконтрольное «самообнажение на публике» [13, с.278-279].

Что касается лингвистических признаков ненадежного нарратора, исследователи отмечают их практически полное отсутствие. Так, А. В. Жданова обращает внимание на то, что в исследовательских работах, посвященных типологии повествования, данная категория почти никогда не становится объектом пристального внимания современных лингвистов, указывающих на ее «лингвистическую невыявляемость» (среди них автор выделяет Н. А. Кожевникову, Е. В. Падучеву, Ж. Женетта, В. Шмида) [8, с. 4]. Вместе с тем, определенные лингвистические моменты, помогающие определить ненадежного нарратора, все же присутствуют. Так, кроме признаков противоречивости, А. Нюннингом выделяются также языковые индикаторы экспрессивности и необъективности, большое количество комментариев о самом себе; частые обращения нарратора к читателю в намеренной попытке «вызвать его сочувствие», а также саморефлексия, размышления о том, какой степени доверия заслуживает нарратор [13, с. 278-279]. Кроме того, можно говорить об определённых синтаксических маркерах, сигнализирующих о высоком уровне эмоциональной вовлеченности нарратора, включая восклицания, эллипсы,

повторы и т.д.; паратекстуальные индикаторы, такие как заголовок, подзаголовки, предисловия [13, с. 278-279].

Таким образом, попытаемся на материале современного британского произведения проанализировать нарратора от первого лица с точки зрения его надежности / ненадежности. Нами проанализирован нарратор, страдающий психическим расстройством (нарратор в романе М. Хаддона «Странное происшествие с собакой в ночное время» - подросток–аутист).

Проведенный анализ показал, что рассмотренный нарратор не пытается намеренно обмануть читателя. Однако в случае с нарратором-аутистом способность больного ребенка только к прямолинейному общению по знакомым ему правилам лишает его возможности «читать между строк» и распознавать то, что здоровый человек, скорее всего, угадал бы по выражению лица собеседника или по другим, часто невербальным, признакам. Так, он безоговорочно верит отцу, что мама в больнице и затем – в ее смерть. Это, в свою очередь, вводит в заблуждение читателя, который вынужден принимать версию подростка-нарратора. С одной стороны, нарратор, как он сам заявляет о себе, действительно передает факты очень подробно и правдиво. С другой стороны, ненадежность нарратора выражается в «поверхностности» его нарратива, его ограниченности перечислением фактов, что делает дистанцию между автором и нарратором достаточно четко ощутимой.

Среди особенностей речи людей с аутизмом выделяется монотонность, делающая речь аутиста схожей с речью робота. Это выражается в скудости словарного запаса, частом повторении одних и тех же фраз, слов.

Действительно, анализ речи данного нарратора выявил неспособность использования дейктических слов для замещения полнозначных слов и фраз:

*This is a **murder mystery novel**… I do like **murder mystery novels**. So I am writing a **murder mystery novel**… In a **murder mystery novel**… She said that it was usually people who were killed in **murder mystery novels*** [15, с. 5-6];

***The dog** was lying on the grass… But **the dog** was not running or asleep. **The dog** was dead. There was a garden fork sticking out of **the dog**. The points of the fork must have gone all the way through **the dog**… I decided that **the dog** was probably killed… because I could not see any other wounds in **the dog** and I do not think you would stick a garden fork into **a dog** after it died… I walked onto her lawn and knelt beside **the dog**. I put my hand on the muzzle of **the dog. The dog** was called Wellington.* [15, с. 1].

Обнаружены многочисленные перечисления как указатель на серьёзную привязанность и даже психологическую зависимость аутиста от определенного неизменного порядка, предметов, привычек, что выражается в скрупулёзном перечислении совершенных действий, произошедших событий и др.:

*Then he said that we could go and he stood up and opened the door and we walked out into the corridor and back to the front desk where I picked **my Swiss Army Knife** and **my piece of string** and **the piece of the wooden puzzle** and **the 3 pellets of rat food for Toby** and **my £1.47** and **the paperclip** and **my front door key** which were all in a little plastic bag and we went out to Father's car which was parked outside and we drove home* [15, с. 23].

Тяготением аутиста к порядку и ясности можно объяснить также многочисленные фразы *for example*:

*Also people break rules all the time. **For example**, Father often drives at over 30 mph… [15, с. 38].*

*Or, **for example**, she once said… [15, с. 39].*

Монотонность речи усугубляется частым использованием союза *and* в начале предложений, что, как правило, является показателем речи маленьких детей:

***And** you can stop this happening by taking aspirin… **And** some people get aneurysms just because there is a weak bit in their blood vessels… **And** she was wearing sandals and jeans… **An**d father was sitting down… And she made us spaghetti and tomato sauce. **And** after dinner she played Scrabble with me…* [15, с. 36-37].

Отсутствие понимания эмоций, чувств, скрытых намерений других людей выражается в речи в виде отсутствия в ней изобразительных средств, тропов. Исключение составляет прямое сравнение:

*They were stacking up in my head **like** loaves in the factory where Uncle Terry works [15, с. 8].*

*He also had a very hairy nose. It looked **as if** there were two very small mice hiding in his nostrils [15, с. 22].*

Неспособность нарратора использовать синонимы и изобразительные средства ведут к общей скудности речи и бедности словарного запаса. Так, при передаче речи других персонажей нарратор прибегает к использованию двух основных глаголов – *ask* и *say*:

*They **asked** me if I had a family. I **said** I did. They **asked** me who my family was. I **said** it was Father… And I **said** it was… Then they **asked** me for Father's phone number. I told them we had two phone numbers… and I **said** both of them* [15, с. 17].

Эмоциональная неразвитость и отсутствие способности к эмпатии в совокупности выражается в крайне редком использовании таких оборотов, как «мне жаль», «извини» и др. В тех же редких случаях, когда речь заходит об эмоциональном состоянии, нарратор обязательно дает ему обоснование, а произнесенные им фразы "*I'm sorry*" всегда поясняются с помощью четких, формальных причин (конкретных предшествующих ситуаций). Таким образом, подобные обороты всегда сопровождаются словом «потому что» с последующим пояснением:

*I said, "I'm sorry", **because** Father had had to come to the police station, which was a bad thing [15, с. 26].*

*I could tell that he was angry **because** he was shouting... [15, с. 27].*

*I said I would make her a Get Well card, **because** that is what you do for people when they in hospital [15, с. 30].*

*When I got home I said hello to Father and went upstairs and fed Toby, my rat, and felt happy, **because** I was being a detective and finding things out [15, с. 41].*

И, наконец, были отмечены паратекстуальные параметры, такие как: обозначение глав (нарратор использует собственную нумерацию, соответствующую теории неделимых чисел), многочисленные ссылки с пояснениями, схематические изображения, числовая нумерация при перечислениях. В данном случае это является указателем явно выраженной склонности к упорядоченности, обусловленной проявлениями болезни.

Таким образом, в случае с нарратором-подростком, страдающим аутизмом, нарратив имеет четко выраженные языковые особенности: монотонность, лексическое однообразие, практически полное отсутствие эмоционально окрашенной лексики, частые повторы слов и целых фраз (ввиду неспособности к дейктическим заменам), очень ограниченное количество эмоционально окрашенной лексики, изобразительных средств, многочисленные детальные перечисления.

В целом же можно говорить о том, что практически любой нарратор от первого лица в разной степени является сочетанием надежного и ненадежного, так как по различным причинам субъективен в оценке передаваемых событий.

Список литературы

1. Асратян З. Д. Языковая личность образа автора в художественном дискурсе. // Гуманитарные исследования. Журнал фундаментальных и прикладных исследований. Астрахань: АГУ, 2016. №2 (58). С. 76-80.

2. Блох М. Я., Сергеева Ю.М. Внутренняя речь (языковой строй и функциональная природа). М.: ЭРА, 2009. 308 с.

3. Баранов, А. Н. Постулаты когнитивной семантики / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский // Известия АН. Серия литература и язык. 1997. Т. 56 (1). С. 11–21.

4. Варяница А. И., Фабрика Ю. А. Идиостиль автора художественного текста и фразовая номинация [Электронный ресурс]. URL: http://pglu.ru/upload/iblock/a00/uch_2014_vi_03.pdf (дата обращения: 01.07.2017).

5. Виноградов, В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / В. В. Виноградов. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 256 с.

6. Воскобойников В. В. Актуальные аспекты изучения идиостиля в современной лингвистике. Вестник ВолГУ. Серия 9. Вып. 11. 2013. С 164-169.

7. Джумайло О. А. Английский исповедально-философский роман 1980-2000 гг. // Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. Ростов-на-Дону, 2014.

8. Жданова А. В. Структура повествования в условиях ненадежного нарратора (роман В. В. Набокова «Лолита») // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата

филологических наук. Самара, 2007.

9. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 262 с.

10. Словарь иностранных слов русского языка // Словари и энциклопедии на Академике. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/22898 (дата обращения: 30.06.2017).

11. Четверикова, О. В. Знаки авторства как средства вербальной манифестации смысловой сферы творческой языковой личности: автореф. дис. … д-ра филол. наук: 10.02.19 / О. В. Четверикова – Тверь, 2012. 53 с.

12. Booth, Wayne C. The Rhetoric of Fiction. The university of Chicago press. Chicago & London, 1968. 572 p.

13. Nünning, A. (2008). Reconceptualizing the theory, history and generic scope of unreliable narration: towards a synthesis of cognitive and rhetorical approaches. In E. D'hoker and M. Gunther (eds.), Narrative Unreliability in the Twentieth-Century First-Person Novel, (Narratologia, 14). Berlin and New York: Walter de Gruyter. P. 29–76.

14. Sierotwiński S. Słownik terminów literackich. Wroclaw, 1966.

15. Haddon Mark. The Curious Incident of the Dog in the Night-Time. London: Vintage Books, 2004. 272 p.

LINGUISTIC CHARACTERISTICS OF THE NARRATOR'S UNRELIABILITY (BASED ON THE MATERIAL OF CONTEMPORARY BRITISH LITERATURE)

The article is devoted to the analysis of the language personality of a narrator from the point of view of its reliability / unreliability. An attempt has been made to identify specific linguistic features of the narrator's unreliability. Linguistic manifestation of unreliability in case with a narrator of unsound mind expresses itself via monotonous speech, lack of lexical variety, frequent repetitions of words and whole phrases, scrupulous enumerations, and almost total absence of figures of speech and tropes; the analysis shows that logical coherence of speech may not always be considered as an absolutely reliable narration.

Keywords: language personality, literary text, individual style, narrator, realiable / unreliable narrator, reader's strategies

References

1. Asratyan, Z.D. (2016). Yazykovaya lichnost obraza avtora v khudozhestvennom diskurse [Language Personality in Imaginative Discourse]. Astrakhan: Astrakhan State University.

2. Bloh, M. Ya., Sergeeva, Yu. M. (2009). Vnutrennyaya rech (yazykovoi stroi i funktsionalnaya priroda) [Internal Speech (language structure and functional nature)]. M: ERA.

3. Baranov, A. N. (1997). Postulaty kognitivnoi semantiki [Postulates of cognitive semantics].

4. Varyanitsa, A.I., Fabrika Yu.A. Idiostil avtora khudozhestvennogo teksta i phrazovaya nominatsiya [Imaginative text author's individual style and phrasal nomination]. Retrieved 1 July, 2017 from http://pglu.ru/upload/iblock/a00/uch_2014_vi_03.pdf.

5. Vinogradov, V.V. (1963). Stilistika. Teoriya poeticheskoy rechi. Poetika [Stilistics. Theory of Poetic Speech. Poetics]. M.: AN USSR.

6. Voskoboynikov, V.V (2013). Aktualnye aspekty izucheniya idiostilya v sovremennoi lingvistike [Topical aspects of studying individual style in modern linguistics]. Vestnik VolgGU. Series 9. Issue 11.

7. Djumailo, O.A. (2014). Angliiskii ispovedalno-filosofski roman 1980 – 2000 godov. [English confessionary and philosophical novel of 1980 – 2000]. Rostov-on-Don.

8. Zhdanova, A.V. (2007). Struktura povestvovaniya v usloviyah nenadyozhnogo narratora (roman V.V. Nabokova "Lolita") [Narration structure in case of unreliable narrator ("Lolita" by V. Nabokov)]. Samara.

9. Karaulov, Yu.N. (1987). Russkii yazyk i yazakovaya lichnost [Russian language and language personality]. M.: Nauka.

10. Slovar inostrannykh slov russkogo yazyka [Dictionary of foreign words of the Russian language]. Retrieved 30 June, 2017 from: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/22898.

11. Chetverikova, O.V (2012). Znaki avtorstva kak sredstva verbalnoy manifestatsii smyslovoi sfery tvorcheskoi yazykovoi lichnosti [Signs of authorship as means of verbal manifestation of the semantic sphere of creative language personality]. Tver.

12. Booth, Wayne, C. (1968). The Rhetoric of Fiction. The university of Chicago press. Chicago & London. 572 p.

13. Nünning, A. (2008). Reconceptualizing the theory, history and generic scope of unreliable narration: towards a synthesis of cognitive and rhetorical approaches. In E. D'hoker and M. Gunther (eds.), Narrative Unreliability in the Twentieth-Century First-Person Novel, (Narratologia, 14). Berlin and New York: Walter de Gruyter, 29–76.

14. Sierotwiński, S. (1966). Słownik terminów literackich. Wroclaw.

15. Haddon, Mark. (2004). The Curious Incident of the Dog in the Night-Time. London: Vintage Books. 272 p.

Об авторе

Шайхутдинова Анна Михайловна – аспирант 3 курса, Набережночелнинский государственный педагогический университет (Россия), E-mail: anny281@mail.ru

Shaykhutdinova Anna Mikhaylovna – 3rd year postgraduate student of Naberezhnye Chelny State Pedagogical University (Russia), E-mail: anny281@mail.ru

УДК 811.161.1'37

Шейко Д.В., аспирант, Северо-Кавказский федеральный университет (Россия)

О КОГНИТИВНЫХ АСПЕКТАХ ФЕНОМЕНА *СПЛЕТНЯ*

Статья посвящена описанию феномена *сплетня*, рассматривающемуся в качестве значимой части повседневного коммуникативного пространства. Под сплетней мы понимаем не соответствующее истине суждение о человеке или событии, а также о личных делах отсутствующих лиц, которое передается преимущественно из уст в уста и по мере распространения пополняется новыми подробностями, часто имеющими дискредитирующей характер. Данная статья ставит своей целью показать, что, отличаясь семантической неоднородностью, *сплетня* подразумевает под собой сложное социокультурное и коммуникативное явление, непосредственно связанное с коммуникантами и контекстом своего существования, поэтому оно не имеет и не может иметь однозначной интерпретации и оценки. Это естественный коммуникативный механизм, который имеет своей целью приобретение знаний о себе и окружающем мире, понимание, интерпретацию и прогнозирование явлений, процессов и т.д. окружающего мира, оно способствует адаптации индивида к повседневной реальности. В ходе анализа выявляются когнитивные особенности феномена *сплетня*, которые можно представить в форме фреймовой структуры и сценария. В качестве методов, позволяющих провести анализ соответствующего языкового материала, были использованы общенаучные методы (когнитивный, описательный, метод сравнения и обобщения), метод сплошной выборки при работе с источниками, метод интерпретации. Исследование выполнено на основе данных, полученных в ходе работы с НКРЯ.
Ключевые слова: семантика, лексема «сплетня», когнитивная лингвистика, фрейм, сценарий, бытовое общение, коммуникативное пространство.

Повседневное общение – значимая часть коммуникативного пространства, которая не подвергается официальному регламентированию, участие в ней определяется желанием индивида, а содержание – целями и задачами, стоящими перед коммуникантами, а также традиционными конвенциональными установками внутри группы, частью которой коммуниканты являются.

Окружающая человека реальность и те изменения, которые в ней происходят, находят материальное выражение, как указывают Ю.Н. Караулов и Ю.Н. Филиппович, в различных онимах, фразеологических единицах, пословичных выражениях, максимах, афоризмах и др. видах изречения, фреймах стереотипных ситуаций, метафорах, прецедентных текстах культуры [9, с. 16]. К фреймам стереотипных ситуаций повседневного бытового общения относится и такой вид речевой деятельности, как сплетничание. Явление *сплетня* представляется нам не до конца изученным, хотя попытки его описания (а также смежных ему явлений) предпринимались целым рядом исследователей: (Осетрова Е.В. [6], Панченко Н.Н. [7], Горбатов Д.С., Дементьев В.В. [3;4], Ольшанским Д.В., Петросян А.Э., Пирусской Т.А. и др.).

Цель нашей работы – представить явление «сплетня» в качестве когнитивной структуры, отражающей представление о стереотипной ситуации, заключенной в процессе, получившем название *сплетничание*. Материалы исследования получены в процессе работы с Национальным корпусом русского языка (далее НКРЯ). Цитирование ведется по материалам НКРЯ, если не оговорено иное.

Проведенная работа предполагает привлечение следующей методологической базы: общенаучные методы анализа, сравнения, сопоставления, обобщения и интерпретации, метод контекстологического анализа, а также дефиниционного анализа словарных статей.

Определяя основные черты бытового общения, в качестве основных его характеристик В.И. Карасик выделил свернутый («пунктирный») характер, очевидность, использование разговорной формы речи, диалогичность [3, с. 240]. Бытовое общение стремится к максимальному упрощению своей формы, содержания и языка.

Традиционно считается, что сфера дружеского бытового общения, относящаяся к числу аморфных коммуникативных сфер, включает в себя, помимо прочих элементов, дружеский треп и *сплетничание*, основная задача которых установить и поддержать контакт внутри группы и передать субъктивизированную информацию. Количественное соотношение фатики и информационного начала в разных группах *сплетен* неодинакова, т.к. генеральная интенция (т. е. вступление в контакт) опосредована через частную

интенцию, выражаемую содержанием продуцируемого высказывания» [1, с. 40].

С точки зрения функциональной роли, нам кажется, что можно выделить три основные группы *сплетен*:

1. имеющие десемантизированное содержание. Такие *сплетни* могут быть направлены на установление контакта и поддержание разговора, их содержание воспринимается как «пустое» («пустые сплетни»): *«<…> а она давила, давила, жала из себя и смогла надоить лишь на тощую* ***книжку пустот****: три совместных обеда, две ссоры, несколько* ***сплетен*** *<…>»* [Александр Терехов. Каменный мост (1997-2008)]. Они заполняют смысловые пустоты в ходе так называемого светского общения.

2. имеющие определенную смысловую ценность. Такие *сплетни* не только способствуют времяпрепровождению, но и несут в себе значимый для собеседников информационный потенциал. В таких речевых сообщениях информативная функция выходит на первый план.

«– Привет, Машенька! – крикнула Ольга в трубку.

– Привет. Оттопыриваешься? – ответила Машенька <…>

– Тут – супер! – начала врать Ольга <…>

– Вички-то нет?

– Ой, Машенька, она ногу сломала. С гипсом валяется.

– Видела я. Для гипса он смугловат.

– Ты о чём?

– У неё новый! – шёпотом прокричала Машенька.

– Новый что?

– Новый кто! Танцор испанский! Ну тренер этот её.

– Погоди… А Пашка?

– А что Пашка? Пашка уехал в свою Уганду, жирафов снимать <…>. Будут у Пашки жирафьи рожки» [11].

3. группа переходных явлений (так возможна трансформация *сплетен* в анекдоты, городские (семейные) истории, которые воспринимаются как фольклорные жанры. Эту группу можно определить как периферию жанра сплетен, так как они приобретают мифологическое начало (Английский писатель, историк и философ XIX века Томас Карлейль назвал историю *«квинтэссенцией сплетни»* [А. Алексеев. Возвращение к фактам, или как восстановить единство истории // «Наука и жизнь», 2006]).

Сплетни тематически обусловлены, главным их предметом является человек, качества или подробности жизни которого обсуждаются и осуждаются: «*<…>* ***смутные сплетни*** *о нетрадиционных наклонностях главбуха»* [Семен Данилюк. Рублевая зона (2004)]; «*<…> уговаривал Фиру не верить «****глупым сплетням****», потому что ничего выходящего за рамки служебных отношений между ним и его новой молоденькой секретаршей нет и быть не может»* [Саша Бородин. Ключевой вопрос (2003) // Интернет-альманах «Лебедь», 2003.11.09]; «*Развлечением обитателей были сплетни о том, как графиню Гейден избил за измену её престарелый русский любовник*» [Вадим Крейд. Георгий Иванов в Йере // «Звезда», 2003].

Безусловно, что темой явления *сплетня* должны становиться те особенности человека или подробности его жизни, которые всеми коммуникантами оцениваются негативно (или, по меньшей мере, неодобрительно, с элементами критики), иначе *сплетня* как явление перестанет существовать. *Сплетни* рождаются в ситуации информационного дефицита, когда присутствует информационная неопределенность: «*<…> на второй день необъяснимое отсутствие в пресс-руме его руководителя породило уже всеобщую подспудную ажитацию. «Там Анатольич и Сам!» — шепнули Вадиму с восхищенной интонацией* ***сплетни****. Сотрудникам, однако же, официально-настоятельно <…> объявлено было, что Андрей Владленович удалился в плановый отгул*» [Александр Гаррос, Алексей Евдокимов. [Голово]ломка (2001)].

Феномен *сплетня* может рассматриваться и как часть повседневной картины мира. В 2008 году совместными усилиями социологов, историков и географов был проведен опрос среди жителей разных городов, цель которого состояла в определении основных качеств, отвечающих за их идентичность. По результатам опроса «люди видят в своих земляках такие качества, как эгоизм, «жлобство», трудолюбие и сообразительность (Новохопёрск, Борисоглебск), коллективизм, агрессивность, нахрапистость, дерзость и угрюмость (Тамбов), склонность к

пьянству (Мичуринск), любопытство, завистливость, терпеливость и пьянство (Богородицк), <…> сердобольность (Сердобск), мягкость, доброту (Моршанск, Балашов), <…> доброжелательность, ***любовь к сплетням*** (Арзамас, Муром) <…> [М. П. Крылов. Региональная идентичность населения европейской России (2008) // «Вестник РАН», 2009]. Таким образом, сплетничание из бытового речевого действия превращается в территориальный маркер принадлежности.

Семантика сплетни отличается неоднородностью, так как охватывает «сложный комплекс разных коммуникативных интенций, ситуаций, тем» [1, с. 54]. В.В. Колесов в «Словаре русской ментальности» отмечает, что «***сплетня*** – не соответствующее истине суждение о человеке или событии, которое передается из уст в уста и по мере распространения пополняется новыми порочащими подробностями. <…> ***Сплетня*** живет при наличии слушающих («дома забота, а в людях – ***сплетни***») и переносится обычно в свободное **время** («всех ***сплетен*** не переслушаешь»). Жизнь любого человека может стать объектом ***сплетни*** («от ***сплетни*** не уйдешь и на коне не уедешь»), подвергаясь недоброжелательным намекам («добрая ***сплетня***, что добрый лапоть: с подковыркой») [10, с. 311]. Таким образом, феномен сплетня относится преимущественно к приватной устно-речевой коммуникации, имеющей диалогическую форму, которая циркулирует в замкнутой среде, члены которой знакомы друг с другом и объектом сплетни. Такая коммуникация не имеет устойчивой текстовой реализации, а ее содержание зависит от места, времени, цели, задачи и самой личности коммуникантов: «*Даже если ваше непосредственное начальство вдруг пришло в игривое состояние духа и, сидя или стоя в непосредственной близи от вас, шутит или сплетничает — не хохочите, как в детстве при виде клоуна, и не сообщайте ему таинственным шёпотом все известные вам* (*или* ***выдуманные вами***) *сведения о предмете* ***сплетни***» [Татьяна Соломатина. Девять месяцев, или «Комедия женских положений» (2010)].

Сплетничание, как правило, приписывается женскому коллективу, так называемые *бабьи сплетни*. При этом складывается четкое противопоставление двух образов – «женщины» и «бабы». «Женщина», с точки зрения общественной практики, выступает как идеальный собирательный образ, наделенный всеми возможными добродетелями, «баба» – главный антагонист, имеющий все возможные недостатки: невежество, глупость, склочность и, конечно, любовь к сплетням: «*Остальное Юрки не касалось, <…> то самое, что называют* ***бабскими сплетнями*** *и чем интересоваться — ниже мужского достоинства*» (мнение героя мужчины) [Анна Берсенева. Возраст третьей любви (2005)]. При этом употребление слова «бабьи» и «бабские» характерно скорее для мужской аудитории, женщины стараются заменить его на нейтральное «женские»: *«Все это я узнала из* ***женских сплетен*** **<…>**» [Ольга Демьянова. Мальчик по-итальянски (1997) // «Столица», 1997.02.17]. Безусловно, что в мужском коллективе тоже существует явление сплетня, но оно противопоставлено женской: «*Костромской мужчина не прочь посплетничать, но никогда не поставит* ***концептуальные мужские сплетни*** *вровень с ничтожными женскими*» [Александр Зябликов. Провинциальная столица // «Сибирские огни», 2013]. Таким образом, прослеживается гендерная оппозиция мужского и женского начала в оценке сплетни как социокультурного явления.

Важным является и то, что в *сплетне* прослеживается и другая универсальная оппозиция – «свой» – «чужой», пересекающаяся с оппозицией «внутренний» – «внешний». *Сплетней* делятся с тем, кому доверяют, с тем, кто становится частью коммуникативного пространства: «***Она не сомневалась****, что завтра станет* ***объектом злословия*** *и притворного участия. Так получилось, что в отделении Лена ни с кем особенно не сблизилась. Коллектив здесь сложился задолго до ее прихода <…>. Их* ***разговоры****, сводящиеся в основном* ***к обсуждению кулинарных рецептов, мужей, планов на будущее детей и больничных сплетен****, Лену* ***мало интересовали*** [Влада Валеева. Скорая помощь (2002)]. Чужое, отличное от своего, всегда воспринимается негативно, как угроза сложившемуся порядку вещей. Можно процитировать популярную в советское время фразу: «Кто не с нами, тот против нас». Оп-

позиция «свой» – «чужой» также тесно пересекается с оппозицией «личное» – «публичное». Для *сплетни* нет табуированных тем (рыться в грязном белье), чем более приватный характер носит информация, тем больше она интересует коммуникантов, при этом сплетня (чаще всего) – разговор о «третьем», непосредственно не присутствующем лице, о жизни и личности которого осведомлены говорящие: «*Профессорам доставалось заспинно, но с расчётом на скорость передачи* ***сплетен*** <…>» [Татьяна Соломатина. Девять месяцев, или «Комедия женских положений» (2010)]. Содержание *сплетни* должно иметь сенсационное, экстраординарное начало: коммуникантов должно заинтересовать, сильно удивить, даже шокировать («*если кого хвалишь – люди не слушают, а если рассказываешь* ***злобные сплетни*** *– то слушателей не отгонишь*» [Исраэль ШАМИР. Фильтруй базар // Комсомольская правда, 2013.10.21]. При этом необходимо сказать, что ситуация *сплетни* подразумевает конфиденциальность (с глазу на глаз; один на один, наедине; пошептать на ушко; тет-а-тет, без свидетелей; между нами говоря (пусть этот разговор между нами будет; между нами девочками (разг.)), так как не предназначена для обширных диффузных групп. Зачастую участникам ситуации *сплетня* доставляет эмоциональное удовлетворение незнание третьего лица, которое обсуждается, о *сплетне*. «Жертва», таким образом, не понимает, что происходит, почему на нее «так странно» смотрят или пристально разглядывают. Вызванный дискомфорт у другого служит психологической разрядкой и может использоваться в манипулятивных целях.

Как указывает Н.Н. Панченко в статье «Сплетни как жанр бытового общения»: «Сплетничание дважды аксиологически маркировано: содержание события, подвергающееся обсуждению, затрагивает этическую сторону события, кроме того, сплетни не только социально непрестижный жанр – сам факт сплетничания стереотипно воспринимается как эстетически неприглядное и этически недопустимое явление» [7]: «*Никто нас, вроде бы специально не учил, что сплетничать некрасиво (а если бы учил, мы бы, пожалуй, из чувства противоречия стали бы сплетничать), но сплетни вызывают рефлекторное чувство гадливости <…>:* ***сплетничанье*** *является проявлением собственного комплекса неполноценности, когда малозначительные или отвратительные явления в жизни других лиц являются возбуждающим фактором*» [Свобода и её осложнения (2003) // Интернет-альманах «Лебедь», 2003.11.01].

Чаще всего *сплетня* распространяется в ходе непосредственного коммуникативного акта, когда можно визуально увидеть реакцию собеседника на сообщаемое, так как ситуация *сплетни* высоко эмоциональна, но в современных условиях может быть опосредована интернет-коммуникациями, когда из устноречевой она переходит в письменноречевую, сохраняя все свои конститутивные особенности.

Обобщая сказанное, можно представить фреймовую структуру *сплетни* следующим образом (С точки зрения когнитивной лингвистики, фрейм – это объемный концепт, включающий несколько компонентов, представляющий своего рода «пакет» информации о типичной ситуации [4, с. 41]):

Слоты фрейма	Содержание слотов
1. Участники: отправитель – получатель – отправитель –получатель	Цепочка лиц, заинтересованных в информационном контакте, меняющих свой статус
2. Предмет сообщения	Направленность на конкретного человека, его качества, способности, образ жизни и т.д., реже в центре неодушевленный объект (организация, офис и т.д.)
3. Характеристика ситуации	Передается в приватной обстановке (с глазу на глаз; пошептать на ушко; между нами говоря)
4. Содержание информации	Тривиальные темы, связанные с бытовыми повседневными ситуациями. Использование устоявшихся клише и формул
5. Оценка содержания информации	Для русской ментальности характерна негативная (резко негативная) оценка содержания
6. Информационный канал	Чаще всего устноречевой, но также может передаваться и в письменном виде
7. Количественная характеристика аудитории	Распространение в малой группе, чаще всего в ходе дружеской болтовни

8. Степень вовлеченности	Направлена на третье лицо, не присутствующее во время ситуации говорения, но хорошо знакомое собеседникам
9. Длительность существования	Время существования определено актуальностью информации, которая обычно быстро исчерпывается, так как повседневное общение фрагментарно, ситуативно обусловлено и нерегламентированно
10. Способность моделировать поведение	Как правило, низкая, но зависит от функциональной нагрузки явления сплетня
11. Языковые особенности	Отсутствуют специфические языковые средства для оформления сплетни как явления. Из общих черт, присущих всем ситуациям повседневного общения, можно выделить десемантизацию лексики, разного рода слова-заполнители, использующиеся для заполнения пауз, эмоциональные выкрики, фатические и этикетные формулы, грамматически аморфные реплики диалога. Выбор языковых средств (в том числе их нормативность) зависит от участников, их социокультурного, образовательного и др. статусов.

Сплетничание – это сложная речевая деятельность, которую можно рассматривать и как разворачивающуюся во времени последовательность действий, т.е. представить в форме сценария.

Как указано в статье Осетровой Е.В., «в основе феномена сплетни реализуется когнитивный сценарий «новость» — «обсуждение» — «осуждение» и в соответствии со сложной интенциональной установкой — поделиться со «своими» сенсационной новостью —> обсудить / оценить ее героя —> получить от этого психологическое и социальное удовлетворение» [9, с. 173]. Проанализируем подробнее этапы этого сценария.

1. На первом этапе происходит отбор материала. Субъект находит ту информацию, которая могла бы послужить основой для сплетни. В сплетне смешивается достоверная и недостоверная информация, она фрагментарна по своему составу. Также может присутствовать полностью недостоверная, выдуманная по ходу общения информация, которая вписывается в контекст сообщения. Информация должна быть «свежей» или восприниматься как «свежая», иначе у коммуникантов будет отсутствовать интерес. С точки зрения В.В. Прозорова, можно говорить о двухкомпонентном составе текста *сплетни*, в котором, подобно молве, входит базовая часть и составляющая, которая в дальнейшем подвергается трансформации (может быть представлена не только прибавлением компонентов, но также и их редукцией) [8, с. 164].

2. На втором этапе в процессе обсуждения происходит толкование, с целью оценивания достоинств или недостатков кого- или чего-либо. Для *сплетни* характерно скорее второе. В процессе обсуждения, исходя из авторских интенций и способностей реципиента, происходит вторичное оценивание. Мнения и оценки коммуникантов сталкиваются. На этом уровне и происходит трансформация содержания, когда беседующие дополняют сплетню деталями, которые должны усилить ее звучание или что-то прояснить, отсекают ненужные подробности, уточняют места с возможными семантическими провалами, замещают те элементы, которые с их точки зрения не являются существенными, корректными или не соответствуют коммуникативным целям.

3. На третьем этапе осуждения открыто выражается неодобрение, критика или даже происходит вынесение «обвинительного приговора» тому (тем), кто, с точки зрения коммуникантов, выходит за пределы морально-этических рамок, для них актуальных. Осуждение может носить как активный, так и пассивный (косвенный) характер, когда оно «продиктовано не желанием повлиять на поведение обсуждаемого, а имеет функцию релаксации, выхода эмоций» [7].

Языковая форма реализации *сплетни* – диалог. Чаще всего она предваряется вводными фразами «слушай, такая новость», «знаешь что», «ты не поверишь, но», «сейчас такое расскажу» или в форме провокационного вопроса, который непременно должен вызвать запланированную реакцию: «*А правда про отца Богдана – золотые ручки?» – продолжила я ехидно. «Ну, это – ерунда, бабьи* ***сплетни****», – муж <…> пояснил: мать репетиторствует в семье <…>говорит, живут богато – некуда деньги девать, отец Богдан закатил ремонт – хрущевка, потолки два сорок, но – лепнина, мебель, дверные ручки позолотил…»* [12].

Реакция слушателя может варьироваться от поддержки говорящего, если он раз-

деляет его видение ситуации сплетни, до полного неприятия и отвращения, если озвученная оценка по каким-то причинам не совпадает со сложившимся у него восприятием.

Таким образом, можно сказать, что такое явление, как *сплетня* – сложное речевое порождение, непосредственно связанное с коммуникантами и контекстом своего существования. В ходе осуществления сценария *сплетни* с заданной авторской интенцией (новость-обсуждение-осуждение), в ней реализуются контактоустанавливающие, информативные, когнитивные функции, выступая средством воздействия на собеседника с целью моделирования или манипулирования его поведением.

Сплетня, рассматриваемая в качестве фрейма-сценария, несет не только информацию о типовой ситуации *сплетничания*, но и отражает последовательность процедур, имеющих темпоральные связи, и необходимые для ее осуществления. В структуре фрейма-сценария *сплетни* интегрируются не только знания об объекте и его строении (слоты фрейма), но и знания о мире людей и их взаимосвязях (уровень сценария).

Список литературы

1. Дементьев В.В. Фатические речевые жанры // Вопросы языкознания. 1999. №1. С. 37-55.
2. Дементьев В.В. Непрямая коммуникация. М.: Гнозис. 2006. 376 с.
3. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемены, 2002. 477 с.
4. Мурашова Л.П. Концептуально-когнитивный фрейм // Научный вестник Южного института менеджмента. 2014. №4. С. 40-44.
5. Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ruscorpora.ru/ (дата обращения: 23.04.2017).
6. Осетрова Е.В. Возникновение, обращение и факторы развития слухов // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2011. №1. С. 170-176.
7. Панченко Н.Н. Сплетни как жанр бытового общения // Жанры речи. Саратов: Издательский центр «Наука», 2007. Вып.5. С. 224-232. [Электронный ресурс]. URL: http://www.sgu.ru/structure/philological/linghist/sbornik-zhanry-rechi/materialy-vypuskov/vypusk-5 (дата обращения: 15.04.2017).
8. Прозоров В.В. Молва как филологическая проблема // Жанры речи. Саратов: Изд-во Гос. учеб.-науч. центра «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 162-168.
9. Рогова К.А. Знания о современном мире в речи молодого человека // Записки Горного института. 2011. Т. 193. С. 16-20.
10. Словарь русской ментальности / Под ред. В.В. Колесова, Д.В. Колесова, А.А. Харитонова. СПб.: Златоуст, 2014. Т.2. 592 с.
11. Тихий Д. Ольгин остров. [Электронный ресурс]. URL: http://samlib.ru/t/tihij/olginostrov.shtml (дата обращения: 20.04.2017).
12. Чижова Е. Неприкаянный дом. [Электронный ресурс]. URL: http://iknigi.net/avtor-elena-chizhova/43444-lavra-elena-chizhova/read/page-9.html (дата обращения: 16.04.2017).

COGNITIVE ASPECT OF THE PHENOMENON OF GOSSIP

The article discusses a phenomenon of gossip as a significant part of everyday communicative space. By gossip, we mean an implausible judgment about a person or event, as well as about the personal affairs of absent persons, which are transmitted mainly by word of mouth and, as it spreads, replenished with new details, often because of the discrediting nature. The lexeme “gossip” implies a complex social and cultural phenomenon, directly relating to communicants and to the background of its being. It is a natural communicative mechanism, which has as its goal the acquisition of knowledge about oneself and the world around them, understanding, interpreting and forecasting phenomena, processes, etc. The surrounding world, it facilitates the adaptation of the individual to everyday reality. Analysis reveals special cognitive aspects of the phenomenon of gossip, which can be presented as a frame-based structure and a script. The methods used to analyze the relevant linguistic material were general scientific methods (cognitive, descriptive, comparison and generalization method), a method of continuous sampling when working with sources, and a method of interpretation. The research was carried out on the basis of data obtained during the work with the National Corpus of the Russian language.
Keywords: semantics, lexeme, gossip, cognitive linguistics, frame, script, social interaction, communicative space.

References

1. Dement'ev, V.V. (1999). Faticheskie rechevye zhanry [Fatical speech genres]. Voprosy yazykoznaniya [Questions of linguistics], 1, 37-55.

2. Dement'ev, V.V. (2006). Nepryamaya kommunikatsiya [Indirect communication]. Moskva: Gnozis.

3. Karasik, V.I. (2002). Yazykovoi krug: lichnost', kontsepty, diskurs [Language environment: personality, concepts, discourse]. Volgograd: Peremeny.

4. Murashova, L.P. (2014). Kontseptual'no-kognitivnyi freim [Conceptual-cognitive frame]. Nauchnyi vestnik Yuzhnogo instituta menedzhmenta [The scientific bulletin of the Southern Institute of Management], 4, 40-44.

5. Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [National Corpus of the Russian language]. Retrieved 23 April, 2017 from http://www.ruscorpora.ru.

6. Osetrova, E.V. (2011). Vozniknovenie, obrashchenie i faktory razvitiya slukhov [Appearance, treatment and factors of development of rumors]. Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astaf'eva [Bulletin of Krasnoyarsk Pedagogical University named after V.P. Astaf'eva], 1, 170-176.

7. Panchenko, N.N. (2007). Spletni kak zhanr bytovogo obshcheniya [Gossip as a genre of everyday communication]. Zhanry rechi [Genres of speech]. Saratov: Nauka, Vol.5, 224-232. Retrieved 15 April, 2017 from http://www.sgu.ru/structure/philological/linghist/sbornik-zhanry-rechi/materialy-vypuskov/vypusk-5.

8. Prozorov, V.V. (1997). Molva kak filologicheskaya problema [Rumor as a philological problem]. Zhanry rechi [Genres of speech]. Saratov: Kolledzh, Vol. 1, 162-168.

9. Rogova, K.A. (2011). Znaniya o sovremennom mire v rechi molodogo cheloveka [Knowledge of the modern world in the speech of a young man]. Zapiski Gornogo instituta [Notes of the Mining Institute], no. 193, 16-20.

10. Slovar' russkoi mental'nosti (2014) [Dictionary of Russian mentality]. Sankt-Peterburg: Zlatoust. Vol.2.

11. Tikhii, D. Ol'gin ostrov [The Island of Olga]. Retrieved 20 April, 2017 from http://samlib.ru/t/tihij/olginostrov.shtml.

12. Chizhova, E. Neprikayannyi dom [The Uncaused House]. Retrieved 16 April, 2017 from http://iknigi.net/avtor-elena-chizhova/43444-lavra-elena-chizhova/read/page-9.html.

Об авторе

Шейко Дарья Владимировна – аспирант, ассистент кафедры культуры русской речи, Северо-Кавказский федеральный университет (Россия), E-mail: dashejko@yandex.ru

Sheiko Darya Vladimirovna – post-graduate student of the russian language department, assistant of the department of russian speech culture, North-Caucasian Federal University (Russia), E-mail: dashejko@yandex.ru

УДК 81-116.3

Шлык Е.В., кандидат филологических наук, доцент, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

КОМПОНЕНТЫ КАТЕГОРИИ МОДАЛЬНОСТИ И СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ РЕАЛЬНОСТИ И ДОСТОВЕРНОСТИ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Статья посвящена исследованию модальности реальности и достоверности, представляющих в своем содержании представление говорящего о существующем в действительности и его оценку сообщаемого с точки зрения достоверности, то есть соответствия действительности. Предлагается полевая модель значений, определяются сходства и различия в средствах выражения русского и английского языков.

Ключевые слова: реальность, модальность, функционально-семантическое поле, достоверность, вероятность, истинность.

Модальность как широкая категория, определяющая смысловую структуру предложения и обеспечивающая его контакт с внеязыковой действительностью, издавна является предметом пристального внимания исследователей. Как одна из характеристик, присущих каждому предложению, данная категория находится в сфере интересов различных наук: лингвистики, прагматики, логики, психологии. Постановка вопроса о том, как соотносятся универсальные мыслительные основания значений и специфические языковые особенности плана содержания, опирается на давнюю традицию, получив актуальность в связи с развитием теории функциональной грамматики (далее ТФГ) (А. В. Бондарко) [2] и когнитивной лингвистики (З. Д. Попова, И. А. Стернин) [5].

В современных лингвистических исследованиях внимание обращается на язык не только как некую абстрактную сущность [6, с. 27], но выявляются закономерности системы, в которой закрепились результаты познавательной деятельности его носителей. Как объект изучения, таким образом, язык анализируется в неразрывной связи с другими формами интеллектуальной и культурной деятельности, в результате языковая деятельность осознается как форма закрепления определенного видения мира и, вместе с тем, как выражение фундаментальных принципов ментального освоения действительности.

Желаемой, хотя и труднодостижимой, целью поисков когнитивной лингвистики является проникновение в концептосферу носителей разных языков. Понимание структурного своеобразия концептосферы позволило бы решить многие вопросы соотношения языка и мышления, а также проблемы теории и методики преподавания языков и перевода [5, с. 28].

В связи с развитием указанного направления многие положения языковой теории получают новые перспективы. В частности, проблемы модальности, рассмотрение микрополя реальности с точки зрения когнитивно-функционального подхода позволяет органично синтезировать достижения в области когнитивной науки с теми, что были получены в рамках ТФГ, где подробно описаны и средства выражения модальных отношений [2]. Важным, интересным и в то же время недостаточно исследованным остается вопрос сопоставления этих средств в языках разных структур. Сравнение русского художественного текста и его англоязычного аналога позволяет сделать некоторые выводы о существующих здесь закономерностях.

Вся категория модальности может быть представлена в виде двух макрополей: объективной и субъективной модальности. Объективная модальность выражает отношение сообщаемого к действительности в плане реальности и ирреальности. Субъективная модальность показывает отношение говорящего к сообщаемому.

Реальность рассматривается, согласно ТФГ, как «отражаемое в языковых значениях представление говорящего о существующем в действительности» [2, с. 72]. Реальность в узком смысле – это центр, ядро, в котором сосредоточены и наиболее четко представлены специфические признаки этого значения, а в широком – более объемная содержательная сфера, включающая в себя не только центр, но и периферию, в которой признаки реальности выступают не так явно и способны со-

четаться с элементами ирреальности. Реальность в узком смысле соответствует актуальности (рассматриваемой как коррелят потенциальности).

Макрополе объективной модальности представляет собой комбинацию микрополей, обладающих самостоятельным планом содержания и планом выражения и состоящих из 'фона' (обусловливающего семантическую основу макрополя и объединяющего несколько микрополей) и 'спецификаторов' (выделяют семантическую специфику именно данного микрополя). Микрополя в составе макрополей модальности могут быть разной степени сложности.

Модальность реальности относится, как и ирреальность, к микрополям 1-ой ступени в составе макрополя объективной модальности. На пересечении указанных микрополей образуется переходное микрополе 1-ой ступени – потенциальности. Внутри микрополя реальности выделяется микрополе 2-ой ступени – актуальности, являющееся ядром реальности. Вне актуальности находится зона неактуальности, внутри них – микрополя 3-ей ступени: настоящего и прошедшего времени. Микрополе 3-ей ступени будущего времени расположено в зоне перехода неактуальности – периферии реальности – в потенциальность. Таким образом, в поле зрения при анализе реальной модальности попадают лишь формы настоящего–будущего совершенного в значении настоящего неактуального как периферийный компонент реальности в русском языке. Исключение форм будущего времени из микрополя реальности в английском языке ввиду специфического модального значения предположения, выходящего за рамки реальности, «сдвигает» зону пересечения микрополей настоящего неактуального и будущего в зону потенциальности.

Значение реальности может усиливаться или модифицироваться оценкой достоверности. Достоверность рассматривается в ТФГ как разновидность субъективной модальности. Микрополе достоверности (поле 1-ой ступени в составе макрополя субъективной модальности) представляет собой систему языковых средств, выражающих определяемую с точки зрения говорящего степень соответствия содержания высказывания действительности. Достоверность отражает степень полноты и характер знания говорящего о событии, показывая, «в какой мере говорящий берет на себя ответственность за истинность своего высказывания» [8, с. 49]. В достоверности выделяются два микрополя 2-ой ступени: вероятности и истинности, которые, в свою очередь, включают в себя микрополя 3-ей ступени: эпистемической возможности / эпистемической необходимости и простой (имплицитной), категорической (подчеркнутой) и проблематической достоверности, соответственно [1, с. 32].

В процессе взаимодействия ФСП модальности с ФСП темпоральности, персональности, аспектуальности, временной локализованности, а также сферами прагматики и оценочности выявляются зоны пересечения, обусловливающие состав семантических комплексов.

Главным семантическим признаком актуальности является фактичность, то есть устанавливаемое говорящим представление о таком существовании в действительности, в котором нет элементов, так или иначе связанных с ирреальностью, – потенциальности, а также недостоверности или чужого опыта.

В ситуации настоящего с признаками наблюдаемости (перцептивности) и конкретной референции всех участников ситуации актуальность как специфика реальности находит максимально четкое и непосредственное выражение. Настоящее актуальное в ситуации «я – теперь – здесь – это» представляет собой «высшую степень реальности» – действительность переживаемую, наблюдаемую (так или иначе воспринимаемую), конкретную и очевидную. Это и есть актуальность в собственном, первичном, наиболее полном смысле.

Настоящее время, выражающее основное значения актуальности (фактичности) как центра реальности, представлено в виде микрополя 3-ей ступени в составе микрополя актуальности. Семантика, выражаемая в микрополе настоящего актуального, содержит инвариантный компонент «фактичность – перцептивность – конкретность – локализованность – процесс в серединный момент протекания действия, соотнесенный с моментом речи». Содержание данного семантического комплекса, как упоминалось, основано

на значениях времени и вида глагола, временной локализованности и персональности, обусловленных пересечением соответствующих ФСП с полем модальности.

Указанный комплекс может быть осложнен значениями неопределенной, продолжительной, чрезмерной длительности или постоянства, выраженными в совокупности с лексическими показателями и контекстом. Возможно возникновение компонентов высокой / низкой степени активности, направленности к результату, перформативности, статальности, качественных изменений, обусловленных глагольными способами действия в совокупности с контекстом. Наличие оттенков недовольства, злости, грусти, страдания, удивления, недоумения, сожаления, неодобрения, осуждения, упрека, возмущения, бесполезности, радости, восхищения, хвастовства, нецелесообразности действия, а также положительной или отрицательной оценки, обусловлено пересечением ФСП модальности со сферами прагматики и оценочности.

В русском языке ядерным средством микрополя настоящего актуального, выражающим значения данного семантического комплекса, являются формы глагола в изъявительном наклонении настоящего времени несовершенного вида (НСВ). Такое положение обусловлено совокупностью признаков временной и персональной отнесенности, аспектуальности, способов действия, важных для модальности и находящих выражение в указанных формах.

В английском языке ядро представлено формами Present Continuous, Complex Object с причастием I, подчеркивающими процессность данного действия; Present Perfect Continuous или Present Perfect (с непредельными глаголами), а также формами Present Indefinite.

В приядерной зоне микрополя настоящего актуального в русском языке расположены формы императива в функции «драматического императива» [3, с. 108-111], заменяющиеся в англоязычном тексте ядерными средствами ввиду отсутствия аналогичных элементов в языке, при этом дополнительные оттенки недовольства, злости утрачены (ср.: 'и теперь мы стоим здесь голодные'): *– То-то я бы их и пустил наперед. А то небось позади жмутся. Вот и* ***стой*** *теперь не емши [7, с.300]. – And now here we* ***stand*** *hungry.' [9, с. 289]*

На ближней периферии микрополя настоящего актуального в русскоязычном материале находятся формы зависимого и независимого инфинитива обоих видов, поскольку, являясь способными участвовать в передаче семантики изъявительного наклонения и, следовательно, настоящего актуального, не обладают свойствами, присущими морфологическому ядру. В английском переводе им соответствуют формы инфинитива самостоятельно или в составе синтаксических конструкций, а также формы Gerund, Present Indefinite.

Средства выражения прошедшего актуального функционируют в совокупности со средствами контекста, лексическими показателями длительности.

Семантика настоящего и прошедшего актуального является инвариантной для обоих языков. Значения, которые в материале на русском языке реализуются формами глагола изъявительного наклонения настоящего и прошедшего времени НСВ – ядра структуры микрополей настоящего и прошедшего актуального, и обусловлены контекстом, в английском переводе заключены в самих значениях различных видовременных форм, реже контекст выступает как вспомогательное средство выражения значения. Оттенки значений, передаваемые сочетанием грамматических средств, например, оттенок вынужденности с эмоциональной окраской недовольства, злости (*вот и стой!*), оттенок мгновенности, неожиданности (*один и навернись*); резкие, мгновенные, стремительные действия с ярко выраженной экспрессивной окраской (*раз, раз по морде… / хвать детей…*); высказывания с оттенком неодобрения, возмущения, осуждения (*на это вас взять…*), интенсивность с высокой степенью эмоциональности (*ну его катать…*) представлены большим разнообразием в тексте на русском языке. При переводе на английский язык данные оттенки смягчены или вовсе утрачены, действия нейтральны (*we stand… / one turned up… / we seized the children… / I gave him…*) [7, 9].

Семантический комплекс актуальности – смысловая основа, инвариантная для обоих языков. Интерпретационный компонент, варьирующийся при переходе от одного языка

к другому, связан со спецификой, уникальностью форм конкретного языка.

Неактуальность не содержит указания на отнесенность действия к моменту речи и используется для представления ситуации, бывшей, возможно, когда-то актуальной, но в данном контексте уже таковой не являющейся. Отражая в языковых значениях знание говорящего о существующем в действительности, неактуальная ситуация может быть отнесена к реальным, но она нелокализована или частично локализована во времени и описывает отдельные акты бывших в какой-то период действий. Неактуальность подчеркивает факт совершения обобщенного, повторяющегося или однократного действия в настоящем или прошлом. Модальность неактуальности реализуется в виде микрополей 3-ей ступени – настоящего и прошедшего времени.

Главным семантическим компонентом настоящего неактуального является абстрактное настоящее, признаком которого является нелокализованность действия во времени. Настоящее неактуальное реализуется в семантических вариантах: абстрактное настоящее, настоящее потенциальное и настоящее неактуальное за пределами абстрактного настоящего. Семантика настоящего неактуального содержит инвариантный компонент «обобщенность – нелокализованность / частичная локализованность – единичность / повторяемость – отнесенность к плану настоящего». Данный семантический комплекс может быть дополнен значениями регулярности, потенциальности, номинативности, вневременности, неопределенно-длительного процесса или состояния, результативности, постепенного прекращения действия, высокой степени слитности, а также оттенками сферы оценочности и прагматики (качественной характеристики субъекта, уверенности, убежденности, раздражения, злости).

Указанные оттенки значения настоящего неактуального находят выражение в соответствующем микрополе. В русскоязычном материале ядро микрополя настоящего неактуального может быть представлено формами глаголов в изъявительном наклонении настоящего времени НСВ, в английском переводе им соответствуют формы Present Indefinite.

На ближней периферии микрополя настоящего неактуального в русском языке находятся формы зависимого и независимого инфинитива НСВ, в английскоязычном переводе аналогичное положение занимают также формы Infinitive и Present Indefinite.

Средствами дальней периферии в материале на обоих языках являются междометия (звукоподражания), выражающие значение настоящего неактуального в совокупности с контекстом.

Семантика прошедшего неактуального содержит инвариантный компонент «обобщенность – нелокализованность / частичная локализованность во времени – отнесенность к прошлому». Данный семантический комплекс может быть дополнен значениями обычного или кратного повторяющегося процесса, результативности предшествующего опыта, завершенности, многоактности, качественных изменений, фактичности в прошлом, статальности, актуальности результата в прошлом или в момент речи, фазисности. Указанные варианты значения прошедшего неактуального модифицируются оттенком неожиданности, мгновенности. Неактуальность в плане прошлого находит свое выражение в микрополе 3-ей ступени прошедшего неактуального.

Ядро микрополя в русскоязычном материале представлено формами изъявительного наклонения прошедшего времени несовершенного и совершенного вида со значением обобщенного, обычного, повторяющегося действия в сочетании с контекстом. В английском переводе им соответствуют формы Past Indefinite, Present Perfect, Past Perfect. В зоне пересечения с микрополем настоящего неактуального средствами выражения прошедшего неактуального являются формы изъявительного наклонения настоящего времени НСВ в значении настоящего исторического в плане прошлого и Present Indefinite (Historical Present), данное значение обусловлено контекстуально.

В русском языке, как показывает материал, в приядерной зоне прошедшего неактуального расположены формы глаголов прошедшего давнего обыкновения (в англоязычном тексте аналогичное значение передают конструкции типа would + Infinitive со значением обыкновения в совокупности с лексическими показателями) и глагольных междометий.

На ближней периферии находятся формы зависимого (со значением фазисности) и независимого инфинитива СВ и НСВ, в английском переводе на этом месте находим формы Infinitive, Gerund.

На большем удалении от ядра расположены формы деепричастий и причастий, которые при переводе на английский язык заменяются Past Indefinite, функционирующими самостоятельно или в составе придаточного определительного.

Дальняя периферия в обоих языках, что подтверждает проанализированный материал, представлена междометиями (звукоподражаниями).

Кратность, обычность действия подчеркивают лексические показатели *всегда*, *часто*, *постоянно*, *каждый раз*, *несколько раз*, *иногда*, *обычно* / *always*, *often*, *continually*, *every time*, *several times*, *sometimes*, *usually* и контекст в большей степени в русскоязычном тексте, в меньшей – в его англоязычном аналоге.

Значение реальности, как упоминалось, может быть осложнено семантикой достоверности. Основой ситуации достоверности является интеллектуальная оценка говорящим полноты своих знаний относительно того, в какой мере пропозиция соответствует действительности. Модальность достоверности всегда субъективна, поскольку всегда связана с умозаключением говорящего. Объектом такой оценки могут быть пропозиции двух типов: верифицируемые и неверифицируемые. Основанием оценки достоверности высказывания может служить:

- непосредственная информация, базирующаяся на чувственном восприятии, ранее приобретенном знании или опыте;

- косвенная информация, не позволяющая утверждать, что содержание пропозиции соответствует действительности, но на основании которой говорящий может путем логического рассуждения сделать оценку ее вероятности, сформировать выводное знание (мнение, предположение);

- информация, полученная «из вторых рук», использование которой позволяет говорящему передать роль субъекта оценки третьему лицу [2, с. 166].

Семантика вероятности базируется на выводном знании и является следствием логической операции умозаключения, построенного на определенных посылках, доказательная сила которых оценивается по определенной шкале. В составе микрополя 2-ой ступени вероятности выделяются микрополя 3-ей ступени – эпистемической возможности и эпистемической необходимости, в составе которых, в свою очередь, «в зависимости от семантики средств выражения можно выделить три типа микрополей, характеризующихся по вероятности события, выраженного в пропозиции» [2, с. 165-166] – микрополя 4-ой ступени – высокой, средней и невысокой вероятности. Высокая вероятность представлена логическим выводом или прогнозом, базирующимся на имеющихся в распоряжении говорящего косвенных данных.

Семантический инвариант высказываний с указанным модальным значением представлен семантическим компонентом «непосредственное чувственное восприятие / недоступность объекта оценки наблюдению», то есть говорящий из того, что он знает, может предположить, что… Указанный комплекс в исследованном материале модифицирует значения мгновенности, качественных изменений, результативности, потенциальности. Данная ситуация выражается в микрополе высокой вероятности, средствами которого являются модальные модификаторы *видимо, видно, должно быть, должен, очевидно, вероятно, возможно, может, может быть* / *evidently, apparently*, *it seems + to be to + Infinitive*, *probably*.

Вероятность средней степени, выраженная модальными словами *может, возможно, должен, должно быть, вероятно* в тексте на русском языке и *no doubt, certainly, probably* и модальными глаголами *may, must* в англоязычном переводе, лишь допускает возможность осуществления пропозиции.

Вероятность невысокой степени представлена событиями, осуществление которых мыслится говорящим как возможное, однако у него нет достаточных данных для обоснованного предположения, оно оказывается слабо мотивированным, а иногда и совсем немотивированным. Модальные слова *может*, *может быть* в русском тексте и *perhaps* в английском варианте выражают значение предположения.

Основу истинности составляет знание, представление говорящего о том, что содержащаяся в его высказывании пропозиция соответствует действительности [2, с. 165]. На источник такого представления можно сослаться. Данная семантика находит выражение в микрополе 2-ой ступени истинности, образованном из микрополей 3-ей ступени – простой, категорической и проблематической достоверности. В понятие знания входит «не собственно истина, а ее субъективный аналог – ощущение субъекта, что пропозиция P является истинной» [4, с. 20]. Таким образом, речь идет о «состоянии знания», возникающем в результате процесса познания субъектом объективной действительности. Оценка говорящим своего «состояния знания» лежит в основе простой, категорической и проблематической достоверности.

В ситуации простой (имплицитной) достоверности говорящий считает, что утверждение или отрицание связи предикатных предметов не нуждается в обосновании. Данная ситуация выражается формами глаголов в изъявительном наклонении без эксплицитных маркеров достоверности.

Ситуация категорической (подчеркнутой) достоверности соотносится с пропозициями, по отношению к которым возможно незнание или сомнения, и является прагматически обусловленной, то есть она возникает тогда, когда требуется разрешить имеющиеся сомнения и подтвердить истинность ранее высказанного предположения. В русском варианте анализируемого текста микрополе категорической достоверности представлено модальными модификаторами достоверности *действительно*, *право*, *ей-богу*, *несомненно*, *верно*, *однако*. В английском переводе им соответствуют модальные слова *really*, *in fact*, *undoubtedly*, *no doubt*, выражение *upon my word!*, передающие оттенок уверенности. Грамматическим средством выражения данного значения, не имеющим аналога в русском языке, является синтаксическая конструкция 'утвердительно-эмфатическая форма глагола *to do* + основа смыслового глагола', имеющая усилительное значение.

Ситуация проблематической достоверности возникает в условиях неполного знания, которое может быть обусловлено несовершенством памяти, неполнотой информации, помехами при восприятии. Данная ситуация может возникать при чувственном восприятии факта, при попытке говорящего вспомнить прошедшие события, а также если у говорящего нет полной информации. В русском варианте текста средствами микрополя проблематической достоверности являются модальные лексемы *кажется*, *как будто*, в английском переводе – модальная конструкция с глаголом *to seem* с оттенком неуверенности, сомнения.

Подробное рассмотрение материала, представляющего семантику реальности и достоверности и структуру соответствующих микрополей, позволило прийти к выводу о том, что модальные отношения являются важной частью грамматической подсистемы, семантика и структура которой содержит черты национального своеобразия. Как показал анализ материала, бóльшие расхождения в сфере грамматики русского и английского языков проявляются при передаче значений с оттенками высокой степени эмоциональности, мгновенности, с семантическими компонентами, связанными с видовыми значениями в русском языке, специфическими для языков формами. Выявленные различия позволяют подтвердить существующее в лингвистике мнение об отражении мыслительной специфики на уровне грамматики, поскольку национальная специфика семантических пространств языков отражает национальную специфику концептосферы.

Список литературы

1. Беляева Е. И. Функционально-семантические поля модальности в английском и русском языках / Е. И. Беляева. Воронеж, 1985. 180 с.

2. Бондарко А. В. Реальность / ирреальность и потенциальность / А. В. Бондарко // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л.: Наука, 1990. С. 72-80, 165-167.

3. Грабье Вл. Семантика русского императива / Вл. Грабье // Сопоставительное изучение грамматики и лексики русского языка с чешским языком и другими славянскими языками. М.,

1983. С. 108-111.
4. Зализняк А. А. «Знание» и «мнение» в семантике предикатов внутреннего состояния / А. А. Зализняк // Коммуникативные аспекты исследования языка. М., 1986. С. 19-27.
5. Попова З.Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике / З. Д. Попова, И. А. Стернин. Воронеж, 2001. 192 с.
6. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию / Ф. де Соссюр. М.: Прогресс, 1977.
7. Толстой Л. Н. Война и мир: в 2 т. / [вступ. ст., подгот. текста и коммент. Г. Беленький, П. Николаев, А. Овчаренко и др.]. / Л.Н. Толстой. М.: Худож. лит., 1988. 1356 с.
8. Palmer F. R. Modality and the English modals / F. R. Palmer. London, 1979.
9. Tolstoy Leo. War and Peace. / L. Tolstoy. London: Penguin Books, 1997. 1352 c.

COMPONENTS OF CATEGORY OF MODALITY AND EXPRESSION'S MEANS OF REALITY AND AUTHENTICITY IN RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES

The paper represents the analysis of Modality of reality and authenticity, presents in the content the imagine of the existent in realty, an estimation of reported from the point of view of authenticity, accordance of reality. A field-model is structured. The difference and identity are determined in Russian and English.
Keywords: reality, modality, functional- semantic field, authenticity, probability, verity.

References

1. Belyaeva, E. I. Funkcional'no-semanticheskie polya modal'nosti v anglijskom i russkom yazykah [Functional-semantic fields of Modality in English and Russian]. Voronezh, 1985. 180 s.
2. Bondarko, A. V. Real'nost' / irreal'nost' i potencial'nost' // Teoriya funkcional'noj grammatiki. Temporal'nost'. Modal'nost'. [Reality/Unreality and Potentiality]. L.: Nauka, 1990. S. 72-80, 165-167.
3. Grab'e, Vl. Semantika russkogo imperativa // Sopostavitel'noe izuchenie grammatiki i leksiki russkogo yazyka s cheshskim yazykom i drugimi slavyanskimi yazykami. [Semantics of Russian Imperative]. M., 1983. S. 108-111.
4. Zaliznyak, A. A. «Znanie» i «mnenie» v semantike predikatov vnutrennego sostoyaniya // Kommunikativnye aspekty issledovaniya yazyka. ["Knowledge" and "Opinion" in the semantics of the internal state predicates]. M., 1986. S. 19-27.
5. Popova, Z.D., Sternin, I. A. Ocherki po kognitivnoj lingvistike [Essays in Cognitive Linguistics]. Voronezh, 2001. 192 s.
6. Sossyur, F. de. Trudy po yazykoznaniyu [Proceedings in Linguistics]. M.: Progress, 1977.
7. Tolstoj, L. N. Vojna i mir: v 2 t. / [vstup. st., podgot. teksta i komment. G. Belen'kij, P. Nikolaev, A. Ovcharenko i dr.]. [War and Peace]. M.: Hudozh. lit., 1988. 1356 s.
8. Palmer, F. R. Modality and the English modals / F. R. Palmer. London, 1979.
9. Tolstoy, Leo. War and Peace. / L. Tolstoy. London: Penguin Books, 1997. 1352 c.

Об авторе

Шлык Елена Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: shlykl@mail.ru

Shlyk Elena Vladimirovna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor at the Department of Foreign Languages, Bryansk State University named after academician I.G. Petrovskij, E-mail: shlykl@mail.ru

УДК 37.013.43

Асташова Н.А., доктор педагогических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)
Степченко Т.А., доктор педагогических наук, профессор, Брянский государственный университет имени И.Г. Петровского (Россия)

ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ КАК СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРИОРИТЕТ*

В статье определены основы развития современной системы воспитания как стратегического направления в развитии личности, образования и социума в целом. Актуальность работы заключается в том, что воспитание школьников рассматривается с позиций установления направленности деятельности воспитательного характера для реализации этого процесса как стратегического общенационального приоритета.
В статье раскрыта роль культуры как преобразующей деятельности человека и общества, которая существует в материальных и духовных ценностях, а также способах их создания, применения и передачи. Показаны возможности культуры как специфического способа человеческой деятельности; как процесса творческой самореализации сущностных сил личности. Авторы подчеркивают ориентацию воспитания на современный национальный воспитательный идеал и представляют перспективные направления воспитательного процесса. В статье раскрыты ресурсы воспитания как диалога индивидуальностей, воспитания как процесса интериоризации ценностей; особенности моделей воспитательного процесса. Анализ результатов опроса студентов - будущих учителей позволил установить, какой вариант организации воспитательного процесса может создать условия для реализации стратегических общенациональных приоритетов в области воспитания личности.
Ключевые слова: воспитание, модели воспитания, культура, стратегические общенациональные приоритеты, современный национальный воспитательный идеал, диалог, ценностные ориентиры, перспективные направления воспитательного процесса
DOI:10.22281/2413-9912-2017-01-04-272-282

Общеизвестно, что воспитание школьников в современных условиях занимает важнейшее место в образовательном процессе, что вполне согласуется со стратегической линией личностно-ориентированной педагогики, предусматривающей реальное обеспечение организации воспитательного процесса как важнейшего и необходимого условия полноценного развития личности.

Методология воспитания строится с учетом гуманистического, культурологического, аксиологического, диалогического и других подходов, особым образом определяет само понятие «воспитание» и, соответственно, иначе формулирует его ключевые характеристики. В основе воспитательного процесса лежат идеи личностного подхода, ставящего в центр разнообразной деятельности проблемы личности; подчеркивающего, что жизнь человека - это высшая социальная ценность; природосообразности, предполагающей обязательный учет половозрастных особенностей личности; диалогичности как работы со смыслами, системой отношений человека; культуросообразности как опоры на национальные традиции народа, его обряды, привычки; гуманизации межличностных отношений, обосновывающей уважение и понимание в системе взаимодействия субъектов воспитания.

Организация воспитания в образовательной системе преимущественно строится на присвоении ценностных ориентаций, способных регулировать образовательные процессы, которые непосредственно и целенаправленно влияют на формирование духовных ценностей человека, его приобщение к нравственным богатствам Отечества. Именно это может объединить людей, сформировать социальные приоритеты, побуждать развитие самобытной личности, стимулировать духовные потребности человека. В свою очередь, человек духовный способен ответственно относиться ко всему, что происходит в своем отечестве, понимать важность активной созидательной деятельности как

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Брянской области в рамках научного проекта № 17-16-32003.

необходимого условия преодоления проблем и решения социокультурных, экономических, экологических и других задач. В этом уникальность воспитания как явления, пронизывающего все социальные структуры, имеющего диалогичную природу и разнообразие подходов, решений и оценок.

В процессе своего развития целесообразно и полноценно организованное воспитание может и должно стать гарантом формирования гуманной, свободной и творческой личности, способной к органичному саморазвитию и тем самым обеспечивающей подлинный общественный прогресс.

Перспективы развития воспитания рассматриваются в контексте стратегических общенациональных приоритетов, предполагающих духовно- нравственное развитие личности с использованием вариативности воспитательных систем и технологий, нацеленных на формирование индивидуальной траектории развития личности ребенка с учетом его потребностей, интересов и способностей.

Проблемой нашего исследования является определение основ системы воспитания, актуализация которой способна реализовать этот процесс как стратегический общенациональный приоритет.

Объект исследования - воспитание детей как стратегический общенациональный приоритет.

Предмет исследования - содержание и специфика перспективных направлений воспитательного процесса школьников для развития субъектов воспитания.

Цель исследования - теоретически обосновать организацию воспитания как стратегического общенационального приоритета.

Задачи исследования:

- разработать стратегические приоритеты развития воспитания;
- проанализировать перспективные ресурсы воспитательного процесса;
- определить особенности воспитания как диалога индивидуальностей;
- обосновать приоритетность аксиологического воспитания школьников.

Методы исследования: анализ философской, психологической и педагогической литературы, теоретическое моделирование, опрос студентов.

В современных условиях новой России особое внимание уделяется вопросам инновационного развития системы воспитания, не только потому, что именно этот компонент является базовым в образовании, но и потому, что воспитание рассматривается как стратегический общенациональный приоритет. Действительно, воспитание сегодня - это стратегическое направление в развитии личности, образования и социума в целом, поскольку именно этот сложный процесс обладает высокой ценностью, творческим потенциалом и ориентирует человека на его будущее. Воспитание является системной перспективой, в которой представлены образы человека, информационные ресурсы, ценностные характеристики личности, образовательное пространство, система отношений на основе актуального взаимодействия субъектов воспитательного процесса.

Понятие «воспитание» имеет разные определения, что подчеркивает сложность, оригинальность и многоликость этого процесса и направленности деятельности воспитательного характера. Чаще всего о воспитании говорят как о процессе целенаправленного управления развитием личности, в этом случае речь идет о динамике качественных и количественных изменений, которые происходят с воспитанником в результате взаимодействия, организованного воспитателем.

Исследователи воспитательного процесса определяют его ключевые характеристики по-разному, но смысл воспитания как процесса гуманистического, ценностно-ориентированного, созидательного, творческого сохраняется. Например, Е.В. Бондаревская подчеркивает положение о том, что воспитание - это процесс педагогической помощи ребенку в становлении его субъектности, культурной идентификации, социализации, жизненном самоопределении [4]. Н.Е. Щуркова определяет воспитание как целенаправленное, организованное профессионалом-педагогом восхождение ребенка к культуре современного общества, как развитие способности жить в нем и сознательно строить свою жизнь, достойную Человека [6].

В «Концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России в сфере общего образования» - документе, который был принят как важная составная часть реализации стандарта школь-

ного образования, - отмечается, что воспитание - это педагогически организованный целенаправленный процесс развития обучающегося как личности, гражданина, освоения и принятия им ценностей, нравственных установок и моральных норм общества [10].

Анализ разных вариантов определения феномена воспитания привел нас к пониманию того, что воспитание непосредственно обращено к человеку, который получает от воспитателя и сам ищет ответы на вопросы о смысле жизни, об уровне и качестве субъектного взаимодействия, о самоактуализации. Воспитание - это диалогический процесс, в котором подчеркивается ценность каждого субъекта и реализация взаимопонимания, умения слушать и слышать, проявлять заботу и терпимость, что непосредственно влияет на развитие внутреннего мира, культуры участников воспитательного процесса.

Культура и воспитание – два уникальных явления в обществе. Культура в современных условиях рассматривается как преобразующая деятельность человека и общества, которая существует в материальных и духовных ценностях, а также способах их создания, применения и передачи. Воспитание же - процесс целенаправленного управления развитием личности, в основе которого лежат культурные традиции, обычаи, ценности, нормы, смыслы, образ жизни и, конечно же, организованная деятельность. Таким образом, связь между культурой и воспитанием очевидна. Культура - это то, что создает человек, то, что обладает своего рода культурным кодом, в котором заложен глубинный смысл жизни и деятельности человека. А воспитание - это процесс, который организует человек, в условиях которого передается все многообразие культуры и стимулируется развитие личности. Причем, воспитание - это мир педагогических смыслов, в которых отражается коренное значение образования и культуры для человека и социума.

Как известно, существуют разные варианты толкования понятия «культура» (cultus - лат.), помогающие прояснить истоки развития этой дефиниции. Выделим такие, как «почитание», «вскармливание», «возделывание», «первоначальная обработка», «воспитание», «образование», «развитие». Между тем, культура имеет и более масштабную характеристику – это исторически определенный уровень развития общества, творческих сил и способностей человека, выраженный в особенностях организации жизни и деятельности людей; в отношениях, которые складываются между ними; в системе материальных и духовных ценностей; в уровне общественного, умственного и нравственного развития личности. Такая характеристика культуры позволяет определить ее потенциал в воспитании человека.

Отметим, что в современных условиях существует три направления в изучении культуры. Во-первых, культура исследуется как **совокупность материальных и духовных ценностей**. Это позволяет определить специфику названных ценностей и включить в их созидание участников воспитательного процесса. К материальным ценностям, как правило, относятся продукты трудовой, предметно-практической деятельности человека (компьютер, книги, картины, кинофильмы, здания, машины), которые могут быть использованы для реализации материальных потребностей человека и иметь большое значение для развития социума.

Духовные ценности являются результатом интеллектуального и художественного творчества (идеи, ценности, образы, теории, традиции), они могут регулировать различные виды межличностных отношений, влиять на эмоциональный мир человека, стимулировать совершенствование личности.

В процессе приобщения к материальным и духовным ценностям происходит осмысление, познание и актуализация общечеловеческих и национальных приоритетов; определение идеала человека; приобщение к вековому достоянию народной жизни, труду и духовности; социальным, национальным, общечеловеческим традициям; избранному образу жизни; выработанным тысячелетиями представлениям о добре и справедливости, нормам народной морали.

Во-вторых, культура рассматривается как **специфический способ человеческой деятельности**. Именно в процессе деятельности создаются и закрепляются образцы культуры, а человек выступает ее субъектом. Очевидно, что культура как универсальная характеристика деятельности определяет наиболее продуктивные виды активности личности и способы осуществления деятельности. В тоже время именно деятельность

как форма активного отношения к окружающему миру целенаправленно влияет на изменение и преобразование окружающего мира и человека.

И наконец, в-третьих, культура изучается как **процесс творческой самореализации сущностных сил личности**, социальных групп и общества, которые направляются, развиваются и предъявляются через потенциал культуры. Нет сомнений в том, что культура имеет личностно-творческую природу и систему стимулов для активного самовыражения человека. Следует отметить, что общим показателем развитости культуры личности является мера разносторонней творческой активности.

Таким образом, культура - явление многоликое, ресурсы которого в виде смыслов, ценностей, творческой деятельности, культурных процессов активно влияют на развитие человека как личности, как творения культуры.

Функции культуры подчеркивают ее уникальный потенциал, системные свойства и возможности в воспитательном процессе. Отправной точкой для понимания основ развития культуры является ключевое место в этой системе человека как субъекта деятельности. Кроме того, по мнению М.С. Кагана, важную роль в этой системе играют способы деятельности человека, которые придумывает, развивает и распространяет сам человек благодаря образованию.

В систему культуры включаются предметы (материальные, духовные и художественные), которые создает человек, удовлетворяя свои потребности, и передает из поколения в поколение как "мир вещей", "мир идей" и "мир образов" (М.С. Каган) – результат опыта человека [8].

Участие в этом процессе позволяет человеку обогатиться, овладеть культурой и стать самому творением культуры. А поскольку человек развивается, реализует потребность в творчестве, в коммуникативной деятельности, он становится и творцом.

При этом обнаруживается непосредственная связь между культурой и воспитанием, поскольку для изменения культурного потенциала личности необходимо использовать хорошо продуманные и организованные процессы воспитания, обучения и образования человека.

Среди механизмов, которые непосредственно влияют на развитие культуры и воспитания, можно выделить:

- экзистенциальный - за счет осмысленности жизни, осознанности своего внутреннего мира;
- когнитивный - комплекс интеллектуальных свойств: развитая способность к осознанию, интеллектуальная активность и инициатива;
- креативный - развитое воображение, интуиция, открытость инновационному опыту;
- рефлексивный - получение информации об окружающем мире и о самих себе, выработка соответствующих реакций; обратная связь.

Культура человека является ориентиром для организации образовательного и воспитательного процесса. Культура - это уникальная характеристика личности, включающая систему духовных и материальных ценностей и обеспечивающая успешность социализации, творческой деятельности и самовыражения личности.

Организация воспитательного процесса должна ориентироваться на возможность реализации потенциала культуры личности, который включает следующие компоненты:

интеллектуальная культура: эрудиция, кругозор, диапазон интересов, наличие комплекса знаний и умений в области умственного труда; качеств образованности, креативности и самостоятельности мышления, организации познавательной деятельности, развитие умений выполнять познавательные операции, умственные действия, работать с источниками информации, заниматься самообразованием и т.п.

эмоциональная культура: эмоциональное богатство жизни личности, общая положительная эмоциональная направленность, эмпатия, креативность в области проявлений эмоций, способность к эмоционально-волевой регуляции поведения и деятельности, а также саморегуляции; принятие ценности эмоциональных состояний и проявлений человека.

культура деятельности: творческая активность личности, направленная на создание и реализацию материальных, духовных и

художественных ценностей; включение в такие виды деятельности, как образование и воспитание, духовная жизнь, труд и игра, досуг и общение; деятельность по преобразованию природной среды, человека: созидание нового; использование технических новаций; свобода целеполагания, выбора средств, проявления своих способностей, личностных качеств; использование обрядов, обычаев, традиций как образцов поведения;

культура общения: умение взаимодействовать с людьми, верно оценивать их характер, поступки, отношения; выстраивать *стиль отношений,* быть эмоциональным; владеть качествами межличностного общения (честность, бескорыстие, доброжелательность); умение слушать и понимать собеседника, уважать его точку зрения, оказывать влияние на настроение собеседника;

культура самореализации человека: самодетерминация жизни человека; проявление свободы и творчества как средств самореализации и развития основных ценностей человека;

культура речи: техника речи, речевой этикет, развитый речевой голос, правильная дикция; собственно культура речи: правильность, богатство, точность, нешаблонность, чистота, выразительность; умение слушать собеседника, соблюдение правил хорошего тона.

культура внешнего вида: одежда; прическа; обувь; пантомимика, мимика: жесты, позы, походка, осанка.

Компоненты культуры личности - это система уникальных личностных характеристик, в которой выражается актуальная связь между человеком и культурой общества, отражающая и ту часть культуры, которую должен присвоить человек, и те ожидания, в которых он должен самореализоваться и предстать творцом культуры. Соответственно, личность должна быть включена в процесс интериоризации ценностных ориентаций как важнейших составляющих общечеловеческой и национальной культуры, в реализацию деятельностного и индивидуально-творческого аспектов культуры.

Для целесообразной организации развития культуры личности принципиальное значение имеет создание единого культурно-образовательного пространства, в котором представлены материальные, духовные и художественные ценности культуры, поведения и общения; артефакты, система межличностных отношений. Влияние культурно-образовательного пространства на человека выстраивает его отношения с миром, развивает духовные потребности, разносторонние интересы и стимулирует творческий потенциал культурного самовыражения.

Процесс организации воспитания детей как стратегического общенационального приоритета подразумевает, прежде всего, ориентацию на современный национальный воспитательный идеал – «высоконравственный, творческий, компетентный гражданин России, принимающий судьбу Отечества как свою личную, осознающий ответственность за настоящее и будущее своей страны, укоренённый в духовных и культурных традициях многонационального народа Российской Федерации» [10, с.6]. Формулировка национального воспитательного идеала позволяет выделить перспективные направления воспитательного процесса:

- духовно-нравственное развитие личности;
- введения детей в мир ценностей и личностных смыслов;
- реализация творческого потенциала ребенка;
- гражданско-патриотическое воспитание как определение перспективных отношений в социуме;
- построение индивидуальной траектории воспитания личности ребенка
- опора на потребности, интересы и способности воспитанников;
- приобретение школьником положительного опыта жизнедеятельности и общения;
- стимулирование самовоспитания как уникальной деятельности воспитанника по развитию собственной личности и др.

На наш взгляд, реализация стратегических общенациональных приоритетов в условиях воспитательного процесса возможна в контексте организации воспитания как диалога.

Воспитание как диалог индивидуальностей - достаточно сложно организованный процесс взаимодействия воспитателя и воспитанников, в котором существует особая интеллектуальная и психоэмоциональная атмосфера, непосредственно влияющая на качество деятельности участников, обмен смыслами и обеспечение интерактивного

взаимодействия. Диалог и его многозначность ориентируют воспитанников на приобщение к культуре личности, на понимание многосторонности мира, на создание основы межличностного взаимодействия. А все это позволяет определить контуры сооружения будущего через воспитание человека.

В воспитательном процесс диалог может быть представлен как коммуникация, обеспечивающая единство человеческой деятельности и эмоциональных проявлений личности; как взаимодействие с культурой, особенно, если речь идет об уникальных творениях мастеров; как развитие диалогического мышления, обмен мыслями, чувствами, поведенческими моделями.

Образовательный процесс школы сегодня ориентирован на *универсальные учебные действия*, которые представлены как целевые установки и ожидаемые результаты. Для развития воспитания как диалога индивидуальностей большое значение имеет присвоение нижеперечисленных коммуникативных универсальных учебных действий: учитывать разные мнения и стремиться к координации различных позиций в сотрудничестве; формулировать собственное мнение и позицию, аргументировать и координировать её с позициями партнёров в сотрудничестве при выработке общего решения в совместной деятельности; устанавливать и сравнивать разные точки зрения прежде, чем принимать решения и делать выбор; аргументировать свою точку зрения, спорить и отстаивать свою позицию не враждебным для оппонентов образом; задавать вопросы, необходимые для организации собственной деятельности и сотрудничества с партнёром;… вступать в диалог, а также участвовать в коллективном обсуждении проблем, участвовать в дискуссии и аргументировать свою позицию и др. [11, с.25-26].

Развитие представленных коммуникативных универсальных учебных действий позволит использовать в воспитании диалог как «способ жизни» (М.М. Бахтин), как «территорию согласия», «со-бытие» с другими людьми (М. Бубер), «многоголосье мира» (В.С. Библер). Это будет способствовать восприятию субъектов воспитания как самоценной, уникальной личности, имеющей свою позицию, точку зрения на события в мире и деятельность человека. Таким образом будет развиваться взаимопонимание, обмен смыслами, объединение людей на платформе понимания друг друга.

Кроме того, диалог в воспитании выражается в том, что коммуникант ориентирует партнеров на систему своих ценностей, предъявляя свое мнение, свою позицию. Другая сторона, представляя свои взгляды, воззрения, пытается понять собеседника, обогатиться его идеями и ценностными представлениями. Диалог в этом случае имеет субъект-субъектный характер.

Воспитание как диалог индивидуальностей в основе своей имеет актуальное взаимодействие воспитателя и воспитанника, которое является базовой моделью сотрудничества и согласованности в деятельности субъектов педагогической системы. Значимым в таких отношениях является принятие другого участника воспитательного процесса таким, какой он есть.

В диалоговом варианте воспитания-общения существует еще одна позиция, которая должна учитываться в образовании - это усилие в интерактивных отношениях понять другого человека, его мир, его соображения, через которые реально осознать себя. При этом можно с полной уверенностью утверждать, что взаимодействие в диалоге должно развиваться на основе свободы собеседников и усилий по поддержанию их индивидуальности.

Конечно, говоря о диалоге, можно вспомнить идеи М.М. Бахтина, который рассматривал этот феномен как само бытие личности, поскольку «только в общении, во взаимодействии человека с человеком раскрывается "человек в человеке" как для других, так и для себя» [3, с. 336]. Это замечание весьма актуально, поскольку в определении воспитания как диалога индивидуальностей можно подчеркнуть следующее: это процесс взаимодействия воспитателя и воспитанников, в котором осуществляется межсубъектный обмен информацией, переживаниями, смыслами и способами деятельности, раскрывается "человек в человеке" и происходит изменение позиций собеседников.

Воспитание как процесс интериоризации ценностей решает приоритетную задачу присвоения ценностей в условиях актуализации ценностных ориентиров, их детализации, выяснения особенностей и принятия/

не принятия аксиологических положений. Интериоризация ценностей может быть показана в виде цепочки: включение в воспитательный процесс ценностных объектов - предъявление ценностей личности - обеспечение связи «субъект - объект» - вызов эмоционально положительной реакции - фиксирование этой реакции - генерализация отношения - осознание ценности - коррекция ценностного отношения на основе имеющихся представлений об идеальном уровне ценности.

По мнению И.А. Ильина, выдающегося философа XX века, воспитание человека - это процесс пробуждения в нем духовных переживаний, открывающих путь к духовному опыту. Актуализируя проблему воспитания, И.А. Ильин отмечает: «жить на свете - значит *выбирать и стремиться;* кто выбирает и стремится, тот *служит* некоторой *ценности,* в которую он верит»[7, С. 137].

Сложность процесса интериоризации ценностей выражается, прежде всего, в том, что есть временные параметры этого процесса - требуется много времени для детального исследования ценностной структуры; важно опираться на нравственные правила в процессе предъявления, осмысления, становления аксиологических позиций личности. На наш взгляд, полный цикл формирования ценностных ориентаций может включать следующие этапы:

- предъявление ценностей личности;
- осознание ценностных ориентаций;
- принятие ценностной ориентации;
- реализация ценностных ориентаций в деятельности и поведении;
- закрепление ценностной ориентации в направленности личности и перевод ее в статус качества личности, т.е. в потенциальное состояние;
- актуализация потенциальной ценностной ориентации, заключающейся в качествах личности [2].

Анализ теории и практики воспитания на основе интериоризации ценностных ориентаций, позволяет сделать вывод о том, что работа с ценностями личности должна осуществляться в условиях свободного поиска аксиологических приоритетов с опорой на позитивные эмоциональные личностные подкрепления. Ценности должны быть осознаны и представлены вербально, внутренне приняты и готовы к практической реализации. Утверждение ценностной позиции связано с закреплением ее на практике, в деятельности и поведении, развитием способности к аксиологической самореализации личности.

Наше обращение к разным вариантам организации воспитательного процесса позволило определить приоритетный подход с точки зрения будущих учителей. Мы предложили будущим учителям внимательно проанализировать ресурсы разных моделей воспитательного процесса и установить, какой вариант организации воспитательного процесса способен создать условия для реализации стратегических общенациональных ожиданий, представленных в современном национальном воспитательном идеале.

В опросе участвовало 112 студентов, которые должны были определить наиболее результативный вариант организации воспитательного процесса в школе с учетом перспективных направлений воспитания:

Таблица 1

Определение перспективных направлений воспитания школьников

Модель воспитания	**Перспективные направления воспитания школьников**					
	Духовно-нравственное развитие личности	Гражданско-патриотическое воспитание	Реализация творческого потенциала ребенка	Стимулирование самовоспитания воспитанника	Построение индивидуальной траектории воспитания	Понимание культурных традиций народов РФ
Целенаправленное управление развитием личности	17	22	12	22	27	12
Процесс педагогической помощи ребенку	19	15	20	25	23	10
Восхождение ребенка к культуре современного общества	23	20	14	22	20	13

Воспитание как диалог с индивидуальностью	21	20	16	20	21	14
Воспитание как интериоризация ценностей	22	24	15	12	19	20
Воспитание как удовлетворение базовых потребностей школьника	19	18	20	19	20	16

Анализируя полученные результаты, можно сделать выводы о том, что в воспитательном процессе важно использовать потенциал всех моделей воспитания. И если доминирующая версия организации воспитательного процесса - воспитание как целенаправленное управление развитием личности (Х.Й. Лийметс, Л.И. Новикова) - прежде всего, представлена направлением - построение индивидуальной траектории воспитания, то это «говорит» об особом отношении к личности, о понимании того, что необходимо разрабатывать для каждого ученика свою воспитательную программу с опорой на индивидуальные характеристики ребенка и перспективы педагогического сопровождения.

Модель Е.В. Бондаревской, направленная на воспитание как процесс педагогической помощи ребенку в становлении его субъектности, культурной идентификации, социализации, жизненном самоопределении - имеет большой потенциал, однако, в нашем опросе на первый план вышла позиция - стимулирование самовоспитания воспитанника, что требует включения системы мотиваторов, способных показать безграничные возможности человека и подчеркнуть важность волевых усилий для достижения результата.

Н.Е. Щуркова предложила использовать целенаправленное, организованное профессионалом-педагогом восхождение ребенка к культуре современного общества, как развитие способности жить в нем и сознательно строить свою жизнь, достойную Человека. В модели этого ученого представлены направления деятельности: интеллектуальное, нравственное, креативное; опора на классические ценности. Студенты выделили направление духовно- нравственного развития личности, что подчеркивает важность обращения к духовности растущего человека как национальному приоритету в культуре личности.

Воспитание как диалог с индивидуальностью (М.М. Бахтин, В.С. Библер) - это особый путь в воспитании. Он ведет к саморазвитию личности, к деликатному отношению к другому человеку, к умению предъявлять свое мнение и уважать мнение другого человека. Видимо, поэтому студенты подчеркнули значимые линии воспитательного процесса: духовно- нравственное развитие личности, построение индивидуальной траектории воспитания.

Исследование аксиологических основ образовательного процесса позволило представить версию о воспитании как процессе интериоризации ценностей (Н.А. Асташова, А.В. Кирьякова, В.А. Караковский, В.А. Сластенин). Отметим, что принципиальная открытость системы воспитания ценностной сфере, наличие аксиологического выбора, создание возможностей для проживания ценностных отношений, осмысления сущности аксиологических позиций, ценностно-ориентационная деятельность - факторы развития ценностной системы личности. Функционирование духовных, интеллектуальных, социальных ценностей в образовании дает возможность целесообразно включать аксиологические позиции в разные области человеческой деятельности. По мнению студентов, эта модель воспитательного процесса ориентирована на гражданско-патриотическое воспитание и духовно-нравственное развитие личности. Действительно, ценности определяют отношение к миру, к различным социальным, личностным процессам.

И наконец, нами была рассмотрена еще одна модель воспитательного процесса «Воспитание как удовлетворение базовых потребностей школьника» (В.П. Созонов, Т.А. Степченко). В.П. Созонов уверен в том, что воспитание должно строиться «от ребенка», реализовывать его базовые потребности в творчестве, здоровье, в защищенности, в смысле

жизни, в самореализации. Студенты, рассматривая ресурсы данного подхода, отметили такие направления воспитательной работы, как реализация творческого потенциала ребенка, построение индивидуальной траектории воспитания, что вполне соответствует особенностям представленной модели.

Таким образом, в современных условиях существуют модели воспитания, которые имеют уникальные резервы для организации воспитательного процесса как стратегического общенационального приоритета. Есть возможности организовать воспитание с ориентацией на полноценное развитие личности школьников, на стимулирование их активности в процессе поиска себя, ответственного взаимодействия с миром и людьми, организации творческой, личностно и социально значимой деятельности.

В условиях модернизации современного образования следует обратить особое внимание на организацию воспитания детей, поскольку этот процесс может стать гарантом социальной стабильности, развития духовной личности, способной к саморазвитию и обеспечению национально самобытного и цивилизационно-культурного развития общества.

Авторы считают, что в воспитательном процессе современных школьников надо использовать разнообразные модели организации воспитания: воспитательной системы школы, в которой воспитание представлено как целенаправленное управление развитием личности; личностно-ориентированное воспитание, где воспитание функционирует как процесс педагогической помощи ребенку в становлении его субъектности, культурной идентификации, социализации, жизненном самоопределении.

Представляет интерес воспитание в контексте культуры - целенаправленное, организованное профессионалом-педагогом восхождение ребенка к культуре современного общества как развитие способности жить в нем и сознательно строить свою жизнь, достойную Человека. Особого внимания заслуживают модели воспитания, в которых используется диалог с индивидуальностью, интериоризация ценностей, удовлетворение базовых потребностей школьников. Все эти модели стимулируют активность воспитанника, яркую интеллектуальную деятельность, положительные эмоции, творческие пробы.

В воспитательном процессе чрезвычайно важно выделить перспективные направления воспитания школьников, учитывая особенности национального педагогического кода, представляющего интегративное социально-ценностное образование, содержащее совокупность идей интеллектуального и нравственного свойства, включающих такие духовно-нравственные ценности, как любовь к родине, народность, чувство современности, свобода человека, гармония истины, красоты и добра, образование как духовный организм[1].

В процессе исследования были обоснованы перспективные направления воспитания детей:

- духовно-нравственное развитие личности;
- гражданско-патриотическое воспитание учащихся;
- развитие понимания культурных традиций народов РФ;
- реализация творческого потенциала ребенка;
- построение индивидуальной траектории воспитания;
- стимулирование самовоспитания воспитанника.

Организация воспитательного процесса на основе развития у школьников духовно-нравственной культуры, социальной ответственности, формирования личностно-значимой позиции по отношению к субъектам воспитания, реализации жизненных целей, использования внутреннего потенциала саморазвития воспитательной системы позволит сохранить уникальные образовательные традиции, выдающиеся педагогические достижения и просто стабильную работу системы образования России. Но самое главное, воспитательный процесс будет ориентироваться на развитие и созидание людей, способных отвечать требованиям времени, выполнять нравственный долг человека, правила современной этики. В этом и будут проявляться ресурсы воспитания детей как стратегического общенационального приоритета.

Список литературы

1. Асташова Н.А. Национальный педагогический код в системе образования России// Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6; URL: http:// www. science-education.ru /120-16814.

2. Асташова Н.А. Учитель: проблема выбора и формирование ценностей. М.: МПСИ; Воронеж: «МОДЭК», 2000. 272 с.

3. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / сост. С.Г. Бочаров; текст подгот. Г.С. Бернштейн и Л.В. Дерюгина; примеч. С.С. Аверинцева и С.Г. Бочарова. М.: Искусство, 1979. 424 с.

4. Бондаревская Е.В. Теория и практика личностно-ориентированного образования. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского педагогического университета, 2000. 352с.

5. Бондырева С.К. Коммуникация: от диалога межличностного к диалогу межкультурному: Учеб. пособие/ С.К. Бондырева, А.А. Мурашов. М.; Изд-во МПСИ; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2007. 384 с.

6. Воспитание детей в школе: Новые подходы и новые технологии / Под ред. Н.Е. Щурковой. М.: Новая школа, 1998. 208 с.

7. Ильин И.А. Путь духовного обновления // Путь к очевидности. М.: Республика, 1993. 430 с.

8. Каган М.С. Философская теория ценностей. СПб: ТОО ТК «Петрополис», 1997. 205 с.

9. Караковский В.А. Стать человеком. Общечеловеческие ценности - основа целостного учебно-воспитательного процесса. М.: Новая школа, 1993. 80 с.

10. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России. 2-е изд. / А.Я. Данилюк, А.М. Кондаков, В.А. Тишков. Рос. акад. образования. М.: Просвещение, 2011. 24 с. (Стандарты второго поколения).

11. Примерная основная образовательная программа образовательного учреждения. Основная школа / [сост. Е.С. Савинов]. 2-е изд. М.: Просвещение, 2014. 342 с.

12. Сластенин. М.: Издательский Дом МАГИСТР-ПРЕСС, 2000. 488 с.

13. Степанов Е.Н., Лузина Л.М. Педагогу о современных подходах и концепциях воспитания. 2-е изд., перераб., доп. М., 2008. 224 с.

14. Степченко Т.А. Педагогические условия обучения учащихся основам потребительской культуры // Стратегия и тактика подготовки современного педагога в условиях диалогового пространства образования: сборник научных статей / науч. ред. и сост. Н.А. Асташова, Н.В. Матяш. Брянск: РИО БГУ, ООО "Новый проект", 2017. С. 348-355.

15. Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года: распоряжением Правительства РФ от 29 мая 2015 г. № 996-р

RAISING KIDS AS A STRATEGIC NATIONAL PRIORITY

The article defines the basis for the development of the modern system of education as a strategic direction in the development of personality, education and society in General. The relevance of the work lies in the fact that the education of students is considered from the standpoint of establishing the orientation of the activities of an educational nature for the implementation of this process as a strategic national priority. The article reveals the role of culture as a transformative activities of man and society that exists in the material and spiritual values, as well as methods of their creation, use and transfer. The possibilities of culture as a specific way of human activity; as a process of creative self-realization of intrinsic forces of the person. The authors emphasize the orientation of education in the modern national educational ideal and represent promising areas of the educational process. The article reveals the resources of education as a dialogue of individuals, education as a process of internalization of values; features of models of the educational process. The analysis of the survey results of students - future teachers allowed us to establish which variant of the organization of educational process can create the conditions for implementation of strategic national priorities in the field of personality development.

Keywords: education, models of education, culture, strategic national priorities, modern national educational ideal, dialogue, values, perspective directions of educational process

References

1. Astashova, N.A. (2014). Nacional'nyj pedagogicheskij kod v sisteme obrazovaniya Rossii // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya [National pedagogical code in the education system of Russia // Modern problems of science and education]. № 6. http:// www. science-education.ru /120-16814.

2. Astashova, N.A. (2000). Uchitel': problema vybora i formirovanie cennostej [Teacher: the

problem of choice and formation of values]. Moskva: MPSI; Voronezh: MODEK.

3. Bakhtin, M.M. (1979). Estetika slovesnogo tvorchestva [Aesthetics of verbal creativity]. Moskva: Iskusstvo.

4. Bondarevskaya, E.V. (2000). Teoriya i praktika lichnostno-orientirovannogo obrazovaniya [Theory and practice of personality-oriented education]. Rostov-na-Donu: Izd-vo Rostovskogo pedagogicheskogo universiteta.

5. Bondyreva, S.K. (2007). Kommunikaciya: ot dialoga mezhlichnostnogo k dialogu mezhkul'turnomu [Communication: from interpersonal dialogue to a dialogue between Mikul-cultural]. M.; Izd-vo MPSI; Voronezh: Izd-vo NPO MODEK.

6. Shurkova, N.E. (1998). Vospitanie detej v shkole: Novye podhody i novye tekhnologii [The education of children in school: New approaches and new technologies]. M.: Novaya shkola.

7. Il'in, I.A. (1993). Put' duhovnogo obnovleniya // Put' k ochevidnosti [The path of spiritual renewal // the path to the evidence]. M.: Respublika.

8. Kagan, M.S. (1997). Filosofskaya teoriya cennostej [Philosophical theory of values]. SPb: TOO TK Petropolis.

9. Karakovskij, V.A. (1993). Stat' chelovekom. Obshchechelovecheskie cennosti - osnova celostnogo uchebno-vospitatel'nogo processa [to Become a man. Universal values - the basis celest-tion of the educational process]. M.: Novaya shkola.

10. Danyluk, A.Y., Kondakov, A.M., Tishkov, V.A. (2011). Koncepciya duhovno-nravstvennogo razvitiya i vospitaniya lichnosti grazhdanina Rossii [The concept of spiritually-moral development and education of the person citizen of Russia]. 2-e izd. M.: Prosveshchenie.

11. Savinov, E.S. (2014). Primernaya osnovnaya obrazovatel'naya programma obrazovatel'nogo uchrezhdeniya [Approximate main educational program of educational institution]. 2-e izd. M.: Prosveshchenie.

12. Slastenin (2000). M.: Izdatel'skij Dom MAGISTR-PRESS.

13. Stepanov, E.N., Luzina, L.M. (2008). Pedagogu o sovremennyh podhodah i koncepciyah vospitaniya [Teacher of modern approaches and concepts of education]. 2-e izd. M.

14. Stepchenko, T.A. (2017). Pedagogicheskie usloviya obucheniya uchashchihsya osnovam potrebitel'skoj kul'tury // Strategiya i taktika podgotovki sovremennogo pedagoga v usloviyah dialogovogo prostranstva obrazovaniya [Pedagogical conditions of training students in the basics of consumer-tion of culture// Strategy and tactics training of the modern teacher in the conditions of the interactive space of education]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta* [*Herald of the Bryansk State University*], 348-355.

15. Strategiya razvitiya vospitaniya v Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda: rasporyazheniem Pravitel'stva RF ot 29 maya 2015 g. № 996-r

Об авторах

Асташова Надежда Александровна – доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики; заведующая кафедрой педагогики, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: nadezda.astashova@yandex.ru

Степченко Татьяна Александровна – доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики; проректор по научно-исследовательской работе и международным связям, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

Astashova Nadezhda Aleksandrovna – doctor of pedagogical Sciences, Professor of chair of pedagogics; head of the Department of education, Bryansk state University named after academician I. G. Petrovsky (Russia), E-mail: nadezda.astashova@yandex.ru

Stepchenko Tatiana Aleksandrovna – doctor of pedagogical Sciences, Professor of pedagogy, Vice-rector for research and international relations, Bryansk state University named after academician I. G. Petrovsky (Russia)

УДК 378.147

Еловикова Д.А., кандидат педагогических наук, доцент, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

РАБОТА С КУЛЬТУРНЫМИ АССИМИЛЯТОРАМИ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ КОМПЕТЕНТНОСТИ В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ

Статья раскрывает отдельные вопросы формирование компетентности межкультурного взаимодействия. Важную роль в преодолении негативных сторон этнического парадокса играет образование. Одна из задач образования - формирование компетентности в межкультурном взаимодействии. Дисциплина «Поликультурное образование» помогает повысить уровень культуры межнационального общения и компетентности в межкультурном взаимодействии молодежи с помощью работы с культурными ассимиляторами.

Ключевые слова: компетентность межкультурного взаимодействия, этнический парадокс, культурный ассимилятор, образование, поликультурное образование.

Проблема преодоления экстремистских настроений в молодежной среде актуальна для России как поликультурного государства. Это прямо зависит от формирования компетентности в межкультурном взаимодействии в процессе поликультурного образования. Целью исследования является выявление возможностей культурных ассимиляторов в работе по формированию компетентности в межкультурном взаимодействии студентов вуза.

Основными методами исследования являются анализ научной литературы, сравнение, сопоставление, обобщение, пробное обучение, наблюдение.

Предварительные данные наблюдения говорят о перспективности использования культурных ассимиляторов в процессе формирования и развития компетентности в межкультурном взаимодействии.

Дальнейшие перспективы исследования лежат в области расширения практики работы с культурными ассимиляторами студентов вуза. Необходимо разработать показатели, критерии и достоверную методику для определения уровня сформированности компетентности в межкультурном взаимодействии для статистического подтверждения гипотезы о положительном влиянии культурных ассимиляторов.

Формирование компетентности в межкультурном взаимодействии возможно с помощью составления и использования в учебном процессе культурных ассимиляторов.

Современная Россия, являясь поликультурным государством, столкнулась с проблемами преодоления напряжения в межэтнических, межконфессиональных и общих межкультурных контактах. Несмотря на предпринимаемые государством шаги для решения «национального вопроса», исследователи подчеркивают рост национализма и ксенофобии, особенно в молодежной среде. Среди причин трудностей в решении межнациональных проблем Н.А. Асташова и С.К. Бондырева отмечают: «изменение традиционного российского социокультурного пространства, которое стало отражать не всегда управляемые отношения между представителями разных национальностей и этносов, занимающих то или иное социальное положение. Серьезным препятствием в строительстве межкультурных отношений является несоответствие между личностными ожиданиями мигрантов и появлением социокультурной дистанции, различий в образе жизни, системе ценностей и взглядов» [1, с.14]

На обострение межкультурной ситуации, на наш взгляд, повлияли два основных фактора: этническое возрождение нации и рост агрессивности общества, в частности, молодежи.

Этническое возрождение называют одной из особенностей развития современного общества. Первоначально это явление называли этническим парадоксом. С одной стороны, стремление этносов и наций сохранить и возродить культуру предков рассматривается как положительное явление, которое закономерно может привести к обогащению культур на основе межкультурного диалога. Однако, углубление этноса в процессы поиска национально-этнического самосознания ведет к утрате ценностей многонационального общества: дружбы, взаимодействия, познания другой культуры. Этносы становятся

более закрытыми друг для друга, растут проявления недоверия, враждебности, интолерантности.

Усугубляет ситуацию рост агрессивности в подростково-молодежной среде. Здесь необходимо выделить три существенных момента, которые обозначают причины агрессии в межкультурном взаимодействии российской молодежи.

Во-первых, на территории центральной России проявление агрессивности чаще наблюдается со стороны представителей славянского этнотипа по отношению к инокультурным оппонентам (мигрантам) [5]. Одной из причин этого может быть устойчивый этностереотип поведения. Этноархеологические исследования межэтнических взаимодействий на русском севере X века показывают, что славяне сторонились чудских и финно-угорских племен, ограничивая с ними контакты до минимума. «При этом несомненно, что славяне изначально оценивали себя как доминантную культурную группу, а свое окружение воспринимали как культурную периферию» [13, с 77]. Следствием такого восприятия и стало формирование этноцентричной модели мира, в которой земли «инородцев», и вся их культура, воспринимались как иной, потусторонний мир, а этническая периферия наделялась характеристиками антимира. Антимир у наших предков ассоциировался со смертью и концом света, был местом обитания зла и тьмы, поэтому его боялись и с ним боролись. Таким образом, стереотипное проявление страха и агрессивности в процессе взаимодействия с носителями иной культуры был типичным для славянина X века.

Второй причиной агрессивности можно назвать общее повышение агрессивности нашего общества. Это отмечается разными исследователями – педагогами, социологами, психологами [3; 4; 8; 11; 12]. Т. Н. Курбатова указывает, что только за последние годы уровень агрессивных проявлений у несовершеннолетних (учащиеся обычных школ, училищ, техникумов) в среднем повысился в 1,5 раза, а наиболее высокие показатели агрессии имеют 12-13-летние подростки. По мнению А. А. Реана, агрессивность присваивается подростками и юношеством в ходе социализации и проявляется как стереотипная реакция в различных ситуациях, в том числе и в ситуациях межкультурного взаимодействия. «Все это, вместе взятое, вряд ли позволяет говорить о сформированности социальной терпимости личности или хотя бы о благоприятных тенденциях ее формирования. Больное нетерпимостью общество заражает этой болезнью свое молодое поколение. Опасность состоит в том, что у нового поколения болезнь может стать врожденной и массовой и таким образом может превратиться из социальной патологии в социальную норму» [3, с 181].

В-третьих, агрессивные проявления в межэтнических и межкультурных контактах провоцирует информационный терроризм. СМИ публикуют статьи о жестокости и агрессивности со стороны мигрантов по отношению к местному населению, призывают «отомстить за Россию», запускают пугающие, дезинформирующие и «агрессивные» слухи. Чаще всего им верят люди внушаемые, с недостаточным развитием критического мышления или с низким уровнем культуры, не владеющие всей информацией. В силу психовозрастных особенностей часто жертвами информационного терроризма становятся подростки и юношество, которые искренне стремятся «помочь России», освобождая ее от мигрантов.

В итоге мы приходим к ситуации, когда рост этнической идентичности и самосознания в соединении с растущим уровнем агрессивности поведения приводит к нарушению конструктивного взаимодействия между культурами и этносами, препятствует построению гармоничного социума, приводит к конфликтам, усилению этноцентризма, ксенофобии, интолерантности, в том числе в ее крайних формах: националистический, религиозный, моральный экстремизм.

Причиной экстремизма как реакции на присутствие другой культуры называют недостаточный уровень развития человека. Л.В. Баева пишет: «Причина и источник экстремизма как общей идеологии крайней непримиримости к инакомыслящим, во многом кроется в интеллектуальной и нравственной ограниченности личности, отстаивающей подобные взгляды»[2, с.24]. Педагоги, психологи, социологи, культурологи и многие другие специалисты говорят сегодня о деградации моло-

дого поколения, отмечая низкий уровень общей культуры молодых людей, недостаточный уровень развития компетентности взаимодействия, культуры общения.

В преодолении экстремистских настроений и решении проблем этнического парадокса большое значение имеет образование. Образование является важнейшим средством развития и формирования личности. Оно предоставляет необходимую информацию, образцы поведения и деятельности, способы взаимодействия личности с социумом, способствует формированию мировоззрения. Усвоение содержания образования вводит человека в мир культуры, помогает формированию его идентичности. Именно образование, должным образом организованное, может дать человеку необходимый опыт для построения конструктивного взаимодействия с представителями других культур.

Анализ обозначенных причин роста агрессивности в молодежной среде позволяет сделать вывод, что повышение уровня образованности и культуры молодого поколения сможет изменить ситуацию к лучшему. Археостереотипные агрессивные реакции на другую культуру проявляются как атавизм средневековой славянской культуры в том случае, когда альтернативные варианты реагирования отсутствуют или недостаточно сформированы. Для современного молодого человека естественным должен стать другой поведенческий стереотип, в основе которого лежит формирование компетентности в межкультурном взаимодействии в процессе образования. Образование как целенаправленный механизм социализации может помочь понизить уровень агрессии и сформировать более адекватные механизмы межэтнических коммуникаций через овладение компетенцией межкультурного взаимодействия. Повышение устойчивости к давлению информационного терроризма так же зависит от усилий образовательной системы, повышения уровня общей культуры и овладения межкультурными коммуникативными компетенциями.

Таким образом, преодоление негативных сторон этнического парадокса и формирование стиля конструктивного межкультурного взаимодействия зависит от правильной организации образовательного процесса, особо нацеленного на формирование компетенций межкультурного взаимодействия.

С позиций компетентностного подхода, образование имеет целью формирование ключевых компетенций, в которые входят компетенции, относящиеся к социальному взаимодействию человека и социальной сферы, в том числе компетенций, относящихся к кросс-культурному взаимодействию: компетенции социального взаимодействия: с обществом, общностью, коллективом, семьей, друзьями, партнерами, конфликты и их погашение, сотрудничество, толерантность, уважение и принятие Другого (раса, национальность, религия, статус, роль, пол); компетенции в общении; знание и соблюдение традиций, ритуала, этикета; кросс-культурное общение; иноязычное общение.

Эти компетенции ведут к формированию у человека компетентности в межкультурном взаимодействии, которая имеет особое значение в поликультурном социуме.

Компетентность в межкультурном взаимодействии (КМВ) - интегративное качество личности, представляющее собой систему когнитивного, операционного, поведенческого, эмоционально-ценностного компонентов, владение которой необходимо для повседневной жизни и деятельности в поликультурном обществе, реализующееся в способности решать задачи позитивного взаимодействия различного характера и уровня с представителями разных культур [6, с 208].

К сожалению, современная система общего образования еще слабо готова для всесторонней работы по формированию КМВ, не разработаны конкретные технологии, методы и формы работы по ее формированию и развитию. Но уже сегодня можно найти возможности для подготовки подростков и юношества к конструктивному взаимодействию в многокультурной среде. В общеобразовательных школах нашей страны введены предметы по изучению различных культур, работают проекты по развитию толерантности детей к другим народам, однако в школах профессионального образования такая работа представлена недостаточно: нет понимания важности поликультурного образования в профессиональной подготовке современного специалиста. Шагом к решению данной проблемы является введение в высшей школе дисциплины

«Поликультурное образование». Для работы по развитию КМВ в учебную программу дисциплины включена тема «Культурный ассимилятор как техника подготовки к кросс-культурному взаимодействию».

Культурные ассимиляторы (КА) основываются на рефлексии и работе с различиями взаимодействующих культур, это одна из кросс-культурных техник, которая воплощает атрибутивный подход. Термин «ассимилятор» в данном словосочетании связан с пониманием ассимиляции в культурологии: как процесса усвоения культурных черт группой меньшинства, которая попала в культуру группы большинства, т.е. ситуацию усвоения культуры через эмиграцию в страну с другой культурой. Этот термин не предполагает полного отказа от своей культуры и слияния с иной группой, и в то же время верно отражает суть ассимилятора – усвоение правил, традиций и обычаев иной этнокультуры группой меньшинства.

Анализ литературы позволяет сформулировать цель и задачи использования КА:

- освоение изоморфных атрибуций;
- корректировка своих эмоциональных реакций в ходе взаимодействия с представителями других культур;
- снижение частоты применения негативных стереотипов по отношению к представителям другой культуры;
- формирование установок на толерантное отношение к другой культуре и ее носителям.

Первоначально мы предлагали студентам работу с ассимиляторами, стремясь познакомить их с техникой работы, которую они могли бы использовать в своей профессиональной деятельности с учащимися школ. Однако было замечено, что предлагаемая методика работы с ассимиляторами положительно влияет на когнитивное и эмоциональное восприятие другой культуры, повышая уровень толерантного восприятия и положительно-эмоциональных реакций в процессе межкультурного взаимодействия.

Структура и этапы разработки КА достаточно подробно описаны в работах Т. Стефаненко и А Солдатенкова [9, 10]. Взяв за основу исследовательские подходы названных ученых, мы включили в учебный предмет «Поликультурное образование» теоретическое и несколько практических учебных занятий со студентами:

Культурный ассимилятор как техника подготовки к кросс-культурному взаимодействию	лекция
Теория и практика использования культурных ассимиляторов	практическое занятие
Технология составления культурного ассимилятора	практическое занятие
Технология применения культурного ассимилятора для подготовки к межкультурному взаимодействию	практическое занятие

Особенность данной работы можно считать то, что русские студенты составляют КА для русских граждан, взаимодействующих с новой культурой. Для этого им необходимо достаточно глубоко изучить эту культуру. В процессе изучения формируются интерес, снижается напряженность непонимания, возникает чувство симпатии к представителям новой культуры. Предпочтение отдавалось потенциально конфликтным ситуациям, предложенные казуальные и изоморфные атрибуции объясняли поведение и способствовали предупреждению конфликтов.

В течение двух лет студентам в качестве другой культуры предлагался Таджикистан. Этот выбор был обусловлен тремя причинами: 1) культура Таджикистана сильно отличается от славянской, что пробуждает интерес, основанный на удивлении; 2) Таджикистан занимает четвертое место по числу иммигрантов в РФ; 3) наличие на факультете студента со знанием культуры Таджикистана, который может выполнять функции эксперта.

По итогам работы студенты составили КА, которые охватили многие стороны культурных различий двух народов. Всего было составлено более трех десятков ситуаций.

Примеры ситуаций, составленных студентами:

Ситуация 1.

Сархат учился вместе с Мишей на факультете экономики в Самарском университете. На каникулах он пригласил друга к себе в Таджикистан, в город Хорог. С согласия Сархата Миша приехал со своей сестрой Машей. Сархат встретил Мишу и Машу на вокзале, привез к себе домой. Вечер провели за щедро накрытым дастарханом. Утром Сархат извинился, что оставляет гостей одних, но у него срочное дело: дедушка в больнице, нужно

навестить. Миша и Маша предложили поехать вместе, а пока Сархат будет у дедушки, они побродят по улицам. Гуляя в ожидании Сархата возле больницы, брат и сестра увидели чайхону и решили зайти. Внутри несколько мужчин пили чай и разговаривали. Когда брат и сестра вошли, все посмотрели на них и удивленно и даже возмущенно заговорили. Мужчины неприязненно смотрели на Машу, и недовольно переговаривались. Маше стало неуютно, и они с Мишей вынуждены были уйти.

Как должна понять Маша поведение мужчин в чайхоне?

Объяснение 1. Маша была одета неприлично и оскорбила мужчин внешним видом.

Объяснение 2. Маша и Миша заняли место, заказанное для других посетителей.

Объяснение 3. В чайхоне отмечали семейное торжество, и Маша с Мишей не были приглашены.

Объяснение 4. Маша невольно нарушила традиционные нормы поведения.

Интерпретация.

Вы выбрали объяснение 1. Это неправильное объяснение. В тексте ситуации нет упоминания о стиле одежды Маши. Поищите другое объяснение.

Вы выбрали объяснение 2. Это возможно, но в тексте ситуации нет указания на это. Поищите другое объяснение.

Вы выбрали объяснение 3. Это неверное объяснение. В чайхоне было мало посетителей, а таджики отмечают праздники шумной большой компанией. Тем более, что таджики хлебосольный и гостеприимный народ, даже случайные гости могут рассчитывать на теплый прием.

Вы выбрали объяснение 4. Это верный вариант ответа. По традиции чайхону посещают исключительно мужчины. Появление женщины в чайхоне вызвало возмущение посетителей-мужчин.

Ситуация 2.

На следующий день Сархат повел гостей смотреть город. Хорог произвел на них приятное впечатление. Город был небольшой, но красивый, зеленый. На обратном пути друзья зашли на базар. Базар был ярким и шумным. Маша задержалась возле прилавка с платками, а Миша разглядывал фрукты. «А не купить ли вкусненького?» - решил он. Сархат подвел его к знакомому торговцу. Миша выбрал груши и виноград. Торговец, веселый, приветливый и услужливый, взвесил фрукты и назвал неожиданно высокую цену. Миша оторопел. Он такого не ожидал. Но отказываться было неудобно. Он достал деньги и неохотно и недовольно расплатился. Торговец взял деньги, но было видно, что он растерян. Он удивленно посмотрел на Сархата, а Сархат пожал плечами и странно посмотрел на Мишу. Мише показалось, что что-то не так.

Как Миша должен понять поведение торговца?

Объяснение 1. Торговец увидел иностранца и решил взять с него двойную цену.

Объяснение 2. Торговец просто ошибся в расчетах.

Объяснение 3. Торговец повел себя в соответствии с традициями своего народа.

Объяснение 4. Торговец – плут и обманщик, хотел обмануть Мишу.

Интерпретация.

Вы выбрали объяснение 1. Это вероятно, но в этом случае торговец был бы доволен результатом сделки, а ситуация говорит, что он растерялся. Поищите другое объяснение.

Вы выбрали объяснение 2. Это возможно, но тогда Сармат поправил бы знакомого торговца, так как долг гостеприимства обязывает защищать гостя. Поищите другое объяснение.

Вы выбрали объяснение 3. Это лучший вариант ответа. Традиции восточного базара основаны на торговле. Назначая высокую стоимость, торговец ожидал, что Миша начнет торговаться и сбавит цену. Миша не сделал этого, и тем самым огорчил торговца, даже поставил в неудобное положение, а сам сильно переплатил.

Вы выбрали объяснение 4. Это неверное объяснение. Сармат представил Мишу как друга, и торговец уже не посмел бы обмануть его.

Составление КА оказало положительное влияние на развитие КМВ студентов-психологов, студенты овладели одной из техник работы по развитию КМВ в их будущей практике. Однако продвижение в данном направлении требует разностороннего и глубокого проникновения в культуры взаимодействующих групп и индивидов, и предполагает совместную работу с культурологами, лингвистами.

Список литературы

1. Асташова Н.А., Бондырева С.К. Педагогическое миротворчество: грани единения разных народов в воспитательном пространстве// ИЗВЕСТИЯ Российской академии образования. – М., 2016, № 2 (38) С. 14-31.
2. Баева Л.В. Экстремизм: природа и формы проявления // Каспийский регион: экономика, политика, культура. 2008. № 3(16) С. 21-26.
3. Бордовская Н. Реан А. Педагогика. СПб.: Питер, 2006. - 304 с.
4. Иващенко А.В., Кириенко А.А. К вопросу о проблеме агрессивных проявлений подростков с асоциальной направленностью личности // Вестник Оренбургского государственного университета. 2013. №2 (151). С. 115-120.
5. Даниленко Т.В. Агрессивность младших школьников в многонациональных классах и ее коррекция // Вестник забайкальского государственного университета. 2009. №3. С 48 – 53.
6. Еловикова Д.А. Формирование компетентности в межкультурном взаимодействии средствами курса «Поликультурное образование». Высшая школа: опыт, проблемы, перспективы // Материалы X международной научно-практической конференции. В 2-х частях. Москва, РУДН, 20-21 апреля 2017г. Москва: РУДН, 2017. С. 205-211.
7. Калита В.В., Сапожникова Е.Е. Решение задач межкультурного взаимодействия: опыт разработки культурного ассимилятора для межэтнических (русско-корейских) семей // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2013. N 6. С.79-83.
8. Пилипенко В. Волянская Е. Подростковая агрессия в контексте современной социокультурной ситуации // Социология: теория, методы, маркетинг. 2004. №4. С 5-23
9. Стефаненко Т., Солдатенков А. Мастерская "Культурный ассимилятор". [Электронный ресурс]. // Век толерантности: Научно-публицистический вестник, № 3-4. URL: http://www.tolerance.ru/VT-3-4-maste-assim.php?PrPage=VT
10. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: Учебник для вузов. М.: Аспект Пресс, 2009.
11. Фомиченко А.С. Социально-психологические причины проявления подростковой агрессии [Электронный ресурс]. // Интернет- журнал «Мир науки» 2016, Том 4, номер 5. URL: http://mir-nauki.com/P DF/27PSMN516.pdf (доступ свободный)
12. Цыренов В.Ц. Агрессивное поведение молодежи как социально-педагогическая проблема // Вестник Бурятского государственного университета. 2010. №1. С 49-53.
13. Шабаев Ю.П. «Русский север» в этнокультурном и этнодемографическом измерении // Известия Коми научного центра УрО РАН. Выпуск 3. Сыктывкар, 2010. С. 75-80.

WORKING WITH CULTURAL ASSIMILATORS AS A MEANS OF FORMING COMPETENCE IN INTERCULTURAL INTERACTION.

The article reveals certain issues forming the competence of intercultural interaction. Education plays an important role in overcoming the negative aspects of the ethnic paradox. One of the tasks of education is the formation of competence in intercultural interaction. The discipline "Multicultural Education" helps to raise the level of the culture of interethnic communication and competence in the intercultural interaction of young people by working with cultural assimilators.

Keywords: competence of intercultural interaction, ethnic paradox, cultural assimilator, education, multicultural education.

References

1. Astashova N., Bondireva S. (2016) Pedagogicheskoye mirotvorchestvo: grani edineniya raznih narodov v vospitatelnom prostranstve [Pedagogical peacemaking: the brink of unity of different peoples in the educational space]. IZVESTIYA Rossiyskoy akademii obrazovaniya [Izvestia of the Russian Academy of Education.]. Moskow, 2 (38), 14-31.
2. Bayeva L.V. (2008) Extremizm: priroda I formi proyavleniya [Extremism: nature and forms of manifestation]. *Kaspiyskiy region: economika, politika, kultura*, 3(16), 21-26.
3. Bordovskaya N., Rean A. (2006) Pedagogika. SPb. Piter, 306.
4. Ivaschenko A., Kiriyenko A. (2013) K voprosu o problem agressivnyh proyavleniy podrostkov s asotsialnoy napravlennostyu lichnosti [On the issue of the problem of aggressive manifes-

tations of adolescents with an antisocial orientation of the personality]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo yniversiteta [Herald of Orenburg State University]*,2 (151),115-120.

5. Danilenko T. (2009) Agressivnost mladshih shkolnikov v mnogonatsionalnyh klassah I ee korrektsiya [Aggressiveness of junior schoolchildren in multinational classes and its correction]. *Vestnik Zabaykalskogo gosudarstvennogo yniversiteta [Herald of Zabaykalsk State University]*, 3, 48 – 53.

6. Elovikova D. (2017) Formirovaniye kompetentnosti v mezgkulturnom vzaimodeystvii sredstvami kursa “polikulturnoye obrazovaniye” [Formation of competence in intercultural interaction with the means of the course "Multicultural Education"]. *Visshaya shkola: opit, problemi, perspektivi. [High school: experience, problems, prospects. Materials X international scientific and practical conference]. Moskow, RUDN, 20-21 of April 2017.* Moscow: RUDN, 205-211.

7. Kalita V., Sapozgnikova E. (2013) Reshenie zadach mezhkulturnogo vzaimodeystviya: opyt razrabotki kulturnogo assimilyatora dlya mezhetnicheskih russko koreyskih semey [Solving the problems of intercultural interaction: the experience of developing a cultural assimilator for interethnic (Russian-Korean) families]. // *Gumanitarniye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri I na Dalnem Vostoke [Humanitarian research in Eastern Siberia and the Far East]*, 6, 79-83.

8. Piliprnko V., Volyanskaya E. (2004) Podrostkovaya agressiya v kontexte sovremennoy sociokulturnoy situacii [Teenage aggression in the context of the current sociocultural situation]. *Sociologiya: teoriya, metodi, marketing [Sociology: theory, methods, marketing],.* 4, 5-23.

9. Stefanenko T., Soldatenkov A. Masterskaya "Kulturniy assimilyator" [Workshop "Cultural assimilator"]. [Electronic resource]. *Vek tolerantnosti: nauchno-publicisticheskiy Vestnik [Age of Tolerance: The Scientific and Journalistic Herald]*, 3-4. URL: http://www.tolerance.ru/VT-3-4-maste-assim.php?PrPage=VT

10. Stefanenko T. (2009) Ethnopsihologiya: Textbook for high schools. Moskov, Aspekt Press.

11. Fomichenko A. (2016) Socialno-psihologicheskie prichini proiavleniya podrostkovoy agressii [Socio-psychological causes of teen aggression] [Electronic resource]. *Internet-journal "The World of Science"*, 4, 5. URL: http://mir-nauki.com/P DF/27PSMN516.pdf (access is free)

12. Cirenov V. (2010) Agressivnoe povedenie molodezhi kak sotsialno-pedagogicheskaya problema [Aggressive behavior of youth as a social and pedagogical problem]. *Vestnik Buriyatskogo gosudarstvennogo yniversiteta [Herald of State University of Buriyatiya],* 1, 49-53.

13. Shabayev U. (2010) Russkiy sever v etnokulturnom I etnodemograficheskom izmerenii ["Russian North" in the ethnocultural and ethno-demographic dimension]. *Izvestiya Komi nauchnogo centra UrO RAN [Proceedings of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the RAS],* 3. Siktivkar, 75-80.

Об авторе

Еловикова Диана Александровна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: dianaelovikova@mail.ru

Elovikova Diana Aleksandrovna – candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Education, Bryansk State University named after acad. I.G. Petrovsky (Russia), E-mail: dianaelovikova@mail.ru

УДК 821.133.1

Залипаева Ж.П., аспирант, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ТЕМПОРАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А. НОТОМБ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ «СТРАХ И ТРЕПЕТ» И «ТОКИЙСКАЯ НЕВЕСТА»)

Статья посвящена рассмотрению этнокультурной специфики одного из главных универсальных концептов – концепта «темпоральность». Источником информации об особенностях вербализации представлений о времени в восточной и западной культурах становятся автобиографические романы бельгийской писательницы Амели Нотомб. На примере ключевых эпизодов романов описаны отличительные особенности темпорального сознания героев, воспитанных в разных культурных традициях и представляющих бельгийский и японский варианты концептуализации времени. В статье представлены результаты анализа разных способов вербализации темпорального сознания и показаны механизмы возникновения коммуникативных барьеров, возникающих при общении представителей разных культур.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, вербализация, концепт, репрезентация концепта ВРЕМЯ, темпоральное сознание, темпоральное поведение.

Для современных исследователей уже стало общим местом говорить о том, что среди межкультурных различий одним из существенных является разное отношение ко времени. Считается, что человек пришёл к осознанию времени через движение, последовательность сменяющих друг друга событий [Чугунова, 2008]. Как показал Р.Д. Льюис, именно это определяет способы поведения человека, сказывается на выборе стиля ведения дел, отношения к другим людям, иногда создавая существенные барьеры для осуществления деловой и личной коммуникации [Льюис, 1999].

В каждом языке существуют свои определенные способы отражения представлений о времени его носителями. Этнолингвистика, концептология, когнитивная лингвистика и лингвокультурология изучают явление языковой концептуализации времени, опираясь на источники, актуализирующие данное ментальное образование в рамках определенного национально-культурного контекста вербальными способами того или иного языка. При всех проявляющихся различиях отражения представлений о времени представителями разных культур их объединяет то, что они все универсально лексикализованы, то есть воплощены в словах. Как известно, такие концепты принято относить к категории универсальных [Вежбицкая, 1996].

Если говорить о терминологическом аппарате, которым пользуются вышеперечисленные научные направления, в традициях которых выполнена и эта статья, то вся совокупность когнитивных процессов, которые приводят к формированию сложной системы представлений о времени. Современные исследователи предпочитают различать понятия «время» и «темпоральность»: в науке термином «время» принято обозначать время физическое – объективный параметр материального мира, а термином «темпоральность» – все множественные способы восприятия времени как объективного, так и субъективного, а также многогранные формы его репрезентации в сознании.

«Темпоральность» относится к культурным концептам, то есть к таким единицам коллективного знания, которые не только имеют языковое выражение, но и этнокультурную специфику [Нильсен, 2015]. В художественных произведениях они могут соединяться во фреймы, то есть целостные многокомпонентные структуры, содержащие некоторую совокупность стандартных знаний о предмете или явлении [Попова, Стернин, 1999]. Такие стандартные знания о времени при всем стереотипном характере будут отражать тот социум, к которому принадлежит автор, причем не только в образах конкретной культуры, но и конкретного языка. Таким образом, художественные произведения, созданные представителями той или иной культуры, становятся источниками информации о национальных концептах и о специфике вербализации концептов универсальных. Так же можно говорить и о том, что язык, на котором написано произведение, становится инструментом в процессе изучения концептуальной картины мира автора, а темпоральность, в

свою очередь, становится в разных аспектах тематическим стержнем произведений.

Принимая точку зрения, согласно которой литература представляет собой коммуникативную художественную систему, в которой действуют прямые и обратные связи [Зусман, 2001], опора на универсальные концепты, каким является и концепт «темпоральность», оказывается оправданной и открывает новые возможности. Отказ от статического подхода к литературе позволяет рассматривать «темпоральность» в художественных произведениях с учетом «выхода» на геополитические, этнопсихологические, исторические и гендерные моменты, располагающиеся вне произведения.

Среди писателей, в чьем творчестве темпоральному поведению представителей разных культур уделяется особое место, можно назвать бельгийскую писательницу Амели Нотомб. В ее романах «Страх и трепет» и «Токийская невеста» несовпадение представлений о времени в «картинах мира» японцев и европейцев нередко приводит к недопониманию и конфликтам, которые, в конечном итоге, препятствуют взаимопониманию между героями.

Рассмотрим более подробно различия в темпоральных представлениях европейцев и японцев, на которые обращает внимание Нотомб в ходе рассказа о жизненных перипетиях Амели – автобиографической героини романов «Токийская невеста» и «Страх и трепет», а также те аспекты темпорального сознания японцев, которые оказываются для европейцев неприемлемыми, препятствуют их личному счастью и карьерному росту: так Амели оказывается вынуждена и уйти из фирмы, в которой она изначально собиралась проработать чуть ли не 40 ближайших лет, и бросить жениха, уехав из Японии.

Для Амели – главной героини романов «Токийская невеста» и «Страх и трепет» – отсутствие возможности провести время с пользой, заняться конкретной деятельностью оказывается равна наказанию. Поступив на работу в японскую компанию «Юмимото», Амели постоянно придумывает себе занятия. Когда, проявив инициативу, она несколько дней развозит по этажам почту, польза этой «простой и человечной» работы так ее вдохновляет, что она признается, что «готова заниматься этим делом до конца жизни». Наполнять каждую минуту смыслом – в этом вся Амели. То, что она по натуре является хранителем времени, знающим ему цену, реализовано в романе «Страх и трепет» и на сюжетном уровне: самые благополучные в психологическом плане дни героиня проводит в компании, как раз когда придумывает себе ответственную работу – быть смотрительницей календарей.

Не убивать время, не тратить время, а именно проводить с пользой – в этом заключается созидательный принцип жизненной позиции Амели. Поэтому к тому, кто иначе относится к своему и чужому времени, она относится с подозрением.

Так, например, ее японский ученик, а в дальнейшем и жених Ринри отражает в своем поведении особенности темпорального сознания, значительно отличающегося от того, которое сформировалось у Амели: по его поступкам и вербализациям диалогов мы видим, что он мыслит себя в категориях вечности, а потому никуда не спешит, «витает в облаках» и тратит по два часа на выбор трех корешков имбиря или часами чертит каббалистические знаки пальцем ноги на песке в бамбуковой кладке с одной лишь целью – сосредоточиться. В принципе, Амели последнюю цель считает достойной, но промежуточной, а потому задает ему вполне резонный вопрос: «Сосредоточиться для чего?» «Ни для чего», – отвечает Ринри: сын состоятельных родителей, он тратит время и деньги одинаково легко, деятельностный подход к жизни ему абсолютно чужд.

В том, как проводит время Ринри, Амели видит отклонение от нормы. Действия, не имеющие цели, для нее выглядят бессмысленными, она считает кощунственным тратить время впустую. Для Ринри возраст – ему 21 год – достаточное основание для того, чтобы никуда не спешить и ничего не делать. Для Ринри время оказывается таким же неограниченным ресурсом, как и деньги для его семьи. На формирование его темпорального поведения, правда, повлияла не только его семья, точнее ее положение и статус, но и сама принадлежность к той молодежной субкультуре, для представителей которой праздность и ничего неделанье стали

отличительными чертами. Отдельные наблюдения Амели по поводу университетских будней Ринри приводят к неутешительным выводам, которые касаются не только его индивидуальных взаимоотношений со временем, но и особенностей темпорального сознания всех его японских сверстников.

Если говорить о том, что объединяет европейцев и японцев в понимании Амели Нотомб, то это отсутствие веры в будущее. Традиции, обычаи, многочисленные ритуалы и церемонии ориентируют японцев на прошлое, соотечественники Амели и жители соседних с Бельгией стран живут заботами дня сегодняшнего. Ни те, ни другие не строят фундамент, на котором может быть построено прочное здание под названием «завтра».

Для этого романа тема прошлого, которое определяет настоящее, стала сквозной. Во многом эта тема зазвучала по особому благодаря использованию Амели Нотомб характерных для постмодернистких произведений интертекстуальных возможностей. В парке Мира в Хиросиме, раздражаясь от непонимания, два часа подряд Ринри с замедляющим речь японским произношением читает Амели книгу Маргерит Дюрас «Хиросима, любовь моя».

Для церемониальных японцев время движется по кругу, настоящее повторяет прошлое, будущее оказывается равно тому, что было в настоящем – это является основой обрядовой культуры, для которой нежелательны какие бы то ни были неожиданности. Поэтому время Ринри не считает своим противником, время для него союзник, который приносит то, что ожидаемо и предсказуемо. При том, что Амели знает цену времени, она не считает зазорным делать то, что может помочь ей время обмануть или использовать для своей пользы. Амели ведет разнообразные игры со временем: по сути, вся интрига романа «Токийская невеста» основана на том, что главная героиня пытается обыграть время, сделать так, чтобы будущее, которое тщательно готовит в их общем настоящем Ринри, в этом виде не наступило бы, чтобы токийская невеста, несмотря на все старания токийского жениха, ни за что не стала бы токийской женой. В сознании Амели время, благодаря имеющемуся у него значению, связанному с ценностным аспектом, концептуализировалось и как некий особый приз. «…выиграть время – тоже большая удача в этой жизни», – радуется она, когда придумывает гениальный способ отодвинуть «угрозу замужества на неопределенный срок»: зная, как доверяет Ринри всяким традициям, она сообщает ему, что у европейцев существует обряд помолвки, после которого должно пройти время перед свадьбой. Так, Амели становится токийской невестой, превратив на время ужасное слово «никогда» для Ринри в успокоительное «когда-нибудь».

Помолвка является в романе не единственным механизмом, которым пользуется Амели, переключая временные режимы. Так как время, как и другие абстрактные категории, концептуализируется в сознании в перцептуальных образах, путешествия во времени Амели также совершает благодаря ассоциативным реакциям, связанным с впечатлениями прошлого, полученным благодаря сенсорным возможностям.

Один из главных концептов романов Нотомб, связанный с темпоральностью, – ностальгия. Наиболее острые ностальгические переживания Амели в романе «Токийская невеста» связаны с запахами и вкусовыми ощущениями. Несмотря на то, что роман не о детстве героини, временной отрезок в первые пять лет оказывается в романе так же значим, как тот, который включает непосредственное настоящее Амели. Здесь используется тот же принцип изображения настоящего, что и в произведении Дюрас: в романе Нотомб само возвращение Амели в Японию и ее наиболее значительные эмоциональные переживания оказываются связаны с первыми годами жизни, проведенными на острове Хонсю. Забытую радость детства героини Нотомб восстанавливает, позволив ей в гостях вдохнуть «запах капусты, креветок и имбиря, жарившихся вместе». Для других участников процесса, этот запах не срабатывает как переключатель времени, они продолжают оставаться в настоящем, а Амели, как она отмечает в своем внутреннем монологе, этот запах отбрасывает на шестнадцать лет назад – в те времена, когда ее «ласковая няня Нисиесан» готовила ей это «божественное лакомство». Следует отметить, что не только в дан-

ном эпизоде, но и в других действие сопровождается такими внутренними комментариями, представляющими своеобразное скольжение «по ассоциативному признаку». Актуализация концепта «запах» в тексте влечет за собой актуализацию связанного с феноменом запах другого аспекта реальной действительности, в которую переносится Амели, – вкуса. Кулинарные запахи, как и кулинарные вкусы, выступают в данном случае как имплицитные маркеры принадлежности к японскому прошлому Амели. Так, японское детство Амели связывается с ольфакторными и вкусовыми образами окономияки – любимого блюда ее детства в Кансае. «Мне снова было пять лет, я еще держалась за юбки Нисие-сан. Я стояла, повизгивала, сердце у меня щемило, а язык блаженствовал», – так описывает Амели то, что она называет «приключением памяти невероятной глубины», путешествие во времени, которое изначально было спровоцировано переживанием ольфакторной ситуации – целого каскада обонятельных ощущений, до этого момента хранившихся 16 лет в сознании героини и внезапно оказавшихся востребованными. Сначала в тексте вербализуется запах начинки для лепешки, потом – хиросимского соуса. «Я схватила пакет и с ностальгической жадностью вздохнула запах японской сливы, уксуса, саке и сои. Я была похожа на наркоманку».

Ассоциативная деятельность сознания, о которой идет речь в данном фрагменте, оперирует языковыми знаками, имеющими дополнительные, ассоциативно обусловленные оттенки значения. Так, хиросимский соус получает в речи Амели не просто положительную коннотацию, а даже приобретает символический характер. В ходе повествования «хиросимский соус» будет наращивать свой символический потенциал, как и «окономияки». Изначально соус и блюдо к нему были источником индивидуальных обращений Амели к прошлому, потом они стали основанием для обращения к их общему с Ринри прошлому – «окономияки, которые мы ели у твоих друзей» и знаком их общего настоящего – «это стало нашим главным блюдом». А дивный соус стал еще и ключом к их будущему: узнав, что он продается только в Хиросиме, Амели планирует поездку – «когда он кончится, придется туда поехать» и впервые вводит в текст цитату из фильма «Хиросима, любовь моя» по сценарию Дюрас – произведения, которое, в свою очередь, станет ключом для понимания истории Амели и Ринри в контексте их восприятия времени. Далее будущее становится настоящим, когда в уличной палатке Хиросимы герои вновь наслаждаются вкусом окономияки, правда, при его вербализации вводится еще один дополнительный ингредиент – пот повара, который их готовил, причем тоже получающий положительную коннотацию: «Это способствовало великолепию вкуса».

Следует отметить, что вербализация концептов «запах» и «вкус» в тексте романа Нотомб неоднократно происходит именно в тех фрагментах романа, в которых героиню необходимо «перенести в прошлое». Так, например, во время «традиционной японской прогулки» в Хаконэ Ринри угостил Амели кори – кусочками колотого льда из зеленого чая, на которые она «жадно набросилась», так как вкус этого японского мороженого тоже был из ее детства, забытый и вернувшийся к ней вновь.

Мотив времени, которое возвращается, заимствованный у Дюрас, получает в романах Нотомб свое развитие. Так же, как и в сценарии к фильму, забытое вновь приобретает в сознании героев звуко-зрительное наполнение, обрастает коннотациями, когда срабатывает механизм ассоциативной связи. Причем так действуют не только ольфакторные единицы, которые, как мы показали, выступают в качестве особого кода, передающего дополнительные смыслы, но и более традиционные визуальные и аудиальные.

Концепт «время» в художественном тексте, в силу специфики жанра романа, оказывается особым образом связан с другими концептами – национальными. Во многом связь концептов, складывающихся у героев в индивидуальную картину мира, определяется ранними детскими впечатлениями. В одном и том же возрасте, в 5 лет, герои получили опыт, ключевой для их дальнейшего мировосприятия. У Амели этот опыт был положительным, поэтому, даже покинув Японию, она на протяжении последующих 16 лет страстно желает стать японкой и в итоге возвращается в эту страну. Ринри получает в том же возрасте опыт отрицательный: «В пять лет

я узнал, что я недостаточно умный». Это во многом определяет не только появившуюся у него склонность к культурному бунту – не только в гастрономическом, но и в коммуникативном плане он часто пытается проявлять себя не как японец, бессознательно пытаясь откреститься от родных традиций, деформирующих личность человека. В пять лет Ринри получил то, что Нотомб называет «пожизненным стыдом». Каждый год тысячу детей, не поступивших в лучшие школы, узнают, что «их жизнь загублена». Помимо знания того, что в будущем их не ждет поступление в лучшие университеты, они в 5 лет начинают осознавать себя неудачниками. Пожизненные страдания Ринри и других японцев, не прошедших это первое и последнее испытание, у Амели воплотились в звуковом образе: «Мне почудилось, что я слышу со всех сторон какофонию ночных детских рыданий». Ринри переживает прошлое, которое нельзя с кем-то разделить. Задвинутый на задворки памяти, возвращается к нему тот позор, который он пережил. Ринри, как и Амели, тоже чувствует себя 5-летним ребенком. Но, в отличие от нее, забыв о приличиях, о том, что надо сохранять лицо и держать себя в руках, он не чавкает и не повизгивает, как она, поедая окономияки, не проявляет признаков удовольствия, а, напротив, дрожит, изменившись в лице, и рыдает. Механизм запуска воспоминаний о прошлом у Ринри другой – как в фильме «Хиросима, любовь моя». Там главный герой своим искренним отношением к случайной знакомой заставил ее вспомнить то, что она хотела забыть: «Ты меня убиваешь, ты даешь мне столько счастья». Амели, став ближе Ринри, тоже тем самым приоткрывает тайники его сознания: близость провоцирует рассказ о прошлом, позволяющий перенести дорогого человека в то измерение, в котором рассказчик не был с ним вместе. Но такого рода путешествия в прошлое становятся для героев своего рода испытаниями: рассказывая о себе плохое, они хотят получить индульгенцию от слушателя, подтверждение тому, что рассказ ни на что не повлияет, хотят по возможности преодолеть когнитивный диссонанс.

Особо остро разница в темпоральном сознании героев проявляется в их отношении к свободному времени. Отношение к досугу у Амели и Ринри настолько различно, что во время первых встреч даже возникает забавное непонимание у учительницы того, что любит ее ученик. На соответствующий вопрос, он отвечает без всяких уточнений – «играть», потом приглашает ее «играть» в гости, опять не поясняя, как того она ожидает, во что именно. Окончательно вводит Амели в состояние недоумения реплика на ту же тему хозяина дома, куда они пришли в гости: отказавшись от помощи в приготовлении угощений, он тоже предлагает «садиться и играть», хотя в сфере досягаемости нет никаких игр.

В тот вечер Амели все-таки узнает, о каком времяпровождении идет речь: оказывается, что asobu не соответствует английскому to play – японским словом «играть» обозначается любой досуг, то, что не связано с работой. В тот вечер «играть в стиле Страны восходящего солнца» оказалось сведено к процессу созерцания приготовления пищи и общению за столом. В дальнейшем Амели убедилась, что «играть» – это основное времяпровождение ее друга. Регулярными маркерами принадлежности к японской культуре становится на протяжении всего романа и другие бессмысленные, с точки зрения Амели, виды времяпровождения – такие, как, например, посещения выставок картин, не представляющих никакой художественной ценности, или сложнозадуманные ритуалы трапез. На протяжении всего романа реализация в тексте концепта «времяпровождение» сопровождается имплицитным выражением статусно-ролевых смыслов и служит целям дифференциации персонажей. Вербализация понятия «времяпровождение» относительно Ринри через понятие «игра» говорит не столько о национальном характере концептуализации данного понятия, сколько о субкультурном. Казалось бы, то, что Ринри может себе позволить роскошь «разбазаривать свои дни», может быть объяснено только особенностями его характера и статусом семьи: ленивый молодой человек из богатой семьи целыми днями ничего не делает. Амели неоднократно подчеркивает в своих внутренних монологах, что считает такое поведение не просто загадочным, но сомнительным и даже подозрительным. Она подозревает друга в том, что он скрывает от нее, чем он действительно занят весь день: Амели не может поверить, что можно целыми днями «играть»,

то есть не делать ничего полезного. «Вечером, когда я спрашивала его, что он делал весь день, он отвечал, что был страшно занят. Узнать чем – было невозможно». Но посетив с Ренри университет, в котором он уже три года числился, Амели поняла, что тот ведет такой же образ жизни, как все его ровесники, имеющие статус студента. Такое легкомысленное отношение ко времени нашло объяснение в японской организации жизни. Оказалось, что студенчество на протяжении всей жизни японца – это единственный период жизни, который «целенаправленно отдается туманному растворению во времени, блаженной неопределенности или даже попросту ничему вообще».

При том, что Япония страна, где чтут обычаи и традиции, что постоянно подчеркивается, ее жителям импонирует все ультросовременное, модное, то, что в фаворе. Амели, которая хочет быть японкой, такое отношение к благам цивилизации не разделяет. При том, что ей нравится все неожиданное и непредсказуемое, в отношении Японии у нее превалирует культ старины. Проведя детство в местах, далеких от небоскребов и всего современного, Амели, встречая какие-то старинные артефакты, снова запускает машину времени, которая позволяет ей быстро перемещаться из прошлого в настоящее. Если предположить, что у каждого есть «свое время» и «свое место», в которых ему комфортно, то для Амели это старая Япония. Именно оказавшись в пригороде Токио, в городе Камакура, Амели начинает плакать от нахлынувших на нее чувств. Причем, эти переживания нельзя назвать только ностальгическими, скорее это слезы от полноты чувства гармонии, комфорта и уверенности в незыблемости начал, а значит и веры в завтрашний день, которой японцам, живущим в атмосфере ежедневных открытий и достижений цивилизации, стало в конце двадцатого века ощутимо не хватать. Лиризм Амели, как она сама отмечает, отдает «мегаломанией», тем не менее, мыслит она хоть и большими отрезками, но не в измерении вечности: «Тяжелые черепичные крыши, похожие на фигурные скобки на фоне неба, такого бездонно-синего, и застывший от мороза воздух говорили мне, что они меня ждали, что им не хватало меня, а теперь, когда я вернулась, мировой порядок вновь восстановлен и мое царство продлится тысячу лет».

В тексте можно найти примеры субъективной хронометрии, когда героиня определяет длину временного отрезка в зависимости от своего настроения – то как длинный, а то как короткий. В одном эпизоде время вообще останавливается. Так как время для героини – это своеобразный сосуд, который нужно заполнить событиями, действиями, поступками, при отсутствии такой возможности у нее создается ощущение пустоты, остановки времени. «Время почти не двигалось».

Можно говорить о том, что временное и пространственное в сознании Амели слилось воедино: Япония в сознании героини концептуализировалась через определенный временной срез – ее прошлое, детские годы, проведенные в стране, а именно на острове Хонсю. Все, что вызывает ассоциацию с этим прошлым получает положительную коннотацию. Таким образом, прошлое для Амели конкретно, дано в перцептуальных образах, а настоящее интерпретируется, в зависимости от соответствия лекалам прошлого.

Помимо различий в темпоральном сознании Амели и ее жениха, к принятию решения покинуть Японию привел и внутренний конфликт, который не мог не возникнуть у Амели. Установка на то, чтобы вести себя как японка, привела к тому, что она стала поступать вопреки собственным представлениям о том, что такое хорошо, а что такое плохо. Как человек, имеющий западный менталитет, ориентирующийся на такую ценность, как свобода проявления личностного начала, Амели начинает испытывать дискомфорт от того, что она вынуждена подчиняться нелепым японским законам. Самые свободные годы жизни японца – в них как раз пребывал Ринри – со стороны выглядели откровенно потерянными годами, но годы работы для японцев, особенно для японских женщин, изнутри оказались в сто раз хуже – «бесконечная муштра», «казарменная жизнь» с перспективой оставаться такой «до самой смерти». Когда «каждая минута жизни» оказывалась подчинена суровому долгу, в атмосфере выполнения безумных поручений и постоянных унижений думать о личном счастье и тем более о желанном творчестве у Амели

перестало получаться. В такой ситуации для западного человека вполне естественно попытаться выпасть из временного потока – уйти, уволиться. Но, имея контракт на год, уволиться через месяц для того, кто хочет быть японцем, – это позор. «Потерять лицо» – вот к чему может привести такой поступок, поэтому Амели на гране срыва работает до завершения контракта, испытывая внутренний дискомфорт. Последовательно поступая так, как велят японские правила хорошего тона, Амели не становится такой, какой она помнила себя в Японии в детские годы – счастливой и непосредственной. Япония ее воспоминаний не совпадает с той Японией, в которой она живет и работает, именно поэтому она решает уехать. Она приехала, потому что хотела вернуть свой «золотой век» – реанимировать свое счастливое прошлое. Когда задуманное реализовать не удается, не остается ничего другого, как уехать. Даже в стране, где действуют представления о цикличном времени, прошлое вернуть оказывается нельзя.

Список литературы

1. Воркачев С.Г. Методологические основания лингвокоцептологии // Теоретическая и прикладная лингвистика. Вып. 3: Аспекты метакоммуникативной деятельности. – Воронеж, 2002. – С.79-95.

2. Зусман В.Г. Диалог и концепт в литературе. Литература и музыка. – Нижний Новгород: Деком, 2001. – 468с.

3. Льюис Р.Д. Деловые культуры в международном бизнесе: от столкновения к взаимопониманию. – М.: Дело, 2001. – 448с.

4. Нильсен Е.А. Лингвокогнитивные модели эволюции темпоральных номинаций (на материале английского языка): Диссертация на соискание уч.ст. д.ф.н. – СПб.:СПбГЭУ, 2015. – С.240-242.

5. Попова З.Д., Стернин И.А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. – Воронеж, 2001. – 31с.

6. Чугунова С.А. К вопросу о концептуальной связи времени и движения // «Известия Волгоградского государственного педагогического университета». Серия «Филологические науки». – 2008. – № 10 (34). – С.36-40.

ETHNOCULTURAL PARTICULARITY OF THE TEMPORAL BEHAVIOR IN THE WORKS BY AMELIE NOTHOMB (ON THE MATERIAL OF THE NOVELS 'STUPEUR ET TREMBLEMENTS' AND 'NI D'EVE NI D'ADAM')

The article is devoted to the consideration of the ethnocultural particularity of one of the most principle universal concepts, namely, the concept 'temporality'. The autobiographical novels by the Belgian writer Amelie Nothomb have become the source of information about the peculiarities of verbalisation of the perception of time in the Oriental and Western cultures. The distinguishing features of temporal behaviour of the characters brought up in different cultural traditions and representing the Belgian and Japanese variants of conceptualisation of time are described on the material of the key episodes of the novels. In the article there are the results of the analysis of different ways of vebalising the temporal cognition, in addition, there are analysed mechanisms of appearing the communicative barriers that emerge when representatives of different countries communicate.

Keywords: cognitive linguistics, verbalisation, concept, representation of the concept TIME, perception of temporality, temporal cognition, temporal behavior.

References

1. Vorkachev S.G. (2002) Metodologicheskie osnovaniya lingvokonceptologii [Methodological foundations of linguo-conceptology]. Teoreticheskaiya I prikladnaya lingvistika. [Aspekcti metakommunikativnoi deiatelnosti [Theoretical and applied linguistics. Issue. 3: Metacommunication aspect]. 3, 79-95.

2. Zusman V. (2001) Dialog i concept v literature. Literatura I musika [Dialogue and concept in the literature. Literature and music]. 468 s.

3. Lewis R.D. (2001) Delovie kuluri v mezhdunarodnom bisnese. Ot stolknovenia k vzaimoponomaniyu [When Cultures Collide: Managing Successfully Across Cultures]. Moskva: Delo. 448 s.

4. Nielsen E.A. (2015) Lingvokognitivie modeli evolucii temporalnih nominacii (na mayeriale angliyskogo yasika): dissertaciya na soiskanie uch. st.d.f.n. [Linguo-cognitive models of the evolution of temporal nominations (on a material of English language)]. St. Petersburg: SPbGEU. 240-242.

5. Popova Z.D., Sternin I.A. (2001) Poniyatie "concept" v lingvisticheskih issledovaniyah [The concept of "concept" in linguistic research]. Voronezh. 31 s.

6. Chugunova S.A. (2008) K voprosu o conceptualnoy sviasi vremeny I dvizheniya [On the question of the conceptual connection of time and movement]. Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta [Izvestiya Volgograd State Pedagogical University]. 10, 36-40.

Об авторе

Залипаева Жанна Павловна – аспирант, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: zhanzalp@gmail.com

Zalipaeva Zhanna Pavlovna – Postgraduate student, Bryansk State Academician I.G. Petrovski University (Russia), E-mail: zhanzalp@gmail.com

УДК 378.147

Изотова Н.В., кандидат педагогических наук, доцент, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)
Николаенко Е.М., кандидат филологических наук, доцент, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

ЦЕННОСТНЫЙ АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА КАК ПРИЕМ ОСВОЕНИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

В статье рассматривается реализация принципа диалога культур в иноязычном образовании посредством использования приема ценностного анализа художественного текста для освоения лингвокультурологического знания на занятиях по практике устной и письменной речи английского языка. В качестве материала для разработки заданий предлагается роман Бернарда Маклаверти «Записки Грейс».
Ключевые слова: иноязычное образование, принцип диалога культур, культурный компонент значения, ценностный анализ продуктов культуры.

Главной целью современного образования в глобальном масштабе выступает сохранение и передача духовно-интелллектуального опыта человечества, что становится возможным только при условии признания ведущей роли межкультурной коммуникации. В этой связи распространение получает изучение коммуникативных стратегий межнационального общения и реализация постулатов культурной антропологии в образовании.

Центральное место в этих процессах отводится иноязычному образованию. Пассов Е.И. полагает, что языковое образование сегодня – это залог овладения культурой в целом [4, с.483], именно поэтому изучение иностранных языков одинаково значимо и для общества, и для каждого его члена в отдельности. Предоставляя возможность изучать иностранный язык, образование выполняет социальный заказ общества, обеспечивая его поступательное движение вперед, поскольку каждый человек, изучая иностранный язык, приобретает возможность освоить глобальную культуру, сохранить ее и передать последующим поколениям.

Большинство исследователей выделяют в качестве основы иноязычного образования культурологический подход (Тер-Минасова С.Г., Пассов Е.И., Сафонова В.В., Гальскова Н.Д., Елизарова Е.Г.). В рамках данного подхода обучение иностранным языкам рассматривается не только как получение знаний, развитие умений и навыков, но и как освоение культуры страны изучаемого языка, а также, что особенно важно, развитие личности обучаемого, который сможет осуществлять эффективное общение с представителями иноязычной культуры.

Методологической основой культурологического подхода в современном иноязычном образовании выступает теория лингвистического детерминизма/относительности (основоположники теории: Ф.Боас, Э.Сепир, Б.Уорф), которая рассматривает две статические сущности, язык и мыслительный образ, в их очевидной взаимосвязи. В дальнейшем на основе данной научной теории распространение получила *культурологигеская лингвистика* (Г.Палмер), которая сосредоточила внимание на рассмотрении причин, процессов и результатов речевой деятельности носителя языка, анализируя свои объекты в когнитивном аспекте и определяя *культурный компонент значения* [1, с.49]. В этой связи, как отмечает Елизарова Е.Г., лингвистическая относительность понимается в новом ракурсе: «различия в интерпретации могут быть заложены как в структуре языка, так и в его систематическом использовании (дискурсе)». При этом «лингвистическая релятивность значительно смещается от «внутреннего круга» связей между грамматикой, категориальностью и культурой в том виде, в каком она усвоена индивидом, к «внешнему кругу» — к сфере общения и таким ее аспектам как, с одной стороны, интеракции в социальном контексте, и с другой, — индивидуальные модели познания» [1, с.50].

Таким образом, столь привычный для нас акцент в обучении на структурные единицы языка к настоящему моменту утратил

приоритет в иноязычном образовании. Развитие всех видов речевой деятельности в полной мере учитывает результаты исследований в плоскости культурологической лингвистики. Любое общение с носителями иноязычной культуры при условии учета культурного компонента, станет полноценным двусторонним диалогом, в основе которого лежит взаимопонимание.

В этой связи, основными принципами жизнедеятельности современного иноязычного образования следует признать, по нашему мнению, принцип диалога культур.

В ходе исследования использовались лингвистические (метод дистрибутивного анализа, дифференциальный анализ, трансформационный метод, переводческое сравнение текстов) и методические (анализ литературы по проблеме, наблюдение, опытное обучение) методы исследования.

Основные положения диалога культур как принципа в методике преподавания иностранных языков были определены Сафоновой В.В. [5], автор считает, что данный принцип реализуется в учебном процессе, если:

- создаются условия для развития у обучающихся общепланетарного мышления, формирования культурной непредвзятости, эмпатии, толерантности, готовности к общению в инокультурной среде, речевому и социокультурному такту и т.п.;

- используются методические модели, когда каждый обучающийся способен осознавать себя как культурно-исторический субъект, представитель и носитель одновременно нескольких типов культур;

- проводится контрастивно-сопоставительное соизучение родной и изучаемой культур в контексте их непосредственного и опосредованного историко-культурного взаимовлияния;

- создаются социально-педагогические и методические условия для подготовки обучающихся к выполнению роли субъекта диалога культур или культурного посредника в ситуациях межкультурного общения [5].

Не вызывает сомнений тот факт, что наиболее значительным потенциалом с точки зрения освоения культурологического содержания дискурса является чтение художественных произведений страны изучаемого языка. Главной задачей преподавателя, реализующего данный принцип на занятиях, становится не только раскрытие культурологического содержания изучаемых художественных текстов, но и освоение этого содержания студентами. В этой связи, мы полагаем, что принцип диалога наиболее полно реализуется при следующих условиях:

– преподаватель демонстрирует студентам продукты культуры и осуществляет их культурологический анализ, выявляя при этом сходство и различие культур, таким образом, снимаются стереотипы восприятия системы ценностей иноязычной культуры, при этом обучающиеся учатся правильно понимать поведение носителей иноязычной культуры и сопереживать ее участникам;

- преподаватель предлагает ряд упражнений, нацеленных не только на освоение лингвокультурологического знания, но и на формирования у учеников активной жизненной позиции, направленной против культурного неравенства, при условии осознания уникальности собственной культуры;

- учитель организует учебный процесс таким образом, что полученные межкультурные знания учащиеся могут использовать для более глубокого познания себя и собственной культуры.

Павлова Л.В. развивает идею культурологической доминанты в иноязычном образовании и реализует ее в рамках технологии гуманитарно развивающего обучения иностранным языкам [3], в основе данной теории лежит освоение иноязычной системы ценностей. Основообразующую функцию при этом выполняет совокупность приемов обучения: ценностно-ориентирующих, ценностно-рефлексивных, ценностно-моделирующих и ценностно-интегрирующих.

Вслед за Павловой О.В. мы также полагаем, что одним из наиболее перспективных приемов освоения лингвокультурологического знания является ценностный анализ продуктов культуры. Данный прием реализуется в диалогическом общении на уроке в процессе анализа текстовых продуктов культуры [3, с.210] в первую очередь текстов художественных произведений.

Павлова Л.В. рассматривает три основных этапа ценностного анализа текста:

1) мотивационно-подготовительный,

2) аналитико-перцептивный,

3) ценностно-формирующий [3].

Мы принимаем эту точку зрения, однако, считаем, что следует рассматривать особенности данного приема, опираясь на конкретные художественные тексты, поскольку это поможет понять механизмы освоения студентами линвгокультурологического знания, а, следовательно, и изучить конкретные приемы реализации принципа диалога культур на практике.

Рассмотрим подробно основные этапы реализации данного приема с точки зрения освоения лингвокультурологического знания. Для разработки упражнений нами было выбрано произведение современного ирландского автора Бернарда Маклаверти «Записки Грейс»/«Ноты Грейс» (B.Maclaverty ”Grace Notes”).

Знакомство с данным произведением проходит на занятиях по практике устной и письменной речи английского языка. Каждый урок посвящен отдельному фрагменту произведения и нацелен как на совершенствование речевых навыков и развитие речевых умений, так и на развитие творческого и критического мышления студентов в процессе ценностного анализа художественного текста. Занятие включает в себя три основных этапа: мотивационно-подготовительный, аналитико-перцептивный и ценностно-формирующий.

На ***мотивационно-подготовительном этапе*** предлагается ознакомление с биографией автора (просмотр и обсуждение интервью с ним, знакомство студентов с публикациями литературных критиков о данном произведении) и актуализация фоновых знаний об истории Ирландии, поскольку именно там происходит действие книги, и многие факты, упомянутые автором, связаны с политическими событиями и культурными особенностями страны (на первом вводном занятии). Каждое последующее занятие также начинается с актуализации фоновых знаний – комментирование и обсуждение встречающихся в изучаемой части романа имен собственных, названий музыкальных произведений и т.п. (Pre-Reading Activities), незнание которых может вызвать частичное или полное непонимание авторской интенции и сюжета. Задача данного этапа – актуализация знаний студентов и их подготовка к работе с текстом, поскольку без нее невозможно успешное восприятие лингвокультурологического компонента текста.

Данный роман написан о музыканте, и в нем упоминается много имен известных композиторов, исполнителей, музыкальных произведений, произведений изящных искусств (живопись) в их связи с музыкой; соответственно, данные имена нарицательные и собственные подлежат не просто прочтению, но ознакомлению с дополнительной информацией по каждому, что и обеспечивает актуализация фоновых знаний в данных областях.

Все имена нарицательные и собственные, имеющие отношение к музыке, объединяет одна общая особенность – драматичность (e.g., Beethoven Opus III [7, с. 41], Stravinsky Rite of Spring. Scenes of Pagan Russia., Mussorgsky The Great gate of Kiev [76, с. 128], Erik Satie Vexation [7, с. 197], Mahler Kindertotenlieder [7, с. 200], Shostakovitch Seven (Babi Yar symphony) [7, с.130, 273] и др.).

На данном этапе учащимся предлагается ответить на вопросы:

What are these people mentioned in the novel for?

Are these people real or imaginary?

Listen to the music piece(s) mentioned in this part (links are given)?

What do they tell you about the character/the atmosphere?

На данном этапе также необходима актуализация фоновых знаний об истории нашего государства, так как некоторые события романа происходят на Украине после распада Советского Союза, и современному русскому читателю, возможно, какие-то детали могут быть неизвестны в силу возрастных особенностей.

На ***аналитико-перцептивном этапе*** студентам необходимо понять всю информацию на сюжетно-композиционном уровне и освоить лексические единицы с национально-культурным компонентом. Следовательно, работа на занятии организуется по следующим направлениям:

Знакомство с лексикой, называющей звуки. Героиня романа – музыкант, и она воспринимает, «видит» мир через звуки; этих слов в романе – большое разнообразие, некоторые могут быть незнакомы студентам-читателям, некоторые намеренно повторяются автором. На них следует обращать особое внимание, так

как именно благодаря им выстраивается повествование и представляются герои.

Знакомство со словами, описывающими повседневные понятия. Переходя на другой языковой код, в частности, английский язык, мы испытываем большие трудности – как сказать на другом языке об обыденных вещах, которые происходят с нами изо дня в день, как, например, «стрелка на колготках пошла». Именно такие языковые единицы представляют собой самую большую трудность в развитии языковой и межкультурной компетенции и являются причиной коммуникативных сбоев, которые представляют собой «частичное или неполное понимание реципиентом авторской интенции, пресуппозиций автора и интертекстуальных включений, что является результатом языковых и лингвокультурных расхождений адресата и адресанта в процессе межкультурной коммуникации, опосредованной англоязычным художественным текстом» [2, с.11].

Данный роман – это ценный кладезь подобных выражений, которыми мы пользуемся каждый день:

"She took one of her red and grey capsules and washed it down, gulp-swallowing water…" [7, с. 5] – запить водой

"She tried to keep time with her toes inside her shoes." [7, с. 8] – отбывать ритм ногой

"Her mother began to wipe the butter off her hands with her apron." [7, с. 16] – вытереть руки о фартук

The baby's jaws were working and her little fist was balled up close to her face. [7, с. 166] – сжать руку в кулачок

…The dog's tail thumped on the rug. [7, с. 126] – стучать хвостом по полу.

"In the bus she chose a place towards the back and put her knees up against the seat in front of her." [7, с. 3]

"The fat one had a tanned face which stopped at his hat line." [7, с. 7] – лоб у него не загорел

Студентам предлагается создать свой собственный словарь подобных выражений и представить его на итоговом занятии.

Знакомство с композиционной структурой текста является важным этапом в работе над текстом. Так, изучая роль начала повествования в вовлечении читателя в чтение (на первых занятиях), следует обратить внимание студентов на то, что самые первые компоненты предложения могут создавать интригу (**the suspense**), и читатель ожидает продолжение и развязку сюжета в последующих предложениях. На создание такого напряженного интереса у читателя влияет тип нарратора и композиционные техники начала повествования (scene-setting, a conflict-establisher, the mystifier, the quotation, the puzzler (an opening that sets up the conflict of your story succinctly, while making your reader guess at what is going on [8, с. 163 – 165].

В данном романе автор использует разные техники начала повествования для разных частей романа. Интересно отметить, что во всех случаях Б.Маклаверти использует слова, обозначающие звучание, или использует контекст для описания звуковой ситуации, и именно это служит средством создания напряженного ожидания у читателей:

"She went down the front steps and walked along the street to the main road. At this hour of the morning there was little or no traffic. If there was a car, then it sounded just like that – a car going past in the wet – there was no other city noise." [7, с. 3]

"She woke, not howling, but with a noise in her throat trying to be howling." [7, с. 28]

"The crunch of feet on the gravel of the church driveway stopped when they reached the door and the coffin was set down on trestles in the porch. The sound of the tolling bell was strange. Scratchy almost. Thin." [7, с. 56]

"Day crow. Taglied. Morning song. A rooster making a racket from the Muirs' place. In Kiev, Olga had a different name for the sound. Ko-ko-reek-o. A homophone of sorts. Certainly more accurate than the English cock-a-doodle-doo. (Dave was gone)." [7, с. 141].

Важно помочь студенту не только понять интригу, но и «прочувствовать» ее, именно поэтому учащимся предлагается:

- выразительное чтение начала повествования,

- собственное продолжение предложения/фрагмента текста,

- обсуждение средств создания напряженного ожидания:

- ***Why*** *does the author use these sound-words?*
- *What do you think will* ***follow****?*

- *Does the writer describe actions, characters, settings or anything else and why?*
- *Choose a noun/adjective which best of all describe the mood set up in this opening.*

Реализация аналитико-перцептивного этапа анализа также предполагает изучение и **обсуждение авторской идеи, составление характеристики героев.**

Автором используется множество слов, обозначающих звучание, для того, чтобы показать состояние героини и черты ее характера. Сам автор даже намекает на то, что у его героини-музыканта есть собственный «аудио атлас» (**"aural atlas") –** ее представление мира через звуки:

"Catherine settling down on her pillows and tuning across the air waves listening to the babble of languages and music and hissing static and wee-oo-ing – the world in sound – a kind of aural atlas" [7, с. 36].

Данные слова помогают понять отношение героя к окружающей его действительности, увидеть душевное состояние героя, как оно меняется на протяжении романа.

Студентам на данном этапе предлагается составить описание героини и создать ее «аудио атлас» (**"aural atlas")**, а также описать ее душевное состояние, ее «звуки души» с помощью цветовых ассоциаций.

Make the character's Aural Atlas. Every Part of the book is a page of the Atlas.

Write at home on pieces of paper the sound words you find in this Part. Colour each piece of paper, choosing the colours you think correspond to this sound-word.

Работу можно продолжить в аудитории и предложить развернуть дискуссию:

On a big piece of paper we lie down all the pieces with sound-names coloured differently.

Why this particular sound is mentioned by the author?

Why did you choose this very colour for this sound-word?

What can you say about the character and her mood?

What sound-word would you use in the similar situation?

Последний этап является ***ценностно-формирующим***, он основывается на глубинном понимании текста и обобщении лингвокультурологических знаний. Именно по этой причине данный этап обязательно организовать как совместное обсуждение фрагмента произведения, чтобы иметь возможность помочь студенту правильно понять ценностный потенциал текста и принять его.

В центре романа Б.Маклаверти – музыка, как высокое искусство, как особый мир. Автор использует множественные сравнения музыки с другими изящными искусствами, которые помогают читателю увидеть отношение героя к жизни и к музыке – делу своей жизни.

Наиболее целесообразно, на наш взгляд, на данном этапе организовать дискуссию по следующим вопросам:

Find and comment on the author's comparisons btw music / architecture / sculpture / painting.

"If, as one of her tutors had once said, **architecture was frozen music** then she dreaded to think what kind of music this was." [7, с. 56 - 57]

How do you imagine "frozen architecture" / "frozen music"? What does this comparison tell us about the character?

"Messiaen – he's supposed to see sound as colour and I wondered – what if the reversed happened. People talk about loud colours – you'd come away from a Matisse exhibition deafened." [7, с. 110]

Listen to a piece of music by Messiaen. Find and look at the works by Matisse.

Why are they compared?

What does it mean "to be deafened by a painting and "to be struck blind by music"?

Why does the character mention these artists in this very situation?

"His fingers were square, like chisels, as they moved on the keys. This music was of the highest order, of **Bach**-like proportions - **architectural**, controlled – but it also cut at heart." [7, с. 226]

Listen to a piece of music by Bach. Why is his music called "architectural, controlled"?

What architecture style suits Bach's music most of all? (the students can find a picture at home or the teacher can offer a number of pictures of building architecture for them to choose)

What does it tell us about the character of Catherine and of Melnichuck (composer)?

Необходимо также обратить внимание студентов на межкультурные особенности, вовлечь их в активное обсуждение, предложив сравнить собственную и ирландскую культуру.

Язык романа кажется на первый взгляд простым и понятным, но одна особенность, которая бросается в глаза и заставляет ценить эту книгу, как источник лингвокультурологического знания – это способность автора реалистично изобразить жизнь и быт героев, приблизить их к русскоязычному читателю, показав, что представители двух разных культур – Ирландии и России - действуют, мыслят и чувствуют одинаково, что именно в языке находит отражение универсальность нашего мышления, нашей жизни, общность ценностных идеалов. Именно поэтому, основная задача преподавателя на данном этапе не только показать различия в системе ценностей и мировосприятии представителей разных культур, но и помочь студентам найти общие ценности, объединяющие две яркие культуры. Такие сравнения необходимо проводить на каждом занятии.

Find in the text examples of the way the writer depicts reality: things ***common*** *to the Russian and English cultures (what we do, how we do smth) and the way they are expressed; and things* ***unique*** *for the Irish culture.*

Find things unique for the Irish and the Russian cultures which are mentioned in the text.

Find one/two/three/... description of the ways we think, act, feel, speak, etc common for the Russian and the Irish cultures. Find a picture which demonstrates it. Or think how to gesture it.

Таким образом, современное иноязычное образование выполняет одну из важнейших социальных функций - сохранение и передачу духовно-интелллектуального опыта человечества, что и детерминирует систему принципов обучения иностранному языку, среди которых приоритетное значение имеет принцип диалога культур. Реализация данного принципа возможна в ходе изучения произведений художественной литературы, поскольку именно художественный текст является ценностно-емким продуктом культуры, что и позволяет использовать его на занятиях по практике устной и письменной речи иностранного языка как богатый источник лингвокультурологического знания.

В этой связи наиболее целесообразно использовать для организации занятия такой прием как ценностный анализ художественного текста, который включает себя три этапа: мотивационно-подготовительный, аналитико-перцептивный и ценностно-формирующий. На мотивационно-подготовительном этапе преподаватель организует подготовку к работе с текстом посредством актуализации знаний студентов, необходимых для конкретного произведения. Аналитико-перцептивный этап связан с пониманием информации на сюжетно-композиционном уровне и освоением лексических единиц с национально-культурным компонентом, а также обсуждением авторской идеи и составлением характеристик героев. Важнейшая роль отводится ценностно-формирующему этапу: он основывается на глубинном понимании текста, обобщении лингвокультурологических знаний, предполагает в качестве результата принятие ценностей другой культуры через их сравнение с ценностями собственной, а также приобщение к универсальным ценностям глобальной культуры.

Учет специфики языка художественного произведения, его сюжета, авторских интенций определяет содержание упражнений на каждом из этапов ценностного анализа художественного текста. Понимание романа, посвященного определенной профессии, в данном случае - музыканту, невозможно без знания реалий данной профессии, что обуславливает необходимость актуализации фоновых знаний студентов в области музыки на всех трех этапах ценностного анализа текста.

Список литературы

1. Елизарова Г.В. Культура и обучение иностранным языкам. СПб.: Союз, 2001. 291 с.
2. Минеева М.В. Лингвистический гипертекст как средство преодоления коммуникативных сбоев при понимании англоязычных художественных текстов. Челябинск, 2015. 208 с.
3. Павлова Л.В. Гуманитарно-развивающее обучение иностранным языкам в высшей школе: монография/Л.В.Павлова. М.: Флинта: Наука, 2015. 320 с.
4. Пассов Е.И. Теория методики: принцы иноязычного образования. Кн. 6 Елец: МУП «Типография» г. Ельца, 2013. 603 с.

5. Сафонова В.В. Проблема социокультурного образования в языковой педагогике // Современные проблемы языкового образования. М.; Еврошкола. 2001 . С.27– 34.
6. Kramsch C. Context and Culture in Language Teaching. Oxford: OUP, 1993. 295 p.
7. Maclaverty B. Grace Notes. Vintage., 1998. 288 p.
8. Stanzel F.K. A Theory of Narrative. Cambridge university press. 1986. 328 p.

INTRINSIC VALUE ANALYSIS OF LITERARY TEXT AS LINGUO-CULTURAL LEARNING ACTIVITY

This article deals with the problem of realizing principles of cultural dialogue in teaching foreign languages (English-speaking course). The approach consists in introducing evaluating and interpreting tasks into original fiction reading activities with the aim of making students acquire linguistic competence and cultural knowledge and skills. This approach was tested on the novel “Grace Notes” written by B.MacLaverty.
Keywords: foreign language education, principles of cultural dialogue, culture-component of semantics, intrinsic value analysis of cultural products.

References

1. Elizarova G.V. (2001). Kultura i obuchenie inostrannym yazykam [Culture and Teaching Foreign Languages]. Sankt Peterburg: Soyuz. 291 s.
2. Mineeva M.V. (2015). Lingvisticheskij gipertekst kak sredstvo preodoleniya kommunikativnych sboev pri ponimanii angloyazychnych tekstov [Linguistic Hyper-text as a Means of Overcoming Communicative Failures in English Fiction Text Comprehension]. Tchelyabinsk. 208 s.
3. Pavlova L.V. (2015). Gumanitarno-razvivayuschee obuchenie inosytrannym yazykam v vysschey schkole [Humanitarian and Developing Language Teaching in High Education Institutions[: monograph/L.V.Pavlova. Moskva: Flinta: Nauka. 320 s.
4. Passov J.I. (2013). Teoriya metodiki: printsipy inoyazychnogo obrazovaniya [Theory of Language Teaching Methodology: Principles of Foreign Language Education]. Kniga 6. Elets: MUP “Tipographia”. 603 s.
5. Safonova V.V. (2001). Problema sotsiokulturnogo obrazovaniya v yazykovoy podgotovke [Problem of Socio-cultural Education in Language Teaching]//Sovremennye problemy yazykovogo obrazovaniya. Moskva: Evroschkola. S.27– 34.
6. Kramsch C. (1993).Context and Culture in Language Teaching. Oxford: OUP. 295 p.
7. Maclaverty B. (1998). Grace Notes. Vintage. 288 p.
8. Stanzel F.K. (1986). .A Theory of Narrative. Cambridge University Press. 328 p.

Об авторах

Изотова Надежда Васильевна – кандидат педагогических наук, доцент, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: n.v.izotova@rambler.ru
Николаенко Елена Михайловна – кандидат филологических наук, доцент, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: nikolaenkoelena@mail.ru

Izotova Nadezhda Vasiljevna. – Candidate of Science (Pedagogics), Associate Professor, Bryansk State University named after ac. I.G.Petrovsky, Russia, E-mail: n.v.izotova@rambler.ru
Nikolaenko Elena Mikhajlovna – Candidate of Science (Linguistics), Associate Professor, Bryansk State University named after ac. I.G.Petrovsky, E-mail: nikolaenkoelena@mail.ru

УДК 372.881.111.1

Клименко М.В., кандидат педагогических наук, доцент, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)
Филимонова Т.М., магистрант, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

ФОРМИРОВАНИЕ НАВЫКОВ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ НА ОСНОВЕ ПРОБЛЕМНЫХ СИТУАЦИЙ

Статья посвящена проблеме формирования навыков критического мышления студентов высшей школы с использованием материалов ведущих web изданий американских и британских газет как основы для разработки проблемных заданий. В работе представлена модель формирования навыков критического мышления, приводятся примеры приемов и методов работы с аутентичными газетными материалами при обучении студентов иностранному языку, направленные на формирование критического мышления.
Ключевые слова: критическое мышление, метод проблемных ситуаций, таксономия целей Блума, аутентичные материалы.

Среди учебных дисциплин, изучаемых в вузе, именно иностранный язык является предметом, в наибольшей степени способствующим формированию критического мышления студентов в образовательном процессе. Именно иностранный язык в высшей школе как учебная дисциплина обладает мощным образовательным, воспитательным и развивающим потенциалом. Выготский Л.С., Леонтьев А.Н., Щерба Л.В. отмечали особое влияние иностранного языка на процесс становления личности и, как следствие, на формирование критического мышления. Попова Е.А. отмечает, что иностранный язык как учебный предмет обладает большими возможностями для формирования навыка критического мышления у студентов на занятии, что обусловлено межпредметностью и многофункциональностью данной дисциплины. Межпредметность, как отличительная особенность предмета «Иностранный язык», позволяет использовать на учебном занятии материалы различного содержания из разных областей знания и специальностей [5].

Процесс обучения на занятии по иностранному языку должен быть построен таким образом, чтобы обучающиеся постоянно испытывали потребность в выражении своего мнения, своих взглядов. Это, в свою очередь, приводит к активизации мыслительных процессов. При этом источником мотивации, мысли выступает противоречие или проблемная ситуация. Следовательно, учебный материал должен носить проблемный характер. Все это, в процессе обучения, позволяет концентрировать внимание не на простом механическом усвоении знаний, а на самостоятельном исследовании проблемы, самостоятельном приобретении знаний в результате поиска решений. Полученная информация служит источником создания новых знаний. Целью проблемного обучения является формирование особого стиля умственной деятельности, который выражается в способности обучающегося находить ответы на поставленные вопросы, умении пользоваться дополнительной информацией и формировать собственное мнение, обосновывать его аргументами и найденными фактами. Все это и есть умения критического мышления, без владения которыми не представляется возможным решить ни одну проблему.

Основным видом деятельности на занятии должно стать общение в форме диалога, полилога или коллективной работы. Так как решение проблемы всегда связано с общением, обменом мнениями, выявлением противоречий, нахождением общего решения. При этом преподаватель является не сторонним наблюдателем, а активным участником дискуссии, который не только организует процесс обучения, но и выступает в качестве партнера для общения.

Ковалевский Е.В. и Виноградова О.С. указывают, что метод дискуссий должен предшествовать другим проблемным методам, т.к. только сформировав умения аргументации, рассуждения, анализа, целесообразно перейти к использованию метода ролевых игр или проектной деятельности [3.]

Для организации дискуссионного процесса большое значение имеет чтение текстов, предполагающее применение всех видов чтения, поиск дополнительной информации и ее дальнейшее обсуждение. Так как обучающиеся постоянно находятся в процессе общения, устно и письменно излагают свою позицию, следовательно, для выражения мыслей и идей необходимо владеть лексикой. Поэтому процессу формирования лексических навыков необходимо уделять достаточно времени и внимания.

Из всего выше сказанного, можно заключить, что обучение критическому мышлению студентов в процессе изучения иностранного языка не противоречит основной задаче обучения иностранному языку – обучению всем видам речевой деятельности, т.к. предметом речи является мысль.

Большое влияние на эффективность обучения в контексте критического мышления оказывают запас знаний, которые студенты изначально имеют, т.к. процесс формирования данных навыков строиться на их осмыслении и оценке. В процессе обучения студентов необходимо знакомить с основными структурными элементами критического мышления: фактом, утверждением, мнением, аргументом, доказательством. Они должны уметь различать эти понятия и оперировать ими.

Владение навыками дедукции и индукции так же является неотъемлемым элементом обучения. Они неразрывно связаны с логикой, которая является обязательной частью формирования и применения критического мышления. Преподаватель должен использовать дедуктивные и индуктивные методы в единстве.

Разрабатывая методику формирования критического студентов неязыковых специальностей мы исходили из принципа системности. При разработке такой системы мы принимали во внимание обучение навыкам критического мышления происходит в соответствии с таксономией образовательных целей Б. Блума, разработанной в 1956 году, которая в 1999 году была усовершенствована Лорином Андерсоном и его коллегами [9]. Таксономия Б. Блума описывает цели познавательной деятельности, она используется для планирования и оценки результатов обучения.

Таким образом, основой предлагаемой методики является таксономия Б. Блума; основными методами – метод развития критического мышления через чтение и письмо, метод проблемных ситуаций и проектная деятельность.

Контент-анализ содержания дисциплины показал, что возможностями в формировании критического мышления студентов обладают такие темы, как ««Education», «Unemployment», «People and Lifestyles», «Environment and Globalization».

В качестве опоры для разработки заданий использовались тексты газетных статей проблемного характера. Источниками выступили онлайн ресурсы британских национальных газет "The Times", "The Guardian", “The Independent” и "The Daily Telegraph".

Разрабатывая модель, мы руководствовались требованиями, сформулированными В.С. Ильиным:

-модель должна отобразить степень целостности процесса или явления;

- модель должна дать описание условий его протекания;

- модель должна строиться структурно целесообразно [2]

В процессе создания модели мы опирались на идеи американского философа и педагога Джона Дьюи о том, что критическое мышление возникает в процессе работы над конкретной проблемой. Целенаправленное сосредоточивание внимания обучающихся на проблемах стимулирует любознательность, заложенную природой и побуждает к критическому мышлению. «Главный вопрос, который должен быть задан по поводу ситуации или явления, взятого за отправную точку процесса обучения, есть вопрос о том, какого рода проблемы это явление порождает… Только сражаясь с конкретной проблемой, отыскивая собственный выход из сложной ситуации, [обучающийся] действительно думает» [1]

Представленная модель разработана на основе принципа взаимосвязи базовой модели технологии критического мышления (вызов-осмысление-рефлексия) и тремя этапами работы над текстом (предтекстовый – текстовый – послетекстовый).

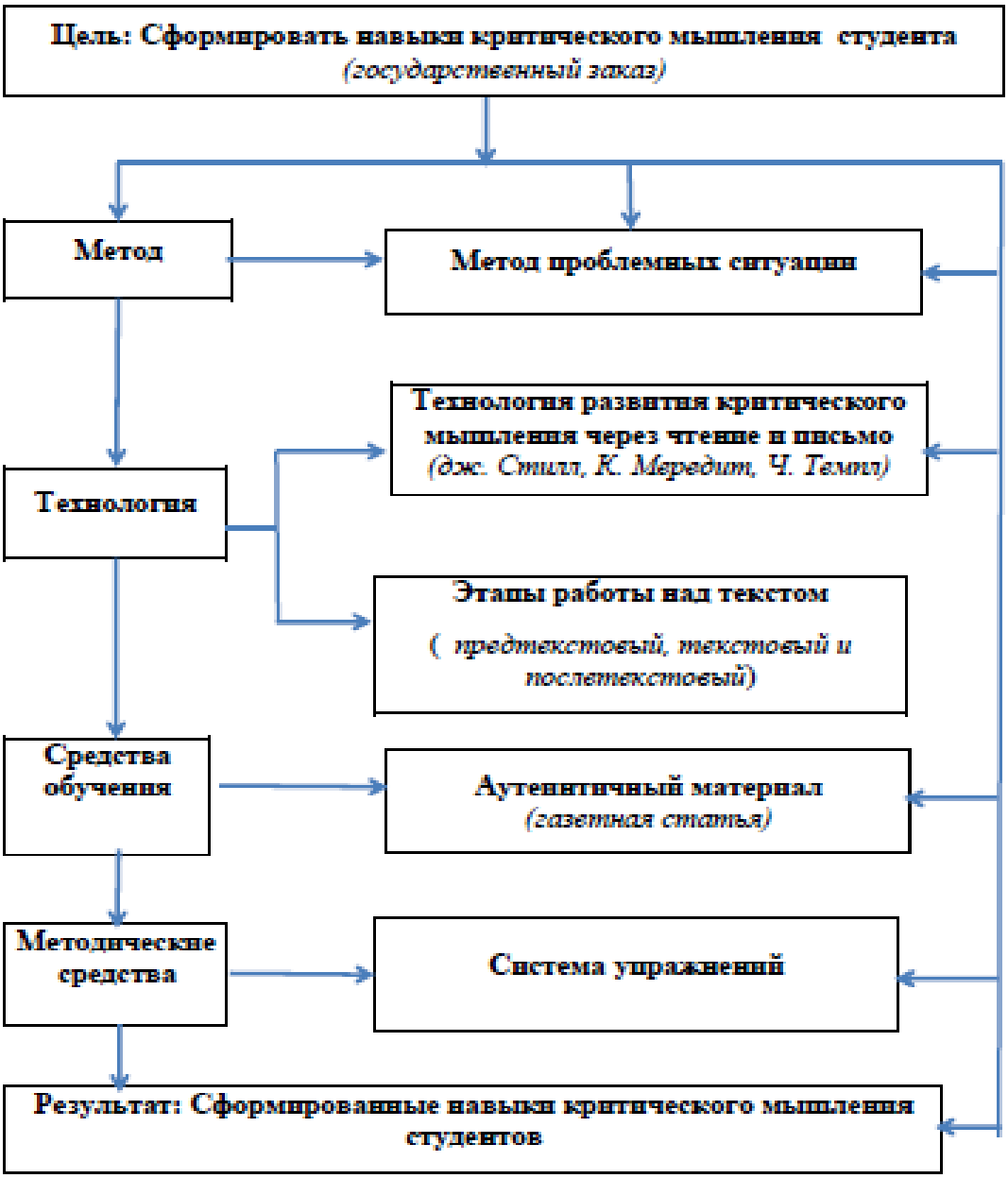

Рис.1. Модель формирования критического мышления студентов на основе метода проблемных ситуаций в процессе обучения иностранному языку (с опорой на материалы web-изданий ведущих британских газет)

Модель формирования критического мышления студентов включает следующие компоненты: цели, методы, технологии, средства обучения, методические средства и ожидаемые результаты.

1. Цель модели - сформировать навыки критического мышления студентов в процессе обучения иностранному языку. Данная формулировка продиктована требованиями государственного заказа на получение совершенно новой модели выпускника, как личности, являющейся активным участником образовательного процесса, способной самостоятельно добывать знания, выбирать необходимую информацию из огромного потока, обладающую высоким уровнем коммуникативной культуры, способную вести дискуссию и совместно принимать решения.

В качестве метода определен метод проблемных ситуаций. Сущность его заключается в систематическом вовлечении студентов в процесс поиска обоснованного решения незнакомых для них проблем. Он позволяет студенту усвоить способы решения научных и жизненных проблем. Основной формой работы является ведение дискуссии. Дискуссия предполагает обучение работе с информацией

и дискуссионной культуре, большое значение имеет чтение текстов, что требует применения всех видов чтения, поиска дополнительной информации и ее последующего обсуждения. Применение метода дискуссии способствует реализации принципа коммуникативности и текстоцентричности.

2. Реализация предложенной модели предполагает взаимосвязанное применение технологии развития критического мышления через чтение и письмо (РКМЧП) и трехэтапного алгоритма работы над текстом. РКМЧП имеет четкую трехфазовую структуру (вызов-осмысление или реализация смысла-рефлексия), отражающую стадии работы над текстовым материалом. Так как алгоритм работы над текстом включает в себя три этапа: предтекстовый, текстовый и послетекстовый, и цели данных этапов работы над текстом и функции технологии РКМЧП очень близки, то одним из принципов обучения чтению и письму может быть принцип корреляции трехфазовой модели развития критического мышления и этапов работы над текстом.

3. Под средствами обучения в методической литературе принято понимать разнообразнейшие материалы и орудия учебного процесса, благодаря использованию которых более успешно и за рационально сокращенное время достигаются поставленные цели обучения. В рамках исследования в качестве основных средств обучения были рассмотрены аутентичные тексты. В переводе с английского «аутентичный» означает «естественный». Аутентичными принято считать те материалы, которые используются в реальной жизни тех стран, где говорят на данном иностранном языке. К ним относят тексты, извлеченные из газет и журналов, различного рода объявления (объявления, афиши, реклама, вывески, расписания, меню и т. д.), письма, корреспонденцию, программы новостей радио и телевидения, авиа- и железнодорожные билеты, художественные тексты.

Процесс обучения иностранному языку должен опираться на аутентичный текст как единицу коммуникации, в котором представлены признаки другой (иноязычной) языковой общности. Аутентичные текстовые материалы знакомят студентов с культурой, процессами, происходящими в обществе, особенностями менталитета и жизни социума, интерпретируя их, обучающиеся лучше осознают свою родную культуру.

Выбор газетной статьи в качестве средства обучения не случаен. Работа над газетной статьей на занятии по изучению иностранного языка дает ряд преимуществ:

- занятия становятся более актуальными и увлекательными;
- предполагается большая доля участия студентов в процессе обсуждения, что приводит к установлению на занятии серьезной, сплоченной атмосферы;
- статьи разнообразны, являются прекрасным источником дискуссий и дебатов, тем самым позволяют развить не только критическое мышление, но и совершенствовать навыки всех видов речевой деятельности: говорения, аудирования, письма, чтения;
- разнообразие, градация уровней сложности, рассмотрение социально-культурных, политико-экономических и других тем, контекстуальное чтение, оформление текста литературным английским языком, возможность посмотреть на текст аналитически, взаимодействие с другими студентами путем выдвижения гипотез, возможность индивидуальной интерпретации фактов [8].

Самым главным условием успеха в этой работе является повышение уровня мотивации студентов к чтению прессы. Выбор газеты зависит не только от интересов студентов, уровня их подготовленности, учебных целей, которые поставлены перед ними. Студенты, только начинающие работать с английской газетой, должны обязательно хорошо ориентироваться в ее структуре, знать названия разделов газет. Знание особенностей той или иной газеты позволяет проводить критический сравнительный анализ структуры российских и зарубежных газет. При обсуждении организации статей вводится релевантная лексика, которая обсуждается в группе или фронтально: статья с указанием имени автора, выражение благодарности, структура перевернутой пирамиды, первые абзацы статьи [8].

Схематично требования, предъявляемые к газетным статьям и стратегии студентов по работе с ними изложены в таблице 1:

Таблица 1

Алгоритм работы со статьей

Статья…	– взята из рекомендуемого источника; – имеет достаточный объем; –

	обеспечивает возможности для анализа.
Краткое изложение статьи предполагает, что…	студент… – определяет цель статьи; – суммирует ее ключевые пункты.
Изложение содержания подразумевает, что…	студент, используя языковые средства и навыки критического мышления, 1) демонстрирует понимание содержания статьи; 2) пытается трактовать авторскую позицию относительно рассматриваемого вопроса; 3) выражает согласие/несогласие, одобрение/неодобрение и пр. 4) делает выводы.

Функция преподавателя в последующей работе над газетой заключается в том, чтобы студенты точно знали, как подходить к анализу прочитанного материала с позиции критического читателя.

Анализируя статью критически и всесторонне, студенту необходимо логически построить ход своих мыслей, опираясь на следующие опорные пункты: цель статьи, целевая аудитория, предмет обсуждения, повод, основное положение, факты, стиль, представление аргументов, выводы, значение, воздействие на читателя, достоинства.

Обучение чтению на основе газетного материала имеет следующие цели:

1) научить читать статьи в оригинале (т.е. аутентичные), осуществляя разные виды чтения (изучающее, ознакомительное, просмотровое, поисковое);

2) научить обсуждать общественно-политические темы и проблемы;

3) научить высказывать свое отношение к прочитанному;

4) совершенствовать слухопроизносительные, лексические, грамматические навыки;

5) реализовать межпредметные связи, повышать уровень общей культуры и образованности студентов, расширять их кругозор [6].

4. Под методическими средствами мы понимаем систему упражнений проблемного характера, разработанные на основе материалов британских газет.Д. Дьюи считал, что путем упражнений можно научить человека мыслить и видел в этом главную задачу системы образования [1]. Ушинский К.Д. отмечал, что систематичность упражнений есть первая и главнейшая основа их успеха, а недостаток этой систематичности – главная причина, почему многочисленные упражнения дают плохие результаты [7].

5. Результатом реализации предложенной модели с использованием разнообразных приемов, способов и стратегий формирования критического мышления являются сформированные навыки критического мышления студентов. Основными критериями определения сформированности такого мышления является продвижение студентов от информационно- ознакомительного к рефлексивно-диагностическому уровню владения иностранным языком.

Предлагаемая модель формирования критического мышления может служить общим руководством для преподавателя, который перед каждым занятием выбирает адекватные поставленным целям и задачам методы, конкретные приемы обучения, формы организации деятельности и оценки обучения на занятии. То есть, интеграция данной модели в процесс подготовки студентов будет способствовать совершенствованию образовательного процесса и в дальнейшем эффективно повлияет на обучение и воспитание подрастающего поколения, формирование критического мышления средствами иностранного языка, так как модель носит развивающий, проблемный, деятельностный характер. Помимо этого, авторская модель актуализирует методику обучения всем четырем видам речевой деятельности: репродуктивной (аудирование и чтение) и продуктивной (говорение и письмо), поэтому отличается системностью и комплексностью.

Рассмотрим применение разработанной нами модели формирования критического мышления на практических занятиях по дисциплине Иностранный язык (английский язык) у студентов второго курса, обучающихся по направлению подготовки «История и международные отношения» в БГУ им. И.Г. Петровского.

Так, в рамках изучения темы «Образование» студентам были предложены следующие задания, разработанные с опорой на web издания ведущих Британских и американских газет: работа начинается с введения лексики перед прочтением текста «Why are Brits so obsessed with getting a university degree?» (источник «The Guardian»). При отборе лексики уделено внимание социолингвистическому ас-

пекту, т.е. отобраны термины, идиомы, словосочетания, употребленные в контексте, пояснены некоторые реалии, например:

to be in danger of running dry – быть под угрозой исчезновения

an apprenticeship - ученичество

charging them the thick end of – взимать большую часть

the university cap – количество студентов

the effect of ensuring – способствовать чему-либо, привести к чему – либо

Перед чтением текста необходимо было настроить студентов на то, что в процессе чтения они должны следить за ходом мысли автора, понять какую мысль он хочет донести до читателя. Для этих целей у студентов была памятка о правилах работы с текстом.

На этапе чтения текста рекомендуется использовать технику «Инсерт». Студенты по ходу чтения отмечают информацию как известную или новую для них.

Далее можно переходить к обсуждению текста и формированию интеллектуальных умений: умений выделять главную мысль, находить конкретную информацию, переструктурировать информацию. Обсуждение проходит в форме вопросов преимущественно в небольших группах. Например, What is the main idea of the text? Can you explain why only half of graduates find professional jobs six months after graduating? What statements support this meaning?

На последующем занятия студентам можно предложить сравнить позиции двух разных издательств «The Times» и «The Daily Telegraph» по одному проблемному вопросу – о финансовых проблемах студентов, о повышении стоимости высшего образования в Великобритании.

В качестве домашнего задания студенты получили статью «Does a degree today represent any value for money? (источник «The Daily Telegraph») и список слов к ней. Статья содержит противоречивую информацию, ее содержание близко студентам, т.к. в ней рассматривается насущная проблема Британского образования в сфере подготовки студентов гуманитарного профиля, в частности студентов-историков. Проблема состоит в постепенном уменьшение количества учебных часов, времени контакта с преподавателем, в результате у студентов появляется много времени, что сказывается на их успеваемости и образе жизни.

Для студентов-историков большое значение имеет осведомленность о текущих событиях, происходящих в мире. С этой точки зрения большой интерес представляет рассмотрение насущного вопроса о Брексите и референдуме в Великобритании, возможности разобраться в его причинах и последствиях. Поэтому студентам предлагаются две статьи «Brexit result: What does it mean for the UK's higher education sector and students?» и « EU Referendum: Britain's students share mixed reaction to historic result » (источник «The Independent»). Обсуждение данных статей рекомендуется проводить в форме «круглого стола». Занятие необходимо начать с приема «Кластер», где центральным словосочетанием будет «Brexit result». К нему, в процессе размышления, студенты должны подобрать смысловые ассоциации по исследуемой проблеме в виде слов, словосочетаний или целых предложений. Затем в процессе чтения студенты будут добавлять новые характеристики данного явления. Основу «круглого стола» должна составить дискуссия, т.е. всестороннее обсуждение проблемы в группе. Организация занятия в форме дискуссии помогает решить как познавательную, так и коммуникативную задачи в учебном процессе.

В качестве основного измерительного инструмента уровня сформированности критического мышления экспериментальной (ЭГ) и контрольной групп (КГ) в начале и в конце эксперимента применялся адаптированный тест американского психолога С. Плауса [6]. Тест состоит из 10 задач и нескольких вариантов ответов на них. Каждому ответу соответствует определенное количество баллов, так за правильный ответ дается 1 балл, за наиболее обоснованный ответ - 2 балла. Тест для студентов определяет следующие группы умений:

- умение обозначать и выделять проблему (УОВП);
- уровень индуктивного мышления (УИМ);
- умение аргументировать свою позицию (УАП);
- уровень дедуктивного мышления (УДМ).

Уровни сформированности критического мышления студентов на начало эксперимента приведены в таблице 2:

Таблица 2

Уровень сформированности критического мышления студентов в начале эксперимента

Уровни	Экспериментальная группа (ЭГ)		Контрольная группа (КГ)	
	количество	%	количество	%
Высокий	0	-	0	-
Средний	9	64,29	8	57,14
Низкий	5	35,71	6	42,86

Таким образом, на начало эксперимента уровни сформированности критического мышления в испытуемых группах представлены низким и средним уровнями. При этом, доля студентов со средним уровнем критического мышления составила 64,29% (ЭГ) и 57,14% (КГ), с низким уровнем – 35,71% (ЭГ) и 42,86% (КГ). Студенты с высоким уровнем критического мышления отсутствуют в обеих группах. Результаты диагностики схематично представлены на рисунке 2.

Рис. 2. Диагностика уровней сформированности критического мышления студентов на начало эксперимента

Следовательно, можно сказать, что критическое мышление студентов сформировано недостаточно хорошо и требует развития.

С целью проверки гипотезы об эффективности применения метода проблемных ситуаций для формирования навыков критического мышления в экспериментальной группе была проведена серия занятий по английскому языку. Методологической базой построения занятий послужили разработанные нами модель формирования критического мышления студентов неязыковых специальностей и проблемные задания на основе материалов британских газет. В контрольной группе занятия проводились по традиционной методике, согласно рабочей программе по дисциплине «Иностранный язык» (английский).

На завершающем этапе эксперимента при проведении итогового тестирования были получены следующие данные:

Таблица 3

Уровни сформированности критического мышления студентов на конец эксперимента

Уровни	Экспериментальная группа (ЭГ)		Контрольная группа (КГ)	
	количество	%	количество	%
Высокий	2	14,28	0	-
Средний	10	71,43	9	64,29
Низкий	2	14,29	5	35,71

Из данных таблицы 2 видно, что на конец эксперимента уровень сформированности критического мышления студентов в экспериментальной группе представлен высоким, средним и низким уровнями. Так, в экспериментальной группе умения критического мышления 2 студентов были оценены как высокие, 10 – как средние, 2 как низкие. В контрольной группе данные умения представлены лишь только двумя уровнями – средним (9 студентов) и низким (5 студентов), студенты с высоким уровнем критического мышления отсутствуют.

Динамика уровня сформированности критического мышления студентов в ходе о эксперимента представлена в таблице 4:

Таблица 4

Динамика изменения уровня сформированности критического мышления студентов в ходе эксперимента

Группа	Этап эксперимента	Уровни					
		низкий		средний		высокий	
		кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
ЭГ	начало	5	35,71	9	64,29	0	-
	конец	2	14,29	10	71,43	2	14,28

КГ	начало	6	42,86	8	57,14	0	-
	конец	5	35,71	9	64,29	0	-

Таким образом, за период педагогического эксперимента в экспериментальной группе произошли следующие положительные изменения: уменьшилось количество студентов с низким уровнем критического мышления (с 5 до 2), увеличилось количество студентов (с 9 до 10) со средним уровнем критического мышления, выделилась ранее не существовавшая категория студентов - студентов с высоким уровнем критического мышления в количестве 2 человек. В контрольной группе уровни критического мышления студентов по-прежнему представлены только двумя категориями: средним и низким. Произошло лишь количественное смешение в составе уровней: количество студентов со средним уровнем критического мышления увеличилось на 1 человека.

Результаты опытно-экспериментальной работы дают нам основания утверждать, что разработанная нами модель процесса формирования критического мышления студентов и комплекс упражнений проблемного характера способствовали эффективному формированию навыков и умений критического мышления студентов, повлияла на общее повышение уровня иноязычной коммуникативной компетенции студентов.

Список литературы

1. Дьюи Дж. Психология и педагогика мышления. (Как мы мыслим). М: Лабиринт, 1999. 192 с.

2. Ильин В. С. Формирование личности школьника (целостный процесс) / В. С. Ильин. М.: Педагогика, 1984. 144 с.

3. Ковалевская Е.В. Генезис и современное состояние проблемного обучения: Общепедагогический анализ применительно к методике преподавания иностранных языков. Дис. ... докт. пед. наук. М., 2000. 417 с.

4. Плаус С. Психология оценки и принятия решений / Перевод с англ. — М.: Информационно-издательский дом “Филинъ”, 1998. — 368 с

5. Попова Е. А. Формирование критического мышления студентов в курсе дисциплины «иностранный язык» как фактор профессиональной компетентности // Иностранные языки в сфере профессиональной деятельности. Социально-политический дискурс (лингводидактические аспекты обучения иностранным языкам). – М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2013. – С. 167–180. – (Вест. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 668. Серия Педагогические науки)., с. 170

6. Угренинова Е.Ф. Обучение иностранному языку и культуре на основе аутентичных текстовых материалов СурГПУ, г. Сургут по материалам научно-практической конференции «VI Знаменские чтения», 4 марта 2007 года

7. Ушинский К.Д. Собрание сочинений в 11 томах / К.Д. Ушинский [Электронный ресурс] Академия педагогических наук.–1948-1952.– 6996 с. Режим доступа: http://book.tr200.net/v.php?id=4604008 (дата обращения: 17.10.17))

8. Храброва В.Е. Развитие критического мышления при обучении английскому языку через чтение газет. Вестник Кемеровского государственного университета. 2014;1(4):99-103.

9. Bloom, B.S., (Ed.). 1956. Taxonomy of educational objectives: The classification of educational goals: Handbook I, cognitive domain. New York: Longman

THE PROCESS OF STUDENTS’ CRITICAL THINKING SKILLS FORMATION THROUGH STUDYING FOREIGN LANGUAGE BASED ON PROBLEM SITUATIONS

The article deals with the problem of critical skills formation for students of higher educational establishments with the use of materials of American and British newspapers web editions. These authentic materials are used as a basis for preparing and implementing problem oriented tasks. The model of critical thinking skills formation is presented, examples of methods of using authentic materials while teaching a foreign language are given.

Keywords: critical thinking, method of problem based situations, Bloom’s taxonomy of objectives, authentic materials.

References

1. Dui Jh. Psyhologya i pedagogika mishlenya (Kak mi mislim) [Psycholohy and Pedagogics of thinking. How we think]. – M.: Labirint [labyrinth], 1999. – 192s.

2. Ilyin V.S. Formirovanye lichnosti shkolnika (tselostnij protsess) [Pupil's Personality Formation as a whole process]. – M.: Pedagogika, 1984. – 144s.

3. Kovalevskya E.S. Geneziz i sovremennoe sostoyanie problemnogo obuchenya: obzhpedagogicheskij analiz promenitelno k metodike prepodavanya inostrannih yazikov [Development and Modern State of Problem Teaching – Pegagogic Analysis of Foreign langusge teaching]. Dis… Dokt. Ped. Nauk. – M., 2000. – 147s.

4. Plaus S. Psihologya otsenki I prinyatya reshenij [Psychology of Judging and Making Decisions]. – M.: Informatsionno-izdatelskij Dom [Publishing House] Filin, 1998. – 368s.

5. Popova E.A. Formirovanie kriticheskogo mishlenya studentov v kurse distsiplini "Inostrannij yazik" kak factor professionalnoj kompetentnosti [Critical Thinking Formation as a Factor of Professional Competence]. – M.: FGBOU MGLU, 2013. – s. 167-180. – (Vestnik MGLU [Herald of Moscow State Linguistic University], Vip. 668. Serya Pedagogicheskie nauki, s. 170

6. Ugreninova E.F. Obuchenie inostrannomu yaziku I culture na osnove autentichnih tekstovih materialov [Teaching of Foreign Language on the Basis of Authentic Texts], SURGPU, g. Surgut po materialam nauchno-prakticheskoj konferentsii "IV Znamenskie chtenya", 4 marta, 2007 goda.

7. Ushinskij K.D. Sobranie Sochinenij v 11 tomah [Works collection in 11 Volumes]. – Retrieved 17.10.17, from http://book.tr200.net/v.php?id=4604008

8. Hrabrova V.E. Razvitie kriticheskogo mishlenya pri obuchenii anglijskomu yaziku cherez chtenye gazet [teaching English through Newspaper Reading]. Vestnik Kenerovskogo Gosudarstvennogo Universiteta [Herald of Kemerovsky State University]. 2014;1(4):99-103

9. Bloom, B.S., (Ed.). 1956. Taxonomy of educational objectives: The classification of educational goals: Handbook I, cognitive domain. New York: Longman

Об авторах

Клименко Марина Викторовна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры английского языка и методики его преподавания, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: kmv0604@yandex.ru

Филимонова Татьяна Михайловна – магистрант кафедры английского языка и методики его преподавания, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: filimonova-tm@yandex.ru

Klimenko Marina Viktorovna – Candidate of Pedagogics, Associate Professor of the Department of the English Language and Methods of Teaching, I. Petrovsky Bryansk State University, E-mail: kmv0604@yandex.ru

Filimonova Tatyana Mihajlovna – Master's Degree student of the Department of the English Language and Methods of Teaching, I. Petrovsky Bryansk State University, E-mail: filimonova-tm@yandex.ru

УДК 37.032

Мельников С.Л., кандидат педагогических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)
Карнеев Р.К., кандидат психологических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

ДИНАМИКА МОТИВАЦИОННО-СМЫСЛОВОЙ СФЕРЫ ВОСПИТАТЕЛЕЙ ДОУ

Статья посвящена проблеме изучения динамики мотивационно - смысловой сферы воспитателя ДОУ. Представлены результаты исследования мотивационно-смысловой сферы воспитателей дошкольных образовательных учреждений. Обнаружена связь между формированием качеств самоактуализирующейся личности, мотивами профессиональной деятельности, педагогическим стажем и возрастом воспитателя.
Ключевые слова: мотивационно-смысловая сфера, самоактуализация, профессиональная мотивация, социально-психологические установки, воспитатели ДОУ.
DOI: 10.22281/2413-9912-2017-01-04-314-320

Протекающая в настоящее время модернизация образования, в том числе и дошкольного, на первое место ставит не просто принадлежность воспитателя профессии, но и его отношение к педагогической деятельности, и его личностную позицию.

Дошкольное образование, на современном этапе, постоянно развивается, интенсивно внедряя инновации, новые технологии и методы работы с детьми. Так, например,1 января 2014 года вступил в силу приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 17 октября 2013 г. № 1155 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования». Эти изменения в содержании образования предъявляют определенные требования к личности педагога. В этой ситуации важна не только профессиональная компетентность, но и потребность воспитателя развиваться, адаптироваться к новым условиям, применяя и реализуя свой потенциал, в том числе и творческий.

Использование воспитателем своего потенциала является одним из факторов успешного профессионального развития личности и общества в целом. От педагога ждут самостоятельности, активности, целеустремлённости, то есть, желания максимально реализоваться и приносить пользу обществу.

Таким образом, в связи с процессами модернизации дошкольного образования, возникает необходимость в изученности личности воспитателя ДОУ, что обусловило актуальность нашего исследования динамики мотивационно-смысловой сферы воспитателей дошкольных образовательных учреждений.

Итак, основной *целью* данного исследования является установление связи между мотивационно-смысловой сферой воспитателя и его педагогическим стажем.

В связи с этим выдвинута гипотеза о том, что развитие мотивационно-смысловой сферы происходит под влиянием возрастных изменений и педагогического стажа.

Для достижения поставленной цели, проверки выдвинутой гипотезы нами были намечены и решались следующие задачи.

1. Выявить особенности мотивационно-смысловой сферы воспитателей.
2. Провести сравнительный анализ мотивационно-смысловой сферы воспитателей.
3. Оценить характер связи мотивационно-смысловой сферы с педагогическим стажем воспитателей.

В исследовании приняли участие 65 воспитателей дошкольных образовательных учреждений. Средний возраст воспитателей составил 37,9 лет, средний педагогический стаж – 13,8 лет.

Воспитатели представляли 3 подгруппы в зависимости от стажа работы в ДОУ: 1 подгруппа: до 5 лет, 2 подгруппа: 6-15 лет, 3 подгруппа: более 15 лет.

Учитывая изложенные теоретические положения, для достижения цели исследования нами были использованы следующие диагностические методики:

1. Самоактуализационный тест (САТ) в

модификации Ю.Е. Алешиной, Л.Я. Гозман.

2. Мотивационный тест Ф. Герцберга.

3. Диагностика социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере О.Ф. Потемкиной.

4. Авторский опросник мотивации профессиональной деятельности Т.Н. Францевой.

При проведении аналитического этапа мы использовали математико-статистические методы, которые позволили нам установить достоверность результатов исследования. Для окончательных выводов использовались результаты на уровне значимости $p \leq 0,05$ и $p \leq 0,01$. Все расчеты выполнялись с помощью компьютерной программы SPSS Statistics 19.0. В анализ включались описательные статистики, коэффициент линейной корреляции Пирсона, критерий Краскела-Уоллеса [7].

На первом этапе нашего исследования в результате применения «Самоактуализационного теста» был определен уровень развития самоактуализации и ее составляющих у воспитателей ДОУ. Главным социально значимым результатом самоактуализации человека является приобретение им компетентности - специфической способности, позволяющей эффективно решать типичные проблемы, задачи, возникающие в реальных ситуациях повседневной жизни, производственной и общественной деятельности [2, с. 267].

Исходя из того, что самоактуализация как процесс связана с определенной деятельностью (в нашем случае с профессиональной) и является специфически организованной деятельностью во внутреннем плане, следовательно, как любая деятельность она имеет определенную структуру [11].

Самоактуализация личности в профессиональной деятельности имеет свои особенности, хотя в целом способствует осознанию и раскрытию определенных сторон Я, проявлению творческого потенциала. Если рассматривать самоактуализацию личности в профессиональной деятельности как внутреннюю активность и деятельность по осознанию и раскрытию собственного потенциала, то в этом процессе также требуется выделение определенных компонентов, отражающих структуру и основное содержание самоактуализации профессионала [11].

На протяжении всего периода трудовой деятельности структура личностных характеристик педагога подвержена изменениям. Характер динамики изменений и их эффективность обусловлены, с одной стороны, индивидуальными особенностями воспитателя, а с другой подвержены влиянию тех условий, которые могут оказать реальное воздействие на формирование профессиональной компетентности педагога дошкольного образования [9].

Рассматривая проблему профессионального развития педагогов, авторы выделяют в качестве основных побуждений их профессиональной деятельности следующие мотивы: чувство безопасности; вознаграждение за труд; условия труда [1]. В качестве мотивационной основы педагогической деятельности называют следующие мотивы: мотив власти (доминирования) - стремление организовывать, нацеливать, контролировать, оценивать; мотив привлечения внимания - стремление оказывать влияние на обучаемых путем личного примера. Устойчивость внимания обучаемых в процессе проведения занятий позволяют обеспечить следующие мотивы: мотив избегания неудач; мотив порядка - стремление к собранности, целеустремленности, умению ценить время; мотив опеки - стремление к одобрению коллег и руководства [10].

С помощью критерия Колмогорова-Смирнова установлено, что распределение параметров соответствует нормальному закону, поэтому для выявления корреляционной связи мы использовали коэффициент линейной корреляции Пирсона.

Рассматривая корреляционные связи можно отметить, что нами обнаружены значимые корреляции между параметрами мотивационно-смысловой сферы и возрастом. Вычисления корреляции позволили нам выделить статистически значимые корреляции на уровне **$p<0,01$** и **$p<0,05$**.

На уровне значимости **$p < 0,01$**: между возрастом, педагогическим стажем и шкалой «Ориентация во времени» ($r=0,488$). Что позволяет утверждать, что с возрастом, а также с опытом работы повышается ориентация во времени. Человек правильно ориентирован во времени, рассматривает его в единстве прошлого, настоящего и будущего. Такой человек

не откладывает жизнь на завтра, не увязает в прошлом, а живет в настоящем, воспринимая его, однако, в единстве с прошлым и будущим. Также между возрастом и установкой «альтруизм» (r=0,348) в мотивационно-потребностной сфере воспитателей. То есть, с возрастом, растет показатель «альтруизма», готовности ставить интересы других выше своих. Далее нами была обнаружена корреляционная связь между возрастом и фактором профессиональной мотивации «сотрудничество в коллективе» (r=0.467). Это означает, что чем больше времени воспитатель работает в учреждении, тем более значимым для него является благоприятный климат в коллективе и хорошие отношения с коллегами.

На уровне значимости **p < 0,05**: между возрастом, педагогическим стажем и мотивом жизнеобеспечения (r=-0,256). Этот мотив является внешним и связан с материальным аспектом профессиональной деятельности. Полученные данные говорят о том, что чем старше воспитатель, тем менее значимо для него материальное вознаграждение за работу. Также корреляционная связь обнаружена между возрастом воспитателей и шкалой «ценностные ориентации» (r=0,265). Самоактуализированная личность - это «изнутри направленная личность», обладающая внутренней поддержкой, руководствующаяся в основном внутренними принципами и мотивацией. Чем старше воспитатель, тем выше показатели.

Обнаружены отрицательные корреляционные связи между возрастом и установками в мотивационно-потребностной сфере воспитателей, такими как «эгоизм» (r=-0,301), «власть» (r=-0,249), «деньги» (r=-0,302). А также между возрастом и факторами профессиональной мотивации: «мотивом жизнеобеспечения» (r=-0,256), «финансовыми мотивами» (r=-0,304) и «карьера, продвижение по службе» (r=-0,255).

На следующем этапе исследования мы изучили особенности связи педагогического стажа с мотивационно-смысловой сферой воспитателей. В результате расчета критерия Ливена установлено, что дисперсии в сравниваемых группах значимо различаются между собой. Вследствие этого для проведения сравнительного статистического анализа мы использовали непараметрический критерий Краскела-Уоллеса. Результаты, представленные в таблице 1, демонстрируют нам, что выявлены достоверные связи представленных переменных с педагогическим стажем.

Таблица 1

Сравнительный анализ переменных мотивационно-смысловой сферы в зависимости от педагогического стажа воспитателей ДОУ

Переменная	Значение критерия **H**-Краскела-Уоллеса	Уровень значимости
Ориентация во времени	10,9	,004
Шкала поддержки	7,05	,029
Альтруизм	11,1	,004
Эгоизм	6,76	,034
Власть	6,1	,046
Деньги	8,7	,013
Карьера	6,3	,042
Сотрудничество в коллективе	6,8	,034
Мотив жизнеобеспечения	10,7	,005
Финансовый мотив	6,57	,037

Динамику проявления того или иного качества в зависимости от педагогического стажа или возраста можно проследить с помощью однофакторного дисперсионного анализа. Например, обратимся к рисунку 1 и 2, где представлена динамика двух основных шкал самоактуализации воспитателей.

В зависимости от педагогического стажа «ориентация во времени», изменяется следующим образом: с увеличением педагогического стажа показатели по данной шкале возрастают.

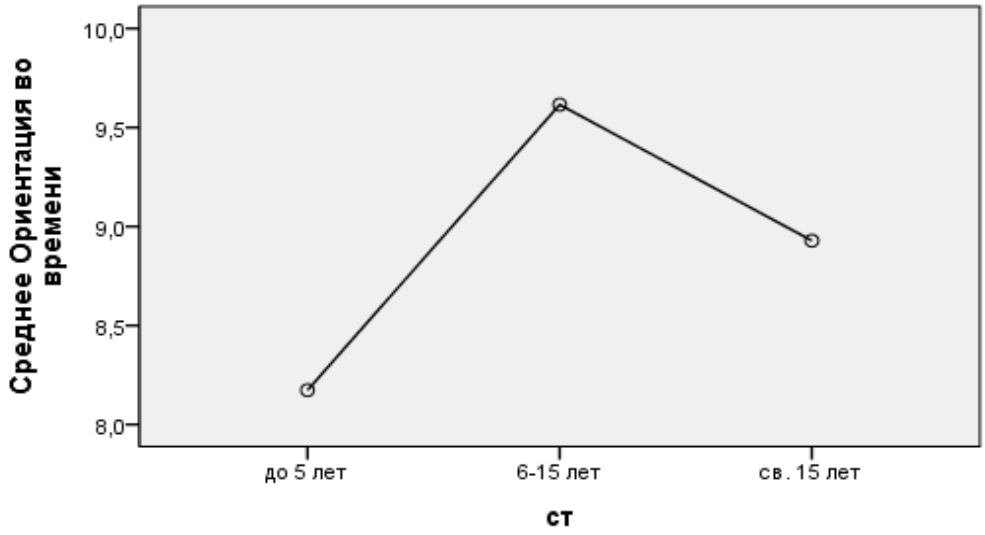

Рис. 1. Связь «Ориентации во времени» (компетентность во времени) с педагогическим стажем.

Пик графика приходится на подгруппу воспитателей, чей педагогический стаж составляет от 6 до 15 лет, затем наблюдается снижение показателя у группы воспитателей, чей стаж составляет свыше 15 лет, что в свою очередь выше чем у педагогов первой подгруппы. Таким образом, чем выше педагогический стаж, тем адекватнее личность воспитателя ориентирована во времени, рассматривая его в единстве прошлого, настоящего и будущего, такой педагог не откладывает жизнь на завтра, не увязает в прошлом, а живет в настоящем, воспринимая его, однако, в единстве с прошлым и будущим.

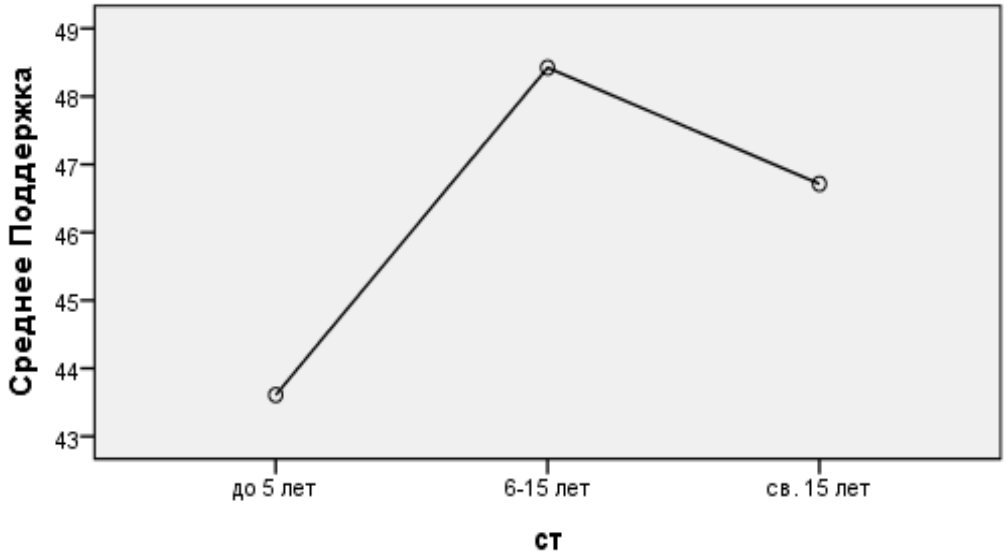

Рис. 2. Связь «Шкалы поддержки» с педагогическим стажем.

Такая же картина наблюдается и по «шкале поддержки». Пик графика приходится на подгруппу воспитателей, чей педагогический стаж составляет от 6 до 15 лет, затем снова наблюдается снижение у воспитателей, чей стаж свыше 15 лет, но уровень показателя выше, чем у педагогов первой подгруппы. Таким образом, чем выше педагогический стаж, тем более личность воспитателя соответствует степени независимости ценностей и поведения субъекта от воздействия извне ("внутренняя - внешняя поддержка").

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

Результаты изучения самоактуализации

воспитателей с разным стажем работы показали, что воспитатели характеризуются высокими значениями, что является благоприятным фактором для профессий педагогического направления. Наибольшие различия в показателях, связанные со стажем работы выявлены по основной шкале поддержки, чем больше стаж, тем выше степень независимости ценностей и поведения от воздействия извне.

Анализ результатов изучения структуры мотивации показал, что мотивационные факторы вносят большой вклад в формирование структуры профессиональной мотивации воспитателей ДОУ. В динамике стажа работы наиболее изменяющимися явились мотивы карьеры и сотрудничества в коллективе: чем дольше воспитатель работает в ДОУ, тем более значимым для него является благоприятный климат в коллективе и хорошие отношения с коллегами и менее значимы перспективы продвижения по службе.

Анализ результатов изучения особенностей профессиональной мотивации воспитателей с разным стажем работы показал, что наиболее выраженными профессиональными мотивами являются внутренние, отражающие психологические свойства и непосредственное желание личности к данной профессиональной деятельности. Чем старше воспитатель, тем менее выражены мотивы жизнеобеспечения и признания.

Изучение социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере у работников дошкольных образовательных учреждений показало, что наиболее выраженными являются ориентации на альтруизм, эгоизм, власть и деньги. Для воспитателей, имеющих большую продолжительность работы характерны более выраженные ориентации на альтруизм и менее выраженные ориентации на эгоизм, власть и деньги по сравнению с их молодыми коллегами.

Полученные результаты и выводы будут полезны для оптимизации деятельности педагогов-психологов, методистов, руководителей, в работе с воспитателями дошкольных образовательных учреждений.

Список литературы

1. Анатольев А.В. Профессиональная мотивация учителя в реализации учебно-воспитательного процесса / А.В. Анатольев // Педагогика и психология образования. – 2013. - №4. – С. 12-13.

2. Андреева И. Н. Эмоциональный интеллект как феномен современной психологии. - Новополоцк: ПГУ, 2011. - 388 с.

3. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. - М.: Смысл, 2005. -304 с.

4. Маслоу А. Самоактуализация // Мотивация и личность. Спб: Питер, 2014. 400с.

5. Мельников С.Л., Карнеева О.А. К вопросу о профессиональной компетентности психологов образования / Мельников С.Л.// Вестник Брянского государственного университета.- 2012. №1(2). С.-84-91.

6. Мельников С.Л. Коммуникативные технологии управления ориентирами личности российского студента в условиях социального риска /Мельников С.Л.// Вестник Брянского государственного университета.- 2016. №3. С.-121-130.

7. Наследов А.Д. Математические методы психологического исследования. Анализ и интерпретация данных. – СПб.:Речь, 2007. – 392 с.

8. Пряжников Н. С. Психология труда: учебное пособие. М.: Академия, 2012.480 с .

9. Родихина Э. А., Прялухина А. В. Мотивация профессионального совершенствования педагогов ДОУ // Психологические науки: теория и практика: материалы V Междунар. науч. конф. (г. Москва, июнь 2017 г.). — М.: Буки-Веди, 2017. — С. 1-12.

10. Солнцева, Н.В. Сообщение об исследовании мотивационных основ педагогической деятельности преподавателя высшей школы / Н.В. Солнцева // Сборники конференций НИЦ Социосфера. – 2014. - № 8. – С. 65-72.

11. Самаль Е.В. Психологическая структура профессиональной самоактуализации личности / Е.В. Самаль // Ярославский педагогический вестник. – 2013. № 2. – С.166.

12. Экспериментальный метод в структуре психологического знания / Отв. ред. В.А. Барабанщиков.- М.: изд-во «Институт психологии РАН», 2012.-828 с. (Интеграция академической и университетской психологии).

THE DYNAMICS OF THE MOTIVATIONAL-SEMANTIC SPHERE OF PRESCHOOL TEACHERS

The article considers the problem of studying the dynamics of the motivational-semantic sphere of a preschool teacher. It presents the results of a study on the motivational-semantic sphere of preschool teachers. The article reveals the found connection between the formation of the qualities of a self-actualizing person, motivation of professional activity, pedagogical experience and the age of a teacher.
Keywords: motivational-semantic sphere, self-actualization, professional motivation, socio-psychological attitudes, preschool teachers.

References

1. Anatol'ev, A.V. (2013) Professionalnaya motivaciya uchitelya v realizacii uchebno-vospitatelnogo processa [Professional motivation of a teacher in the educational process]. *Pedagogika i psihologiya obrazovaniya [Pedagogy and psychology of education]*, 4, 12-13.

2. Andreeva, I.N. (2011) Emocional'nyj intellect kak fenomen sovremennoy psihologii [Emotional intelligence as a phenomenon of a modern psychology]. Novopolotsk: PGU.

3. Leont'ev, A.N. (2005) Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost' [Activity. Consciousness. Personality]. Moskva.: Smysl.

4. Maslou, A. (2014) Samoaktualizaciya //Motivaciya i lichnost [Self-actualization //Motivation and personality]. Spb: Piter.

5. Melnikov, S.L., Karneeva, O.A. (2012) K voprosu o professionalnoy kompetentnosti psihologov obrazovaniya [The question of the professional competence of psychologists of education]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta [The Bryansk State University Herald]*, 1(2), 84-91.

6. Melnikov, S.L. (2016) Kommunikativnye tehnologii upravleniya orientirami lichnosti rossiyskogo studenta v usloviyah socialnogo riska [Communicative Technologies of personal orientation management of a Russian Student in conditions of Social Risk]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta [The Bryansk State University Herald]*, 3, 121-130.

7. Nasledov, A.D. (2007) Matematicheskie metody psihologicheskogo issledovaniya. Analiz i interpretaciya dannyh [Mathematical methods of psychological research. Analysis and interpretation of data]. SPb.:Rech.

8. Pryazhnikov, N.S. (2012) Psihologiya truda: uchebnoe posobie [Psychology of Labor: a textbook]. Moskva: Akademiya.

9. Rodihina, E. A., Pryaluhina, A.V. (2017) Motivaciya professionalnogo sovershenstvovaniya pedagogov DOU [Motivation of professional growth for teachers] *Psihologicheskie nauki: teoriya i praktika: materialy V Mezhdunar. nauch. konf. [Psychological sciences: theory and practice: materials of the international scientific conference]*. Moskva: Buki-Vedi.

10. Solnceva, N.V. (2014) Soobshhenie ob issledovanii motivacionnyh osnov pedagogicheskoy deyatelnosti prepodavatelya vysshey shkoly[Report on the study of the motivational foundations of the pedagogical activity of a higher school teacher] *Sborniki konferenciy NIC Sociosfera [Conference compilation of SIC Sociosphere]*, 8, 65-72.

11. Samal', E.V. (2013) Psihologicheskaya struktura professionalnoy samoaktualizacii lichnosti [Psychological structure of professional self-actualization of a person]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik [Yaroslavl Pedagogical Vestnik]*, 2, 166.

12. Experimentalnyj metod v structure psihologicheskogo znaniya [Experimental method in the structure of psychological knowledge] (2012) /Otv.red. V.A. Barabanshhikov. – M.: izd-vo «Institut psihologii RAN» [Barabanschikov.-M.: "Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences"].

Об авторах

Мельников Сергей Леонидович – кандидат педагогических наук, профессор, первый проректор, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: 1prbqu@mail.ru

Карнеев Рафаэль Камильевич – кандидат психологических наук, профессор кафедры общей и профессиональной психологии, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: rkarneev@yandex.ru

Melnikov Sergey Leonidovich – candidate of pedagogical sciences, professor, first vice-rector, Bryansk State Academician I. G. Petrovsky University (Russia), E-mail: 1prbqu@mail.ru

Karneev Rafael Kamilievich – candidate of psycologe sciences, professor Bryansk State Academician I. G. Petrovsky University (Russia), E-mail: rkarneev@yandex.ru

УДК 378.14

Образ Н.Н., аспирант, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

РАЗВИТИЕ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ МОТИВАЦИИ БУДУЩИХ ПЕРЕВОДЧИКОВ КАК ФАКТОР ИХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ

В статье представлены результаты исследования мотивации учебной деятельности студентов лингвистической специальности в течение четырёх лет обучения в вузе. Сформированная познавательная мотивация рассматривается как необходимое условие обеспечения эффективности профессиональной подготовки будущих специалистов. В результате проведённого исследования была выявлена отрицательная динамика развития познавательных и профессиональных мотивов студентов в процессе обучения и изучения английского языка как одной из профилирующих дисциплин. Обозначены возможные способы решения выявленной проблемы.

Ключевые слова: мотивационная сфера, мотив, познавательные, профессиональные мотивы, внешние и внутренние мотивы учебной деятельности.

Целенаправленное развитие мотивационной сферы студентов приобретает всё большую актуальность для профессионального образования, так как правильное формирование структуры учебной мотивации является одним из необходимых условий эффективности учебной деятельности в вузе. Чтобы подготовить конкурентоспособных специалистов, необходимо систематически развивать у студентов познавательный интерес к изучаемым дисциплинам, а также формировать потребность в постоянном профессиональном самосовершенствовании.

Существенный вклад в изучение мотивационной сферы студентов и влияние различных групп мотивов на эффективность процесса обучения в вузе внесли такие учёные как Г.В. Акопов, Ю.М. Орлов, Е.П. Ильин, А.А. Вербицкий, Р.С. Немов, В.А. Якунин, А.А. Реан, Т.Д. Дубовицкая. Под мотивационной сферой учёные понимают иерархию устойчивых потребностей и мотивов учащихся [3, с. 150]. Хотя большинство авторов единодушно признают значимость мотивационного компонента в образовательном процессе вуза, они часто по-разному рассматривают иерархическую структуру мотивации студентов и взаимозависимость её составляющих.

Л.И. Божович предложила разделить все учебные мотивы на две большие группы. Первая, представляющая познавательные мотивы, основана на интересе к самому процессу и содержанию обучения, на стремлении к интеллектуальной активности и овладению новыми знаниями и умениями. Вторая группа (социальные мотивы) связана с взаимоотношениями с окружающими, с потребностью в одобрении общества, с желанием занять значимое место в коллективе [3, с. 151].

А.С. Герасимова также предлагает рассматривать не отдельные мотивы учебной деятельности студентов, а объединять их в однонаправленные структуры. Первая группа представляет собой «узкие» мотивы, ориентированные исключительно на внешний результат (получение оценки, одобрение, самоутверждение, получение диплома). Вторая же группа мотивов «направлена вовнутрь личности» (на познавательный интерес, способы поиска информации, саморазвитие). Для высокого уровня сформированности мотивационного компонента характерен широкий спектр направленности действующих мотивов [6].

Многими авторами отмечается роль познавательной мотивации в повышении эффективности обучения в вузе [2, 5, 11]. Ориентация на процесс и содержание учебной деятельности, на получение знаний и овладение способами их добывания оказывают определяющее влияние на успешность обучения, в отличие от внешних мотивов, связанных со стремлением занять определённую социальную позицию в обществе. Результаты психологических исследований свидетельствуют о том, что в ряде случаев ярко выраженная познавательная мотивация к обучению может даже компенсировать отсутствие выдающихся способностей у студентов [2].

Необходимость развивать познавательную мотивацию учебной деятельности подчёркивают А.А. Вербицкий и Н.А. Бакшаева, доказывая, что постоянно подкрепляемый познавательный интерес к изучаемому предмету является не только условием эффективности обучения в вузе, но и фактором, способствующим личностному саморазвитию студентов [5, с. 18]. В своих исследованиях авторы указывают на неразрывную связь между познавательными и профессиональными мотивами студентов, так как «познавательные мотивы, выражающиеся в целенаправленном стремлении усвоить совершенно конкретную область знаний …, могут проявляться … как профессиональные мотивы (при условии, если побуждаемая ими деятельность осуществляется в реальной или модельной форме)» [5, с. 16].

Однако следует понимать, что мотивационная сфера не является устойчивым образованием, она постоянно изменяется вследствие воздействия различных внешних и внутренних факторов [11]. Высокая степень выраженности познавательной и профессиональной мотивации первокурсников ещё не является гарантией успешности их учебной деятельности в течение всего периода обучения в вузе. Задача преподавателя состоит не только в том, чтобы создать оптимальные условия для формирования необходимых учебных мотивов у студентов, но и в том, чтобы поддерживать высокий уровень нужной мотивации, применяя современные образовательные методы и технологии [9].

Целью проведённого нами исследования был анализ учебной мотивации будущих переводчиков в сфере профессиональной коммуникации на протяжении 4-х лет обучения в вузе. План исследования включал следующие этапы:

1. Сопоставление и анализ преобладающих мотивов учебной деятельности студентов на каждом курсе.

2. Выявление доминирующих учебных мотивов при изучении английского языка.

3. Определение изменения степени выраженности у студентов внутренней и внешней мотивации к изучению английского языка.

4. Анализ динамики сформированности определённых групп учебных мотивов студентов.

В исследовании приняли участие 120 студентов факультета иностранных языков по направлению подготовки «Лингвистика», профиль «Перевод и переводоведение». Для определения ведущих мотивов учения мы использовали методику «Мотивация обучения в вузе», предложенную Т.И. Ильиной, методику для диагностики учебной мотивации студентов А.А. Реана и В.А. Якунина в модификации Н.Ц. Бадмаевой и тест-опросник направленности учебной мотивации, разработанный Т. Д. Дубовицкой.

Три шкалы методики Т.И. Ильиной «Мотивация обучения в вузе» («приобретение знаний», «овладение профессией» и «получение диплома») позволяют оценить и проанализировать уровень сформированности познавательных, профессиональных и узких социальных мотивов обучения будущих переводчиков на разных этапах профессиональной подготовки в вузе [8, с. 433]. Для корректного подведения итогов мы, по примеру Е.Ю. Васильевой и М.И. Томиловой, переводили данные, полученные по каждой шкале, в процентное соотношение [4].

Результаты исследования, проведённого нами в 2014-2017 учебных годах, свидетельствуют о преобладании у студентов всех курсов узких социальных мотивов обучения и явном отставании от них групп познавательных и профессиональных мотивов.

Анализ результатов, полученных в сентябре-октябре 2017-2018 учебного года, позволяет более наглядно продемонстрировать характер изменений мотивационной направленности студентов. Всего в исследовании, проведённом осенью 2017 года, приняло участие 35 студентов 1-го курса лингвистической специальности, 32 студента 2-го курса, 29 третьекурсников и 24 студента последнего, 4-го года обучения.

На первом курсе у многих вчерашних абитуриентов доминируют познавательные мотивы обучения (59,5%), вторую позицию занимает стремление получить диплом (54,5%) и немного слабее выражена группа профессиональных мотивов (53%). Ко второму курсу соотношение ведущих учебных

мотивов существенно изменяется. На первый план выходит желание получить диплом о высшем образовании, стремление к знаниям и саморазвитию снижается до 51,4%, а степень выраженности профессиональной направленности – до 42,4%.

Рост внешних прагматических мотивов продолжается на третьем курсе и составляет уже 62,8%. Уровень познавательной и профессиональной направленности возрастает лишь на 0,04% по сравнению с предыдущим годом. На последнем курсе у студентов наблюдается очередной скачок выраженности социальной (73,2%) и снижение профессиональной мотивации обучения (37%). Степень сформированности познавательных мотивов незначительно возрастает по сравнению с третьим учебным годом (см. табл. 1).

Таблица 1

Результаты исследования мотивационной направленности учебной деятельности студентов

Курсы обучения 2017-2018 учебный год	Мотивы обучения		
	Приобретение знаний	Овладение профессией	Получение диплома
1-й курс	59,5%	53%	54,5%
2-й курс	51,4%	42,4%	58,8%
3-й курс	51,8%	42,8%	62,8%
4-й курс	56,5%	37%	73,2%

Сопоставление данных о развитии мотивационной сферы студентов на протяжении всего периода обучения в вузе позволяет сделать вывод о недостаточно развитом уровне мотивации учебной деятельности будущих переводчиков. Доминирование и стабильный рост выраженности внешних мотивов на трёх курсах (со второго по четвёртый) на фоне слабо сформированных познавательных и профессиональных мотивов может свидетельствовать, по нашему мнению, о незаинтересованности обучающихся в содержании учебных занятий, об отсутствии увлечённости и желания овладеть новыми знаниями и навыками, необходимыми для выбранной профессии. Ориентированность преимущественно на конечный результат может привести к поверхностному отношению к содержанию сначала учебной, а в будущем и профессиональной деятельности.

С целью сравнения структуры мотивационной направленности студентов при изучении английского языка как одной из профилирующих дисциплин профиля подготовки «Перевод и переводоведение» нами была выбрана методика для диагностики учебной мотивации студентов А.А. Реана, В.А Якунина, переработанная Н.А. Бадмаевой [1]. Авторы выделяют следующие значимые мотивы изучения английского языка в вузе: социальные, коммуникативные, учебно-познавательные, профессиональные, мотивы избегания и мотивы престижа. Студентам было предложено оценить 23 утверждения, позволяющие определить их мотивы, по 5-тибалльной шкале. В самом начале обучения учебно-познавательные мотивы, выражающиеся, в основном, в интересе к изучаемому языку и стремлении приобрести глубокие знания, доминируют при изучении английского языка, набрав, в среднем, 4,2 балла из 5ти. На втором году обучения их роль начинает постепенно меняться, и они, получив 3,9 балла, занимают уже третью позицию из шести предложенных авторами методики, и эта тенденция сохраняется вплоть до последнего курса. Полученные данные позволили сделать выводы об изменении соотношения структурных компонентов мотивационной сферы студентов при изучении английского языка. Результаты диагностики подтверждают наличие общей тенденции по снижению учебно-познавательной мотивации студентов, наметившейся в конце первого – начале второго курса.

Для того чтобы выявить динамику соотношения внутренних и внешних мотивов студентов при изучении английского языка, мы использовали диагностическую методику, разработанную Т.Д. Дубовицкой [7]. Студентам четырёх курсов были предложены 20 высказываний, позволяющих определить уровень сформированности их внутренней мотивации, выражающейся в ориентации на содержание изучаемой дисциплины и познавательный интерес к процессу обучения. Результаты исследования представлены на рисунке 1.

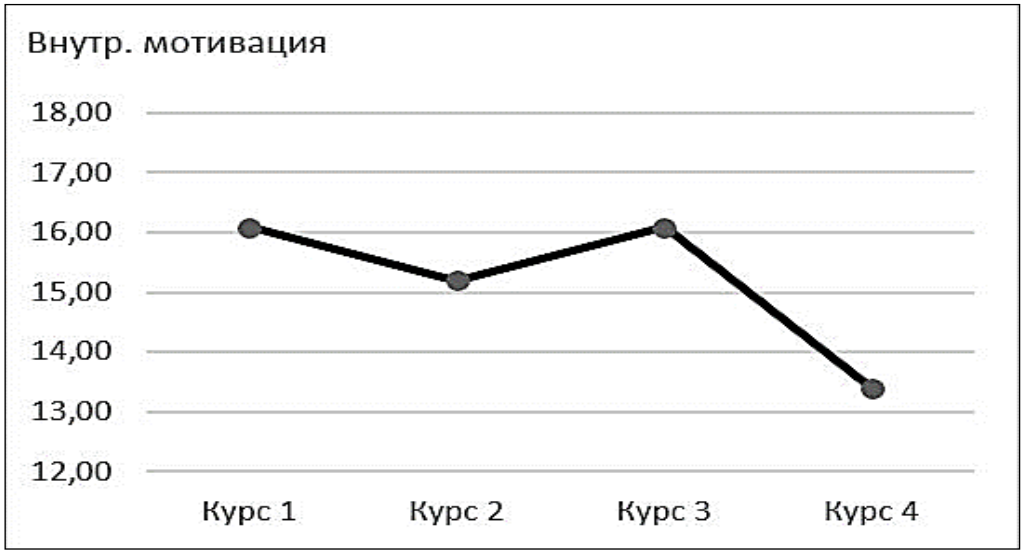

Рис. 1. Динамика выраженности внутренних мотивов студентов при изучении английского языка

Наиболее высокий уровень развития внутренних мотивов (16,1 баллов), наблюдается у студентов первого и третьего курсов. На втором году обучения внутренняя мотивация незначительно снижается (15,2), а студенты последнего курса продемонстрировали самый низкий уровень сформированности данной группы мотивов (13,4). Отрицательная динамика внутренней мотивации к изучению иностранного языка, проявляющаяся в снижении интереса студентов к процессу обучения, может свидетельствовать об отсутствии контакта с преподавателем, разочаровании обучающихся в выбранной специальности или, что нам кажется наиболее вероятным, недовольстве принятой стратегией организации учебной деятельности.

Таким образом, проведённое нами исследование учебной мотивации у студентов на протяжении всех четырёх лет обучения в вузе позволило выявить проблему слабой выраженности познавательной составляющей мотивационного компонента у будущих переводчиков. У большинства студентов наблюдается постепенное снижение уровня сформированности познавательных и профессиональных мотивов обучения, в то время как стабильно возрастает роль внешней социальной направленности учебной мотивации, как правило, выражающейся в стремлении получить диплом о высшем образовании. Это свидетельствует о том, что студенты чаще ориентируются на внешние стимулы или конечный результат своей учебной деятельности, чем на процесс и содержание обучения. Но отсутствие интереса к содержанию учебной деятельности и приобретению новых знаний может в итоге отразиться на эффективности подготовки будущих специалистов и привести к их дальнейшей профессиональной некомпетентности. Мы считаем, что решение обозначенной проблемы требует целенаправленных и спланированных действий преподавателей по пересмотру как содержания практических занятий по английскому языку, так и внедрению в учебный процесс инновационных педагогических методов и информационных технологий, а также максимальному использованию возможностей образовательных электронных ресурсов и электронной обучающей среды вуза.

Список литературы

1. Бадмаева Н.Ц. Влияние мотивационного фактора на развитие умственных способностей: Монография. – Улан-Удэ, 2004. С.151 – 154.

2. Берестовская Л. П. Исследование мотивации студентов в образовательном процессе педагогического вуза // Омский научный вестник. 2012. №4 (111). С. 286 – 289.

3. Божович Л. И. Проблемы формирования личности: Избранные психологические труды / Под ред. Д.И. Фельдштейна. М.: Московский психолого-социальный институт, 2001. – 352 с.

4. Васильева Е.Ю., Томилова М.И. Динамика и характер учебной мотивации студентов

медицинского вуза на разных этапах обучения // Экология человека. 2007. №6. С. 34 – 39.

5. Вербицкий, А. А. Психология мотивации студентов. Учебное пособие / А.А. Вербицкий, Н.А. Бакшаева. - М.: Юрайт, 2016. – 180 с.

6. Герасимова А. С. Ценностно-деятельностный подход к психодиагностике учебной мотивации студентов // Знание. Понимание. Умение. 2009. №4. С.116-121.

7. Дубовицкая Т.Д. Методика диагностики направленности учебной мотивации // Психологическая наука и образование. 2002. №2. С. 42 – 45.

8. Ильин Е. П. Мотивация и мотивы / СПб: Питер, 2008. – 508 с.

9. Ретивых М.В. Инновационные технологии обучения в вузе: концептуальные основы, педагогические средства, формы и виды // Вестник Брянского государственного университета. 2015. №1. С. 61 – 65.

10. Семёнова Т.В. Влияние учебной мотивации на успеваемость студентов: роль учебной активности // Высшее образование в России. 2016. №7. С. 25 – 37.

11. Усова А.В., Яшалова Н.Н., Ильясов А.А., Рубан Д.А. Прикладные аспекты развития учебной мотивации студентов // Вестник Череповецкого государственного университета. 2017. №2 (77). С. 170 – 178.

EVOLUTION OF COGNITIVE MOTIVATION OF FUTURE TRANSLATORS AS A FACTOR OF THEIR PROFESSIONAL DEVELOPMENT

The article presents the results of the research on University students' learning motivation during four years of their studying for a Linguistic degree. Forming cognitive motivation is seen as a necessary condition for ensuring effective professional training of future specialists. As a result of the research there was revealed negative dynamics of the evolution of students' cognitive and professional motives for learning English, which is one of the subjects they major in. There are also indicated possible ways of solving this problem.

Keywords: motivational sphere, motive, cognitive and professional motives, external and internal motives of educational activity.

References

1. Badmaeva N.C. (2004) Vliyanie motivacionnogo faktora na razvitie umstvennyh sposobnostei [The impact of the motivational factor on the development of mental abilities]. Monographiya. Ulan-Ude, 151 – 154.

2. Berestovskaya L.P. (2012) Issledovanie motivacii studentov v obrazovatelnom processe pedagogicheskogo vuza [Studying students' motivation in the educational process of the pedagogical university]. Omskii nauchnyi vestnik [Omsk Science Herald], 4, 286-289.

3. Bozhovich L.I. (2001) Problemy formirovaniya lichnosti: Izbrannye psihologicheskie trudy [Problems of personality formation: selected pshychological studies]. Edited by D.I. Feldshtein. Moskva: MPSI (Moscow Psychological and social institute).

4. Vasil'eva E.Yu., Tomilova M.I. (2007) Dinamika i harakter uchebnoi motivacii studentov medicinskogo vuza na raznyh etapah obucheniya [Dynamics and character of educational motivation of medical students at different stages of education]. Ekologiya cheloveka [Ecology of a Human], 6, 34–39.

5. Verbickiy A.A., Bakshaeva N.A. (2016) Psihologiya motivacii studentov [Psuchology of students' motivation]. Moskva: Yurait.

6. Gerasimova A.S. (2009) Cennostno-deyatel'nostnyi podhod k psihodiagnostike uchebnoi motivacii studentov [Value and activity approach to psychological diagnostics of students' learning motivation]. Znanie. Ponimanie. Umenie [Knowledge. Understanding. Proficiency], 4, 116-121.

7. Dubovickaya T.D. (2002) Metodika diagnostiki napravlennosti uchebnoi motivacii [Diagnostics of motivational direction]. Psihologicheskaya nauka i obrazovanie [Psychological Science and Education], 2, 42-45.

8. Ilyin E.P. (2011) Motivaciya I motivy [Motivation and Motives]. Spb: Piter.

9. Retivyh M.V. (2015) Innovacionnye tehnologii obucheniya v vuze: konceptualnye osnovy, pedagogicheskie sredstva, formy i vidy [Innovation technologies of university studying: conceptual basis, teaching means, forms and types]. Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta [Bryansk State University herald], 1, 61-65.

10. Semenova T.V. (2016) Vliyanie uchebnoi motivacii na uspevaemost' studentov: rol' uchebnoi aktivnosti [The impact of learning motivation on students' academic achievements: the role of learning activity]. Vysshee obrazovanie v Rossii [higher Education in Russia], 7, 25-37.

11. Usova A.V., Yashalova N.N., Il'yasov A.A., Ruban D.A. (2017) Prikladnye aspekty razvitiya uchebnoi motivacii studentov [Applied aspects of the development of students' learning motivation]. Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta [Herald of Cherepovets State University], 2 (77), 170-178.

Об авторах

Образ Наталья Николаевна – аспирант кафедры педагогики, Брянский государственный университет имени академика И.Г.Петровского, E-mail: nathality@yandex.ru

Obraz Natalia Nikolaevna – postgraduate student of Pedagogics department, Bryansk State Academician I.G. Petrovsky University, E-mail: nathality@yandex.ru

УДК 372.881.111.22

Полякова Д.Р., аспирант, Российский университет дружбы народов (Россия)
Ермошин Ю.А., кандидат педагогических наук, доцент, Российский университет дружбы народов (Россия)

КОРПОРАТИВНОЕ ОБУЧЕНИЕ ВЗРОСЛЫХ НЕМЕЦКОМУ ЯЗЫКУ НА ОСНОВЕ МЕТОДА КЕЙС-СТАДИ

Статья посвящена обучению взрослых немецкому языку на основе метода кейс-стади в рамках корпоративного обучения. Обучение взрослых имеет ряд особенностей, кроме того, ряд отличительных признаков имеет и корпоративное обучение. Учитывая цели, особенности корпоративного обучения, характеристики взрослых обучающихся, эффективным представляется использование в рамках обучения иностранному языку метода кейс-стади. В ходе опытного обучения было выявлено, что данный метод способствует формированию коммуникативной компетенции, а также отвечает потребностям и интересам взрослых обучающихся.
Ключевые слова: андрагогика, метод кейс-стади, обучение взрослых, корпоративное обучение, коммуникативная компетенция.

В рамках корпоративного обучения иностранному языку в роли слушателей выступают взрослые люди, сформировавшиеся личности, профессионалы своего дела, имеющие многолетний опыт работы в своей профессиональной сфере. Они обладают устоявшимися принципами поведения и определенными представлениями и взглядами на то, как должна осуществляться коммуникация между бизнес-партнерами. Таким образом, обучение взрослых имеет ряд особенностей, которые необходимо учитывать преподавателю при выборе метода обучения.

Известно, что наука об обучении взрослых называется андрагогикой. Данный термин впервые был введен в научный оборот историком просвещения К. Каппом в 1833 году [5, с. 25]. Основные положения данной науки были сформулированы известным американским ученым Н.Ш. Ноулз, англичанином П. Джарвис, американцем Р.М. Смит и группой молодых английских ученых из Ноттингемского университета в фундаментальном труде «Современная практика образования взрослых. Андрагогика против педагогики» (N.Y., 1980). XX век усилил внимание мирового сообщества к проблематике андрагогики, появилось большое количество работ, посвященных изучению отдельных конкретных проблем обучения взрослых: программы и учебные материалы (Р.Г. Бэгнел, Э.Дж. Бун, В.Г. Брэндедж, Х. Титгенс, Й. Вайнберг, Х. Зиберт, Х. Герль и др.) [4, с. 73]; исследования по изучению индивидуализации работы со взрослыми обучающимися (С. Брукфилд, М.Ш. Ноулз и др.); по повышению мотивации к обучению (С.Г. Вершловский, Р.Дж. Влодковски и др.). В России разработкой понятийного аппарата, основных принципов и приемов андрагогики занимались такие ученые, как С.И. Змеёв, С.Г. Вершловский, Ю.Н. Кулюткин, М.Т. Громкова, В.И. Подобед, Д.М. Савичевич, Л.Н. Лесохина и другие [3, с. 48].

Известный отечественный ученый в области андрагогики С.И. Змеёв выделяет следующие основополагающие характеристики, отличающие «взрослого» обучающегося от «невзрослого»:

1) осознание себя самостоятельной, самоуправляемой личностью;

2) обладание большим запасом жизненного (бытового, профессионального, социального) опыта, который становится важным источником обучения;

3) готовность к обучению (мотивация) определяется стремлением «взрослого» обучающегося при помощи учебной деятельности решить свои жизненно важные проблемы и достичь конкретных целей;

4) стремление к безотлагательной реализации полученных знаний, умений, навыков, личностных качеств и ценностных ориентаций;

5) учебная деятельность «взрослого» обучающегося в значительной мере обусловлена временными, пространственными, бытовыми, профессиональными, социальными факторами (условиями) [2, с. 96].

Данные характеристики взрослых обучающихся являются основными при выборе методов, форм и средств обучения.

Что касается корпоративного обучения, то данное понятие еще не достаточно широко изучено в отечественной педагогикие, поскольку является сравнительно новым видом обучения. Ученые дают различные толкования данного понятия (В.В Кузнецов, Н.И. Шаталова и другие). По мнению авторов статьи корпоративное обучение – это система обучения сотрудников в рамках одной компании, отвечающая ее стратегическим целям и задачам и направленная на профессиональное развитие сотрудников.

Авторы статьи выделяют следующие особенности корпоративного обучения:

1) осуществление обучения в малочисленных группах (3-7 человек);

2) в роли обучающихся выступают представители различных профессий и возрастов;

3) узконаправленная тематика обучения, включающая исключительно темы, владение которыми необходимо для осуществления иноязычного общения;

4) практически полное исключение домашних заданий.

В рамках корпоративного обучения иностранному языку главной целью выступает формирование коммуникативной компетенции, необходимой для осуществления успешного иноязычного общения.

На протяжении двух лет в рамках корпоративного обучения немецкому языку в торговой компании ГИПЕРГЛОБУС (сеть немецких гипермаркетов ГЛОБУС) применяется метод кейс-стади. Обучающимися выступают менеджеры различных направлений (закупок, продаж, маркетинга и т.д.). Соответственно, тематика кейсов определяется их профессиональной направленностью.

Метод кейс-стади (метод проблемных ситуаций) впервые был разработан и применен в 1924 году американскими учеными во главе с Х.К. Лэнгделл для осуществления бизнес-обучения в Гарвардской бизнес-школе [1, с. 61]. По мнению немецкого ученого Л. Реетц, под методом кейс-стади подразумеваются «учебные материалы, в которых обобщены аутентичные ситуации социальной, экономической сферы, содержащие проблему, решение которой необходимо выработать» [8, с. 39]. Главной отличительной особенностью этого метода является создание проблемной ситуации на основе фактов реальной жизни. В настоящее время данный метод активно используется при обучении иностранному языку в нашей стране (О.Д. Гладкова, О.В. Десятова, А.В. Пушкина, Н.А. Серебренникова, Э.А. Сидельник, И.М. Шепшинская) и за рубежом (Т.Й. Аустин, Ф.Й. Кайзер, М. Кларк, Г.Линтоут, А. Мамфорд, М.Х. Халей, П. Хоней, Т. Худзон) [6, с. 71].

Работа с кейсами, по мнению немецкого ученого Ф.Й. Кайзер, включает шесть основных этапов:

1. Знакомство с кейсом
2. Сбор информации по теме (в том числе, самостоятельный поиск необходимого материала)
3. Обсуждение возможных путей решения ситуации в группе
4. Принятие решения в группе
5. Обсуждение принятого решения между группами
6. Выбор наиболее подходящего решения (или сравнение предложенных решений с тем, что было принято в действительности) [7, с.13].

Приведем пример использования метода кейс-стади в рамках корпоративного обучения.

Пример 1

Кейс «Заказ товаров»

Warenbestellung

Problemlösung in den Gruppen (решение проблемных ситуаций в группах).

Sie sind der Einkaufsmanager im Bereich Milchprodukte bei dem Unternehmen „Hyperglobus“. Sie haben 2000 Packungen Milch bei einer Firma „frische Milchproduckte“ am 01.03.2016 bestellt. Mit dieser Firma arbeiten sie schon 2 Jahre zusammen, sie ist ein zuverlässiger Lieferant. Der Auftrag soll innerhalb von 2 Wochen (bis zum 15.März) zur Eröffnung von dem neuen Hypermarkt erfolgen. Sonst verliert das Unternehmen das Geld. Heute haben Sie den Brief bekommen:

Von: frische-Milchprodukte@fmp.com
An: T.Ivanova@globus.com
Betreff: Lieferung Nummer 56987
Datum: 13.03.2016
Sehr geehrte Frau Ivanova,
leider haben wir Lieferschwierigkeiten. Das Transportunternehmen, mit dem wir schon lange zusammenarbeiten, ist Pleite gegangen.

Jetzt suchen wir nach dem anderen Geschäftspartner. Also der Auftrag bis zum 15. März ist nicht möglich.

Wir bitten um Verständnis.

Mit freundlichen Grüßen

Lars Peterson

Diskutieren Sie mit Ihren Kollegen (Kleingruppen von 2 bis 4 Personen) das Problem nach folgenden Punkten (обсудите со своими коллегами проблему, учитывая следующие пункты):

1. Welche Verluste hat das Unternehmen falls die Lieferung nicht erfolgen wird

2. Weitere Zusammenarbeit mit dem Unternehmen „frische Milchproduckte“ (ob sie möglich ist oder nicht)

3. Weitere Handlungen des Einkaufsmanagers.

Schreiben Sie zusammen mit Ihren Kollegen den Rückbrief, wo Sie Ihre Entscheidungen fassen (совместно с коллегами напишите ответное письмо с принятым решением).

Wählen Sie die beste Lösung aus den vorgeschlagten (выберите лучшее решение из предложенных) .

В рамках опытного обучения была сформирована экспериментальная группа, состоящая из 5 обучающихся, из них 2-ое мужчин и 3-ое женщин. Уровень владения немецким языком – A2/B1 по международной шкале владения немецким языком. Возраст обучающихся – 25-35 лет. Количество часов, отведенное на обучение – 4 академических часа в неделю.

Результаты обучения экспериментальной группы были сопоставлены с результатами обучения не экспериментальной группы, состоящей из 5 обучающихся, из которых 3-ое мужчин и 2-ое женщин. Уровень владения немецким языком не экспериментальной группы аналогичен уровню владения языком экспериментальной группы – A2/B1 по международной шкале владения немецким языком. Возраст обучающихся не экспериментальной группы – 26-37 лет. Количество часов, отведенное на обучение – 4 академических часа в неделю. Обучение в данной группе осуществляется на основе учебно-методического комплекса «Themen aktuell 2, 3» издательства Hueber.

Профессиональная направленность обучающихся обоих групп – менеджеры различных направлений (закупок, продаж, маркетинга и т.д.).

Практика применения метода кейсов привела к следующим результатам:

1. Сократилось количество допущенных лексических и грамматических ошибок, что говорит о лучшем понимании и овладении обучающимися лексическим и грамматическим материалом.

2. В результате устного опроса слушателей было выявлено, что тексты на основе проблемных ситуаций больше доступны для понимания обучающихся, поскольку они связаны с их профессиональной деятельностью. Кроме того, обучающимися было отмечено, что возрастает мотивация к прочтению текста, стремление к наиболее полному пониманию его сути.

3. Большинство обучающихся активно принимает участие в обсуждении проблемных ситуаций, что способствует формированию коммуникативной компетенции.

В таблице 1 приводится сравнение результатов обучения экспериментальной и не экспериментальной группы.

Таблица 1

Оценка результатов обучения экспериментальной и не экспериментальной группы

Критерий	Экспериментальная группа	Не экспериментальная группа
1. Количество допущенных лексических ошибок (например, некорректное употребление новых слов в предложении, непонимание высказывания с использованием новых слов и т.д.)	7	15
2. Количество допущенных грамматических ошибок (например, ошибки в управлении глаголов)	10	23
3. Количество допущенных ошибок в аудировании	3	9
4. Количество активных участников (включенных в занятие)	5	3

В результате опытного обучения было выявлено, что метод кейс-стади является достаточно эффективным методом изучения иностранного языка, отвечающим главной цели корпоративного обучения - формированию коммуникативной компетенции. Кроме того, данный метод способствует формированию устойчивой мотивации к изучению иностранного языка и преодолению языкового барьера.

Список литературы

1. Андюсев Б.Е. Кейс-метод как инструмент формирования компетентностей // Директор школы. М. 2010. №4. С. 61—69.
2. Змеев С.И. Андрагогика: основы теории, истории и технологии обучения взрослых. М: Perse, 2007. 258 с.
3. Змеев С.И. Андрагог – новая старая профессия // Мир образования. М. 1996. № 5. С. 46-51.
4. Колесникова И. А. Основы андрагогики: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. М: Академия, 2003. 226 с.
5. Подобед В.И. Практическая андрагогика: методическое пособие. СПб: ГНУ «ИОВ РАО», 2003. 154 с.
6. Honey P. et al. The manual of Learning Styles. Berkshire: Maidenhead, 1992. 324 p.
7. Kaiser F.-J. Grundlagen der Fallstudiendidaktik – Historische Entwicklung –Theoretische Grundlagen // Unterrichtliche Praxis. 1983. № 9. Pp. 9-34.
8. Reetz L. Zum Einsatz didaktischer Fallstudien im Wirtschaftslehreunterricht // Unterrichtswissenschaft. 1988. № 16. Pp. 38-55.

CASE-STUDY METHOD IN GERMAN LANGUAGE EDUCATION BY ADULTS WITHIN THE CORPORATE STUDY

This article is devoted to case-study method in German language education by adults within the corporate study. Adult learning has a number of features, moreover a corporate training has a number of distinctive signs. Given purpose of corporate training features, characteristics of adult learners, it is efficient to use case-study as part of foreign language teaching method. In the course of the pilot training, it was revealed that this method promotes the formation of communicative competence, and also meets the needs and interests of adult learners.

Keywords: andragogy, the method of case study, adult education, corporate study, especially of corporate study, communicative competence.

References

1. Andyusev, B.E. (2010). Kejs-metod kak instrument formirovaniya kompetentnostej [case-method as a tool for forming competencies]. *Direktor shkoly* [*head teacher*], 4, 61-69.
2. Zmeev, S.I. (2007). Andragogika: osnovy teorii, istorii i tekhnologii obucheniya vzroslyh [Andragogy: the fundamentals of theory, history and technology of adult learning]. M: Perse.
3. Zmeev, S.I. (1996). Andragog – novaya staraya professiya [Andragog - a new old profession]. *Mir obrazovaniya* [*world of education*], 5, 46-51.
4. Kolesnikova, I. A. (2003). Osnovy andragogiki: ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ped. ucheb. zavedenij [Fundamentals of Andragogy: a textbook for students of higher pedagogical educational institutions]. M: Akademiya.
5. Podobed, V.I. (2003). Prakticheskaya andragogika: metodicheskoe posobie [Practical andragogics: methodical manual]. SPb: GNU «IOV RAO».
1. Honey, P. et al. (1992). The manual of Learning Styles. Berkshire: Maidenhead.
2. Kaiser, F.-J. (1983). Grundlagen der Fallstudiendidaktik – Historische Entwicklung –Theoretische Grundlagen // *Unterrichtliche Praxis*, 9, 9-34.
3. Reetz, L. (1988). Zum Einsatz didaktischer Fallstudien im Wirtschaftslehreunterricht // *Unterrichtswissenschaft*, 16, 38-55.

Об авторах

Полякова Дарья Руслановна – аспирант кафедры иностранных языков филологического факультета, Российский университет дружбы народов (Россия), E-mail: dashafr.91@mail.ru

Ермошин Юрий Анатольевич – кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков филологического факультета, Российский университет дружбы народов (Россия)

Polyakova Darya Ruslanovna – graduate student of the Department of Foreign Languages of the Philological Faculty, Peoples' Friendship University of Russia, E-mail: dashafr.91@mail.ru

Ermoshin Yuriy Anatolyevitch – Candidate of Pedagogical Sciences., Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia, E-mail: dashafr.91@mail.ru

УДК 371.384.3

Сосновская Е. М., аспирант, Московский педагогический государственный университет (Россия)

КОНКУРСЫ ДОСТИЖЕНИЙ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ КАЧЕСТВ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОЙ ЛИЧНОСТИ СТАРШЕКЛАССНИКОВ

В статье дано понятие конкурентоспособности личности. Обозначены ключевые свойства конкурентоспособности в современном понимании: адаптированность и личная успешность в обществе при условии соблюдения морально-этических норм. Определены свойства конкурентоспособной личности, для формирования которых имеют значение конкурсы творческих достижений. Обосновано значение старшего школьного возраста для формирования основ личностной конкурентоспособности. Представлена общая классификация конкурсов достижений в период школьного обучения. К числу основных видов конкурсов достижений отнесены предметные олимпиады и конкурсы творческих работ. Сформулированы ключевые особенности разных видов конкурсов, их роль в системе образования, общие черты и различия. В качестве актуальной педагогической задачи обозначены направления совершенствования технологий конкурсов достижений в целях их адаптации к востребованным конкурентным ситуациям реальной жизни.

Ключевые слова: конкурсы, достижения, предметные олимпиады, познавательная активность, личность, конкурентоспособность, старшеклассники.

На сегодняшний день потенциал мероприятий на соревновательной основе, которыми являются конкурсы достижений учащихся, в современной системе российского школьного образования раскрыт не в полном объёме. Особенностью конкурсов является соревновательность, широкое поле деятельности, разнообразие форм и способов проведения по сравнению с утверждёнными программами обучения по отдельным предметам, добровольность участия, повышенные требования в предметно-тематической области.

Под конкурентоспособностью личности понимается успешность личности в обществе, способность выдерживать конкуренцию среди членов общества со схожими запросами и потребностями, не выходя при этом за рамки норм и правил, принятых в социуме. Личная конкурентоспособность базируется на широком спектре качеств характера, многие из которых формируются в том числе посредством конкурсов творческих достижений. Учитывая психосоциальный характер личности, Л.М. Митина в содержательном плане выделяет три сферы развития конкурентоспособной личности: сферу деятельности, сферу общения и сферу личности и её самосознания [1, с.17]. Среди интегральных качеств характера, определяющих конкурентоспособность, следует выделить гибкость, направленность и компетентность.

Учащиеся старших классов (10-11 классы, возраст 15-17 лет) являются во многом уникальной возрастной категорией, которой свойственны как взрослые черты, таки и детские. Кроме того, существуют качества личности, присущие только старшеклассникам в несколько большей степени, чем другим возрастным категориям: эмоциональная неустойчивость, стремление с самостоятельности, хорошая обучаемость, чувствительность к инновациям. Старший школьный возраст является ключевым при формировании базовых личностных структур, в том числе – конкурентоспособности.

Целью статьи является определение некоторых аспектов потенциала конкурсов достижений для формирования конкурентоспособности личности старшеклассников. При этом акцент сделан не на методах и технологиях работы педагога с учащимися в направлении формирования конкурентоспособности, достаточно изученных в современной педагогике, а на концептуальных содержательных вопросах организации и проведения конкурсов достижений с целью создания условий для практической отработки личностных качеств.

Виды конкурсов достижений

Под конкурсами достижений понимаются мероприятия на соревновательной основе, призванные выявить наиболее подготовленных в рамках данного предмета (области знаний и умений), а также активизировать обучающихся, привить интерес к обучению вообще и предмету в частности. Конкурсы достижений, хотя и являются преимущественно внеклассной формой обучения, являются частью дидактической системы.

Среди конкурсов достижений, широко

вошедших в практику уже достаточно давно, целесообразно различать два типа мероприятий, различающихся по активируемым компетенциям обучающихся: предметные олимпиады и собственно конкурсы творческих работ (проектов).

Предметные олимпиады представляют собой решение заданий повышенной сложности. Участие в олимпиаде предполагает предварительное овладение участником основной школьной программы по данному предмету. Участие в олимпиадах систематизирует, расширяет и углубляет знания учащихся в конкретной предметно-тематической области. Результаты олимпиад поддаются формальному учёту (спортивные состязания также относятся к категории предметных олимпиад). В своём исследовании Огурэ Л.Б. делает акцент на значении предметных олимпиад для дидактической организации интеллектуально-познавательной деятельности обучающихся [2,с.78].

С целью пробуждения творческого начала используется принципиально отличный от предметных олимпиад вид соревнований - конкурс тематических работ, собственно в ряде источников и называемый конкурсом достижений. Как правило, тематика работ находится в плоскости соответствующих школьных предметов, либо объединяет предметные области двух или нескольких предметов. Особенностью конкурсов творческих работ является широта тематики, демократичность, возможность как коллективного, так и индивидуального участия. При этом следует отметить, что участие в конкурсе, в общем, не требует обязательного глубокого знания предмета, но, как правило, требует широкого кругозора, предполагает наличие среди черт характера творческой составляющей, умения использовать межпредметные связи, желания созидать и творить. В конкурсах работ участвуют, как правило, те, кто проявляет интерес к предмету в объёме, выходящем за рамки школьной программы обучения. По этой причине участники конкурсов творческих работ часто рассматривают данную область знаний как возможную профессию для себя в будущем. В этом смысле Табакова Е.П. справедливо рассматривает конкурсы как средство самоопределения [3, с.14].

В силу имеющихся различий, следует полагать, что каждый из указанных видов конкурсов призван решать свои задачи в рамках формирования конкурентоспособности. Если предметные олимпиады, главным образом, повышают базовый уровень подготовки, то конкурсы проектов развивают творческую составляющую личности. Таким образом, конкурсы решают двуединую задачу образования. В этой связи эффективная организация конкурсов в условиях широких возможностей современных информационных технологий представляет собой интересную и актуальную научную проблему и требует системного подхода.

Конкурсы достижений являются полигоном для отработки вопросов, разрешаемых в процессе борьбы, соревнования: например, экзаменов в ВУЗе, тендеров при приеме на работу и других конкурентных ситуаций реальной жизни, предполагающих альтернативу и выбор. В этой связи потенциал конкурсов изучен не вполне. Совершенствование технологий конкурсов с целью приближения их к востребованным жизненным реалиям представляется перспективным направлением.

Роль конкурсов достижений в формировании качеств конкурентоспособной личности старшеклассников

В основу исследования положен анализ различных видов конкурсов достижений, способствующих развитию личностных качеств, позволяющих выдерживать конкуренцию в реальных жизненных ситуациях:

- формированию и развитию познавательной активности, а также целеустремлённости в достижении поставленной цели;
- приобретению новых знаний и умений;
- нивелированию психологических барьеров, препятствующих максимально эффективно использовать личности имеющийся потенциал;
- формированию практических умений и навыков соревнования, базирующихся на практике общения и взаимодействия с конкурентами в процессе соревнования.

Все указанные выше задачи являются важными для формирования конкурентоспособной личности. Рассмотрим их по порядку, выявляя способы и механизмы их решения.

Познавательная активность, как черта ха-

рактера обучающегося, находит свое выражение в целеустремленной, специально-организованной деятельности субъекта образовательного процесса, направленной на совершенствование ее содержания, форм, методов, приемов и средств с целью возбуждения интереса к учёбе, проявления творческого начала, самостоятельности в получении и усвоении знаний, формирования умений, навыков, развития способностей. Конкурсы творческих работ, в отличие от плановых занятий в рамках школьной программы, всегда охватывают реально интересные для участников области деятельности. По этой причине они имеют важное значение для активизации обучающихся и формирования познавательной активности.

Ещё одной особенностью конкурсов является повышенная сложность заданий, как правило, выходящая за пределы требований обычной школьной программы. Наиболее отчётливо это свойственно предметным олимпиадам. Это обстоятельство является предпосылкой для углубления базовых и получения новых знаний, выхода обучающегося на новый качественный уровень.

Серьёзной проблемой для конкурентоспособности личности иногда являются психологические барьеры, препятствующие полноценной реализации имеющегося потенциала. На протяжении всей жизни человек в явной или не явной форме вступает в конкуренцию. Одной из задач конкурсов достижений является устранение возможного психологического дискомфорта при вступлении в соперничество для некоторых типов личностей. В этом смысле конкурсы достижений – как предметные олимпиады, так и конкурсы творческих работ – выполняют задачу психологической адаптации к соревновательной атмосфере. При этом конкурсы творческих работ, предполагающие публичное участие в процессе дискуссии в данном аспекте имеют более весомое значение.

Важной особенностью конкурентоспособности личности является социальный характер данного качества. Выявление лучшего претендента в соревновании должно происходить по объективным параметрам и в рамках принятых в обществе норм и правил. В этой связи соревновательный характер конкурсов достижений, в особенности – творческих работ, даёт участникам ценный опыт общения, приобщает к правилам и нормам поведения, учит объективно оценивать как свои достижения, так и результаты чужого труда.

Определённый интерес представляет совместное согласованное использование различных форм и видов конкурсов, рассмотренных выше, применение игровых методов, элементы которых реализуются, например, в ходе викторин.

Сбалансированное совместное согласованное использование различных форм соревнований в виде, например, многоэтапных соревнований, проходящих в 2 тура или более, позволяет для некоторых предметов, использовать сильные стороны каждой формы. Так, к примеру, успешное участие в предметной олимпиаде на первом этапе комплексного соревновательного мероприятия поднимает самооценку учащегося. Конкурс творческих достижений, следующий после олимпиады, на втором этапе, активно использует другой аспект - игровую творческую составляющую, крайне важную для детей.

Проведённые исследования позволяют сделать следующие выводы.

Предметные олимпиады и конкурсы творческих работ развивают качества конкурентоспособной личности, с помощью различных механизмов формируя познавательную активность, стимулируя тягу к знаниям, повышая образовательный уровень и общий кругозор, давая возможность для самореализации. Конкурсы достижений обладают необходимым потенциалом для формирования интегральных свойств конкурентоспособной личности: гибкости, направленности, компетентности.

Совершенствование конкурсов достижений с использованием современных информационных технологий и новых предметных знаний является важной педагогической задачей в рамках формирования конкурентоспособности личности.

Ориентация формы и содержания конкурсов достижений, проводимых среди старшеклассников, на конкурентные реалии будущей самостоятельной взрослой жизни является перспективным направлением педагогики старших классов.

Список литературы

1. Митина Л.М. Психология развития конкурентоспособной личности. М.: МПСИ, 2002. 400 с. URL: https://eknigi.org/psihologija/126394-psixologiya-razvitiya-konkurentosposobnoj.html

2. Огурэ Л.Б. Многопредметная образовательная олимпиада как дидактическая форма организации и активизации интеллектуальной деятельности школьников. Дисс… канд. пед. наук. – Москва, Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов. 2007. – 160с.

3. Табакова Е.П. Конкурсы достижений как средство самоопределения старшеклассников. Дисс… канд. пед. наук. – Оренбург, ОГПУ. 2007. – 211с.

COMPETITIONS ADVANCES AS THE TOOL OF FORMATION OF COMPETITIVE QUALITIES OF HIGH SCHOOL STUDENTS

In article the concept of competitiveness of personality. Outlines the key properties of the competitiveness in the modern sense: adaptability and personal success in a society subject to moral and ethical standards. The properties of the competitive personality, for the formation which are important contests creative achievements. We prove the value of high school age for formation of principles of personal competitiveness. The general classification competitions achievements during school education. The main types of competitions achievements related subject Olympiads and competitions of creative works. Formulated key features of different types of competitions, their role in the educational system, the similarities and differences. As actual pedagogical tasks and the ways of improving technology competitions achievements in order to adapt them to the popular competitive real-life situations.

Keywords: contests, achievements, olympiad, cognitive activity, personality, competitiveness, high school students.

References

1. Mitina L. M. Psychology of development of competitive personality. Moscow: MPSI, 2002. 400 p. URL: https://eknigi.org/psihologija/126394-psixologiya-razvitiya-konkurentosposobnoj.html

2. Ogura L. B. Multidisciplinary educational olympics as a didactic form of organization and intensification of intellectual activity of students. Dissertation of candidate of pedagogical Sciences – Moscow, Research center challenges the quality of training. 2007. – 160p.

3. Tabakov, E. P. Competitions achievements as a means of self-determination of high school student. Dissertation of candidate of pedagogical Sciences – Orenburg, OGPU. 2007. – 211p.

Об авторе

Сосновская Екатерина Михайловна – аспирант 3 курса кафедры социальной педагогики и психологии, Московский педагогический государственный университет (Россия), E-mail: Sekm1975@mail.ru

Sosnowskaya Ekaterina Mikhailovna – post-graduate student 3 courses of chair of social pedagogics and psychology, Moscow state pedagogical University (Russia), E-mail: Sekm1975@mail.ru

УДК 37.378.2

Хохлова Н.И., кандидат исторических наук, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ (Россия)
Рустамова Л.Р., кандидат политологических наук, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ (Россия)

ПРОБЛЕМА ПОДГОТОВКИ НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

Проблема преобразования системы подготовки научно-педагогических кадров после периода постсоветского реформирования государственного устройства страны встала остро и до сих пор остается актуальной, поскольку высшая школа серьезно пострадала в условиях сокращения сотрудников высшей школы, необходимости кардинальной смены идеологии развития фундаментальной науки. Последствия постсоветского периода и сейчас сказываются на качестве подготовки научно-педагогических кадров. В то же время, стало ясно, что именно подготовка высококвалифицированных специалистов с аналитическими способностями становится важным фактором повышения конкурентоспособности страны на международной арене в условиях расширения участия Российской Федерации в процессах глобализации политики и образовательной сферы. В исследованиях авторитетных российских ученых ставились вопросы реформирования и разработки программ подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре, что инициировало дискуссию относительного того, какие меры по реформированию системы подготовки кадров высшей школы должны быть приняты представителями руководящих органов, ответственных за смену научно-педагогических кадров. В 2000-х годах началось проведение комплекса мер по повышению качества подготовки научных кадров и конкурентоспособности отечественной науки. Ряд принятых нормативных документов внес изменения в существовавший порядок работы Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки, диссертационных советов. Были внесены коррективы в порядок лицензирования и государственной аккредитации послевузовских образовательных программ, утвержден регламент открытия докторантур и аспирантур в высших учебных заведениях и научных организациях. В 2013 и 2014 гг. был принят ряд законов, которые должны были качественно поменять порядок подготовки аспирантов очной и заочной форм обучения, фактически приравняв аспирантуру (адьюнктуру) от послевузовского образования к третей ступени высшего образования. Поскольку с момента введения новой формы обучения уже прошло три года, можно прийти к некоторым выводам относительно того, насколько поменялся процесс обучения в аспирантуре и какие проблемы данные нововведения сумели решить, а какие проблемы в системе подготовки кадров высшей школы остались. Целью данного исследования является анализ основных проблем при подготовке педагогических кадров в Высшей школе и реформ, направленных на улучшение системы подготовки профессорско-преподавательского состава.
Ключевые слова: аспирантура, кадры высшей школы, соискательство, профессорско-преподавательский состав, выпускная квалификационная работа, диссертация.

После распада Советского Союза, с одной стороны, из-за массового оттока научных кадров за рубеж, с другой стороны, из-за необходимости введения новых дисциплин и деидеологизации науки, встал вопрос о том, что система подготовки педагогических кадров в высшей школе не отвечает реалиям меняющейся системы государственного устройства и не способна компенсировать тех проблем, которые в ней накопились, нужны качественные преобразования не только программ преподаваемых дисциплин, но и условий поступления и условий присуждения степеней. При этом внести изменения было достаточно сложной задачей, поскольку те, кто должен был инициировать эти преобразования, в большинстве своём относились к людям еще советской системы, и необходимо было не просто принять меры по воспитанию нового поколения молодых ученых, но еще и преодолеть противодействие со стороны сотрудников, выступающих за сохранение прежних устоев в образовательной сфере.

На начальном этапе дефицит компетентных научно-педагогических кадров, способных обучить аспирантов до уровня высококвалифицированных специалистов, ощущался особенно остро еще и потому, что ряд областей был инновационным для постсоветского периода. Кроме того, в сфере образования наметились такие проблемы, как высокий спрос на «престижные специальности» и недостаток студентов в специальностях, обеспечивающих персоналом ключевые направления развития экономики России, в том числе и высшую школу. Привлекательность профессии педагога как средней, так и высшей школы резко снизилась, что было обусловлено тем, что должность преподавателя стала одной из самых низкооплачивае-

мых. Согласно опубликованным статистическими данными, средняя заработная плата учителей в 2011 году составила 17400 рублей, что более чем на 20% меньше средней зарплаты по России [5]. Низкая заработная плата преподавателей вузов привела к дефициту кадров, к множественной занятости, которая реализуется в самых различных формах. Помимо основных занятий в вузе, не связанных с их сферой научных исследований, а также занимаются разного рода подработками, вообще не связанными с их профессией, но приносящими иногда основной доход. По некоторым данным, большая часть преподавателей (43,1%) совмещает основную работу с преподаванием в другом вузе; 18,7% подрабатывают научными сотрудниками, 21,6% – консультантами; 7,7% – находят дополнительный заработок на предприятиях, 6,8% – в коммерческих структурах. При этом каждый четвертый преподаватель трудится в двух и более местах [1, с. 22]. Множественная занятость преподавателя приводит к значительному понижению качества труда преподавателей по основному месту работы и снижают заинтересованность в работе со студентами и аспирантами, при этом на фоне недостатка кадров нагрузка с каждым годом для каждого отдельно взятого преподавателя возрастает.

Политико-идеологические изменения в обществе обусловили тот факт, что серьезным образом поменялась цель получения научных степеней. Если раньше люди шли в аспирантуру с тем, чтобы заниматься преподавательской деятельностью, то затем наметилась тенденция к получению степеней кандидатов и докторов наук в силу престижности, поэтому численность студентов, поступающих в аспирантуру, не снизилась до критической отметки, а скорее наоборот, возросла в несколько раз. На протяжении последних 15 лет численность аспирантов увеличилась почти в три раза. С 1993 по 2007 г. рост численности контингента аспирантуры составил 284% [8]. Кроме того, с приходом рыночной системы проявилась потребность в специалистах, обладающих аналитическими и исследовательскими навыками во всех областях деятельности. Доказательством обладания указанными качествами стало обучение в аспирантуре - форме послевузовского обучения, дающей обширные профессиональные знания, навыки аналитической работы, творческого освоения новых компетенций и сфер деятельности. Таким образом, аспирантура стала удовлетворять кадровые потребности не только научной и образовательной сферы, но и других сфер деятельности: бизнеса, государственной службы и т.д., что в свою очередь не решает проблему формирования педагогических кадров России. Таким образом, поступление в аспирантуру и защита диссертации стали обусловлены мотивацией по получению повышения на службе, никак не связанной с преподавательской и научной деятельностью в Высшей школе. При этом качество научных работ резко снизилось, наметилась тенденция к девальвации ценности ученых степеней.

Нормативная база аспирантуры, сложившаяся еще в советский период устарела и не учитывает существенные дисциплинарные различия в организации, продолжительности и многих иных характеристиках аспирантских программ[2]. До сегодняшнего дня критерием эффективности успешного окончания аспирантуры считалась защищенная в период обучения диссертация, на что были сосредоточены основные усилия, как самого аспиранта, так и его научного руководителя, в то время как изучению обязательных для будущих педагогов предметов: педагогики и психологии, отводилась незначительная часть образовательной программы[3]. Что касается педагогических вузов России, то здесь наблюдался перекос в сторону изучения теории и истории педагогики, при недостаточном внимании специальным педагогическим дисциплинам, а также психологии, которая тесно взаимосвязана с педагогическими учебными предметами. Преподавание психологии строилось на основе личного опыта будущего учителя, с разнообразным подтверждением в экспериментальной педагогической деятельности. Значительное внимание в этом процессе должно уделяться формированию навыков различного рода наблюдения, диагностирования и оценки. В российской системе подготовки преподавателей высшей школы, до недавнего времени не уделялось внимание должному уровню языковой подготовки аспирантов, что необходимо в усло-

виях интернационализации российской системы образования[4].

Еще одной проблемой подготовки педагогических кадров Высшей школы стала резкая дифференциация вузов по уровню квалификации преподавателей и качества преподавания в них. До недавнего времени подготовку аспирантов осуществляло около 1500 вузов и Научно-исследовательских институтов, при этом тот, факт, что многие из них не соответствовали уровню образовательного учреждения, учитывающего последние научные достижения в области педагогики и психологии Высшей школы, а также нормативные требования к преподавателю вуза, содержащиеся в официальных документах, не ограничивал право вузов на предоставление образовательных услуг для аспирантов и соискателей.

При этом введение европейской системы образования, так называемой «Болонской системы» требовало того, чтобы российская подготовка специалистов по всем образовательным программам хоть как-то приближалась к критериям зарубежной. Этого требовало необходимость срочного повышения конкурентоспособности российского образования, расширения сотрудничества с мировыми научными центрами. Несмотря на то, что подготовка аспирантов в наименьшей степени была похожа на аналогичную подготовку за рубежом, так называемой PhD, была поставлена задача вхождения в единое европейское пространство и послевузовской формы образования.

Таким образом, проблем в области подготовки педагогических кадров накопилось достаточно много, и они требовали незамедлительного решения, что в последнее время стало осознаваться и в среде руководства страны и академического сообщества, достаточно болезненно реагировавшего на отход от советской модели образования. В 2011-2012 году в сфере подготовки кадров высшей школы начались комплексные преобразования, призванные изменить существующее положение дел и сделать работу педагогов Высшей школы не только эффективной, но и престижной.

Реализация перехода на новые стандарты подготовки аспирантов началась с создания новой нормативно-правовой базы, в основе которой лежат следующие законодательные акты, существенным образом изменившие систему подготовки и защиты:

1. Приказ Министерства образования и науки России от 19.11.2013 №1259 (ред. от 05.04.2016) «Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по образовательным программам высшего образования — программам подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре)»;

2. Постановление Правительства РФ от 24.09.2013 №842 (ред. от 02.08.2016) «О порядке присуждения ученых степеней» (вместе с «Положением о присуждении ученых степеней»);

3. Приказ Министерства образования и науки России от 12.01.2017 №13 «Об утверждении Порядка приема на обучение по образовательным программам высшего образования — программам подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре»;

4. Приказ Министерства образования и науки России от 28.03.2014 №248 «О Порядке и сроке прикрепления лиц для подготовки диссертации на соискание ученой степени кандидата наук без освоения программ подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре)»;

5. Приказ Министерства образования и науки России от 13.01.2014 №7 (ред. от 14.12.2016) «Об утверждении Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»;

6. Приказ Министерства образования и науки России от 28.03.2014 №247 «Об утверждении Порядка прикрепления лиц для сдачи кандидатских экзаменов, сдачи кандидатских экзаменов и их перечня»;

7. Приказ Министерства образования и науки России от 18 марта 2016 г. № 227 «Об утверждении Порядка проведения государственной итоговой аттестации по программам подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре), программам ординатуры, программам ассистентуры, стажировки (определение форм государственной итоговой аттестации по указанным образовательным программам)»

8. Проект федерального закона № 887893-6 “О внесении изменений в статью 4 Федерального закона "О науке и государственной научно-технической политике".

В соответствии с законом «Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по образовательным программам высшего образования — программам подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре)» в аспирантуре как третьей ступени образования предусмотрено проведение учебных занятий по модульным дисциплинам в форме лекций, семинаров, консультаций, научно-практических занятий, лабораторных работ, коллоквиумов, и иных занятий, устанавливаемых организацией, аспиранты обязательно проходят педагогическую практику, порядок прохождения которой регулируется локальными нормативными актами. В рамках обязательной образовательной части предусмотрена научно-исследовательская работа, которая проводится аспирантами самостоятельно в соответствии с направленностью программы аспирантуры (адъюнктуры), и должна стать основой для написания так называемой «Выпускной квалификационной работы», необходимой, для того чтобы получить диплом об окончании аспирантуры. При этом на каждом этапе прохождения образовательной программы для аспирантов предусмотрено проведение контроля качества посредством промежуточной аттестации и государственной итоговой аттестации. Такое изменение образовательного процесса в аспирантуре должно, с одной стороны, способствовать повышению качества подготовки будущих преподавателей, с другой стороны, решить проблему дефицита молодых кадров, поскольку по окончании обучения они получают диплом преподавателя-исследователя, благодаря которому они могут остаться в системе высшей школы преподавать.

В 2017 году состоялся первый выпуск аспирантов с квалификацией «Исследователь. Преподаватель-исследователь». Практика показала, что большая часть аспирантов, справившись с обязательной часть образовательной программы, пока не смогла трудоустроиться по специальности диплома и навряд ли эта тенденция переломиться, поскольку не поменялись изначальные мотивационные установки поступления в аспирантуру. При этом процент тех, кто подал документы в диссертационные советы остался приблизительно на том же уровне, что и до превращения аспирантуры в третью образовательную ступень.

Вместе с повышением требований к подготовке аспирантов, неясным остается вопрос о том, как должен повлиять на качество научных сотрудников институт соискательства. В соответствии с документом «О порядке и сроке прикрепления лиц для подготовки диссертации на соискание ученой степени кандидата наук без освоения программ подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре)» в качестве соискателя может прикрепиться тот, кто, имеет диплом специалиста или магистра, на срок не более трех лет вместо пяти, как это было ранее. При этом, никак не регулируется вопрос о том, должна ли соответствовать квалификация диплома о высшем образовании той специальности, по которой планируется защита кандидатской степени. При этом для соискателей без прохождения педагогической практики и занятий по образовательным программам аспирантуры не ограничена возможность работы в системе Высшей школы, и после получения степени они также могут претендовать на занятие должностей наравне с аспирантами, получившими диплом преподавателя-исследователя. Очевидно, что разная степень подготовки к осуществлению преподавательской деятельности должна учитываться при формировании профессорско-преподавательского состава.

Вместе с сокращением срока прикрепления, значительно снизились и возможности защиты кандидатской диссертации, как для аспирантов, так и для соискателей. Приказ Минобра «Об утверждении Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» серьезным образом повысил критерии к организациям, на базе которых могут создаваться советы по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук, требования к кандидатам в члены диссертационных советов. Ужесточился и порядок создания и организации работы диссертационных советов, права и обязанности организации, на базе которых могут создаваться диссертационные советы, а также были усилены требования к оформлению диссертаций. Это привело к

тому, что численность Диссертационных советов, служащих для рассмотрения и защиты докторских и кандидатских диссертаций была значительно сокращена.

Часть вузов подало заявки на возможность самостоятельного присуждения степеней. Для того чтобы получить такое право, организации должны отвечать следующим важнейшим критериям: иметь функционирующие диссертационные советы, иметь доходы от научно-исследовательской деятельности, составляющие не менее миллиона рублей в год на одного педагогического работника вуза, высокий уровень публикационной активности профессорско-преподавательского состава, и не более 1% отрицательных решений Минобрнауки по защищенным диссертациям для предыдущего года [7]. В августе 2017 г. согласно Распоряжению Правительства Российской Федерации от 23 августа 2017 года №1792-р. сразу 19 вузов и 4 национальных исследовательских института, отвечающие вышеуказанным критериям, среди которых МГИМО, РУДН, ВШЭ, РАНХИГС, получили право самостоятельно присуждать научные степени кандидатов и докторов наук. Для этих вузов процедура защиты аспирантов и соискателей будет проходить по отличной от системы присуждения степеней в ВАКе схеме, однако не решит проблему разрыва вузов по уровню подготовки кадров высшей квалификации, скорее наоборот: усугубит ее.

С одной стороны, исключение непрофильных вузов из процесса подготовки аспирантов, и соответственно, сокращение числа аспирантов, получающих степень для целей, не связанных с наукой и педагогической деятельностью, может помочь предотвращению девальвации ценности ученых степеней и званий в России, но никак не будет способствовать решению проблемы старения педагогических кадров, а также повышения качества образовательных услуг.

Необходимым условием качества образовательных услуг является повышение квалификации переподготовки и повышения квалификации профессорско-преподавательского состава. Ранее система переподготовки ППС имела ряд существенных недостатков, связанных с тем, что преподаватели могли пройти переобучение бесплатно только раз в пять лет, что при ускоренном темпе старения знаний не соответствует требованиям современной системы образования. В настоящее время в целях организации повышения квалификации сотрудников государственных образовательных учреждений высшего профессионального образования за счет средств федерального бюджета Министерство образования и науки установило перечень вузов, реализующих программы переподготовки и повышения квалификации. Обязательным требованием стало ежегодное прохождение курсов по повышению квалификации, переходу на систему эффективного контракта, где таким формам самостоятельного повышения квалификации преподавателей, как участие в работе научных конференций, стажировки, публикационная активность, будут уделяться особое внимание в форме финансового поощрения.

Необходимость принятия постоянных мер по повышению качества ППС определяется также и тем, что в соответствии с Болонской декларацией о Европейском пространстве высшего образования образовательные учреждения должны гарантировать качество и компетентность преподавателей вузов. Необходимость создания условий для повышения качества подготовки научных и педагогических кадров, эффективной системы мотивации научных сотрудников до сегодняшнего момента была очерчена лишь в Федеральной целевой программе «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (2009–2013 гг.) [1]. Цель Программы состояла в создании условий для эффективного воспроизводства научных и научно-педагогических кадров и закрепления молодежи в сфере науки, образования и высоких технологий, сохранения преемственности поколений в указанной сфере [6], для чего Федеральной целевой программой предусматривались меры по повышению статуса педагогических работников, в том числе и за счет повышения заработной платы преподавателей.

Согласно Постановлению Правительства РФ от 9 апреля 2010 г. N 220 "О мерах по привлечению ведущих ученых в российские образовательные организации высшего образования, научные учреждения, подведомственные Федеральному агентству научных организаций, и государственные научные центры Российской Федерации в рамках подпрограммы "Институциональное развитие научно-исследовательского сектора" государственной программы

Российской Федерации "Развитие науки и технологий" на 2013 - 2020 годы" для проведения научных исследований на основе конкурса для молодых ученых выделяются гранты. Были введены и некоторые другие программы поддержки молодых ученых. Например, согласно Указу Президента РФ от 9 февраля 2009 г. N 146 "О мерах по усилению государственной поддержки молодых российских ученых - кандидатов и докторов наук" ежегодно на основе конкурса выделяются по 400 грантов Президента молодым кандидатам наук и их научным руководителям, а также 60 грантов Президента Российской Федерации – молодым докторам наук. Однако система грантов требует значительных финансовых средств, превосходящих средства федерального бюджета, предусмотренного на реализацию программы по повышению квалификации ППС Высшей школы. С тем чтобы избежать ситуации, когда все сэкономленные на образовании средства обернутся интеллектуальным, научно технологическим, культурным упадком страны, необходимо уже сейчас заново переосмыслить некоторые пункты программы государственного финансирования системы образования.

При этом без решения многих проблем подготовки кадров высшей квалификации был начат процесс сотрудничества с зарубежными вузами в сфере подготовки аспирантов, что, как представляется, не только позволит перенимать опыт зарубежных коллег и действительно начать процесс интернационализации российской системы образования, но способствовать процессу так называемой «утечки мозгов». Такие позитивные моменты введения Болонской системы образования, как повышение мобильности студентов и преподавателей, возможность получения двойных образовательных дипломов и повышения квалификации, приводят к некоторым другим проблемам формирования педагогических кадров России, заключающимся к возможности для преподавателей и студентов найти достойное место работы в первую очередь за рубежом, а не в своей стране. Ph.D-степени, полученные за рубежом, не признаются автоматически в качестве научных в России и требуют достаточно сложной процедуры признания, равносильной повторной защите диссертации. Ряд передовых вузов уже заключил договоры с зарубежными институтами о двойной системе защиты диссертаций, в их числе МГИМО МИД России, РУДН, ВШЭ, СПБГУ.

Одной из важнейших задача России в постсоветский период стала модернизация образовательной системы, поскольку в век информатизации и высоких технологий знание приобретает особую роль в выстраивании конкурентоспособной экономики, успешной социальной модернизации общества. В настоящий момент сильным и жизнеспособным государством становиться то, что развивает высокотехнологичные отрасли экономики и, чтобы выполнить задачу обеспечения квалифицированными кадрами важнейшие сектора экономики страны, в первую очередь, необходимо обеспечить высококвалифицированными кадрами систему высшего образования. В российской же системе подготовки кадров накопился целый ряд проблем, которые требуют проведения комплексных мер по реформированию системы подготовки профессорско-преподавательского состава: нехватка квалифицированных кадров, участвующих в подготовке аспирантов, «старение» педагогического корпуса и снижение качества подготовки молодых специалистов Высшей школы.

В настоящее время российская система подготовки ППС идет по экстенсивной модели развития аспирантуры, характеризующейся низкой мотивацией аспирантов, недостаточной компетентностью преподавателей. Комплекс мер нормативного и организационного характера включает в себя введение уровневой системы образования, выделения системы грантов на научные исследования как фактора повышения привлекательности преподавательской деятельности, разработку программ переподготовки и повышения квалификации преподавателей и научных сотрудников Высшей школы.

Таким образом, решение существующих в кадровом обеспечении системы высшего профессионального образования проблем невозможно осуществить без разработки более продуманных законодательных и организационных мер, а также значительного финансового вливания со стороны государства, которое должно быть рационально распределено в соответствии с важностью и срочностью решаемых задач.

Список литературы

1. Архипова Н.И., Колетвинова Е.Ю., Седова О.Л. Проблемы кадрового обеспечения в условиях модернизации системы высшего профессионального образования в России // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. № 10, 2012. С. 11-25.
2. Бедный Б.И., Миронос А.А. Подготовка научных кадров в высшей школе. Состояние и тенденции развития аспирантуры. Н. Новгород, 2008. – 219 с.
3. Белогуров А.Ю. Аналитический обзор моделей повышения квалификации и профессиональной переподготовки кадров для сферы образования. Учебно-методические рекомендации / Белогуров А.Ю., Воевода Е.В., Ильинская Я.А., Ярочкина Г.В., Ярочкин Д.В. – Петропавловск - Камчатский: КамГУ им. Витуса Беринга, 2016. – 47 с.
4. Воевода Е.В. О преподавании "академического английского" в аспирантуре // Языковой дискурс в социальной практике. - Тверь: Твер. гос. ун-т, 2014. - С. 55-59.
5. Зарплата учителей в 2012 году // Деловая жизнь [Электронный ресурс]. URL: http://bs-life.ru/rabota/zarplata/zarplata-uchiteley2012.html (дата обращения: 25.09.2017)
6. Концепция федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. // Сайт Федерального агентства по науке и инновациям [Электронный ресурс]. URL: http: //www.fasi.gov.ru/fcp/npki (дата обращения: 25.09.2017)
7. Названы вузы и научные учреждения, имеющие право присуждать ученые степени // Индикатор. Интернет-издание [Электронный ресурс]. URL: https://indicator.ru/news/2017/08/25/uchenye-stepeni-samostoyatelno-spisok/ (дата обращения: 25.09.2017)
8. Стронгин Р., Бедный Б., Миронос А. Массовизация аспирантуры и проблема качества подготовки научных кадров // Актуальные проблемы Высшей школы. №5, 2009. С. 34-40.

THE PROBLEM OF TRAINING OF SCIENTIFIC AND PEDAGOGICAL STAFF IN HIGHER EDUCATION

The problem of transforming the system of training of scientific and pedagogical personnel after the period of post-Soviet reforms still stays relevant, since the higher school was seriously suffering because of the reduction of the employees of higher education, the need for a radical change in the ideology of the fundamental science. All these problems are still making an impact on the quality of training of scientific and pedagogical personnel. At the same time, it became clear that it was the training of highly qualified specialists with analytical capabilities that became one of the most important resources for economic recovery and the country's competitiveness on the international arena. In the context of increasing participation of the Russian Federation in globalization of the economy, politics and education the ability to train qualified specialist is very important. Authoritative Russian scientists started writing about the issues of reforming and developing programs for the training of scientific and pedagogical staff during postgraduate study, which initiated a discussion of the relative measures that should be taken by the representatives of the authorities responsible for the reforming of the system of training of high school personnel. In the 2000s, a series of measures targeted to improve the quality of training of scientific personnel and the competitiveness of Russian science began. A number of normative documents changed the existing procedure for the activities of the Higher Attestation Commission, the Ministry of Education and Science, the Federal Service for Supervision in Education and Science, dissertation councils. Adjustments were made to the procedure for licensing and state accreditation of postgraduate educational programs, the rules for the opening of doctoral and postgraduate programs in higher educational institutions and scientific organizations were approved. In 2013 and 2014 a number of laws were passed in order to change the procedure for preparing graduate students of full-time and part-time forms of education, changing postgraduate education into the third stage of higher education. As three years passed since the introduction of the new form of education, it became possible to come to some conclusions and answer on the questions of how much the process of postgraduate study has changed and what problems these innovations have been able to solve, and what problems are still left in the system of training of high school personnel. The purpose of this study is to analyze the main problems in the training of pedagogical staff in the Higher School and reforms aimed at improving the training system of the teaching staff in the Higher School.

Keywords: postgraduate study, stuff of the high school, external PhD student, high school senior personnel, final qualification paper, PhD thesis.

References

1. Arhipova, N.I., Koletvinova, E.Ju., Sedova, O.L. (2012). Problemy kadrovogo obespechenija v uslovijah modernizacii sistemy vysshego professional'nogo obrazovanija v Rossii [The problems of staffing in the context of modernization of the system of higher professional education in Russia]. *Vestnik Rossijskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* [*Herald of Russian state*

humanitarian University], 10, 11-25.

2. Bednyj, B.I., Mironos, A.A. (2008). Podgotovka nauchnyh kadrov v vysshej shkole. Sostojanie i tendencii razvitija aspirantury [Training of the high school personnel. Modern trends of Phd development]. N. Novgorod.

3. Belogurov, A.Ju. (2016). Analiticheskij obzor modelej povyshenija kvalifikacii i professional'noj perepodgotovki kadrov dlja sfery obrazovanija. Uchebno-metodicheskie rekomendacii [Analytical review of models of professional development and professional retraining for the education sector. Educational-methodical recommendations]. Petropavlovsk - Kamchatskij: KamGU im.Vitusa Be-ringa.

4. Voevoda, E.V. (2014). O prepodavanii "akademicheskogo anglijskogo" v aspiranture [About teaching of "academic English" in postgraduate school]. *Jazykovoj diskurs v social'noj praktike* [*Language discourse in social practice*]. Tver': Tver. gos. un-t, 55-59.

5. Zarplata uchitelej v 2012 godu [The salary of teachers in 2012] // *Delovaja zhizn* [Business life] [Jelektronnyj resurs]. URL: http://bs-life.ru/rabota/zarplata/zarplata-uchiteley2012.html (data obrashhenija: 25.09.2017)

6. Koncepcija federal'noj celevoj programmy «Nauchnye i nauchno-pedagogicheskie kadry innovacionnoj Rossii» na 2009–2013 gg. [The concept of the Federal program "Scientific and Scientific-pedagogical personnel of innovative Russia" for 2009-2013.]. *Sajt Federal'nogo agentstva po nauke i innovacijam* [*The Website of the Federal Agency for science and innovation*]. Retrieved 25 September, 2017 from http: //www.fasi.gov.ru.

7. Nazvany vuzy i nauchnye uchrezhdenija, imejushhie pravo prisuzhdat' uchenye stepeni [Universities and scientific institutions entitled to award academic degrees]. *Indikator. Internet-izdanie* [*Indikator. The Internet edition*]. Retrieved 25 September, 2017 from https://indicator.ru.

8. Strongin, R., Bednyj, B., Mironos, A. (2009). Massovizacija aspirantury i problema kachestva podgotovki nauchnyh kadrov [Massification of Phd studies and the problem of qualified training of scientific personnel]. *Aktual'nye problemy Vysshej shkoly* [*Current problems of Higher education*], 5, 34-40.

Об авторах

Хохлова Наталья Ивановна – кандидат исторических наук, начальник отдела докторантуры и аспирантуры, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ (Россия), E-mail: nataliamgimo@inbox.ru

Рустамова Лейли Рустамовна – кандидат политологических наук, эксперт отдела докторантуры и аспирантуры, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ (Россия), E-mail: leili-rustamova@yandex.ru

Khokhlova Natalia Ivanovna – PhD Candidate in Historical Sciences, Head of the Postgraduate Study Department, Moscow State Institute of International Relations (University) MFA RF (Russia), E-mail: nataliamgimo@inbox.ru

Rustamova Leili Rustamovna – PhD Candidate in Political Science, Expert of the Postgraduate Study Department, Moscow State Institute of International Relations (University) MFA RF (Russia), E-mail: leili-rustamova@yandex.ru

Правила предоставления рукописей

В журнале «Вестник БГУ» публикуются статьи теоретического, методического и прикладного характера, содержащие оригинальный материал исследований автора (авторов), ранее нигде не опубликованные. Материал исследований должен содержать научную новизну и/или иметь практическую значимость.

Статьи обзорного характера к публикации не принимаются.

Научный журнал формируется по следующим отраслям и группам научных специальностей:
07.00.00 – исторические науки и археология;
10.01.00 – литературоведение;
10.02.00 – языкознание;
13.00.00 – педагогические науки.

Требования к структуре статей

(см. образец оформления статьи)

Все указанные структурные элементы статьи отделяются друг от друга пропуском строки.

1. <u>В начале статьи указываются:</u>
- номер по Универсальной десятичной классификации – УДК (Times New Roman 14 pt, обычный, выравнивание по левому краю);
- фамилия и инициалы автора (Times New Roman 14 pt, жирный), ученая степень, ученое звание, название образовательной организации, страна – на русском языке (Times New Roman 14 pt, обычный, выравнивание по ширине, межстрочный интервал одинарный);
- название статьи (10-12 слов, заглавными буквами, Times New Roman, 14 pt, жирный, выравнивание по центру, межстрочный интервал – одинарный);
- аннотация на русском языке (150-250 слов, см. образец оформления статьи);
- ключевые слова (8-10 слов и словосочетаний, Times New Roman 14 pt, надпись «Ключевые слова» - жирный, выравнивание по ширине, междустрочный интервал одинарный).

2. Текст статьи на русском языке (Times New Roman 14 pt; обычный; выравнивание по ширине; междустрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 1см.)

3. <u>После текста статьи размещаются</u>:
- список литературы на русском языке (Times New Roman 14 pt, выравнивание по ширине, междустрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 1 см., нумерация автоматическая, см. образец оформления статьи);
- название статьи на английском языке;
- аннотация на английском языке («Abstract»);
- ключевые слова на английском языке («Keywords»);
- список литературы на английском языке (References);
- информация об авторе (фамилия, имя, отчество полностью; ученая степень, ученое звание; должность; название образовательного учереждения, страна; адрес электронной почты) на русском и английском языках.

Статьи предоставляются в редколлегию в печатном и электронном виде, подготовленные с помощью текстового редактора Microsoft Word (*.doc, *.docx, *.rtf) и разбитые на страницы размером А4. Поля страницы: левое — 2 см, правое – 2 см, верхнее – 2 см, нижнее – 2 см. Текст – шрифтом Times New Roman, 14 pt, межстрочный интервал — одинарный, красная строка (абзац) 1 см (формата А-4), выравнивание по ширине. Страницы не нумеруются. Ручные и автоматические переносы <u>не допускаются</u>. Если статья выполнена при поддержке гранта или на основе доклада, прочитанного на конференции, то необходимо сделать соответствующую сноску в заголовке статьи (*). Объем статей, как правило, не должен быть менее 5 страниц А4 (14 000 знаков с пробелами) и не превышать 12 страниц А4 (32 000 знаков с пробелами), включая список литературы (10-15 источников). Желательно привлечение источников, индексируемых в Scopus. Все источники в тексте статьи обязательно должны быть процитированы хотя бы один раз.

Аннотация на русском языке должна содержать 150-250 слов (актуальность темы исследования, постановка проблемы, цели и методы исследования, результаты и ключевые выводы). После аннотации размещаются ключевые слова (8-10). Через строку размещается текст статьи, который должен содержать следующие обязательные элементы:

- ***Введение*** (актуальность темы, обзор литературы, постановка проблемы, формулирование целей и задач данного исследования);

- ***Методы*** (детально описываются методы и схема экспериментов/ наблюдений, позволяющие воспроизвести результаты, пользуясь только текстом статьи);

- ***Результаты*** (представляются фактические результаты исследования);

-***Обсуждение*** (содержит интерпретацию полученных результатов исследования, включая: соответствие полученных результатов гипотезе исследования; ограничения исследования и обобщения его результатов; предложение по практическому применению; предложения по направлению будущих исследований);

- ***Заключение*** (содержит краткие итоги разделов статьи без повторения формулировок, приведенных в них).

После основного текста статьи автор или авторы могут поместить благодарности коллегам за помощь в подготовке статьи, за финансовую поддержку и другие.

На титульной странице оформляется исключительное авторское право на статью путем перечисления фамилий и инициалов всех авторов после знака Copyright © на русском и английском языках.

После текста статьи размещается «Список литературы» (14 pt) с выравниванием по ширине (см. пример оформления статьи). В этот список включаются только те источники, на которые в тексте статьи имеются ссылки. Он формируется в алфавитном порядке (вначале источники на русском языке, затем на иностранных языках).

Ссылки на литературу по тексту статьи необходимо давать в квадратных скобках, через запятую номер страницы [5, с. 17]. Ссылки оформляются в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Работы одного и того же автора цитируются в хронологическом порядке независимо от наличия соавторов.

Затем размещается английский блок: фамилия, имя, отчество автора, ученая степень, ученое звание, название организации, страна, название статьи, аннотация и ключевые слова (Abstract + keywords), список литературы (References), см. образец оформления статьи).

Если статья содержит таблицы или рисунки, в тексте должны быть ссылки на эти элементы (см. рис. 1 или см. табл. 1).

Оформление таблицы. Обратите внимание, что надпись «Таблица 1» не имеет знака номера и точки. Обязательно должно быть название таблицы (располагается перед самой таблицей), после которого также не ставится точка. Шрифт Times New Roman 14 pt, (жирный), интервал – одинарный.

Таблица 1

Результаты исследования уровня волевого самоконтроля

Все рисунки и чертежи выполняются четко, в формате jpeg, обеспечивающем ясность понимания всех деталей; это особенно относится к фотокопиям и полутоновым рисункам. Весь иллюстративный материал должен быть выполнен в черно-белой гамме. (Цветные иллюстрации будут удаляться). Язык надписей на рисунках (включая единицы измерения) должен соответствовать языку самой статьи. Поясняющие надписи следует по возможности заменять цифрами и буквенными обозначениями, разъясняемыми в подписи к рисунку или в тексте. Название иллюстративного материала оформляются исключительно под рисунком. Подписи к рисункам – шрифт Times New Roman 14 pt, (обычный), интервал – одинарный.

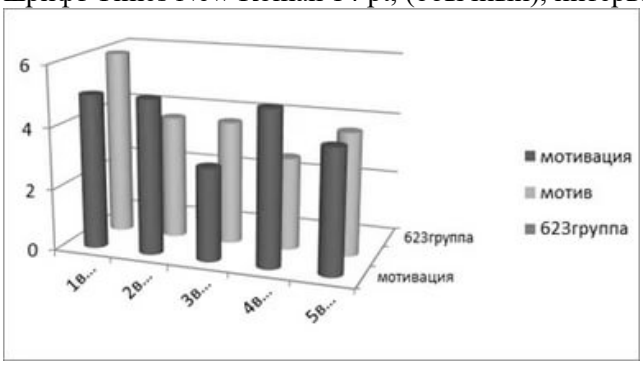

Рис.1. Результаты изучения мотивации студентов

Авторов, использующих при подготовке рисунков компьютерную графику, просим придерживаться следующих рекомендаций: графики делать в рамке; штрихи на осях направлять внутрь; по возможности использовать шрифт Times; высота цифр и строчных букв должна быть в пределах 3-4% от максимального размера (высоты или ширины) рисунков, это относится и к цифрам на осях вставки; обозначения единиц измерения на осях графиков приводить в скобках. Таблицы, рисунки и подписи к ним помещаются непосредственно в тексте. Векторные величины выделяются прямым полужирным шрифтом. Все сколько-нибудь громоздкие формулы выносятся на отдельные строки. В тексте статьи допускаются системы физических единиц СИ и СГСЭ.

Всего автор оформляет и подает 3 электронных документа:

1. Текст статьи, оформленный в соответствии с указанными требованиями;
2. Авторская справка (см. образец);
3. Отчет о проверке в системе «Антиплагиат». Оригинальность статьи должна быть от 80%.

К работам аспирантов или соискателей необходимо приложить рекомендацию, подписанную научным руководителем и справку из отдела аспирантуры, к статьям кандидатов и докторов наук должны быть приложены две рецензии (внутренняя и внешняя).

Каждая статья в обязательном порядке проходит процедуру закрытого рецензирования. По результатам рецензирования редколлегия оставляет за собой право либо вернуть автору статью на доработку, либо отклонить ее публикацию в журнале.

Контактная информация доступна на сайте журнала: vestnik-brgu.ru
Адрес: 241036, г. Брянск, Бежицкая, 20, редакционно-издательский отдел.
Телефон: (4832) 66-67-58; **E-mail:** gumvest.bgu@yandex.ru

Вестник Брянского государственного университета

№4 (34) 2017

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
ПИ № ФС77-51557 от 26.10.2012

Подписной индекс «Пресса России»: 40705

Главный редактор журнала:
доктор педагогических наук, профессор
Степченко Т.А.

Адрес учредителя:
ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского»
241036, г. Брянск, Бежицкая, 14.

Адрес редакции и издателя:
РИО ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского»
241036, г. Брянск, Бежицкая, 20.

Адрес типографии:
241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, 20

Подписано в печать: 21.12.2017.
Дата выхода журнала в свет: 25.12.2017.
Формат 60x84/8. Печать на ризографе. Бумага офсетная.
Усл. п.л. 43,25. Тираж 500 экз. Свободная цена. **16+**